

18+

О. Виноградова
Якобинец

Ольга Юрьевна Виноградова Якобинец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45063236

SelfPub; 2019

Аннотация

О французской революции конца 18 века. Трое молодых друзей-республиканцев в августе 1792 отправляются покорять Париж. О любви, возникшей вопреки всему: он – якобинец , "человек Робеспьера", она – дворянка из семьи роялистов, верных трону Бурбонов.

Санлис июль 1780 года

«На этого знаменитого мученика во имя Равенства так много клеветали, что долг каждого честного патриота восстановить добрую память о нём.»

(Ф.Буонарроти (1761-1837) по поводу восстановления исторической справедливости в отношении М.Робеспьера)

По пыльной неровной дороге Санлиса на невысказанной скорости неслась карета, украшенная фамильным гербом маркизов де Белланже. Казалось, его сиятельству даже нравилось наблюдать, как худые, скверно одетые люди в деревянных сабо.. эта грязная чернь... буквально рассыпались с дороги, уворачиваясь от копыт его дорогих арабских лошадей.

Кучер гнал так, словно преследовал опасного врага... Это было не внове, у знатных людей имелась привычка мчать на бешеной скорости по узким улочкам, давя и калеча людей, которым некуда было даже отступить.. Это было обычным явлением. На жалобы пострадавших, даже если те имели дерзость их заявить, никто ровно не обращал внимания. Кто все они? Нищие, сброд!

Но вот на крутом повороте, карета, вылетев из-за угла, на что-то мягко наскочила колесом, раздались безумные крики, горячие чистокровные лошади захрипели и встали на дыбы..

Кажется, если бы не это досадное обстоятельство, господин маркиз и не позволил бы кучеру остановиться. Чаще бывало иначе, карета не снижая скорости, покидала место про-

исшествия, оставляя на земле искалеченную жертву..

– Что на этот раз?, – холодно поинтересовался маркиз, услышав страшный женский плач и крик, более похожий на звериный вой. Вой не прекращался, резал слух. Лишь тогда он счел нужным выглянуть в окно кареты. Женщина сидела прямо на земле, прижимая к груди окровавленное тельце..

– Так случилось, не извольте гневаться... ребёнок!, – робко кланяясь, подошел к карете худой человек, свою помятую шляпу он держал в руке.

– Убили!, – с диким криком поднялся из пыли другой человек, возможно отец ребенка, но маркизу это было вполне безразлично, он лишь невольно схватился за шпагу, смутно почувствовав угрозу. Но всё было спокойно.. как всегда. Маркиз молча оглядел толпу.. Что ж, эти скоты ко всему привыкли...

Крик вырвался у них лишь в первую минуту, а теперь все стояли, молча, опустив глаза..

– Удивительное дело, отчего вы все время путаетесь под ногами.. Пьер, проверь, не испортили они мне лошадей. А тебе.. вот, – через окно кареты упала в пыль, небрежно брошенная женщине золотая монета, – ну что, бездельник, лошади в порядке, можем ехать! Мы и так потеряли массу времени!

Он уже небрежно откинулся на подушки, когда прямо в окно кареты пулей влетела золотая монета. Кровь бросилась Белланже в лицо:

– Кто посмел? Наглые собаки!

Перегнувшись из окна экипажа Белланже тяжелым цепким взглядом изучал серую, неизменно покорную толпу местных жителей.. В мыслях мельнуло: «Крысы.. повывлезали из своих нор..Кажется, не посмеют и в мыслях..Так кто же...»

Мертвого малыша и убитых горем родителей уже не было видно, но собралось некоторое количество мужчин.. Рука снова невольно потянулась к эфесу..

Они смотрели на карету опасливо и хмуро, если вообще позволяли себе поднять глаза..стояли, привычно согнув плечи..

Бросалась в глаза лишь подчеркнуто прямая высокая фигурка черноволосого подростка лет 14 с окаменевшим лицом, его темные сузившиеся глаза внимательно изучали Белланже безо всякой почтительности.. Дерзкий щенок.. достоинство маркиза было выше подобных мелочей.. Он задернул шторку и уверенно крикнул кучеру:

– Пошёл!

За руку подростка уцепилась бледная женщина с искаженным от горя лицом:

– Убийца...убийца... ему было всего шесть лет, Норбер.. а он.. монету.. это цена жизни моего ребенка?! Будет ли конец его преступлениям...

При этих словах все одновременно вспомнили о Мари, молоденькой служанке, изнасилованной веселящейся золо-

той молодежью во главе с самим Белланже... И что? Кто же рискнет обвинить высокородного господина и ради чего? Ради маленькой простолюдинки?.. Да мало ли их таких,... что же будет, если все.. оборванцы начнут предъявлять претензии?

В таких случаях аристократы острили: «Мы оказываем вам честь, добавляя немного голубой крови вашим детям...» Девушка сошла с ума...И вскоре умерла...

Эта девушка была старшей дочерью этой самой женщины, теперь потерявшей и второго ребенка, вдова Арман...

На несчастную женщину опасливо зашикали соседи, совсем обезумела от горя, потеряла всякий страх, а ведь стоит побережься, надо как-то жить, у нее остался еще один сын, 12-летний Жак, товарищ Норбера...

Норбер с расширенными остановившимися зрачками повернулся к женщине:

– Скоро Судный день... Они за всё заплатят, поверьте, за всё, тётушка Жанетта... Не один маркиз... Все они... эти господа... Все...И у нас тоже не найдется ни капли жалости...

Но оставалось ждать ещё 9 лет...

Санлис май 1783 года

День, когда юный идеалист, опрометчиво решил отправиться в прокуратуру, Норбер запомнил хорошо. Счастье, что прямо в здании, его перехватил нотариус Дюбуа, отец

друга Филиппа. Дюбуа пришел в ужас, узнав о намерении Норбера.

– Мальчик, ты ничем не сможешь помочь вдове Арман и своему товарищу, но себя погубишь.. нет, решительно, нет, ты туда не пойдешь.. забудь!

– Но как же так, месье Дюбуа, неужели мы совсем бессильны?! Это отвратительно! Как же так?! Вы сами рассказывали мне про некоторых современных адвокатов, которые берутся защищать таких, как мы..и выигрывают! Месье Дюпати из Бордо или месье Робеспьер из Арраса.. Это настоящие люди, справедливые, бесстрашные и благородные...

– Не сходи с ума, Норбер, среди местных адвокатов подобных я не знаю, никто не выступит против дворянина в пользу изнасилованной служанки или случайно сбитого каретой мальчика... Это конечно крайне несправедливо, но такова жизнь...

А на ступенях Норбер столкнулся с виновником своего бессильного гнева. Маркиз смерил подростка слегка удивленным, недоверчивым взглядом и подозрительно сузил глаза:

– Эй, парень, ты что же, на меня жаловаться ходил?, – тон вежливо-зловещий...

Норбер сжал кулаки и обжег его бешеным взглядом:

– На всех вас надо жаловаться, да некому!

Лишь ловкость позволила ему ускользнуть от сильного пинка.

Господин де Белланже, сверкая горящими глазами, схватился за шпагу. Дюбуа, озабоченный крутым поворотом событий, умоляюще выставил вперед руки:

– Господин маркиз, ради Бога... очень молод, совсем мальчишка, господин маркиз!

Белланже резко обернулся к нотариусу:

– Мальчишка?! Какой он к дьяволу мальчишка! Мелкий подстрекатель и нарушитель общественного порядка! Болтаться ему когда-нибудь на виселице, помяните мое слово, Дюбуа! Он еще заставит всех нас раскаяться в нашем добросердечии и терпимости...

Годы между взятием Бастилии и штурмом Тюильри
Май 1789 года.

23-летний Норбер Куаньяр уже работал в нотариальной конторе. Сын сапожника, он учился не в студенческой аудитории, а самостоятельно под руководством господина Дюбуа, отца своего давнего друга Филиппа, который в это самое время, учился на юридическом факультете в Париже.

Под впечатлением событий в Париже его старший брат Франсуа Куаньяр в ноябре 1789 стал председателем местного патриотического клуба.

Норбер и его товарищи Филипп Дюбуа, Пьер Жюсом и Жак Арман стали активными пропагандистами новых идей среди молодёжи Санлиса.

В первый год революции посетила Норбера и первая любовь. Ее объектом стала 19-летняя племянница графа де

Бресси, год назад покинувшая стены пансиона. Луиза Мари Флоранс де Масийяк, изящное золотоволосое создание с большими грустными глазами. Девушка была для него сказочной мечтой, у которой нет никаких шансов стать явью.

Норбер наблюдал за ее прогулками на расстоянии, стоя у решетки сада, девушка тогда едва ли замечала его. К чему юной аристократке замечать плебея, хуже того, революционера, сколь бы он ни был умен, энергичен, неплохо образован и наконец, внешне привлекателен, в последнем пункте многие девушки Санлиса были единогласны, хотя и несколько обижены, ни одной из них он не отдавал явного предпочтения.

Санлис. Сентябрь 1789 года. Контора нотариуса Дюбуа.

–Ах, Норбер, зачем вы ввязались в эту безумную борьбу! И мой Филипп туда же... герой Бастилии, прости Господи,... третьего дня привез из Парижа газету... как же её название, и сколько их развелось, вот же, вспомнил, «Друг народа»...почитал я её, подумал, и говорю вам, бросьте всё это, добром это не кончится для вас! Мы с вами простые люди, что от нас может зависеть, что мы в состоянии требовать от власти? Все карты в руках людей сильных, знатных и богатых, что ты и твои друзья могут против того же маркиза Белланже? Поверь и не злись, но ровно ничего. Только погибнете напрасно! Всё может было бы иначе, будь твой отец банкиром или крупным фабрикантом,... но и тогда не факт...», – мэтр с сомнением покачал головой, – совсем не

факт.

Подобные разговоры между Дюбуа, Филиппом и друзьями сына возникали уже не впервые, с тех пор, как оба они вступили в патриотический клуб Санлиса.

Норбер лишь беззаботно улыбался, слушая старика Дюбуа, он консервативен, осторожный и ворчливый скептик, как многие люди его лет. Его собственное положение скромно, но очень стабильно, уже поэтому он боится любых перемен, пусть плохо, но привычно, и всё же, у него доброе сердце.

Без его участия Куаньяра ждала бы незавидная жизнь малограмотного чернорабочего без будущего, без малейших перспектив.

Дюбуа встретил мягкий взгляд спокойных глаз юноши:

– Дело, которому мы посвятили себя, благородное, святое дело. Я избрал свой путь и не сверну с него никогда. Думаю и Филипп скажет вам тоже самое. Дорогой мэтр, наша судьба зависит сейчас оттого, будем мы все активными участниками великих событий или пассивно предоставим господам решить всё так, как удобно им, именно сейчас, у нас есть все шансы, и упустить их было бы чудовищным преступлением! Надо вырвать у них эти самые карты! Как? Неважно! Разве вы не понимаете, что свободу раб может добыть лишь с оружием в руках, её не вымалывают, как подачку, стоя на коленях, она не шуба, милостиво брошенная с барского плеча!

– Норбер, мальчик, ты и твои друзья ослеплены нена-

вистью к маркизу Белланже и его компании, пусть она сто раз справедлива, но вы не предвидите потоков человеческой крови, которая прольется по вашему слову! Грешно возмущать мирных и верноподданных людей против существующего порядка! Ищите иных путей!

– Иного пути не существует, месье. Не обманывайте себя. Повода же говорить о потоках крови, мэтр, я пока не вижу, но если привилегированные и дальше будут сопротивляться Национальному Собранию, как сейчас, всё вероятно, и мы не отступим перед соображениями фальшивой сентиментальности! Аристократы сами первые объявили войну народу и веками обращались с нами, как завоеватели с побежденным племенем, и сейчас с самого созыва Собрания пытались уничтожить всякую его самостоятельность, и только решительность парижан 14 июля сорвала жестокие планы Двора!

Тёмные глаза молодого человека блестели искренней, дикой страстью, тем более удивительной на почти неподвижном, как маска лице:

– Дорогой мэтр, этот самый «порядок», судьба которого вас беспокоит, умерщвляет не только тела с помощью голода и рабского труда, но и разум, и душу народа подобными проповедями скотской безропотности и покорности! Нет власти еще не от Бога? Но клянусь, аристократов послала на наши головы скорее дьявольская канцелярия! Раб да повинуется господину своему?

Это ли не надругательство над человеческим достоин-

ством! Месье Дюбуа!, – Норбер словно извиняясь за резкость, прижал руки к груди, – я уважаю ваш преклонный возраст, помню всё, что вы для меня сделали, и совсем не хотел обидеть...

Дюбуа по-отечески положил руки на плечи Куаньяра:

– Знаю, знаю, и все же мне кажется, вы увлечены, а стало быть, можете быть обмануты своекорыстными и высокопоставленными людьми, которые используют происходящее в своих узких интересах. По совести, все эти дворяне-либералы не вызывают никакого доверия, чего хотят на самом деле герцог Орлеанский, Лозен, Ларошфуко и прочие, кто их знает, но с народом им уж точно не по пути... Есть мнение, что это движение..., – он понизил голос, – масонский заговор против монархии.

Норбер смотрел на нотариуса внимательно и серьезно:

– Лично у меня они также не вызывают доверия. Вы знаете, я сын сапожника, мы с братом выросли в бедности, поэтому нужды и проблемы народа это мои личные нужды и проблемы. Масоны? Вас это удивляет?

Любой революции нужна организация, тем она радикально отличается от стихийных народных бунтов, обреченных на поражение... Но удержат ли они ситуацию под контролем? Вряд ли, люди учатся мыслить, осознавать собственные интересы, прямо по ходу возникают новые организации внутри прежней... Но хватит об этом.

Месье Дюбуа, я лишен роскоши наблюдать за жизнью на-

рода со стороны, тем более, из положения сверху вниз, сидя в «башне из слоновой кости». С самого начала жизнь сложилась так, что в свои двадцать три года я чужд романтических иллюзий и наивной восторженности, которые отчего-то считают свойственными молодости.

Я вижу ситуацию масштабно и дело совсем не в личной вражде между мной и де Белланже, как вы думаете. Я принципиальный враг всем Белланже, как они сами враги всей французской нации.

Нотариус протестующе вскинул руки:

– Но, Норбер, ведь так можно договориться до самого немыслимого, до самого страшного! Расписавшись в ненависти к дворянству, как классу, ты не сможешь со временем не покуситься и на прерогативы Трона, ведь король есть первый дворянин Франции!

– У вас отлично развито логическое мышление, мэтр!, – сердце Норбера тревожно стукнуло и провалилось куда-то, нервно облизнул губы, ни он сам, ни его товарищи совершенно еще не думали о подобном, – так далеко не заходит никто из нас. Надеюсь все же, вы не склонны считать, что закон наследования власти, исходящий от умерших королей может быть священнее христианских заповедей, которые придворная знать и верные слуги короля нарушают с чувством права?

Дюбуа задумчиво выдержал небольшую паузу:

– Мы не можем знать своего будущего, но обязаны знать

свой долг!

В ответ Норбер лишь торжественно наклонил черноволовую голову. Согласен, но всё же, к чему клонит мэтр?

А Дюбуа продолжал:

– Я не настолько консервативен, как ты думаешь. Скажу так, если призвав на помощь разум, действуя взвешенно и справедливо, не поддаваясь раздражению, злобе и ненависти, объединив усилия, депутаты от всех сословий сумеют достигнуть желаемых целей, избавить страну от злоупотреблений чиновников, поднять рухнувшую экономику, то стяжают себе неувядаемую славу. Но если насилиями, жестокостью и возбуждением народных страстей святое дело превратится в дело мести, то борьба за права человека окажется запятнана. Тогда и победа и поражение окажутся, одинаково печальны!

Норбер был крайне удивлен, но заставил себя воздержаться от резких замечаний, уже готовых сорваться с его губ. Не он сам, которому слегка за двадцать, а пожилой человек пятидесяти с лишним лет, сидящий перед ним, демонстрировал политическую наивность и даже в некотором роде идеализм!

Что мэтр себе представляет? Элизиум с молочными реками и кисельными берегами?! Братство хищников и травоядных? Чтобы такие феодальные монстры, как де Белланже, де Ласи, искренне подали ему руку? Казалось бы, умный человек, всё видит, но при этом ничего не понимает! И что ху-

же всего, таких людей немало. Как раз не мы, они идеалисты, далекие от реальной жизни! Эти добродушные, неглупые, но сентиментальные люди еще станут воздавать проблемы. Они, как и все, страдают от высокомерия и бесчеловечности дворянской власти, не хотят, чтобы их эксплуатировали и в дальнейшем, но при этом считают сопротивление грехом и жестокостью! И среди них бедный месье Дюбуа?! Отчего-то ему вдруг стало жаль человека, всегда относившегося к нему, как к сыну. Поздно ему переучиваться, и тут же невольно подумалось, что Марат ведь тоже не из молодёжи...

– Что же ты замолчал, Норбер или тебе нечего сказать?, – Дюбуа был доволен, ему казалось, что он сумел «открыть глаза» этому упрямому юноше. Но он ошибся. Куаньяр невозмутимо возразил:

– Не пойму, мэтр, о каких насилиях вы говорите, о каком возбуждении народных страстей? От людей, чьи убеждения схожи с вашими, я это слышу не впервые

– Как?! Разве в Париже люди не бунтовали, не захватили Арсенал, не брали штурмом Бастилию и не убили её коменданта? Разве все эти агитаторы, Марат, Демулен, Лустало и прочие, не преднамеренно мешают народу успокоиться? Что ты можешь мне ответить на это, дружок?!

Услышав эти немыслимо наивные доводы, Норбер добродушно усмехнулся:

– Месье Дюбуа, не обижайтесь, но сейчас вы повторяете излюбленные байки аристократов! Вы что же, действительно

не знаете, хотя бы со слов Филиппа, участника событий, что столицу накануне 14 июля окружили верные королю полки, Парижу угрожала военная экзекуция, разгон Национального Собрания?

Именно поэтому люди захватили Арсенал, а комендант Бастилии первым отдал приказ стрелять в народ. Мэтр, наш народ, увы, невежествен, отличается доверчивостью и легковерием, таким был бы и я, и мой брат, если бы не ваша доброта и забота, я всегда помню об этом.

А те, кого вы с таким пренебрежением называли «агитаторы», о, эти люди дороже для нас сейчас, чем всё золото Перу, не дают нам «заснуть» и стать легкой жертвой партии Двора, бесстрашно разоблачают интриги аристократии. Но для чего я все это говорю, к чему мы спорим, все равно каждый из нас останется при своем мнении, впрочем, как всегда, – Куаньяр беззаботно пожал плечами.

– Кстати, недавно узнал, что ты, Жюсом и Арман зачастили к одному из наших соседей, старому солдату Брике... К чему тебе, будущему нотариусу, человеку мирной профессии, умение владеть саблей и метко стрелять? Что вы затеяли, ребята? Меня это очень беспокоит...

– Считаю, что любому мужчине, даже человеку мирной профессии необходимо иметь эти навыки. Это, во-первых. А во-вторых... кто знает, что всех нас ждет. Дворян с детства учат владеть шпагой, так и мы не должны быть беззащитны, как овцы.

Дюбуа слушал молодого человека недоверчиво и наконец, махнул рукой:

– Ты такой же упрямец, как мой сын и этот... третий ваш товарищ, этот бешеный Жако...сын покойной вдовы Арман, с ним вовсе говорить невозможно, по-моему, этот и сам кого угодно повесит на фонаре своими руками!, – при новой мысли губы нотариуса расплзлись в усмешке, – знаешь ли, кого совершенно невозможно переспорить? Иезуитов и революционеров! А ты, парень, как раз из числа этих последних. Впрочем, как и мой Филипп – и, взглянув на часы, – ну, дружок, довольно споров, время обеда! Выходи же, мы закрывается!

Норбер проводил долгим, задумчивым взглядом карету с гербом графа де Бресси, видимо, не сумев вовремя подавить выражение мечтательной грусти. Чем же можно привлечь внимание мадемуазель, заинтересовать девушку, не задев ее аристократической гордости, не вызвав пренебрежения, как отыскать такие слова, которые сумеют хоть немного тронуть сердце Луизы де Масийяк?

Это не укрылось от внимательных глаз Этьена Дюбуа. Он бросил как-бы невзначай:

– Вчера Филипп снова застал тебя шляющимся около решёток сада господина де Бресси...

Смуглое лицо юноши вдруг покрылось красными пятнами:

– Я не шлялся, как вы изволили выразиться, я ждал Жю-

сома. Мы договорились встретиться именно там...

– Да, конечно..., – Дюбуа насмешливо кивнул, – но бойся примелькаться графу на своем «посту», он хоть и добрый человек, а все же до мозга костей дворянин...

Норбер нахмурился:

– Я не сделал ровно ничего дурного, мэтр, только стоял у решетки сада» и про себя с грустью: она всё равно не замечает меня.

Нотариус вздохнул:

– У господина графа может оказаться другое мнение, если он решит, что ты наблюдаешь за его благородной племянницей. Мне известен печальный прецедент времен моей молодости, когда отец девушки приказал своим слугам избить палками дерзкого простолюдина, осмелившегося поднять глаза на его дочь, слуги переусердствовали и несчастный юноша умер... И хотя де Бресси совсем не зверь, кто знает, как отреагирует его аристократическая гордость...

Чёрные глаза Норбера потускнели и потухли, но лишь на секунды, но когда его взгляд обратился к Дюбуа, мэтр снова увидел в нём огонёк дерзкой непокорности и понял, что предупреждение было напрасным.

Дюбуа решил изменить тему, обратившись к достопримечательностям древнего маленького Санлиса:

– Нам тоже есть чем гордиться, дружок! Ты же знаешь, наш город был первой столицей французских королей еще до Парижа!

Зря он это сказал. Темные глаза юноши задумчиво сузились, с губ коротко сорвалось:

– Да. А Париж станет столицей последнего короля Франции!

Старый Дюбуа побледнел и в ужасе взглянул на него.

А в марте 1792 года Франсуа Жозеф Куаньяр, председатель якобинцев Санлиса был жестоко убит роялистами в своем собственном доме вместе с 8-летним сыном и беременной женой. С их смертью Норбер остался совершенно один.

Юноша замкнулся в себе окончательно, только друзья детства Пьер и Филипп и отчасти сын вдовы Арман нарушали его суровое одиночество, и с головой ушел в политическую жизнь. Танцы, флирт с девушками, все свойственные возрасту увлечения подчёркнуто не интересовали его.

Так как его влияние в клубе и раньше почти не уступало влиянию старшего брата, вскоре он принимает должность председателя.

25 июня 1792 года...

Возбужденная толпа санкюлотов окружила карету, в которой направлялась в гости в имение маркиза де Белланже 22-летняя племянница графа де Бресси, рядом с ней сидела её подруга, кузина маркиза Жюстина де Габрийяк.

В помещение клуба рысью вбежал Дюбуа:

– Ты ждешь их на собрание, а они сейчас порвут в клочки и племянницу де Бресси и ее подружку! Что случилось? Их кучер ударил кнутом одного из нас.. Андрэ Лувэ, рабочего с

мануфактуры.. который третьего дня стал членом клуба, ударил, заставляя убраться с дороги, других их карета обрызгала грязью, господа не любят тормозить... Жак Арман взбеленился сам и своей дикой страстью заразил других... всех прорвало.. и то верно, людям надоело терпеть скотское обращение! Но ведь аристократы опять станут трещать, что зверская чернь «беспричинно».. как всегда.. напала на них.. добрых, безвинных и благородных!

– Черт побери!, – Норбер слегка побледнел, – что за африканский темперамент у Армана! Я иду, Филипп, тут главное не опоздать.. Что за люди! Разве девушки приказали кучеру ударить Лувэ? Уверен, что это не так.. Ловите Белланже или любого другого аристократа, тут я и слова не скажу, с места не сдвинусь!

– Африканский темперамент?, – Филипп рассмеялся, – а знаешь, что ты в глазах наших местных «умеренных» не менее фанатик Революции, чем Арман? Только по мне ты куда более интересный и редкий сплав души идеалиста, притаившейся за безупречной логикой и маской холодного бесстрастия. Большинство считают тебя личностью жестокой и неспособной на чувство в принципе! Знаешь об этом?

– И весь психологический этюд посвящен мне? Не пойму только, ты мне льстишь или пытаешься задеть за живое?», – губы Норбера дернулись в жёсткой усмешке, – но торопись же.. каждая минута дорога!

Девушек бледных от ужаса уже заставили выйти из каре-

ты и окружили санкюлоты, ругаясь и угрожая, когда среди шумной толпы появились три лидера местного клуба.

Норберу противостоял возбужденный Жак, сын вдовы Арман, возглавивший кричащих, крайне раздраженных людей.

– Успокойся и отправляйся в клуб, есть серьезные новости из Парижа, остальных это тоже касается, граждане, настоятельно призываю вас к порядку! Что с вами, мы же не звери и не разбойники, граждане!», – четкая речь Куаньяра сопровождалась слабыми, но выразительными жестами, – Лувэ, брат, уверен, ты еще получишь компенсацию за моральный ущерб и очень скоро! Жак, не провоцируй наших врагов именно сейчас! Они всё еще представляют реальную власть и намерены закрыть клуб, после чего без сомнения начнутся аресты! Жак, остынь, я не допущу погромов или снимаю с себя полномочия председателя! Кто с этим согласен? Никто? Отлично! Что ты собирался с ними сделать? Убить?!

В глазах Армана плескалась ненависть, он бешено закричал:

– Хоть бы и убить! Сколько можно молиться на них?! Ты слышал, что произошло в Париже три дня назад? И это только начало!

– Знаю, у тебя не меньше причин лично ненавидеть всех их, чем у меня..и я не встану у тебя на пути, если это касается Белланже и прочих. Но забудь об этом, не смей касаться

семьи де Бресси ни в каких обстоятельствах, никогда, на то есть причины, кто угодно, только не они, Жак, иначе я сам тебя убью! Если ты еще раз некстати взбеленишься, я решу, что ты провокатор!

Некоторое время они бешено мерили друг друга глазами, напрягшись и сжав кулаки, но всё же, хмурый и слегка растерянный Арман уступил, невольно подчинившись влиянию товарища детства. Норбер со своей холодной рассудочностью всегда брал над ним верх, при этом не выругавшись в три этажа и не заорав ни разу.

Норбер был несравнимо более образован, чем Жак, но именно в нём это качество не бесило Армана, а заставляло уважать и прислушиваться, он был своим, человеком из народа, соседом и товарищем детских игр.

Удивительное дело, отвлечь остальных людей удалось сравнительно легко. Из Парижа Норбер привез подробности о событиях 20 июня.. Но рассказывать об этом в тот день пришлось Жюсому и Дюбуа..

Лихо сдвинув на бок красный шерстяной колпак с кокардой, он обернулся к девушкам белым от ужаса как мел:

– Вы можете вернуться в карету, – Куаньяр сам открыл дверцу, – но я тоже поеду с вами.. сами понимаете, требование вашей безопасности..Fiez-vous a moi» (фр. «доверьтесь мне»)

Это было преувеличением, люди потеряли всю агрессивность и переключились на парижские новости.

Но это был шанс, редкий шанс, хоть немного приблизиться к мадемуазель де Масийяк. Все трое большую часть пути молчали, несколько раз Норбер пытался осторожно заговорить с девушками, но молодые аристократки пережили настоящий ужас от угрозы убийства, и теперь чувствовали сильнейшую скованность от самого факта близкого присутствия санкюлота, они молчали и бросали на него быстрые взгляды из-под полуопущенных ресниц. Он ясно видел сильное недоверие и страх в глазах племянницы де Бресси. Что ж, хорошо хоть ненависти не было в этих взглядах!

Жюли де Габрийяк сидела бледная, покусывая губы и сверкая зеленоватыми глазами, в которых сквозь страх и напряжение на секунды проглядывали злость и отвращение.

– Не бойтесь их, мадемуазель. Они задавлены нуждой, вечно унижены и голодны, грубы и безграмотны, но они тоже люди...

У самых ворот имения де Белланже Норбер откланялся со всей вежливостью, на которую только был способен и лишь скромно попросил позволения навестить её следующим утром, справиться о самочувствии мадемуазель.. Однако не отказала, отлично..

Только ее подруга, холодно выразив благодарность, заявила, что идея с визитом это уже лишнее, но ее мнение мало интересовало Норбера.

Тем же вечером он решил отправить в имение Белланже письмо на имя мадемуазель де Масийяк..

А вот следующее утро ему не забыть никогда. Его появление в гостиной маркиза Белланже вызвало целую бурю эмоций и все они были очень далеки от всякой благодарности.

Его встретили женская часть семейства, мать господина маркиза, надменно-игривая пожилая дама в духе двора Людовика XV, мрачная и настороженная кузина де Габрийяк, младшая сестра Каролина, красивая изящная девушка с холодными рысьими глазами, очень похожая на старшего брата, и его тётка Атенаис де Белланже, невзрачная особа с типичными манерами перезрелой девственницы, гордящейся этим фактом, как доказательством высочайшей нравственности. Любопытство и опасение были единственной основой их поведения.

– Присаживайтесь, любезный. Скажи, дорогая, – обратилась старшая дама к дочери, – ранее в эту гостиную и не ступала нога.. представителя народа. Что ж, мы отлично чувствуем дух нового времени.. Может вам предложить выпить? Кальвадос, сидр? А что обычно предлагают... в ваших кругах... мы не в курсе?..

Каролина де Белланже, сестра маркиза, обмахиваясь веером, искоса из под полуопущенных ресниц, изучала его, на ярких губах девушки змеилась насмешливая, полупрезрительная улыбка.

Смуглое лицо Куаньяра покрылось красными пятнами. Он медленно обвел взглядом всех присутствующих и чуть

дольше ловил взгляд мадемуазель де Габрийяк, но девушка опустила глаза. Что еще? Какая тонкая форма унижения.. Он снова поднялся и взялся за шляпу.

– Я всего лишь хотел увидеть мадемуазель де Масийяк. Совсем ненадолго. Кажется, в этом нет ничего дурного?

Жюстина де Габрийяк наконец сочла необходимым вмешаться:

– Вы спасли нас от взбешенной толпы... гражданин... мы благодарны вам, но... я еще вчера пыталась объяснить, что вам не стоит приходить сюда, уйдите... пока вас не застал здесь господин маркиз... Ну вот... поздно...

С появлением в гостиной самого маркиза обстановка совсем накалилась, Белланже и не собирался разыгрывать вежливость и терпимость, он резко опустил в кресло, закинув ногу на ногу и нервно постукивая стеком по сапогу, срывающимся от раздражения голосом спросил у матери:

– Это что?, – резко вытянув руку со стеком в сторону Куаньяра, – мадам, я хочу узнать, что это?! Как этот субъект оказался в нашей гостиной?! Кто его впустил?! Шарло!», – щелкнув пальцами, подозвал к себе пожилого человека в ливрее, – как ты мог впустить эту якобинскую змею в наш дом хотя бы на порог! Рабов в Вест-Индии за такие.. промахи порют кнутом!

Старик только почтительно кланялся и в страхе молчал. Похоже на то, что порядки Вест-Индии нередко практикова-

лись маркизом и на французской земле...

Маркиз нервным жестом налил вина и снова поднял глаза:

– Вы еще здесь, гражданин санкюлот? Я поражён вашим невозмутимым нахальством!

– Я хочу увидеть мадемуазель де Масийяк!», – тихо, но твердо повторил Норбер, опустив руку со шляпой – в этом нет ничего чрезвычайного, тем более неприличного.

Бледное лицо Белланже передернуло от ненависти, и Норбер услышал лишь сдавленное змеиное шипение:

– Убирайтесь, наглец! Мадемуазель уехала домой еще вчера вечером.. Я отлично понял причину вашего дьявольского нахальства! Вот!, – он торжествующе потряс сложенным вдвое листком, уверен она не успела прочесть, но милейший де Бресси должен с этим ознакомиться! И принять меры!

Норбер слегка побледнел от стыда и отвращения, поняв, что за письмом трясет перед ним Белланже.

– Мапан, тетушка, Каро! Это же настоящее признание в любви.. Ромео-якобинец.. Рыцарь Красного Колпака! Это было бы смешно, если бы не было так возмутительно! Я уверен, что он сам и подбил дружков напасть на карету, дабы предстать перед знатной дамой благородным спасителем!

Тетушка Атенаис решила наконец нарушить молчание:

– Ты прав, дорогой! В какое ужасное время мы живем! Чернь совсем забыла своё место!

Побледнев от гнева и возмущения Норбер неподвижно замер.

И помедлив минуту, Белланже со злобой запустил в Куаньяра пустым бокалом, будто в надоевшую собаку:

– Пошел вон!!!

Молодой человек остался неподвижен, лишь слегка отклонил голову, но хрупкий бокал все же попал в цель и разбился, с рассеченного виска потекла тоненькая струйка крови.. Маркиза встретил взгляд остановившихся в холодном бешенстве зрачков.

Не произнеся ни слова, не утерев кровь, механическим жестом Куаньяр надел шляпу, развернулся на каблуках и не оглядываясь вышел...

– Что вы делаете?! Зачем так?!» – услышал он за спиной гневный возглас Жюстины де Габрийяк, – он действительно спас нас с Луизой от озверелой толпы и теперь ваша дикая оскорбительная выходка может дорого обойтись всей нашей семье! В другой раз он пройдет мимо, хоть бы нас рубили в куски!

Лишь старая маркиза опасно зашептала сыну:

– Это безумие! Нас и так ненавидят здесь куда больше, чем прочих господ.. Он не обычный плебей, он председатель местных.. прости Господи.. патриотов.. они же теперь спалят имение и отрежут нам головы, как это происходило в Париже!

– Как вам не стыдно, тапан! Ненавидят? Прекрасно! Плебеи и не должны нас любить. Ненависть к высшим сослови-ям это дань невольного преклонения низших. Разве мы, бла-

городные люди уже не в состоянии защитить себя от этого дикого сброда?!

Роялисты и якобинцы Санлиса

Но чуть позднее, за столиком кафе «Селект» состоялась неофициальная встреча графа де Бресси, как представителя дворянства Санлиса и Куаньяра – председателя местных якобинцев. Местная аристократия была сильно озлоблена деятельностью товарищей Норбера, прошло меньше месяца после жестокого убийства его брата с семьей.

Де Бресси сам вызвался быть делегатом, он знал, что ни с кем иным из местных аристократов Куаньяр не станет встречаться. Злосчастное письмо незамедлительно было передано ему маркизом, убеждавшим родственника обратиться к своему другу, мэру, чтобы принять самые жестокие меры против «обнаглевших плебеев» Санлиса, а заодно уничтожить и этого «зловредного бунтовщика» и его товарищей...

Дворянин нового типа, скорее интеллигент, чем феодал, он не вызывал у Куаньяра тех эмоций, какие вызывали у него собратья графа по классу.

Первым делом Бресси счел необходимым выразить соболезнование по поводу смерти его родственников. Куаньяр метнул на графа холодно-недоверчивый взгляд и слегка наклонил голову:

– Разве не «сливки» местного общества к этому причастны? И первый подозреваемый ваш родственник Белланже.

Де Бресси выдержал этот жестокий упрек, не отводя глаз:

– Во всяком случае, моя совесть чиста. Я хочу поговорить с вами и не столько от имени пославших меня, но и просто как человек, месть Куаньяр.

Во-первых, примите мою искреннюю благодарность, моя Луиза жива благодаря вам и вашему влиянию на местных санкюлотов, сирота с детства, она мне, как дочь...» – де Бресси через столик протянул якобинцу руку. С трудом преодолев недоверие, Куаньяр осторожно сжал её.

– Но хватит о личном, к делу. Против вас в любой момент может быть выдвинуто обвинение в опасной агитации против существующего порядка и священной особы короля, надеюсь, вы осознаете, что это крайне тяжелое обвинение», – де Бресси поднял бокал вина и сделал глоток, не отрывая глаз от бледного напряженного лица молодого собеседника.

Республиканец сузил усталые темные глаза с покрасневшими белками:

–Обвиняют меня «заклятые друзья», маркиз де Белланже, виконт де Ласи и Ко, все «сливки» местного общества, – жесткий смех прервал его слова, – а впрочем на поверхности плавают не только сливки, но и дерьмо...

Граф невозмутимо поправил пышный кисейный галстук и принялся за бифштекс, по его лицу было сложно понять, что он думает:

– Знаете ли, из здешнего высшего общества я один обладаю способностью спокойно говорить с людьми подобными вам. Знаю, Белланже и другие сразу перешли бы к оскорб-

лениям и угрозам, – Бресси прижал вилкой кусочек жареного мяса, – скажу честно, мне интересны вы и тот тип людей, который вы представляете.

Встретив вопросительный взгляд красных глаз, вытер губы салфеткой и пояснил:

– Я имел в виду яacobинцев. К ним я испытываю болезненное, наверное, извращенное любопытство.

Куаньяр пожал плечами и убрал со лба отросшие черные волосы:

– Чем же мы отличаемся от других людей, господин граф, разве тем, что не желаем стоять перед вашим сословием на коленях, и четко знаем, чего хотим в этой жизни?

Бресси не нашелся, что ответить:

– Я процитирую слова Белланже: «Похоже на то, что вы решили изучать их, как энтомолог изучает повадки и образ жизни скорпионов», так сказал Белланже, – словно извиняясь, поправился он, – но далее он сказал следующее «вы еще убедитесь, Этьен, что они отнюдь не безобидные болтуны-идеалисты...», впрочем, я невольно отклонился от темы...

Администрация делает все возможное для пресечения печатного вздора. И что же? Благодаря усилиям ваших товарищей всё напрасно! Выслушайте меня, месье Куаньяр без замечаний, если нетрудно.

Я не против свободы печати, отнюдь, но то, что вы... они... пишут, это переходит разумные границы, за которыми... прямые оскорбления коронованных особ и опасные

принципы, разрушающие самый институт монархии! Я не могу оставить эту деятельность без последствий... Это не угрозы... я не желаю вам зла, это честное предупреждение... Местное высшее общество и мэр настроены крайне серьезно...

– Что ж, благодарю за честное предупреждение... А что касается болтунов-идеалистов, то, как известно, «сначала было Слово», – бесцветно процитировал Библию Куаньяр, – но за ним следует и Дело, в этом Белланже прав, мы отнюдь не мечтатели-болтуны, но признаться, я думал, что у нас деловая встреча, а не частная беседа. Что касается семейства Белланже, то у меня о них чудесные воспоминания. Могу поделиться. Мне было 16 лет, когда Белланже с компанией «золотой молодежи» на улице Гренель загнали меня в тупик и стали забрасывать пустыми бутылками. От бутылок я еще мог уворачиваться какое-то время, но разлетающиеся о стену за моей спиной осколки посекали меня тогда сильно... молодые господа очень веселились,... июль 1782 года...

Повисло неловкое молчание. Тонкое умное лицо де Бресси стало мрачным:

– И что же было дальше? – хотя и знал ответ собеседника наверняка.

– А что ему будет? Он же делал благое дело, учил дерзкого плебея подобающим существом низшей расы манерам, этим он занят и по сей день.. – Куаньяр мрачно и насмешливо улыбнулся в лицо сиятельному собеседнику: « Не выучи-

ли! Я оказался скверным учеником! За что недавно он меня осчастливил метанием бокала..Так что, это происходит не первый раз.. это можно сказать уже традиция! – смех получился натянутым и жёстким.

Наткнувшись на удивленный взгляд графа, вынужден был коротко рассказать об инциденте в особняке Белланже, умолчав, впрочем, о своем письме племяннице де Бресси, из-за которого случился скандал.

Лицо де Бресси покрылось красными пятнами, он явно почувствовал стыд за выходку родственника.

– Честное слово.. у меня нет слов, настолько.. что хотелось бы извиниться вместо него. Отлично знаю его характер, высокомерен, груб и несдержан, но не до такой же степени...

И снова решил вернуться к теме, ради которой и состоялась эта встреча:

– В последнее время я перестал уже понимать, кто же у нас реальная власть? Администрация во главе с мэром Лекоком или ваш клуб во главе с вами, Куаньяр?!

Насмешливо улыбаясь, Норбер взглянул графу прямо в глаза:

– Лекок возглавляет местную администрацию, а я революцию в этом департаменте. Вы должны научиться считаться с нами, вам придется этому научиться, господин граф...

Некоторое время де Бресси молчал, откинувшись на спинку стула.

– До сих пор не понимаю, как вам удалось так надавить

на Лекока, что он согласился на созыв милиции по принципу народного ополчения! Вооружить санкюлотов в текущих обстоятельствах, это настоящее безумие!

– Отчего же? Эти люди воспользуются оружием только ради устранения беспорядков, ради общественного спасения и ни в каких иных случаях...

– Вид длинноволосых парней с мрачными физиономиями, в красных колпаках с ружьями и пиками вряд ли способен успокоить, мало они напоминают стражей порядка...

– Ну, это смотря по тому, какого порядка, господин граф. Учитывая мое происхождение, я и сам стопроцентный санкюлот.

Де Бресси мрачно рассматривал Куаньяра и медленно произнес:

– Вы опасный и непонятный мне человек... удивительнее же то, что я не чувствую к вам ненависти и не желаю вам зла, что было бы естественно...

– Что ж, у меня к вам также нет ненависти и желания причинить зло, господин граф, если это вас успокоит,... и тоже не знаю этому объяснения...

– Куаньяр, от лица администрации и.. других влиятельных людей города готов уверить вас... в неприкосновенности вашего клуба, вы можете не опасаться ни арестов, ни погромов... Вам нет необходимости держать людей «под ружьем»... Баррикад на улицах, как было в Париже мы не допустим. Именно ради общественного спокойствия я уполно-

мочен предложить вам...

– Распустить милицию? Это невозможно. К тому же у нас нет ни малейших оснований доверять слову Лекока и представителей нашего бомонда... Вы, один из редких в своем обществе людей, которого я уважаю и чьему слову мог бы поверить. Но большинство из них не станет соблюдать слово данное простолюдинам, тем более ненавистным им якобинцам. Вспомните судьбу моего брата, как, активно, по-вашему, ищут убийц?! Или сказать по чести, вообще не ищут... А зачем? Чтобы найти одного из своих? А что касается баррикад, тут своя логика, она предельно проста, будет насилие в отношении патриотов, ... в отношении простых жителей Санлиса... будут и баррикады... Вам понятна моя мысль, господин граф? Я тоже не угрожаю вам и тем, кто вас послал, я тоже предупреждаю...

Де Бресси нервно передернуло.

– Молодой человек, не надо говорить со мной в тоне Марата..., – в голосе зазвучали властные, холодные нотки. Он отчего-то чувствовал себя задетым.

– Вы читаете его газету?», – тон самого Норбера против воли стал очень резким, – если нет, то почему говорите о том, чего не понимаете?

Де Бресси решил сделать последнюю попытку:

– Куаньяр... дворянам претит подобное положение в городе, и усиливающаяся власть вашего клуба вызывает у них страх и ненависть, потребность защищаться...

– Тем хуже для них, господин граф, пусть учатся считаться с нами. Мы не отбросы, мы не чернь, не быдло – мы представители народа Франции.

Они уже встали из-за стола, когда граф де Бресси опустил руку на плечо молодого человека:

– А теперь выслушайте меня молча. Это уже совсем личное... На днях моя племянница получила цветы и записку от... анонимного поклонника..., нет-нет, выслушайте меня молча. Я уважаю эту таинственную личность, но при случае попросил бы этого человека держаться на расстоянии от Луизы де Масийяк. Видите-ли, можно быть умным, интересным человеком, достойным уважения, но все же Луиза и .. этот господин Икс из разных миров, которым никогда не пересечься, ну в общем я сказал все, что хотел сказать. Глупо и жестоко наказывать за мечту, но мечта обречена оставаться фантазией и не надо пытаться ее реализовать, касается ли она мира чувств или общественных отношений. Двум мирам не пересечься, не стать единым целым

Куаньяр невольно отшатнулся от собеседника, и разом, потеряв голос, скорее прошептал холодеющими губами:

– Из разных миров? Мир он для всех один, господин граф, если при всем вашем уме это вам недоступно. Я не хочу, сударь, – добавил он резче, -чтобы нас видели вместе, это компрометирует обоих, всего доброго, господин граф.

Молодой человек развернулся на каблуках, и слегка пошатываясь, словно пьяный, направился к выходу.

А чуть позднее в самом конце июня 1792, Куаньяр стал свидетелем крайне интересного инцидента, Жак Арман ухитрился буквально выбросить из трактира нескольких молодых аристократов во главе с самим маркизом де Белланже...

Какие люди... практически местные «герои»... «любимцы публики»... молодой маркиз де Белланже, виконт де Ласи, граф де Вальмеранж и еще некоторые представители местной «золотой молодёжи», его обычные спутники, вся великосветская шайка в сборе.

Благородные насильники... безнаказанные убийцы в золоте и бархате... объект страха порядочных девушек и молодых женщин... объект затаённой, бессильной ненависти их отцов и матерей, мужей и братьев.

Изящные и грациозные, как крупные хищники, надменные и бессознательно жестокие, непоколебимо уверенные в своем праве и в своем «врожденном превосходстве». Увы, тип не из ряда вон в своем сословии, абсолютная власть и безнаказанность, как известно, и развращает абсолютно...

И с ними граф де Бресси, Норбер вздрогнул, хотя и помнил, что де Белланже его родственник, он всегда считал его очень порядочным человеком, которому совсем не место в такой компании...

Их появление на пороге было не совсем обычным, трактир дядюшки Жерома был скромным заведением для малоимущих бедняков.. но и местный «бомонд» иногда не избе-

гал этих стен, ради попоек, погромов и иных развлечений «золотой молодёжи».. кошмар для молоденьких служанок, замужних и незамужних.. Как же господа при этом острили? Ах, вот как: «Мы оказываем вам честь, добавляя голубой крови вашим детям!»

Шутки, смех, пьяные разговоры разом прекратились, длинноволосые, лохматые головы постоянных клиентов, как по команде повернулись в сторону аристократов. О чём все они думали в эту минуту? Догадаться совсем нетрудно. Настроения людей были написаны на хмурых лицах, ясно читались в недобро сужившихся глазах.

Явились, господа... Нас впустили бы в ваши дорогие рестораны разве с чёрного хода и то лишь в качестве прислуги! А мы должны покорно терпеть ваше присутствие здесь, уступать дорогу и ниже кланяться...

Но Белланже и его спутников это совершенно не смутило, он окинул быстрым презрительным взглядом бедно одетых, притихших людей и отвернулся к стойке.

А зря он был так невнимателен, здесь находились не только местные крестьяне, подённые рабочие и ремесленники, из тех забитых людей, которые еще не включились в общественную жизнь, но и члены местного революционного клуба, за дальними столиками сидела компания местных якобинцев, они внимательно наблюдали за незваными посетителями. Норбер и его товарищи уже чувствовали своё возросшее влияние, на их головах гордо красовались красные

колпаки с национальными кокардами...

Молчание прервал резкий голос Жака Армана:

– Дядюшка Жером!..

– Что тебе, Жак? Еще вина?

– Нет, я не о том, у тебя скромное, но приличное заведение!, – он медленно поднялся из-за стола, – ты допустил досадный промах!

– Что же не так, Жак, – трактирщик почувствовал себя между молотом и наковальней, с одной стороны важные господа, с другой – представители революционной общественности – якобинцы, было видно, что люди настроены жёстко и решительно, ведь по их виду заметно, аристократы здесь также уместны, как скорпионы в тарелке с супом.

Лишь одно грубое замечание с той или иной стороны и взрыв ненависти неминуем. Ну и как ему при этом уберечь заведение от погрома?

– ..Господа.. граждане..!, – он чувствовал себя также уютно, как грешник на сковородке, – ради Бога!»

– Это что? Жером, что это?!, – Арман резко вскинул руку, указывая прямо на маркиза, – в следующий раз обязательно повесь над дверью табличку: «Только для санкюлотов, только для народа!»

Кроме ненавистного врага он не видел более ничего ..сейчас его звездный час, о чём несколько лет назад можно было только мечтать.

Услышав эту фразу, сидевший рядом Куаньяр вдруг пере-

думал останавливать его. Норбер расслабился, пусть проклятый аристократ услышит в свой адрес всё то, что выслушал он сам в его гостеприимном доме... пусть впервые в жизни услышит такое в свой адрес..

– Кто тьякает?! Какая собака подает здесь голос?!, – де Белланже резко развернулся к залу.

– Остановитесь, прошу вас!, – де Бресси резко повернулся к Белланже, но его не слушали обе стороны.

– С тобой разговаривает, а точнее оказывает тебе честь, член патриотического общества Санлиса, Жак Арман! – если можно было бы убивать взглядом, маркиз и его спутники были бы уже мертвы.

– Славное.. плебейское имечко!, – брезгливо фыркнул самый молодой из спутников маркиза. Вспомнив видимо о том, что умершая сестра Армана служила горничной в имении де Белланже, а мать была в этом доме посудомойкой... до того как молодой маркиз с гостями, «развлеклись» с её дочерью.

– Звери повылезали из своих грязных нор и кажется, научились говорить и до чего нагло! Господа, мы просто обязаны наказать этих хамов!

– В моем роду, сударь.. по крайней мере, не было насильников и убийц, мы не укрывались от возмездия «происхождением предков», с меня этого довольно!,- низкое рычание Армана резало слух.. Неужели ненависть и жажда мести имеют особый запах?, все ощущали разлитое в воздухе

нечто..этим был пропитан сам воздух..

Белланже сразу принял это на свой счет и не зря, совсем не зря...

Маркиз по-бычьи склонил голову и выдернул шпагу, его бледное лицо окаменело, во взгляде обычное высокомерие и презрение смешивались с желанием убивать.

Но просчитался, думая увидеть прежнее почтение, заботность и покорность... Встал весь зал, внешне спокойно.. но явно готовый защитить Армана.

Де Бресси замер у стойки.

– Оружие у самих найдется... – сузив глаза, заметил Клод Пикси, сосед Армана, демонстративно положив на ближайший стул ноги, обутые в сапоги, не поддающиеся от времени ни чистке, ни описанию, и выложив на стол перед собой два пистолета... Жест немного театральный, но зато от души.

Норбер слабо улыбался, оглядывая зал. Перемены были разительны, худые, скверно одетые люди стояли, гордо развернув плечи и не опуская в привычном страхе перед господами глаз, их взгляды теперь честно выражали всё то, что было скрыто и подавлено раньше, враждебность и жажду мести. У каждого к господам свои личные счета, пусть даже не к этим лично, так к другим точно.

Посеянная сверху классовая ненависть возвращается бу- мерангом, для аристократов простые, скверно одетые люди, санкюлоты были одной безликой массой «черни и отбросов», но для народа они тоже были все на одно лицо, «белая

кость – голубая кровь», враги нации. . .

Всю жизнь страдавшие от издевательски ничтожной оплаты их тяжелого труда, от голода и бесправия, вчера еще презираемые, как полуживотные, привыкшие униженно бояться за свой завтрашний день, они впервые почувствовали себя полноценными людьми, которых нельзя больше безнаказанно оскорблять и сплевывать на макушку сверху вниз изо дня в день.

Мы не грязь, не обслуга, не низшая раса, мы – французская нация, вы же не сливки, вы накипь общества или что там еще может плавать на поверхности. . . и теперь мы намерены стряхнуть эту массу чванливых паразитов.

Призывы к уважению человеческого достоинства простых людей, к состраданию всегда встречались господами с презрительным смехом, что ж, тогда сила заставит их считаться с ними.

Пусть теперь они нас боятся и поймут на своей шкуре, что такое зависеть от чужой жалости или ее отсутствия.

И не надо теперь, задним числом, лить слезы, обвинять нас в дикости и жестокости и призывать к христианскому милосердию.. вы не этому научили нас!

– Гражданин Бресси.. господин граф!, – решительно окликнул Норбер, – я попросил бы вас задержаться! Давно хотел поговорить с вами! Не беспокойтесь, лично вам и вашей семье ничто не угрожает! Не угрожаю, прошу вас, уделите мне немного времени!

Де Бресси неуверенно остановился на пороге, но всё же подошел к столику, за которым сидели Куаньяр и его товарищи. Норбер счел необходимым отсесть за другой столик, подальше от Армана, который тяжелым мрачным взглядом наблюдал за графом, лишь уважение к Норберу с трудом сдерживало его бешенство, и пригласил графа присесть.

Спутники маркиза опасливо и удивленно переглянулись между собой, такого еще не бывало, и стали отступать от стойки к выходу... Маркиз ушел последним, метнув на якобинцев озлобленный взгляд. Он был намерен жестоко отомстить, его мелко трясло...

На пороге он обернулся и очень вовремя, прямо в голову ему летела пустая бутылка, со всем бешенством брошенная сильной рукой Армана. Маркиз ловко увернулся от опасного снаряда и лишь бросил, шипя через плечо:

– Твари,... проклятые твари.. Колесовать.. своими руками!

Но их больше никто не боялся.. люди провожали их саркастическими замечаниями, шутками и свистом!

– Эй, враги народа!, – насмешливо и вызывающе закричал им вслед Пикси, – где ваши хваленые манеры, вас не научили закрывать за собой дверь?! Или привыкли, что это делают лакеи?!

– Ты отомстил за мое унижение, брат..., – невольно вырвалось у Куаньяра, о чем он тут же пожалел.

– Ты о том, как он швырнул в тебя бокал, как в собаку?!

Удивлен, что я знаю? Жюсом проболтался, он был очень зол и обижен за тебя... Ну и стоило тебе лаяться со мной и спасать этих ублюдочных аристократок? Ладно, я не злюсь на тебя. Хочешь, мы задержим их всех?!», – глаза Армана зловеще сверкнули, – всё закончится.. здесь и сейчас..Заодно и увидим, действительно ли их кровь голубая..или нас и тут обманули?

– Не надо.. скоро всё закончится и так, поверь.. Самоуверенные уроды так и не поняли, власть их закончилась. Им недолго еще корчить высшую расу.

– Дядюшка Жером! А вот теперь еще вина и сообрази что-нибудь пожрать! Мы отметим это событие!», – закричал повеселевший Арман, – «Ca ira! Les aristocrates a la lanterne!», – он окинул де Бресси выразительным бешеным взглядом, – что, не нравится наше общество, высокородный господин?!

Де Бресси старался не встречаться взглядом с Арманом, в окружении санкюлотов, по большей части нетрезвых и воинственно настроенных, он чувствовал себя в опасности, и повернулся к Норберу:

– Что вам от меня нужно... гражданин Куаньяр? Надеюсь, вы не заставите меня слишком долго выносить эти издевательства...

– И в мыслях не имел унижать вас... Давайте отсыдем за дальний столик. Буквально на пару слов.. господин граф... Потом я сам провожу вас до дома, в моем присутствии никто из них и не подумает напасть на вас.

Через месяц, в середине июля 1792 года, сдав дела Жаку Арману, бывший председатель Якобинского клуба Санлиса вместе с друзьями детства Филиппом Дюбуа и Пьером Жюсомом отправился покорять революционный Париж, чтобы никогда более не вернуться в отцовский дом.

И поэтому он не знал, что имения ненавистных народу графа де Белланже, де Ласи и де Вальмеранжа, санкюлоты спалили почти сразу после его отъезда, а семья графа де Бресси уехала в Париж немногим позже... в первых числах августа. Пикси не стал ему об этом писать, видимо не считал чем-то интересным и важным для прежнего председателя.

Сложилось так, что 10 августа 1792 года в качестве члена Парижской Коммуны Норбер участвовал в штурме Тюильри, где и столкнулся с давним и «любимым другом» маркизом де Белланже, он был одним из «рыцарей кинжала»...

Чуть позднее, намеренно оставил прежнюю должность и уже в сентябре был избран депутатом Конвента от Санлиса, не без самого активного дружеского содействия Огюстена Робеспьера, который в свою очередь баллотировался в Конвент под покровительством старшего брата.

Именно отношения с этим добрым и общительным молодым человеком позволили Норберу посещать дом на улице Сент-Онорэ, позволили приблизиться к его знаменитому старшему брату, давнему властителю своих дум...

В это же время Жюсом и Филипп Дюбуа любыми способами искали сближения с Другом Народа, поэтому в это вре-

мя они общались не слишком часто.

В это время в Санлисе. 25 июля 1792 года.

Депутация от патриотического общества решительно явилась в особняк графа де Бресси. Именья его соседей и родственников де Белланже и де Ласи, высокомерных и жестоких, особенно ненавистных простому люду были уже сожжены, их обитатели сбежали, кто в Лондон, кто в Вену...

Верная графу прислуга испуганно шарахалась от вооруженных, настроенных властно и воинственно людей. Депутацию возглавлял уже знакомый графу Клод Пикси. Ему на встречу вышел сам хозяин.

Гражданин Пикси оглядывал графа вызывающе, вскинув длинноволосую голову, положив руку на кобуру, ожидая встретить грубый, высокомерный прием и попытку выставить вон.

Но де Бресси, подавленный обстоятельствами и превосходящей силой незваных гостей, сумел проявить дипломатический такт, и сдержанно поклонившись, сам проводил их в гостиную, жестом показал на стулья.

– Прошу вас, господа... извините, граждане! Чему обязан столь важным визитом? Присаживайтесь. Могу я предложить вам выпить?

Пикси мрачно сузив глаза, изучал лицо хозяина, неужели издевается паразит, чего еще ждать от господ? Он знал от Жака Армана, как родственник графа, маркиз де Белланже встретил Куаньяра..

Санкюлот слегка успокоился, не обнаружив на бледном лице графа ни тени высокомерия, издевательства или ненависти, поэтому сел, выразительно выложив на стол пару пистолетов. Неуверенно оглядывая непривычное великолепие обстановки гостиной сели и другие.

– Собственно, мы вот по какому делу.. наш бывший председатель Куаньяр собирался к вам сам, еще 14 числа, но сдав должность, уехал в Париж и оставил для вас письмо.. – Пикси вытащил из-за потёртого обшлага сюртука сложенную вдвое бумагу, – конечно, я мог бы придти и один..», – сделал неопределенный жест рукой, – но хотелось убедиться, что вы никуда не сбежали..

– Не было и в мыслях.. я не собираюсь эмигрировать.. Так что вам предложить, коньяк или бордо? Заметьте, граждане, я принимаю вас искренне и даже с некоторым удовольствием..

И тут же недовольно поморщился. Вот же вырвалось такое, подумалось с досадой. Но надо же думать о детях и племяннице.

– Можно и без удовольствия, господин хороший! Ты уже не смеешь приказать слугам избить нас и выгнать вон, затравить собаками, как в ваши добрые старые времена!, – нервный озлобленный возглас вырвался у одного из товарищей Пикси.

– Я никогда никого не приказывал бить и травить собаками..

ми, ваш гнев не по адресу, любезный! – не сумел сдержаться де Бресси.

Пикси отозвался, сделав успокаивающий жест, он откинулся на спинку стула, деловито поправив шерстяной красный колпак с кокардой:

– Куаньяр советует вам уехать в другой город, в крайнем случае, если Арман станет особенно агрессивен, подумайте об этом. Но он же категорически предостерегает вас от эмиграции. Вам ясен смысл того, что произошло 20 июня? Жирному Луи крышка и это уже вопрос времени.. Мне коньяк.. гражданин..

– А водки нет?, – вдруг живо отозвался сидящий рядом с ним мрачный субъект. Пикси недовольно оглянулся на товарища, тот ничуть не смутился, расположившись в кресле уверенно и вальяжно.

Слуги переглядывались, ожидая взрыва благородного возмущения хозяина и боясь за себя и за его жизнь, но граф остался спокоен, по крайней мере, с виду.

– Кальвадос, – спокойно отозвался окруженный санкюлотами де Бресси, его самого было уже сложно смутить, – но отчего не пришел ваш новый председатель?

По губам Пикси скользнула свирепая усмешка, рука с рюмкой опустилась, пригнув голову, он зарычал:

– А вам хотелось бы увидеть Жака Армана?! Была бы воля Армана висеть бы всем вам на ближайших фонарях!

Прислуга в ужасе закатывала глаза и крестилась, когда

незванные гости не могли этого увидеть.

– Вы такого же мнения?, – лишь с виду невозмутимый, граф нервным жестом поправил пышный галстук, который вдруг начал его душить.

Граф уже успел заметить, что подчеркнутая грубость и жестокость представителей революционной власти большей частью проявлялись лишь на публике и в рабочем кабинете, при встречах же в неофициальной обстановке многие из них держали себя вполне спокойно и даже вежливо.

Странно, думалось ему, они словно соблюдают какой-то таинственный ритуал или реализуют собственные фантастические представления о том, как надлежит себя вести «истинному республиканцу».

А может каждый опасается в глазах товарищей выглядеть слишком мягким и ненадежным? При этом способность к сочувствию явно считается у них нежелательной, опасной и подлежащей жесткому осуждению. Чудеса, да и только...

Пикси залпом проглотил коньяк и поднял на хозяина дома мрачные глаза, ответ его, однако, показался уклончивым.

– Так думает Жак Арман.. и некоторые другие товарищи, но многие настроены к вам вполне терпимо.. Мы слишком уважаем Куаньяра, он оставил мне некоторые инструкции, и.. вам с нашей стороны ничто не угрожает.. и особняк ваш останется цел, но..только не вздумайте эмигрировать!

Де Бресси задумчиво покачал головой, да, он как раз собрался уехать, но в Париж, а не за границу, ведь «самое

темное место – под фонарем»:

– Может это и разумный совет.. Но одну минуту.. гражданин Пикси, сейчас подадут обед.. надеюсь, граждане, вы не откажетесь разделить его с моей семьей?

Пикси слегка поперхнулся коньяком и бросил на графа недоверчивый хмурый взгляд, но, не обнаружив, ни тени насмешки или страха выразительно наклонил голову в знак согласия.. не каждый день его принимали в графском особняке и он не мог себе отказать..

Один из товарищей Пикси, заложив ногу на ногу, обувь не поддавалась ни чистке, ни описанию, бешеным взглядом мерил хозяина дома, и наконец, решился нарушить молчание:

– Что, аристократ... не нравится тебе наше присутствие.. в мыслях надо думать, перевешал бы всех нас.. вот досада, – в тоне послышалась злая ирония, – а терпеть придется.. непривычно, правда, господин граф?! А фонаря вы не боитесь, ваше сиятельство?!

Де Бресси напрягся, Бог знает, что придумают эти агрессивные и вооруженные, а теперь и подвыпившие люди, окружившие его со всех сторон?

Пикси нахмурился и бросил властно:

– Помолчи, Лувэ, по существу ты прав, но это явно не твой день...

Смех санкюлотов над грубияном Лувэ успокоил хозяина, значит, далеко не все были настроены так кровожадно, как хотели изобразить.

Многие из них рассеялись по гостиной, своим воинственным видом распугивая прислугу, разглядывая картины, дорогие безделушки и статуэтки, мрачность и подозрительность забавно сочеталась с детским любопытством и наивностью дикарей Руссо. Эти люди никогда не видели господский дом изнутри.

Компания перешла в столовую. Слуги подали обед. Из дальних комнат пришлось выйти молоденькой дочери и племяннице графа и мальчику-подростку, сыну де Бресси.

Несомненно, сам хозяин держался лучше всех, девушки были бледны от ужаса, за поведение сына де Бресси очень переживал, страх в глазах подростка сменялся открытым отворачиванием и ненавистью, это было совсем небезопасно.

Когда сытая и подвыпившая компания за столом занялась беззаботной болтовней, будто каждый день их приглашали на обеды в господский особняк, де Бресси, поймав злобный взгляд Лувэ, обратился вполголоса к Пикси:

– Гражданин.. этот человек считает мою племянницу и ее подругу.. виновными в том.. что с ним жестоко обошлись.. прошу вас поверить.. они не так воспитаны...

– Я сам был свидетелем этой поганой истории.. я знаю, девчонки не давали такого приказа, но сударь.. кучера знатных господ привыкли так действовать и без всяких особых указаний.. – и встретив протест в глазах де Бресси, вяло отмахнулся, – я и многие другие.. уважаем Куаньяра.. вас не тронут. Захочет ли принять извинения бедняга Лувэ, не

знаю, я могу поговорить с ним, согласится ли Арман, с тем, что мы делаем для вашей семьи исключение?.. Думаю, никогда, с ним говорить очень трудно, почти невозможно, чуть что не так и весь кипит бешенством – и неожиданно поднял бокал и обратился к 19-летней племяннице де Бресси, – выпейте с нами, мадемуазель.. за здоровье нации! Кажется, отличный повод и ничего дурного в этом нет! Разве мы все не французы? Вы так не думаете, господин граф? – в тоне беззлая насмешка.

Граф закусив губы, молча, кивнул, и бросил на девушек выразительный взгляд. Ради Бога, не покажите возмущения или враждебности...

– Конечно, мы не отказываемся!, – личико Луизы де Массийак было очень бледно, голос еле слышен, тонкая дрожащая рука подняла бокал, – за здоровье нации, граждане!

Развеселившиеся гости ушли лишь через три часа. Девушки были в полуобморочном состоянии, у сына де Бресси на глазах злые и бессильные слезы, сам граф, молча сел в глубокое кресло, расстегнув воротник и сняв галстук.. Верная прислуга наперебой выражала злость, возмущение и сочувствие...

– Всё, моему долготерпению конец, завтра мы все уезжаем.. и не в Лондон, не в Вену, а прямо в Париж! Заглянем в гости к Жюайезам! И возможно, я еще сумею пригодиться Его Величеству... если уже не поздно...

Рождение Французской Республики. Штурм Тюиль-

ри

Людовик XVI с Марией-Антуанеттой с виду уступчивые и миролюбивые, втайне забрасывали королей Великобритании, Испании, Пьемонта, Неаполя, императора Австрии письмами, в которых настаивали на скорейшей интервенции и признавали все свои уступки парламенту фальшивыми.

В 1792 году королева Франции пересылала своему родственнику императору Австрии планы французских военных кампаний, что привело к ряду поражений французской армии. Как это иначе квалифицировать, кроме как государственную измену?

Как уже было сказано, события 20 июня 1792 года инспирированы жирондистами, с помощью Антуана и Сантера, поднимавшего рабочие предместья, это была демонстрация силы, призванная запугать слабовольного короля и вынудить его вернуть отправленных в отставку министров Жиронды. Именно поэтому мэр Петьон демонстративно явился так поздно.

Левые же, по совету Робеспьера от участия в акции уклонились. У них другая цель, им не нужно просто подчинить короля своему влиянию, им желательно устранить монархию в принципе.

Итак, говоря на языке санкюлотов и папаши Дюшена: «Австриячка – мать родная, а Бурбон – отец родной, на хрен нам родня такая, лучше буду сиротой!»

Штурм Тюильри и арест королевской семьи 10 августа

1792 года по сути новая революция, день рождения Французской Республики.

Но сколь многие конституционные монархисты, а также бриссотинцы, срочно становились республиканцами вдогонку событиям, дабы не утратить свою власть и влияние.

В этот очень сложный период Робеспьера также обвиняли в сомнениях и неуверенности, кто он, все еще конституционный роялист или уже республиканец?

Он сам объяснял свои сомнения тем, что считая Республику действительно более прогрессивной формой правления, сильно опасается возникновения республики вовсе не демократической, а олигархической, где место принцев и маркизов займут банкиры, фабриканты и коммерсанты, а основная часть нации по-прежнему окажется нищей и бесправной...

Прав он был в своих мрачных прогнозах или нет? Покажет время.

Но надо было решаться, невзирая на все сомнения либо силы Старого режима возьмут верх.

Процитируем Робеспьера, это вполне уместно: «Спасать государство нужно каким-бы то ни было способом. Антиконституционно лишь то, что ведет к его гибели...»

Рано утром 10 августа начался штурм королевского дворца... Живейшее участие в подготовке и руководстве принадлежит Парижской Коммуне.

При штурме Тюильри защитниками дворца было убито

более трёхсот санкюлотов...

Свое неприятие новой народной революции крупные собственники маскировали «умеренностью». Их фальшиво-слезливая сентиментальность неизменно распространялась лишь на явных врагов революции, маскируя этим подчеркнутым, избирательным «гуманизмом» скрытое сочувствие к роялистам.

Их новый идеал теперь уже Республика, но такая, где место дворянства заняла бы олигархия крупных буржуа, банкиры, коммерсанты и фабриканты стали бы новыми аристократами, нужды и интересы народа им также чужды, как прежним принцам и маркизам и эти лже-демократы и лже-либералы и есть партия Жиронды.

Через два года ряды жирондистов пополнятся термидорианцами, убийцами Робеспьера, Сен-Жюста и подлинной французской демократии...

В октябре 1792 они демонстративно вышли из Якобинского клуба, образовав отдельную партию. Их называли либо жирондистами по названию департамента, откуда были родом многие ее члены, либо бриссотинцами по фамилии видного члена партии Бриссо.

Членов Якобинского клуба, оставшихся таковыми после раскола и представленных в Национальном Конвенте, называли обычно монтаньярами от французского «монтань» (гора, вершина), так как в Конвенте их представители занимали самые верхние ряды.

Бриссотинцы, эти фальшивые «революционеры» не желали суда над Людовиком отнюдь не из «благородства и гуманизма», как они это неизменно писали в своих газетах и говорили с трибуны.

Следует правильно понимать, процесс Людовика Шестнадцатого акт чисто политический, он отсекал пути назад к стовору и компромиссу с династией Бурбонов, делает революцию необратимой, и аналогично, не из чьей-то личной жестокости и «жажды крови», а именно из этих же расчетов якобинцы и настаивали на высшей мере для Людовика. Это с одной стороны.

А с другой стороны, в руках обвинения были документы, свидетельствовавшие об антигосударственной деятельности королевской семьи, о которых было сказано в самом начале.

Осень 1792 года. Вдогонку событиям наблюдалось яростное противостояние буржуазных республиканцев Жиронды с народной партией якобинцев. Против них Жиронда рискнула выдвинуть обвинение в инспирировании так называемых «сентябрьских убийств».

Итак, что же имело место на самом деле?

2-5 сентября 1792 года толпы парижан из Сент-Антуана и Сен-Марсо, возбужденные слухами о наступлении пруссаков врвались в тюрьмы и убили примерно 1,5 тысяч заключенных.

В действительности не более 500 человек из них были аристократами-роялистами и священниками, а более 1000

обычные уголовные преступники, воры, убийцы, проститутки.

Женщины-аристократки и их дети из Ла-Форс, не менее 200 человек, были спасены комиссарами Парижской Коммуны, именно так спаслась воспитательница детей Марии-Антуанетты мадам де Турзель с дочерью Полиной 21 года и многие другие, жестокая расправа над принцессой Ламбаль стала скорее исключением.

Ошибкой либо политическим предубеждением будет считать, что все представители парижской Коммуны были сторонниками тюремной резни, это не так.

Также неверно и представление, что все аристократы поголовно подвергались аресту и заключению буквально за факт «происхождения». Многие из них пережили в Париже и 1793 и 1794 год, не особенно скрываясь.

Мадам де Турзель и её дочь всё это время, после штурма Тюильри, весь 1793-1794 год проживали в Париже, при этом Комитету Общественной Безопасности прекрасно было известно их местопребывание, якобинцев этот факт не беспокоил. Известно, что в июне 1795 года республиканцам понадобилось её присутствие, вместе с доктором Пельтаном и некоторыми комиссарами, дежурившими в Тампле, она опознала тело мальчика умершего в Тампле, как сына Людовика Шестнадцатого.

Вдогонку событиям 10 августа жирондисты, как правящая партия, пытались распустить опасную для них самопровоз-

глашенную Парижскую Коммуну и отдать под трибунал, то есть уничтожить ее руководителей, а через них добраться и до своих коллег по Конвенту, ненавистных им якобинцев.

Кровавые сентябрьские события могли быть явной демонстрацией силы этого самовольно возникшего органа власти, жирондистам пришлось отказаться от идеи роспуска Коммуны и от идеи арестов и казней ее руководителей. По крайней мере, так считал Куаньяр.

Лишь на поверхностный взгляд, кажется, что вооруженные санкюлоты собрались вокруг тюрем стихийно, движимые только внутренним импульсом.

Хотя, безусловно, и стихийность также имела место, и всё же внешне неуправляемые и агрессивные, они вполне слушались распоряжений делегатов Коммуны, при этом могли игнорировать официальную власть в лице депутатов.

Впоследствии это будет заметно, именно работа «низовых» парижских секций и Коммуны, имеющих связи с тайным комитетом внутри Якобинского клуба управляла массовыми выступлениями санкюлотов Сент-Антуана на протяжении всех этих лет.

Кажущийся уличный «хаос» 14 июля 1789 или поход на Версаль на самом деле были вполне управляемыми, тем революция и отличается от стихийного бунта, от тех народных мятежей, что так легко и так жестоко подавлялись властью веками. По крайней мере, все крупные и значимые выступления парижских санкюлотов были вполне управляемыми.

Произвольны могли быть лишь жестокие уличные эксцессы, когда ловили аристократов и пристраивали вчерашних «хозяев жизни» на старинные фонари.

Революционный трибунал был основан 17 августа, но, по общему мнению патриотов, работал крайне неэффективно, отправил на эшафот не более 3-4 роялистов, нередко оправдывая заведомо виновных, что в конце августа вызвало взрыв возмущения и бешенства у присутствующих на процессе парижан.

Люди ненавидели швейцарцев, стрелявших в народ 10 августа, и оправдание очередного аристократа вывело их из терпения. Судьям и присяжным угрожали, что если они не будут работать активно, парижане возьмут дело наказания этих преступников в свои руки и учинят самосуд, пройдясь по тюрьмам.. К этим словам вовремя не прислушались...

Так что эксцессы вовсе не были задуманы Маратом, как станут говорить его враги, идея тюремных погромов носилась в воздухе, скорее можно сказать, что этой идеей лишь воспользовались.

Доминирующей партией в Конвенте в это время всё еще были жирондисты, а не якобинцы, как часто пишут. Лидеры обеих партий знали о том, что начнется 2 сентября, но не сделали ничего, чтобы предотвратить это.

Министр внутренних дел Ролан и военный министр Серван (жирондисты) накануне и вовсе уехали за город – устранились, «умыли руки». Устранился и Дантон (министр юс-

тиции, якобинец). Появились они лишь тогда, когда всё было кончено...

В эти страшные дни, буквально за день-два до готовящейся резни, Робеспьер своим личным влиянием спас из тюрьмы Аббатства нескольких старых священников, бывших его учителями в коллеже Людовика Великого.

Дантон, бывший министром юстиции, в это время также выдал несколько заграничных паспортов ряду лиц, среди которых был Талейран, паспорта выдавались в том числе явным роялистам, позднее это заставит задуматься. Но более масштабного вмешательства не последовало...

Совет Парижской Коммуны пытался придать погромам некоторую управляемость, и даже видимость законности, направляя в тюрьмы своих делегатов.

Поначалу пресса Жиронды восхваляла эти убийства, как избавление от изменников в тылу, но увидев в них шанс обвинить своих политических оппонентов в беззаконии и жестокости, уцепились за этот факт уже через три недели, на заседании 25 сентября.

Эти крайне жёсткие атаки Жиронды на якобинцев историки позднее назовут даже «несостоявшимся Термидором»... настолько высока была вероятность погибнуть у Робеспьера, Дантона и Марата одновременно.

Сторонники Бриссо и Верньо оказались хитрее, устранившись совсем.

Лидеры Жиронды Бриссо, Верньо, Гюаде, Жансоннэ

крайне агрессивно нападали на якобинцев, пытаясь добиться ареста и логически последующей казни Марата, Дантона и Робеспьера одновременно, якобинцам удалось отбить атаки и отвести основные обвинения. Доля их вины в этом деле, безусловно, имела место, но жирондисты решили возложить на них ответственность решительно за всё...

Интересно иное, Якобинский клуб, в котором Неподкупный имел огромный моральный авторитет и вес, вопреки всему, не поддержал агрессивный выпад Робеспьера в сторону Жиронды и призвал к единению всех верных революции и Республике сил, независимо от оттенка окраса.

Даже импульсивный и резкий Марат вдруг заявил о «новом курсе» на примирение всех революционных сил и о своем неприятии анархии и раздора в опасный для Республики час. Его внезапному миролюбию немало способствовали люди из его ближайшего окружения, они буквально ходили за ним... Дантон готов был подать руку лидерам Жиронды...

Но те высокомерно и презрительно отвергли мирные предложения якобинцев, этих, как жирондисты их крестили «защитников нищей черни».

И так агрессивно вели себя именно те люди, которые в своих речах и сентиментальных мемуарах, написанных уже в тюрьме, всегда позиционировали себя как «благородных гуманистов и миротворцев»...

10 августа 1792. Норбер с друзьями в Тюильри..

Шумная кричащая толпа заполняла улицы, более всего

было в ней бедно одетых людей, вооруженных ружьями и саблями, это парижане из рабочих кварталов Сент-Антуан и Сен-Марсо и смуглые как ирокезы энергичные южане из Прованса, федераты. Можно заметить, что двигались люди весьма организованно, совсем не стихийно.

Стройными рядами шли длинноволосые мускулистые парни в красных колпаках, вооруженные саблями, пистолеты за поясом, с пиками наперевес, многие были вооружены ножами, привязанными к длинным палкам.

Красавцы! На губах Куаньяра против воли возникла добродушная горделивая усмешка. Санкюлотов с интересом разглядывают девицы, некоторые женщины даже присоединяются к колонне, идут рядом со своими женихами, мужьями и братьями... Таким народ вы еще не видели, господа? Тряситесь, хозяева жизни, ваш час настал!

Марш задавал выразительный, энергичный и мрачный ритм «Са іра»...

«Ah! Са іра, са іра, Са іра!

«Аристократов на фонарь!

Их перевешать всех пора.

Мир деспотизма, умирай!

Не нужно нам дворян с попами

И Равенства наступит рай!

...

А вот финансист, заплывший жирком

Что нас обирает тайком.

Ах, будет так! Будет так! Будет так!
Мы разгоним свору мятежных вояк
Мы аллилуйю поём, что ни шаг
А на врага пусть находит столбняк
Ах, будет так! Будет так! Будет так!
Будем веселиться, Марго и Жак!
Нос если высунет аристократ
В рожу ему рассмеётся наш брат...»

«Са ира» тут же сменила «Карманьола»:

«Я – санкюлот!

Горжусь тем я, назло любимцам короля!»

«Мадам Вето могла грозить
Всех нас в Париже перебить,
Но дело сорвалось у ней –
Всё из-за наших пушкарей.

Отпляшем карманьолу! Славьте гром!

...

Мосье Вето мог обещать
Отчизне верность соблюдать
Нарушено – то слово им,
И мы пощады не дадим!»

Случайные прохожие по ходу движения колонны вливались в их ряды, кто сознательно, кто просто был увлечен толпой, но численность их увеличивалась.

Но в некоторых солидных особняках виднелись мрачные

и испуганные лица, хозяева демонстративно закрывали ставни!

Неприятно надувшийся, щёгольски одетый юнец лет 20, опасливо и хмуро наблюдал за колонной и вдруг закричал в голос:

– Долой якобинцев, проклятых убийц!

От колонны отделился высокий мужчина в красном колпаке и карманьолке, и парень заработал сильный удар кулаком по макушке сверху вниз, и во весь рост растянулся на тротуаре. Научись отвечать за свои слова, «золотая молодежь»!

На королевский дворец, оцепленный швейцарскими гвардейцами, шли как на Бастилию в 1789-м! Са ира!

Подготовка восстания 10 августа.

В 11 ночи 9 августа секция Кенз-Вэн выдвинула предложение, чтобы каждая секция Парижа выделила по три делегата с целью принятия срочных мер по спасению государства и 28 секций ответили согласием, так образовалась новая повстанческая Коммуна. Карра и Шометт отправились в казармы марсельских федератов, Сантерр поднимал санкюлотов предместья Сент-Антуан, а Александр предместье Сен-Марсо.

С 12 ночи до 3 часов утра старая легальная и новая повстанческая Коммуна работали одновременно: новая организовывала нападение на Тюильри, а старая вызвала командующего обороной Тюильри в Ратушу, расстраивала оборо-

ну дворца.

Прокурором новой Коммуны был назначен Пьер Гаспар Шометт, заместителем Жак-Рене Эбер.

Только к семи утра фарс двоевластия был наконец прекращен, члены новой повстанческой Коммуны в краткой форме сообщили прежним коллегам, что они освобождены от своих обязанностей, при этом при исполнении они оставили мэра Петьона, прокурора Манюэля и его заместителя Дантона, а уже через час началось наступление на Тюильри.

В отличие от Бастилии дворец Тюильри, был очень хорошо охраняем, и руководители восстания, кажется, должны были трижды подумать, прежде чем бросать своих необученных и недисциплинированных добровольцев на штурм.

Гарнизон защитников дворца был опытным и профессиональным, 950 ветеранов швейцарской гвардии, 930 жандармов, 2000 национальных гвардейцев и 200-300 кавалеров ордена Святого Людовика и прочих роялистов, защитников монархии, 5000 человек было достаточно для обороны дворца, хотя сейчас известно, что им не хватало боеприпасов. Сторонники короля вполне могли быть уверены в успехе.

Редерер, прокурор Парижа, убедившись, что нападение неизбежно уговорил Людовика Шестнадцатого «с целью предотвратить массовое кровопролитие» оставить дворец и отдаться под защиту депутатов Собрания, несмотря на возмущение Марии-Антуанетты, видевшей в депутатах своих врагов и считавшей, что нужно защищаться до конца.

Есть информация, что Редерер убеждал короля покинуть Тюильри под сильнейшим давлением Дантона.

Набат, не переставая, гудел всю ночь...

Маркиз де Манда де Грансей, командующий войсками, собранными для защиты Тюильри, также по настоянию Редерера, прокурора Парижа, подчинился приказу Коммуны явиться в Ратушу. Он ничего не знал, о новой сформированной за несколько часов повстанческой Коммуне, явился туда без сопровождения и был арестован, а вскоре и убит. Редерер, впоследствии утверждал, что это также было сделано по распоряжению Дантона, который и не думал отказываться от своей роли в этих событиях.

С момента ухода королевской семьи, повод удерживать дворец, казалось бы, исчез. Но это именно казалось...

Когда примерно в семь утра авангард повстанцев был замечен в задней части дворца, там не было никого, кто бы отдавал приказы. С криком: «Да здравствует нация!» жандармы покидали свои посты. Они отказывались стрелять в парижан, которых называли своими братьями.

На правом берегу Сены батальоны Сент-Антуанского предместья, на левом Сен-Марсельского, плюс южане федераты, везде санкюлоты продвигаются уверенно и спокойно, как на параде.

Штурм дворца начался в 8 утра. По приказу короля швейцарцы отошли вглубь помещений. Между тем марсельцы начинают брататься с артиллеристами и без боя достигают ве-

стибюля дворца и уже поднимаются по парадной лестнице...

Обе стороны некоторое время напряженно наблюдают друг за другом... парижане призывают последних защитников дворца сложить оружие, тут то и началось сражение, никто теперь не скажет, с чьей стороны прогремел первый выстрел.

Швейцарцы, стреляя сверху, быстро очистили от санкюлотов вестибюль и двор. Они теперь уже не защищаются, а атакуют, но наиболее отважные из парижан уже подожгли прилегающие к дворцу строения.

В этот момент подходят батальоны Сантерра из Сент-Антуанского предместья под командованием генерала Вестермана, и санкюлоты оттесняют швейцарцев назад во дворец.

Тут сопротивление делается совершенно отчаянным, большую лестницу отстаивают упорно, ступени забрызганы кровью, но натиск повстанцев стал таким бешеным, что через некоторое время сопротивление становится бессмысленным...впрочем, и швейцарцы, и кавалеры Святого Людовика ожесточенно стояли насмерть...

Среди санкюлотов Сент-Антуана находился и Куаньяр, он был в первых рядах тех, кто с оружием в руках проник на территорию королевского дворца. Вокруг шумела и кричала вооруженная толпа, какофония криков торжества или ужаса, гнева или боли, грохот выстрелов...

Швейцарцы стали особенно ненавистны парижанам, те были уверены, что они первыми стали стрелять в народ, при

этом инсургенты получали ужасные раны, защитники дворца стреляли сплюснутым свинцом, осколками битого стекла и гвоздями.. В дело вступили пушки, нанося большие потери атакующим...

От ударов прикладов и пик, дворцовые ворота рухнули. Санкюлоты рассеялись по дворцу, вступив в жестокую схватку с его защитниками..

По улицам, отходящим от дворца, в ужасе, с проклятиями, метались, пытаясь скрыться, особенно ненавистные парижанам швейцарцы, пока их не сваливала пуля или сабельные удары!

Что ж, господа «голубой крови», судный день настал...

Филипп де Бланшланд, бывший губернатор Сен-Доминго сидел в кресле мёртвый, жестокий к белым простолюдинам не меньше, чем к чернокожим рабам, он не дожидаясь расправы восставших, застрелился.

Рядом с креслом стоял начальник полиции, его пистолет был разряжен, он успел произвести выстрел в толпу и теперь держал руку на эфесе шпаги, рядом с ним, трусовато прижимаясь к подоконнику, стоял богато одетый молодой человек, его сын.

И вдруг приятный сюрприз... Какая удача! Маркиз де Белланже! Да это Судьба! Он узнал Норбера и мерил его стеклянным от ненависти взглядом, рука выдернула из кобуры пистолет... На секунды обе стороны словно оцепенели.. Чья реакция окажется лучше?

Холодно улыбаясь, Куаньяр неуловимым змеиным броском вскинул руку и не без удовольствия спустил курок. Белланже пошатнулся и упал на ковер.

Стоявший рядом юноша в красном колпаке с ожесточением вонзил пику в грудь молодого франта, светло-бежевый фрак окрасился кровью...

Секундная тишина сменилась диким криком. В помещение ворвались люди...

В горячке боя никогда не провести грань между необходимой самозащитой и неоправданной жестокостью... С остервенением нанося и отбивая сабельные удары, Норбер почувствовал сильнейшее возбуждение и ярость.

Победа будет за нами. Убивай или убьют тебя. Дикая первобытная энергия била через край, мысль работала достаточно ясно, но вот всякие чувства, кроме холодного управляемого бешенства куда-то испарились.

Вот его товарищ в таком же состоянии, занёс лезвие сабли над головой богато одетой дамы, на коленях, она в ужасе цепляется за полы его куртки, но что это... снова никаких эмоций! Он смутно сознавал, что всё это ненормально, но всё равно ничего не чувствовал и не стал удерживать руку товарища...

«Индеец на тропе войны» или просто «вождь краснокожих», так, в шутку прозвали Куаньяра патриоты из Марселя...

Дрался жестоко, вместе с другими патриотами преследо-

вал последних защитников Тюильри.

Встретив взгляд остановившихся в холодном бешенстве зрачков, при виде сабли в его руке, с лезвия которой капала кровь, не одна аристократка нервно вжималась в стену, не одна упала в обморок...

Сад Тюильри... Куаньяр с группой товарищей преследовал отступающих роялистов и швейцарцев, вслед за которыми от них бежали, как могли, подобрав пышные юбки две дамы, которые быстро отстали от «своих».

Дамы с ужасом наблюдали бегущих к ним двоих вооруженных санкюлотов. Норбер резко оттолкнул возбужденного боем Жюсома в сторону, и указал ему вперед:

– Наши враги там!

Воспользовавшись секундной заминкой, одна из девушек снова бросилась бежать и скрылась из виду. Куаньяр медленно направился в сторону второй.

А она вдруг заплакала, упала на колени, пыталась хвататься руками за его руку, за сапоги, за окровавленное лезвие сабли, так, что пришлось оттолкнуть ее, затем закрыла лицо руками и только тихо шептала:

– Не убивайте меня!

Через минуту она снова подняла голову и увидела, что санкюлот всё еще стоит перед ней, но его правая рука с саблей медленно опустилась. Он нервно облизывал сухие губы, и, сузив темные глаза, разглядывал ее. Они встретились взглядом.

– Ты кто? – его голос показался ей низким и резковатым.

Зачем это сказал, какое ему до этого дело, он и сам не знал.

– Валентина де Сейан, – прошелестела девушка бледными губами, не сводя с него расширенных глаз.

– Подойди ко мне, Валентина де Сейан, ближе... еще ближе, – он поманил ее к себе. Девушка не сводила с него глаз, словно под гипнозом.

Медленно он протянул к ней руку, провёл рукой по волосам, по щеке и вдруг приподняв голову за подбородок, поцеловал в губы, затем еще и еще раз. Она не сопротивлялась, стояла неподвижно, только нервно вздрагивала.

Вдруг, словно опомнившись, тряхнул головой, с усилием подавляя волной поднимавшееся возбуждение.

– Уходи. Убирайся.

Куаньяр сделал отстраняющий жест рукой, приказывая полуживой от ужаса, не верящей в свое спасение даме убираться прочь.

Нет, бестолковые тепличные розы, чтобы там не было, их он ни убивать, ни насиловать не станет, но мужчинам-роялистам, швейцарцам пощады не будет.

Что ж, теперь ваша очередь умолять, трепетать и бояться, господа...

Майяр постоянно напоминал о сдержанности, монотонно выкрикивая время от времени:

– Граждане! Не позорьте Революцию.. не пытайтесь ничего унести.. и оставьте в покое женщин!

Последнее увещевание было не случайно, среди придворных дам также было несколько убитых, но еще куда как в большем количестве изнасилованных возбужденными победой санкюлотами прямо в королевских апартаментах.

Видимо, он тоже ничего не имел против тех, кто убивал мужчин – аристократов и швейцарцев и выбрасывал в окна дворцовую мебель, лишь бы не мародерствовали и не насиловали...

Покидая дворец, бросил на ступени иззубренный обломок сабли. Что за внезапный взрыв кровожадности? Не в состоянии объяснить, Норбер впоследствии постарается не вспоминать об этом...

Сзади слышались тихие осторожные шаги. Норбер рывком нагнулся, и, подобрав саблю убитого швейцарца, резко обернулся. Напуганная молодая дама застыла на месте, вскинув руки к лицу. Чертыхнувшись, Норбер разжал руку и бросил саблю.

– Что вам нужно? Почему вы идете за мной? Я же ясно вам сказал, уходите, убирайтесь, не трону.

– Я их боюсь..., – одними губами прошелестела она, но Норбер ее услышал, – они бешеные, они всех убивают...

– А меня вы не боитесь? Я такой же санкюлот, я один из них... я тоже убивал аристократов...

– Вы добрый человек... вы отпустили меня... Помогите мне выбраться отсюда..я почти не знаю Париж... я приехала из Марсея с дядей, но... он убит.. Куда мне идти....есть

дальние родственники, знаю их адрес....но как примут они меня?...

– Чокнутая аристократка, разве я похож на службу спасения?! – от неловкости, против воли физиономия Норбера приняла злое выражение, – да чёрт с тобой, иди за мной и тебя никто не тронет...

– Зачем... зачем, вы хотите выглядеть хуже, чем есть на самом деле? – девушка осторожно коснулась его руки, – я скажу вам адрес моих родственников... но умоляю, проводите меня подальше отсюда...

– Держись рядом со мной, будешь жива...

Спокойно, с гордо поднятой головой возвращался он домой. Он думал вслух, с сомнением качая длинноволосой головой:

– Свобода! Республика! Отлично! Но вот вопрос, для кого? Не зря у Робеспьера столько поводов для колебаний и худших опасений. Без сомнения, у интриганов Бриссо, как всегда, свои планы. А Капет, хорош «отец народа», отдал себя и свою семейку под защиту Национального Собрания, а своих защитников бросил подыхать в Тюильри! И они умирали за это ничтожество?! Что скажешь, принцесса» – слова зло выплевывались сквозь зубы.

Девушка бросала на него нервные взгляды, но молчала и старалась не отставать.

На углу ресторана «У Монтесумы» Куаньяр был остановлен толпой взбешенных людей, они гнали перед собой моло-

дого человека в богатой, но разорванной одежде, несомненный дворянин.

Окровавленный, лишившись последних сил, он упал прямо у его ног и бессознательно, в отчаянии уцепился за его сапоги. Подняв голову, он простонал:

– Ради Бога, спасите меня, спрячьте!

Они встретились взглядом и сразу узнали друг друга, молодой человек совершенно побледнел, в особенности увидев кровавые пятна на одежде инсургента, а Куаньяр жёстко рассмеялся:

– Так это вы, месье де Ласи! Что, придворная должность вдруг стала невыгодной?

– Умоляю вас, гражданин Куаньяр, вы порядочный человек... спасите меня, требуйте от меня чего хотите, любую сумму, если она не превышает моих возможностей, я боюсь этих варваров,... я слишком молод, чтобы умереть...

– Вот как! Теперь «гражданин», а еще недавно, в Санлисе, вспомните, как вы крестили меня? «Вожак паршивой черни» или «наглый плебей, которому нужен кнут и ошейник! Ненавижу вас всех... племя вырождков с голубой кровью, – Куаньяр с презрением ударил де Ласи, стоящего перед ним на коленях, сапогом в грудь, – трусливый пёс!

Тот покорно сжался, сел на бордюр и замер.

А топот приближался. Крики ненависти раздавались совсем близко. Их окружили люди с обнаженными саблями и пиками.

– А-а... чертова аристократка! – рычание в адрес спутницы Куаньяра. Девушка сжалась в комок от ужаса и почти прижималась к нему.

– Она со мной!, – Норбер сделал резкий отстраняющий жест, – отведу ее... куда следует...

Де Ласи снова приподнялся на колени, прижался лбом к бедру Куаньяра, и прерывисто дыша, горячо и часто-часто, как безумный, шептал одно и то же:

– Месье... гражданин... Пощадите, сжальтесь...

В толпе Куаньяра узнали и уважительно зашептались, красный колпак с кокардой, трехцветный национальный шарф, они знали, это он член Парижской Коммуны, участник штурма дворца, именно он стрелял в ненавистного бедноте жестокого маркиза Белланже. Норбер спокойно поднял руку:

– Братья! Я прошу у вас немного, оставьте мне этого человека, у меня с ним личные счета!

– Ваше право, гражданин! Но у вас нет оружия, я дам вам саблю, вы сами выпустите кишки любимчику австриячки! – раздался резкий голос из толпы.

– У меня есть это, – улыбаясь, Куаньяр достал из под плаща пистолет, – и если вы непротив, граждане, я уведу его и разберусь с ублюдком сам! Ну же, поднимайся, пособник тирана, твой час настал! – он грубо схватил де Ласи за воротник.

Толпа, одобрительно загудев, расступилась и пропустила

их.

– Куда вы меня ведёте? – голос де Ласи от ужаса срывался, – неужели вы убьёте меня? Я не Белланже.. я лично не причинил вам никакого зла!»

– Заткнись и не скули, что же случилось с твоим надутым дворянским расовым «превосходством»? Оно преклонилось перед пикой санкюлота? Впрочем, ты всегда был труслив, как шакал... Что они тебе обещали? Воткнуть череп на пикку или украсить тобой один из фонарей?, – в тоне Куаньяра не было ненависти, – я отведу тебя на безопасное расстояние от Тюильри, а дальше.. выбирай себе фонарь по вкусу в любом другом месте и без моего участия, – Куаньяр не выпускал из руки его воротник, хотя смертельно напуганный и весьма избитый де Ласи не думал вырваться. Присутствие рядом Куаньяра гарантировало его от расправы санкюлотов...

Норбер уже выпустил воротник де Ласи, когда вдруг вспомнил о том немаловажном, что беспокоило уже давно:

– Постой! Разве ты не был в особняке Белланже, когда насиловали Жаклин Арман.. дочь вдовы Арман, посудомойки? Сможешь поклясться своей хваленной дворянской честью, что не участвовал в этих барских забавах?

Де Ласи позеленел как незрелая оливка, глаза округлились от ужаса, он вскинул руки, словно защищаясь, и забормотал:

– Я её не.. нет.. нет!

И вдруг резко сорвавшись с места, бросился бежать. Ку-

аньяр зло сплюнул себе под ноги, так верить ли этому трусу или он сейчас упустил одного из титулованных насильников?!

Обернулся на свою бледную спутницу, не сводившую с него широко раскрытых синих глаз.

– «Так куда тебя вести, принцесса? В первый раз у тебя в кавалерах санкюлот?» – в тоне звучала скорее насмешка, но не злоба.

Резко махнул рукой мрачному лохматому кучеру:

– Гражданин, не подбросите в Сен-Жермен? Мы возвращаемся из Тюильри...

Кучер медленно перевел взгляд с Куаньяра на его спутницу, это была очень странная пара, вооруженный саблей мужчина в красном колпаке санкюлота, в узких, потертых брюках и в старом сюртуке, обутый в стоптанные низкие сапоги и молодая дама, а в том, что девушка именно дама, сомневаться не приходилось. Усмехнулся, сплюнул на землю и спросил угрюмо:

– Что там?

– Всё кончено... для аристократов, езжай уже, брат...

У дверей особняка Куаньяр остановился.

– Ну, вот и всё, прощай, принцесса. Необычный способ знакомства, верно? Что опять не так?

Мадемуазель де Сейан осторожно коснулась его руки:

– Я никогда не смогу забыть, того, что вы сделали для меня... Может, будет лучше, если мы найдем вместе... чтобы

они видели вас?

– Не совсем уверена, что они будут очень рады тебя видеть?... Ага, а увидев рядом вооруженного типа в красном колпаке, конечно же, растают от счастья? Нет уж, черта дикого, забудь об этом, принцесса... – он резко выдернул руку, но заметив, безнадежность и слезы, предательски блеснувшие в синих глазах, – если они выставят тебя за дверь... хотя лично я в это не верю, запоминай мой адрес, улица Сен-Жак, дом 24, третий подъезд, живу я в мансарде, под самой крышей, спросишь гражданина Куаньяра, меня там хорошо знают. Удачи тебе, принцесса.

Вечер 10 августа. В опустевший Тюильрийский дворец, с городских окраин стекались бледные заплаканные женщины, жены, дочери, сёстры инсургентов искали тела своих близких... В Сент-Антуан и Сен-Марсо уходили скорбные телеги с трупами погибших санкюлотов.

Сентябрьские убийства 1792 год

Сентябрь 1792-го... 5-е число.. По личному поручению Робеспьера, но официально, от Совета Парижской Коммуны Куаньяр поздно ночью явился в мрачные стены Аббатства...

Некоторое время нервно оглядывался, сильных впечатлений с первых шагов было достаточно.

Во внутреннем дворе, где расположился импровизированный трибунал Майяра, прервавший свою бурную деятельность на пару часов, булыжники были залиты кровью, сапоги скользили, с целью удалить кровь, всё пространство

двора покрывали пучки соломы.

В свете фонарей он увидел тела, много десятков зарубленных, заколотых, забитых насмерть людей с разбитыми головами лежали один на другом, телеги за ними еще не приехали.

Перед ним, членом Парижской Коммуны, почтительно расступались исполнители приговоров, хмурые парни в заляпанной одежде, с закатанными по локоть рукавами, с их сабель и пик еще капала кровь.

К горлу подкатила предательская тошнота. Норбер хотел прислониться к стене, но резко отдернул руку, лишь коснувшись её.. и здесь брызги крови... Затошнило сильнее..

Немалым усилием воли он взял себя в руки.. Прямо мимо Куаньяра, не заметив его, прошел человек. Норбер сразу узнал Билло.. его поразила невозмутимость, изящно и ловко, как крупный кот, Билло перешагивал через кровавые лужи, чтобы не запачкать обувь. Что же это, огромное самообладание или внутренняя чёрствость?

Откуда взялось разом столько... исполнителей? Ведь все были уверены, даже Дантон говорил о том, что драть глотки об истреблении врагов революции могут многие, но мало кто согласится лично поднимать на штыки и рубить безоружных...

Так кто они, эти сомнительные «герои»? Не обычные ли они преступники... те, кого тот же Дантон грозился отослать в армию, на передовую, если им так хочется кого-то убивать,

то пусть убивают иностранных интервентов и офицеров-дворян, изменников Родины из эмигрантских корпусов... А пока все они здесь... и кажется нашли себе занятие...

Но это верно лишь наполовину. Есть совсем другой тип исполнителей, готовых к роли палачей. Это люди, движимые личной мстью, унижение, боль и ярость которых столько лет подряд не могла иметь никакого выхода, долгие годы они были бессильны против привилегированных обидчиков, безнаказанных насильников, титулованных убийц... И как же их много не только в Париже, но и во Франции..

Впрочем, тот же Дантон хотел добиться того, чтобы парижскую молодежь, отправляющуюся на фронт и эмигрантов, стоящих на французской границе в составе войск герцога Брауншвейгского разделила «река крови», которая отрезала бы все пути назад, к сговору и компромиссу с представителями «старого режима».

Первый этаж, помещения, стены и ступени тоже не порадовали своим видом. Отчего же так тяжело сжимается сердце, ведь и в Тюильри 10 августа пол от крови не был сух. Сколько аристократов уже тогда оказались с нашей помощью в раю. Так в чем же дело?...

Уверенно прошелся по нескольким помещениям, охраняемым нетрезвыми и вооруженными людьми, ожидающими приказа к очередному этапу резни, а в ожидании продолжающими пить вино, смеющимися и распеваящими «*Ca ira*». Опьянение и сильнейшее нервное возбуждение от уже про-

лившейся крови делали свое черное дело.

В этих помещениях находились обезумевшие от страха заключенные, в основном аристократы обоего пола и священники, одни метались в истерике в поисках выхода, другие со слезами умоляли о пощаде, но на выходе из помещения всех их встречали сабли и пики охраны. Во внутренних помещениях заключенные забаррикадировались, пытаюсь организовать сопротивление.

Всё это позднее хорошо опишет в своих мемуарах офицер из «бывших» Журнийак де Сен-Меар, находившийся там, сумевший сохранить жизнь благодаря редкостному самообладанию, честным ответам и достойному поведению, которое произвело на санкюлотов определенное впечатление...людей, способных вести себя так среди этих кровавых кошмаров оказались считанные единицы.

Многие дамы рыдали, некоторые заключенные впали в тяжелое оцепенение, другие пытались найти место, где можно спрятаться в этом замкнутом пространстве, кто-то даже нашел в себе силы держаться спокойно, хотя бы внешне, но все они провожали его взглядами, полными нескрываемого отчаяния и ужаса.

В углу на матрасе лежал мужчина с полузакрытыми глазами и хрипло стонал, он был ранен, на боку расплывалось кровавое пятно. К нему склонилась молоденькая девушка, положила руку на лоб, ее бледное лицо приняло озабоченное выражение.

Она обернулась к своей соседке:

– Он не выживет без перевязки ...срочно нужна перевязка. Выбора нет.

– Значит, ты решилась? По-человечески от этих зверей ничего не дожидаться.

Обе замолчали, когда заметили, что один из санкюлотов всё слышит и наблюдает за ними. Наконец Куаньяр (это был именно он), решил вмешаться, голос прозвучал отрывисто и резко:

– Что именно ему сейчас нужно?

Одна из девушек, худенькая в светло-зеленом платье, поднялась с матраса и подошла к нему:

– Нужна чистая вода, бинты, спирт, иначе он умрет...», – и понизив голос, опустив глаза, – у меня нет денег, но я сделаю всё, что вы хотите...всё...

Смутившись, Куаньяр на секунду замолчал.

– Я ничего не хочу...но будут у вас и бинты и спирт. Могу я узнать ваше имя? Кто вам этот человек, брат, муж, жених? Кто он?

– Моё имя Александрин дез Эшероль...Нет, он мне не родственник, не муж и не жених... Он был среди защитников Тюильри 10 августа...

– Вам он никто и всё же вы были готовы ради него..., – он проглотил грубые слова, готовые сорваться с губ, – почему? Вы чем-то очень обязаны ему? Или кто-то раньше уже ставил перед вами такие условия?

Девушка ничего не ответила. Куаньяр хмуρο разглядывал ее миловидное юное личико, бледное от пережитого и от ожидания готовящегося кошмара, большие слегка потухшие глаза.

– Ждите, принесут и бинты и прочее. Да, принесут еще немного продуктов, вы неважно выглядите. Гражданин Марни! Жером! Я тебя видел, выходи!

На окрик в дверях появился лохматый коренастый мужчина с саблей на боку и бутылкой вина в руке, сняв красный колпак, он утер им лицо и небрежно оперся о косяк.

– Какие люди! Индеец, зачем ты здесь? Заходи к нам, выпьем!

Норбер знал его, как участника штурма Тюильри. Вроде хороший парень, сосед из Сент-Антуана, малообразованный, грубый на язык, это факт, но кажется, не маньяк, не палач по призванию, так зачем он здесь?

– В другой раз, Жером. В другой раз...

Куаньяр подошел к нему близко, никто из окружающих не слышал, о чем говорили санкюлоты, кроме одной фразы:

– Жером, принеси им лекарства, какие потребуются, продукты и ...бутылку вина... Считай, что ты делаешь это не для них, а для меня! И еще... я был бы тебе благодарен, если бы... ты позаботился об этой девочке, спаси её, если она враг нации, то я китайский монах...

К горлу подошел комок. На одежде и даже на руках Жерома он увидел засохшие бурые пятна, вспомнилось 10 ав-

густа. Сдержит ли он слово, не захватит ли его с головой то дикарское возбуждение кровью, которое он сам испытал в Тюильри?

Жером глотнул вина прямо из горлышка бутылки и кивнул:

– Хорошо, брат. Сделаю всё, как ты хочешь, мне не трудно. Пусть только держится ближе ко мне. Когда её вызовут, я могу перед Майяром сослаться на твою просьбу?

И обернувшись к побледневшей девушке, не сводившей с них глаз, прикурил от свечи и бросил небрежно:

– Держись ближе ко мне. И будешь цела.

Но та вдруг указала на свою старшую спутницу и раненого мужчину:

– А как же они? Я спасусь, а их...

Но молодая женщина лишь грустно покачала головой и слегка обняла девушку за плечи:

– Не думай о нас, это твой шанс.

Норбер поймал ее остановившийся умоляющий взгляд, противоречащий только что произнесенным словам.

Жером растерянно почесал лохматую голову и перевел мрачный взгляд на Куаньяра:

– Это еще чего?

Норбер выразительно закатил глаза к потолку. Ну и что с ними делать? Не знаю.

– Моя просьба остается в силе, брат. Александрин, держитесь гражданина Марни.

Норбер внутренне сжался от отвращения и сострадания, резко развернувшись, он направился к выходу, тотчас захлопнул дверь и замер, тело напряглось, лицо превратилось в каменную маску. Ну, вот и всё.

Ну, вот и всё... Прощайте, Александрин дез Эшероль. Я не знаю, сдержит свое слово Жером или нет, переживете ли вы эту ночь... Но как же я хочу, чтобы вам повезло... Когда же закончится эта страшная ночь?...

Свернув по длинному коридору в соседнее помещение, Норбер вдруг резко остановился от нескрываемого ужаса, почувствовав слабость во всем теле.

В одном из близко стоящих к нему заключенных мужчин он сразу и безошибочно узнал графа де Бресси, по счастью, тот не видел его, точнее не отличил от окружающих его других санкюлотов. Значит, две девушки и подросток рядом с Бресси, его дети и племянница?!

Дискомфорт от увиденного ранее, сразу отступил перед липким ужасом, ведь они... она сейчас буквально на волосок от смерти!

Исчезли из особняка Жюайеза после 10 августа, чтобы сейчас объявиться здесь, в стенах Аббатства.

Взять себя в руки. Все эмоции прочь, в мусорную корзину, нужно скорее на что-то решиться... ведь это короткое затишье перед новым этапом резни...

Майяра он нашел в одном из внутренних помещений за столом, заваленным с одного края бумагами, с другого гру-

дой сабель, в центре красовалась медная лампа.

Бывший пристав суда в Шатлэ сразу узнал Куаньяра, оба были среди тех, кто 10 августа вместе с народом штурмом брал Тюильри. Майяру с порога бросилось в глаза, как сильно побледнел «вождь краснокожих». Куаньяр лишь казался невозмутимым, но блуждающий рассеянный взгляд выдавал тщетно скрываемое напряжение нервов.

Майяр жестом указал ему на бутылку бордо:

– Выпей и успокойся, с чего вдруг нервы? На ступенях Тюильри крови было не меньше. Так-то лучше, с чем пришел?

Норбер уже успел уяснить себе причину отвращения к происходящему, он не считал, что между штурмом дворца и резней безоружных, которая происходила в этих стенах есть что-то общее, но сдержался:

– Я, собственно, к тебе по поручению..., – понизив голос до шепота, называя имя, Норбер склонился к Майяру через стол, – это касается судьбы троих священников и... еще одной семьи.. я должен забрать их всех...

– Нет проблем, укажи мне их...

– Станислас... а если так.., чтобы решить это дело между нами.. без ваших присяжных.. особенно это касается той семьи...

Норбер не мог не понимать, в каком состоянии сейчас находились Луиза и ее еще более юная кузина, почти девочка, они слишком многое пережили здесь, чтобы выдержать до

конца пытку неизвестностью... Да и что может в отчаянии отчудить сам де Бресси?

– Весьма обидное недоверие... их бы и так оправдали, но будет так. А вот священникам придется предстать перед Трибуналом, но всё же будь спокоен и за них... Встань рядом с нами, когда очередь дойдет до интересующих тебя людей, укажи на них...

– Есть деликатный момент, Станислас.. в отличие от священников, эти люди.. не должны видеть меня и знать, что именно я причастен к их освобождению...

Майяр выслушал его с легким удивлением, но вопросов задавать не стал:

– Встанешь под навесом в полумраке, тебя не увидят...

– Когда вы решили продолжить... работу? – последним словом Куаньяр всё же подавился.

– Менее чем через час, Норбер, ждать тебе недолго... Но с рассветом мы разойдемся по домам....

Поднявшийся было со стула, Куаньяр резко опустил обратно:

– Страшная смерть, но почему их рубят и забивают дубинками... а не расстреливают к примеру? Это было бы более...гуманно? В чем же дело, зачем так...мы же не звери, Станислас?

Майяр нахмурился:

– Тебе говорить легко.. А кто же выдаст им огнестрельное оружие? Кто официально подпишется под всем этим?

Не сделают этого ни наши, ни бриссотинцы. Ролан и Серван, Дантон и Робеспьер.. все, все одинаково устранились.

Если бы трибунал работал более эффективно еще в августе, этого бы не случилось.. Всем желательно это самое «устранение изменников в тылу в момент вступления пруссаков в Верден», как трещат газеты. Все хотят поднести кулак к носу бриссотинцам... Но все понимают, как это будет выглядеть в реальности и никто, никто не желает быть обвиненным хотя-бы в косвенном соучастии или в попустительстве!. Мне досталась неблагодарная и грязная работа, Норбер!

– Рад, что ты это понимаешь. По примеру 89 года вы пытаетесь возглавить и направить в нужное русло то, что предотвратить всё равно невозможно. Но здесь это ошибка, и хуже всего то, что эта роковая ошибка бросит тень на Якобинский Клуб в целом.. А бриссотинцы, газеты которых 3 сентября находят это «разумной мерой», 23-го припишут всю ответственность исключительно нам.. Словно Ролан и Серван как-то пытались предотвратить это.

И Куаньяр счел нужным добавить:

– И всё же я благодарен тебе и все признают твою энергию и способности организатора, говорят, то, что творится у Эбера в Ла-Форс вовсе не поддается никакому описанию...

Он знал, Майяр за это время спас более сорока человек, у Эбера удалось вырвать не более шести..

– Спасибо на добром слове, Норбер. Но кажется ты прав,

мне еще предстоит выслушать немало упреков и.. проклятий...

– Когда же это наконец закончится, Станислас?

– Сегодня и закончится.

Притаившись под навесом, незаметный для обвиняемых, Норбер наблюдал за работой импровизированного трибунала, суд был более чем кратким и выносил только два вида приговоров либо «помилован именем народа», либо... Майяр произносил коротко: « В Форс!». Обреченные думали, что речь идет о переводе в тюрьму Ла Форс, но это означало смерть.

Расправы начинались прямо во внутреннем дворе, иногда сразу за дверью, в отдельных случаях непосредственно в самом помещении, так, что брызги крови долетали до самих членов трибунала, пачкали документы... В таком виде эти документы и сохраняются для истории.

Норбер сделал выразительный жест, когда перед трибуналом появились один за другим трое пожилых людей в сутанках... После их оправдания он снова спрятался в сумрак под навес..

Граф де Бресси с семьей, даже не предстали перед Трибуналом, смертельно бледные, застывшие как статуи, прижавшиеся друг к другу, они были окружены вооруженными санкюлотами и выведены со двора тюрьмы еще до начала работы трибунала. И сейчас, оцепенев в глубоком ужасе, могли только гадать, куда их ведут и что именно намерены с ними

сделать.

– Идите за мной, – обратился Куаньяр к священникам, – я буду сопровождать вас, для того, чтобы вас не убили по дороге или не вернули обратно.. Вам ничего более не угрожает, граждане...

Неожиданно самый старший из них подошел к нему ближе и в порыве нахлынувших эмоций вдруг перекрестил якобинца:

– Да благословит вас Господь! Мы будем молиться за вас, хотелось бы узнать ваше имя...

Отчего-то Норбер невольно вздрогнул:

– Норбер Мари Куаньяр. Но вам следует молиться не за меня.., – он подошел к священникам совсем близко и одними губами произнес это хорошо известное имя, – вы были его учителями в коллеже Луи Ле-Гран..Вы обязаны жизнью именно ему...

– Но, гражданин.. не могли бы вы оказать милость.. еще одному человеку..вы.. благородный человек.. умоляю.. не откажите...

Луиза была спасена и к Норберу вернулась уверенность и доброе расположение духа. Услышав мольбу старика, он тихо вздохнул, они живы, что им нужно еще, и всё же..

– Кто этот человек.. он тоже священник? Незаметно укажите мне на него..если ваша помощь ему еще нужна...

Молодой человек в сутане не попался на глаза членам трибунала, что ж, это хорошо, не придется снова объясняться с

Майяром. Подойдя сзади, Куаньяр опустил руку ему на плечо:

– Вы с нами, гражданин, на выход...

– Нет... нет... как же так можно... меня даже не судили....

Ужас метнулся в широко раскрытых глазах, это было неприятно, Норбер резко обернулся к священникам:

– Выходим быстрее, не задерживаемся, объяснитесь с ним по дороге или вам так понравилось в этих гостеприимных стенах?! Ну же, живее!

Грубость проистекала прежде оттого, что сам Куаньяр уже буквально задыхался от желания выбраться из ада, где крики, мольбы о пощаде, стоны, рыдания, тяжелый запах крови. Он уже знал, эти воспоминания будут преследовать его достаточно долго... Ну и как это выносил часами сам Майяр?! Так вот за чью душу надо было помолиться...

– Эти свободны! – властным жестом отстранил он угрюмых вооруженных мужчин свирепого вида, уже приглядывавшихся к его подопечным.

За воротами Аббатства охране из санкюлотов пришлось перегруппироваться, сам Куаньяр шел на некотором расстоянии сзади, незамеченный освобожденными и вроде даже сам по себе.

Пройдя самые опасные, близкие к тюрьмам улицы, парни из Аббатства добросовестно отправились сопровождать священников и оставили без внимания де Бресси с семьей, всё выглядело так, словно забыли о них.

Группа растерялась, но совсем ненадолго, по знаку де Бресси все четверо резко ускорили шаг, чтобы свернуть в неосвещённый проулок.

Такой поворот дела совсем не понравился Куаньяру, наблюдавшему за ними с почтительного расстояния, он и так не слишком скрывался и его присутствие вскоре было замечено.

Он подошел к ним совсем близко и остановился. Де Бресси сделал в его сторону резкий отстраняющий жест, Куаньяр в опущенной на глаза шляпе, завернувшийся в темный плащ не был признан графом, но на его шляпе красовалась национальная трехцветная кокарда республиканца...

Норбер сначала не подумал, что обе стороны видели ситуацию совершенно по-разному. Он вышел из тени на освещенное место и поправил шляпу, намеренно давая возможность рассмотреть его.

Он хотел, чтобы де Бресси узнав его, понял, что бояться им больше нечего, но все вышло точно наоборот.

Лицо де Бресси чуть заметно изменилось, он отступил на шаг.

– Как.. это вы...

Зачем здесь этот тип? Вне сомнения он преследовал их, выследил, что же еще ему нужно? Конечно же, он хочет отомстить за все унижения, нанесенные ему кузенном Белланже, за то, что он мог счесть обидой со стороны самого графа де Бресси, за просьбу держаться на расстоянии от его племян-

ницы... Не зря же он допрашивал об их местонахождении родственников Белланже после 10 августа... едва не накрыл их в особняке Жюайеза.

Для чего же еще этот санкюлот возник здесь как чёрт из табакерки, в самый момент чудесного спасения?!

Убить его? Но де Бресси был совершенно безоружен, а из-за расходящегося на груди плаща Куаньяра он ясно увидел саблю и пару пистолетов.

– Эти улицы для вас также не вполне безопасны, – прервал молчание Куаньяр, – я намерен проводить... до самого порога дома...

– Могу я узнать.. гражданин.. с чего вдруг мы, едва не убитые в Аббатстве, заслужили такую трепетную заботу якобинца? – у де Бресси явно сдавали нервы.

Норбер почувствовал смутную обиду, а потому глухое раздражение:

– Вам предпочтительнее вернуться домой или в Аббатство, а может вам симпатичнее Ла-Форс и гостеприимство Эбера? У вас есть масса возможностей украсить собой вот один из этих старинных фонарей, как только вы попадетесь на глаза очередной группе волонтеров.. Я намерен дойти с вами до самого дома...

Но де Бресси увидел в этом предупреждении лишь прямую угрозу. И к чему этому упрямому санкюлоту так нужно узнать их новый адрес?

– Вы явились как расплата за случайность счастливого

спасения..Ведите нас, куда хотите, ведь знаю, стоит вам подать знак...я уверен, что вы не один... как появятся десятки ваших кровожадных дьяволов с пиками в красных колпаках!», – вырвалось со злобой и отчаянием – только имейте в виду, гражданин санкюлот, в кровавый ад Аббатства мы не вернемся иначе, как силой, зовите своих людей...а лучше прикажите убить нас прямо здесь!

Норбер задохнулся от гнева и острой несправедливости. До какой же крайности все они презирают нас... Сдержало лишь её присутствие.

– Может быть, вы окажетесь менее упрямы?, – Норбер с надеждой повернулся к Луизе де Массийяк и постарался придать своему холодному голосу максимально мягкий тон и чуть более эмоциональный окрас, – и поверьте, моё появление не угроза, а присутствие рядом защитит сейчас вас лучше любого охранного свидетельства... Не верите? Но разве я не пришел вам на помощь в Санлисе? Простите, что вынужден был напомнить об этом. Если вы поверите мне, я сделаю всё возможное для вашей безопасности...

– Мне кажется, что у нас нет выбора, – услышал он ее тихий слабый голос.

– Вы не раскаетесь в том, что доверились мне, – Норбер впервые позволил себе подойти к девушке совсем близко и осторожно взял ее за обе руки, что совсем не соответствовало простым нормам вежливости. Девушка немедленно отстранилась.

Страх и недоверие в ее глазах больно задели его, заставив отступить на шаг и пригнуть голову, изобразив подобие легкого поклона.

– Вы сегодня пережили слишком много даже для мужчины, – тихо добавил он, словно за что-то или за кого-то извинившись, – для меня память об этой ночи также окажется чрезмерно тяжела.

Де Бресси не выдержал, резко буркнул под нос:

– Вы один из них и вы говорите нам о чувствах!

Тёмные глаза Куаньяра загорелись яростью, граф считает его участником этой резни?! Вырвалось глухое рычание:

– Вы должны помнить, что я всегда относился к вам терпимо! Но сейчас, вы делаете всё для того, чтобы мне захотелось свернуть вам шею!

Де Бресси развернул плечи, словно принял боевую стойку:

– И что же сдерживает ваши страсти, гражданин санкюлот? Что же мешает вам отомстить разом всем нам за оскорбления маркиза Белланже? Уверен, вы и сейчас жаждете мести?

Но Куаньяр уже взял себя в руки и мерил его холодными глазами:

– Белланже мёртв. Хотите узнать, как это вышло? Мы встретились в Тюильри 10 августа. А теперь к делу, именно из-за вашего упрямства мы всё еще здесь. Все немедленно за мной, не желаете сообщать адрес и не надо, идём на улицу

Сен-Жак. Я найду для вас квартиру на ночь, а завтра...

– Завтра, мы освободим вас от трогательной заботы о нашей судьбе.

Де Бресси остался непреклонен.

Приближающийся шум, топот множества сапог и деревянных сабо, нестройные звуки «Са ира», воспроизводимой нетрезвыми голосами заставили всю группу остановиться и прислушаться...

– Волонтёры, – сузив глаза, Норбер обернулся к графу, – мы их дождались в результате вашего недоверия и упрямства. Как думаете, куда направляется в два с четвертью ночи вся эта веселая толпа? В Аббатство, в Карм или в Ла-Форс? Настроены ребята более чем решительно...

Побледневшего де Бресси откровенно передернуло. Девушки в молчаливом ужасе прижались к нему, пятнадцатилетний сын де Бресси пытался изобразить смелость, но после пережитого кошмара в стенах Аббатства это у него не получалось.

– Стойте где стоите и не думайте бежать, я член Парижской Коммуны, моего присутствия рядом с вами достаточно для вашей защиты...

А вот и санкюлоты. Бедно одетые длинноволосые юноши и мужчины из рабочих предместий, вооруженные фантастически разнообразно, кто саблями, кто пиками, кто плотничьими топорами и кровельными ножницами, у многих в руках были ножи, привязанные к длинным палкам...

Их весьма много, настроены они крайне воинственно... Норбер невозмутимо наблюдал, не выпуская при этом из поля зрения графа и его семью...

Толпа поравнялась с ними. Действительно, трехцветный шарф, опоясывающий Куаньяра, оказывал определенное действие. Их оглядывали мельком, но не проявляли ни малейшей враждебности, скорее явное почтение.

Неожиданно от толпы отделился худощавый, но мускулистый молодой человек в шерстяном красном колпаке, с пикой в руке, он пригляделся к Куаньяру:

– Норбер, брат?!.. Вот так встреча!

Норбер сразу узнал его. Жак Арман, сосед и товарищ детства, земляк!

– Ты же остался у нас за председателя! Ты давно в Париже? Зачем ты здесь?

Арман мрачно нахмурился:

– Тут такие дела.. сам как-будто не понимаешь.. Я участвовал в штурме дворца.. мне повезло.. Ты помнишь... я поклялся добраться до Белланже.. ублюдочный аристократ... я найду его и убью.. Он здесь, в Париже!», – бледное лицо молодого человека стало сосредоточенно свирепым, – он уничтожил всю мою семью, а я.. разберусь теперь с ними со всеми.. прежде чем уйду на фронт...

И сколько собралось подобных ему мстителей в Париже, а по всей Франции? Знает только один Бог! Дворянство пожинаяет то, что веками и годами сеяло само, своей надменно-

стью и черствостью, презрением и жестокостью к «низшему классу»...

Де Бресси вздрогнул и надвинул шляпу на глаза, подросток и девушки отвернулись, словно по команде. Они родственники искомого де Белланже и Арман легко узнает их...

Куаньяр слабо улыбнулся:

– Есть для тебя отличная новость, я тоже участвовал в штурме, правда, тебя не видел... Белланже убит, я сам застрелил его в Тюильри 10 августа! Что ты теперь намерен делать?

Арман тряхнул шапкой длинных сальных волос, тон его был по обыкновению резок:

– Я же сказал, скоро нас отправляют на фронт. Но до того... надо избавить патриотов от изменников в тылу... мало ли еще аристократов, кроме Белланже.. от меня не уйдет ни один! Ни один не уйдет живым! Я ненавижу их всем сердцем.. ты должен понять меня... Мы с товарищами идем в Форс.. или еще куда, какая разница! Всё идёт как следует, Норбер! Но... ты же понимаешь меня, брат? *Са іга!*», – худая, но очень сильная рука судорожно сжала пику, – где ты живешь? Хочешь, я принесу тебе под окно голову нашего общего «друга» де Ласи, говорят, он тоже сидит в Форс?

Его жёсткий смех ужасом отозвался в душе замерших в неподвижности спутников Куаньяра. Значит де Ласи угодил в Ла-Форс..

Норбер глухо рассмеялся в ответ, отметив про себя, что

спасенному им от фонаря 10 августа де Ласи катастрофически не повезло:

– Не нужно, что мне с ней делать, засушить и поставить на шкаф?, -и секунду помолчав, – Жак, мне кажется, тебе не следует туда идти.. там..Ты, наверное, просто не очень представляешь себе, что там сейчас...Не марайся в этой грязи, сразу отправляйся на фронт.

–Нет, Норбер..А кто говорил нам, нищим подросткам в Санлисе про Судный день еще задолго до взятия Бастилии, разве не ты?! Мы организуем этим гадам с голубой кровью персональный конец света! Всех нас в течение всей жизни лишали самого необходимого, унижали, морили голодом, безнаказанно убивали и насиловали ради развлечения, безнаказанно сбивали насмерть своими дорогими экипажами, что ж, пусть узнают нашу жизнь на своей шкуре! Не отговаривай меня, пустое! Я буду убивать их своими руками!», – он уже кричал, низкий рычащий голос Армана срывался от бешенства, – у них никогда не было жалости к нам, мы же для них не люди, чернь, отбросы, отчего нам, теперь жалеть их! Ты чрезмерно добр, Норбер.. слишком добр, это совсем нехорошо, будь осторожен!

Куаньяр смотрел на него спокойно, даже с долей сожаления.

– На ступенях Тюильри я тоже без жалости убивал их. Но там.. всё будет по-другому, перед тобой будут уже не те, высокомерные и вооруженные до зубов, эти будут беззащитны

перед тобой и измучены ужасом. Что ж, иди, ты сделал свой выбор!

Но Арман уже успокоился:

– Я сделал свой выбор много лет назад, как впрочем, и ты.., – и вдруг резко повернулся в сторону замершего у стены де Бресси и остальных, – а это еще кто тут у нас? Видно, что бояться, просто чувствую липкий запах страха!

Опустив пику, неторопливо он подошел к ним.

– А ну-ка.. подними шляпу с глаз, любезный! Честному человеку бояться нечего..

Норбер, видя опасное возбуждение Армана, решил вмешаться:

– Оставь их, они со мной!

Но Арман тихо присвистнул:

– Какие люди.. милейший граф,.. какая встреча.. моё почтение, мадемуазель и вам.. молодой господин!, – насмешливо улыбаясь, он снял красный колпак. В остановившихся зрачках таилась угроза убийства.

Девушки в ужасе прижались к де Бресси.

Норбер понял, что обе они очень недалеко от обморока. Он решительно встал между семьей де Бресси и пикой Армана.

– Я же ясно тебе сказал, эти люди со мной. Я отвечаю за них перед... (чтобы срочно придумать).. Советом Коммуны!, – тон стал очень властным и холодным, – клянусь, одно резкое движение в их сторону и....Революция потеряет одно-

го из своих защитников! Ничего личного, Жак!

Рука сама дернулась к эфесу.

– Да ладно! Я что, понимаю..., – Арман слегка отступил и опустил конец пики, – добрый улов.. Ну что, Бресси, пока не посчастливилось тебе украсить фонарь? Жаль, ты бы смотрелся на нем великолепно!, – глаза его зло блестели, ноздри нервно раздувались, – а твои цыпочки могли бы доставить немало удовольствия добрым санкюлотам, такое случилось с аристократками в Тюильри 10 августа... а потом и их..., – сделал характерный жест, ударив себя ребром ладони по шее и даже не заметил, как при его последних словах Норбер брезгливо поморщился.

Было странно видеть, как свирепая физиономия Армана изменила обычное выражение, на ней вдруг появилась растерянность и даже грусть. Даже низкий грубый голос стал гораздо мягче.

– Норбер.. мы выросли вместе, твой отец и брат поддерживали нашу семью в самые трудные дни, я всегда считал тебя товарищем.. братом... я всегда уважал тебя, ты читал нам Рейналя, Руссо.. Но уже дважды ты угрожаешь мне и почему? Из-за проклятых аристократов! Тех же самых, что и в прошлый раз в Санлисе! Разве их родственничек, Белланже не причастен к убийству твоего брата с семьей?! Ты один из самых искренних, честных патриотов, каких я знал... Я всегда доверял тебе, но, ни тогда, ни сейчас не могу понять. В чем дело, Норбер?

Куаньяр подошел ближе и опустил руку на плечо Армана.

– Жак, я ничего не имею против тебя и сейчас. У нас много общего, наш маленький Санлис, наше детство, общие друзья. У тебя есть все причины для такой ненависти. А у меня есть свои и крайне веские причины поступить так, а не иначе. Но не спрашивай меня ни о чем, это касается только меня одного, мое дело сопроводить их.. куда следует, и никто в этом мне не помешает!

– Ладно. Я понял тебя и не держу зла. Что ж, был рад встрече, Норбер, я, кажется, отстал от ребят, надо спешить, может, когда еще и встретимся!

Отсалютовав пикой, он бросился догонять санкюлотов.

Лица всех участников сцены, кроме Куаньяра были были бледны до зелени, девушки едва держались на ногах.

– Вы обязаны этой встрече своим упрямым недоверием, Бресси и сурово наказали себя и своих близких. А теперь извольте следовать за мной без разговоров. Я сниму для вас комнату на улице Сен-Жак, а завтра решу, что с вами делать дальше..Постарайтесь не устраивать мне сюрпризов...

– Что за чудовище! – вырвалось у 16-летней Жюли, дочери графа.

Норбер не понял, в чей адрес это прозвучало, в адрес Армана или его самого и потому откликнулся очень жёстко:

– Народ все эти века жил в аду, так что легкие изменения температуры мы уже не чувствуем.. Мадемуазель, ваши братья по классу столько веков подряд были уверены, что над

дверью в АД

висит надпись: «Только для черни!!!», что мы рады вас разочаровать: «Вход для всех!!! Демократия!

Упрямиться граф более не собирался. На фоне Жака Армана Куаньяр предстал перед ним в ином, чуть более мягком и выгодном свете.

Однако следующим ранним утром квартира, снятая для них оказалась уже пуста..

От отчаяния он зло швырнул старый облезлый стул, попавшийся на пути. Старуха консьержка опасливо уставилась на него.

– Но, гражданин, вы не говорили, что за ними надо следить..., – и осеклась, встретившись с тяжелым мрачным взглядом, замерла, увидев, как молодой человек в трехцветном шарфе медленно съехал по стене и сел на пол, подтянув колени к подбородку и закрыв голову руками..

(Я идиот! Надо было всё предусмотреть! Бресси, спасибо, любезный! Ну, и где теперь она?! С ней может случиться всё, что угодно, может их уже снова поймали, вернули в Аббатство или в Ла-Форс, может её уже убили?!)

В одном из кабинетов Тюильри у окна Куаньяр нашел Робеспьера и Сен-Жюста. Молодой друг Неподкупного мерил его прохладным взглядом, Норбер не был обижен, он понимал причину, юноша относился отстраненно к большинству людей из окружения Робеспьера, это касалось даже Демулена, исключением были только интеллектуал итальянец Бу-

онарроти и общительный, добрый Леба. Сам он воспринимался в большей степени, как близкий друг Огюстена. Ясно, что не без их поддержки Куаньяр вскоре окажется одним из депутатов Национального Конвента.

– Гражданин Куаньяр, у вас есть, что сказать мне? – это было брошено вполоборота, но Норбер успел отметить, что Неподкупный выглядит неважно, бледнее обычного, лишь скользнул по нему взглядом и отвернулся снова к окну..

– Да. Интересующие вас люди живы и в безопасности.

– Я знаю, вы сопровождали не троих, а восемь человек, – снова тот же скользкий, боковой взгляд.

– Да.. всё так. Эти люди не враги, я за это отвечаю лично и потому счел своим долгом...

– Хорошо.., – легкий, отстраняющий жест рукой, – каждый из нас на своем месте и делает всё, что в его силах.., – и помолчав с минуту, – вы были в Аббатстве... что там? – и снова боковой взгляд.

– Страшно, – честно и коротко ответил Норбер, также, не встречаясь с ним глазами, – думаю, в эту ночь мне трудно будет заснуть, как, впрочем, и в предыдущую..

– Не только вам, гражданин...

– К чему лишние эмоции? Это был необходимый акт, и мы все это прекрасно понимаем, – Сен-Жюст холодно сузил глаза.

Норбер хмуро и выразительно склонил голову. Неподкупный ничего не ответил другу и отвернулся к окну.

Вечер 10 августа 1792 после штурма Тюильри

Норбер успел переодеться, вишнёвый сюртук красиво облегал сильное стройное тело, брюки такого же цвета и на ногах высокие до колен сапоги. На голове гордо красовался красный колпак патриота с национальной кокардой.

Он решил навеститься в особняк маркиза де Белланже на улице Рая в секции Бонди. Маркиз состоял в секретных отношениях с Веной, на что указала молодая девушка из его прислуги, добрая республиканка.

Не стоит хлестко и презрительно называть это доносом, заявление оказалось справедливым и обоснованным, а сам маркиз де Белланже отнюдь не безвинная жертва клеветы и классовой ненависти.

После смерти маркиза секретная переписка с Австрией без сомнения, оказалась в руках его родственников, остается надеяться, что они еще не сбежали. Несколько молодых санкюлотов отправились с ним, но Куаньяр оставил своих людей на улице, с задачей окружить дом и охранять парадный и чёрные выходы.

Испуганный лакей попятился, увидев человека опоясанного трехцветным шарфом, выдававшим чиновника-якобинца. Дома оказалась лишь 45-летняя мадемуазель де Белланже, его кузина, сестра и мать, вот-вот должны вернуться.

Обычная надменность и презрение исчезли с лица мадемуазель совершенно. Неловкий и скромный «плебей», над которым они так весело насмеялись в Санлисе, предмет

ненависти и злобных сплетен местной знати, теперь выглядел совсем иначе, он стал для них смертельно опасен.

Но испытать страх мадемуазель де Белланже заставило то, что с грубо-красивого лица Куаньяра исчезло выражение скромной почитительности, этой привычной защитной маски простолюдинов, она наткнулась на холодную свирепость остановившихся зрачков. Момент истины, мадемуазель?

Вот что таили в себе покорность и униженные поклоны ваших слуг и безответных крестьян... В руке он держал пистолет.

– Вместе мы дождемся ваших родственников!, – его бархатистый голос приятно завораживал, чудовищно не соответствуя выражению глаз.

Куаньяр медленно подошёл к мадемуазель де Белланже и, приподняв её голову за подбородок, заглянув в расширенные глаза, их губы оказались совсем близко, она сразу же сделала из этого свои выводы, уперлась ладонями в его грудь, в ужас косясь на пистолет:

– Нет, ради Бога, нет, возьмите что хотите, вот хотя бы мои золотые украшения, возьмите деньги, месье, только не делайте этого!

– Как же изменился твой тон, милая.. вот уже и «вы», и «месье», а то всё «плебей и негодяй .., – губы Куаньяра против воли расплылись в презрительной усмешке, – я не насильник, так что успокойся, может я груб сейчас, не слишком галантен, непохож на ваших кавалеров, как в извест-

ной песне «я санкюлот, горжусь тем я, назло любимцам короля», но не бойся, при твоих внешних данных ты умрешь девственницей... не стесняйтесь, мадемуазель, откройте вот этот шкаф... нет, я не грабитель, мне не нужны ваши деньги, а вот документы, пожалуйста, доставайте быстрее... пока не случилось беды, а то я человек очень нервный, очень устал... и очень ненавижу аристократов. Мне надо торопиться, а вдруг господина Монморанси, бывшего министра Капета, повесят без меня? Никогда себе этого не прощу... – последнее было сказано, скорее, с насмешкой, чем со злобой.

Его немного развлекал испуг этой еще недавно надменной и властной особы, разом растерявшей всю привычную барскую спесь.

С четверть часа он, молча, перекладывал бумаги, бросая на женщину хмурые взгляды. Всё это очень интересно и всё же не совсем то, что нужно.

– И где же старуха Белланже, где сестра маркиза? Где кухня? – заложив руки за трёхцветный пояс и сузив глаза, обратился Куаньяр к мадемуазель де Белланже, – ну же, я должен знать правду! Сбежали? Бросили вас? Не удивлюсь ничему, семейка моральных уродов...

– Они пошли к председателю нашей секции, узнать, сможем ли все мы получить пропуск и выехать из Парижа...

Норбер спокойно пожал плечами:

– Значит, они уже арестованы. Представляю себе бессильную ярость мамыши Белланже, приятно было бы повидать

её... кухня менее достойный противник, но даже она не лепетала бы сейчас, как вы... что вы знаете о переписке маркиза?

Мадемуазель де Белланже слабо вздохнула:

– Достоверно, ничего. Как понимаете, всё это слишком серьезно, чтобы кузен стал посвящать в это семью, особенно женщин... – встретившись с его невозмутимым, жёстким взглядом, она обреченно сникла.

Но реакцию Куаньяра просчитать слишком сложно, внешнее отсутствие эмоций обманчиво.

– Уходите! – резко бросил он, не оборачиваясь, через плечо.

– Что?! – мадемуазель де Белланже боялась поверить тому, что услышала.

– Ты еще и глухая, аристократка?! Убирайся, исчезни! – грубость Норбера проистекала от его собственных сомнений в правильности того, что он делает.

Перепуганная и жалкая, старая дева, она не вызывала в нем злости, скорее пренебрежение.

– Ваша кухня, которой не отказать в сословном высокомерии и ненависти к санкюлотам держала бы себя совсем не так, верно?

Она нерешительно подошла и слегка коснулась его плеча.

– Но месье... я хотела сказать, гражданин... Помогите мне получить пропуск, чтобы выехать из Парижа... без пропуска мне далеко не уйти...

– Я сказал лишь, что дам вам шанс уйти, но помогать вам я не намерен, убирайтесь! Это мое последнее слово! – он бросил эти слова вполоборота, не сводя с куста цветущей акации за окном остановившихся, широко открытых глаз. Обернувшись на секунды и облизнув сухие губы, смерил ее взглядом, от которого женщина убрала руку с его плеча и слегка попятилась.

После Куаньяр повернулся спиной к мадемуазель де Белланже и скрестил руки на груди, давая понять, что ничего другого она от него не услышит.

Шорох из соседней комнаты заставил его резко обернуться. Он только что обошёл все комнаты, не поленился заглянуть даже в шкафы, не обнаружил никого. Хозяйка слегка сжалась под тяжелым взглядом республиканца.

– Жюстина! Ради всего святого, зачем ты вышла?! Ты же погубила себя!

А вот и кухня. Высокая, зеленоглазая девушка лет двадцати трех, с длинными и вьющимися кольцами рыжеватыми волосами.

В Санлисе Норбер постоянно видел её гуляющей с племянницей графа де Бресси...

– Гражданка Габрийяк? Рад вас видеть. Давно вы в Париже? С графом де Бресси и его семьей всё в порядке?

Жюстина де Габрийяк отреагировала более чем холодно:

– К чему эта формальная вежливость, гражданин санкюлот? Я слышала, как вы только что грубо отказали тётке Ате-

наис в получении пропуска...

– Гражданочка, я лишь сказал, что не стану содействовать в получении пропуска, но не стану и мешать, у нее есть шанс. Она вполне свободна, чтобы... убраться отсюда!

И повернувшись в сторону Атенаис де Белланже, бросил резко:

– Вы слышали меня, гражданка? Сейчас сюда зайдут мои люди, и начнется настоящий обыск, затем этот дом будет опечатан. Уходите. Останетесь, будете арестованы со всеми вытекающими последствиями.

Атенаис де Белланже растерянно смотрела на молодую родственницу.

Жюстина де Габрийяк взглянула на республиканца жёстко и сумрачно:

– Я тоже могу быть свободна, гражданин санкюлот?

Куаньяр сузив глаза, разглядывал ее, затем как-то неуверенно подошел ближе:

– Вы тоже свободны, но только после того, как ответите мне на вопрос, который только что проигнорировали. С семьей де Бресси всё нормально? В Санлисе после моего отъезда не было крупных беспорядков?

Девушка холодно и недоверчиво смотрела на него:

– Беспорядки были, их имение не тронули, зато сожгли наше и наших соседей де Ласи. Они уехали из Санлиса 1 августа, за три дня до нас.

Куаньяр слегка изменился в лице:

– Вы хотите сказать, что они эмигрировали?! Потрудитесь ответить правду: да или нет. Будете молчать, наше общение, столь малоприятное для вас, затянется надолго, ответите, вы обе свободны. Неужели я так много прошу?!

Атенаис де Белланже не выдержала первой:

– Боже, Жюстина, скажи этому упрямому санкюлоту всё, что ему нужно, и мы уходим! Никуда они не эмигрировали, здесь они, в Париже!

Мадемуазель де Габрийяк нехотя разжала губы:

– Вы всё слышали, что хотели, гражданин? Мы свободны? Или вы отказываетесь от своего слова?

– Вы думаете, что слово способен держать только дворянин? – резко ответил Норбер, – и будто вспомнил о чем-то – у графа де Бресси в Париже ведь проживает сестра с мужем... герцогиня... как там её?

К нему медленно и вальяжно подошел Жюсом:

– Ну что, начинать, наконец, обыск? С дамочками что делать?

– Лучше напомни мне, Пьер, как по мужу фамилия сестры графа де Бресси? Знаю, что они давно обосновались в Париже, еще до 89 года. Только не скажи сейчас, что тоже этого не помнишь. «Бывшие» они или нет, но они наши земляки.

– Почему не помню, – Жюсом снял фригийский колпак и утер им влажный лоб, – отлично помню, Жюайез, по мужу она герцогиня де Жюайез. Они были даже представлены ко Двору, но ясно, что теперь со всем этим дерьмом покончено.

Увидев, как сильно побледнели и изменились лица обоих женщин, Куаньяр понял, что попал в точку.

Разумеется, не факт, что эти родственники не погибли сегодня утром в Тюильри или не скрылись куда еще, владельцы крупных особняков в Сен-Жерменском предместье нередко стремились теперь замаскироваться под рядовых парижан, но всё-таки это крепкая нить.

Вот где с высокой долей вероятности мог находиться де Бресси с семьей. А вот это важно.

Между тем, Луиза была бы очень рада, что ее подруга жива и на свободе...

Куаньяр подошел к мадемуазель де Габрийяк совсем близко и очень тихо, одними губами прошептал:

– Лично я посоветовал бы вам найти семью де Бресси и остаться с ними. Тем более я уверен, что вы знаете их местонахождение. Но...если вы действительно хотели вы получить в вашей секции пропуск для выезда из Парижа... Хотели бы вернуться в Санлис? Не прямо сейчас, но через несколько дней это было бы вполне возможно...я мог бы вам в этом помочь...запишите мой адрес.

Девушка вдруг резко выпрямилась и с возмущением отшатнулась от него:

– Гражданин санкюлот, я не нуждаюсь в ваших ценных предложениях. Либо вы нас отпускаете, как обещали, либо мы обе арестованы.

Только сейчас Норбер понял, как она поняла его предло-

жение содействия, она приняла его за предложение половой близости в обмен на помощь. Кидаться подобными предложениями было совсем не в его правилах, хотя... многие другие, безусловно, этим приемом пользовались.

Предложение оскорбительное для молодой аристократки не столь само по себе, через постель нужного чиновника дамы «пробивали» необходимые им решения даже при Дворе при старом режиме, сколь отвратительное потому, что исходило (как ей казалось, исходило) со стороны одного из ненавистных и презираемых ее классом санкюлотов и республиканцев.

Неловкость быстро сменилась сильнейшим раздражением:

– Катитесь обе...вы свободны. Граждане, заходим, живо, начинаем тщательный обыск! Переписка должна была остаться в доме, ищите тайник!

Когда за женщинами закрылась дверь, Куаньяр отдал распоряжение Жюсому:

– Отправь кого-нибудь проследить за ними, но очень осторожно и ненавязчиво, не спугните. Эти родственницы Белланже меня крайне мало интересуют, но меня крайне интересует местожительство семьи де Бресси

Жюсом жестом подозвал троих молодых санкюлотов:

– Ребята, слышали, что сказал гражданин Куаньяр? Но аккуратно, дамочки не должны вас заметить. По возвращении доложить. Отправляйтесь, живо.

Пьер хитро сощурил глаза, его насмешливая улыбка выводила Норбера из равновесия:

– Тебя интересует всего один член семьи де Бресси! Это я понял уже давно, еще в Санлисе!

– Заткнись, пожалуйста! И сделай, что тебя просит друг! Я очень переживаю, знаю, что уже скоро на аристократов начнется настоящая охота, хотелось бы уберечь де Бресси... уберечь её... от этой травли.

– Ладно, Норбер, я выясню всё, что возможно. Думаю, нам смогут помочь люди из секции, на территории которой находится особняк Жюайеза. Кто, как не они обязаны точно знать максимум о местных обитателях, кто уехал и куда, кто приехал и откуда.

Немногим позднее Норбер узнал, что старуха де Белланже и сестра маркиза были схвачены на заставе, при попытке под чужими именами покинуть Париж, и отправлены под трибунал ровно через неделю, 17 августа.

Было ли Норберу жаль их? Пожалуй, что нет. Он не безжалостен, скорее не сентиментален и скуп на лишние эмоции. Ничего не поделать... Это их судьба... это общая судьба всех аристократов, всех вчерашних «хозяев жизни»...

Эти люди никогда не отпустили бы его самого, если бы им суждено было поменяться местами, он это знал, и к чему тогда зря точить слезы?

Менее чем через час...

– Ну, что нового, Пьер? Что случилось?! Они исчезли?!

Жюсом хмуρο кивнул:

– Так и есть. Видишь ли в чем дело... ты не ставил задачи арестовать их, только осторожно выяснить, по-прежнему обитаем ли особняк Жюайеза, на месте ли хозяева, нет ли у них гостей, родственников из провинции. Всё так и было. Но... Атенаис Белланже с кузиной, покружив по городу для вида, стучались именно в двери особняка герцога Жюайеза. По-видимому, их красочный рассказ о том, как особняк Белланже был опечатан, а их почему-то отпустили, спугнул обитателей. Думаю, они рассказали и о том, что по их души явился земляк из Санлиса гражданин Куаньяр и расспрашивал о семье де Бресси... Сейчас сен-жерменский особняк герцога пуст, нет ни хозяев, ни их гостей...

Противостояние якобинцев и Жиронды в 1793 году, Марат и Шарлотта Кордэ

... Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день готов за них на бой...»
(Гёте «Фауст»)

Жирондисты, обвиняя своих коллег-соперников в дезорганизации и анархизме, не прекращали своих агрессивных выходов, инсинуаций и противодействия во всём. Стоит строго заметить, их деятельность в этот период свелась к интригам и инсинуациям против якобинцев, к красивым речам, расточаемым с трибуны Конвента и громогласной защите интересов крупных собственников, что не добавляло им симпатий малоимущего большинства французов...

29 октября 1792 года жирондист Лувэ произнес агрессивную обвинительную речь, прямым текстом требовал эшафотов для Робеспьера, Марата и Дантона одновременно, обвинения были размыты, противоречивы и часто абсурдны, но озлобление совершенно искренне и направленно.

Их агрессия против якобинцев не прекращались месяцами: нападения на Марата в октябре 1792 и в апреле 1793, а 24 мая добрались до Эбера, Варлэ, Марино и других, решившись снова поднять дело о событиях сентября. Показательны в этом отношении анти-якобинские памфлеты Бриссо, обращенные к своим избирателям от 24 октября 1792, от 23 мая 1793 года.

По призыву жирондиста Барбару в октябре 1792 город Марсель выслал отряды федератов, состоящих из богатой молодежи «для защиты от санкюлотов», они вели себя агрессивно, орали песенки, в которых требовали кровавых расправ и казней якобинцев:

«От Парижа к берегам Ривьеры

Докатился звон набата -

Вот и мы пришли на голос звона.

Мы казним сегодня Робеспьера,

Завтра снимем голову Марата,

Послезавтра – голову Дантона!»

Вот так «гуманисты и миротворцы», вот так «умеренная» оппозиция... Но в этом вся суть подобных «миротворцев» всех времен и народов...

Интереснее будет другое, федераты, призванные, чтобы защитить депутатов крупной буржуазии от санкюлотов, чуть позднее и вместе с последними, будут штурмом брать Тюильри...

Видимо, активность и профессионализм якобинских агитаторов Сантерра, Шометта и прочих, посещавших казармы федератов нельзя сбрасывать со счетов.

Современники характеризуют жирондистов, как «партию людей ловких, тонких интриганов и крайне честолюбивых». По словам Кутона: «Они хотят Республики, но хотят также аристократию».

Они презирали народ и боялись его, стоит прочесть их мемуары. Например, послушаем Бюзю: «Париж – это сентябрьские убийцы», «чтобы нравиться парижскому народу – надо обладать его пороками» и т.п. Стоит послушать и Робеспьера: «Они обнаруживали большую чувствительность, но такую, которая плачет почти исключительно над врагами Свободы».

И то верно, агрессивные к коллегам по Конвенту, они расточали свое показное миролюбие исключительно в отношении роялистов.

В январе 1793 роялистом Пари был убит депутат Конвента Лепелетье, за то, что он голосовал за казнь бывшего короля...

Процесс Людовика это главным образом процесс политический и показательный, именно поэтому его исход был

предрешён без лишних эмоций. Личный интерес в смерти Людовика мог иметь только Филипп Орлеанский и его сын, герцог Шартрский...

Обвинения в государственной измене подтверждали сотни писем и документов, извлеченных из сейфа бывшего короля после штурма Тюильри.

Стоит сказать сразу, Людовик не невинная жертва и пострадал отнюдь не «за грехи предков», как любят писать роялисты и сочувствующие им авторы, а за свои собственные грехи. Во всех странах мира, в это время, во всяком случае, государственная измена автоматически означала высшую меру.

С другой стороны, жизнь или смерть Людовика это жизнь или смерть самой Революции и Демократии. Жить или погибнуть молодой Республике во Франции, вот в чем вопрос. Этот человек опасен не только сам по себе, он личность весьма незначительная, а как коронованная фигура и ненавистный символ монархии.

Пока он жив, это поддерживает агрессивный боевой дух роялистов, они не прекратят устраивать заговоры ради его освобождения, высланный же за границу, он станет живым знаменем для эмигрантских корпусов, стоящих на французской границе и готовящихся к вторжению, его присутствие поднимет боевой дух роялистов.

Его казнь сделает революцию необратимой, а Республику окончательной ормой французского государства. Как вер-

но заметил Робеспьер, штурмом Тюильри, народ уже вынес смертный приговор Людовику, ведь ранее, простые люди считали личность монарха священно неприкосновенной, таким образом, всё остальное по существу формализм. Это с одной стороны всё так...

Но эти рассуждения доступны лишь уму образованных революционеров, способных к глобальному и абстрактному мышлению, свободных от благоговения перед коронованными и титулованными особами...

С другой стороны, поразительно, с этой логикой не согласился Марат, буркнувший под нос после аналогичной речи Сен-Жюста:

—Этой доктриной нам причинят больше зла, чем все тираны мира вместе взятые!

Тем удивительнее, что все эти соображения вовсе не исключали сочувствия к Людовику, как к человеку. Это было заметно даже в поведении Марата, которого противники рисовали типом с садистскими наклонностями, слёзы Эбера тоже выглядели вполне искренними.

Марат был сторонником открытого процесса, пусть даже он будет чисто политическим и уже потому предрешенным.. Он считал, что в ином случае, в глазах простых малограмотных людей, приученных рабски почитать коронованных особ эта казнь, будет выглядеть как обычное убийство...

Удивительно, но каждый по-своему прав.

А что же жирондисты, эти лже-республиканцы? Они откровенно пытались выгородить Людовика, апеллируя к чисто роялистской логике, диктующей формулу, согласно которой личность королевской крови является особой «священной» и не подлежащей никакому суду в принципе!

Но разве это рассуждения революционеров и республиканцев? Что же будет дальше? *Qui vivra verra...* («поживём, увидим...»)

Вся правда в том, что значительная часть этих людей, не была искренними республиканцами и их тайные симпатии всегда склонялись к конституционному роялизму.

В их планы входило сначала подчинить Людовика своей воле и при формальном сохранении монархии стать фактически правящей силой, событий 10 августа они не хотели и приняли Республику задним числом, имея в виду, что она должна стать сугубо олигархической, буржуазной, но не подлинно демократической, к чему так стремились якобинцы.

Поэтому на разных этапах 1791-1792 года их политика существенно менялась, успешно шли тайные переговоры с королем и, они становились защитниками трона и крестили сторонников Республики анархистами и экстремистами, но если Людовик не шел на уступки, бриссотинцы стуча в грудь, изображали из себя пламенных республиканцев, да еще «отцов-основателей Республики», и это те, кто был против штурма дворца 10 августа...

Спасение короля оставляло последнюю лазейку к сгово-

ру с династией Бурбонов на выгодных условиях. Их избирательный «гуманизм» неизменно распространялся только на тайных и явных врагов Республики, но никогда не распространялся на коллег по Конвенту, якобинцев, что характерно и станет видно позднее.

В схватке вокруг бывшего короля кипели политические страсти, но не личные чувства, это борьба социальных интересов, но не чьей-то личной жестокости или милосердия...

В новом 1793 году противостояние жирондистов и якобинцев продолжалось в ускоренном темпе.

А далее? По порядку: в марте 1793 года с фронта пришло известие об измене генерала Дюмурье, ставленника Жиронды, пытавшегося повернуть войска на Париж, разогнать Конвент и усадить на восстановленный трон герцога Шартрского, сына Филиппа Орлеанского, родственника казненного короля, изображавшего из себя якобинца.

Не поддержанный ни офицерами, ни солдатами генерал Дюмурье сбежал в Англию вместе с герцогом Шартрским, отец которого, герцог Орлеанский был казнен, как сообщник.

Апрель 1793 года. Жиронда обезумела от ненависти к якобинцам, они придумали повод и рискнули отдать под трибунал Марата.

Обвинения были построены на том, что из циркуляра, написанного Маратом крайне эмоционально, впрочем, как всегда, они произвольно выдергивали фразы, вне основно-

го текста звучавшие агрессивно и жестоко, якобинцы настаивали на том, чтобы злосчастный документ был зачитан полностью. Впрочем, есть мнение, что Друг Народа всего лишь подписался под этим документом, будучи в тот день председателем Клуба.

Это был тот самый злосчастный циркуляр, из которого враги Друга Народа с 1793 года и по сей день выдёргивали цитату о «100 тысячах голов, которые следует отсечь ради победы французской Республики..» Эта цифра произвольно повышалась вместе с накалом эмоций от 600 голов до 500 тысяч...

Но в общем тексте смысл этих слов был иным, он, как и всегда предостерегал нацию и её представителей от беззаботности перед лицом врага.

Марат считал, что неуместная сентиментальность впоследствии будет стоить народу миллионов жизней, которых роялисты и их иностранные союзники не пощадят, когда снова почувствуют себя хозяевами страны...

Итак, пусть погибнут эти опасные и совершенно бесполезные как паразиты «золотые» 100 тысяч привилегированных, графов и маркизов, чем миллионы людей из народа. Эти слова продиктованы чувством республиканского самосохранения, а не личной «жажды крови».

К тому же, количество «100 тысяч» было «снято с потолка» для эффекта, что позднее признал и сам Друг Народа, и таким образом не представляла собой никакого «чудовищ-

ного продуманного плана истребления»...

Таким образом, стало понятно, что обвинения строились на грубых инсинуациях, в общем тексте смысл этих фраз имел несколько иное значение.

Якобинцы, сотни людей разом в один голос решительно заявили со своих мест, что все подпишутся под злополучным циркуляром, не видят в нём никакого «бешенства» и призывов к анархии, жирондисты были растеряны и взбешены провалом обдуманного процесса. Усилия жирондистов были напрасны. Друг Народа был оправдан с триумфом.

Но этот процесс лишил жирондистов последних симпатий парижан.

Май 1793 года. Жиронда не унимается, вопреки закону они хватают якобинцев, бросают в тюрьмы, на основании смехотворных несерьезных обвинений, запрещают их собрания.

Ослепленные ненавистью, они рискнули создать Комиссию 12-и, состоявшую из одних жирондистов, то есть людей заранее предубежденных, чтобы снова поднять тему «сентября»...

Жирондистов не пугал устроенный ими раскол Конвента... И это делают люди, всё время выставлявшие якобинцев «анархистами и дезорганизаторами», что они и напишут в своих мемуарах, полных восхваления своей политики, как единственно разумной, и яростных проклятий в адрес оппонентов.

Не примирения, а подавления якобинцев и казней их руководителей добивались эти люди, называвшие себя «умеренными» и «сторонниками нестрогих мер», интриговали и проявляли агрессию с самого сентября 1792 по май 1793 года, пока у тех не истощились остатки терпения...

Восстание, во главе которого стоял Марат, более других пострадавший от их нападков, разразилось в Париже 31 мая- 2 июня. Здание Конвента было окружено национальной гвардией под командованием генерала Анрио, лидеры Жиронды, 22 человека были отданы под нестрогий домашний арест и лишены депутатского иммунитета.

Однако, «кровожадные» якобинцы отнюдь не репрессировали своих оппонентов как партию в целом, а лишь арестовали руководивших ими подстрекателей, 22 человека, занявших контрреволюционные позиции, в лице Антуана Сен-Жюста выразив остальным сожаление и надежду на их благоразумие, сумев отделить людей заблуждавшихся от изменников. Эти жирондисты оставались в Конвенте до октября 1793 года.

Из переписки некоторых жирондистских депутатов, можно привести в пример Дюбо и Шассе, с друзьями из провинции видно, они сами задумали переворот, устранение якобинцев и казни их крупнейших руководителей, письма датированы 15 мая, 24 мая..стали создаваться отряды для «крестового похода» на Париж.

Так кто же реально развязал гражданскую войну летом

1793? Разве якобинцы?

Так, Марсель, руководимый жирондистской администрацией, взбунтовался еще до 31 мая, а отнюдь не в следствии, как станут утверждать они сами и их защитники...

Жирондисты Бордо еще 8 мая отправили в Париж открытое письмо с угрозами в адрес якобинцев... А 12 мая взбунтовалась жирондистская администрация Лиона...

Выходит, якобинцы Парижа 31 мая всего лишь опередили их...

Это июнь 1793 года... После перечисленных фактов становится ясно, что «агрессивность» якобинцев и «гуманизм» жирондистов это политический миф, созданный самими жирондистами.

И эти люди еще восхваляли себя как «отцов основателей» Республики и «подлинных» революционеров. Они, которые были против штурма дворца и стали «республиканцами» задним числом! По крайней мере, это касается этих знаменитостей...

Высокое самомнение у этих буржуазных «граждан-господ», не сумевших ни открыто признать себя умеренными роялистами, к которым всегда склонялись, ни стать настоящими республиканцами, для этого они слишком чурались народа и брезгливо презирали его, всех этих грубых, необразованных, плохо одетых людей...

«Подлинные революционеры», «отцы-основатели Республики»? Разве что в собственных глазах...

Во имя Разума! «Отцы-основатели»?!

Они были против штурма Тюильри перед 10 августа и вообще не принимали в нём участия!

Они защищали Людовика и открыто одобряли преступление фанатичной роялистки Кордэ, что характерно, также воображавшей себя республиканкой, да еще и «подлинной», это уже диагноз.

Последнее есть отнюдь не христианские чувства, а выражение политической позиции, ибо эти же самые люди рукоплескали массовым убийствам рядовых якобинцев в Лионе, Марселе и Тулоне...

В марте 1793 года именно жирондист Ланжюинэ предложил проект закона о расстреле за ношение белой (монархической) кокарды в мятежной Вандее.

В то время как Марат, оклеветанный противниками как «кровожадный монстр» резко осудил этот проект, справедливо заметив, что такой закон противоречил бы совести и здравому смыслу, карать следует не невежественных крестьян, а их подстрекателей – дворян и неприсягнувших конституции священников, убеждавших паству, что убийства и даже пытки пленных республиканцев «угодны Богу...».

Тем временем Верньо, Бриссо, Петьон, Жансонэ, Барбару, Гюаде без труда сбежали из Парижа в течение первых же дней, настолько нестрогим был их «домашний арест». И занялись разжиганием гражданской войны в родных депар-

таменгах, сея у населения страх и ненависть к якобинцам, особенно к Марату, активнее других способствовавшему их свержению с политического Олимпа.

В целях пропаганды все средства хороши и они лгали, не стесняясь, расписывая мнимые «ужасы и зверства» творящиеся будто-бы в Париже, «улицы залитые кровью, изуродованные трупы на тротуарах...»

Они нашли благодарных слушателей, именно бежавшие в Канн жирондисты – вдохновители фанатичной дворянки Шарлотты Кордэ д,Армон.

Следует, наконец, развенчать и миф о мнимом «героизме» мадемуазель Кордэ раз и навсегда. Замкнутая, высокомерная и тщеславная молодая особа, она с юности считала себя умственно и духовно выше окружающих и мечтала чем-нибудь выделиться и прославиться.

Впрочем, стоит по справедливости отметить, девушка была очень вдумчивой, читала только серьезную литературу, увлекалась историей, презрительно игнорируя легкие «дамские» романы.

Мечтала об общественной деятельности на пользу Франции, её совершенно не привлекала типичная для ее времени женская судьба, роль соблазнительной любовницы или домохозяйки, матери семейства.

Напрасно тетка пыталась знакомить ее с кавалерами, Шарлотта оставалась вежливо-холодной, ее интерес к мужчинам ограничивался дружескими чувствами к некоторым

из них. Девушка оставалась одинокой и независимой, никому не жена, не невеста и не любовница.

Сентиментальную историю, возникшую сразу «по горячим следам», о том, что совершенное ею громкое убийство это месть за казнь своего жениха или любовника следует считать бездоказательным домыслом.

Дело в том, что общество конца 18 столетия считало, что у женщины не может быть никаких политических убеждений (раз она существо сугубо домашнее, все интересы которого сосредоточены на мужчине и ребенке), тем более, считалось, что эти убеждения не могут быть самостоятельными, а не внушенными каким-либо мужчиной, отцом, братом или мужем.

Люди обоего пола тогда были уверены, что единственным побуждающим к действию мотивом для женщин могут быть только эмоции, нечто сугубо личное, в первую очередь любовная страсть или материнский инстинкт, но никогда интеллект и какие-либо абстрактные идеи.

Мадемуазель Кордэ ярко продемонстрировала своей речью и поведением, что это не так, она держала себя не хуже, чем мужчина в ее положении, и уже этим сильно раздражала публику, именно поэтому некоторые журналисты называли ее «мужеподобной», неженственной особой.

В известном смысле, Шарлотту пытались унижить, приписывая ей любовника и объясняя убийство личной мстью. Убийство по личным мотивам, бытовой криминал, для такой

личности как она слишком мелко.

Она холодный фанатик контрреволюции, это так, но она не экзальтированная дамочка, действующая в запале личных страстей. Можно даже сказать, что она противник достойный уважения.

Всё её «мужеподобие» заключалось не только в факте совершенного убийства, но в четко выраженных политических убеждениях, которых женщинам иметь не полагалось, сильном характере, хорошо развитом интеллекте и слабой эмоциональности, в то время, как у традиционно «женственной» женщины эмоциональность «должна» была зашкаливать, подавляя всякую умственную активность.

Провинциальная дворянская семья Кордэ жила очень бедно, по крайней мере, по меркам своего класса. Тем не менее, и родственники и всё окружение мадемуазель Кордэ принадлежали к «правоверным» роялистам, её брат в начале революции эмигрировал.

Сама Шарлотта гордо считала себя республиканкой, так, однажды за столом она решительно отказалась пить за здоровье короля, чем возмутила отца и шокировала остальных присутствующих.

Свой вызывающий поступок она объясняла тем, что Людовик, как правитель, слаб, а слабый король не сможет принести счастье и процветание своей стране.

Кажется, ее представления о Республике носят скорее отвлеченно-идеализированный характер, замешанный на фан-

тазиях об античном Риме, и к реальности имеют мало отношения.

Зато вполне очевидна ненависть баронессы Кордэ д'Армон к якобинцам и страх, отвращение к живому реальному народу, к санкюлотам.

Желание героического поступка в духе Древнего Рима, известности любой ценой, вера в свою исключительную судьбу, это Герострат в юбке, убийство Марата дало этой особе шанс «сохранить свое имя в истории».

Она взяла с собой «на дело» свидетельство о рождении. Зачем? Ответ очевиден, если взбешённая толпа убьёт её на месте, она умрёт безымянной и не попадет на страницы Истории...

Почему жертвой был избран именно тяжелобольной 50-летний Марат, а не молодые и здоровые Робеспьер, Дантон или Эбер, которые (чисто теоретически) проживут еще очень долго или кто-либо еще из видных якобинцев?

Понять нетрудно, Марат активнее других способствовал падению Жиронды и их ораторы, чьи выступления в Канне она посещала, проклинали главным образом именно его, не сдерживаясь в выражениях: «Свирепый зверь, кровожадный монстр, маньяк», фанатичка Кордэ узрела в этом шанс и вообразила себя «девой мстительницей», едва ли не Жанной д'Арк.

Прибыв в Париж, она не обнаружила на улицах ни крови, ни трупов, как то расписали предатели, бежавшие в Канн, да

и сами парижане отнюдь не выглядели запуганными и не шарахались как тени вдоль стен домов, казалось бы, задумайся... Но нет, минуя громкое убийство, она никогда не прославится, о ней не напишут в газетах!

На суде девица Кордэ, по свидетельствам современников, вела себя холодно и отстраненно, словно презирая всех окружающих, этих ненавистных якобинцев и народ, санкюлотов, эту «грязную чернь в красных колпаках».

Ответы поражали четкостью, скорее всего даже, что они были заготовлены заранее, замкнутая и честолюбивая, Кордэ «спала и видела» свое имя на скрижалях истории. По дороге на эшафот её сопровождали крики возмущения, гнева и ненависти, хотя нельзя не отметить, что раздавались и приветственные крики...

Незначительная сама по себе, Кордэ своего добилась, ее имя осталось в истории Франции, но ее помнят именно как убийцу Друга Народа...

На родине Шарлотты Кордэ в нормандском городе Кане по улицам маршировали отряды, состоявшие из бывших членов местной Национальной гвардии, которых аристократы презрительно обозвали «каработами», то есть «бандитами, злоумышленниками».

Девизом отрядов каработов стал прозрачный ребус «Законы или...», а далее, вместо слов, мертвая голова. Они носили на рукавах черные повязки, где серебром поблескивал пиратский череп со скрещенными костями.

Противники Марата и якобинцев, летом 1793 каравоты присоединились к жирондистам, вошли в состав армии роялистского генерала барона Вимпфена, готовившейся для похода на революционный Париж и были разбиты при Верноне. В августе 1793 якобинцы законодательным путем распустили отряды каравотов...

В день казни Шарлотты Кордэ 17 июля 1793 года в Лионе был убит, притом с особой жестокостью, председатель Якобинского клуба Жозеф Шалье, тупое лезвие гильотины превратило его казнь в жуткую пытку, трижды опускался тупой нож, дробя позвонки, но не отсекая головы осужденного, нервы сдали даже у палача, добившего несчастного милосердным ударом сабли ..

Это был прямой вызов Парижу и новой власти. И Париж на него ответит...

Что характерно, до убийства якобинца Шалье, гильотина в Лионе стояла без употребления, если бы её активно использовали, лезвие было бы наточено, и смерть Шалье не была бы так ужасна.

Как раз до убийства Марата о многочисленных казнях говорить в действительности не приходилось. Предательство жирондистов и цепь политических убийств спровоцировали Париж на агрессивные меры.

И всё же, прав Альбер Матъез, когда пишет, что даже убийство Марата не сделало парижский трибунал более активным, что и вызвало возмущение Робеспьера в августе

Реки крови после 10 августа? Очередная сентиментальная чушь роялистов и Жиронды.

Почти не бывало в истории примера, чтобы в стране ведущей одновременно и внешнюю и гражданскую войну, правительство не ввело сокращенного и ускоренного судопроизводства для предотвращения любых сношений с врагом, подавления заговоров и измены, которые отнюдь не являлись измышлениями...

Французский революционный трибунал был основан 17 августа 1792 года, через неделю после штурма Тюильри. Он произнес буквально несколько смертных приговоров и был упразднен по настоянию жирондистов (а их позиции в реальности были еще очень сильны в Конвенте) уже 29 ноября 1792 года.

В августе 92 Робеспьеру предлагалась должность председателя трибунала, однако Неподкупный отказался в открытом письме. В чем тут дело? Сам он пишет, что среди арестованных у него слишком много врагов, и он не сможет соблюсти беспристрастность. Можно сказать, что это не аргумент.

Возможно, он не хотел взваливать на себя прямую ответственность, возможно, думал о предстоящих выборах в Конвент, это более важно, возможно, наконец, отказ от должности был ответом на обвинения в честолюбивых устремлениях, уже тогда, сыпавшихся на него со стороны бриссо-тинцев.. Любили они перекладывать собственные умыслы на

других...

Революция лишилась политического судопроизводства. Обвиняемые в заговорах против безопасности государства приказчики королевских имуществ Сен-Фуа и Дюфрен-Сен-Лион, мадам де Роган-Рошфор, обвиненная с отношениями с эмигрантом Бертраном де Мольвиль, бывший страсбургский мэр Дитрих, соучастник мятежа Лафайетта в этот период привлекались к суду обычных уголовных трибуналов, которые по большей части, их оправдывали.

Только 10 марта 1793 года был вновь создан и заработал реорганизованный политический трибунал.

Действия жирондистов поначалу противившихся учреждению трибунала и даже обозвавших это политическое судопроизводство учреждением «инквизиционным» тут же назначили комиссию 6-и, но только из своих, которые одни и имели право привлекать людей в этот трибунал, практически парализовали его работу и на этом этапе.

Как уже было сказано, письма депутатов Жиронды к коллегам в провинции от 15, 24 мая показывают, что они сами готовили переворот, устранение якобинцев из Конвента и казни их руководителей.

Якобинцы восстанием 31 мая всего лишь упредили их намерения. Бриссотинцы станут утверждать, что именно якобинцы «развязали агрессию» и единственно виновны в гражданской войне лета 1793 года.

Невзирая на восстание 31 мая, федералистский мятеж ле-

та 1793 года и убийство Марата трибунал отнюдь не ускорил своей деятельности, вопреки распространенным представлениям о «массовых казнях» этого периода.

С марта по сентябрь 1793 года предстали перед трибуналом всего 266 человек и только 66 из них были казнены. Стоит учесть, что по понятиям восемнадцатого столетия это отнюдь не «море крови».

А сочувствовавший жирондистам председатель трибунала Монтанэ даже явно пытался выгородить убийцу Марата, представив ее действия как помешательство или обычное уголовное преступление.

При этом подсудимая возмутилась подобной формой защиты и заявила, что действовала в здравом уме, не имея ничего личного против убитого, но только под влиянием убеждений.

И это не случайность, еще ранее, когда судили убийц депутата Конвента, Монтанэ убрал из текста приговора формулировку о том, что имущества осужденных поступают в казну Республики, таким образом, конфискация не могла произойти, а среди обвиняемых был миллионер. И это не единственный раз, когда Монтанэ «забывает» именно эту формулу, чуть позднее ему жёстко напомнят об этом.

Андрэ Шенье, при жизни известный как крайне агрессивный контрреволюционный публицист, призывавший к расправам над якобинцами, но не как поэт, прославлял убийцу Марата, как «героиню», в крайне грубой форме нападал на

Комитет Общественного Спасения, на Робеспьера и Колло персонально, затем более полугодом скрывался, и был в итоге арестован и заключен в Сен-Лазар.

Но в сентябре 1793 года ультра-радикальное течение эбертистов возобладало в Конвенте и прозвучало грозное: «Поставим Террор на повестку дня!» Трибунал был реорганизован еще раз, его состав расширен.

И только с октября 1793 года начались крупные политические процессы: 14-16 число, процесс Марии-Антуанетты, 28-30 октября процесс 22-х жирондистов.

С октября по декабрь 1793 года в Париже были казнены 177 человек. И всё же и это не «реки крови» по меркам эпохи.

Репрессии в провинциях напрямую зависели от того, была ли их территория захвачена мятежом, какова была степень его опасности, какова близость к границе, где шли бои с интервентами.

Существует статистика, что 90% известных нам крайностей революционного террора происходили именно в западных и южных департаментах Франции, но не растекались равномерно по всей стране, как обычно все думают. По меркам этого сурового времени, как раз в Париже было вполне спокойно, чиновники находились под жестким контролем правительственных Комитетов.

Хороший пример, за все время Террора в нормандском округе Кальвадос, к слову, откуда родом Шарлотта Кордэ, не

произошло вообще ни одной казни! Чаше комиссары ограничивались снятием с должности провинившихся чиновников и тюремным заключением, при необходимости вмешивались в дела местной администрации, на фронтах наблюдали за политической благонадежностью генералов.

Но мятежи в Лионе, в Бордо, в Нанте, в Тулоне и Марселе приняли крайний, чрезвычайный характер. Там жирондисты, открыто объединившись с роялистами, в отдельных случаях даже с интервентами, массово убивали якобинцев, нередко с исключительной жестокостью.

Федералистский мятеж лета 1793-го, охвативший 60 департаментов Франции из 83, это вовсе не «народное восстание», а бунт буржуазной, т.е. жирондистской администрации запада и юга Франции против решений якобинского Парижа.

Жирондистский мятеж – это прежде всего бунт потесненных от власти крупных собственников, уже видевших себя новой «аристократией», новой «элитой», рвущихся на смену дворянству.

В дикой ненависти к якобинцам, эти вчерашние революционеры приняли в свои ряды открытых врагов молодой Республики, аристократов-монархистов, чем и поставили сами себя «вне закона», показавшись открытыми контрреволюционерами.

Летом 1793 они объединили свои силы с роялистами, граф де Пюизе, барон де Вимпфен должны был возглавить совместное наступление на Париж...

Настало раздолье для многочисленных преступных шаек, бандиты пользовались тем, что власти временно стало не до них.

В 1793 году бандиты и грабители, насильники и убийцы часто напяливали на головы красные колпаки и переодевались в мундиры жандармов, снятые с убитых республиканцев и терроризировали население, предъявляя даже поддельные документы, грабили под видом реквизиций, безнаказанно убивали и насиловали, запуганные люди уже не понимали, с кем действительно они имеют дело, вследствие чего некоторые поверили, что грабежи и насилия дело рук революционеров...

Впрочем, по справедливости нельзя не отметить и того, что некоторое количество контрреволюционных партизан, шуанов также имели темное уголовное прошлое. Возможно, что особые зверства с обеих сторон совершались именно подобными личностями, а не собственно идейными "синими" и "белыми". Возможно...

Существование Королевской Католической Армии Вандеи в каком-то смысле миф, созданный самими сторонниками старого режима.

В западных департаментах Франции действовали разрозненные вооруженные формирования.

Полевые командиры «белых» соперничали между собой за влияние, иногда они объединялись, посланцы от принцев-эмигрантов могли на некоторое время добиться этого.

Но принцы далеко за границей... и внутренние раздоры и склоки продолжались... Для них это был минус, но для защитников молодой Республики плюс.

Самые известные полевые командиры роялистов это Ларош-Жаклен, де Боншан, д'Эльбэ, Пюизэ, Лескюр, Шаретт.

Одних можно назвать вполне честными противниками, другие, среди них граф Шаретт добивали раненых республиканских солдат, бросали людей в колодцы и забивали камнями, сотнями расстреливали пленных, разрешали своим шуанам развлекаться пытками якобинцев, насиловали их жён и убивали детей.

Эта информация может не нравиться сторонникам роялистов и шуанов, но эти многочисленные зверства «белой» партии имели место.

В ряде департаментов власть захватили тёмные личности анархистского толка вроде самозванного «комиссара» Шнейдера в Эльзасе, арестованного позднее Сен-Жюстом и отданного под трибунал.

Контрреволюционно настроенные обыватели, однако, с готовностью поверили, что эти бесчинства творят якобинцы.

Отряды шуанов Бретани и Вандеи тоже нередко перемещались по департаментам, переодетые для безопасности под солдат-республиканцев, их главари использовали подлинные бланки пропусков, щедро выдаваемые им изменниками-жирондистами.

А пока что, аресту и казни подлежали 22 лидера Жирон-

ды и т.н. «федералисты», участники мятежа, а вовсе не все члены этой партии.

Часть жирондистов согласилась на сотрудничество с якобинцами во имя общих целей и победы революции, но часть высокомерно отвергла мирную инициативу и превратилась в глубоко враждебную силу.

«Мирные» бриссотинцы оставались в Конвенте и далее, по крайней мере, до октября 1793 года. Позднее именно Робеспьер личным вмешательством не раз спасал жизни этих 73 человек, отбивая атаки ультра-радикалов Эбера:

– Пусть не будет новых и напрасных жертв гильотины!

Он имел огромное моральное влияние, но не был правителем, поэтому не имел возможности освободить их, учитывая жесткое сопротивление коллег по Комитету. Но, по крайней мере, благодаря этому вмешательству они остались живы и даже вернулись в Конвент после Термидора, чтобы в общем хоре осыпать проклятиями имена казненных якобинских лидеров, проклиная среди них и человека, который по существу спас им жизнь.

Летом-осенью 1793 года в департаментах Запада и Юга Франции (в Бордо, в Нанте, в Лионе, в Марселе, в Тулоне и др.) образовалась смешанная жирондистско-монархическая администрация, начались репрессии и казни якобинцев. Эти области отказывались подчиниться Парижу!

Характерно, что Марсель восстал и сдался врагу еще до событий 31 мая... из чего видно, что Жиронда имела соб-

ственный план уничтожения якобинцев, и эти последние лишь опередили их намерения...

Именно эта смешанная власть сдала английским интервентам Марсель и Тулон в мае 1793 года и подняла там белый флаг Бурбонов.

И этой чёрной измене тоже нашли оправдание, штамп, ставший широко известным в литературе – «несчастные искали спасения у иностранцев от якобинских зверств»! В то время, как именно якобинцев и убивали в этот момент в Марселе и в Тулоне...

В маленьком городке Юга в том же июле был убит председатель Якобинского клуба. С ним безжалостно расправились прямо во дворе собственного дома.

– Как там у вас говорится «если враги не сочтут меня достойным казни, значит, мои заслуги перед революцией недостаточны?» Или еще лучше, «ненависть врагов лучшее украшение патриота?» Ты своего добился! Твои заслуги, любезный, в таком случае даже чрезмерны! Ты достоин и пули, и веревки, и ножа гильотины разом!

– Едва ли это возможно одновременно... Остановитесь на чём-нибудь одном..., – ирония слышалась в голосе председателя. Обреченный на смерть держался удивительно спокойно.

– А мы попробуем совершить чудо, тебе достанется всего понемногу! Держите же его!

Сначала его повесили, следя при этом, чтобы он не умер.

Быстро перерезали веревку и затем в корчащееся полузадушенное тело несколько раз стреляли, но так, чтобы причиняя мучительную боль не убить при этом. Роль «гильотины» выполнила сабля в руках одного из убийц якобинца...

Летом 1793 подобное происходило повсеместно там, где власть захватывали роялисты и их новые союзники бриссотинцы.

Всё это не оставляло повода для благодушия и дальнейшей игры в терпимость. Враг вспомнит еще о милосердии, тогда, когда оно понадобится ему самому, завопит о «ужасах революции и варварстве санкюлотов», но будет слишком поздно.

Лион 14 июля 1793 года

Жак Ранси с трудом пробирался сквозь возбужденную шумную толпу к зданию администрации Лиона. Озабоченные, испуганные обыватели толпились вокруг агитатора-бриссотинца. О чем же возбужденно кричит этот тип, отчаянно жестикулируя и срывая голос? Ранси прислушался.

– Надо остановить этот буйный поток, влекущий нас к варварству! Сейчас пытаются внушить, что Республика погибнет, если на все должности не будут назначены кровожадные люди!! Нас спасет только крестовый поход на Париж и истребление якобинских выродков, поправших своей жестокостью все человеческие нормы!! И самый страшный... гнусный из этих звероподобных существ, Марат, пока он жив, жизни сотен тысяч честных мирных людей в опасно-

сти! Вспомним ужасные события 31 мая в Париже, насилие над принципом парламентаризма... молчание запуганного народа... окровавленные трупы на улицах города!! Только созыв ополчения во всех преданных истинным республиканцам городах спасет Францию от этих чудовищ!!

Онемевший от наглой лжи и чудовищных инсинуаций Ранси живо протолкался сквозь толпу и приблизившись к импровизированной трибуне крикнул:

– Дайте мне слово, гражданин! Я только утром приехал из Парижа!

Заняв место на возвышении Ранси с нарастающей страстью начал речь:

– Граждане Лиона! Я сам был в Париже 31 мая... Со всей ответственностью заявляю, никаких ужасов, о которых говорил этот человек там не происходило, никакого моря крови и гор трупов... Отстранены от власти только 22 человека, чьи интриги мешали работе Конвента больше полугода и ничего более не изменилось... другие жирондисты, не поддержавшие вождей-изменников остались в составе Конвента...

Граждане! Не откликайтесь опрометчиво на безумную идею ополчения и похода на Париж, своекорыстные политики, из тех, что были отстранены от власти, сознательно толкают вас к гражданской войне!! Люди, опомнитесь! При чем здесь 31 мая?! Ваша администрация взбунтовалась еще 12 мая, в это же самое время жирондистская администрация Тулона сдала город англичанам и роялистам!! Граждане...

Далее ему не дали произнести ни слова. Поднялся страшный крик, ругательства и проклятия, одни были напуганы прежними ораторами и сбиты с толку, другие хотели услышать совсем другое. Ранси стащили с трибуны, крепко держа за руки и за воротник.

– А-а... проклятый якобинец!! Смерть ему!! Смерть всем им!!

– Что, мерзавец, са іга?!, – грубый хохот, – обновим песенку...якобинцев на фонарь!! Что, хороша идея?!

Задыхаясь, он бился в сильных руках державших его людей. Один из них резким движением приставил острие сабли к горлу Ранси, брызнула кровь.

– Убей,... но сначала выслушай...Люди должны знать правду... иначе..в городе начнется братоубийственная резня...пусть меня выслушают...

– В аду тебя выслушают!

Спасение пришло в последнюю секунду.

– Этих мерзавцев нельзя пускать даже в ад,... они и там устроят революцию!

Замечание вызвало хохот в толпе. Несостоявшийся убийца опустил саблю.

– Так это же Ранси!, – человек узнал нового председателя лионских якобинцев, временно заменившего арестованного Шалье.

– Прошу вас, молчите, не продолжайте!, – Ранси умоляюще поднял руки, – я не так наивен, чтобы рассчитывать на

ваше сочувствие, но, проводите меня в мэрию, у меня крайне серьезное дело к Дюбо... Вы окажете этим услугу не лично мне, а Республике...

Неожиданный спаситель резко поднял руку и закричал:

– Оставьте же этого негодяя! Его нужно срочно доставить в мэрию!

– Благодарю вас, гражданин..., – Ранси вытер рукой влажный лоб.

Человек резко обернулся и зарычал:

– Ты что думаешь, я тебя вытащил из жалости, якобинец?!

– Нет, господа жирондисты лишь на трибуне кричат о миротворчестве и умеренности...

Неизвестный ткнул Ранси в спину пистолетом.

– Заткнись и иди, молча, без замечаний, поклонник Марата...

Кабинет мэра города, жирондиста Дюбо...

– Не думал, гражданин Ранси, что у вас хватит ума явиться ко мне... В вашем положении нужно думать о своей шкуре, а не кидаться заявлениями протеста! А если мы припомним всем вам 31 мая? Ваш шеф... Шалье уже два месяца в тюрьме...

– Да, вы жирондисты первыми начали террор задолго до 31 мая, а теперь пытаетесь убедить французов и весь мир, будто вследствие наших действий...

Мэр тяжело откинулся на спинку кресла и смерил Ранси умными холодными глазами.

– Чего же ты хочешь, лионский «друг народа»?

– Можно сесть и стакан воды? Так лучше. Мира, я хочу мира. Вы не понимаете, что делаете. Ополчение? Поход на Париж?! Вы толкаете всю Францию к гражданской войне, вы убиваете нас, крича во всё горло, что защищаетесь... Не перебивайте меня, Дюбо. Выслушайте. Если вы считаете себя патриотом и республиканцем, то мы естественные союзники, а не враги! Я слышал, что в Марселе и в Тулоне местные жирондисты объединились с аристократами, с врагами Республики, надеюсь, у вас до этого не дойдет, опомнитесь, мы вместе начинали Революцию, мы были братьями! Забудем об обидах и претензиях, будем помнить лишь о том, что мы должны спасти Республику!

Холодно улыбаясь и сверля якобинца тяжелым ненавидящим взглядом, слушал его Дюбо.

Их прервал стук в дверь и голос секретаря:

– Гражданин мэр, к вам месье де Прэси...

Онемевший от удивления и ужаса Ранси увидел, как в кабинет уверенно зашел высокий, подтянутый мужчина с белой кокардой на шляпе... Месье де Прэси?! Не один ли из тех, кто защищал Тюильри 10 августа?! Зашел уверенно, и не таясь...

Мэр почтительно поднялся при его появлении.

– Господин граф, я ждал вас. Муниципальный совет утвердил ваше назначение. С сегодняшнего дня лионские ополченцы под вашим командованием. Ваш профессиона-

лизм и опыт помогут нам раздавить этих кровожадных вырождаков в Париже и по всей стране!

Де Прэси сдержанно кивнул:

– С Божьей помощью, гражданин мэр... Кто этот человек? – опасливо скосил глаза в сторону замершего от возмущения и гнева Ранси.

– А, это, господин граф, из наших местных... «неподкупных»... «друзей народа», но не беспокойтесь, пригласив его в кабинет, я заблаговременно вызвал охрану, стоит лишь позвать...

Физиономия Дюбо осветилась двусмысленной зловещей улыбкой:

– Что ж, революция против Революции началась! Курьер еще утром доставил важнейшую новость из Парижа... Что сверкаешь на меня глазами, Ранси, ты не мог ничего знать, был в дороге в это время... Марат убит!! Убийца, женщина, дворянка, приехала из Кана, а там также работают наши агитаторы...

Побледневший Ранси в ужасе вскочил, прижав руки к груди.

Граф де Прэси слабо улыбнулся:

– Есть в мире справедливость, господин мэр!

– Я тоже так думаю!, – слегка поклонился Дюбо, – но это только начало! Вчера было принято решение, что и наш местный Марат – Шалье должен последовать за своим идолом. Мы опробуем на нём гильотину, а чего же она зря про-

стояла полгода в сарае... – крикнул в приоткрытую дверь, – сержант Мало, ребята, отведите эту якобинскую тварь в тюрьму

И обращаясь к графу:

– Мы сами им устроим террор... так, мало не покажется... Всё уже решено, суд над Шалье начнется на днях... Когда они надумали с почестями хоронить Марата? Ну вот, написано же, 17 числа. Отлично, Шалье умрёт именно 17-го!

– Вызов Парижу?

– Не только, это высшая справедливость!

Де Прэси ничего не ответил жирондисту, лишь счищал мнимые пылинки со своего безупречного сиреневого фрака...

Роялистское подполье и якобинцы летом 1793 года

Утром 16 июля Норбер занял свое привычное место в кафе, выходящем окнами на площадь Революции. Делая вид, что ждет друга, он находился здесь с целью наблюдения, федералистский мятеж, убийство Друга Народа три дня назад, союз жирондистов и аристократов не давал более никаких поводов для терпимости и благодушия.

Шпионская сеть «центра» – Парижа – во главе с аббатом Бротье, англо-французская роялистская сеть Аткинс-Кормье, известная роялистская подпольная сеть «Корреспонданс». Швейцарская шпионская сеть под покровительством лорда Уикхэма, бельгийская сеть и снова во главе с англича-

нином лордом Элджином.

Вожаки Вандеи, аристократы, главари шуанов работали на британский Форин Оффис, неприсягнувшие священники распространяли фальшивые ассигнаты, призывали жителей западных департаментов к «священной войне» против Революции за Трон и Алтарь до полного физического истребления якобинцев...

Граф дАнтрэг, резидент лорда Грэнвилла, британского министра иностранных дел, видимо, имел осведомителей среди ряда самих депутатов Конвента и похоже на то, что даже среди членов правительственного Комитета... Утечка информации была налицо, но кто... Эро де Сешель был осужден и казнен напрасно, утечка информации продолжалась и после его смерти...

И после этого считают, что у якобинцев мания везде видеть врагов?!...

Стереотипное изображение событий Французской Революции можно сравнить с картиной гигантского сражения, где солдаты с правой стороны намеренно стерты, полностью или частично, из-за чего люди слева выглядят не бойцами, а маньяками, машущими саблями перед безоружными фигурами или вообще в пустоту...

В событиях подобных Революции не бывает, чтобы одна сторона была исключительно агрессивной, а другая сохраняла позицию миролюбивых страдальцев.

А что мы видим здесь, скверный театр: якобинец и сан-

кюлот грубы, жестоки и чрезвычайно активны, жирондист – буржуазный интеллигент и либерал, не сумевший организовать достойное сопротивление «хаму», а дворянин-роялист и вовсе женоподобная изнеженная «душка», при этом лишенный всякого инстинкта самозащиты.

Заметим, авторы из правых обычно изображают роялистов не противниками республиканцев в гражданской войне, как оно было в реальности, а скорее безвольными жертвами, безропотно отправляющимися в тюрьму и на эшафот. Думается, такое освещение событий изрядно оскорбило бы самих французских роялистов.

И что характерно, жертвы эти, конечно же, исключительно «безвинные». А как же, зачем «кровавым маньякам» якобинцам, ловить виновных, роялистское подполье, британских шпионов, шуанов, обычных бандитов, зачем, когда по черной легенде им нужны именно «безвинные» жертвы, и никак иначе...

Отчего так? Как всегда «ищи, кому это нужно, кому выгодно», думай... Кому нужно было заставить общество забыть жестокости к народу «старого режима», о силе, размахе и агрессии контрреволюции, кому нужно было раздуть до крайности агрессию другой стороны...

В шаблонном изложении психологические типы размещаются строго в соответствии с классовым происхождением или исповедуемой идеологией.

Это перетекло из исторических сочинений ультра-правых

авторов даже в низкосортную художественную литературу, где действие происходит на фоне Французской Революции.

В таком изложении «порядочный человек», умный, способный и честный это всегда богатый и сверх-богатый, дворянин или иной крупный собственник, люди из малоимущих классов, санкюлоты, всегда изображены как никчемные скотоподобные людишки без всякого ума и талантов, вся «революционность» которых состоит из одной лишь тупой зависти к барской роскоши и непременно с садистскими наклонностями.

В таком изложении достаточно взглянуть на цвет кокарды, чтобы делать выводы о человеческом существе, носящем её. У авторов в этом вопросе нет исключений и это их принципиальная позиция.

Белые лилии – девиз «За Трон и алтарь!», желательно дворянское происхождение (хоть и не принципиально) и персонаж сразу считается личностью честной и достойной, но кокарда трехцветная или... «Не дай Бог» красный фригийский колпак – человек непременно «кровавый фанатик, наслаждающийся казнями безвинных аристократов» или «уличный хам, потенциальный убийца и насильник».

Как же у вас все примитивно просто, господа, взглянул на цвет кокарды – «не белая», справился о социальном происхождении – «не дворянин и даже не банкир», и вы уверены, что знаете, кто перед вами, достойный человек или ничтожество, каких он внутренних качеств и чего он стоит...

И главное, разве не аналогичное отношение слева вы возмущенно крестили «революционной нетерпимостью»?

Столики у окон пользовались особенным спросом, посетители брали их «с боем», когда казнили роялистов. В этот день, Норбер сидел один, поджидая Жюсома.. но он, удивительное дело, на этот раз где-то задержался и Куаньяр охотно уступил это место молодой девушке, но та отчего-то стала показывать ясные признаки беспокойства и застенчиво попросила его поменяться с ней местами.

– Прошу вас.. Но отчего вы отказываетесь.. поверьте, завтра на это место вам будет не пробиться...

Она некоторое время молчала, затем с побледневших губ вдруг нервно сорвалось:

– Зрелище казни человека не может вызвать у меня аппетита! И отчего все эти люди подходят так близко к эшафоту? Это ужасно, что им всем там нужно?! Мочить платки в крови казненных?! Зачем?!

Куаньяр на секунду задумался, он понял ее по-своему:

– Вы правы, я тоже думаю, что нужно всегда выставлять сильное оцепление, как в день казни Капета. Кто может предсказать поведение неуправляемой массы возбужденных людей? Вы были на площади 21 января, когда Капет «чихнул в мешок»?

Тонкое лицо девушки совершенно побледнело:

– Я... – она запнулась, – болела в тот день...

– Много потеряли, гражданка, это исторический день для

Франции. Тогда приходите завтра, повезут фанатичку, убившую Марата, это стоит увидеть каждому доброму патриоту Республики. И я со своей стороны буду очень рад снова увидеть вас, гражданка... могу я узнать ваше имя? Я не слишком навязчив?

По укоренившейся уже привычке Куаньяр окинул девушку быстрым оценивающим взглядом. Не аристократка, но и не из санкюлотов, скорее буржуазка, но и не из самых богатых...

– Элиза Луантэн, сударь, – испуганно блеснув глазами, тут же поспешно поправилась, – то есть гражданин. Вы, конечно, понимаете... это всего лишь оговорка, и совсем ничего дурного не значит?

Куаньяр решил успокоить несчастную миролюбивым жестом.

– Я это понимаю, могут не понять другие, впредь будьте внимательнее. При известном сочетании недоброжелательства и недобросовестности из этой невинной оговорки можно сделать скверные выводы.

– Да чего тут понимать, аристократка она! Ручаюсь, голову даю, гражданин, зовите полицию, я ее задержу!», – зарычал вдруг коренастый мужчина, оборачиваясь рывком из-за соседнего столика, – я вижу ее здесь часто, никогда в окно не выглядывает, как все, всё отворачивается, словно «бывшие» ей братья родные, а вчера, жаловалась моей жене, как, оказывается, стали жестоки и кровожадны все вокруг!

– Вы очень разговорчивы, гражданин..., – тон Куаньяра был спокойным, но зловещим, – даете голову за то, что правы? Я ведь могу и принять залог..., – он вынул бумагу, и закончил фразу крайне резко – Общественная Безопасность... хотите поговорить еще или предоставите мне решить, кто здесь враг нации, а кто нет.

– Да, гражданин... – округлив глаза, отозвался оторопевший неизвестный и отвернулся, разом потеряв всю энергию и патриотический пыл, а заодно и интерес к гражданке Луантэн.

Девушка сильно побледнела и как-то сжалась, прижав руки к груди, казалось, еще немного и она заплачет. Норберу вдруг стало искренне жаль её.

– Вы испугались? – мягко произнес он, слегка касаясь тонкой руки, – это иллюстрация к тому, что я сказал о недоброжелательстве и недобросовестности, или излишнем патриотическом усердии иных граждан. Честное слово, вы неосторожны, как ребенок. Так, что такого вы наговорили, что привлекли к себе внимание? На что жаловались? Скажите правду, не надо бояться меня, я пойму, итак, на что вы жаловались?

Не без удивления он выслушал прерывающийся и сбивчивый эмоциональный монолог. Наконец, потеряв терпение, решительно прервал её:

– Подумайте, отбросив всякие чувства, если сумеете. Против Франции воюет вся Европа, бриссотинцы измени-

ли и вместе с аристократами объявили войну правительству Республики, нас режут и в Вандее, и в городах мятежного юга, изменники сдали англичанам Тулон, а вы, наивная душа, жалуетесь на суровость порядков. Роялисты честно работали право стать украшением уличных фонарей! Никому больше никогда не говорите того, что я выслушал сейчас! Погибнете от собственной сентиментальности. Я бы предпочел, чтобы вы прожили долгую и счастливую жизнь.

Девушка подняла на него большие глаза с расширенными зрачками:

– Вы очень добры, гражданин, означает ли это, что вы не станете вызывать полицию?

– Я сам имею право производить аресты. Но вы свободны, вам нечего бояться, если вы добрая республиканка, со временем вы научитесь жить рассудком, не поддаваясь минутным эмоциям, научитесь отвечать за каждое свое слово. Впрочем, принято считать, что женщины должны жить именно чувством, а не рассудком и именно в этом вся прелесть женственности...

Внимательно осмотрел зал, все подчиненные на местах. Сделал неуловимый жест, один из агентов подошел к столику и с долей удивления выслушал указания шефа. Норбер произносил их одними губами, чтобы девушка не услышала их...

Через четверть часа перед глазами Элизы Луантэн предстало потрясающее зрелище, молодой санкюлот в красном

шерстяном колпаке, лихо сдвинутом набок, в карманьолке и длинных полосатых брюках с букетом в руках... В растерянности она перевела взгляд на Куаньяра.

Он мягко улыбнулся:

– Примите, прошу вас как компенсацию за моральный ущерб!

– Это немного неожиданно, но очень приятно...

Внезапно смуглое лицо Куаньяра слегка изменило выражение, оно стало невозмутимым и жёстким, мягкая улыбка исчезла, добрые тёмные глаза сузились и стали острыми, как лезвия, он увидел троих мужчин, усевшихся за дальним столиком. Какие люди, мы вас ждали так долго.. Жан Пико? Да неужели сам герцог де Симез собственной персоной? Пьер Моро? Или всё- таки граф де Кассаньяк? Агенты принцев-эмигрантов...А вот этот.. – Норбер даже побледнел от сильного волнения, – не очень верили, что вы придёте.. их союзник, агент Турина.. виконт д, Алессио...и всё же вы здесь...

– Простите меня, гражданка Луантэн... я оставлю вас ненадолго... только умоляю вас, не уходите,... дождитесь меня...

Девушка грустно улыбнулась:

– Но вы можете просто распорядиться.. и меня из кафе не выпустят...

Искренне обиженный Норбер нахмурился:

– Вы заранее плохо думаете обо мне. Я очень прошу вас

дождаться, но никогда не стану удерживать силой

– Я буду ждать...

– Благодарю вас...

Люди Норбера были хорошо обучены, без его знака они не тронутся с мест. Он поднялся и направился прямо к нужному столику. Ему стоило лишь подать знак и агенты Комитета разом окружили бы их, но слишком хотелось получить удовольствие от ситуации, хотя разум и подавал тревожный сигнал о мерах предосторожности, через десяток минут он и сам поймет свою ошибку.

– Я могу присесть?

Три пары глаз недоверчиво смотрели на него.

– Что вам угодно?

– Вы оказались в неприятной ситуации, месье..., – он обратился к «Пико».

Тот нахмурился:

– Я не понимаю вас.. тем более, обращаясь ко мне, следует говорить «гражданин», вы крайне неосторожны»...

– И всё же я присяду, – Норбер улыбался, испытывая моральное удовлетворение охотника, загнавшего крупного зверя, – можно я буду называть вас настоящими именами.. герцог де Симез и граф де Кассаньяк звучит лучше, чем какие-то Пико и Моро? Вам не кажется?

Итальянец напрягся, но оба француза быстро взяли себя в руки. Они поняли ситуацию по-своему:

– Сколько вы хотите за своё молчание? – резко отозвался

де Симез.

– Вы меня неправильно поняли..., – Норбер поднялся из-за стола и громко произнес, опустив руку на его плечо, – гражданин Симез.. граждане.. именем Республики вы арестованы.

Люди Куаньяра поднялись из-за своих столов, где старательно изображали обычных посетителей и окружили их, но итальянец всё же отреагировал быстрее, змеиным броском он приставил столовый нож к горлу Норбера. Его люди замерли...

Рука д Алесслио дрожала от ненависти, кипельно-белый пышный галстук якобинца окрасился кровью. На секунды лицо Куаньяра исказилось от боли, порез был не опасным, но весьма чувствительным.

– Раньше умрешь ты, якобинская тварь, если не прикажешь своим людям пропустить нас!

Обхватив Куаньяра за шею и прижимая нож к его горлу, д Алесслио подталкивал его к выходу.

– Господа..., вам... отсюда не выйти..., бросайте оружие! – голос Норбера звучал придушенно, но вполне уверенно, только обозначившиеся скулы и блеск глаз выдавали нервное напряжение.

Посетители кафе замерли, одни с живым любопытством, другие с ужасом...

И всё же кто-то из агентов Комитета оказался за спиной роялистов.

В следующую секунду прогремел выстрел, нож, звеня, упал на плитки пола, а Алессио тяжело рухнул на стол лицом вниз, на белой скатерти медленно расплывалось кровавое пятно...

Двое других, перепрыгивая через столики и расталкивая посетителей, рванулись к выходу из кафе.

Схватившись за горло и вытянув вперед руку, Куаньяр зло прохрипел:

– Идиоты! Он был нужен живым! Поймайте этих ублюдков! Живее!! Венсан, Жакоб, оставайтесь!

Куаньяр мерил обоих бешеным взглядом, резко контрастирующим с его ледяным тоном:

– Какая сука застрелила д, Алессио?!

С минуту оба неуверенно молчали, затем Венсан сделал шаг вперед:

– Стрелял я, гражданин Куаньяр. Я подумал, еще секунда и он зарежет вас...

Неловкость удалось подавить и злоба, наконец, нашла выход:

– Гуманист, мать твою... Жан-Жак Руссо... думать моё дело и если они уйдут от трибунала я тебя... как последнюю..., я тебе... выпишу билет в один конец до этой самой площади... пошли вон!!

Выплеснув гнев, он успокоился за одну секунду, лицо приняло обычное неподвижное выражение.

Неблагодарный мерзавец? Да, вышло неловко. Не надо

было красоваться, экспромт мне никогда не удавался. Но теперь пусть думают, что хотят. Всю жизнь упрекали, что идол бесстрастный и бессердечный, а вот же как пробило! Неизвестно, что решит теперь Комитет.. уж очень они хотели пообщаться с сардинцем.. потрепал он нам нервы...попил он нашей крови за эти полгода...

Пошатываясь, Норбер вернулся к столику. Гражданка Луантэн онемела от ужаса. Ему было очень неловко оттого, что девушка стала свидетельницей этого неожиданного взрыва бешенства. Не испортила ли эта хамская реплика общего впечатления? Возможно...

– Простите, это мой служебный долг. Вы, думаю, уже собирались домой? Позвольте мне проводить вас?

Девушка была очень бледна.

– Хорошо, гражданин.. Этот человек мог убить вас... Очень больно? – жестом сочувствия она слегка коснулась измазанного кровью галстука.

– Не очень.. Меня зовут Норбер Куаньяр... можно просто Норбер...

– Да... гражданин.

Тогда он объяснил себе её состояние нервным стрессом.

– Я пропустил всё самое интересное? – деловито поинтересовался Жюсом, возникнув на пороге кафе, заметив свирепое выражение физиономии товарища.

– Отойдём на минуту. Извините.., – Норбер мягко склонил голову в сторону Элизы Луантэн.

– Один из моих... пидор-гуманист... застрелил д Алессио. Надо от Венсана избавляться, ему не место в моей «похоронной команде», дураков учить, только портить...

Жюсом хитро блеснул зелеными, как у кошки глазами в сторону гражданки Луантэн:

– У тебя появилась девушка? Не познакомишь?

Норбер неуверенно улыбнулся:

– Мы познакомились только сегодня утром, не торопи события, Пьеро. Но я весьма надеюсь...

Увы, радужные надежды Норбера оказались напрасными. Пришлось подключить все резервы терпения, чуткости и такта, какие только обнаружались, но и это, вместе с эрудицией и некоторой долей личного обаяния помогало мало...

Очевидно было лишь то, что девушка определенно боится его, самое присутствие Куаньяра рядом держало её в напряжении.. Даже прямые вопросы не помогали прояснить ситуацию. Это было очень обидно и непонятно... Так что же она скрывает?

Отправил Жюсома к председателю секции, на территории которой проживала семья Луантэн...

Лишь через пару дней, очень осторожно и ловко ему удалось вызвать у девушки некоторое подобие откровенности...

– Ночью... уже третий раз приходили с обыском члены нашей секции... Мы уже боимся ночи...

По воспоминаниям современников, впрочем, из числа аполитичных обывателей Парижа или роялистов, домовые

обыски, происходившие все чаще и чаще, нарушали покой рядовых граждан в любое время суток.

Ночь, еще больше благоприятствующая мероприятиям террора, удваивая его силу, чаще всего избиралась для этих страшных посещений.

Мрак усиливал страх и увеличивал ощущение опасности. Раздавался учащенный стук в дверь, малейшее промедление вызывало гнев и нетерпение, голоса комиссаров слышались сквозь крики солдат.

Обыватель пребывал в неизвестности, в крайнем напряжении нервов, касательно того, чем закончится неожиданный визит, перевернут всё вверх дном и уйдут или уведут с собой. Хозяева недоумевали, остаться ли в постели или встать, чтобы встретить комиссаров, промедление или поспешность могли быть восприняты одинаково подозрительно.

Куаньяр воспринимал эти события совсем иначе, он находился «по другую сторону». Он знал уже многое, но хотел услышать правду от неё самой.

– Они ищут определенно что-то или кого-то? Не могут же они приходить среди ночи ради чистого удовольствия нарушать сон мирных граждан и издеваться, верно? Скажите мне, не бойтесь и ничего не утаивайте, может я смогу быть вам полезен. Если же их визиты произвол, я сумею сделать так, чтобы вас больше не беспокоили.

Тонкое лицо девушки совсем побелело, в светлых глазах

металось отчаяние, надежда и недоверие. Она явно пожалела о своей минутной откровенности.

– Вы проживаете вместе с матерью, с ней я уже имел честь познакомиться. У вас есть брат, совсем недавно избранный присяжным трибунала, добрый республиканец, Эли Луант-эн... Дальше расскажите о своей семье сами...

– Добрый?! Узколобый фанатик! – на секунды девушка словно онемела и вдруг нервным движением прижала ладони к губам – О, Боже!

Норбер смотрел на нее мягко и спокойно, но с каким-то новым интересом:

– Фанатик? Отчего же вы так о брате? Если это скелеты в семейном шкафу, мне это неинтересно, но я думаю, дело в другом. Элиза, как же я могу вам помочь, если вы молчите о главном? – Норбер мягко сжал ее ладонь, но девушка снова бросила на него недоверчивый взгляд и осторожно отняла руку.

– Хорошо. Я всё скажу за вас. Люди гражданина Дюбайе, ведь так зовут председателя вашей секции, верно?, – Норбер говорил подчеркнуто мягко и медленно, словно с ребенком, – искали письма вашей старшей сестры-эмигрантки, а может быть даже надеялись найти её вместе с её любовником-аристократом, маркизом де Меревиль, считали, что они скрываются на вашей квартире?

Перемена в поведении девушки была поразительной. Немедленный арест, трибунал и гильотина, вот, что обычно

завершало обвинения в связях с аристократами-эмигрантами.

Из глаз градом покатались крупные слезы, теперь она сама схватила его руки и наконец, с глухими рыданиями присела на пол, прижавшись к его коленям.

– Гражданин... пощадите... сжальтесь!

Норбер быстрым движением поднял девушку и усадил рядом с собой.

– Зачем вы так? Я же сказал, что хочу вам помочь... Я не зверь, мне больно видеть ваши слёзы, вот, держите платок, Элиза...

– Это он...он донёс на родную сестру, изверг! – слезы катились по бледному лицу Элизы Луантэн, она никак не могла успокоиться.

– Вы снова о вашем брате? Ну да, всё верно, в том смысле, что сигнал поступил от него, но он сообщил о том, что некий роялист, маркиз де Меревиль, втёрся в доверие сестры, с ловкостью придворного бездельника соблазнил её и хитрыми уловками уговорил эмигрировать. То есть она здесь пострадавшая по неосторожности, а не обвиняемая сторона. Обвинение выдвинуто против одного Меревилья. Вы несправедливы к брату.

Девушка даже перестала рыдать, в покрасневших глазах вспыхнул гнев и возмущение:

– Так и есть, узколобый фанатик! Он никак не мог смириться, что маркиз ее не обманывал, не насиловал, не со-

блзнял. Они по-настоящему любят друг друга и в Лондоне они официально поженились!

Норбер резким движением поднял ладонь:

– Т-сс! Спокойно, Элиза. Ваш брат умный человек, он правильно подал информацию, а вот вы дали мне лишнюю. Если вы в курсе, что они поженились в Лондоне, значит, существует переписка? Мой добрый совет, уничтожьте ее немедленно. Неужели люди из секции ее не нашли? Ну, всё, получит у меня гражданин Дюбайе за отменную бдительность. Лучше сделайте так, вы лично мне вручите всю переписку. И вот еще. Выслушайте меня спокойно, я не просто узнал многое, я знаю всё. Супруги де Меревиль тайно вернулись в Париж, больше того, вы виделись, нам известно, где они проживают...

Бледная до синевы, Элиза Луантэн подняла на республиканца потухшие глаза и произнесла медленно, запинаясь:

– Вы позволите мне в последний раз увидеться с матерью? Или... её тоже ждёт гильотина?!

Искренне задетый в своих чувствах, Норбер едва не задохнулся от возмущения:

– Ну что вы, в самом деле?! ... Но выслушайте меня до конца. Маркиз де Меревиль арестован два дня назад... я не имею отношения к его аресту... говорю это специально для вас... завтра состоится вызов в трибунал. Таким образом, эта тема закрыта и больше не обсуждается.

Но... о вас, вашей матери и даже о вашей сестре речь не

идет, эту тему, ни люди из секции, ни трибунал поднимать не будут, это я обещаю вам. Вы слышите меня, Элиза?! Вам плохо? Выпейте воды...

– Братец патриот! Убийца! Ненавижу! Женевьева ведь любила Меревилля! Она не захочет жить без него!

Норбер придвинулся совсем близко и взял девушку за руки:

– Замолчите! Никогда не произносите таких слов. Если вы будете осторожны, с вашей семьей всё будет хорошо. Завтра гражданин Жюсом проводит вас к сестре, поговорите с ней, заберите ее домой. Я отдал распоряжение временно... поместить ее отдельно и охранять, именно потому, чтобы не вздумала покончить с собой после ареста маркиза. По-моему ваш брат ювелирно решил эту семейную проблему...

Услышав его последнюю фразу, Элиза Луантэн бросила на него такой выразительный взгляд, что Норберу стало не по себе. И всё же он не смог не сказать:

– Элиза, я сделал для вас всё, что мог. Если вы будете осмотрительны, вашей семье ничто не угрожает. Но «бывших» следует предоставить их судьбе.

Нужно ли говорить, что расстроенный и мрачный, Норбер перестал с того дня посещать улицу Сен-Никез. Но ему было о чем думать и за что переживать. Он готовился к командировке в Майенн...

Вечером того же дня он подозвал к себе Венсана. Парень держался скованно, мял в руках красный колпак и озабочен-

но сверкал глазами. Но Куаньяр уже давно успокоился.

– Роялисты схвачены? – вскинув голову, Норбер мерил Венсана умными, холодными глазами.

– Да, гражданин.

– Хорошо... Я делаю тебе предупреждение уже второй раз..., третьего не будет, – и, наткнувшись на расширенные от ужаса зрачки, мрачно усмехнулся, – не смотри на меня, как на зверя, я имею в виду, что тебе придется искать другую работу...

Гражданин Лапьер и Общественная Безопасность

Жанна Ланж была хорошенькой 20-летней девушкой, юная начинающая актриса уже пользовалась известностью среди парижских любителей театра.

Ни война, ни суровые будни революции отнюдь не уничтожили культурную жизнь французской столицы. Девушка уже переделалась в свое обычное платье и расчесывала перед овальным зеркалом густые длинные волосы, когда в дверь гримерной постучали.

Она не успела произнести ни звука, когда ручка двери повернулась, и на пороге возник интересный мужчина лет 35-36 в строгом, изящном темном костюме.

Фрак красиво облегал его стройное тело, пышный, под самый подбородок белоснежный кисейный галстук оттенял тёмные длинные волосы, спадавшие ниже плеч, в бледном лице с высокими скулами не было ничего неприятного, но Жанна испытала смутное беспокойство, интуиция редко

подводила ее.

Да она же видела этого человека несколько дней назад, в первых рядах ... рядом с Амаром, вторым после Вадье человеком в Комитете Общественной Безопасности!

– Это вам, гражданка, – из-за спины показался красивый букет рубиново-красных роз, – я один из самых верных поклонников вашего таланта и вашей красоты.

Миндалевидные зеленые глаза смотрели тепло и мягко.

Улыбаясь, и подавляя необъяснимую тревогу, Жанна приняла букет:

– Прошу вас, проходите, гражданин.

Мужчина склонил голову:

– Лоран Лапьер, к вашим услугам.

И тут с языка девушки невольно сорвалось то, что гвоздем засело в мыслях:

– Комитет Общественной Безопасности?

На тонком умном лице Лапьера не отразилось ровно ничего:

– Вы совершенно правы.

Жанна автоматическим жестом поставила цветы в воду и села, с обреченным видом сложив на коленях изящные руки. Девушка подняла на агента большие, полные страха глаза:

– Что вам угодно? Вы меня арестуете? Но я же, ни в чем не виновата?!

Лапьер присел рядом с девушкой и поднес к губам ее маленькую руку:

– Вам не нужно бояться меня, побуждения, приведшие меня сюда самые искренние, я ваш друг и защитник, ... если защита понадобится вам...

Жанна слегка успокоилась и уже весьма кокетливым жестом отняла у него руку.

– Но дело к вам у меня действительно есть, – зеленые кошачьи глаза как-то быстро потемнели, и теплота взгляда испарилась, – сегодня к вам придут две женщины, девушка годом-двумя младше вас и ее мать, они придут сюда, в гримерную и я намерен дождаться их.

– Ах да, это Анриэтта и ее мать, гражданка Клеман, они хотели, чтобы я свела их с моим бывшим соседом. Зачем он нужен им я не знаю, но обещала помочь...

– Фамилия этого бывшего соседа?

– Гражданин Ленуар. Но это и все, что я знаю..

Лапьер выразительно склонил голову, на его губах появилась холодная улыбка:

– Этого достаточно.

Успокоившись, Лапьер снова сделался любезным кавалером.

Он уже стал поглядывать на часы, когда в дверь гримерной тихо постучали.

– Войдите, – мелодичный голосок Ланж прозвучал несколько хрипло от волнения. На пороге неуверенно застыли, закутанные в дорожные плащи две женские фигуры, девушке было лет 18, женщине лет 40.

Увидев Лапьера, они сделали испуганное движение и отступили к выходу, но за спиной у них возникли несколько темных мужских фигур, вооруженных, на шляпах красовались трёхцветные национальные кокарды. Против воли обeim пришлось вернуться в примерную.

Слабо и насмешливо улыбаясь, Лапьер поднялся им навстречу:

– Вы не можете представить, как я рад видеть вас, графиня, – и еще ниже склонил голову, – мадемуазель, – в сторону бледной темноволосой девушки.

– Вы ошибаетесь, гражданин, – его встретил отчаянно твердый взгляд старшей из женщин, – мое имя Жюстина Клеман, я вдова ювелира, а это моя дочь, это досадное недоразумение!

Иронически – любезно улыбаясь, Лапьер внимательно разглядывал ее:

– Вы графиня де Турнэ, мадемуазель действительно ваша дочь, а главное – вы еще не вдова... И скоро встретитесь с мужем, вас отведут в Ла-Форс, – и, решив проявить некоторое участие, заметил, – вы бы напрасно ждали гражданина Ленуара, комиссар вашей секции, этот торговец паспортами и свидетельствами о благонадежности ... 100 франков штука, арестован еще вчера вечером.

На секунды Лапьер поморщился от отвращения. Он слишком хорошо знал, как именно многие агенты Комитетов используют свою поистине огромную власть, для вымо-

гательства, шантажа и личного обогащения при реквизициях.

Обстоятельства таковы, что их жертвы, явные аристократы и роялисты совершенно не расположены жаловаться и привлекать к себе внимание, чем затрудняется своевременное выявление должностных преступлений.

Сделал знак людям:

– Уведите их. Жюсом, возьми приказ об аресте, а я еще немного задержусь.

И снова обернувшись к замершей в напряжении Ланж:

– Мне стыдно за испорченный вечер, гражданка, честное слово, стыдно. Надеюсь, вы сумеете простить меня, – Лапьер поднес к губам полудетскую ручку юной актрисы.

В 1793 году Норбер нечасто выступал в Якобинском клубе, еще реже он появлялся на трибуне Конвента, основное время он проводил в командировках в провинции с различными миссиями в качестве комиссара.

В начале июля он ещё был в Орлеане и узнал только из письма Жюсома о жестоком убийстве Марата фанатичной, подосланной жирондистами дворянкой, сколько в этих строках было боли, гнева и растерянности, Норбер не знал, что ответить другу.

Высоко оценивая некоторые работы Друга Народа по социальным вопросам, Норбер всё же не особенно симпатизировал Марату лично, считал его взгляды чрезмерно экстремистскими, к тому же, импульсивные люди с южным темпера-

раментом всегда отпугивали его.

В глубине души, как многие якобинцы, Куаньяр считал, что своей смертью в качестве «мученика Революции» Друг Народа принес немало пользы, хоть это и отдавало долей жестокости, если вспомнить искреннее горе Симоны Эврар.

Пьер так высоко ценил Марата, что любые слова теперь были бессильны и бессмысленны.

Состояние его души поймет он до конца только через год, но по счастью никто не знает своего будущего...

В сентябре 1793 года Норбер был направлен комиссаром Конвента в западный департамент Майенн.

За столом, обитым потертым зеленым сукном сидели трое агентов Общественной Безопасности, уже известный Лапьер, холодный и элегантный как всегда, коренастый брюнет в красном колпаке Жозеф Жером Лавале и русо-рыжеватый, гибкий как юноша Пьер Жюсом. Позади стола гордо красовался национальный триколор молодой Республики, на одной из стен висел плакат «Декларация Прав Человека и Гражданина, 1793».

Лампа тускло освещала хмурые, озабоченные лица патриотов.

– Ну, вот скажи мне, Пьер. Почему выбор пал на меня? Чем я похож на дворянчика? Какой из меня барон эмигрант?!

Жюсом небрежно смахнул пепел:

– Ну, мы годимся на эту роль еще меньше. У тебя универ-

ситетское образование, большой опыт, ты умеешь невозмутимо и ловко выбираться из самых опасных ситуаций, манеры не в пример лучше наших, язык хорошо подвешен... Ну словом, так решили.

Лапьер продолжал возмущаться:

– Среди нас есть и настоящие «бывшие», но искренние и верные люди, их и учить не надо, я не о шкуре беспокоюсь, я боюсь провала!

Лавале поставил на стол бутылку бордо:

– Это придумали люди не глупее тебя, время подготовиться у тебя есть. Знаешь, кто поможет тебе приобрести больше лоска и не вызывать подозрений? Муж арестованной вчера аристократки, де Турнэ.

Лапьер резко опустил бокал:

– А с чего вы решили, что он станет помогать нам? Разве что...

– Точно. Мы сделаем ему предложение, от которого он не сможет отказаться! Либо он сам станет нашим агентом, уверен, ради семьи он пойдет и на это, либо всё-таки ехать тебе, есть и третий вариант, отправитесь в Лондон оба.

Лавале был откровенно доволен затеей:

– Жюсом, распорядись, отправь людей в Ла-Форс, пусть его приведут сюда. Нет, не поздно, в самый раз. Думаешь, в тюрьме в ожидании вызова в трибунал хорошо спится? Чем плоха моя идея? Нет-нет, Лапьер, non non avouez que c, est charmant! (фр. «нет-нет, признайтесь, что это прелесть!»)

Через полчаса национальные гвардейцы ввели в кабинет хорошо, но старомодно одетого мужчину неопределенного возраста, ему могло быть от 50 до 55 лет. С минуту они, молча, разглядывали друг друга. Лапьер сделал небрежный жест:

– Садитесь!

Де Турнэ наклонил голову:

– К чему?

– Вы можете выручить нас, а мы, со своей стороны, можем помочь вам и вашей семье...

– Если речь не идет о предательстве, о роли республиканского шпиона

Лапьер вскинул руки в знак протеста и насмешливо улыбнулся:

– Отнюдь нет. Мне нужен хороший консультант в области дворянских манер и этикета, словом все, что нужно знать, чтобы не выделяться в вашем обществе. Согласны ли вы, стать моим учителем на определенный срок?

Растерянность отразилась в глазах де Турнэ:

– И это действительно всё, что вам нужно? Допустим, что я согласен. Что вы со своей стороны можете нам гарантировать?

Лавале и Жюсом молчали, говорил с графом только Лапьер:

– Жизнь, свободу и даже возможность остаться с семьей в Англии.

Граф де Турнэ жестом изобразил недоверие.

– Вам придется научиться доверять мне. Это честная сделка. Лично мне нужна ваша помощь. Завтра утром вы все будете свободны, но на новом месте жительства вас будут охранять днем и ночью. До утра вы можете отдыхать, уведите.

В кабинет, стуча каблуками, вошли национальные гвардейцы...

Де Турнэ добросовестно отнесся к своим неожиданным обязанностям, тем более что гражданин Лапьер, он же новоиспеченный барон д'Альбарэ оказался весьма способным учеником.

– Ну что, похож я хоть немного на человека вашего круга? – спросил как-то за обедом Лапьер.

– Кажется даже слишком, – невольно вырвалось у собеседника, он мрачно нахмурился, крутя в руке вилку, – как подумаю, для чего вам это нужно мне становится страшно...

Лапьер смерил его жестким взглядом:

– Это уже не ваша забота, любезный. Сегодня я вынужден сообщить вам одно новое условие

Граф де Турнэ возмутился и даже привстал, отбросив салфетку:

– Вы же дали слово?!

Лапьер сделал успокаивающий жест:

– Верно, лично я ни от чего не отказываюсь. Решение принято неожиданно и не мной. Мне нужна страховка, а у вас есть связи, мы вместе едем в Лондон, вместо одного «эми-

гранта» будет двое, вам не о чем беспокоиться...

– Что будет с моей семьей? – расширенные зрачки де Турнэ не отрывались от невозмутимого лица агента.

Лапьер на секунду отвел глаза в сторону, но тут же, снова вскинул голову и четко раздельно произнес:

– Ваша жена и дочь останутся у нас. После моего возвращения в Париж или после моего письма им будут выданы паспорта для выезда в Англию, в Лондоне вы и встретитесь. От вас не требуется в сущности ничего, важно другое, я буду появляться в обществе вместе с вами, как товарищ по несчастью, Антуан Мари Исидор д, Альбарэ, мы вместе бежали из Ла-Форс. Можете от души ругать революционное правительство, Конвент, якобинцев. Кто еще едет с нами? Это вас не должно беспокоить, мы всё время будем вдвоем.

И помолчав, добавил:

– А пока ваша жена и дочь гарантия того, что вы не сдадите меня в руки британской королевской тайной полиции, – и, не сводя глаз с окаменевшего лица де Турнэ, уронил вяло:

– Дней 5 можете провести с семьей, в день отъезда я сообщу вам еще некоторые детали. Надеюсь, вы уже осознали, что побег не в ваших интересах? Вот эти люди, – он указал на Лавале и Жюсома, застывших за стулом де Турнэ, – проводят вас... Не замышляйте хитростей, не пытайтесь обмануть меня, Турнэ... и тогда вам и вашим близким ничто более не угрожает.

В ночь на 19 сентября 1793 года карета мчится из Лон-

дона в порт Дувр, корвет, готовый к отплытию, немедленно поднимает якорь. Казалось бы, что в этом такого? Но на борту корвета, взявшего курс на Кале, берега Англии покинул таинственный узник и люди с сопроводительным письмом и отчетом гражданина Лапьера.

Люди Лапьера успешно сорвали опасные для Французской Республики секретные переговоры роялистов с Лондоном, методом похищения и доставки в Париж посланника от графа д, Антрэга герцога де Шольм.

Хуже было другое, второй объект, считавшийся еще более опасным, дерзкий и неуловимый австрийский агент контрреволюционной группы Луккезини британец Джемс Луис Рис исчез как всегда...

Осознав до конца свою подлинную роль, де Турнэ возмутился:

– Вы всё-таки солгали мне, не без моего участия вы втерлись в общество наших эмигрантов... так кто же я в собственных глазах, как не республиканский шпион, возможно даже убийца неизвестного мне и очень высокопоставленного человека моей партии и моего сословия, и как я могу после этого доверять вам в главном?! Может на самом деле моя жена и дочь... уже давно... – этими словами он буквально подавился.

Гнев в глазах сменился отчаянием и безнадежностью. Прижав руку к сердцу и болезненно поморщившись, де Турнэ тяжело опустился на стул.

Лапьер встретил этот взгляд спокойно и холодно. Ему не в чем было винить себя.

– Этот человек был крайне опасен, пусть его смерть не мучает вас...

– Опасен для кого? Для вашей Республики?! Для революции?! Хотите, чтобы я обеспокоился ее судьбой?!

– Опасен для Франции, господин граф, если вы еще не забыли что тоже француз, а не только дворянин и роялист.

Но через секунды гнев графа перевесил отчаяние, де Турнэ вскочил и в бешенстве схватил республиканца за горло обеими руками:

– Убью! Богом клянусь, убью!

Лапьер огромным усилием оторвал от себя его руки и отступил в сторону двери, откашлялся, держась за горло.

– Где же... ваши аристократические манеры... господин граф? Успокойтесь. Вы правы... кое о чем... я предпочел умолчать. Не смотрите на меня как на палача... подумайте. Узнав все сразу, вы категорически отказались бы от сотрудничества. Я, конечно, мог выбрать себе в помощники и другого, менее принципиального аристократа, шанс на успешное завершение операции все же сохранялся. А вот вас и ваших близких ждал бы трибунал и гильотина. Но..., – вот тут Лапьер на секунды отвернулся, будто смутившись чего-то, – это был для всех вас единственный шанс остаться в живых и я... я... не желал вам смерти. Не верите? Ваше право. Господин граф, ваши близкие живы... Не знаю лишь, чем я мо-

гу сейчас это доказать.

Граф слушал его мрачно и недоверчиво, но не перебивал.

– Угроза им состоит только в вашем поведении и в моей смерти по вашей вине. Но я жив и операция успешно завершена. Сегодня же я отпишу в Париж о выдаче паспортов вашей жене и дочери. Больше того, я позволю вам даже убедиться, что это письмо существует.

Лапьер честно сдержал свое слово и отослал еще одно письмо в Париж, затребовав паспорта для жены и дочери своего невольного «сообщника» де Турнэ и уведомляя о скором возвращении.

Но когда стало ясно, что неуловимый Рис в ловушку не попал, Лапьер задумался о том, как его самого встретят в Париже.

Ему все же казалось, что срыв опасных переговоров и высадки англо-эмигрантского десанта на побережье Нормандии неизмеримо важнее, чем упущенный Рис, но что об этом думает революционное правительство и что изменилось за это время в Париже?

Арест Лапьера – «барона д, Альбарэ» был весьма неожиданным. В лондонском театре, на него, как на французского якобинца указал один из эмигрантов, арестованный недавно при непосредственном участии Лапьера, препровожденный в Париж, но сбежавший из Ла-Форс.

Вмешательство графа де Турнэ было более чем поразительным, ведь его семья уже прибыла в Лондон, и он мог уже

не бояться за их жизнь. Лапьер напротив, уже слегка опасался своего невольного «компаньона», считая, что граф мог затаить ненависть и желание отомстить за вынужденное содействие республиканцам...

Но произошло иное, решив выразить благодарность Лапьеру за спасение своей семьи, он, умело используя свои связи среди французских дворян-эмигрантов, принятых при английском дворе, он добился решения суда о высылке «персоны нон грата» с территории Великобритании в течение недели, в случае промедления Лапьеру грозит тюремное заключение. Но депортация была наилучшим решением для агента Общественной Безопасности, чья принадлежность к этой организации, впрочем, и не была доказана...

(«Monsieur Pitt comme traître a la nation et au droit des gens est condamné a... – фр. «Питт, как изменник нации и народному праву приговаривается к...»)

Хорошо, что агенты британской секретной службы не читали мыслей дерзкого вольнодумца, отплывающего в Кале...

Норбер Куаньяр – комиссар Конвента в Майенне. Шуанское гнездо

В сентябре 1793 года Норбер Куаньяр был откомандирован в департамент Майенн в качестве правительственного комиссара с самыми широкими полномочиями от Комитета Общественного Спасения. Даже продвижение по западным департаментам было небезопасно для республиканца.

Второй комиссар Конвента, его спутник Лоран Лапьер на

пару дней задержался в Париже, сдавая дела. Он временно замещал переводчика с английского при Комитете Общественного Спасения.

На дорогах свирепствовали «белые» повстанцы – шуаны, возглавляемые офицерами из дворян, терроризируя слабую местную власть, убивали с особой жестокостью якобинцев и всех сочувствующих успехам молодой Республики. Местные власти, нередко из жирондистов, зачастую отнюдь и не способствовали укреплению новой власти, мстили за поражение своей партии в Париже..

Уезжая из столицы, молодой комиссар вполне отдавал себе отчет о тех трудностях и опасностях, которые ждут его на новом месте службы.

Так, департамент Верхней Соны отказался принять комиссаров Данжу и Мартена, задержал их и отправил этапом в Париж под конвоем жандармерии. Эти комиссары, по-видимому, не успели совершить никаких злоупотреблений властью, так как Исполнительный Совет 5 октября приказал их освободить и потребовал объяснений от администрации.

А департамент Финистер задержал Гермера, которого Исполнительный Совет послал в Брест и Лориан, чтобы разыскать в арсеналах оружие, назначенное для вооружения волонтеров. При этом Гермер произносил речи, направленные против лидеров Жиронды – Ролана, Бриссо, Гюаде, восхвалял Робеспьера и распространял памфлеты Марата. Он был лишен свободы в течении нескольких месяцев. Потребовал-

ся особый декрет Конвента от 4 марта 1793 года, чтобы заставить власти Финистера освободить его...

Дорога, скверно содержащая не представляла собой того оживленного вида, какой имела еще несколько лет назад. Сельские жители выглядели недоверчивыми и мрачными. Куаньяр нечасто встречал поселян, да и те поглядывали на всадника испуганными глазами, а иной раз делали вид, что вовсе не замечают его. Некоторые же, наиболее смелые или напротив более осторожные и робкие приветствовали его поклоном.

Между тем внешний вид молодого всадника был весьма привлекательным и сам по себе не мог внушать ни ужаса, ни отвращения.

Только костюм его выдававший революционера внушал опасения и неприязнь жителям западных департаментов, известных своей крайней консервативностью и склонностью к роялизму.

Шляпа его с выгнутыми полями и национальной кокардой, длинные иссиня-чёрные волосы отдуваемые ветром падали на смуглое лицо и широкий белый галстук, очертания тела скрывал темный плащ, расходящийся на широкой груди, позволяя увидеть тёмно-синий сюртук и широкий трехцветный пояс-шарф, на ногах обуты высокие, но без шпор сапоги.

Всадник постоянно шпорил коня, как бы желая поскорее добраться до места. До Лавалья оставалось менее часа пути.

Места и впрямь были беспокойные, и Куаньяр понимал опасения мирных жителей. Сегодня зверствуют шуаны, убивают за малейшее сочувствие республиканцам, а завтра рубят головы за ношение белых кокард и верность «старому режиму»...

Сам Друг Народа, изображаемый господами жирондистами «свирепым зверем», еще весной 1793 в споре с жирондистом Ланжюинэ высказался в Конвенте против неразборчивых расправ со здешними жителями.

И то верно, карать следовало их вожаков и подстрекателей из дворянства и неприсягнувших конституции священников, убеждающих невежественную паству, что убийства и даже пытки революционеров «угодны Богу».

До какой крайности запугала их вражеская агитация Парижем и якобинцами, выдумывая мнимые «ужасы», будто-бы происходящие в столице, оболгав до неузнаваемости виднейших деятелей клуба и Конвента.

Нужно пресекать враждебные инсинуации и разъяснять людям ситуацию. Они должны правильно понять нас, и тогда перестанут бояться.

Мы не бессмысленные звери, лучшие из нас очень далеки от какой-либо намеренной жестокости. У нас есть серьезная программа глубоких реформ, для их осуществления мы пришли к власти, она для нас только средство, но не цель. Голос Власти...должен, наконец, стать и голосом Разума... революционное правительство опирается в своих действиях

на священнейший закон общественного спасения и на самое бесспорное из всех оснований – необходимость...», как верно заметил гражданин Робеспьер в своем докладе...»

Глухой стук копыт на каменистой пыльной дороге заставил Куаньяра обернуться. К нему быстро приближались семеро всадников. Долгое время спустя, вспоминая всё, что случилось, он не мог понять, зачем придержал коня, поджидая случайных попутчиков..

Он узнал троих из этих молодых людей, они сидели за соседним столиком в трактире, откуда он выехал около часа назад.

Один из них неожиданно вскинул руку с пистолетом, и резкая боль свалила его с седла. Молодые люди спешили и обступили раненого Куаньяра, который с трудом пытался приподняться.

– Граждане, во имя Разума, за что?, – вырвалось со стоном, он попытался приподняться, но сильный удар сапогом повалил его на землю.

– Знал бы за что, содрал бы кожу живьём, одним якобинцем меньше, мир чище, – к Куаньяру склонилось бледное перекошенное ненавистью лицо. На раненого градом посыпались удары каблуков. Били методично и долго, выбирая наиболее болезненные точки и раненое плечо.

Норбер закричал от невыносимой боли, но уже вскоре лишь корчился, стонал и хрипел, уткнувшись лицом в потемневшую от крови пыль. А сапог всё бил и бил в голову и

дикая боль отдавалась в глубине черепа...

– Господин Желамбр, остановитесь или мерзавец сдохнет слишком быстро, – один из нападающих схватил товарища за рукав.

– Господин Ленонкур, вы хладнокровней всех нас. Я слишком ненавижу этих чудовищ Конвента, спущенных на наши головы с адских цепей!

Самый старший из четверки, изящный блондин лет 30 в темном костюме вылил на голову Куаньяра воду из фляги, послышался глухой стон, блондин присел рядом с ним и взял за подбородок, приподняв голову, и с видимым наслаждением заглянул в расширенные от боли тёмные глаза:

– Вот видите, он жив, эти простолюдины вообще потрясающе живучи, как черви. Сейчас наглядно покажу вам, господа, как на моей плантации в Сен-Доминго наказывают непокорных черномазых рабов! Французские плебеи ничуть не лучше негров...

Элегантный молодой аристократ наклонился к Норберу, красиво очерченные губы змеились жестокой улыбкой:

– Любезный друг, не думай, что для тебя всё закончилось. Видишь этот кнут, я недурной художник, сейчас я нарисую прямо на твоей якобинской шкуре «Закат над Луарой...

Дальнейшее Куаньяр помнил плохо, его оттащили в сторону от дороги, раздели до пояса, связали руки.

Роль палача взял на себя блондин, бил вдумчиво, умело, с оттяжкой и с видимым удовольствием, вслушиваясь в каж-

дый хрип и болезненный стон, вглядываясь в искаженное страданием разбитое лицо.

Тело превратилось в комок боли и ужаса. С каждым ударом из под кнута брызгала кровь, скатываясь рубиновыми ленточками по худым бокам. А «благородный» палач не унижался, веревки срезаны, пнув под рёбра сапогом, его перевернули на спину, острое лезвие сабли коснулось груди, сделав один глубокий надрез за другим... Господи, придет ли этому конец! Остановитесь, мы же люди!

Неожиданно он услышал молодой женский голос, один из палачей оказался женщиной, одетой по-мужски:

– Это ждёт всех их... всех..., – в голосе девушки звучала холодная ненависть, – участь цареубийцы Дамьена. Ты меня слышишь, якобинец?! Этьен, я хочу, чтобы он страдал до последнего вздоха!

Она ткнула носком сапога израненное тело и глухо рассмеялась, услышав тихий болезненный стон...

Добровольный палач испытывал при этом явное зверское наслаждение, глаза блестели, тонкие ноздри раздувались, а его спутники наблюдали за жестокой пыткой, словно младшие жрецы за магическим ритуалом, торжественно и бесстрастно.

Много раз он терял сознание и столько же раз его приводили в чувство. Сознание покинуло истерзанное тело надолго, когда мучители принялись обсуждать, не следует ли напоследок вырезать ему глаза и отрубить руки. Он думал, что

умирает и чувствовал облегчение, последнее, что он услышал, словно в тумане:

– Верный пёс революции сдох.. Якобинские вырождаки надолго запомнят нас в этих краях, клянусь честью, господи!

Окровавленного и полуживого, Куаньяра подобрал экипаж, в котором возвращались в Лаваль доктор Розели с сестрой. Сознание вернулось в измученное тело во время перевязки в доме Розели.

– Несчастный мученик! – услышал он мягкий женский голос, медленно открыв глаза, Норбер увидел склонившееся над ним милостивое личико девушки лет 28 с жемчужно-серыми, полными жалости глазами.

– Арман, он открыл глаза, подойди!

Изящно, но скромно одетый мужчина лет 40 приблизился к постели:

– Как вы себя чувствуете? Мы подобрали вас в жутком состоянии..

Куаньяр слабо улыbnулся вспухшими разбитыми губами:

– Я... жив и... жизнью обязан вам, ...гражданин...

– Меня зовут Арман Розели, я врач и вы в моем доме. А это моя сестра Анна-Мария.

– Мою лошадь не нашли? В седельной сумке мои документы..., – он хотел еще добавить «я комиссар из Парижа», но осторожность удержала, почём знать, кто эти люди... и продолжать не стал, замолчал, прикрыв от боли глаза.

– Нет, видимо лошадь убежала. Потеря документов это

конечно не шутка, но сейчас не об этом надо думать, вы ранены в плечо, жестоко избиты, а эти раны на спине, боках, на груди, – тонкие губы доктора Розели болезненно дёрнулись, – видимо, нет пределов человеческой жестокости. Вам нужен отдых и покой, пока мы оставим вас.

Норбер был очень слаб, он уже не слышал, как за братом и сестрой Розели закрылась дверь.

Шуаны

На пятый день после этих событий под покровом темноты на пороге двухэтажного дома доктора Розели появились двое, мужчина, в надвинутой на глаза шляпе, закутанный в плащ и высокая темноволосая девушка слегка за двадцать, она резко постучалась, с тревогой оглядываясь по сторонам. Но никого поблизости не было, улица была безлюдна в этот поздний час.

Появление младшей сестры с мужем застало хозяина врасплох, что было видно по бледности его лица и нервным жестам.

Молча, прошли они в гостиную и уселись в кресла, обитые зелёным утрехтским бархатом. Мария, разбуженная резким стуком, быстро оделась и сошла в гостиную. Ее тонкое лицо выражало и оживление и озабоченность.

– Как ты неосторожна, Элен, – упрекнул девушку Арман Розели, – тебя могли увидеть.

И сдержанно обернувшись к молодому человеку:

– Чем мы обязаны столь позднему визиту, господин маркиз? Надеюсь, к теме, поднятой в прошлый раз, мы уже не вернемся, ибо я уже объяснял, при всей моей глубокой неприязни к революционной власти, к её идеям и к дьявольским санкюлотам, я не намерен становиться «под ружьё» и уходить в леса, я врач, врачом и останусь впредь.

Молодой человек выслушал Розели, изящно откинувшись в кресле, вытянув длинные ноги в высоких сапогах. На его красиво очерченных губах скользила ироническая усмешка, сузив голубые, острые как льдинки глаза он нервно постукивал стеком по голенищу сапога.

– Я и не намерен более убеждать вас, любезный. Всё проще, мы пришли как гости и притом ненадолго, девочка скучает, вынужденная жить в стесненных условиях совсем неподходящих для утонченной женщины нашего круга.

Элен отличалась от старшей сестры не только более темным цветом волос и глаз, но и надменным взглядом и жестковатым выражением лица, что уменьшало впечатление от юной девичьей красоты.

Розели обеспокоенно прислушался, но было тихо. Налил коньяк себе и молча подвинул вторую рюмку д, Эспаньяку.

– Я заглядывала в его комнату, он спит, – успокоила брата Мария.

– У вас гость? Я могу узнать, кто он?, – Элен удобнее расположилась в глубоком кресле, отложив в сторону дорожный плащ и широкополую шляпу с яркими перьями, – было бы

неплохо провести время в хорошем обществе, а то шуаны, которые нас окружают, хотя и союзники, но всё из той же черни...

Услышав историю Куаньяра, она мрачно нахмурилась, и безапелляционно заявила:

– Проклятые санкюлоты, варвары, им мало гильотины, нет такого скотства, до которого не опустились бы эти отбросы человечества!

Мари переглянулась с братом и поэтому оба не заметили, как напрягся д, Эспаньяк, как дёрнулись в нехорошей усмешке его губы, как стиснули стек холёные белые руки.

– Говори тише. Мы еще не знаем, кто это сделал и кто он сам, наш невольный гость.

Элен сделала нервный жест:

– Надеюсь, вы не считаете, что люди благородной крови из хорошего общества могут опуститься до побоев и пыток, просто застрелили бы и только! А впрочем, – девушка холодно сузила глаза, – между нами, нет таких адских мук, каких не заслужили бы эти цареубийцы!

Она обменялась с мужем понимающим взглядом, они словно вспомнили о чём-то.

Мария грустно покачала головой и недоверчиво улыбнулась, тряхнув русо-золотистыми волосами:

– Ты говоришь, как дикарка из племени людоедов, но ведь сердце же у тебя не каменное!

Элен холодно улыбнулась сестре и положила на стол пи-

столет:

– Я не расстаюсь с ним ни днем ни ночью, с тех пор, как я, маркиза д'Эспаньяк с мужем и другими благородными людьми разделили образ жизни шуанов. Эта игрушка мне не для красоты...

Мария смотрела на младшую сестру, широко открыв глаза:

– Нет, я не верю, ты же не сможешь.. Знаю, как ты ненавидишь якобинцев, но всё же, окажись один из этих несчастных под дулом твоего пистолета, ты же в него не выстрелишь? Не сможешь убить?

Розели грустно смотрел на сестру, словно не узнавая её, вчерашнего подростка, что-то чужое и жестокое в глубине красивых карих глаз отталкивало его.

Д, Эспаньяк, потягиваясь в кресле с ленивой грацией сытого хищника, слушал спор сестёр с явным удовлетворением и одобрительно улыбался молодой жене.

– Я стреляю в санкюлота как в бешеное животное, – яркие губы Элен сжались решительно и зло, – а тебе Арман недурно было бы точно узнать, кого ты спас и не привел ли ты врага в свой дом...

Маркиз поднял на хозяина светлые волчьи глаза с расширенными зрачками, его тонкое надменное лицо помрачнело, он брезгливо поморщился:

– Кажется, я знаю, кого вы могли подобрать на этом участке дороги. Так он не сдох? Санкюлоты паразитительно живу-

чи... Сударь, уверяю вас, этот негодяй сто процентный якобинец и при высокой должности, на нем был трехцветный шарф ... А теперь сами решайте, как вам поступить с ним...

Побледнев, Розели поднялся с кресла и принялся мерить комнату неровными шагами. Заговорил он отрывисто и нервно:

– Из-за этого мы уже ссорились и не раз.. Я, прежде всего врач, и сказать честно, горжусь этой профессией. Я врач и для меня больной и раненый не роялист или якобинец, не дворянин или простолюдин, а человек, нуждающийся в милосердии и помощи.

Кто бы он ни был, сейчас он ранен и совершенно беззащитен, в любом случае я не бросил бы его умирать на дороге, будь он хоть членом их проклятого революционного правительства, хуже того, окажись он хоть самым Робеспьером или Сен-Жюстом!

Элен разочарованно, мрачно и чуть презрительно смотрела на старшего брата.

– Удивляюсь я тебе и не понимаю. Мы родные по крови и в то же время будто чужие. Кто ты и с кем? Не забыл ли ты о долге дворянина? Разве тебе не свято, то же, что объединяет в единое целое всё дворянство Франции, более того, всей Европы?

Предпочитаешь бесстрастно наблюдать, как безродные плебеи, рождённые, чтобы пахать землю и прислуживать, негодяи, regicide, казнившие королевскую семью и тыся-

чи людей из старинных благороднейших фамилий страны, изображают из себя правительство и законодателей? Если бы ты не был моим братом, я решила бы, что ты изменник! Ведь здешние санкюлоты не трогают тебя, почему?

Молча слушая резкие выпады жены в адрес брата д, Эспаньяк явно получал удовольствие и не прерывал её.

Сдержав гнев, Розели пожал плечами:

– Я же сказал, я врач и не занимаюсь политикой. Вы сами знаете, у меня нет ни малейших симпатий к якобинцам и их Республике, моим убеждениям близка конституция 91 года, но участвовать в разжигании гражданской войны не стану, мое призвание лечить людей, а не убивать их. Отсюда вывод, поскольку я ни в чем не замешан, не совершил преступления против их Республики, то и в эмиграцию подаваться не собираюсь. Буду жить, и лечить людей, это нужно при любом режиме.

Увы, короля в нашей стране больше нет, но Франция никуда не исчезла!

Мы всё еще надеемся на помощь наших принцев и иностранных государей?

Les souverains? Qu ont ils fait pour Louis XVI, pour la reine, pour madam Elisabeth? Rien». (фр. «Государя? Но что они сделали для Людовика Шестнадцатого, для королевы, для Елизаветы? Ничего».)

И секунды помолчав, добавил:

– И ещё, я хотел бы знать, сударь, – обращаясь к марки-

зу, – откуда вам известны все подробности этой расправы? Так это были ваши люди? Значит, всё что я слышал о зверствах шуанов всё-таки правда... Но это же чудовищно...

Думаете, война всё оправдает? Отнюдь! Ни война, ни борьба идей не требуют и не объясняют подобного каннибализма! Я слышал о диких расправах над пленными республиканцами в Машкуле в Вандее, когда раненых и умирающих зарывали живьём вместе с трупами, живым отрубали кисти рук... Я считал эти ужасные рассказы грубой якобинской пропагандой, но теперь... теперь я верю..

Маркиз вяло потянулся в кресле, смерил Розели ледяным насмешливым взглядом и заговорил врасстяжку, решив разъяснить этому «далекому от суровой реальности» человеку истинное положение вещей:

– Барон, вы прекрасодушный и наивный идеалист. Всем этим хамам, черни нужен намордник и кнут, добра они не помнят и благородства, так свойственного нашей расе, не понимают.

Революционные идеи, права человека, демократию, республиканизм, то есть, в итоге якобинизм следует выжигать калёным железом, уничтожая физически их защитников, и делать это следует эффектно и с размахом, дабы привести обнаглевших простолюдинов к приличествующей им покорности.

Как вы думаете, что будет, когда объединенные силы французского дворянства, наших эмигрантов, англичан, ав-

стрийцев, пруссаков сметут к дьяволу их поганую Республику и займут Париж?

А я вам точно скажу, на повестке дня будет Террор, да-да, наш, «белый» анти-якобинский террор! Мы имеем право на ужасную месть, мы намерены казнить цареубийц десятками тысяч, нет, сотнями тысяч, если надо миллионами! Мы не станем отменять гильотину, она славно потрудится и для нас.

Граф д,Антрэг в одном из писем решительно заявил: « Я намерен стать вождём контрреволюции и отрубить сто тысяч голов!» Не уступит претензиям Марата! И ему хочется верить! Эмигранты настроены решительно и жаждут мести! Хотя по мне, – он хищно улыбнулся, – якобинцы правы и гильотина действительно гуманное орудие казни, по-моему, медленная мучительная смерть, четвертование или колесование выглядят куда эффектнее и страшнее, а стало быть, для низкородного сброда поучительнее...

Розели смотрел на него с холодным отвращением:

– Господин маркиз, по-вашему выходит, что я сейчас должен подняться наверх и добить раненого или позволить вам это сделать, отдав его на расправу вашим шуанам?

Д,Эспаньяк жёстко рассмеялся:

– Неожиданный вывод для вашего характера, но в целом верный! Это было бы разумно для нашей же безопасности. Но вы никогда на это не решитесь, я это знаю, и заметьте, даже не обвиняю вас. Таков ваш характер, у вас всё наполю-

вину, как у всех конституционных роялистов, в этом ваша беда.

Вы проклинаете якобинскую Республику с их народовластием и равноправием, но при этом верите, что древнему институту монархии надобна конституция!

Тысячи лет короли и императоры правили без неё, опираясь на естественную защиту своего верного дворянства, и мир оттого не рухнул, а главное чернь знала своё место!

Воля государя вот основной закон для каждого верноподданного! Государь издаёт законы, он же и отменяет их.

Права? Король милостиво дарует их самым родовитым, самым верным и разумным. Разве наши с вами права были ограничены?

Но как ими может распорядиться тупоумное стадо простонародья, гордо называемое «нацией» с легкой руки Марата и Демулена?! И это мы теперь видим!

Знаете, когда начались все наши неприятности? В самом начале этого века, около ста лет назад, когда король, забыв о своей древней роли представителя дворянства, перешагнув через его исключительность, заявил, что он представитель всех сословий...

Прежнее общество было устроено вполне справедливо и вы, как роялист тоже это понимаете, хотя мягкость характера и заставляет вас сопереживать плебеям, этот же ложно понятый гуманизм заставил вас как панацее радоваться этой убогой мёртворождённой конституции 1791 года!

Оседлав «любимого конька» темы сословно-расовых различий, маркиз не мог остановиться:

– Тысячи лет, со времен античности, существовало божественное предопределение: наверху общества находятся самые лучшие, самые талантливые, умные, способные люди страны, ведь «аристократия» переводится как «власть лучших», чего же более?

Чем меньше ума, достоинств и способностей – тем ниже общественное положение и меньше прав! Таким образом, наши сословные дворянские привилегии морально оправданы и объяснимы.

Откройте глаза, Арман, они иные, не такие же, как мы с вами, не только их физиономии и тела лишены изящества, но и умы и души примитивны и грубы, способности и таланты этого сброда, потомков туземцев, кельтов, также оставляют желать лучшего!

И в нравственном отношении они дикари. Кто еще способен носиться по городу с головами на пиках?

Начитавшись в юности Руссо, вам жаль задеть чувства образованных буржуа? Считаете, что они близки к нам? Но и это не так, так называемый «средний класс» не что иное, как потомки «выбившихся в люди» крестьян и прислуги!

Обычно спокойный де Розели решил его прервать:

– Вы сторонник идей де Буленвилье начала века? «Раса аристократов против нации граждан», так, кажется, называют эти идеи сейчас? Интернациональный союз дворянства

Европы против плебеев? Вы из тех, кто убежден, что дворянство Франции это потомки германских завоевателей франков, а остальное население – потомки побежденных кельтов... галлов?

Вы серьезно считаете, что то, что у нас происходит, вовсе не «гражданская» война, а война двух чуждых рас, германской и латинской? Причем все основные таланты и интеллектуальные достоинства на стороне нашей знати, потомков германцев?

Впервые злые искорки исчезли из голубых глаз д'Эспаньяка, он кивнул:

– Ну вот, когда хотите, вы всё прекрасно понимаете. Розели, вы никогда не жили в колониях, а у меня до августа 1791 была плантация на Сен-Доминго и 200 чёрных рабов... «ниггеров», как их называют англичане и американцы, пока и их не взбунтовали наши якобинцы.

Уверяю вас, наши плебеи это белые негры, малайцы или индейцы, а наивные идеалисты вроде вас, собрались сесть с ними за один стол и назвали братьями!

А они же вас, гуманистов и отблагодарили своевременным изобретением гильотины.. Ха-ха! В этом есть своя логика! Без кнута от зверя и дикаря уважения не ждите.

То, что для них «равноправие», для нас глубочайшее унижение!

Их «свобода», угроза свободе нашего класса.

Братство? Помилуй Бог, с кем, с сыновьями провинциаль-

ных учителей, врачей и адвокатов, с детьми кучеров, поваров и сапожников?!

Всё именно так, Арман, аристократия и чернь это две разные расы, высшая и низшая и не стать им единым смешанным обществом никогда!

Коснувшись злободневной темы, д'Эспаньяк говорил всё более отрывисто и резко, с очередным бокалом вина всё менее сдерживаясь в выражениях:

– Чёрт, я ненавижу этих животных всем сердцем и если ради нашей победы, победы утонченной христианской и монархической цивилизации над анархией и дикостью их народной Республики понадобится даже стать палачом и заменить Сансона, я не отступлю, и лично буду расстреливать их!

Розели слушал его с холодным отвращением, но не прерывал.

И помолчав, через секунду продолжал всё более страстно и резко:

– Мне вполне близок русский князь или английский лорд, но не французский конюх. С теми меня объединяет принадлежность к высшему обществу, общие интересы, воспитание, а с этим что общего? Но я сказал всё это не столько даже о простолюдинах в целом, их я более презираю, чем ненавижу, я говорил о наших апологетах революции конкретно.

Всё было веками продумано и логично, пока не вмешалась эта шайка, называемая энциклопедистами и просветителями во главе с Руссо и дикая чернь взбеленилась, свобо-

да, и равноправие им вдруг потребовались! Права Человека, подумайте же, это самая наглая выдумка низкородного сброда, произведение своекорыстных адвокатов!

У них у всех есть одно прирождённое право, знать своё место, верно и покорно служить королю и своему господину, пахать землю или прислуживать, наконец!

Розели, Франция сейчас это Сен-Доминго, а наши санкюлоты это взбунтовавшиеся белые негры, да что там, они просто рабочие машины для обслуживания потребностей государства и наших с вами потребностей!

Не спорю и среди них есть недурные существа, готов сколь угодно их оценить, но только на своём, отведенном для них обществом и традицией месте.

Наконец он замолчал, ожидая возражений, но видя, что Розели больше его не прерывает, смерил собеседника выразительным взглядом, облизнув губы:

—К примеру, я очень люблю собак, но если пёс полезет за мой стол, я огрею его кнутом!

Нет же, теперь этому сброду понадобилось образование, равные с нами права, понадобилось заседать в парламенте и писать для страны законы, вместо того, чтобы чистить выгребные ямы, накрывать столы или пахать!

А я настаиваю, зверя нужно загнать в клетку и все благомыслящие люди со мной согласны!

Согласны и вы, Арман, и препираетесь со мной, только из самолюбия и упрямства, вы просто любите порисоваться,

поиграть в либерала! Но... как нам не нравится избранная вами позиция нейтралитета, так и они не поверят в неё... и однажды за вами придут... тогда вы вспомните моё предупреждение...

Только теперь он, наконец, выдохся и, откинувшись на спинку кресла, взял очередной бокал.

Элен д, Эспаньяк мерила брата холодными чужими глазами:

– Сказать, что я разочарована, братец, ничего не сказать. Думала ты все же не так труслив, да-да, именно ужас перед этими хамами ты прячешь под маской миролюбия!

Дорогой, ты как всегда был прав, кажется, мы действительно зря пришли сюда, нам здесь нечего делать, пусть мой братец и далее любезничает с милыми его сердцу якобинцами, пока они его не отблагодарили гильотиной... это дело чести и совести», – девушка встала, взяла шляпу и спрятала под плащ пистолет, – прощайте, гражданин Розели.

Следом лениво поднялся и д, Эспаньяк. Розели наблюдал за ними, скрестив на груди руки:

– Боюсь, ты права, вам обоим не следует больше приходить сюда.

Мария пыталась вмешаться и помирить брата с сестрой, но Арман сделал резкий предупреждающий жест.

Когда за обоими захлопнулась дверь, Розели вздохнув, вернулся в гостиную.

– Она весьма изменилась, когда три года назад вышла за-

муж за д, Эспаньяка, кажется она полностью под его влиянием, – Мария грустно покачала головой.

– Эта пара еще вовлечет нас в неприятности. Я не был в восторге от ее выбора, самоуверенный красавчик, ограниченный, высокомерный и жестокий, с его взглядами жить бы ему в средневековье. Подумать только, идеолог сословной ненависти и розни Буленвилье, его кумир? Да-да, идеи Буленвилье очень популярны в среде наших эмигрантов...

Что она в нем нашла? Разве изящную внешность? Или всё же родственную душу? Кажется, дело не только в нём, Элен и в детские годы не отличалась женственным поведением и вкусами и даже была склонна к жестоким выходкам. Она воспитана в строгих традициях верности трону, это так, теперь же она стала яростной фанатичкой, не удивлюсь, если она преклоняется перед ножом Шарлотты Кордэ...

Свет в гостиной доктора Розели потух лишь около полуночи.

Розели безукоризненно выполнял свой профессиональный долг, Мария была добра и заботлива к раненому, но общаясь с ним, оба невольно испытывали напряжение и скованность. Что-то говорило им, что д, Эспаньяк прав и спасённый ими человек действительно республиканец. В это утро между братом и сестрой уже не в первый раз состоялся разговор на волновавшую их обоих тему.

– Ничего не изменилось бы, если б я даже был уверен, что он республиканец», – сказал Розели сестре, – я в любом

случае не оставил бы его умирать на дороге, как уже сказал д,Эспаньяку.

– Ты добрый, я знаю, – улыбаясь, Мари погладила руку брата, – и сильный, только сильный духом человек может позволить себе роскошь быть добрым в такое жестокое время и совсем не нуждается в защитной маске напускной суровости.

– Допустим худшее и он действительно республиканец. Поэтому, Мари, будь крайне осторожна и настрого предупреди прислугу. Следите за языком, избегать острых тем, Республика, революция, Конвент и всё прочее. Робеспьера, Сен-Жюста и других якобинцев не помянуть, точнее либо хорошо, либо никак, обращаться только «гражданин». Наше дворянское происхождение само по себе не криминал, среди нашего класса тоже есть республиканцы. Но и докладывать об этом тоже не стоит. Он не должен догадаться о главном.

И с минуту подумав, продолжал:

– Последний визит д,Эспаньяка вывел меня из равновесия, – нахмурился Розели, – не желаю видеть эту парочку в нашем доме, да-да, и Элен тоже, хоть она и наша сестра, она также жестока и фанатична, как и он, и не питай особых иллюзий относительно её родственных чувств. Наши пути разошлись, как ни грустно.

Наивный идеалист, так назвал меня господин маркиз, как думаешь, насколько он прав? Сам набит до отказа сословным и расовым высокомерием, чванлив и чудовищно же-

сток.

Но Бог мой, я тоже потомственный дворянин, пусть никогда не был богат или приближен ко двору, я тоже роялист, и всё же, мне больно резали слух его человеконенавистнические декларации о «высшей» и «низшей» расе, о миллионах французов как о «скотах», о желании лично четвертовать, расстреливать и вешать...

– Ужасно, – Мария неприязненно передёрнула плечами, – у меня даже возникло жуткое ощущение, что он не просто наслышан о пытке этого несчастного, а сам лично приказал истязать его.. Мне кажется, у него нет сердца, он бы смог.. У тебя не возникло такого чувства, Арман?

Доктор Розели метнул на молодую женщину быстрый взгляд, но промолчал. Порывисто повернулся он к сестре:

– Любое живое существо, поверь мне Мари, и человек не исключение привлекает добро и гуманное обращение, а они – «террор»... И те и другие.

Как странно, противоположные идеи, но при этом как оказывается одинаковая логика. Поразительно!

И чем же, скажи мне, их «белый монархический» террор лучше революционного? Снова кровь, снова слёзы жён и детей, снова ненависть и жажда мести. Замкнутый круг!

Дантов ад – «оставь надежду всяк сюда входящий»! Наверное, я действительно перезрелый идеалист, но кто же сумеет порвать порочный круг и остановиться первым? Или же на смену обоим придет некая третья страшная сила и сметет

всех?...

Куаньяр находился в доме доктора Розели уже две недели. Их доброжелательность и деликатное сочувствие, забота и мягкость обращения нравились ему, он отвечал им искренней благодарностью и симпатией.

Но иногда Норбер замечал, что добрые хозяева осторожно присматриваются к нему, ведут себя немного скованно, а у молодой и хорошенькой гражданки Розели и вовсе иногда мелькал в глазах страх, которого он не мог понять.

Доля личного обаяния и подчеркнутая мягкость обращения между тем делали свое дело, настороженность в синих глазах Марии Розели постепенно сменилась более мягким чувством.

Но этим жарким утром Норбер, вдруг услышал под окном разговор двух мужчин:

– Шутки ли, Северьёф, покушение на парижского комиссара.. Сам-то ты веришь, что он еще жив? Лошадь поймали, седло в крови, кровью забрызгана трава у дороги, правда, тела так и не нашли. Розыски оказались безуспешны.. И второй еще не прибыл..Такого еще не бывало..

У Норбера стукнуло сердце. Он приподнялся на постели.

– Что там?

Мари грациозным движением отодвинула портьеру:

– А... это санкюлоты ищут исчезнувшего комиссара Конвента, его ждали из Парижа еще две недели назад, да вам то что?

– Тсс! Дайте послушать!

Наконец-то, пора дать о себе знать! Но он был еще весьма слаб и подходя к окну, пошатнулся и неловко столкнулся с подоконника (комнаты располагались на втором этаже) огромный горшок с цветком...

Снизу проклятия посыпались, как горох из дырявого мешка, злосчастный цветок едва не приземлился кому-то на голову. Уже через минуту в двери дома доктора Розели уже громко стучали прикладами, послышалась знакомая фраза:

– Именем Республики!

Испуганная Мария возмутилась, беззаботный смех Куаньяра поразил её, по ее мнению радоваться было совершенно нечему!

– Вам смешно!?! Зачем вы привлекли их внимание?!

Его же удивил нескрываемый ужас в ее глазах. Норбер мягко взял девушку за руки.

– Бояться нечего. Вы же не разбойники и не «белые». Пусть ваш брат откроет и проведет их сюда, ко мне. Не вы оба, а я нужен им.

Двое мужчин, показавшихся на пороге комнаты, выглядели весьма характерно, трёхцветная кокарда на шляпе одного, на другом красный фригийский колпак, лица были мрачны и даже злы.

«Еще бы», – подумалось Норберу, он вспомнил о тяжелом горшке с цветком. Интересно, кого из них он осчастливил?

За их спинами толпилось человек десять, вооруженные

молодые люди не старше 25 лет с решительными лицами, в красных колпаках и карманьолках, члены революционного комитета Лавая. В страхе и оцепенении застыли брат и сестра Розели.

С минуту они разглядывали Куаньяра. Он был без сюртука, одет лишь в полосатый жилет с белой рубашкой, воротник небрежно расстегнут и полосатые же брюки, заправленные в высокие кавалерийские сапоги.

Густые и длинные черные волосы отросли длиннее обычного, на скуле и под правым глазом красовались характерные ссадины и густая синева. Он был еще слаб и заметно хромал, передвигаясь с помощью трости, но держался уверенно и властно.

– Кто ты такой, чёрт тебя дери! Документы! – зарычал рыжеволосый коренастый субъект в шерстяном красном колпаке.

На разбитых вспухших губах Куаньяра зазмеилась ироническая усмешка, свирепость незнакомцев, вызвавшая страх обоих Розели, не произвела на молодого человека ровно никакого впечатления.

– Норбер Мари Куаньяр. Я парижский комиссар от Комитета Общественного Спасения, присланный на замену гражданина Мэнье. Мои документы и лошадь у вас, насколько я мог слышать. Мою личность может также удостоверить мой коллега, комиссар Лапьер.

Понаблюдав как с их лиц исчезают злость и свирепая ре-

шимость, и не дав опомниться, Куаньяр произнес еще более уверенно и властно:

– Я хочу видеть местного председателя клуба и мэра, когда это будет возможно?

Он смотрел в упор на местных чиновников и потому не видел, как еще сильнее изменились и побледнели лица его домохозяев, как они переглянулись между собой.

Рыжеволосый неловким жестом стянул с головы красный колпак:

– Франсуа Кенель, председатель революционного комитета Лавалья.

Невысокий, худощавый мужчина лет 40 с миндалевидными зелеными, как у дикой кошки глазами вежливо наклонил голову, но шляпы не снял:

– Я и есть председатель местных якобинцев, Антуан Северьёф, гражданин. Мы уже считали вас погибшим. Во имя Разума, что с вами произошло?

Якобинский клуб грозная сила, с ней имеет смысл считаться даже делегату революционного правительства. Хотя полномочий данных ему Комитетом хватит и на них и всё же... («Мне с ним работать, надо присмотреться к нему..», – подумалось Норберу).

Только теперь Куаньяр увидел страшное напряжение на бледных лицах своих добродушных хозяев. Это озадачило его и счел нужным успокоить их:

– Доктор Розели, – он мягко кивнул Марии, – гражданка,

всё в порядке, всё хорошо. Надеюсь, вы извините мою дерзость, но мне нужно поговорить с гражданином Северьёф с глазу на глаз. Гражданин Кенель, вы и ваши люди свободны, сообщите обо мне мэру и общественному обвинителю, жду их завтра в девять.

Ошеломленные Розели, как две тени выскользнули из комнаты.

Тремя днями позднее в город приехал Лапьер. Комиссары в Лавале занимали здание особняка дворянина-эмигранта, некоего герцога де...

Да какая, в сущности, разница, как звали этого «бывшего», на первом этаже располагались мелкие городские службы, продовольственный комитет и другие подобные организации.

Лестницу наверх и двери в приемную делегата революционного правительства охраняли национальные гвардейцы. Кабинет отличался от обычного только огромными размерами, но выглядел в целом вполне привычно: пол, устланный ковром, у стен резные шкафы с документами и пачками бумаги и бланков (такие шкафы в будущем назовут «в стиле Людовика XVI»), позади стола у стены неизменный трико-лор.

Из этого основного помещения незаметная дверь вела в комнату, обставленную вполне по-домашнему, временное место службы было и временным домом, слишком часто комиссару приходилось работать до самой глубокой ночи, до

утра..

Из огромных окон была видна площадь и здание Ратуши, где располагалась мэрия Лавая. Слева здание, где размещался революционный трибунал, словно по примеру Парижа Якобинский клуб занял помещение бывшего монастыря.

Правительственному комиссару полагалась личная охрана, после нападения роялистских убийц Куаньяру ее удвоили.

Он шел прямо в шумящую толпу клерков, чиновников и просителей, наполнявшую холл, быстрым пружинящим шагом крупного хищника, который давался ему очень нелегко, вскинув черноволосую голову, шел уверенно, не сворачивая, но временами все, же опираясь на трость, лишь хромота напоминала о недавнем ранении.

Увидев опоясывающий его трехцветный шарф, толпа сама рассекалась, образуя на его пути широкий проход. Поднявшись по широкой, устланной красным ковром лестнице на площадку перед дверями в зал совещаний он обернулся и резко поднял руку, призывая к тишине:

– Сегодня не приму никого, – и не обращая внимания на разочарованные возгласы вошел в зал.

Следом за ним зашел невысокий, худой как подросток молодой человек не старше 24-х лет, секретарь Лавинь.

Только сейчас Норбер почувствовал резкий приступ слабости, слегка пошатнулся и оперся о косяк, в глазах потемнело. На лбу мелкими бисеринками выступил пот.

– Гражданин комиссар, – тихо, но настойчиво Лавинь пытался привлечь внимание Куаньяра.

Когда Норбер резко обернулся, юноша заметно вздрогнул. «Как же запугал же вас всех Мэнье», – подумалось невольно.

– Сегодня рано утром произошло нечто возмутительное. На стене мэрии какой-то негодяй повесил наглую роялистскую прокламацию. Она у гражданина Эрбо, они уже около получаса ждут вас в соседней зале, – Лавинь неуверенно поправил кисейный галстук.

– Они?

– Да, еще председатель клуба и мэр.

– А где гражданин Лапьер?

– Он в клубе, общается с местными патриотами..

Соседний зал выглядел почти также, как и приемная. За круглым, покрытым сукном столом сидели трое.

Жак Анж Эрбо, общественный обвинитель революционного трибунала, отличавшийся чёрным цветом костюма и шляпой с черным плюмажем (это форменная одежда трибунала), важный и представительный мэр Лавалья Филипп Жютлэ и уже известный председатель якобинцев Антуан Северьёф. Куаньяр переводил взгляд с одного озабоченного и хмурого лица на другое.

– Salut et fraternite! («Привет и братство!»)

Ответ на стандартное приветствие прозвучал кисло, что можно понять.

– Где прокламация, гражданин Эрбо?

Общественный обвинитель развернул узкий и длинный лист бумаги:

– Я прочту, если позволите, гражданин комиссар...

Наступила тишина.

– 16 фрюктидора II года эры дьяволов, спущенных с адских цепей Тартара, чтобы погубить всё прекрасное во Франции... – начал Эрбо.

Норбер вдруг прервал его:

– Дьяволы, спущенные с адских цепей... – и задумался.

– Это мы, республиканцы, защитники нового мира и французской демократии, а «всё прекрасное во Франции» по мнению наших феодалов, вероятно, это они сами», – вежливо, с усмешкой пояснил Эрбо, – и что?

– Где-то я подобное уже слышал и не так давно, но читайте дальше.

– Я, маркиз д Эспаньяк, подписываюсь под строками графа Фланшландэна в том, что «сопротивление не прекратится, пока Конвент не будет истреблен, пока не будут казнены все чудовища, голосовавшие за казнь помазанника Божия. Если...», – Эрбо умолк, пробегая глазами текст, – тут целый список лиц, роялисты, аристократы и шуаны, содержащиеся в городской тюрьме, и что?.. А вот что, «если хоть один волос упадет с их голов, то... Мерзавцы смеют угрожать нам! Далее всё в том же духе. Читайте сами, – протянул лист Норберу, – и вот это тоже...», – выражение лиц присутствующих насторожило.

– Бросали пленных солдат Республики в колодец и добивали камнями, ... местных якобинцев прибивали гвоздями к дверям домов, зарывали в землю живьем ..., – Норбер нахмурился и отодвинул бумаги, – знаю, эти зверства творили банды Шаретта на Луаре, в Вандее... Но что вы хотите от меня здесь?

Северьёф резким жестом пододвинул комиссару бумаги обратно:

– Нет уж, гражданин, вы читайте дальше. Это они так с рядовыми солдатами, а вот, что касается чиновников Республики... и не только там, а здесь..., – голос Северьёфа понизился, в лице появилось нечто такое, что заставило Норбера продолжить изучение документа

– Видите ли, гражданин, вы уже в курсе, перед вашим приездом мы похоронили моего секретаря Жубера. Эти твари так издевались над ним, что гроб нельзя было открыть. Живому вырезали глаза... отсекли кисти рук, а затем добивали штыками!... Чего вам еще?!

– О судьбе вашего секретаря я в курсе. Так, что же вы молчали про своего предшественника, Северьёф? Они убиты одновременно в доме прежнего председателя клуба?

Изменившийся в лице председатель якобинцев бросил на комиссара Конвента диковатый взгляд и промолчал, наблюдая, как сам собой меняется оттенок его лица. Некоторое время Норбер молчал.

– Обе ноги ниже колен и обе кисти рук отсутствуют... Судя по выражению лица трупа, когда его кромсали он был живым... Дикость... Тут и атеист перекрестится. Почему же его никто не слышал?.. Он не мог не кричать?! Ах, да, остатки лауданума. Странные палачи, а опиум зачем?! – тут Норбер решительно отодвинул жуткий документ. Это что за дьявольщина...?!

– Вот и я об этом, гражданин. Приходится молчать, чего народ пугать? Представьте, что тут начнется. Тут версия такая... эти извращенцы сначала сильно напоили его этой дрянью, затем сотворили это... Они ушли видимо, совсем не сразу... Вы понимаете, что это такое? А позже, измученная полуживая игрушка надоела, они ушли, а действие опиума закончилось..., – последними словами Северьеф подавился, – подозреваем дЭспаньяка... так как известны его кровавые «забавы» с чёрными рабами на Сен-Доминго. Я что, теперь следующий, гражданин Куаньяр?

– Один вопрос, вы или кто-иной видели лично их искалеченные тела? Я даже не об этом случае, это факт. Ведь случилось нечто выходящее за рамки разума и гуманности здесь и до меня? Звучит всё как-то чрезмерно дико.. хочу напомнить сплетни перепуганных жителей Нанта о трупах беременных женщин со вспоротыми животами и о младенцах, воткнутых на пики якобы по личному приказу Карье, сплетни то есть, а изуродованных тел не видел лично никто, всё на уровне бабьих сплетен, где что-то кто-то кому-то сказал...

Не обычный ли это психоз, вызванный попеременными депрессиями обеих сторон?

Хмурый и бледный Северьёф без слов ткнул себя в грудь.

– Я видел это тело. Потребуете эксгумации, гражданин комиссар?

Куаньяр сделал отстраняющий жест в знак отказа, резко поднялся и пригласил секретаря к столу:

– Пишите, Лавинь!» Пару раз он измерил кабинет от окна к столу и зло буркнул под нос – говорите, угрожают... Хоть один волос упадет с голов их сообщников...

Наконец он успокоился и остановился:

– Пишите! Голов у них уже нет. Список прилагается, впишите те имена, которые эти господа столь любезно сами предоставили нам. Но далее... пишите, Лавинь: вопреки распространенному заблуждению, я совсем не так кровожаден. Высшая мера коснется только взрослых участников мятежа обоего пола, то есть не моложе 17 лет, беременным женщинам дается 9-месячная отсрочка, согласно гуманному примеру Парижа. Но при этом я еще раз, решительно заявляю, что всякая попытка контрреволюции еще раз поднять голову встретит такой отпор и такую расправу, перед которой побледнеет всё, что понимается обычно под революционным террором..., – он умолк.

Лица коллег заметно светлели, в глазах засветилась надежда.

Северьёф мягко склонил голову:

– Это хорошо. Нам нужен непреклонный, решительный человек. Только вашу гуманную оговорку они вряд ли оценят по достоинству. Их подростки и женщины участвуют в убийствах и пытках патриотов наравне с мужчинами

Смуглое лицо Куаньяра при упоминании шуанов приняло серый оттенок. Воспоминания о пытках были свежи и страшны.

Северьёф мрачно смотрел в упор на комиссара, напоминая, чем здесь встретили самого парижского делегата.

И всё же его следовало понять правильно, Северьёф во все не имел в виду допустить применение пыток, что противоречило принципам самой Революции и психологии французских якобинцев, последователей Руссо, очень суровый, принципиальный человек, он тяжело переживал жуткую смерть своих товарищей.

Норбер упрямо нахмурился:

– Решение уже принято. Гражданин Эрбо подготовит обвинительный акт. Включите в список 800 пленных шуанов, к тем вышеуказанным. Завтра я всё подпишу.

Северьёф, выслушайте меня. Мы не имеем права унижаться до «равенства» с врагом в дикости и зверстве.

Роялисты подвергают пыткам наших пленных? Шуаны убивают 10-летних детей и беременных женщин?

Но они защищают древний королевский деспотизм, а мы защищаем будущее, свободу и новый мир.

Они лишь волчьи стаи, терзающие тело Французской Рес-

публики, а мы представляем государство и должны действовать, следуя законам и революционной целесообразности.

Целесообразно строгое и неуклонное уничтожение интервентов и врагов нации, но даже это не предполагает пыток и зверств, достойных дикарей или больных психопатов.

Их следует уничтожать, но не издеваться, это ниже достоинства патриота и республиканца.

Наконец, Северьеф, с точки зрения разума крайняя жестокость не вызывает нужного эффекта, она лишь ожесточает, но не побуждает бросать оружие, лишь выставит мучениками наших врагов, а нас злодеями, и добрые сердцем, но наивные и аполитичные жители начнут сочувствовать им. Этого ли нам надо? На это обращал внимание еще Друг Народа в споре с жирондистом Ланжюинэ. Разве он не авторитет для каждого настоящего патриота?! Пусть наша совесть будет чиста, как и наши принципы!

Имя Марата не могло не произвести на гражданина Северьефа желаемого эффекта, кто же станет оспаривать мнение героя и «мученика Революции»?

Северьеф как будто успокоился, а остальные и не думали спорить.

– Во всяком случае, моя совесть не будет осквернена, – устало добавил Куаньяр, стирая капли пота, выступившие на лбу. Он был еще нездоров, и чувствовал себя скверно. Страшная история тоже сидела в душе гвоздем.

Северьеф упрямо вскинул голову и выразительно, страст-

но продолжал:

– Безразлично, будет ли осквернена совесть отдельных людей, важно другое, победит ли наша Революция, будет ли спасена Республика во Франции. Важно также, чтобы с людей не драли кожу живьем за политические убеждения...

Также важно, будет Европа якобинской или нет, расцветет ли на ее территории союз свободных демократических Республик или по вине нашей ложной сентиментальности народы будут обречены на вечное рабство под деспотией Бурбонов, Габсбургов, Романовых, величеств и сиятельств, банкиров и фабрикантов! Вот, что единственно важно, гражданин комиссар... или вы не согласны со мной?

– Гражданин Северьёф!, – мэр взглянул на него опасливо, искоса, с упреком.

Но Куаньяр уже знал, как следует вести себя с председателем клуба, он устало улыбнулся и протянул ему руку:

– У вас развито глобальное мышление, это можно объяснить, вы представляете революционную общественность Лаваля – «Глас народа – глас Божий». Но у меня задача более узкая, борьба с мятежами и контрреволюцией в этом департаменте. Именно за это я в ответе перед Комитетом Общественного Спасения.

Северьёф на секунду задумался, кивнул и взял протянутую руку, сурово сжатые губы дрогнули, лицо приняло приветливое выражение.

Мэнье, прежний комиссар имел характер натурального

диктатора, он был неадекватно жестокий, властолюбивый, часто нетрезвый при исполнении обязанностей и к тому же нечистый на руку.

А потому, принципиальный и непреклонный Северьёф, не боящийся авторитетов и чуждый всякому чиновничеству, как настоящий якобинец, был для него как кость в горле. Возможно, что Северьёф и сам бы не уцелел, если бы не имел надежной защиты в Якобинском клубе Парижа... Честный человек, достойный уважения. Не без его активного участия Мэнье отозвали для отчета в Париж, к огромному облегчению местного населения.

Общественный обвинитель и мэр вздохнули с облегчением. Куаньяр обратился к секретарю:

– Гражданин Лавинь, завтра утром повесьте то, что я вам продиктовал на стену мэрии, а рядом пусть висит их прокламация. И честные граждане, и бандиты должны это прочесть.

Он обернулся к общественному обвинителю:

– Готовьте акт, гражданин Эрбо, я всё подпишу.

И помолчав, добавил:

– А сейчас, граждане, можете быть свободны, я жду доктора Розели.

Эрбо, Жютлэ и Северьёф направились к выходу, последним вышел молодой секретарь.

Увидев на пороге Розели, Куаньяр улыбнулся, даже привстал, поправив трехцветный пояс-шарф, он заметно повеселел:

– Гражданин Розели, проходите, пожалуйста, я ждал вас.. Даже если бы я был совершенно здоров, для вас у меня всегда найдется время!

Розели отчего-то выглядел неуверенно, в знак приветствия он слегка наклонил голову, как всегда мягкий и спокойный...

– Вы позволите осмотреть вас...гражданин комиссар?

– Разумеется, мне кажется, левый бок заживает слишком медленно.. очень больно.. и вот еще, гражданин Розели, если вам не кажется это несвоевременным.. я отношусь к вам, как к другу.. и можете звать меня по имени.. просто Норбер.. – на губах Куаньяра появилась добрая усмешка, он мягко положил руки на плечи удивленного, слегка растерявшегося Розели.

– Хорошо... Норбер, – он невольно запнулся, – в таком случае можете и меня называть просто Арман, а теперь позвольте всё же осмотреть вас. Как врач вынужден сказать, что вы недостаточно здоровы для такой активной деятельности, впрочем, в этом, конечно, вы меня не слушаете..

– У меня нет времени на свои болячки, Арман. Какой же отчет я смогу дать Комитету и Конвенту? Что я напишу, если не выполню возложенной на меня задачи? Я же сам себя не прошу, – вдруг он слабо улыбнулся, – хотите увидеть мой срочный отзыв и глупый бесславный конец?

И невольно подумалось, что насчет «безвременного конца» вышел явный перебор, его ждал бы просто отзыв, но мо-

жет быть потеря уважения и доверия Неподкупного.. нет.. что угодно, только не это...лучше смерть от рук шуанов, чем такой позор...

Розели бросил на Куаньяра внимательный взгляд:

– Я не желаю вам зла, Норбер.. Вас и так здесь встретили крайне жестоко. Жители департамента надеются, что ...эти страдания не озлобили вас, и вы не забудете... о милосердии и справедливости..., – это звучало полувопросительно.

– Не сомневайтесь, Арман, я не безумец и не хищник, каждый получит по справедливости, при необходимости не бойтесь обращаться прямо ко мне..Обращайтесь сразу ко мне, не в местный комитет, даже не в клуб к Северьёфу..

Отводя взгляд, Розели подумал «вот уж сказал, чтобы я в здравом уме сунул нос в клуб.. к этим бешеным патриотам.. а уж появиться в комитете, я что же, сошел с ума? Да-да.. он просто не понимает.. не знает.. и это хорошо, иначе стал бы он покровительствовать мне и Марии? Что же будет, если он узнает.. Что ждет нас..»

– А теперь я весь в вашем распоряжении, доктор. Как жаль, что у меня ничтожно мало личного времени, я чудовищно устаю, но если вы не имеете ничего против, я иногда буду навещать вас в ваш дом, я очень расположен к вам, Арман, вы интересный человек, приятно общаться с вами..

– Когда вам будет угодно, гражданин комиссар... Норбер..

Суд и казни роялистов и шуанов начались. За первые пять

дней были гильотинированы уже двести пятьдесят человек.

Среди них и местные аристократы, схваченные в рядах шуанов, нередко их жёны и сёстры, фанатички, воевавшие вместе со своими любовниками, мужьями и братьями, убивавшие республиканцев наравне с ними и едва ли не с большей жестокостью. Это последовательницы Антуанетты Адамс, мадам де Лескюр, любительницы пускать своего коня галопом по телам республиканцев, павших в бою..по трупам, уверяла она.. возможно и по раненым, умирающим, скажем мы..

В плену оказалось немало офицеров и солдат «королевской католической армии Вандеи», и даже несколько англичан и один австриец с французскими паспортами и фальшивыми франками.. агенты Лондона и Вены...

В плен попал раненый граф де Рошфор, правая рука кровавого извращенца маркиза д ,Эспаньяка! Вот это улов!

Утром на центральной площади Майенна собралась огромная толпа жителей, желающих послушать нового парижского комиссара.

Норбер выглядел весьма эффектно в чёрном сюртуке, опоясанном трехцветным шарфом, с такой же трехцветной кокардой на шляпе.

Энергичный гнедой жеребец под ним фыркал и пританцовывал, лоснящаяся шерсть животного отливала на солнце красной медью. В большей степени обращался он к молодым новобранцам...

– Крестоносцы Свободы! Памятным в истории Французской Республики останется грозный 93-й год!

Идёт священная война народа против благородных изменников Родины, сиятельных насильников и вельможных убийц!

Мы намерены в ближайшее время покончить с бандой д'Эспаньяка, и отомстить за страдания и смерть ваших братьев, земляков и соседей!

Мы не отступим перед соображениями фальшивой сентиментальности и запоздалыми напоминаниями о христианских чувствах!

Господа из Берлина, Лондона и Вены решили стряхнуть с Республики её красный колпак, но они не понимают, как опасно испытывать терпение французских патриотов! И не стоит, задним числом, напоминать о милосердии.

У нас перед глазами чудовищное преступление фанатички Кордэ, мученическая смерть Шалье в Лионе, сотни зарубленных, сожжённых и зарытых живьём патриотов Вандеи!

У нас в памяти подлая сдача англичанам Марсея и Тулона! Но.. голос власти должен, наконец, стать и голосом Разума! Добрые граждане имеют право рассчитывать на всю полноту национального покровительства, для врагов нации у нас только смерть!..

– Мы готовы умереть ради спасения Республики!, – юношеский голос выкрикнул из толпы, его подхватили другие.

Норбер направил коня в ту сторону, откуда услышал го-

лос.

– Но вы должны жить ради защиты Республики! Пусть умирают наши враги!, – эти слова со страстью вырвались из горла как низкое рычание и прокатились по затихшей площади.

Молодой комиссар резко натянул поводья, конь поднялся на дыбы.

– Sa ira! Пойдёт на лад! Не уклонись с избранного пути, патриот!

Не поддавайся опасным колебаниям и ложной сентиментальности! Не забывай никогда, что подчёркнутая слезливость в отношении врага означает скрытую форму сочувствия к ним и желание затормозить, то есть похоронить Революцию и погубить всех её защитников, как это случилось с изменниками Бриссо...

Сделай всё необходимое и будь что будет! Ненависть врага – лучшее украшение патриота!

Нужно спасти Республику каким-бы то ни было способом, преступно лишь то, что ведёт к её поражению и гибели..

Лишь победив, мы позволим себе роскошь дать волю сердцу и чувствам!...

Толпа, запрудившая площадь Майенна была разношёрстной. Резко различалась беднота, основная часть публики и богатые обеспеченные люди. Треуголки, цилиндры, крестьянские широкополые шляпы и рядом красные колпаки активных патриотов.

Трехцветные кокарды, однако, не у всех означали искренность республиканских убеждений, нередко они служили просто знаком лояльности аполитичных обывателей, желая не привлекать к себе лишнего внимания или даже следствием страха перед новой властью, Норбер не мог не думать об этом. Это было отчасти верно даже для Парижа.

А здесь, на охваченном контрреволюционным мятежом Западе... сколько искреннего неприятия и даже ненависти скрывалось за внешней лояльностью обывателей, за их принужденным: «Да здравствует Республика!»

Майенн и Лаваль не Париж, опасная близость роялистской Бретани и Вандеи чувствовалась во всём. Шуанское змеиное гнездо...

Слушая парижского комиссара, в толпе перешёптывались разные группы горожан, обменивались впечатлениями.

– Красавчик, и ещё так молод, – женский шёпот.

– Тьфу, всё же дуры вы бабы, ты его лучше послушай, чем разглядывать.. да он же свиреп, как дикарь из Новой Гвинеи.. не лучше Мэнье.. он ещё наведёт шороху, только держись... Казни уже начались...

– Пхе, может, хоть порядок наконец будет!, – пожала плечами хорошо одетая женщина.

Из кареты высунулся солидный буржуа:

– Порядок может и будет, мадам... не будет нас с вами, – бросает он сквозь зубы.

Обоих меряет мрачным подозрительным взглядом коре-

настый низкорослый мужчина в шерстяном красном колпаке санкюлота, возможно, член местного Революционного комитета.

А вот совсем другая группа. Прислонясь к углу дома трое хорошо одетых молодых людей и один, одетый как крестьянин, наблюдают за происходящим на площади.

Один из юношей зло цедит сквозь зубы:

–«Француза француз убивает... как брат,

В пылу якобинской морали...

Прекрасная картина:

Проблемы все и козни

Решает гильотина

Без споров и без розни...»

Сдавленный шёпот:

– Ты погляди на него, Шарло.. Якобинцы дьявольски живучи.. Мы его превратили в сырой ростбиф, много ли прошло времени? Он уже гарцует здесь.. и ещё угрожает всеми карами.. земными и небесными?! Правoverный якобинец... речи толкает, нет Бога, кроме Руссо и Робеспьер пророк его! Кто бы тогда знал, что в наши руки попал депутат и комиссар Конвента?! Если бы знать, действительно содрал бы шкуру чулком.. и засолил живьем, как свинину!

Шарло, крестьянский парень с жёсткими чертами лица, сплёвывает себе под ноги:

– А я тогда еще говорил, господин граф.. добить надо.. А вы что? Сам сдохнет! Как бы не так.. вон.. речи толкает..

хромой бешеный пёс!

Майеннская Шарлотта Кордэ. Комиссар Куаньяр и доктор Розели

Утром в кабинет Куаньяра тихо и почти бесшумно зашел Лавинь, увидев секретаря, комиссар поднял глаза от документов.

– Гражданин комиссар, там молодая девушка, третий день приходит, дожидается, чтобы вы приняли ее, говорит, что дело ее очень важное.

Норбер поднялся из-за стола.

– Ну, раз важное дело, так впустите ее.

На пороге кабинета появилась стройная девушка не старше 22 лет, дорожный плащ, расходящийся на высокой груди, открывал струящееся шелковое платье светло-зеленого цвета, гармонировавшее с копной густых и блестящих темных волос.

Тонкое бледное лицо показалось Куаньяру почему-то смутно знакомым. Норбер сделал приглашающий жест. Девушка дошла до середины кабинета и остановилась, неуверенно покосившись на секретаря. Красивое лицо выражало решимость и с трудом подавляемое напряжение.

Норбер с интересом разглядывал девушку:

– Гражданка, вы так и намерены стоять? Подойдите же сюда, ближе, еще ближе. Неужели я так страшен?, – его бархатистый баритон звучал ровно и спокойно, – я готов выслу-

шать вас..

Девушка приблизилась на расстояние вытянутой руки, ее лицо не выглядело испуганным, скорее сосредоточенным, карие глаза внимательно и холодно изучали Куаньяра. Она сделала нервный жест и оглянулась на секретаря:

– Этот человек так и останется здесь? Я хотела бы, чтобы у нашего разговора не было лишних свидетелей, – и добавила с нажимом, – это очень важно.

Норбер задумался на минуту, затем спокойно пожал плечами:

– Гражданин Лавинь, оставьте нас ненадолго.

Секретарь поднялся и вышел...

Менее чем через четверть часа национальные гвардейцы ворвались в кабинет, услышав проклятия комиссара и грохот падающих стульев. Куаньяр прижимал к полу, отчаянно отбивающуюся девушку, заломив ей руку за спину.

На полу валялся пистолет и нож с узким длинным лезвием. Солдаты связали ей руки и подняли с ковра. Искаженное бешеной ненавистью юное лицо стало почти неузнаваемым. Она тяжело дышала и отказывалась отвечать на поставленные вопросы.

Под конвоем девушку препроводили в городскую тюрьму. Орудия неудавшегося покушения, нож и давший осечку пистолет Норбер спрятал в сейф и, шатаясь, морщась и постанывая от боли, тяжело опустился в кресло.

Подумал, держась за полузаживший раненый бок: «Стер-

ва, будто знала точно, куда бить, в глазах чернеет. Судя по горячему приему, контрреволюция сильна в этих краях. Нужны показательные процессы, столько, сколько потребуется. Скоро здесь будет порядок, наш республиканский порядок и мир...»

Стиснув зубы, он беззвучно корчился от боли. Искажённое лицо побелело совершенно, на лбу выступила испарина...

Через некоторое время пришел заместитель председателя Революционного Комитета гражданин Клод Макэ:

– Гражданин комиссар! В результате допроса удалось установить, эта аристократка сама маркиза д, Эспаньяк, жена одного из командиров контрреволюционных формирований и активный член его банды. Того самого д, Эспаньяка, именем которого была подписана злосчастная прокламация.

Норбер побледнел от сосредоточенной ненависти и нахмурился:

– Считаете, эту бешеную вдохновил пример убийцы Марата? Передайте Эрбо, чтобы не совершал опасной ошибки Монтанэ, не давал ей шанса красоваться на суде и корчить из себя героиню и мученицу, пусть люди увидят ее истинное лицо, лицо роялистской фанатички!

Макэ склонил голову в знак согласия и как-то неуверенно продолжал:

– Я думаю, – запинаясь, начал он, – то, что еще просил передать вам гражданин Северьёф вам не понравится, но вы

должны это знать.

Доктор Розели с младшей сестрой только что уехали, их прислуга молчит, делают вид, что не знают куда. И главное: роялистская фанатичка д'Эспаньяк, тоже сестра доктора Розели, к которому вы так расположены, кстати, его полное имя Арман Андрэ Мари де Розели, он из обедневших дворян, барон. Всё как-то руки до него не доходили, уж очень тихим и безвредным он выглядел, ни в какой политической организации не состоял, ни в чем не участвовал.

По озабоченной побледневшей физиономии Макэ было заметно, что он ждал взрыва бешенства всемогущего парижского делегата, ждал самого худшего. И не без оснований, знали, что доктор приходится родственником роялистскому командиру, терроризировавшему республиканцев Майенна и Лавалья и он до сих пор на свободе?

– Ах, вот как..., – секунду Норбер молчал, затем рывком поднялся и треснул по столу ладонью – срочно отправляйте людей из Революционного Комитета на поиски! Найдите мне их обоих! Розели сразу доставьте ко мне! А после я хочу видеть гражданина Кенеля! В какую задницу вы заткнули свою революционную бдительность?! Живее гражданин за Кенелем, докажите оба мне свой патриотизм, иначе я рискую потерять терпение, а вы головы!

Когда за Макэ закрылась дверь, потрясенный до глубины души, Норбер тяжело облокотился об стол и закрыл голову руками. Добрейший Розели и туда же?! Что же это?! Кому

после этого можно доверять?

Может написать Вадье в Комитет Общественной Безопасности о том, что его провинциальные коллеги из Майенна плюют в потолок от преступного безделья, когда вокруг рыскают банды шуанов? Впрочем, не стоит, справимся с провинциальным разгильдяйством собственными силами. Они быстро научатся оперативно работать, не хуже, чем в Париже.

Чуть позже Норбер решил отправить людей из революционного комитета в тюрьму за доктором Розели. Когда того ввели в кабинет, Норбер не смог поднять на него глаз и лишь негромко процедил сквозь зубы:

– Садитесь.

Чем более скверно или неловко он себя чувствовал, чем сильнее были эмоции, тем неподвижнее и холоднее становилось его оливково-смуглое лицо.

– Что вы можете сказать мне, гражданин Розели, я доверял вам, относился к вам, как к другу... почему..., – Куаньяр упрямо смотрел в пространство сквозь собеседника. От гнева и возмущения горло сжалось, он замолчал.

– Для себя я не прошу ничего, – неузнаваемым хриплым голосом начал Розели, – лишь справедливости и милосердия к моей сестре, она еще так молода и ни в чем не замешана, она не заслужила смерть.

Темные глаза Куаньяра бешено загорелись, он резко вскинул голову, скулы обозначились резче на побледневшем ли-

це, но голос, дрогнувший от сдержанной ярости, звучал обманчиво холодно:

– По-вашему Элен д, Эспаньяк ни в чем не замешана, она – невинная жертва?!

– Да простит меня Господь, причем здесь Элен, просить за нее бессмысленно, но у меня есть и другая сестра. Мария ничего не знала до последнего о двойной жизни Элен, скажу больше, именно я запретил Марии общение с ней около года назад. Проявите хоть каплю милосердия к Марии, после моей казни она и так останется одна... Неужели вы намерены и её... тоже...? – Розели запнулся, в его взгляде мелькнул ужас.

– О чем вы, Розели?, – удивлённый Норбер впервые взглянул собеседнику прямо в глаза.

– Но разве я... мы не арестованы... – запинаясь, произнес смертельно бледный Розели, – как родственники Элен д, Эспаньяк и предполагаемые сообщники?

– А вы .. вы сами.. что можете сказать об этой истории? Я хочу услышать это лично от вас. Скажите мне правду, мне не всё равно, я хочу знать правду, это ваш последний шанс. В глазах моих коллег вы, безусловно, виновны в соучастии, а потому обречены, но последнее слово здесь будет за мной, – и, помолчав, добавил другим, более мягким тоном, – Арман, вы спасли мне жизнь, всё это время были очень внимательны и добры ко мне, а я не забываю, ни добра, ни зла, а потому, будьте же искренни сейчас.. Неужели вы всё это время.. пока

я находился в вашем доме, думали о том, ...как убить меня? Ну же, я хочу видеть ваши глаза!

Побледнев еще сильнее, доктор Розели поднялся, прижимая руки к груди:

– Знаю, что учитывая мое происхождение и... близкое родство с Элен, вы всё равно не поверите мне. И всё же я это скажу. Я не был в отряде д'Эспаньяка, хотя тот меня не раз агитировал, взывая к долгу дворянина. Да, он изредка бывал в моем доме... но только как муж моей сестры. Наши личные отношения были более чем прохладными. Он не доверял мне, считал слишком мягким, «умеренным» и даже терпимым к республиканцам, таково было его мнение. Вам должно быть понятно, что из-за наших глубоких разногласий я не мог выполнять никаких их поручений и заданий, не знал и местонахождения отряда, схронов и прочего. Я ничего не знал, кроме самого факта, что муж моей сестры является командиром этого отряда, а она..., – тут Розели невольно запнулся, – участвует в... акциях... наравне с прочими шуанами... У нас были слишком разные взгляды на происходящие события, в последний раз мы расстались почти враждебно и я просил обоих, не посещать больше наш дом. Мари может подтвердить мои слова.

Что касается подготовки вашего предполагаемого убийства...

Подумайте сами, вы тогда были совершенно беззащитны и если бы я замыслил убийство, это было бы совсем нетруд-

но... но я не убийца. Совесть моя чиста, ничьей крови на мне нет, – спокойно и твердо Розели смотрел в глаза Куаньяру, – я умру невиновным – он умолк, руки бессильно опустились, взгляд метался, – конечно же, не верите? Тогда к чему было вызывать меня на откровенность? Хорошо, вам никто не помешает казнить Элен и меня, но Бога ради... не губите Марию! Она всегда была добра и внимательна к вам, ухаживала часами, когда вы в этом нуждались, неужели вся ее вина в дворянском происхождении и в родстве с Элен?!

Прямо перед Норбером на столе лежали материалы, поспешно собранные на доктора Розели гражданином Кенелем и Макэ. Рядом лежала папка от председателя местных якобинцев гражданина Северьёфа.

– Скажите, гражданин Розели, Кенель и Макэ долго допрашивали вас?

Бледный Розели с трудом поднял на комиссара ввалившиеся глаза, ответ прозвучал хмуро и резко:

– Не особенно.

– Что за тон? С вами грубо обращались?

Розели смотрел в пространство прямо перед собой.

– Мне кажется, они почти не слушали меня, писали что-то свое, будто уже заготовленное. И вот все Розели семья шуанов и заговорщиков.

Озабоченный угрозами парижского комиссара Кенель развил теперь бурную активность, буквально «рыл землю», чего он теперь не повесил на несчастного, которого еще

недавно сам спокойно игнорировал, как безвредного субъекта...

Но все эти неожиданные и тяжкие обвинения, Норбер отлично это понимал, сплошная штамповка.

Но скольким людям подобные штампованные обвинения стоили жизни, прежнего комиссара Мэнье такие решения трибунала вполне устраивали...

Среди местных жителей ходили упорные слухи, что «бедному доктору Розели конец» и тихо сожалели о жестокой участи Марии. Люди не сомневались в том, что они отправятся на эшафот вместе с Элен д'Эспаньяк. Об этом докладывали комиссару агенты местного революционного комитета.

Вероятно, что затаившиеся шуаны в своем кругу, сквозь зубы призывали проклятия и кровавую месть на головы якобинцев за смерть «героини-роялистки» мадам д'Эспаньяк. Но об этом можно было только догадываться.

Санкюлоты рассуждали совершенно иначе и совершенно открыто:

– Чёртов аристократ, туда ему и дорога, если б не энергия комиссара Куаньяра и сейчас разгуливал бы на свободе...

Но со стороны всё выглядело иначе, внешне всё население заняло лояльно-выжидательную позицию.

Для сравнения, данные представленные невозмутимым и чуждым малейшего страха перед парижским делегатом председателя якобинцев Северьёфа были куда скромнее, но что важнее всего, куда реальнее.

Розели дворянин? Да. Факт. Роялист? Возможно, даже, скорее всего, это так, но в поведении нейтрален, в проявлениях ненависти к Республике на словах или в действиях не замечен.

Одинаково доброжелателен и вежлив в обращении с окружающими, будь-то богатый буржуа или бедный санкюлот.

Всё его несчастье в бурной контрреволюционной деятельности младшей сестры и ее мужа. Но сам он действительно «не участвовал, не состоял...»

Гражданин Кенель обеспокоен опасными обвинениями в отсутствии бдительности и терпимости к явному роялисту, увидел в этом прямую себе угрозу, но при этом Куаньяр имел в виду усиление бдительности в целом, повышение эффективности работы Комитета, но он и не думал призывать к штамповке заведомо сфабрикованных обвинений, тем более в угоду лично себе.

Стоит еще раз вызвать к себе и Кенеля и Макэ, чтобы раз и навсегда разъяснить ситуацию и свою позицию по этому вопросу.

Норбер положил руку на плечо Розели. Чрезмерно блестящие глаза доктора были полны отчаяния, но совершенно чисты.

Норбер уже сделал свои выводы и не хотел затягивать тяжелую сцену, в которой он вдруг осознал себя мучителем, едва не палачом для невинного человека.

– Возвращайтесь домой, и успокойте Марию. Видите, сей-

час я допишу приказ об освобождении вас обоих. Если вы не против, через несколько дней я навещу вас дома. Когда это будет удобно для всех нас», – Куаньяр отлично понимал, неловкость внесла судьба Элен, – вы оба в безопасности, но её судьба решена, ничего личного, Розели. Она покушалась на жизнь депутата Конвента и делегата революционного правительства, то, что я жив, спасибо только вам, она не только жена, но активный член банды д'Эспаньяка. На её руках кровь республиканцев и сочувствующих нам местных жителей, молодая дама, дворянка, она не уклонялась от роли палача наших пленных, так что ничего личного, Розели... Идите домой, Арман...

Доктор Розели вышел из тяжелого оцепенения и медленно произнес:

– Как... домой? Но разве нас не ждет трибунал? После тех обвинений, которые выдвинул гражданин Кенель..., – он боялся поверить тому, что слышал.

На смуглом лице Куаньяра мелькнула слабая улыбка:

– Вы оба совершенно свободны. Единственно о чем прошу вас, не как представитель власти, как человек, искренне расположенный к вам, избегайте импульсивных поступков, не вздумайте снова скрыться, этим вы признаете себя виновным и погубите и себя и Марию.

Тёмные глаза Куаньяра снова потеплели, к нему вернулось всё прежнее расположение к Розели.

– Благодарю вас, – дрогнувший голос доктора выдал силь-

нейшее душевное волнение, – я даже не рассчитывал... избежать гильотины... и беспокоился лишь о судьбе Марии...

Норбер вскинул голову и нахмурился, сузив глаза, и бросив резко:

– Заранее презирали меня как кровожадного хищника?

Розели на секунду замолчал и опустил глаза, затем осторожно и неуверенно протянул якобинцу руку:

– Примите мои извинения, гражданин комиссар, мне и сейчас не по себе. Но если революционный комитет решит иначе и в ночь за нами придут?

Куаньяр порывисто сжал протянутую руку:

– Я ничего не подпишу. С комиссаром революционного правительства люди из местного комитета даже спорить не станут. Поезжайте домой, Арман, у вас совершенно измученный вид..., – и секунду помолчав, с немалым усилием выдавил из себя, – простите меня... за судьбу сестры... поймите правильно, если сможете. Меньше всего хотел я причинить вам боль. Честно, мне очень жаль, что всё так вышло.

И вдруг резким движением обнял Розели. И тут же, словно опомнившись, пока доктор не успел отреагировать, отстранился:

– Ну, всё, идите домой, Арман, и никого не опасайтесь, пока я здесь и в должности комиссара Конвента. Опасность может вернуться только после снятия с меня полномочий и отъезда в Париж, но и тогда я обязательно придумаю, что еще можно сделать для вас и Марии.

Гражданская война во Франции или Св.Гильотина – Спаси Отечество»

"Пусть погибнут сотни тысяч ради рождения нового лучшего мира, я согласен заплатить эту цену и нести этот груз. Я принимаю твои условия, отвечает Провидение, но и ты войдешь в число погибших..."

Уже состоялся суд над маркизой д, Эспаньяк и на следующее утро ее ожидал эшафот и гильотина. В 1793-м, до жёсткой централизации власти, комиссар Конвента автоматически являлся и председателем трибунала. Он же сам выбирал людей на роль присяжных.

Комиссар Куаньяр счёл необходимым лично присутствовать при казни, в грозном 93-м году это поощрялось.

Но он делал это не из наслаждения жестокостью, это повышало чувство ответственности, нашёл обвиняемого виновным, мог подписать обвинительный акт, должен иметь силу духа увидеть последствия. Судья должен видеть работу палача.

В глубине души, по-человечески, Норбер не любил зрелища казней и когда позднее, на этом условии перестали особенно настаивать, с облегчением перестал их посещать, разве по крайним случаям, каковыми можно назвать знаковые политические казни Людовика Шестнадцатого, за высшую меру для которого сам голосовал в числе прочих, Шарлотты Кордэ, Марии-Антуанетты, наконец Дантона...

Еще в Париже, присутствуя на казни Шарлотты Кордэ, он заметил для себя, что радостное буйство, грубые насмешки и циничные издевательства над осуждёнными вызывают в нём чувство стыда и отвращения. Не так следовало вести себя истинному республиканцу.

Он скорее испытывал нечто вроде холодного морального удовлетворения от мысли, что одним врагом у Республики меньше, а значит, победа и мир всё ближе, но смерть любого человеческого существа, даже если это роялист, враг нации или, наконец, обычный преступник, это слишком серьёзно и следует вести себя крайне сдержанно и бесстрашно...

Впрочем, как винить санкюлотов, этих невоспитанных, невежественных людей, «добрый старый режим» повинен в том, что они такие как есть. Кто занимался их просвещением, образованием, кто мог показать примеры гуманного обращения? Уж не сиятельные ли господа? О, у этих бедных людей были отличные учителя!

А проповеди христианского милосердия всегда оставались чем-то теоретическим, умозрительным, в реальности их жизнь всегда была наполнена нуждой и лишениями, чёрствостью и безнаказанной жестокостью вышестоящих, которые пожирают теперь то, что сеяли веками...

Не Революция – а королевская власть за долгие столетия приучила народ к посещениям публичных казней, когда из смерти сделали зрелище, театр, куда ходят семьями и еще водят детей! Дети с их хрупкой психикой, кем могли вырасти

они, видевшие зверские методичные истязания человека при «старом режиме»?!

Не напугать гильотиной тех, кто видел при королевской власти публичные пытки и четвертования живьем, в сравнении с методами «доброе старого режима» дочка Гильотена действительно гуманистка!

Наследственная власть королей и дворянства калечила душу народа веками, конечно, наше общество действительно глубоко нездорово!

Об этом писал жене гражданин Гракх Бабёф еще в июле 1789 года, когда наблюдал дикарские пляски в свете факелов с отрубленными головами на пиках.

Господ устраивало, что простой народ безграмотен, груб и даже несколько дик, но как жестоко им аукнулась эта народная дикость...

А мы, революционеры-якобинцы, и есть те самые врачи общества, гильотина всего лишь орудие Возмездия за столетия анти-народного Террора.

Хирург тоже может резать по живому, вскрывая нарыв, но он не желает причинять страданий, тем более не наслаждается ими, он посвятил свою жизнь спасению людей, он не палач, он не психопат-сатанист, «хирург» – якобинец действует только ради общественного спасения, с добрыми намерениями, но без лишних эмоций, но вот проблема, сумеют ли нас правильно понять?

Неужели враг сумеет очернить наши побуждения, надавив

на слезливую сентиментальность?

Высший класс всегда был отменно черств и жесток к народу, привилегированные взвыли зверем и вспомнили о «попраных варварами санкюлотами христианских чувствах» только тогда, когда с плеч покатались титулованные и коронованные головы, но не секундой раньше...

И поверьте, наивные люди, если господа вернут себе прежнюю полноту власти, они тут же забудут свои причитания о гуманности, терпимости и христианских чувствах, начнется кровавый, «белый» контрреволюционный террор.

Мы, побежденные революционеры, якобинцы, еще услышим, что в отношении нас гуманность неуместна, что все мы полу-звери, дегенераты, больные фанатики, нам откажут в самой принадлежности к человеческой расе, какие к нам христианские чувства, какая жалость, будут твердить неприсягнувшие священники, если мы все, как класс «нелюди, порождения сил тьмы», что там стесняться – «сатанисты»...

И эти массовые аресты, казни и уличные убийства господа-монархисты уже не назовут «террором и ужасами»...

Под сильнейшим впечатлением от происходящего доктор Розели приехал домой. Сестра встретила его со слезами, девушка долго не могла успокоиться и поверить, что арест, трибунал и гильотина не угрожают им.

Чувства обоих были смешанные, с одной стороны казнь сестры, с другой облегчение от ощущения некоторой защищенности и покоя, хотя бы и временного. Мария обдумывала

тяжелую ситуацию и уже приняла решение прекратить всякое близкое общение с Куаньяром...

Только вечером за ужином после долгого молчания доктор высказал то, что не давало покоя.

– Кажется, еще так недавно этот человек даже нравился тебе, «добрый и несчастный Норбер», так ты всё время называла его, что же ты думаешь о нём сейчас?

Девушка задумалась и опустила глаза. Не просто нравилась, но брат не должен даже знать об этом. Впрочем, теперь всё это уже прошлое.

– Ты имел в виду смерть Элен? Всё это так страшно, я не могу прийти в себя... Но с одной стороны, она стреляла в него и то, что он не был убит, чистая случайность.. Она была в отряде д'Эспаньяка и убивала людей вместе с ним... И всё же она была нашей сестрой.. Я не знаю, не могу пока разобраться в себе..

Я не чувствую к нему ненависти, с ним самим обошлись здесь крайне жестоко и не желаю ему смерти и всё-же... Как он может после этого посещать наш дом? Неужели у него совсем нет сердца?!

Кажется, даже эти революционеры... эти якобинцы должны это понимать... Декрета отменяющего всякие человеческие чувства я не знаю...

Да разве такие, как он, привыкшие спокойно отправлять людей на гильотину способны сами испытывать страдания или любить?!

Розели вспомнил последнюю сцену в кабинете комиссара, нет, всё намного сложнее, но промолчал. К чему? Она всё равно не поймет.

При редких встречах с Куаньяром взгляд Марии метался, и она опускала глаза. Конечно, к счастью объясняться не придется, Норбер и сам понял всё. В её присутствии теперь он держался напряженно, несколько раз, она ловила на себе эти неуверенные, почти умоляющие взгляды, иногда на секунды и он отводил глаза.

Норбер показал всем видом, что ему искренне жаль, он понимал, что участь заговорщицы больно ранила чувства ее сестры, но не произнес ни слова на эту острую для всех тему, показал, что не мог поступить иначе и ни в чем не раскаивается.

Осторожно приоткрыть свои чувства Розели, не теряя достоинства революционера и якобинца, у него вполне получилось, но как говорить с женщиной, с Марией, какие подыскать слова, чтобы она поверила в его искренность, он не знал.

Взгляд Марии отражал страх и словно обвинял: « Как можно быть таким бесчувственным?! Ни одного слова раскаiania...»

Розели тяжело облокотился о край стола:

– Фанфароны, не думающие о последствиях!, – и взглянув на удивленную Марию продолжал, – это я об авторах злощастной прокламации, они угрожали якобинцам кровавой расправой и нападением на городскую тюрьму, если содер-

жащиеся там роялисты не будут освобождены. Они добились лишь того, что вызвали у них вспышку ярости, уже идут показательные процессы. Д ,Эспаньяк лишь погубил тех, кого хотел спасти.

Они забыли, что опасности и угрозы лишь ожесточают якобинцев, но не пугают их. Когда в июле 1792-го герцог Брауншвейгский издал необдуманно-опасный манифест, в котором угрожал якобинцам свирепейшими карами в случае, если хоть один волос упадет с голов августейшего семейства, то чем ответили на вызов якобинцы? Штурмом Тюильри и арестом всей королевской семьи!

Мстительные тупицы, эти господа лишь озлобляются и мстят, но ничему не учатся, а значит движение роялистов рано или поздно обречено! Понимаешь, что это значит?

Но девушка всё думала о своём. Еще совсем недавно ей казалось, что она влюблена в Норбера. Как он мог быть таким жестоким сейчас? Значит, его прежняя деликатность и мягкость были ложью?

Мария никак не могла этого понять, для этого она была слишком женственна, ее чувственному складу ума были недоступны холодные доводы логики, в особенности логики Революции, подчинявшей себе поведение Куаньяра...

Она не смогла промолчать:

– Знаешь, Арман, никогда не встречала раньше таких людей, он добр и свиреп одновременно, и одно не перечеркивает другого. Как это может быть?

С одной стороны, если бы комиссаром остался Мэнье, нас обоих бы уже не было в живых. При Мэнье отправляли на эшафот даже 14-летних вместе с родителями, а он категорически запретил это варварство..

С другой стороны судьба Элен, шуаны, вандейцы и активные представители местных роялистов, уже казнены больше 500 человек... А ты что думаешь?», – Мария смотрела на брата так, словно искала моральной поддержки, – человек жесток или добр по ситуации, но честен в любом случае, и это как? Можно ли его понять? Как можно быть столь привлекательным и страшным одновременно? Я сейчас не о внешности, ты понимаешь? Его проще страстно любить или бешено ненавидеть, а вот сохранить равнодушие это вряд ли...

Доктор Розели задумчиво пожал плечами:

– Сейчас в тюрьме ожидают казни почти около тысячи человек, треть уже казнены. Роялисты из списка д Эспаньяка и шуаны также обречены, «добрый Норбер».. как ты еще недавно называла его, расписался в акте. И учитывая диверсии, жестокие убийства якобинцев и бешеное сопротивление новой власти казни эти будут продолжаться.

Мария грустно смотрела на Розели и заметно сникла:

– Наверное, я скверная сестра и дурной человек, после казни Элен я должна бы люто ненавидеть его, желать ему смерти, страшной смерти, а ненависти во мне так и нет... скорее горечь, страх и отчуждение, я уже никогда не смогу

относиться к нему по-прежнему...

Она прижалась к плечу брата, а он гладил ее по волосам, как ребенка.

– И я не сказал тебе, что ненавижу его, но способен оценивать всё трезво. В собственных глазах, для якобинцев, он безупречно честен, действует в строгом соответствии с их принципами, делает лишь то, что считает необходимым, не больше, не меньше.

Мне кажется, его можно понять лишь тем же методом, как и любого из них, приняв их понимание мирового порядка и принципы, а на это неспособен органически человек живущий сердцем и христианскими чувствами! Но он и сам понимает, что казнь Элен поставила между нами незримый моральный барьер, но никогда не сознается в этом, так как это означает признать за собой вину, а он ее не признаёт...

Молодая женщина нервным жестом закуталась в кашемировую шаль и подошла к окну. Некоторое время молчала, а затем тяжело вздохнула.

– И кто же во всём этом прав?, – невольно сорвалось с ее губ.

– А правда тут у каждого своя, в том и проблема. Я много думал об этом и кое-что я и сам понял совсем недавно..

Ты и сама понимаешь, между хищником и травоядным, между рабом и рабовладельцем, между высшим классом и народом не может быть согласия и мира, ибо то, что хорошо и разумно для одних, жестоко и неприемлемо для других.

У бесправных и голодающих, правда одна, у богачей и прожигателей жизни другая... Мои рассуждения, вероятно, покажутся тебе сухими и отвлеченными, но я попробую объяснить так, как понимаю сам.

Интересы нашего сословия теснейшим образом связаны с монархией. Только этот режим даёт нам привилегии и все мыслимые материальные блага, но взгляни на всё глазами других сословий и поймешь, что они в ее сохранении не заинтересованы, а их 9/10 населения, она ничего им не дает и не гарантирует, кроме роли бесправной «черни» и это тоже правда.

Я конституционный роялист, однако, сознаю по размышлении, что самодержавие в духе «короля-солнца» живой пережиток средневековья, но после 10 августа понял и еще кое-что, что и мы, фельяны также проиграли. Большинство сделало выбор в пользу Республики.

Кто-то из наших скажет, что «победил сброд, чернь, ха-мы»! Всё это эмоции, но разве 9 французов из 10 «сброд»? Или мы сами не французы?

Я не принимаю сердцем их «новые идеи» и принципы, мне органически чужды демократия и республика, но рукоплескать жестоким расправам, чьим-либо казням и пыткам, встречать с цветами интервентов не стану! Я не принимаю всем сердцем их «народную Республику», но и не собираюсь делать вид, что на календаре вечер 13 июля 89 года и Бастилия еще стоит... Нельзя быть героем, сражаясь против Оте-

чества... Вот так всё непросто, неоднозначно.

– Значит, ты из тех, кто считает, что для нас допустимо и нужно сотрудничать с якобинцами во имя мира?

Розели вздрогнул, прямой вопрос сестры застал эту честную душу врасплох:

– Не знаю, может быть. Как и они, мы не всегда прямодушны, на многое сознательно закрываем глаза.

Наши эмигранты слёзно клянут жестокость революционеров, а чего хотят они сами? Согласия и примирения? Отнюдь нет.

Мечта эмигрантов «белый» террор, казней, а не мира, мести и крови хотят они и якобинцы отлично сознают, что ждет их в случае поражения, согласись, это сознание немало ожесточает.

А вместе с нашими защитниками самодержавия вернётся всё, все пережитки средних веков, всё, что исчезло вместе с разрушением Бастилии, в том числе дичайшее бесправие нации, средневековые пытки и казни. Сознаешь, что такое колесование и четвертование, к примеру?

Так наши эмигранты по возвращении намерены казнить членов Комитета и депутатов Конвента, голосовавших за казнь короля... казнить так, как поступали с цареубийцами еще век... полвека назад...

Вариант первый. Человек распластан на огромном колесе в позе морской звезды. Палач ломом перебивает ему все основные суставы и позвоночник. Растягивают тело так, чтобы

сломанная спина еще и выгнулась дугой. В этом положении жертву оставляют умирать на долгие страшные часы.

Вариант второй. Живому человеку обрубают руки и ноги, причем медленно, делая паузы, затем вспарывают живот, выдергивают кишки и лишь в самый последний момент отсекают голову .. Ад на Земле... мученик может поседеть за минуты...

Видимо, я не умею так люто ненавидеть, чтобы быть равнодушным, тем более испытывать удовлетворение при виде невыносимых мук человека, каких бы политических убеждений он не был, к какому бы сословию не принадлежал...

Я склонен надеяться, впрочем, что вся эта средневековая дикость не более чем, способ морального давления на якобинцев...

Смертельно побледнев, Мария вскочила:

– Замолчи, Арман, перестань, я не хочу всего этого слышать...

Розели кивнул:

– Да, это ужасно. Но когда-то наш высший свет съезжался на такие зрелища, как в театр, приезжали и дамы, горящиеся своими тонкими чувствительными душами, обмахиваясь веерами, улыбаясь и кокетничая с кавалерами, они час за часом следили за пытками, обмениваясь впечатлениями. Для меня лично, женщина с натурой палача еще гнуснее, чем мужчина с аналогичными наклонностями...

Но разве эти люди, которых мы сейчас крестим «зверской

толпой» видели когда-либо добро и гуманное к себе отношение?

А чего стоит старое дореволюционное законодательство, в изобилии применявшее смертную казнь и приучившее народ к этим жестоким зрелищам? Казнь за убийство кролика на помещичьей земле? Казнь за воровство голодным подростком буханки хлеба? Право первой ночи? Безнаказанные изнасилования крестьянок и служанок?

И никто не вспоминал о гуманности и христианских чувствах до тех самых пор, пока не прорвалась копившаяся веками плотина ненависти и невысказанных обид..

А теперь нас возмущает гильотина, и мы кричим об «ужасах революции».. А может всё это не «ужасы», а Судный день и кара Господня? Тебе никогда так не казалось?..

И помолчав, добавил:

– Знаешь, я считаю так, самый честный роялист, это небогатый дворянин, далёкий от роскоши Двора, он сражается и погибает за принцип, а высшая придворная аристократия не желает драться, и первой эмигрирует, бессильно проклинает якобинцев и на солидном расстоянии от Франции грозит им жестокими карами, находясь в безопасности в Лондоне, Берлине или в Петербурге. Эти станут убивать не столько за поруганные идеалы, сколько в диком озлоблении за потерянную роскошь и власть. А так, им неплохо и за границей, они выклянчивают огромные субсидии у русской императрицы, у императора Австрии, у английского короля и при

этом изображают из себя мучеников, предоставляя сражаться и погибать другим...

Борьба с контрреволюцией

Комиссары Конвента чаще всего направлялись в провинции парами. Лапьер был назначен в помощь комиссару Куаньяру и направлен в западный департамент Майенн.

Вдвоём они решили оживить систему «патриотических взносов», превращенную вымогательством их предшественника Мэнье в банальные взятки от богатых людей города.

Майенн западный городок на границе с Бретанью. Население примерно 17 тысяч человек. Здешний высший класс состоит не столько из дворянства, сколь из торговой буржуазии. Семейства Леклерков, Марэ, Берсэ, Дюшмэнов, Пишо, Арно.

Хозяева ткацких мастерских, примерно 500 человек, использовали труд примерно 5 тысяч рабочих, живших в местном рабочем квартале Коконьер. Многие рабочие брали работу на дом, так как половину дня обрабатывали землю, являясь одновременно и рабочими и крестьянами.

Патриотические взносы, практикуемые в 1793 году это обязательные отчисления с самых богатых и обеспеченных горожан в пользу самых малоимущих, семей погибших солдат, определенный процент с доходов.

Состоятельные люди не желали отправлять сыновей на фронт, в этом случае отчисление шло на нужды армии (закупку обмундирования, продовольствия и т.п.) и позволяло

официально их сыновьям не служить.

Но эти люди, наживаясь на трудностях военного времени сами не желали жертвовать ради общей победы ровно ничем, ни жизнями, ни деньгами. Они норовили резко за-низить сумму доходов и жаловались на разорение и произвол. Забывая, что упорствовать в отказе означает показать себя врагом Отечества, паразитом на его теле, а стало быть, контрреволюционером со всеми вытекающими последствиями...

Однажды утром один из таких людей, вальяжный и самоуверенный явился жаловаться и возмущаться. Характерно, что никто обычно не позволял себе небрежно-барских манер в обращении с делегатами революционного правительства.

Его появление отвлекло Норбера и Лорана от чтения парижской газеты, где сообщалось подробности о суде и казни «австриячки», бывшей королевы Франции Марии-Антуанетты.

Гражданин Арно, одетый «с иголки» мужчина лет пятидесяти с минуту разглядывал молодых комиссаров, словно мысленно меряясь силами, а затем, решительно вскинув крупную голову, приступил к изложению претензий. Четверть часа он убеждал парижан, что требуемая сумма абсурдна и он гораздо менее состоятелен, чем они думают.

– По результатам финансовой проверки, – бесстрастным тоном отвечал Куаньяр, – вы один из самых богатых людей города и надеемся, не лишены чувства патриотизма? Люди

сражаются и погибают на фронтах, видимо только для того, чтобы такие как вы, сидели в тылу и делали деньги?! Ваш сын, вместо того, чтобы отправиться на передовую таскается по ресторанам со шлюхами и мы согласны терпеть это при одном условии, заплатите установленные для вас 300 тысяч ливров на нужды нашей армии и субсидии семьям погибших патриотов!— в почерневших глазах Куаньяра плескалась ледяная ярость.

Арно также изменил тон, он был обозлён и не скрывал этого.

– Я протестую!, – закричал он, – я буду жаловаться, это произвол! Нет у меня этих 300 тысяч, клянусь, нет!, – вцепился в жабо. Его отчаяние выглядело таким искренним, что далеко не наивный Лапьер заметил вполголоса:

– Чёрт! Может бедняга прав, и сумма ошибочно завышена?

Куаньяр холодно улыбнулся:

– Отнюдь нет. Такие комедии я уже видел не раз. Сейчас увидишь сам, как эта проблема решается.

Вызвал охрану. Появление на пороге кабинета двух рослых вооруженных национальных гвардейцев обеспокоило гражданина Арно.

– Вы не смеете, – растерянно и мрачно забормотал он, – я один из самых влиятельных людей в деловом мире Лавалья!

Куаньяр не слушал его и делал указания сержанту:

– Отвести на площадь и охранять. Помост еще не убрали?

– Никак нет, гражданин комиссар. Но гильотину увезли в Сен-Мар..там сейчас она нужнее..

– Мне виднее, где она нужна! Отправьте за ней людей! А этот, – он резко вытянул руку в сторону Арно, трясущегося от ярости, – будет стоять рядом с помостом под охраной до тех пор, пока не доставят дочку доктора Гильотена или пока не одумается.

Норбер был зол, самоуверенность и высокомерие Арно выводили его из терпения.

Лапьер с легким удивлением наблюдал за этой сценой и растерянно улыбался. Арно кричал и бился в сильных руках гвардейцев:

– Вы не можете, ... вы не посмеете!!

– Увести, – тон молодого комиссара был сух и резок. Когда дверь закрылась, с его смуглого лица сошла дежурная маска ледяного бесстрастия, он загадочно улыбнулся товарищу.

– Он прав, ты не можешь его казнить вот так, без суда, – начал озабоченный Лапьер.

– И не собираюсь, – Куаньяр беззаботно улыбался, – эти господа упрямы и высокомерны, но не самоубийцы. Скоро он передумает!

Через два часа Лапьер подошел к окну. Начался сильный дождь. Люди разошлись по домам, на опустевшей площади не было никого, кроме злосчастного Арно около пустого помоста и его охраны.

Еще через полчаса стук копыт, скрип колес и дикий крик

заставили обоих подойти к открытому окну. Рядом с пустым помостом остановилась телега, на которой возвышалось нечто, покрытое темным брезентом.

Арно, растерявший разом всю самоуверенность и злобу, в ужасе закричал:

– Нет, нет, ради Бога, умоляю вас, остановитесь, я хочу видеть гражданина комиссара!

– Вот и всё, – Норбер спокойно отошел от окна, – но должен заметить, такого дьявольского упрямства и наглости я не встречал давно! Другие господа коммерсанты станут умнее.

Сел за стол и разложил бумаги.

Когда в кабинет ввели промокнувшего до нитки, дрожащего Арно он имел весьма жалкий вид и ничем не напоминал уверенного в своем влиянии и неприкосновенности «делового человека».

– Распишитесь, вот здесь, – Норбер подал ему перо. Арно взял перо и поднял на него глаза, а во взгляде металось и билось: – Подавись и сдохни!

Почувствовав подтекст, невозмутимый Куаньяр снизошел до замечания:

– Лоран, оформи всё как следует и выдай гражданину квитанцию.

Когда за гражданином Арно закрылась дверь, Лапьер не удержался:

– Оригинальный метод. И что, такое бывает часто?

Норбер небрежно откинулся на спинку кресла:

– Нет, сознательных патриотов к счастью больше или сказать точнее, другие господа более осторожны...

А вечером они вместе изучали дело д ,Эспаньяка.

– Альбер Луи Кристоф д ,Эспаньяк, маркиз. 1764 года рождения, 29 лет. Высокий худощавый блондин с голубыми глазами. Женат. Жена Элен Беатрис Эме д ,Эспаньяк, 22 года, урожденная баронесса де Розели..», – при этом Лапьер выразительно покосился на товарища, но тот остался внешне равнодушным и продолжал: «Майор королевской армии, командир независимого отряда шуанов с августа 1792 года.

Его постоянный девиз – пленных не брать. Есть информация, что предпочитает лично пытаться пленных и добывать раненых, вполне профессиональный палач, даже самые стойкие обычно не выдерживают и пятиминутного «общения», если он примется всерьез, но часто и бесцельно ради удовольствия, из ненависти к республиканцам «развлекается» подобным образом. Руку набил на африканцах, до восстания рабов летом 1791 года имел плантацию на Сен-Доминго.

Из тех, кого возбуждают чужие страдания, а уж физические или эмоциональные, без разницы. Ему нравится "ломать" человека.

При этом военный специалист, бесстрашен, требователен к подчиненным и совершенно безжалостен к врагу. Отлично ездит верхом, владеет холодным и огнестрельным оружием. Высокомерен и жесток к нижестоящим, предельно убежден в «прирожденном дворянском превосходстве», ненависть к

Республике и революции крайняя, патологическая. Фанатичный защитник трона, абсолютизма и дворянских привилегий...

Воспоминания о пытках отозвались реальным чувством боли в полузаживших ранах, Норбер нервно и зло стиснул зубы.

Так это был д ,Эспаньяк собственной персоной.. Это его шлюха с таким удовольствием пинала меня, полуживого, сапогом под ребра...

Выходит мне еще повезло, с таким наслаждением он кромсал рядового патриота, не зная, что в его руках комиссар Конвента и член Якобинского клуба Парижа...А что бы он сделал узнав правду? Действительно содрал кожу с живого?!

– Перекусить нет желания?, – Норбер разложил на старой газете нехитрый ужин, чёрный хлеб, зелёный лук, сало и кусок чесночной колбасы. Потом вынул из-под стола бутылку коньяка и поставил на стол, выразительно косясь на Лорана.

– Нет, спасибо, – Лапьер взглянул на колбасу краем глаза и углубился в дело д Эспаньяка, – есть я не хочу, но рюмку плесни, не откажусь..

– Правда, что ты свободно говоришь по-английски, как чистокровный англичанин?

Лапьер поднял глаза от бумаг:

– Да. Поэтому я некоторое время назад служил переводчиком при правительственном Комитете. Три года жил в

Лондоне, но это было при старом режиме, до 89 года.

И неохотно добавил:

– В последний раз я был там два месяца назад по служебной необходимости.

Замолчав и не желая продолжать, он бросил недоверчивый взгляд на коллегу. С чего такой интерес к этой закрытой теме или Куаньяр в курсе его предыдущей миссии?

– И как тебе Англия и англичане? Когда-то французы наивно верили, что их конституционная монархия должна быть для нас идеалом, но те времена к счастью прошли... Простые люди, английский народ сочувствуют они нашей революции?

Лапьер пренебрежительно поморщился:

– Послушай меня. Для меня это неприятная тема и тут я не смогу быть беспристрастным. Англосаксы добились максимальных успехов в деле оглупления собственного населения. Они в своей массе цепляются за королевскую мантию не сознательно, а в силу следования тупой животной инерции. Похоже, что англичанин верит в то, что настанет конец цивилизации, Армагеддон, если однажды не займет свой трон очередное коронованное чучело!

Чёрт, до чего я ненавижу всё это титулованное племя! Белая кость, голубая кровь! А спроси при этом среднего англичанина, почему ты роялист, чего доброго ты и люди твоего сословия видели от королевской власти и от дворянства, что готов умирать за их привилегии? Он станет хлопать глазами

как баран и тупо блеять про традиции, что «так было всегда и иначе жить невозможно»! Что и требовалось доказать, их роялизм не есть сознательный выбор. Выбора у них и не было, как и у нас до 89 года, веками церковь вбивала в эти незадумчивые головы, что монархия и дворянские привилегии «даны от Бога» и менять здесь что-либо «преступление и грех»! Это покорное стадо и не станет задавать неудобных вопросов типа: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был дворянином?»

Норбер раскатисто расхохотался:

– Последний вопрос был хорош! И всё же ты не прав, республиканцы существуют на Британских островах, в Шотландии или в Ирландии, наконец, желающей независимости и их кружки поддерживают переписку с Парижем! В Эдинбурге они даже организовали съезд, который назвали Конвентом, в солидарность с нами, после чего парламент приостановил действие «Хабеас Корпус акта» и начались массовые аресты британских якобинцев...

– Дай же мне закончить свою мысль и излить накопившийся яд до конца! Я говорю тебе, людоед не хочет бросать каннибализм по той же самой причине, по которой британец благоговеет перед троном – «традиция предков!»

Ну да, есть там республиканцы, абсолютное меньшинство, высший класс их люто ненавидит и преследует, а низший класс не понимает и чурается, как «злонамеренных бунтовщиков и государевых преступников.

Британская контрреволюционная пропаганда работает крайне агрессивно, на каждом углу, со всех газетных страниц и плакатов в Англии, французских революционеров неизменно изображают «кровавыми выродками и дегенератами».

Норбер, Вадье в Комитете Общественной Безопасности показывал нам возмутительные английские плакаты, которые забрасывают к нам через Ла-Манш и которые наши господа роялисты распространяют, на этих плакатах революционеров, якобинцев изображают не менее чем «сатанистами» и «представителями тёмных сил», враждебными всему христианскому и человеческому, а за всё спасибо нашим придуркам радикалам, Эберу, Клоотсу и Ко...с их материализмом и атеизмом,с их неуместными грубыми атаками на религию и церковь.

На других плакатах санкюлоты изображены белыми дикарями в рубахах, но без штанов, пожирающими обрубки человеческих тел.

Глупо и мерзко... но на простых невежественных людей действует почти безотказно. Извини, чуть отвлекусь от Англии...

Думаю, наших вандейцев и бретонцев также запугали эти инсинуации вокруг религии. Норбер, мы прежде всего должны разъяснять людям политику революционного правительства, они должны понять, что установление мира и порядка наша основная задача, пусть сами увидят, что революционе-

ры не звери и не сатанисты.

И до времени следует оставить в покое священников. Почему до времени?

Посмотрим на их реакцию. Если они примут условия мира и прекратят агитацию против республиканцев и Революции, то всякую дехристианизацию мы свернем. Что скажет на наше самоволие Париж? Хм... да... но разве позиции ультра-радикалов Эбера, Шометта, Клоотса сильнее позиций Робеспьера и Дантона?

Республиканский порядок и мир для всех честных, трудящихся людей, а не террор ради террора, не жестокость ради жестокости.

Обещаем не мстить тем, кто добровольно оставит шуанские шайки и вернется к обычному крестьянскому труду. Не станем угрожать таким людям расстрелом и гильотиной. У каждого должен быть шанс вернуться к нормальной жизни, иначе и впрямь можно озвереть.

– Ну, Лоран, если чудо бескровного умиротворения Майенна нам удастся, – губы Куаньяра сложились в добрую усмешку, в темных глазах вспыхнули весёлые искорки, – я сам лично явлюсь к мессе неприсягнувшего священника! А почему нет? Ты прав, пусть простые жители увидят и поймут наконец, что мы тоже люди, а не какие-то посланцы темных сил!

И тут же о чем-то подумал, улыбка сошла с губ и привычная холодная маска вернулась на смуглое лицо.

– Но... если на все наши предложения они по-прежнему ответят фанатичной ненавистью и убийствами местных якобинцев, если их священники по-прежнему будут призывать к кровавым расправам над республиканцами, к бойне ради трона Бурбонов...они сами своим фанатизмом обрекут свой департамент на участь Вандеи... Но хватит пока об этом, что там с британскими республиканцами, мне интересно...

– Изволь. Идеи Просвещения не пустили глубоких корней в среде английского народа, который в массе своей состоит из «рабов верных трону», поэтому, скажу прямо, погоды их республиканцам не сделать и общественным мнением не завладеть.. по крайней мере, сейчас...

Подумай, людей веками обращали в рабство, пытали в застенках и сжигали на кострах и что же, это тоже записать в «традиции предков» и сохранять?

Нет, определенно англосаксы совершили чудо, они научили бесправных людей гордиться своим рабством! Позолотили тебе кандалы, и верь, плебей, что это украшения и знаки отличия!

Британец даже самый нищий, всеми презираемый, грубо угнетаемый своим лордом свято верит, что он свободный человек и имеет больше прав, чем представители всех других наций! Также верит в свою мифическую «свободу» разве только американский фермер!

Да, какой-нибудь фермер из Пенсильвании свято верит, что он «равный среди равных», член свободного общества»

и предпочитает не замечать, что фабрикант из Нью-Йорка никогда не подаст ему руки, а плантатор из Южной Каролины никогда не пригласит на обед в особняк и не сядет с ним за один стол!

А сам же он, в теории этакий филантроп и демократ не считает за людей ни краснокожих индейцев, на которых предпочитает смотреть через прицел, как на зверей, ни чернокожих африканцев, рождённых по его убеждению специально для рабства, ни индусов, ни китайцев, ни малайцев – «нехристианских дикарей»! Хотя... что христианского в них самих, уничтожающих целые племена до последнего старика и ребенка ради своей прибыли...

И вообще тебе ли не знать, что настоящая демократия исключает рабство, свирепое истребление других народов и лишение гражданских прав кого бы то ни было. Поверь, когда-нибудь Соединённые Штаты станут копией жестокой и воинственной Британской империи!

Норбер с сомнением склонил голову:

– Ладно, насчет англичан ты прав. Но как же Америка, всё же у них, как и у нас, Республика и вообще, они наши союзники...

Лапьер брезгливо отмахнулся и раздраженно фыркнул:

– Ну и объясни же мне тогда, на каком основании о свободе и демократии громче всех кричат эти убийцы краснокожих и чёрных? А рабовладельцы очень любят на досуге рассуждать о свободе и равноправии, вот только кого и с кем, хо-

телось бы знать? А ты знаешь, что их хвалёная «сверх-демократия» лишает гражданских прав малообеспеченное большинство самих белых янки?

Нет, Норбер, всё сложнее и Республика Республике рознь. Власть денежных мешков не называется демократией. Соединенные Штаты это аристократическая Республика, к которой стремились и наши жирондисты.

Их «демократия» глубоко фальшива и прикрывает собой власть циничных торгашей Севера и кровавых рабовладельцев Юга! Союзники? Они? Ты хоть знаешь, что янки предали нас и затеяли неофициальные мирные переговоры с Англией? Подравшиеся братишки вскоре и помирились...

Норбер задумчиво почесал макушку:

– Что ж, узнать правду никогда не поздно... И вот еще... понимаю, в этих областях по долгу службы ты знаешь больше моего, в других странах, кроме Англии, в Австрии, в Испании, в Неаполе и Пьемонте или, к примеру, что особенно интересно, в России тоже есть наши братья-республиканцы?

– Среди германцев, австрийцев, ирландцев, итальянцев есть целые общества и клубы, родственные нашим, мы состоим в тесной переписке. Есть у нас братья среди венгров, поляков, знаю точно, Норбер.

Но Российская империя... с политическим просвещением нации там еще очень плохо. Но пусть не огорчаются, наши малочисленные русские братья, это вопрос времени. Образованная прослойка между дворянством и крестьянами крайне

незначительна и по количеству и по мере влияния на общество. Среди дворян, знаю, есть отдельные люди, фрондеры, конечно, не революционеры. Чего стоит в этом отношении граф Строганофф, он со своим учителем Жильбером Роммом даже участвовал в штурме Бастилии!

Тут оба товарища не выдержав, раскатисто расхохотались.
– Извини, Лоран, Ромм это... или нет, совпадение конечно...

– Нет, Норбер. Этот наш товарищ-монтаньяр, гражданин Ромм... Знаем мы цену этим революционерам-аристократам, у них граф Строганофф, у нас герцог Орлеанский... Готовы хоть надеть фригийский колпак, хоть голосовать за смерть родственника, чтобы позже набросить нам удавки на шею и захватить власть!

– Ладно, Лоран. Значит в России пока, наших братьев еще нет? Одни крепостники-феодалы и патриархально мыслящие покорные им крестьяне, которые всерьез молятся за своих господ и свою императрицу Катрин? Всё так мрачно, да?

Лапьер чуть удивленно склонил голову:

– Что-то неожиданно ты, друг, заинтересовался Россией... не замечал у тебя раньше такого интереса...

– А что такого, Лоран? Если бы я сказал, что интересуюсь Индией, древним Египтом, Мексикой или Перу, ты не нашел бы это странным, хотя это очень далекие от Франции страны в отношении культуры и национальной философии.

Лапьер спокойно пожал плечами:

– Да ничего такого в этом и нет. Хуже, когда человека вообще ничего в этом мире не интересует. Есть, конечно, и у них отдельные идейно близкие люди, Александр Радищев, Фео. Теодор Каржавинь, их сочинения запрещены императрицей, Радищев едва не был казнен, казнь заменили ссылкой в Сибирь, Александр Новикофф, издатель, его типография также закрыта, несчастный автор брошен в Шлиссельбургскую крепость на 15 лет, как зловерный для русской монархии масон. Хотя с ним всё не так просто и однозначно, он вовсе не работал на Париж, напротив, попал под влияние пруссаков... Вот так как-то.

Императрица Катрин сильно напугана тем, что происходит сейчас у нас, везде ей мерещатся наши санкюлоты с пиками и в красных колпаках, ее чиновники и тайная полиция везде ищут русских якобинцев, трудно искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет... но самое интересное, что они находят!

И это притом, что по нашим собственным данным количество подлинных республиканцев в Российской империи немногим выше нуля!

Если у них такой тонкий нюх на тех, кто лишь потенциально склонен к усвоению наших идей, то имперские чиновники России заслуживают ежемесячных премий из фондов Комитета Общественной Безопасности. Они усердно выявляют для нас будущих товарищей и коллег!

Для того, чтобы прослыть революционером в сегодняшней России, друг Норбер, достаточно быть противником крепостного права и неосторожно высказать мысль о необходимости ограничения монархии конституцией, всего лишь...

– Понимаю. Наши умеренные роялисты и те для них «революционеры»...

Лапьер выразительно кивнул:

– Всё так. Скажу тебе больше, в марте-июне этого года я был в Петербурге... но не требуй ответа, зачем. После казни Капета, их императрица придумала для всех французов, проживающих в России или желающих въехать, особую клятву, текст которой надо произносить публично. Ее смысл в том, что каждый француз должен поклясться в верности монархическому принципу и династии Бурбонов и соответственно расписаться в ненависти к республиканским принципам и идеям Революции... Иначе...

Тут Норбер не выдержал и прервал его, сделав нервный жест:

– Попытки в застенках тайной полиции с целью выяснить цель присутствия на территории империи? Трибунал и казнь?

Это мрачное предположение казалось ему единственно возможным.

Лапьер беззвучно рассмеялся и отрицательно качнул головой:

– Как ни странно, нет. Всё обходится без крови, револю-

ционер, как нежелательное лицо, высылается за пределы империи в строго установленные сроки. Разумеется, будет хуже, если он попытается скрыться и остаться в стране вопреки воле ее властей. Но чаще всего, такого не бывает...

– Английский, испанский, итальянский, немецкий, но не знал, что ты говоришь еще и по-русски... – Норбер не смог сдержать уважительного удивления, – какие таланты на службе Революции, а они рисуют нас полуграмотными недоучками и неудачниками...

Лапьер лишь отмахнулся:

– Нет, я не знаю по-русски. Просто в России все аристократы, чиновники и вообще, каждый хорошо образованный человек знает французский так, будто он родился в Нанте или в Лионе, а не в Петербурге или в Москве. Поэтому ни малейших трудностей в этом отношении у меня не возникло. Я считался эмигрантом, спасшимся от «ужасов» революции... да-да, не слишком удивляйся, не все 100% наших эмигрантов принадлежат к дворянству. Чтобы быть в сегодняшней России хорошо принятым, французу можно не быть аристократом, но крайне важно быть роялистом, как они выражаются «защитником Трона и Алтаря. Вот собственно и всё...

– И вот еще... Выходит, тебе, чтобы остаться в Петербурге, всё-таки пришлось приносить клятву в верности старому режиму и в ненависти к Революции?, – Норбер не смог не задать этот вопрос.

– А то, друг. С фигой в кармане, разумеется, сам должен

это понимать. И не один я был такой «нехороший парень», сам понимаешь. По-человечески всё это крайне неприятно, а что делать, если надо? К тому же, злостному нарушителю сей клятвы грозило какое-то жестокое наказание... Может даже действительно казнь... А что делать, брат? Уже поздно, Норбер, надо отдыхать, нам завтра предстоит инспекция в местную тюрьму, взглянуть на результаты бурной деятельности нашего предшественника нужно непременно. Говорят, он был неадекватно жесток, возможно, кого-то еще удастся спасти.

В сопровождении вооруженной охраны Лапьер и Куаньяр приехали в Майенн, второй по величине город одноименного департамента и посетили местную тюрьму.

К комиссарам поспешил присоединиться местный председатель революционного комитета Франсуа Ленуар. Начальник тюрьмы предупредительно открывал камеры, давая возможность рассмотреть заключенных.

Мужчины и женщины опасливо привставали с матрасов, не сводя глаз с суровых молодых людей в чёрном, перепоясанных трехцветными шарфами, в шляпах с круглыми полями и трехцветными кокардами. В одной из камер внимание Норбера привлек худой подросток лет 12-14, сидевший на корточках у стены рядом с мужчиной средних лет.

– Это что?, – резко обернулся Норбер к Ленуару, – скоро станете брать под арест младенцев? Врагов страшнее у Французской Республики уже не осталось?!

Зрачки председателя революционного комитета слегка расширились, он не знал, чего ждать от нового комиссара Конвента, поэтому он произнес запинаясь:

– Гражданин комиссар, они были арестованы до вашего назначения по приказу гражданина Мэнье.

– Немедленно освободить мальчишку.. Кто ты, откуда, почему арестован?, – спокойно обратился Куаньяр к подростку.

– Это мой сын, гражданин, – поднялся с матраса коренастый мужчина лет 36-38, я Жан-Пьер Моро, предшественник гражданина Барбье на должности общественного обвинителя, арестован вместе с журналистом Макэ, разоблачившим финансовые аферы вашего предшественника Мэнье, я отказался подвести его под нож гильотины как «анархиста и нарушителя общественного порядка», и теперь как честный патриот требую и жду справедливости со стороны делегата революционного правительства.. – Моро встал перед Куаньяром и резко выпрямился, – жизнь и честь добрых республиканцев, зависят от вас, гражданин комиссар..

– Я слышал об этом деле и рад, что могу помочь, вы свободны, гражданин Моро, – Норбер выразительно наклонил голову и резко бросил вполоборота, – гражданин Моро и мальчик должны быть освобождены немедленно, Макэ также должен быть освобождён..

Следующая камера и вовсе преподнесла неприятный сюрприз, большинство находящихся там составляли молодые

матери с детьми от малышей до подростков 13-14 лет.

Гневно сузив глаза, повернулся Норбер к насупившемуся Ленуару:

– Снова ясли? Чёртов эбертист более всего боялся детей?! Вы читаете постановления или сами себе господа? Чтобы здесь не было ни одного моложе 17 лет! Потрудитесь запомнить, малолетних в приют, беременным женщинам после медицинского освидетельствования отсрочка приговора на 9 месяцев! Нормы парижского трибунала станут нормами и здесь..Я даже не знаю, что еще мы можем сделать для этих несчастных, Лоран..

– Но гражданин, женщины поднимут дикий крик, если забирать у них детей и вообще, это же дворянские щенки, так что за беда? Когда бы это господа жалели крестьянских детей?! », – рискнул возразить Ленуар, – не исключено, что среди них могут быть жены и дети шуанов...

Кошачьи зелёные глаза Лапьера метали колючие искорки, он резко оборвал Ленуара:

– Прежде всего, это дети. Безмозглая жестокость не признак истинной революционности, любезный. Потрудитесь запомнить, что крайнее бешенство часто таит неискренность, не стоит переигрывать..За эти и другие преступления Мэнье уже отозван в Париж, прогулка в один конец до площади Революции ему обеспечена, не сомневайтесь. А матери не станут создавать нам помех, зная, что их дети останутся жить...

Куаньяр остановил товарища властным жестом. Лапьер слишком любит разъяснять свои решения, но к чему входить в споры и доказывать, когда имеешь право чётко распорядиться, и вообще «что такое» Ленуар?

Норбер резко вскинул черноволосую голову, смуглое лицо приняло выражение чеканной бронзовой суровости, в такие моменты он становился похож на вождя индейцев:

– Либо вы подчинитесь мне, либо отправитесь на эшафот через 24 часа!,— жуткий взгляд миндалевидных тёмных глаз с расширенными в холодном бешенстве зрачками и бесстрастная четкая фраза Куаньяра заставили Ленуара невольно пригнуть голову и отвести взгляд.

Это выглядело убедительно, а главное, страшнее громогласных воплей и ругательств...

– Да, гражданин...

Завершив посещение тюрьмы, а они увидели всё, что им было нужно, вернувшись в кабинет и закрыв за собой дверь, Норбер мрачно кивнул Лорану:

– Ты заметил, что внешне сдержанная, законопослушная здешняя администрация и трибунал куда более активно сопротивляются нашим решениям, чем местные якобинцы и их председатель? Мы обязаны подавить это сопротивление и установить твёрдый порядок, и председатель со своими людьми нам лучшие помощники в этом! Если подобных фрондёров обнаружим и в самом клубе, почистим и клуб! Что-то говорит мне, председатель Тенардьё не станет чинить

препятствий и строчить на нас жалобы в Париж!

– Да, я думаю, Моро должен быть восстановлен в должности для начала – Лоран откинулся на спинку кресла, – по счастью мы успели спасти не только честь, но и жизнь этого доброго патриота и его мальчика.

Норбер удовлетворенно кивнул и слабо улыбнулся:

– Вспомни выражение Барера, что гильотина чеканит деньги и это действительно так, ведь имущества осужденных аристократов конфискуются и поступают в казну Республики. Впрочем, это справедливо лишь в отношении аристократов и врагов нации... Так вот, интересно какую прибыль государству принесет казнь палача и вора Мэнье, думается, это будет сумма с немалым количеством нулей?

Резкий стук в дверь прервал их разговор.

Не дожидаясь разрешения войти, на пороге возник общественный обвинитель Жак-Люка Барбье, в руке он держал лист бумаги, возбуждённо повышая голос он обратился к ним, потрясая бумагой и глядя при этом на Куаньяра в упор:

– Граждане представители! Это возмутительно! Я надеюсь, то есть даже не сомневаюсь... это ошибка, ведь вы еще не в курсе здешних дел!

Это чудовищная ошибка, освободить Моро, этого опасного экстремиста и выдать свидетельство о благонадежности этому Фуке, попу, старому контрреволюционеру, защищавшему, если вам неизвестно, арестованных дворянских шлюх с их выродками!

Оставить на свободе Розели, брата местной Кордэ! Этот акт вовсе не свидетельство революционной бдительности! Как такое стало возможно, граждане? Гражданин Куаньяр, вероятно, вы еще не вникли в наше положение!

Почему молчит клуб Лавалья во главе с Северёфом?! Это уже выглядит куда хуже...

Если потребуется, я даже отпишу в Париж, но...это, конечно, уже лишнее... извините мою горячность, я.. как патриот... слишком взволнован.. думаю, по размышлению вы сами всё осознаете и измените свои распоряжения, – более мягко сказал он и на глазах изумленного этой безумной дерзостью Лапьера Барбье небрежно бросил документ на стол.

Было видно, что Барбье привык держаться недопустимо панибратски с прежним комиссаром, какие-то тёмные общие дела объединяли их и вынуждали Мэнье сдерживать свой бешеный нрав.

Но у новых комиссаров не было причин закрывать глаза на хамские выходки Барбье. У дверей за его спиной застыли национальные гвардейцы...

Бледнея от гнева Лапьер поднялся из-за стола... С минуту Норбер беззвучно мерил общественного обвинителя мрачным, тяжёлым взглядом василиска.

Барбье насторожился и слегка позеленел от смутного предчувствия беды.

– Расстрелять!, – в холодном голосе Куаньяра зазвенел металл, – увести и расстрелять! Сержант Жютлэ выведите это-

го человека немедленно!

Солдаты увели ошеломленного и потерявшего дар речи общественного обвинителя.

Взглянув в глаза товарища, Лоран снова увидел в них леденящую волчью свирепость и понял, что узнал и оценил Норбера далеко не всесторонне. Но не одобрить его сейчас он не мог...

И всё таки это беспрецедентный шаг, Барбье всё же общественный обвинитель...слишком высокая должность. Какова окажется реакция Парижа?

– На должность председателя трибунала вернем честного Моро, это решено», – поправляя пышный кисейный галстук, сказал Норбер ровным мягким тоном, обращаясь к Лорану, – ты прав, справедливость должна быть восстановлена.

Поймав взгляд Лапьера, и угадав его значение, добавил:

– Ладно, не косись на меня как на кровожадного монстра, я не собираюсь нарушать закон, отправь человека за Жютлэ, пусть ведут негодя в тюрьму.

Трибунал в обновленном составе и возвращенный на должность Моро решат его судьбу. Надеюсь, Моро не разочарует нас. Казнь Барбье станет предупреждением всем своевольным анархистам и пособникам контрреволюции, засевающим в местной администрации..

Кстати, что за бред, свой трибунал, общественный обвинитель? И так что, в каждой отдельной деревне, в каждом городке Майенна? Нет, после казни Барбье и его сообщни-

ков распустим их, пусть везут всех в центр департамента, к нам в Лаваль!

Но у Лапьера явно был вечер грусти и сентиментальных настроений:

– Так всё-таки казнь? Может некоторого срока заключения будет достаточно, чтобы как следует припугнуть их? Безусловно, я всё подпишу, но всё же, не много ли крови, Норбер?

Как не перемахнуть ту хрупкую грань, за которой принципиальность, целесообразность и суровая необходимость превращаются в банальную бесчеловечность, вроде той, за которую осужден Мэнье и еще будут осуждены, уверен, Баррас, Тальен, Фуше, Колло и им подобные сомнительные «герои»?

Неуклонное следование принципам и суровый долг невольно способствуют развитию неоправданной чёрствости, она что-то вроде брони, защищающей наши души. Но эта маска к несчастью прилипчива...

Человек, носящий её слишком долго, рискует действительно стать жестоким, хотя и против воли, не замечая этого. Я иногда думаю об этом и это немного меня беспокоит..»

Норбер мягко положил руки на плечи товарища:

– И я не зверь, Лоран и у меня есть сердце. Но это будет выглядеть лишь презренной слабостью с нашей стороны, только предельная суровость мер покажет им всю серьезность наших намерений.

Задержись Мэнье и его верный Барбье на должности,

остались бы в живых несчастный журналист Макэ, Моро с сыном, эти женщины с детьми и другие невинные честные люди, спасённые нами от гильотины? Нет и еще раз нет. Ну, так и нам не к лицу сентиментальность.

Экстремисты, жулики и финансовые аферисты, прикрывшие свои преступления революционными идеями такие же ненавистные враги Республики, как и защитники королевского трона. Если не хуже, так как эти изменники маскируются под товарищей, исподтишка предают и бесчестят имя французского якобинца! Впрочем, ты знаешь это не хуже меня.

И помолчав, рассеянно заметил, пожав плечами с долей искренней растерянности и грусти, Лоран сумел заразить его своим настроением:

– Может меня мой долг против воли уже сделал чёрствым и жестоким? Ты так не думаешь? Иногда останавливай меня, Лоран, если мои решения кажутся тебе неоправданно резкими и крутыми. Мы удачно дополняем друг друга! А это значит, наши решения будут взвешенными и справедливыми.

К удивлению Лапьера Куаньяр вскоре снова принял местного священника отца Фуке, скромно просившего оставить в покое их маленькую церковь и позволить продолжать службы.

Предшественник Куаньяра Андрэ Мэнье, ультра-левый эбертист, яростно проводил политику дехристианизации, поэтому все были крайне удивлены результатам этого визи-

та: отец Фуке не был брошен в тюрьму и отдан под трибунал, более того, его просьба была удовлетворена.

Норбер знал, какое огромное моральное влияние имеет этот добрый и мягкий в личном общении, но нестигаемый в своей вере старик на местных жителей и решил поступить тоньше и умнее, чем Мэнье, привлечь его к сотрудничеству.

– Церковь не тронут, службы разрешат, но, ... – он выразительно сузил тёмные глаза, – если здешние священники забудут свои духовные обязанности и вместо «Отче наш» затянут «Боже, храни короля» и «смерть Республике», вздумают призывать крестьян к «священной войне» с Революцией, обещаю, Майенн станет второй Вандеей и в жёсткости подавления мятежа мы не уступим, ни Карье, ни Колло!

Губы Норбера при этом невольно дёрнулись, он выглядел свирепым, но в это время думал совсем о другом, о том, что ухитрился привести весьма скверное сравнение, он не чувствовал в себе общности с обоими неадекватными героями и их методами...

А отец Фуке, скромный, пожилой человек вдруг неожиданно для самого себя рискнул сделать заявление делегату революционного правительства. Он робко заговорил о том, что не всё можно решить с помощью крутых мер, говорил, что всю жизнь прожил в этих краях, и хорошо знает здешних людей и их настроения.

– Молодые люди, те, кого вы зовете шуанами, это главным образом обычные крестьяне, напуганные и разозлённые

крутыми мерами вашего предшественника. Они сложат оружие, если увидят в вас естественного защитника, а не карающую страшную силу. Вся их злоба от страха. Мне кажется, среди них не так много убеждённых роялистов и уверяю вас, Майенн не Вандея и не Бретань, не Прованс или Лангедок.. Но запугивают Парижем и подбивают их, чтобы превратить в пушечное мясо для своих целей, настоящие фанатики, озлобленные и непримиримые. Ни чувства христианина, ни человеческая совесть не позволяют одобрять Шаретта, д, Эспаньяка, Пюизе, Гуж ле Брюана, они и их люди палачи по призванию. Общеизвестно, что перемещения их отрядов по западным департаментам отмечены цепью преступлений извращённой жестокости, им мало просто убивать... им непременно надо мучить...

И помолчав, с удивлением видя, что его слушают, продолжил:

– Я читал ваши обращения к местным жителям, ваши декреты и... даже невзирая на сентябрьские процессы считаю, что по-своему вы недурной человек и вам не нужна жестокость ради жестокости, вам нужен только порядок и мир, а вашей цели можно добиться иначе.., я сам готов помочь, – и вдруг разом опомнился, – Господи, подвел меня мой старый язык.. влез не в свои дела. А хотел всего лишь ходатайствовать о неприкосновенности своей старой церкви... – и спокойно поднял на Куаньяра смиренно-обреченный взгляд готового к смерти человека:

– Гражданин комиссар, я сказал лишнее, теперь я арестован ?

Куаньяр, слушал речь старика молча, в тёмных глазах вдруг зажглась искра неподдельного интереса, по губам скользнула беззлобная усмешка:

– А комиссару Мэнье вы тоже раздавали бесплатные советы?

– Упаси Бог, гражданин. Разве я сейчас бы стоял перед вами?, – простодушно развёл руками отец Фуке и сильно смутился, сообразив, не следует так откровенничать с этим молодым человеком, ведь он представляет ту же революционную власть, что и Мэнье...

Куаньяр вдруг задумался:

– Вы заронили во мне интересную идею. Раз, по-вашему, эти разбойники в первую очередь крестьяне, так стоит пообещать тем, кто согласен оставить ряды шуанов амнистию в обмен на сдачу оружия, боеприпасов и мирное существование, если расчет верен, затея будет иметь успех..

Но сдаётся мне, несмотря на седину и немалые годы вы наивны, гражданин Фуке и фанатичных, непримиримых роялистов, наконец, обычных бандитов, среди них гораздо больше, чем обманутых поселян. Всё сложнее... днем они как будто мирные жители, крестьяне, а к ночи собираются в отряды и выкапывают оружие... Нет.. Майенн это один из очагов мятежа, то есть без пяти минут Вандея! И всё же идея ценна, – Норбер повернулся к товарищу, – нужно умелое со-

четание принципов «пряника и кнута», разумного сочетания гуманизма и суровости, то есть «добродетели и террора», по словам гражданина Робеспьера, так как ни свирепость без меры, ни мягкосердечное попустительство не дают нужных результатов по отдельности!

Опустив голову на руки, он задумался, идея понравилась. Лапьер неуверенно пожал плечами, но возражать не стал.

Отец Фуке молча с интересом, наблюдал за ними и поразился, когда Куаньяр поднял на него глаза и спокойно произнес:

– Вы всё еще здесь, гражданин Фуке? Я уже сказал, что ваша просьба удовлетворена. Службы можно продолжать, но с известной вам оговоркой. Церковь не тронут. Но за малейший признак контрреволюционной агитации или укрыательства шуанов, роялистов вы лично ответите головой. Не поощряйте этих настроений и в своей пастве. Если вы будете честны со мной, и я не откажусь от своего слова.. Лоран, верни ему свидетельство о благонадежности..

Когда за старым священником закрылась дверь, Лоран вдруг опомнился:

– Черт побери, Норбер! Революционный Комитет забрал у него свидетельство о благонадежности. Ты даже не выяснял, присягнувший ли он?

– Если за ним не будет замечено ни малейших враждебных действий, я, возможно, даже готов закрыть глаза на этот важный пункт...

Вернувшись в Лаваль и оставшись в кабинете один, Норбер изучал документы, оставленные его предшественником, и думал: «Невесело же будет в Париже Мэнье, чёртов эбертист дико напуган и обозлён, он не может не сознавать, что его ждёт. Беспорядки начались относительно недавно... Умудриться превратить департамент в ад, может и есть некоторая доля правды в словах старика. Он местная копия страсбургского комиссара Шнейдера, бордосского Тальена, марсельского Барраса и тулонского Фрерона... Слон в посудной лавке, он не изменил состояние дел к лучшему, он всюду учинил дичайшие злоупотребления и разгром!

«Патриотические взносы» превратились во взятки от коммерсантов, ясно отчего Арно и Барбье были так самоуверены, они привыкли вести дела с Мэнье, практически «свои люди»..

Массовые аресты, осуществляемые столь массово лишь для того, чтобы за солидные «выкупы» освобождать состоятельных людей, в том числе может и заведомо виновных, а если у кого-то нет нужной суммы? Ну что ж, те несчастные и есть самые «подозрительные» и печальна их участь!

Ублюдок решал этой разбойничьей акцией две задачи разом, и карман набивал и создавал иллюзию яростной борьбы с контрреволюцией! А ведь настоящего роялиста он пожалуй и отпустит, если тот окажется достаточно щедр.. А то с чего бы так обнаглел д'Эспаньяк?

А дело Рене Макэ, журналист имел смелость расследовать

и разоблачать финансовые комбинации Мэнье и Ко, только смещение этого негодяя и моё появление спасло несчастного от гильотины!

Вспомнил Норбер и свой визит в здешнюю тюрьму, из которой он освободил товарища Макэ, председателя трибунала Моро и его сына, Моро взбунтовался против произвола комиссара Мэнье и сам был арестован и ожидал казни!

А спасенные из тюрьмы старики и матери с детьми, это ли «враги нации»?!. Никого страшнее и опаснее не нашлось?! А сколько таких же погибло, не дождавшись помощи?

В чём же ухитрились обвинить честного патриота Макэ? О, обвинение стало стандартным для таких дел, неподкупность и гражданская честность трактуется этими господами как «экстремизм и анархизм», а разоблачение темных афер парижского депутата как «нарушения общественного порядка»! И безусловно, для этих «героев» все мы «чудовища и тираны», их ненависть наша лучшая награда...

Для нас «демократия» это власть в интересах нации, а не кучки «избранных и высокородных», это война юной Свободы с древним Деспотизмом, это уважение к достоинству простого человека и гражданина, впервые в истории поднявшегося с колен и сбросившего презренную роль верноподданного скота, это ненависть к любым формам угнетения и рабства, это уважение суверенитета и прав всех стран и народов без исключений.

Для них это возможность безнаказанно грабить, притес-

нять, наживаться, прикрываясь при этом нашими священными принципами.

«Деловые люди», нувориши это новые аристократы, они также презирают народ и угнетают его, как средневековые короли и принцы и также дождутся грохота падения новой Бастилии и перед казнью также не услышат ни слова сострадания...

Наша цель – указать место... а понадобится, так и сломать шею этой новой аристократии!»

Но что мы имеем сейчас? Возможно, что Лаваль временно придется оставить, роялисты перешли Луару и стремительно приближаются... Требуется срочное вмешательство армии.

Разгромленные части во главе с Анри де Ларошжаклем начали беспрецедентный «поход на север» в Нормандию, увлекая за собой семьи, которым также грозили расправы со стороны республиканцев. Они крайне рассчитывали на поддержку бретонских шуанов и английский десант...

Декабрь 1793 года. Отзыв Куаньяра в Париж и «адские колонны» генерала Тюрро

Войска генералов Республики Клебера и Марсо добивали группировки роялистских мятежников на западе Франции. Страшные карательные акции «адских колонн» генералов Россиньоля и Тюрро и тактика выжженной земли делали свое дело...

Боевые действия шли в нескольких километрах от Майенна, немного усилий и роялисты будут выбиты из захваченно-

го ими Лавалья, до города отчетливо доносился грохот орудий.

Комиссар Лапьер с поручением от Комитета Общественного Спасения убыл в лагерь республиканцев и присоединился к людям генерала Тюрро, Куаньяр остался в городе. Оседлав гнедого жеребца и решительно отказавшись от сопровождения охраны в компании председателя Северьяфа, он поехал узнать, освобожден ли от роялистов Лаваль.

Решив сократить путь, Норбер и Антуан свернули на малолюдный участок дороги, поросший по краям лесом. Осёдланные кони, вороной и чубарый, одиноко пасущиеся в стороне от дороги привлекли их внимание, и Норбер смутно пожалел, что не взял охрану. Пришпорив коня, они быстро подъехали и тут же услышали стоны, доносящиеся из травы.

Стонал человек в коротких холщовых штанах и куртке из козьей шкуры, пропитанной кровью. Соскочив с коня, Норбер склонился над ним и сразу понял, что он безнадежен и умирает, притом очень мучительно, живот, за который он держался, был практически разорван штыком. Второй раненый, юноша 22-23 лет в светло-сером мундире, перепоясанный белым шарфом был ранен в бок и в бедро, увидев республиканца, он приподнялся на локте и даже попытался сесть.

Шуан (а именно эти лесные партизаны «белых» носили куртки из козих шкур) был еще в сознании, давась ругательствами, от боли и ненависти он цеплялся окровавленными

ми пальцами за сапоги комиссара и жестом показывая на пистолеты, торчащие за трехцветным поясом Норбера, хрипя, просил об одном, чтобы его скорее убили...

Недолго думая, Куаньяр выдернул из-за пояса пистолет и спустил курок. «Недурно, если б и мне кто оказал такую услугу в подобном положении, – подумалось ему, – чёрт, он мучился, словно в камере пыток и всё равно умер бы и до города его было не довезти..»

Другой раненый, весь подобрался, не сводя глаз с республиканца, и даже перестал стонать в ожидании рокового выстрела. Но Норбер и не думал убивать его. Заложив руки за трехцветный пояс, он стал медленно приближаться к молодому человеку. Рядом с раненым в напряженной позе стоял, также заложив руки за белый пояс-шарф, мужчина лет под сорок и мерил республиканцев сумрачным, ненавидящим взглядом.

– Не подходи, якобинское отродье! Добей и меня, как убил несчастного Жанно!, – раненый отполз, привлекая ногу, и обернулся, выставив перед собой руку с обломком сабли.

Норбер внимательно и мрачно рассматривал его:

– Я не намерен убивать тебя, «бывший», брось оружие!.

– Убейте же хоть одного из этих выроdkов, месье! Рай и добрая память потомков вам обеспечены!, – зарычал старший, с бессильным бешенством отбросив разряженный пистолет.

В этот самый момент молодой роялист отчаянным усилием попытался сделать выпад, и Норбер, рассыпая проклятья, сильным ударом сапога выбил из ослабевшей руки обломок клинка и, бешеным пинком отбросил его в сторону. Противник, держась за раненый бок, снова повалился в траву.

– Чего же ты ждёшь, regicid (цареубийца)?, – зло вырвалось у юноши со стоном.

– Дайте слово дворянина, что не броситесь на меня снова, и я перевяжу ваши раны!

– Чёртов санкюлот, ты еще и сумасшедший?! – и помолчав секунду, растерянно добавил, – хорошо, я даю слово...

– Не можете же вы поверить якобинцу на слово?! Не сходите с ума, виконт, умрем с честью, как подобает французскому дворянину!, – старший из роялистов озлобленно сузил глаза.

Ненависть на бледном лице юноши сменилась недоумением.

А Норбер продолжал:

– Можете подняться? Нет? Тогда обопритесь на моё плечо, но от дороги надо уходить, – и добавил как бы для себя, – неровен час, вернутся «белые».

– Ага, или «синие», – губы раненого иронически дёрнулись.

Норбер свистом позвал коня, умное животное слушалось хозяина не хуже дрессированной собаки. Другие лошади рысью шарахнулись от чужого человека и остались у дороги.

Рядом Северьеф дулом пистолета подталкивал своего пленника в спину. Миновав поляну, вся группа устроилась за деревьями на самом краю леса, откуда открывался обзор на этот участок дороги.

Северьеф снял пистолет с предохранителя и выразительно положил палец на курок, не выпуская из поля зрения старшего роялиста ни на минуту, молча прислонясь к стволу дерева, тот мерил республиканца пренебрежительным взглядом.

Всё время перевязки молодой роялист молчал и не сводил глаз с невозмутимого лица республиканца. Он нервно вздрагивал от холода и боли и Куаньяр молча, отдал ему плащ и протянул флягу с коньяком.

– Благодарю вас, месье или мне следовало бы сказать гражданин? Я виконт Альбер де Марси, капитан королевской католической армии Вандеи, мой спутник маркиз де Ленонкур.. Как вы намерены поступить с нами?

Куаньяр пожал плечами:

– Отвезу в Майенн.

– Где нас ждёт ваш революционный трибунал?

– Да, – ответ был короток и сух, – а вы видите иное решение?

Де Марси с трудом разжал губы:

– Не знаю.. Могу я узнать ваше имя?

– Норбер Мари Куаньяр, – он хотел было добавить «депу-

тат и комиссар Конвента», но по расширившимся зрачкам де Марси понял, что он личность известная в этих краях.

Побледнев, роялист рассматривал его как экзотическое чудовище.

– По вашему приказу недавно гильотинирована маркиза д, Эспаньяк и еще много других людей...

Де Марси произнес это таким тоном, что Куаньяр снисшёл до ответа.

– Разве старый режим был снисходителен к лицам, покушавшимся на чиновников, назначенных королём? Разве уместна терпимость к разбойникам и убийцам? На руках этих шуанов кровь сочувствующих нам местных жителей, сотни местных республиканцев убиты с исключительной жестокостью. Они не люди, на ваш взгляд, их кровь не в счет?

Молодой роялист с сомнением склонил голову, довод не казался ему абсолютно убедительным.

– Всё верно и всё же за три месяца здесь были казнены еще около трёх тысяч человек.

Словоохотливость молодого дворянина удивила Норбера, старший спутник юноши слушал их, замкнувшись в презрительном молчании, но Куаньяр счёл, что должен быть натренирован отвечать на любой выпад врага, это принесет пользу на трибуне Конвента и Якобинского клуба и только потому достаивал юношу ответами.

– Да, врагов Французской Республики, схваченных с оружием в руках и их агентов, подкупленных англичанами и ав-

стрийцами. А как вы обходитесь с нашими пленными, разве отпускаете с благословением? К тому же их вовсе не три тысячи, а вдвое меньше... Это пустой разговор, господин роялист.

Норбер сделал небрежный жест и замолчал, он был разочарован, выпады юноши он счёл наивными и непродуманными. Но молодой роялист не сдался.

– Я так не считаю. Ваше народовластие и ваша Республика противоестественны, они источник зла. Вы восстали против законной власти короля и посеяли гражданскую войну и анархию..

Высокомерно-неумная реплика юного барчука вызвала невольное раздражение, пришлось ответить.

Норбер нехотя разжал губы:

– Власть одной семьи и кучки привилегированного дворянства в глазах нации не является законной, а с хаосом мы справимся в несколько месяцев. О том же, кто начал гражданскую войну во Франции говорить и вовсе постыдитесь, бунт в Бретани и Вандее начался еще при власти Капета, массовое дезертирство офицеров-дворян в Австрию, на германскую границу и вступление их в имперские контрреволюционные корпуса также началось в эти годы. Патриотизм у наших господ не в чести? Им ближе сословная кастовая солидарность?

Юноша был слегка озадачен, ему не приходилось общаться с республиканцами, иначе, чем глядя на них через при-

цел, тем более не приходилось выслушивать их мнение.

В его взгляде мелькнуло что-то детское:

– Я много всякого слышал о вас. Здешние люди говорили разное, но чаще всего так: «он строг и честен в отношении своих революционных принципов, неподкупен, иногда склонен к человеколюбию, может своим решением спасти от эшафота слишком юных или тех, кто по его мнению обвинен несправедливо», но часто говорят о том, что вы безжалостно жестоки, легко подписываете смертные приговоры роялистам, искренне ненавидите дворянство . И когда вы перевязывали меня, вместо того, чтобы добить я был крайне удивлен. И снова ваша поразительная непредсказуемость, тут местные правы, взяла верх, вы сохранили мне жизнь, но лишь для того, чтобы доставить в трибунал, который приговорит меня к смерти... И я не понимаю...

Услышав это, Норбер спокойно кивнул, теперь капитан де Марси казался ему просто наивным юнцом, которого трудно всерьез ненавидеть:

– Первое – человеческие чувства, второе – долг гражданина. В этом нет ничего странного. Вы тоже заинтересовали меня, господин роялист. Раз уж вы склонны говорить со мной, так расскажите мне о себе

Де Марси удивленно пожал плечами, но всё-же счел нужным ответить якобинцу:

– В этих краях нашей семье принадлежало поместье Гран-Шэн, оно конфисковано после эмиграции нашей семьи в

Лондон. Мать и сестра остались в Англии, мы с отцом вернулись, объявленные «вне закона» как дворяне-эмигранты. Отец в июле погиб в Вандее в чине полковника королевской армии.

Юношески бесхитростное поведение виконта задело, наконец, аристократическую спесь Ленонкура... Ненависть наша вышла...

– Давно не видел так близко живых якобинцев! Что же вы.. лейб-гвардия Революции.. крестоносцы Свободы.. убейте же меня.. здесь и сейчас! К чему тащить меня в Майенн? К дьяволу вашу революционную законность!», – и переводя дыхание, – ты знаешь, что бы я сделал с вами обоими, будь сила на моей стороне? Ты, гражданин Куаньяр уже знаешь на своей шкуре.. Но это мелочи.. знать бы тогда, что в наших руках революционный ублюдок высшего ранга.. комиссар Конвента, цепной пес Комитета Общественного Спасения! С живого драл бы кожу чулком.. верь мне, якобинец! Разозлю я вас когда-нибудь или нет?! Я дворянин и роялист.. посвятил свою жизнь защите Трона и когда от вашей поганой Республики не останется камня на камне буду убивать санкюлотов с глубоким наслаждением! У вас нет права на жизнь! Чёрт! Да это не якобинцы, а просто святые отцы.. вы намерены и дальше выслушивать меня?!

Ленонкура ввёл в заблуждение невозмутимый вид Куаньяра, но Северьеф уже мелко дрожал от бешенства, готовый пристрелить это паскудное сиятельство!

Сквозь зубы вырвалось:

– Твою мать, скотина! Если ты не заткнешься, я проверю, действительно ли у тебя голубая кровь!

– Свяжите ему руки, Антуан!», – бросил Норбер Северьефу, – не так.. он очень опасен..за спиной..и покрепче.. Не отвечайте на его провокации, будьте выше этого..

На губах роялиста змеилась саркастическая усмешка, он и не думал сопротивляться, когда Северьеф связал ему руки:

– Наши ушли далеко..территорию сейчас контролируете вы..Нелегко будет скрыться, на меня укажет из злобы любой местный оборванец...о, простите.. человек из народа...Думали, что ночью я убью вас?, – жесткий смех, – э, нет! Это не в моих правилах.. Быть убитыми во сне, не прочувствовав неотвратимости смерти, не успев толком ощутить боли, страха, безысходности.. Нет граждане, такая легкая смерть не для цареубийц!

Де Марси слушал его молча, он слегка побледнел, в лице отразилось легкое отвращение.

– Если я останусь жив, моя месть будет ужасна! Убейте меня здесь и сейчас.. добрые патриоты и делу конец!, – фанатика распирала сосредоточенная злоба..

– С наслаждением!, – вдруг против воли вырвалось у обоих республиканцев, никогда еще Куаньяр и Северьеф не достигали такого трогательного единодушия...

Северьеф зарычал, теряя над собой контроль:

– Убью!.. А как эти твари измывались над моим секрета-

рем?! И разве вас.. не подвергли пыткам и издевательствам его дружки во главе с д Эспаньяком?!

– Присоединился бы к вашему желанию.. даже из одного лишь принципа справедливости!, – тон Куаньяра был холоден, только темные глаза зловеще загорелись.

– Так в чем дело? Давайте не будем драться за то, у кого больше причин.. и убьем его вместе? Вы «за?», – понял ли при этом сам Северьеф, что сказал.. едва ли.. он был слишком взбешён..

– Нет, – спокойно и четко ответил Куаньяр.

Возмущению Северьефа кажется, не было пределов.

– Он роялист-фанатик, проклятый аристократ, враг французской нации и демократии! На нём кровь наших товарищей! Убейте... убейте его, гражданин комиссар и никто не осудит вас!

– Верно, и всё-таки нет, Антуан... Я и вас в роли палача не представляю.. а мне ближе.. как выразился этот вырожденец «революционная законность», его должны судить..я хочу увидеть эту надменную голову под ножом гильотины..в этом и будет высшая справедливость и моя победа..

Наблюдая за пленником, бросая на него косые взгляды, Северьеф вполголоса стал вызывающе насвистывать «Са ira!»

На губах де Ленонкура появилась усмешка:

– Слышишь меня, якобинец?.. Означает ли это, что мне следует затянуть «Боже, храни короля» и нарваться на пулю,

которая избавит меня от вашей оскорбительной и необъяснимой снисходительности?

Норбер отозвался первым, тон его был безжизненно равнодушен:

– И не надейтесь, вас ждет трибунал. Впрочем, в моих глазах вы уже мертвы...

Стемнело рано, двигаться с места было опасно, приходилось переждать ночь в лесу. Куаньяр тем временем разжёг маленький костер, и присев на сухой пень снова поднял глаза на молодого роялиста, озадачив его вопросом:

– У вас есть жена, ребенок?

– У меня есть невеста...

– Она здесь или в эмиграции?

– К чему вам это знать, господин якобинец? – с легким раздражением произнес де Марси, – она во Франции... и вы твёрдо решили сделать её вдовой до брака... Мне кажется, вы не слишком погрешите против своих убеждений, если.. мы мирно разойдемся в этой чаще.. подумайте об этом. У вас самого в Париже осталась семья?

– Нет. Моя жизнь и верность всецело принадлежат одной благородной даме, нашей Революции, – и коротко уронил, хмуро глядя в огонь, – и никому больше не нужна.

– Это плохо... – задумчиво отозвался де Марси.

– Да, это неправильно, – тон Норбера стал резче обычного, – простые люди и в этом вопросе лишены свободы выбора...

Де Марси слегка растерялся:

– Это как? При чем же здесь личная жизнь?

Куаньяр огрызнулся:

– Вот как. Дворянину доступны женщины любого класса, и никто их за это не убьет, не кастрирует, господам всё позволено. При желании дворянин может даже жениться на девушке образованного, но незнатного среднего класса. Пофыркают, но стерпят и это в наше время. Но мужчина из народа иное дело... знай, плебей, свое место...

Де Марси вдруг осенило:

– Она аристократка?

Куаньяр лишь нахмурился и замолчал, не желая более поддерживать разговор. Он веткой ворошил красные угли.

Де Марси болезненно поморщился:

– Жестокая штука война, в особенности война гражданская. Человек в другом мундире, под другим флагом, с кокардой иного цвета уже вроде и вовсе не человек, а ходячий символ угрозы всему, что тебе дорого, тёмный носитель ненавистных идей, убивай их или они убьют тебя, не поддавайся никаким сомнениям, никакой жалости, будешь прав. Впрочем, на войне, в бою, всё более менее ясно, иное дело, расстрел и пытки пленных, иное дело, когда добивают беззащитных раненых...

Встретившись неожиданно близко, лицом к лицу, прикоснувшись к руке, встретившись взглядом, вдруг видишь, это такой же живой человек, как и ты.

Просто человек, не демон с кровавыми клыками, не порождение Тьмы, жаждущее уничтожить всё и вся, живой человек, со своими мыслями, чувствами, мечтами о будущем, вы говорите на одном языке, возможно даже выросли по соседству... и... нет никакой дикой ненависти, никакого желания его убивать...

Вы такое чувствовали когда-нибудь? У вас так было хоть раз?

Норбер молчал, несколько секунд не отрывая глаз от лица де Марси, но в мрачном неуверенном взгляде невольно отразился ответ, который сдержали сурово стиснутые губы.

– Но это ничего не меняет, если мы встретимся с оружием в руках в другой обстановке – продолжал де Марси, но как будто не без доли смутного сожаления.

– Да, – нехотя разжал губы Норбер, – это ничего не меняет

Прислонившись спиной к дереву и подтянув колени к подбородку, он пытался заснуть сидя, иногда приоткрывая один глаз и косясь на пленного роялиста.

Де Марси заметил это:

– Я не собираюсь вас убивать среди ночи. Жестокость и подлость не украсят дворянина и офицера... К тому же, без вашей помощи мне всё равно не влезть на коня и пешком далеко не уйти. Так что, доброй ночи, господин якобинец...

Де Марси плотнее завернулся в плащ и притих. Норбер отчего-то не мог отвести от него взгляд. Он невольно вздохнул.

Может, в самом деле, отпустить мальчишку и представить в трибунал одного маньяка Ленонкура? Согласится ли молчать Северьеф? Дьявол, как же всё непросто, когда сердце бунтует против жестоких требований долга!

И всё же нельзя, чтобы эмоции забежали вперед рассудка... Не всё так просто, молод и совсем неплох, как человек, он всё же роялист и враг, он убивал и будет дальше убивать защитников Республики, мне по-человечески жаль его, честно, и всё же, какое решение будет самым верным?!

Ладно, подумаю об этом утром! Знаю, ночь располагает к сентиментальности, утро всё расставит на свои места...

Мрачный Северьеф и вовсе боялся задремать, он не имел оснований доверять хваленой дворянской чести своего пленника. И всё же крайняя усталость брала своё...

Проснувшись с первыми лучами солнца, Норбер увидел замершего от ужаса Северьефа, перед ним на пеньке невозможно сидел маркиз, и руки его были свободны.. Дуло пистолета смотрело прямо в живот председателю якобинцев Лавалья.

Маркиз щедро одарил республиканцев хищной белозубой улыбкой, удовлетворённо облизнул губы:

– А всё-таки есть в мире высшая справедливость, гражданин комиссар? Не настало ли время бросить оружие.. или ваш товарищ умрет!

– Остановитесь, месье!, – резко вскрикнул раненый виконт де Марси, пытаясь подняться, на секунды отвлек вни-

мание товарища, этого было достаточно, чтобы Северьеф ловким движением вышиб оружие из руки Ленонкура, повалил на землю и со всем бешенством ударил им же по голове пару-тройку раз...

Потерявшему сознание роялисту предусмотрительно снова связали руки. .

Фанатик был достаточно силен и энергичен и в победе Северьефа можно было бы сомневаться, если бы не вмешательство виконта..

Но право, не благодарить же за это роялиста.. или как?

Внезапный шум привлек внимание всех троих. Топот множества копыт заставил их притихнуть и выглянуть через листья на дорогу. Всадников было не менее 50 человек, светло-серые мундиры, белые шарфы-пояса и белые же с лилиями кокарды на шляпах выдавали в них роялистов. Офицеры «белых».

Шуанов отличали широкополые шляпы, короткие куртки из козьей шерсти с характерной эмблемой «сердца Христова», вооружены они были по-разному, у одних в руках карабины английского производства, у других пики, за поясами у многих топоры, как у индейцев с берегов Потомака и Гудзона.

Сильные и отважные партизаны «белых», верные местным традициям, своим убеждениям и своим командирам из дворян и предельно, средневеково жестокие к республиканцам.

Отряд остановился, брошенные кони, и труп у дороги привлекли их внимание. Всадники опасливо кружились на месте, поднимая тучи пыли, переговаривались, сдерживая фыркающих коней, и нервно оглядывались, подозревая засаду.

Неожиданно де Марси громко закричал, призывая на помощь, и отчаянным усилием попытался вырвать у Куаньяра пистолет, они сцепились, но силы были неравны, Куаньяр быстро прижал раненого роялиста к земле.

Но было поздно, де Марси успел снять пистолет с предохранителя и произвести выстрел в воздух. Несколько всадников схватив карабины, спешили и направились к зарослям, откуда раздался крик.

– Будь ты проклят, де Марси!, – Норбер зло сплюнул под ноги, – будь ты проклят!»

Де Марси с трудом поднялся, держась за ствол дерева:

– Я... не собираюсь выдавать вас на расправу. Уйдите дальше в лес, я выйду к ним один. Мы для них свои, – он бросил взгляд на маркиза, тот всё еще был без сознания, – я найду, что им сказать. Сам Бог помог нам разойтись без крови! Ошибся я, как последний глупец или был прав... покажет время...

Норбер молча мерил его недоверчивым взглядом...чего вдруг этот аттракцион невиданного гуманизма?

Группа вооруженных роялистов между тем приближалась к зарослям.

– Да уходите же вы, исчезните, сгиньте, сумасшедший якобинец! Не нужна мне ваша кровь!, – бешено шипел де Марси сквозь стиснутые зубы., – и вас тоже это касается!, – обратился он к мрачному Северьефу, – проваливайте же, еще минут 10 и будет поздно!

Оба якобинца не заставили себя ждать. Через секунды поляна была пуста. Оставшись без коней, они только к вечеру вернулись в город...

Вернувшийся из лагеря Тюрро, Лапьер привез хорошие новости.

Отряд д'Эспаньяка уничтожен, сам роялистский палач, ожесточенно сражаясь, погиб, его труп комиссар Лапьер привёз в город, его и мёртвого ждала гильотина, схвачены ближайšie к нему люди, в их числе маркиз де Желамбр.

Куаньяр выразил желание увидеть этого человека в тюрьме, перед казнью. Желамбр был одним из тех мучителей, что били и пытали его там, на глухой лесной дороге. Он один остался в живых...

Его товарища, графа де Рошфор Норбер уже навещал в тюрьме Лавалья в аналогичных обстоятельствах, слишком хотелось взглянуть в глаза этому человеку..

Двое других палачей Куаньяра, Шарло, слуга-шуан погиб под пулями солдат Тюрро.

Лапьеру повезло, он, как делегат революционного правительства, вместе с Тюрро возглавлял республиканцев, преследовавших разбитую банду д'Эспаньяка.. Куаньяр, как вто-

рой из делегатов должен был остаться в Лавале.

По словам Лорана, шуаны дрались отчаянно, как звери, они знали, что в случае поражения всех их ждет либо расстрел, либо гильотина. На их совести немало сожженных городков и сёл департамента, немало трупов людей обоего пола и любого возраста, в том числе банальные грабежи, убийства и даже пытки пленных республиканцев, не исключая раненых и умирающих...

Но не за горами конец мятежам Вандеи! Еще немного усилий! Sa iга, граждане!

Вместе с Лапьером Норбер посетил Лаваль, откуда только что выбили банду д'Эспаньяка.

Норберу очень хотелось снова встретиться с доктором Розели и Марией, но смутная внутренняя неловкость помешала этому импульсивному желанию.

Куаньяр отправил Розели письмо, в котором весьма эмоционально просил его покинуть Лаваль и вообще родной департамент Майенн и как можно скорее, бывший комиссар Конвента отлично понимал, что начнется здесь сразу после его отъезда в Париж...

В случае, если у Розели не найдется родных и надежных друзей, в доме которых можно переждать это опасное время, рискнул оставить ему свой парижский адрес и твердо обещал устроить доктору и его сестре максимально безопасное место жительства и с помощью своего влияния и немалых возможностей.

Для личной охраны семьи Розели он уже задумал подключить друзей детства Жюсома и Дюбуа.

Но так как никакого ответа от обоих Розели не дождался, решил, что они и без его помощи нашли себе укрытие.

Ну что же, главное, остались бы живы...

Кровавые зачистки «адских колонн» подчиненных Тюрро, Вестерманну и Россиньолю произвели даже на Куаньяра, идейного якобинца-робеспьериста и комиссара Конвента, человека далеко не сентиментального очень тяжелое впечатление.

Внутренне он сам сомневался, справедливо ли то, что происходило или уже чрезмерно бесчеловечно...

Поэтому, когда позднее вандейских генералов-карателей отозвали для отчета за превышение полномочий, почувствовал внутреннее облегчение. Значит, и Комитет в целом и Неподкупный думали об этом тоже, что и он сам...

Между тем, увлекшись мстью республиканцам, маркиз даже не пошел на соединение с Ларошжакленом.

Он засел в этой, когда-то подвластной ему местности, где находился его особняк, и устроил кровавые расправы с местными жителями, перешедшими на сторону республиканцев. Разгрому подвергся местный Якобинский клуб, многие его члены казнены, а исчезнувший председатель Тенардье считался мёртвым, многие видели, как его убили выстрелом в голову по распоряжению Байи, предателя из вчерашних то-

варищей по клубу, трусливо и униженно перебежавшего к роялистам, изменник спасся, выдавая на расправу своих товарищей, составляя списки наиболее активных патриотов.

Господин д Эспаньяк занял свой пустующий особняк. В услужение людей возвращали силой, под угрозой убийства.. именно так вернулась к роли служанки Аннет Кенэ, ставшая после эмиграции маркиза школьной учительницей для сельских ребятишек.

Маркиз изображал импровизированный трибунал в одном лице, для него установили стол под навесом прямо на площади, подводили обреченных на смерть, люди успевали только назвать фамилию, одним жестом, он отдавал несчастного палачам. Крики ужаса и горя жён и детей казнённых сменялись тяжелым молчанием, скрывавшим бессильную ненависть.

Гильотину роялисты, эти хранители христианских ценностей, что интересно, привезли с собой...

А на вторую ночь после того, как республиканцы Россиноля и Тюрро отбили у роялистов город, объявился «покойный» председатель с перевязанной головой.. Он объяснил парижским коллегам, что сумел затаиться, прикинулся мертвым, по счастью, проверить этот факт никто из роялистов не стал. Они отвлеклись на его товарищей, которых со связанными руками тащили к эшафоту..

Раненого Тенардье спасла соседка, добрая женщина, вдова Феро ... По счастью, рана его была весьма поверхностной.

Все трое в ночь пришли к дому изменника, напуганный быстрой «сменой власти» он заперся и упрямо не желал открывать дверь. Негодяй, оказался суеверным, к тому же, он был слишком уверен, что председатель мертв, видел его лежащим без движения с простреленной головой, в крови.

– Тенардь?! Не может быть.. Все соседи говорят.. что ты мертв!

– А я вернулся с того света.. поганец! Покойный председатель и бывший товарищ.. намерен узнать.. как это вышло.. что я.. как говорят.. застрелен второго дня..да еще по твоему приказу! Нехорошо получается, тебе не кажется?

Лапьер беззвучно рассмеялся:

– Революция внесла новое даже в мир мистики! Мы слышали о призраках королей и владельцев замков, но призрак председателя якобинцев?..., если господа так боятся нас живых, то что же за кошмар для них революционер, вернувшийся с того света! Эх, вот бы можно было вернуть Лепелетье и Марата!

За дверью притихли.

–Открывай же дверь, выродок! Не откроешь добром, вынесем к дьяволу!

Раненый Тенардь был слишком слаб, чтобы исполнить угрозу лично, но ненависть в его голосе, однако звучала вполне убедительно и искренне..

Раздалось по-прежнему через дверь, слабеющим от страха голосом..

– Гражданин Тенардьё! Клянусь чем угодно! Я не хотел.. меня заставили.. мне угрожали.. человек слаб.. гражданин Тенардьё!

– Так. Открывать не желаешь.. и не надо, есть иное решение! Гражданин Лапьер.. прикажите бить в набат, собирайте людей.. пусть народ судит.. все те, чьи отцы, мужья и братья зарыты живьем.. или лежат в тех сараях на окраине!

Резко открылась дверь. Байи растерянно обвел взглядом мрачных и суровых, вооруженных людей стоящих перед ним и когда ни в одном взгляде не обнаружил ни малейшего тепла и сочувствия, вдруг рывком сполз на колени, ухватился за сюртук Тенардьё, явно готовый целовать ему руки и, постанывая от ужаса и волнения, твердил:

– Пощадите, сжальтесь...

Тенардьё вырвал руку и брезгливо отшатнулся. Байи, по-прежнему стоящий на коленях, теперь ухватился за высокие сапоги Тенардьё, обнимая его колени, в ужасе прижимаясь... На лицах Куаньяра и Лапьера тоже отразилось презрение и досада от того, что стали невольными свидетелями тяжёлой и отвратительной сцены.

– Пусть судит народ, – медленно повторил мрачный Тенардьё.

Куаньяр за воротник поднял изменника, тот не думал сопротивляться и совершенно сник, особенно когда обжёгся об его свирепый взгляд.

Послышался набат и шум возбужденных голосов, невзи-

рая на поздний час, родственники убитых направлялись прямо к дому Байи.

– Граждане, оповестим членов трибунала, что первое заседание завтра, надеюсь, не всех убил д Эспаньяк? Живы председатель и общественный обвинитель? Сейчас это и выясним. Самосуда, мы безусловно не допустим, – Тенардье смерил скорчившегося от страха Байи брезгливым взглядом, – хотя от души бы...

Январь 1794 года и секретная миссия Куаньяра в Нанте

Бывший, теперь уже бывший комиссар Куаньяр в роли тайного агента вместе с 19-летним Марком-Антуаном Жюльеном, сыном депутата Конвента, несмотря на возраст, юноша пользовался расположением Робеспьера, был направлен в роли секретного агента Комитета Общественного Спасения в Нант, где комиссаром был в это время ультра-левый эбертист Карье.

Лапьер с той же целью тайного наблюдения отправился в Бордо для наблюдения за комиссаром Тальеном, Жюсом в Марсель, где хозяйничали Баррас и Фрерон. Оттуда поступали самые чудовищные жалобы.

Их роль состояла в наблюдении за деятельностью местного комиссара с точки зрения рядовых граждан, в наблюдении за проводимыми им мероприятиями, им предстояло опровергнуть или подтвердить все ужасные жалобы, которые доходили до Парижа...

Жюльен наблюдал массовые расстрелы близ каменоломен, лично видел ночные утопления в Луаре, видел барки, на которых грузили людей со связанными руками, видел, как барки были затоплены, в гневе и в ужасе он строчил одно за другим донесения в Комитет. Их наблюдения и решили судьбу Карье и его отзыв для отчета в Париж. Пока он этого не знал и чувствовал себя настоящим диктатором департамента!

Комиссар Карье окружил себя людьми, гордо назвавшись «ротой Марата», на деле настоящими головорезами.

Ответственными за эти экзекуции были назначены Фуке и Ламберти, не дававшие отчета даже органам местной власти, никому, кроме комиссара Карье. Именно их руками совершались жестокие расправы, которые официальными казнями уже назвать нельзя! Эти типы сильно напомнили ему «деятелей» сентября 92-го...

По дороге в Нант Куаньяр еще сомневался в достоверности сообщений, разве это не могли быть эмоциональные преувеличения? Вождь вандейцев Шаретт чудовищно жесток к якобинцам, но и Паррен в ответ весьма свиреп, потому лишь и держится против него.

Всё крайне неоднозначно, комиссар Карье был отправлен в Нант именно в тот момент, когда в этом районе свирепствовали банды графа Шаретта. Им были расстреляны не менее 800 солдат-республиканцев, сдавшихся в плен.

Острова Нуармутье, по задумке графа Шаретта, должны

быть отданы под военную базу англичанам для последующей высадки британского десанта и их союзников французских дворян-белоэмигрантов.

Резня в Машкуле, где роялисты и шуаны вырезали треть всего населения, аналогичная бойня в Шоле, где местных республиканцев, якобинцев убивали после самых извращенных пыток и надругательств, всё это никак не располагало к мягким мерам.

Роялистский «полевой командир» граф Шаретт всегда был чудовищно жесток к пленным якобинцам, не соблюдал никаких договоров и норм, и только человек аналогичного типа мог иметь успех в борьбе с ним.

И всё же... любая крайность в виде мягкотелого церковного всепрощенчества или неадекватного зверства одинаково плоха.

То, что он увидел своими глазами только утвердило его в этом мнении..

Норбер постоянно носил при себе охранное свидетельство от Комитета, на случай внезапного ареста, который считал вполне вероятным.

На улице ночного города он и убил человека, а точнее насильника. Как это произошло?

Он ехал верхом по слабо освещенной улице на окраине Нанта, чувствуя себя вполне уверенно, это грело душу свидетельство Комитета Общественного Спасения, спрятанное на груди.

В мрачном от всего увиденного настроении, Норбер закурил... Женский крик заставил его пришпорить коня...

Молодая женщина отчаянно кричала и вырывалась, но жители были напуганы и никто не торопился на помощь... Они боялись вмешаться, кто знает, отчего она кричит, а вдруг ее «всего лишь» пришли арестовать?

Коренастый мужчина уже прижал её к лавке, еще чуть и он своего добьётся...

Что вызвало безудержное бешенство Норбера, то, что на голове разбойника гордо красовался красный колпак санкюлота! Ну же, уроды-хамелеоны, вы убиваете нас, но не позорьте!

Он резко остановил коня и соскочил с седла, положив руку на кобуру и уверенным, пружинящим шагом крупного хищника быстро направился к ним.

– Чего тебе нужно? Убирайся, езжай своей дорогой!, – огрызнулся, обернувшись, субъект – может сам не прочь, тогда после меня!»

От последней фразы кровь бросилась в голову, не вступая в спор или в драку, Норбер молча, выплюнул окурок и выстрелил в упор. Тип судорожно дёрнулся, съехал с лавки и затих.

Молодая женщина тихо плакала, нервно дрожа и села, прижимая светловолосую голову к коленям. В эти минуты Норбер внимательнее рассмотрел её, совсем молода, на вид ей не было и 25 ...

– Гражданка, нам нужно немедленно уходить отсюда, я провожу вас до дома!, – он произнес эти слова подчеркнуто мягко и тихо.

– Господи, я должна была бы поблагодарить вас, а у меня нет ни сил, ни слов... я живу далеко отсюда, в центре, ради Бога, помогите мне найти мою дочь, они увезли детей в порт, в пакгауз, умоляю вас, надо торопиться, промедление грозит моей девочке смертью!

– Что здесь происходит?! Кто увез детей и зачем?!

– Кто?! Разве вы не понимаете, откуда же вы? Они уже арестовали так много людей, и какая разница, что среди них старики, даже молодые матери с детьми! Их там немало! Называют себя «ротой Марата»!

– Наемные головорезы, маскирующиеся под санкюлотов, завербованные Карье для исполнения приговоров?, – догадался Куаньяр.

– Бандиты или санкюлоты, какая разница!, – вдруг озлобленно вырвалось сквозь стиснутые зубы женщины.

– Думайте, что говорите, гражданка!, – чтобы подчеркнуть серьезность своих слов, Норбер резко поднял ее голову за подбородок и почувствовал, как она мелко и нервно задрожала, – это нервы, считаем, вы этого не говорили, я этого не слышал. Обычно такого я не прощаю! А сейчас к набережной...

Взял коня под уздцы...

Невзирая на ночной час, везде огни, везде нездоровая

оживленность, опасность исходила отовсюду, Норбер ощущал ее каждой клеточкой тела. Женщина ни на шаг не отставала от него, слегка прижимаясь, бессознательно ища защиты.

В нём кипело бешенство и гнев, отвращение и некоторый ужас.. Среди этих вооруженных и озверевших людей возможно всё. Холодом и отвращением отозвалась память.. Аббатство.. сентябрь 92-ого..

Проталкиваясь среди них, он думал: «Какие к дьяволу это патриоты? Обычные наемники, причем с самым тёмным прошлым! Или... среди нас действительно есть такие фанатики, готовые лично топить и поднимать на штыки?!»...

Красный колпак сам по себе еще не делает человека революционером, эту честь нужно заслужить, а по этим плачет эшафот, причем при любом режиме! Среди настоящих патриотов свидетельство Комитета спасение, а среди этих? Застрелят или отправят под нож без суда?...И всё же надо рискнуть!»

– Гражданин!, – остановил он первого попавшегося человека за рукав, – где я могу увидеть председателя якобинцев?

Тот пытался отмахнуться:

– Где его искать в такой час! Должно быть он дома! Ищите его сами! Откуда вы взялись, такой умный!, – попытался вырвать руку.

– Из Парижа, – резко отозвался Норбер, – именно сейчас он мне и нужен! Дело срочное! К тому же я должен знать, что

в данный момент здесь происходит, на набережной и особенно в пакгаузе. Что бы это ни было, акция должна быть приостановлена. С Карье буду говорить сам. А пока мне нужен председатель!

Человек перестал вырываться, он растерялся, Куаньяр держал себя строго и властно, как человек, имеющий право приказывать:

– Даже не знаю.. Возможно, он еще в клубе...

– Вот вы нас и проводите и как можно быстрее...

Человек встретился взглядом с Куаньяром и счёл разумным согласиться.

У входа в основной зал с трибуной и амфитеатром скамей Куаньяр мягко сказал женщине:

– Оставайтесь здесь и подождите меня!

Председатель местного якобинского общества Венсан де Ла Монтань выглядел крайне усталым, мрачным и озабоченным. Он поднял брови, прочитав свидетельство Комитета Общественного Спасения.

– Есть небольшая проблема, гражданин Куаньяр. Приостановить акции мы никак не можем, хотя и пытались выразить протест, это решение комиссара Карье. А объяснить, пожалуй, сможем. В переполненных тюрьмах Нанта началась эпидемия тифа, люди крайне напуганы. Были предложения частично освободить тюрьмы, выпуская наименее опасных заключенных, но были и другие предложения, наиболее экзальтированные кричали: «Бандитов в воду!» В конечном

итоге решение было за комиссаром, и он принял именно это последнее предложение..Отчего? Рискните спросить у него сами. Если вы о том, что происходит на набережной, там стоят барки, готовые принять этих заключенных...

– А что касается пакгауза?! Что вообще там происходит? Зачем? Там заперто немало священников, стариков и даже подростков обоего пола, я видел даже беременных женщин, их что же, тоже на барки и за борт, гражданин?!, – тон Куаньяра против воли стал крайне жёстким.

– Говорите всё это Карье, почему вы с этим пришли сюда?!, – в тоне председателя звучала досада и злость от собственного бессилия, – только будьте осторожнее, данные вам права это всего лишь полномочия наблюдателя, а если что-либо помешает вам вернуться в Париж и представить доклад?

– Это угроза, гражданин председатель?, – Норбер медленно поднялся со стула, – я приехал не один и если я не вернусь...

– Нет, по крайней мере, угроза исходит не от клуба..., – уклончиво ответил председатель.

– От самого Карье?, – Норбер понимающе кивнул, мрачно улыбаясь.

Председатель молчал. Но молчание было выразительнее слов.

– Последняя просьба к вам, гражданин председатель. Я понял, что вы честный патриот, я таких людей чувствую тон-

ко. Дайте мне людей для сопровождения и охраны, мне нужно быть в пакгаузе, нужно срочно найти одного человека... одного ребёнка...

– Личная заинтересованность?, – на бледных губах председателя мелькнула усмешка, он видимо сделал свои выводы.

Теперь Норбер вежливо уклонился от ответа, пусть думает, что хочет, так даже лучше.

– Вот по залу бродят как потерянные человек 12, здесь от них сейчас толку нет, они и пойдут с вами, больше я ничем не могу вам помочь.., – и громче, – граждане, вы должны сопроводить этого человека в пакгауз и...подчиняться его решениям, он из Парижа от Комитета, но тсс, всем знать об этом ни к чему.. Хитро улыбнулся, взглянув на Куаньяра.

– Благодарю вас, гражданин, – Норбер выразительно наклонил голову и вышел в коридор, – гражданка, -он обратился к своей спутнице,– мы войдем в пакгауз вместе, сами будете искать вашего ребенка...

Пакгауз производил не менее тяжелое впечатление, чем нездоровое оживление на ночной набережной... Только через два часа несчастная смогла найти свою дочь, она вышла, дрожа и пошатываясь от нервного напряжения и держа на руках 5-летнюю белокурую девочку.

Норбер невольно вздрогнул от ощущения чудовищности момента, сколько же еще немощных стариков, женщин, детей и подростков должно было там остаться и что же их всех

ждёт, его больно коробило от чувства абсолютного бессилия. Внезапно ему стало душно, так, что хотелось разорвать на себе галстук.

Гражданин Карье, есть же здравый смысл и предел человеческого терпению! Тебе придется ответить за всё!

Ждите своего часа Тальен из Бордо, Фуше и Колло из Лиона, Баррас из Марсея, друзья писали точно о том же...

Принимать страстную благодарность молодой матери было скорее неловко, чем приятно. А как же те, другие? Он ничего не может сделать для них!

Проводив их домой, Норбер был намерен тут же ехать обратно, но гражданка Робер, так звали молодую женщину решительно удержала его в своем доме.

– Это очень опасно, гражданин Куаньяр. Повезло один раз, не значит, что повезет в другой. Вы уже поняли, что здесь происходит? Не отказывайте мне, прошу вас, оставайтесь до утра!

Норбер не стал отказывать ей, тем более что обстановка в городе ему весьма не понравилась.

Двухэтажный дом в центре Нанта выдавал обеспеченных хозяев, но всё же не аристократов, на этот пункт глаз Норбера был намётан. В небольшом холле их встретила перепуганная служанка, было видно, что она рада видеть хозяйку. Она тут же приняла из рук Норбера задремавшую девочку и унесла ее в спальню на втором этаже.

Куаньяр расположился в кресле в уютной гостиной, а го-

степриимная хозяйка пошла отдать распоряжения кухарке. В ожидании ужина гражданка Анриэтта Робер составила ему компанию, сев в соседнее кресло. Только каждые четверть часа она поднималась в комнату дочери, чтобы убедиться, что с ней всё хорошо.

– Вижу, что вы тоже очень устали, – заметила молодая женщина, бросив внимательный взгляд на резко обозначившиеся скулы и впалые глаза.

– Что я, это вы пережили сегодня настоящий кошмар, – Норбер осторожно коснулся губами тонкой руки, – но признаться, чрезмерная жестокость и неадекватность Карье меня озадачила, поверьте, ему совсем недолго испытывать терпение местного населения, совсем скоро его отзовут для отчета в Париж.

Норбер смотрел прямо перед собой, перед глазами стояли сцены, увиденные на набережной. Тяжелые мысли вырывались сквозь зубы вслух.

– Нуайяды это действительно ужасно... плавающие в Луаре трупы, которые течением выносит в океан... это невозможно комментировать... Количество расстрелянных в каменоломнях превысило все разумные пределы... трупный запах уже начинает преследовать окраины города... скоро начнется эпидемия. Страшный замкнутый круг.

Но малолетние дети, гибнущие вместе с матерями? Я отказываюсь это комментировать, гуманнысти, как и здравого смысла не отменял и не может отменить никакой де-

крет... Ответит за всё.. Только сохраните это в тайне...

Зачем топить? Гильотина работает достаточно эффективно... – только сейчас Куаньяр замолчал, наткнувшись на расширившиеся от ужаса зрачки молодой женщины. Вот чёрт, отрезать бы тебе язык, братец, за этот один ее взгляд...

– Извините, я иногда бываю груб. Это своего рода мысли вслух, я очень расстроен всем тем, что здесь происходит.

– Я даже боюсь спросить, кто же вы, если не боитесь всех этих... людей и можете от них что-либо требовать. Я не имею права быть любопытной, я до самой смерти буду благодарна вам, вы спасли жизнь моей девочке...и мне. Если вы согласитесь оставить мне свой парижский адрес, я иногда стала бы писать вам, у меня мало друзей, а защитника и совсем нет, – она замолчала, чувствуя неловкость и нервное напряжение, ей было трудно сказать что-либо еще.

Норбер слабо улыбнулся и записал свой адрес на клочке бумаги.

– Отчего же вы боитесь спросить, кто я, вы имеете на это право. Я не преступник и стыдиться мне нечего. Норбер Мари Куаньяр, приехал сюда из Парижа. Отчего легко мог требовать помощи Клуба? И на это отвечу, я член Якобинского клуба Парижа и депутат Конвента...

Она слушала его молча, была всё еще бледна и бросала быстрые опасливые взгляды из под полуопущенных длинных ресниц. Он приписал эту реакцию нервному стрессу, искренне не предполагая никакой другой причины, и поэтому

стал держать себя ещё более деликатно и мягко.

Он решил отвлечь ее от страшных воспоминаний разговором:

– Где же ваш муж, гражданка Робер?

– Я вдова уже почти год, гражданин Куаньяр..

– Извините... Но родственники, братья или сестры у вас есть?

– Я здесь совсем одна. Впрочем, в Париже у меня старший брат с семьей, тётка и кузены.. Но ехать в такое время в Париж

– Что вы имеете в виду? Там безопасно... в сравнении с Нантом...

Анриэтта Робер взглянула на него недоверчиво.

– Верьте мне, я знаю, о чём говорю. Но еще раз простите мою бестактность, как вы оказались... в такой ситуации.. если не хотите, можете не отвечать...

– Меня хотел арестовать патруль, я с дочерью сумела скрыться.. Потом нас схватили эти...девочку забрали... со мной остался этот.. сказал своим людям, что мы.. чуть задержимся.. они всё поняли.. смеялись.. простите, я действительно, не хочу весь этот ужас вспоминать!, – она запнулась, на глазах показались слёзы.

– Простите меня... если сможете...я чёрствое бестактное чудовище и за это сам заслуживаю гильотины, – глухо прошептал Норбер и осторожно прижался губами к тонкой нервной руке, – я больше не коснусь этой темы,... но если

вы не передумали писать мне, я обязательно отвечу на ваши письма.. сделаю всё, в чём смогу быть полезен для вас!

Появление служанки, объявившей, что в столовой накрыт стол, слегка разрядило обстановку...

Ей было плохо, она три раза заходила в комнату девочки, проверить, спит ли ребенок, она не хотела отпускать гостя от себя, общение отвлекало мысли. Его присутствие давало ей чувство защищенности.

Норбер не спал до рассвета. Он пытался осмыслить и переварить всё, что здесь увидел, но это никак не удавалось.

Жестокости много, логики мало. За что именно её пытались арестовать? Зачем и на каком основании схватили её ребёнка и тех... других, которых он видел этой страшной ночью в пакгаузе?

Почему здесь орудует эта фантастическая «рота Марата», прикрывшая кровавые расправы и произвол красными колпаками санкюлотов? Где Карье и его помощники Фуке и Ламберти их всех нашли? Кому пришло в голову назвать этот карательный отряд именем Друга Народа? Надо же..

. Что же ожидало несчастную гражданку Робер, не пояись он так вовремя?! Изнасилование, беспредметный арест и казнь, скорее всего без суда?!

Он затруднился бы теперь определиться в своем отношении к Карье. Вначале оно было терпимым, даже относительно позитивным. Суровый, прямолинейный человек, несколько фанатичный, не страшно. Главное, ничего общего

с Тальеном, Баррасом или Ровером.

Но сейчас... К тому же, в личном общении он показался Куаньяру человеком с явным отклонением, уже очень странными были некоторые его реакции. Нервное возбуждение не давало заснуть.

Скоро, совсем скоро обо всём узнает в подробностях сначала Неподкупный, потом и весь Комитет, возможно даже, мы выпишем путёвку любезному Карье до площади Революции, в один конец! И после этого еще мило удивляются, для чего же нужны чистки в наших рядах?

При прощании Анриэтта Робер неожиданно обняла за шею растерявшегося Норбера и крепко поцеловала в губы:

– Прощайте! Я никогда не забуду вас и того, что вы сделали для меня и моей девочки... Может мы еще встретимся в скором времени.. в Париже!

В своей комнате Норбер появился только рано утром и для себя уже решил, что завтра же они с Жюльеном допишут донесения и вернутся в Париж, здесь они видели уже всё... всё то, о чём потом отчаянно и напрасно захочется забыть...

Карье в памяти Жюльена, эмиссара Робеспьера, остался слишком нервным, даже слегка неадекватным человеком, чья крайняя жестокость возможно и объясняется именно этой неадекватностью, он был словно перевозбужден той огромной властью, которая неожиданно свалилась на него.

Почти недоступный для рядовых посетителей, он постоянно и много пил, отвечая угрозой на каждую просьбу о

помиловании кого-либо, иногда он принимал молодых женщин, дочерей, невест и жён арестованных... но и эти унижительные для несчастных интимные визиты не спасали от трибунала и эшафота их отцов, женихов и мужей.

Возомнивший себя неприкасаемым восточным царьком, ультра-радикал Карье позволял себе кричать на своих местных коллег.

Иногда, встречая противодействие и несогласие в чем либо, в припадке бешенства он даже угрожал им, хватаясь за саблю, этого не избежал даже сам Жюльен, а затем рискнул напасть на местных патриотов из Клуба, что было явлением чрезмерным даже для этого сурового времени.

Дело было в том, что 132 человека, притом республиканцы, не из «умеренных», чистейшие якобинцы, выразили открытый протест против варварского произвола...

Скованных попарно их этапом отправили в Париж. Содержали их отвратительно, почти как африканских невольников, так что несколько человек умерло в пути. Они измучены дорогой, истерзаны душой и только проходя под конвоем по улицам очередного города, через силу еще могут кричать: «Да здравствует Республика!», за которую они теперь умирают в каком-то ужасном, непонятном кошмаре по вине властного самодура Карье.

Несчастные находились в тюрьме до самого лета 1794 года. Они стали страшными свидетелями со стороны обвинения на процессе бывшего комиссара...

Жаркое лето 1794 – заговор разрастается

Вечерело. Розоватое солнце устало бросало последние лучи на черепичные крыши старых домов Парижа, на облупившийся, заваленный пожелтевшими пачками бумаг подоконник.

Филипп Дюбуа устало уронил голову на руки. Заседания в Якобинском клубе часто затягивались допоздна, но, пожалуй, что никогда дебаты не принимали столь остро ожесточенный характер, казалось, самые стены накалялись от взаимных обвинений и ненависти...

На календаре месяц прериаль II года Республики (июнь 1794 года) ...

Он поднял голову и снова взял лежавшую перед ним свежую газету. Убит депутат Конвента гражданин Марни и его секретарь Данжу, исчезла папка с документами, касающимися охраны Тампля. «Кого еще может интересовать судьба маленького Капета? Лондон? Вену? Роялистов барона де Батца? Снова Батц...»

Раздался резкий стук в дверь и на пороге возник невысокий худощавый молодой человек лет 30 с трехцветной кокардой на красном колпаке, лихо сдвинутом набок.

– Привет и братство, Филипп!

Дюбуа потрянул длинными волосами:

– Не на приеме у австриячки, Пьер! Вижу по хитрой физиономии, есть что-то новое и если это не секрет..., – дого-

ворить Дюбуа не удалось.

– Скоро это ни для кого не будет секретом. Это дело для Комитета Общественной Безопасности, – Жюсом ткнул пальцем в газетную статью, – подумай, еще зимой по Парижу поползли слухи о похищении Батцем мелкого Капета и о подмене ребенка, но это лишь слухи..А если правда и об этом узнает общественность? Не надо гадальных карт девицы Ленорман, чтобы предсказать возможную судьбу революционного правительства! И главное: мы оба организуем для Норбера отличный сюрприз ...если ты понимаешь, о чем я..

Дюбуа молча, поднялся, сгреб в стол бумаги и запер ящик.

– Выходи, я закрываюсь, поговорим на улице.

Спускаясь, по узкой лестнице, в темном, остро пахнущем кошачьей мочой подъезде, Дюбуа вспомнил то, о чем хотел спросить друга еще с утра:

– Норбер приехал? Или он все еще в командировке на западе?

В дверях подъезда Жюсом резко остановился:

– Нет, он уже в Париже, работает в тесном контакте с Героном», – метнул выразительный взгляд на друга, – так то...

При упоминании имени Герона Дюбуа неопределенно пожал плечами и неприязненно сжал губы. Анри Герон, главный агент Комитета Общественной Безопасности, олицетворение мира ловких, циничных политиков, толпившихся во круг децемвиров, один из самых усердных поставщиков эшафота.

Анри Герон и Норбер Куаньяр, честный принципиальный революционер и якобинец, что у них общего, что за нужда в таком сомнительном сближении? Какая-то секретная задача, поставленная непосредственно Робеспьером? Вот это весьма вероятно.

Робеспьер использовал Герона для наблюдения за Комитетом Общественной Безопасности, а тот, в свою очередь думал, что пользуется услугами Герона для надзора за Комитетом Общественного Спасения...

Жюсом и Дюбуа, состояли не только в Якобинском клубе Парижа, но одновременно были членами клуба Кордельеров до событий весны 1794, в 1793 их идейным вождем был Марат.

После его убийства их уважение переключилось в большей степени на Эбера и Шометта, лидеров Совета Парижской коммуны, героев 10 августа, но в сущности оба в своих предпочтениях заметно колебались между ультра-левыми и центристами Робеспьера. Сильное моральное влияние Куаньяра побудили обоих уже зимой 1794 слегка дистанцироваться от ультра-левых в пользу фракции Робеспьера. Вовремя.

Норбер рискуя очень многим, поделился с друзьями некоторой информацией касательно закулисной деятельности «папаши Дюшена» и предложил им подумать, не выступать вместе с ним против революционного правительства. Очень вовремя.

Внимательный взгляд полицейского Дютара еще в 1793 подметил одну особенность: якобинцы не представляли собой однородной массы, люди из образованных и, что еще более важно, более обеспеченных делили свои симпатии между Дантоном и Робеспьером.

Простые люди, бедняки санкюлоты считали своим лидером Марата, а после его убийства Эбера, Шометта, Венсана, считая, что именно они выражают интересы самых незащищенных и малоимущих, до судьбы которым людям среднего класса, а тем более богатым нет никакого дела...

– Кстати, допрашивать нашу красотку, будет лично он, наш милейший Норбер, большой любитель аристократов, татуировка на руке которого гласит: «Святая Гильотина! Спаси Отечество»!... Или как иначе решит..., – усмешка Жюсома оставалась таинственной и хитрой.

– Расскажи-ка мне историю ареста нашей «принцессы» поподробнее, Пьер.

– Задержана она благодаря чистейшей случайности, бдительный гражданин указал на нее, как на скрывающуюся аристократку.

Я хорошо помню Луизу де Масийяк по Санлису, но ясное дело, что госпожа графиня меня не помнит, все санкюлоты для господ «на одно лицо». Девушка была совсем без сил, в глазах затравленность и ужас, я отчего-то сразу почувствовал, что дело тут не только в том, что мы ее задержали, ее конкретно кто-то преследовал, и она боялась быть схвачен-

ной ими ничуть не меньше, чем боялась нас...

Вид у нее был совсем несчастный, честно сказать, даже жалко, хотя конечно и виду показать нельзя. Назвалась чужим именем, ясно, не дворянским. Подумай только «гражданка Дюпон».

Ну, тут я не выдержал, и так вежливо намекнул мадемуазель, чудесный, мол, городок Санлис и не могли ли мы там встречаться летом 92-го, поинтересовался также здоровьем и местопребыванием господина де Бресси и его детей. Тут уж ей совсем стало плохо.

Я решил закрепить успех и наудачу спрашиваю, вас задержали на углу улицы Вивьен, когда там произошло убийство депутата Конвента и его секретаря, что вы можете сказать по этому поводу. И тут понял, что случайно попал в точку... Не без труда удалось убедить девчонку, что она слишком важный свидетель, чтобы мы позволили уничтожить ее, что первым делом сделают те, другие...

Выслушав самое начало ее истории, я сразу понял, что надо срочно разыскать Норбера и как следует спрятать нашу аристократку, тем более что у него, кроме служебного интереса в этом деле есть и кое-какие иные...

Кстати, милейший де Бресси с детьми на момент ее задержания был уже в тюрьме, осталось срочно выяснить, где именно, первым делом нужно их разыскать и также надежно спрятать, Норбер ради нее все равно этого потребует.

– И всё же, отчего же ты не пошел в Комитет Общественной Безопасности?

– Ага, как бы не так... Я не зря успел перехватить ее у агентов Комитета буквально из под носа, трудно сказать, кого ей нужно бояться больше, их или людей барона де Батца или всё еще хуже, у них тут общий интерес...

Дюбуа выразительно присвистнул и надвинул на глаза шляпу.

В пятиэтажном доме через дорогу на третьем этаже зажегся свет. Погода портилась, грозила к ночи разразиться дождем, ветер азартно гонял по тротуару сухой песок и мусор.

Жюсом показал другу на золотисто светящееся окно:

– Есть предложение славно закончить вечер у старины Мунье, ты помнишь Мунье? Он был председателем трибунала у нас в Санлисе, сейчас тоже перебрался в Париж с семьей. Возьмем пару бутылок рейнского...

Норбер Мари Куаньяр, смуглокожий молодой человек лет 28 с длинными по моде конца века иссиня-черными волосами, одетый в строгий темный костюм, перепоясанный трехцветным «национальным» шарфом, означавшим революционного чиновника нервно курил за столом служебного кабинета на улице Мартруа около городской Ратуши. По настоянию Жюсома он хотел допросить таинственную гражданку Дюпон в неофициальной обстановке без посторонних...

С весны 1794 года его новое место службы Секретное Бюро при Комитете Общественного Спасения. Его принципи-

альности, суровой непримиримости бояться не только роялисты, его ненавидели и казнокрады-нувориши, и своекорыстные аферисты, прикрывшиеся революционными идеями и триколором молодой Республики.

Перед своей совестью республиканца Норбер честен, только тех, чья вина фактически доказана, а также тех, только тех, кто безусловно виновен, с точки зрения революции и законов Конвента, без колебаний отправит он под трибунал и на гильотину, но жестокости ради самой жестокости, наслаждению властью над чужой жизнью бывший комиссар совершенно чужд. Убеждения его были самые крайние, но искренние.

Совесть республиканца, здравый смысл и революционная целесообразность – прежде всего. Это знали искавшие встречи с ним, в отчаянном поиске защиты и справедливости люди.

По-прежнему опыту комиссара Конвента Куаньяр отлично знал, как легко могут привести к непоправимой трагедии наговоры и интриги личных врагов, брошенные в запале эмоций резкие слова и необдуманные поступки.

Суровый и собранный «солдат Революции» с бесстрастным лицом, уверенными властными жестами и умными жестокими глазами, «идеальный якобинец» с плохо скрытым нетерпением ждал таинственную незнакомку, гадая кто она, и какое имеет отношение к недавнему убийству депутата и передаче секретных документов? Так кто же именно из чле-

нов Комитетов на самом деле является предателем? Что за сюрприз имел в виду Жюсом?

Резкий стук в дверь прервал его мысли. Вошли трое. Жюсом в карманьолке и в надвинутом на лоб красном колпаке слегка удивил хозяина кабинета. Агент Общественной Безопасности, зачем эта подчеркнутая простонародность? С целью раствориться незаметно в толпе простых парижан? Возможно...

Рядом с ним стоял Дюбуа, держа в одной руке шляпу-цилиндр с трехцветной кокардой, другой придерживая локоть молодой женщины, хотя она и не вырывалась.

– Мы полностью в вашем распоряжении, гражданин Куаньяр,»– и улыбаясь, протянул ему руку, – привет, Норбер! Куаньяр молча кивнул и подал ему руку. И верно, барские поклоны, и версальские церемонии чужды истинным патриотам, тем более старым друзьям.

Взгляд его темных внимательных глаз вдруг остановился на миловидном, но бледном от напряжения лице девушки. Гражданин Куаньяр замер.

«Гражданка Дюпон» стояла, судорожно выпрямившись, и нервно перебирала тонкими пальцами складки скромного, но изящного сиреневого платья, красиво облежавшего ее гибкое тело. Увидев Куаньяра, она вздрогнула, как от удара и обреченно сникла.

Удивительное дело, обычно собранный и крайне жёсткий, он стал неуверенно запинаться, отчего Жюсом и Дюбуа явно

получали удовольствие:

– Ну же... не бойтесь... вы под защитой закона,— бархатистый баритон Куаньяра завораживал, и девушка подняла на него усталые темно-синие глаза, в ее взгляде смешались напряжение нервов и нескрываемый страх.

Куаньяр вглядывался в ее тонкое лицо, синие глаза с длинными ресницами, изящный носик, по-детски пухлые губы, пушистое золото волос и его зрачки расширились, невозмутимое смуглое лицо изменило обычное выражение, слегка смягчившись, чтобы после стать еще холоднее.

– Зачем..зачем, вы назвались гражданкой Дюпон? Я не мог не узнать вас в любых обстоятельствах. Но об этом позже... – Норбер не изменился, он сумел усилием воли подавить всякие чувства, – каковы обстоятельства, при которых вы оказались в ту ночь в злосчастной квартире на улице Вивьенн? Для нас... и для вас это одинаково важно... Вы можете нам, мы спасем вас. Я вам это обещаю. Вам придется мне поверить.

В синих глазах снова метнулись затравленность, отчаяние и слабая искра надежды.

– Мы приехали в Париж еще в начале августа 92-го, впрочем, это вы знаете, мы жили очень-очень тихо, как буржуазная семья Дюпон, и нас не трогали почти весь 93 год, но в декабре... за нами пришли. Вернувшись от подруги, я обнаружила... квартира опечатана, мой дядя, кузены в тюрьме, меня приютила семья граждан Жели, я представлялась судо-

мойкой в их семье, проживавшей в доме № 12 в том же квартале. Пять дней назад, вернувшись с рынка, я узнала, что гражданин Жели с женой также арестованы, как роялистские заговорщики, квартира опечатана и идти мне больше некуда, меня саму станут искать, считая сообщницей..

Куаньяр хмуро, с трудом подавляя нежность и жалость, рассматривал белоснежные точеные руки, не знавшие физического труда. Придумать же себе маскировку...судомойка... Вырвался вздох.

– Так откуда у вас ключи от той самой квартиры, в которой произошло убийство, кто дал вам их?

– Дня за два до ареста гражданка Жели, опасаясь худшего, дала мне их, советуя обратиться к привратнице от ее имени...

Повисло нервное молчание.

Первым, удовлетворенно улыбаясь, заговорил Дюбуа, барабая длинными пальцами по зеленому сукну стола:

– Так-так. Семейка Жели, они же герцог де Жюайез с супругой, вернувшиеся в Париж эмигранты, шпионы Венны..найдена их переписка. Из них такие же буржуа, как из меня принц...

– Я догадывалась, безусловно, но эти люди приютили меня, к чему мешаться в их секреты, когда имеешь и свои тайны...

– Ну что вы в самом деле... Зачем вы лжете.. впрочем... *mais, c'est clair comme le jour...* (фр. «Но это ясно, как день»),

ведь герцогиня де Жюайез родственница вашего дяди, – небрежно отмахнулся Куаньяр, – но говорите дальше..

– Эта квартира соединялась дверью с соседней квартирой, и дверь пока не была заколочена. Эти люди появились через эту дверь, услышав шаги, я спряталась в шкафу.

– Понимаю, это выглядело глупо, – к измученной девушке возвращалось спокойное достоинство, – но я была слишком напугана и считала, что они пришли за мной. Сидя в шкафу я слышала мало, а видела и того меньше. Их было несколько человек. Речь шла о каких-то особо важных документах, те двое, которых убили, видно и раньше передавали им что-то, но на этот раз от них требовали нечто невозможное. Эти двое пытались разорвать с ними отношения, грозили донести. Я поняла далеко не все, к тому же меня куда больше интересовало собственное спасение, чем чужие и столь опасные тайны...

– Гражданка Масийяк, вы кого-нибудь из них разглядели, смогли бы узнать?

– Пожалуй, да. Одного называли гражданин Кавуа и человека, которого называли бароном, не знаю титул это или просто кличка. Граждане, можно стакан воды?

– Дай ей воды, Жюсом.

– Гражданка Масийяк, звучали ли еще какие-либо имена, это очень важно...

Девушка опустила на стол пустой стакан и на минуту задумалась.

– Да, часто упоминали Амара, иногда Карно и Лавикон-три.

Куаньяр молча встал из-за стола. Сделав максимально серьезную мину.

– Парни, ее никак нельзя передавать Комитету. В тюрьме она долго не проживет. Хотя бы намек на связи барона де Батца с отдельными людьми из Общественной Безопасности пятнает весь Комитет. Ее постараются быстро убрать по какому-нибудь формальному обвинению, вроде аристократизма и связи с роялистскими заговорщиками Жели-Жюайезами, либо просто тихо отравят. Пока наш шеф Сен-Жюст, мы можем сопротивляться, и удержим ее у себя.

Оба якобинца понимающе переглянулись, именно такого решения товарища они и ждали.

– «Когда вам удалось выбежать из квартиры, кто-то из них успел вас рассмотреть так, чтобы запомнить?»

Вздвогнув при страшном воспоминании, девушка подняла глаза:

– Да, меня увидел, но чудом не догнал тот, кого называли Кавуа, два дня, сидя в подвале дома напротив, я боялась, что его люди найдут меня. Ожидание смерти хуже самой смерти.. Арест уже не мог сделать мне хуже.

Взгляд Куаньяра вселял в нее страх. Он словно знал о ней всё, видел ее насквозь, девушка замерла от ужаса, предполагая самое страшное, за арестом и допросом последует трибунал, скорый формальный суд и казнь.

Все эти люди в трехцветных шарфах выглядят такими холодными, свирепыми, не способными на малейшее сострадание и так ненавидят аристократов и роялистов, неужели всё кончено и спасения нет?!

Норбер в свою очередь крайне волновался, чувствуя острую жалость и твердое намерение спасти её, чего бы это ни стоило, но оттого выглядел еще более сосредоточенным, жёстким и бесстрастным, знал об этой особенности характера и мучился ещё больше.

– У вас в Париже нет больше родственников?, – спросил он, явно не ожидая положительного ответа, – граждане, на сегодня достаточно, подождите в коридоре, сейчас вы уведете ее по указанному здесь адресу, – он передал Дюбуа сложенный вдвое листок бумаги.

Когда за ними закрылась дверь, Куаньяр обернулся к молодой женщине, она встала.

– Гражданка Масийяк, – растягивая от волнения слова, произнес он, – сейчас эти двое граждан.. отведут вас...

Он не успел закончить фразу, которую начал «по указанному мной адресу, спрячут на частной квартире, и я наведу справки о судьбе вашей семьи», как лицо ее сильно побелело, прижав руки к груди, девушка стала медленно оседать по стене увешанной революционными плакатами...

– Чёрт побери! Не умею я говорить с женщинами!, – думал Норбер, неся её на руках к креслу и поднося к побелевшим губам стакан воды. Пойми же, «принцесса» Санлиса, я

люблю тебя и никогда не сделаю зла, не чудовище я, только сумей это заметить, но с жестко стиснутых губ не сорвалось ни звука...

Оставшись в кабинете один, тяжело опустился в кресло.

Лавиконтри, незначительный член Комитета...

Карно, не может этого быть... «организатор победы»... заведует военным бюро внутри Комитета Общественного Спасения. Впрочем, «самое темное место под фонарем»...

Гражданин Андрэ Амар... Что о нём можно сказать.

Депутат Конвента и второй в Комитете Общественной Безопасности человек после Вадье. В 1793 был комиссаром в Энском департаменте, который жаловался в Париж на многочисленные и несправедливые аресты по его приказам...

Хм, речь все же шла об арестах, а не о многочисленных казнях, строчат жалобы по любому поводу... Какая уж тут борьба с контрреволюцией, хотят, чтобы и овцы были целы, и волки сыты...

3 октября внес доклад по поводу 73 депутатов, остатков партии Бриссо, оставшихся в Конвенте. Один из главных обвинителей жирондистов, а также, уже весной, людей из окружения Дантона, Фабра, Шабо и прочих. Против него рискнул подняться ультра-радикал Эбер, но и сам закончил свои дни на площади Революции...

До энного времени ничего дурного о нем не скажешь, честный революционер, патриот, якобинец. Но последние месяцы всё изменилось...

Враждебен к Робеспьеру вполне откровенно, в чем, впрочем, вполне солидарен со своим шефом Вадье... Что поспособствовало такой метаморфозе, какие цели на самом деле они преследуют?

Дюбуа остановился на пороге, а Жюсом и мадемуазель де Масийяк прошли в гостиную. Жестом он указал ей на кресло и поставил на стол корзинку с продуктами.

– Ну же, проходите, не бойтесь. Временно вы поживете здесь, тут есть всё, что нужно, если чего-то не хватает, вы можете сказать об этом мне или гражданину Дюбуа. Две комнаты, гостиная, кухня. Но бежать отсюда невозможно, квартира под строжайшим наблюдением и это исключительно для вашей безопасности.

Девушка устало опустилась в мягкое кресло и недоверчиво покосилась на Жюсома.

Санкюлот стоял перед ней, опершись рукой о стол. Красный шерстяной колпак с кокардой, из под него выбивались длинные пряди каштановых волос, тёмная карманьола и потертые брюки, стоптанные низкие сапоги. Но теперь его тон был гораздо мягче и манеры значительно вежливее, чем совсем еще недавно.

– В моём положении что-то изменилось?

– Безусловно. К лучшему, теперь вы под нашей защитой. Но вам всё еще угрожает опасность. Поэтому даже не пытайтесь сбежать и скрыться, вас схватят те, другие, и тогда, шансов спастись, у вас больше нет

– Те... другие это...

Но Жюсом прервал девушку.

– Не пытайтесь сами в этом разобраться, вам это ни к чему. Теперь это проблема гражданина Куаньяра. Для него это крайне серьезно и не спрашивайте меня почему.

В усталых глазах мадемуазель де Масийак мелькнула искорка надежды:

– Гражданин Жюсом... раз вы всё знаете, что же будет с моим дядей и кузенами? Нельзя ли что-нибудь сделать и для них? Если мои показания так нужны гражданину Куаньяру, пусть он хоть что-нибудь сделает и для них, надеюсь, очень надеюсь, что еще не поздно... Эти люди вся моя семья, больше у меня никого нет... пусть даже их не освободят, пусть только они будут живы, – слезы против воли навернулись на ее глаза.

Жюсом помолчал некоторое время и вдруг, прихватив со стола корзинку, развернулся и ушел на кухню. Девушка в отчаянии проводила его взглядом. Что это значит, как не отказ? Жестокий санкюлот и слышать не хочет о милосердии?

А в соседнем кресле небрежно устроился Дюбуа, он слышал весь разговор.

– Хочу сказать то, чего так и не сказал Пьер, мы уже получили распоряжение прямо с сегодняшнего дня заняться поисками вашей семьи, уверен, что вы скоро встретитесь... А пока как можно удобнее устраивайтесь здесь. Пьер, ты куда исчез? Нам надо идти!

Жюсом возник на пороге с двумя тарелками нарезки колбасы, сыра, хлеба и зелени. И заметив округлившиеся от удивления глаза мадемуазель де Масийяк, уронил с оттенком плохо скрытой неловкости:

– Ну... как-то так... Сейчас вам нужен отдых, а мы уходим.

И развернувшись на каблуках возле порога, бросил через плечо:

– Считаете, что я был груб? Извините...

Нажимая на эмоции, наёмные писаки из числа врагов Неподкупного утверждали и еще будут утверждать впоследствии, что уничтожая фракции «ультра» он будто бы этим предавал прежних друзей, присоединяя к политическим обвинениям моральные, человеческие.

Но и это обвинение, подобно другим, эмоционально выдвигаемым против него, не выдерживает критики.

Эти люди могли быть политическими единомышленниками на определенном этапе, союзниками, но они никогда не были Робеспьеру друзьями. Никто, кроме Демулена... и с этим всё сложнее...

Что касается судьбы журналиста Камилла Демулена, то излишне эмоциональный и крайне неустойчивый как женщина в привязанностях и убеждениях он сам разорвал отношения с другом юности.

Сначала он «друг Мирабо» – огромные деньги, банкеты, красивые женщины... затем переметнувшись к Дантону, по

тем же причинам, и «танцую под его дудку», судя по ядовито-враждебному тону последних номеров «Старого кордельера» показал зубы вчерашнему другу.

Слава и популярность, большие деньги, красивая жизнь и доступные женщины, всё это привлекало его куда больше, чем следование каким-либо идеям и принципам...

Этого не отметить нельзя, но нельзя не оценить по справедливости и яркий талант революционного пропагандиста.

Тон газеты становился откровенно контрреволюционным, автор и те, кто стоял за его спиной «пели в общем хоре» с тайными и явными врагами Революции, подрывая уважение и доверие к правительству.

На радость роялистам они называли Комитет Общественной Безопасности «Логовом Каиновых братьев», а их агентов «корсарам мостовой», нападали на Робеспьера лично, притом в весьма грубой форме, в этом ясно чувствовалась рука Дантона...

Этого нельзя было более терпеть и прежние заслуги автора перед революцией вспоминать уже не к месту.

Дело не в чьих-то личных отношениях и обидах, Эбер и Дантон «раскачивали лодку» и влево и вправо одновременно в крайне опасных обстоятельствах, намеренно роняли авторитет революционного правительства в глазах общественности.

Интересно даже, насколько обе фракции самостоятельны

в своей активности.. нет ли у них тайных покровителей? А ведь они есть, и искать их надо даже не в Париже, в Лондоне...

Не зря Неподкупный сказал по этому поводу:

«Это всё слуги одного хозяина, судите о них не по различию их речей, а по сходству результатов...»

Увы, это дело скрывает нечто гораздо более серьезное, чем чье-то личное соперничество, как кажется на поверхностный взгляд...

Тайная завязка дел Эбера и Дантона уходит еще в осень 1793 года

Нередко центрами шпионажа в 1790-х становились банкирские конторы, шпионаж дополнялся грязными финансовыми спекуляциями.

Примером может служить деятельность роялиста барона де Батца, который не без оснований считался автором плана спровоцировать кровавые столкновения между фракциями Конвента на почве коррупционных скандалов и таким образом разложить якобинцев изнутри и погубить Республику. Батц имел определенные связи и среди видных жирондистов.

Батц состоял на секретной службе в британской Форин Оффис, во всяком случае, контактировал с ними, последнее дает возможность объяснить гигантские денежные ресурсы барона. О, и тут не обошлось без длинной руки из Лондона...

Батц, несомненно, подкупил немало чиновников Республики, в числе агентов и даже вероятно некоторых членов Комитета Общественной Безопасности. Норбер отлично знал, под прямым подозрением, находится Лавиконтри и даже Карно из правительственного Комитета с его блестящей репутацией «организатора победы».

Этим можно объяснить сказочную, подозрительную в высшей степени «неуловимость» барона и странные факты, подобные тому, что произошел осенью 1793, когда «опаснейший заговорщик» вдруг сам явился в Комитет Общественной Безопасности, да еще зачем?! С жалобой на полицейского, задержавшего его! Не только не был схвачен и отдан под трибунал...но был вежливо выслушан и отпущен, а вот полицейский, «изловивший злокозненного Батца» сам был арестован! Знаменитый герой партии белых банальный двойной агент?

К числу агентов или тайных союзников барона относились австрийские банкиры брата Фрэй, выдававшие себя за «жертв политических репрессий». Пытаясь избежать всяких подозрений, они осенью 1793 года поспешно выдают свою 16-летнюю сестру Леопольдину замуж за депутата Конвента Шабо.

Шабо, член фракции Дантона, получил приданое в 200 тысяч ливров, а брата Фрэй по его рекомендации получили доступ в Якобинский клуб.

Шабо добился легализации деятельности английского банкира Уолтера Бойда – агента английского премьера Питта, а затем устроил ему безопасное возвращение в Англию.

Еще осенью 1793, Батц сблизился с людьми из ближайшего окружения Дантона, а ряд из них втянул в аферу, связанную с делом Ост-Индской компании. Депутаты Базир и Жюльен за полмиллиона ливров так скорректировали текст закона о ликвидации Ост-Индской компании, что она уклонилась от выплаты государству причитавшихся с нее денежных взносов.

И что же, люди из ближайшего окружения Дантона и Эбера густо замазаны в этом коррупционном навозе, а сами лидеры фракций «наивно» ни в чем не участвовали и даже ничего не знали? Ясно, что это бред.

Норбер нервно перелистывал разложенные перед ним бумаги.

Дантон совсем не тот «открытый парень», «любитель дольче вита», каким кажется на поверхностный взгляд. Этот человек имел козыри на случай победы роялистов, летом 1793-го через двойного агента Шоветеля имел связи с шуанами Бретани, не из христианских чувств он помог спастись немалому количеству роялистов – среди них братья Ламет, Талейран. Но если Республика устоит, эту связь можно объяснить военной хитростью... Двойственное отношение трибуна к установлению Республики заметно и из его разговора с герцогом Шартрским в сентябре 1792: «У вас есть боль-

шие шансы царствовать...» Он думал, что всё это останется в тайне?

Друг Дантона, Гара из министерства иностранных дел пишет, что вернувшись осенью 93 из Арси, вызванный коррупционным скандалом вокруг Ост-Индской компании он решился доверить ему тайну, речь шла ни о чем ином, как об уничтожении Комитетов и о восстановлении трона..

. По словам Гара, предполагалось посеять раскол внутри Комитетов, устроить их переизбрание или даже устранить их насильственным актом, то есть путем переворота...

Имеются в распоряжении Секретного Бюро письма роялистов А. Талона и Т. Ламета, жаль, что до самих авторов не добраться, оба в эмиграции, где подтверждаются факты, что Дантон предлагал спасти королевскую семью за 4 миллиона ливров золотом, но британский премьер отказался выделить такую сумму даже ради спасения французского короля. Самые крупные финансовые приращения Дантона совпадают с периодом тесных связей с роялистами с ноября 1792 по январь 1793 года.

В августе 1793 некто Мэтьюс делает заявление от имени британского правительства Комитету Общественного Спасения относительно мирных переговоров. Мэтьюс был немедленно арестован, так как не смог представить никаких доказательств того, что уполномочен вести подобные переговоры.

А в декабре того же 1793 года Дантон окольным путем

получил сведения от английского агента Уильяма Майлза... о желании британского правительства завязать переговоры, итак, наш «открытый душа парень», любитель «дольче вита», шлюх и застолий, по кличке «фаршированный палтус», он же «Мариус», никто ведь и не поверит. Но если быть внимательнее?

Существует письмо Мирабо еще от 1791 года, где тот пишет о содействии Дантона планам Двора ...

Есть переписка роялиста Теодора Ламета, где тот пишет о том, как засылали к Дантону людей решить вопрос о замене смертного приговора Людовику на высылку, сговор не сладился отнюдь не из-за идейных противоречий, стороны не сошлись только в цене. В это можно поверить, зная, что Дантон едва не похваляется отсутствием принципов.

А паршивец Эбер, этот крутой «ультра-радикал», и что? Туда же! Дело заговора «гвоздики», затеянному ради спасения Марии Антуанетты от августа 1793, его люди допустили проникновение де Ружвиля в жёстко охраняемый Тампль, ясно, что не задаром, не из любви к монархии, а его двусмысленное в своем безобразии поведение на процессе австриячки, едва не вызвавшее симпатию к ней женской части зала... и с той же осени он тоже показал нам зубы, параллельно с Дантоном затеяв игру в оппозицию...

Вся эта якобинская фронда ультра-левых и правых началась практически одновременно с осени 1793 года...

Дантон всегда заметно симпатизировал жирондистам. Его

небезвредная «снисходительность» в июне 1793 способствовала легкому бегству из Парижа Верньо, Бриссо и др. развязавших федералистский мятеж... Состав Комитета Общественного Спасения в мае-июне 1793 был главным образом жирондистским.

Абсурд бороться со сторонниками Бриссо под их же чутким руководством! Не зря Марат называл этот состав правительства Комитетом Общественной Погибели, не без доли мрачного юмора.

И далее, в ноябре 1793 Дантон и его окружение открыто выражают возмущение и озлобление, узнав о казни 22-х мятежников, открыто показывают враждебность к Комитетам, их идеи всё больше сближаются с жирондистскими. Совсем не зря он считался «якобинцем среди жирондистов, но жирондистом среди якобинцев».

Мемуаристам запомнился интересный эпизод, относящийся к самому напряженному периоду борьбы среди монтаньяров, разделившихся теперь на робеспьеристов и дантонистов. 4 февраля 1794 года бывшие товарищи по партии, сделавшиеся теперь непримиримыми противниками, встретились в театре на премьере «Эпикарисы и Нерона».

Робеспьер сидел в ложе над авансценой, Дантон – в первых рядах партера, а за его спиной устроилась целая свита его сторонников.

Автор пьесы Легуве позднее вспоминал, едва со сцены прозвучала реплика «Смерть тирану!», дантонисты по знаку

своего вождя разом вскочили, и угрожающе подняв кулаки к ложе Неподкупного вызываяще, хором повторили: «Смерть тирану!»

Впрочем, вопреки ужасу Легуве, боявшемуся мести со стороны поклонников Робеспьера, ничего за этой выходкой не последовало, всем было ясно, что автор здесь не причем, пьеса послужила только поводом для чисто политического выступления...

Узнав о казни Дантона и его окружения, агент Питта Уильям Майлз напишет 11 апреля 1794-го:

«Дантон стремился к регентству... Я знал от самых заинтересованных лиц, что он помог въезду во Францию некоторым роялистам... Его не считали неподкупным...»

И это нам тоже известно.

Странности в поведении Эбера и Дантона начинаются одновременно еще с осени 1793 года. Дантонист Тюрьо, вчерашний бриссотинец, резко выступает против усиления центральной власти, с ультралевых позиций то же самое делает Эбер.

То есть, внешне выражают противоположные идеи, но как же слаженно действуют в одном направлении...

Норбер уронил голову на руки. Это что же, не могли победить нас штыки и пули, зато английское золото везде находит лазейку, делая вчерашних товарищей тайными врагами. И как верно затеяли, твари с туманного Альбиона, подкупленные чиновники и депутаты, для вида кричащие с трибун

о «демократии» – это уже лже-якобинцы, объединившись, они сами уничтожат революционное правительство...

Кого из якобинцев не смогут банально подкупить, объявляют «фанатиками, кровавыми чудовищами», создают вокруг них «чёрную легенду» и наконец, убивают...под крики радости обманутого населения...

Путем коррупционных скандалов нас разделили изнутри, взаимные подозрения и склоки делают нас всё слабее.

Мы сгниваем как с обоих флангов – Эбер и Дантон, так и изнутри... купленные бароном де Батцем, то есть Лондоном люди есть даже в среде Комитета Общественной Безопасности, только бы точно и вовремя вычислить, кто... Наши люди среди них Леба и Давид... Лебон отпадает сразу, Бэйль, Гюффруа? Нет. Лавиконтри? Вот это весьма вероятно, но нужны доказательства... Сам Вадье?, Неужели всё таки Карно, член правительственного Комитета, известный как «Организатор победы»?!

Как тут не сойти с ума...как не озвереть от отчаяния и бессилия...

Спокойно... Включаем логику и отключаем личные симпатии-антипатии, изучаем характеры и образ жизни обоих «героев» и имеющиеся документы...

Ясно, что ни Дантон, ни Эбер никогда не грешили сознательной идейностью и принципиальностью, скорее обоим близок один принцип «выгодно-невыгодно», «будет иметь успех или не будет». На деньги и материальный комфорт

падки оба.

«Папаша Дюшен» только на трибуне с пеной на губах громит «злых богачей» и грозит гильотиной, а его круг общения уже с осени 93-го и резко изменившийся образ жизни и уровень доходов свидетельствуют о некоем характерном перерождении.

Что интересно, перемены у обоих начались еще с осени, именно с осени 1793 года ультра-левые и правые начали свои первые нападки на Комитеты.

Во-первых, англичане весьма рассчитывали на приход к власти Дантона, оттого и рискнули направить к нему агента, рассчитывали на смену курса резко вправо, и, конечно же, на то, что им удастся навязать склонному к компромиссу Дантону выгодные именно Англии условия мира, которые сделают Францию неконкурентоспособной и второсортной страной на континенте...

Пошел бы на такие условия Дантон? Очень вероятно, пусть даже с фигой в кармане... он ждал результатов выборов в британский парламент, надеялся, что они принесут победу либералу Фоксу, который предложит Франции менее жесткие условия мира, но какая незадача, просчитался, франкофоб и ярый контрреволюционер Питт снова на белом коне...

Эбер труслив, получив один миллион из двух обещанных за спасение австриячки пытался выйти из дела, но поздно, на допросах в марте 1794 даже встреч с агентом барона де Бат-

да графиней де Рошуар скрыть не смог... Как он позеленел, услышав обвинение Шабо, куда девался весь эпатаж, весь гонор «папаши Дюшена», никаких громогласных возмущений, только откровенный страх...

Вот отчего так бешутся англичане и американцы от анти-якобинской истерии, вот отчего так проклинаяют именно Робеспьера...

Из лидеров трех якобинских фракций он один честно заслужил немислимое для политика всех времен прозвище Неподкупный. И это так, самые бесчестные из ненавидящих его не смогли доказать обратного.

Не желает Робеспьер работать на интересы Лондона, оттого он и «кровавый тиран», оттого и «диктатор». Уничтожить его в данный момент, означает убить саму Французскую Революцию. Но и это не всё.

Помимо британской короны за спинами потенциальных убийц якобинцев стоят новые «аристократы», банкиры и финансисты. Это им Неподкупный мешает взять власть...

Эти задушат демократию в колыбели, но сохранят при этом ее имя, знамена и лозунги...

Эти крича о «свободе и равенстве» станут угнетать народ не хуже средневековых королей и феодалов.

Эти, под вопли о «правах человека» станут интервентами и захватчиками, насильниками колонизаторами для других народов не хуже конкистадоров...

Эти добьются того, что при одном упоминании о «демо-

кратии», которая станет ассоциироваться с кастовым диктатом сверх-богатых, новых аристократов, простые люди невольно начнут морщиться и сплевывать себе под ноги...

И это грубое извращение благородной идеи страшно. Страшен будет победивший всемирный Термидор...

И тут один шаг до идеи о восстановлении королевской власти, которая начнет идеализироваться в умах плохо образованных и политически наивных людей... Тут разумеется подключатся пропагандисты из «умеренных» роялистов и, конечно же, как всегда, представители церкви...

Удивительное дело, но церковь всегда льнёт к монархии, особенно абсолютной, ей близка идея кастово-раздельного общества построенного на жесткой иерархии и открытом, подчеркнутом, как норма неравенстве людей, по ее мнению, только эта форма правления единственно «угодна Богу»... Диагноз поклонникам сословного апартеида? Кто знает...

Но пока грязную кровавую работу должны для новых «хозяев жизни» сделать вороватые чиновники, двуличные карьеристы и убийцы типа Фуше, Колло, Тальена и Барраса...

Физически убить честных идейных революционеров им будет мало, надо слепить им образ нелюдей и монстров, наслаждающихся казнями невинных, такими убитых и должны будут запомнить...

Что ж, ставку они сделали верно. Обуржуазившийся и уставший от революции Дантон мог пойти на такие условия, а двуличный и не менее беспринципный Эбер, театральный

ультра-радикал, не избалованный прежде деньгами и комфортом, купился бы еще легче.

Не зря по поводу Эбера и его фракции Робеспьер как-то сказал, что в их самоназвании «ультра-революционеры» больше юмора, чем здравого смысла.

Склонить их даже к монархии совсем не такой бред, как кажется. Дантону может понравиться тайная идея Жиронды – конституционная монархия, где король фигура номинальная, а они станут реальной правящей силой. Не велика в сущности разница между конституционной монархией и республиканским идеалом Жиронды, где у власти представители крупных собственников, различается только вывеска.

Тут нельзя не вспомнить Марата, еще в 1790 году он сказал:

– Что народ выиграет оттого, что аристократию крови сменит аристократия финансов?

Да и тщеславие Эбера может не устоять перед таким предложением, ха, сын Капета – «король санкюлотов», маленький паяц в руках папаши Дюшена.

Нет, не такой уж это бред, ведь совесть, честь, принципиальность, идейность, интересы нации для них ноль, красивые слова для трибуны... в кулуарах они не так уж это скрывают.

Не зря так бесит Неподкупного цинизм нашего «Палтуса», что есть добродетель республиканца?

Чистота помыслов, идейная принципиальность, искренний патриотизм, а он, издеваясь, в насмешку, опустил высо-

кое понятие «добродетели» до уровня мужской потенции, и то верно, для него главное это желудок, набитый деликатесами и удовлетворенные вовремя половые потребности...

Стоп, он и меня злит, не надо отвлекаться, друг Норбер, меньше эмоций, они мешают плавному течению мысли... Поехали дальше...

В свою очередь, Дантон и его ближайшее окружение рассчитывали, что новые выборы в английском парламенте принесут победу либералу Фоксу, с которым разбогатевшим обуржуазившимся республиканцам было бы легко найти общий язык.

Покончить с революцией, закрепить за новыми собственниками награбленные у старинного дворянства капиталы и снова загнать народ «в стойло», оставив слова о «демократии» только для трибуны и поддержания иллюзии...

Вот где корни показного миротворчества Бриссо и Дантона и внезапного приступа «гуманизма»...

Но Дантон жестоко просчитался, победа снова досталась ультраконсерватору Питту, ненавистнику Французской Республики. С этим никакой компромисс невозможен, для него «хороший республиканец это мёртвый республиканец»...

Один из участников аферы, Фабр, шантажировал Ост-Индскую компанию, напал на нее публично с разоблачениями и одновременно вымогал мзду за прекращение разоблачений. Одновременно Фабр сделал донесение в Комитет Общественного Спасения, включив в обвинение и подель-

ников и соперников.

Он назвал и массу реальных имен: бельгийского дельца Проли, действительно получавшего деньги из секретных фондов венского правительства, австрийского шпиона банкира М.Симона (прикрывавшего свою деятельность поставкой пороха), банкиров Перейра и Вандемиера.

Главным образом все они имели связи с правыми депутатами, людьми из окружения Дантона, как и сам Фабр.

Те же банкиры Перейра и Проли одновременно поддерживали связи и с ультра-левыми в Конвенте, группировавшимися вокруг Эбера и Ронсена.

Эти имена нашлись в личных бумагах как ультра-левого Эбера, так и правого Дантона, у последнего даже нашлись чеки за подписью британского банкира Бойда, за какие же такие заслуги переведены были эти деньги? Не за выступления ли против правительственного Комитета и Робеспьера? Не за эти ли игры в оппозицию?

В страхе разоблачения, 14 октября 1793 года Шабо сам делает признание, явившись к Робеспьеру лично. Рассказывает о махинациях барона де Батца с Фабром, Жюльеном, Делонэ. По словам Шабо барон давал взятки самому Эберу, дабы он оговаривал депутатов, которых Батц неудачно пытается подкупить. Всё вместе, это должно вызвать раскол среди якобинцев, взаимные подозрения, аресты и внутривластный террор.

Также, по словам Шабо, Эбер по просьбе герцогини де

Рошуар, агента барона де Батца, в августе 1793 добивался обратного перевода «австриячки» из Консьержери в Тампль. Стоило серьезно призадуматься, ведь неожиданные перемены в поведении Эбера действительно имели место...

А вот письма аббата Бротье, главы роялистского подполья Парижа к графу дАнтрэгу (агенту принцев-эмигрантов) от 7 и 13 марта 1794 года прямо указывают, лидер ультра-левых Эбер уже полгода работает с ними в контакте... Куда уже дальше?

А Дантон в декабре 1793 имел личное свидание с британским агентом Уильямом Майлзом, встречались они неоднократно за истекший 1793 год, и это не бред, не чья-то клевета, это страшные факты...

Именно эти документы и решили судьбу обоих.

Но все дело в том, что эти подлинные прямые обвинения почти не фигурировали на суде... исключительно ради общественного спокойствия... подумать, они могли подорвать доверие народа к новой власти в целом... Обтекаемые, штампованные обвинения прикрыли собой обвинения подлинные и крайне тяжелые..

По совету Робеспьера, Шабо в смягченной форме повторил все эти обвинения в Комитете Общественного Спасения. Что и произошло 16 ноября 1793 года.

Эбер отвергал эти опасные обвинения, но, что характерно, не потребовал их расследования и наказания «клеветника», он стал избегать даже упоминания имени Шабо. Инте-

ресно, Эбер не смог опровергнуть самого факта нескольких встреч с «бывшей» герцогиней де Рошуар, этой «старой греховодницей», как он её окрестил, только испуганно уверял, что отклонил все её просьбы и предложения. Для чего тогда было вообще два и более раза встречаться с ней? Не надо намекать на сексуальный мотив этих свиданий, не надо...

При этих обвинениях весь гонор вдруг сошел с «папаши Дюшена», никаких громогласных возмущений клеветой, только страх и сбивчивые попытки оправдаться...

В марте 1794 года содержащийся в тюремной больнице финансовый делец д'Эспаньяк передал какие-то сведения о связях Эбера с бароном де Батц генералу Вестерману, человеку, близкому к Дантону. А 13 марта генерал явился к общественному обвинителю Фукье-Тэнвилю, заявив, что эбертисты готовят восстание в Париже и повторил утверждение о тайных роялистских связях левого ультра-радикала Эбера.

Чтобы не дать сильный перевес также замаранным в этом деле людям Дантона, робеспьеристы зачитав обвинение, включили в него имена Шабо, Базира, Делонэ и Фабра.

Левые радикалы Эбера тянули резко влево, обвиняя революционное правительство в слабости и призывая беспредметно усиливать террор вопреки требованиям здравого смысла.

Правые Дантона, называвшие себя «умеренными» (им следовало бы помнить, что означает «умеренность» в годы революции, «умеренными» называли себя и жирондисты,

скрытно сочувствовавшие роялистам, и даже местами открыто объединившиеся с аристократами в федералистском мятеже летом 1793!), в своих требованиях опасно приблизились к позициям Жиронды...

Кстати, правые дантонисты Баррас, Фрерон, Ровер также считавшиеся «умеренными» были недавно отозваны для отчета в Париж за превышение полномочий, вымогательства и особую жестокость...

И в чем их отличие от левых эбертистов Карье и Фуше, отозванных в точности за те же самые должностные преступления?

Робеспьер лично настаивал на наказании виновных в вымогательствах и особой жестокости комиссаров, но у них в самом правительственном Комитете нашлись сильные покровители.

Например, Фуше прикрыл Колло-д'Эрбуа, разве не вместе они участвовали в лионской резне? Угроза Фуше означала угрозу ему самому. Он не мог не сделаться одним из врагов Робеспьера.

Норберу было известно, что Максимилиен не раз пытался спасти Демулена от последствий его собственной неустойчивости и легкомыслия, защищал его в Якобинском клубе. Он даже приходил домой к Камиллу, уговаривая его как ребёнка не горячиться и задуматься о последствиях и вызывая на серьезный разговор, но Демулен высокомерно отверг всякую помощь со стороны вчерашнего друга, он был уверен в том,

что Дантон всемогущ и его положение твердо.

Несправедливо и глупо обвинять Робеспьера в чёрствости и жестокости, даже когда вопрос об аресте дантонистов был решен, он пытался «забыть» включить имя Камилла в список.

Но коллеги по Комитету принципиально не позволили ему этого сделать. Принципиально, с целью показать, что он имеет не больше власти, чем они и не может решать такие вопросы единолично.

На Робеспьера посыпались обвинения, что он желает сделать исключение для Демулена из-за личных отношений и прежней дружбы, но «закон есть закон» и журналист замарал себя связью с анти-правительственной группировкой Дантона...

Но и этим дело не ограничилось, после ареста, Неподкупный даже приходил в тюрьму, желая увидеться с Демуленом. Что теперь уже он мог предложить вчерашнему другу? Кто знает... Но из самолюбия тот упустил свой последний шанс! После того, как начался процесс, Неподкупный был уже бессилен «выдернуть» Камилла из числа обвиняемых...

Ужасная судьба молоденькой жены Демулена, вздорной и ребячливой Люсиль, пытавшейся подкупать людей для бунта с целью освобождения мужа и других заключенных из здания суда, еще более нелепа и трагична.

Разве мог желать Неподкупный смерти этой очаровательной юной женщины, когда-то тепло принимавшей его в сво-

ем доме? Нет и нет, но если спасти Демулена стало поздно после его отказа от встречи в тюрьме, то оградить Люсиль изначально было просто невозможно.

При любой попытке участия с его стороны непримиримость и агрессивность коллег по Комитету резко возрастали. Они погубили бы кого угодно, чтобы только продемонстрировать, что Робеспьер не является главой государства, что в их среде он лишь «равный среди равных». И это было так.

И это было действительно так, лишь после убийства Неподкупного вчерашние коллеги станут изображать его «властителем» и «диктатором», а себя лишь подчиненными и вынужденными делать то, что им прикажут, разумеется, под страхом смертной казни...

Циничная и очень удобная позиция, вся ответственность была полностью возложена на тех, кто из могилы уже не сможет возразить.

А ведь по существу Большим Террором июня-июля 1794 руководили вовсе не робеспьеристы, а их непосредственные противники в Комитетах, участники заговора, ...именно поэтому террор сделался таким внешне неуправляемым и бессмысленно жестоким...

Он должен был вызвать у населения лютую ненависть к Робеспьеру лично, ведь проклятый прериальский декрет, возникший как результат провокации, всё время подчеркнуто называли «законом Робеспьера».

Подписи самого Робеспьера за это самое время не стоит

более ни на одном документе! Он не появлялся в Комитете все последние полтора месяца, видимо, считая для себя бессмысленным сидеть в окружении откровенно агрессивных противников, в каких превратились вчерашние коллеги и товарищи...

Вопреки мнению недоброжелателей, внешне холодный, Максимильтен искренне и тяжело переживал казнь друга юности и его поведение отнюдь не «крокодиловы слёзы». Это могут подтвердить воспоминания членов семьи Дюплэ.

Но после казней Эбера и Дантона Неподкупный утратил уверенность в завтрашнем дне. Нельзя жить без доверия к кому-бы то ни было, а как тут довериться, когда с этого времени тайный враг использует революционный лексикон и носит те же символы Республики, что и малочисленные, но всё еще верные товарищи?

Прочитируем Робеспьера. «Чему верить? Разве слову умирающего?» Это сказал накануне переворота человек, которого всерьез считали «всесильным диктатором»... Он сам, как никто другой, знал свое подлинное положение.

Как раз это он имел в виду, когда сказал: «Что можно возразить человеку, который желает сказать правду и готов за нее умереть?» Это же скажет он проворовавшемуся бывшему комиссару Тальену, театрально размахивавшему перед ним кинжалом, в роковой день 9 Термидора: «Убей, но сначала выслушай!» Убьют, но выслушать не захочет никто...

Как раз не самоуверенность, а потеря внутреннего равно-

веса и мрачные предчувствия точнее характеризуют Робеспьера в последние три месяца перед Термидором.

В своем поведении Неподкупный гораздо последовательнее и честнее всех тех, кто обвинял его в лицемерии, он был духом и совестью Революции, где продажным Тальенам и Баррасам было понять его?

Карьерист и властолюбец, чиновный вор и циник никогда не поймет Робеспьера.

Что же такое «добродетель», о которой так часто говорил Робеспьер? Это прежде всего достоинства революционера, патриота и гражданина.

Слово «vertu» означает отнюдь не смирение и религиозную мораль, но скорее чистоту и целомудрие помыслов, достоинства патриота и гражданина Французской Республики. В этом смысле сам Неподкупный соответствовал этим требованиям все на 100%.

Гнев на Дантона, насмежавшегося над идеей добродетели понятен, трактуя ее как «мужские достоинства» он цинично снижал смысл понятия, давал понять, что моральная чистота для него ничего не значит... А эти поверхностные придурки считают Неподкупного ханжой и думают, что он говорил о половом целомудрии...

Что-то мысли идут не в том направлении..

Двусмысленные действия многих членов Комитета Общественной Безопасности стали вызывать недоверие и именно в это время Робеспьер затеял создание аппарата надзо-

ра независимого от Комитета, существование такого органа ограничило бы власть Комитета и многие важные дела были бы изъяты из его ведения. Весной 1794 года Сен-Жюст сдал Робеспьеру дела нового Бюро и снова уехал комиссаром на фронт.

Окружены массой странных фактов покушения на Робеспьера в мае 1794 года. Один из покушавшихся, мелкий клерк Амираль был дружен с неким Русселем, а в свою очередь Руссель принадлежал к ближайшему окружению барона де Батца-парижанина.

Неудавшаяся Шарлотта Кордэ или просто несчастная экзальтированная дурочка, Сесиль Рено, также как Амираль, проживала в небезызвестном уже квартале Вивьенн. Личные враги Неподкупного из числа членов Комитета утверждали впрочем, что все эти майские покушения «подстроены» им самим, с целью добавить себе популярности.

На самом деле все обстояло иначе, эти майские «покушения» раздувались искусственно с целью противоположной... не зря Робеспьер пытался остановить процесс полусумасшедшей Катрин Тео, его противники во главе с Вадье из Общественной Безопасности сделали всё, чтобы отправить ее на эшафот и своего они добились...

В том же мае 1794 добились враги Неподкупного также казни принцессы Елизаветы, сестры Людовика Шестнадцатого, по поводу которой Робеспьер сказал: «Пусть не будет новых и напрасных жертв гильотины», эта женщина, несмот-

ря на свое происхождение, не являлась фигурой политической. Тихая и добродушная, смиренная и глубоко набожная, она скорее могла бы стать хорошей монахиней.

Зачем была нужна эта казнь? Возможно, чтобы возбудить у одних и усилить у других ненависть к Робеспьеру, ведь в обществе насаждалось устойчивое убеждение, что всё делается исключительно по его личному приказу.

И снова о том, что было сказано выше. Наиболее кровавым, а главное наиболее неразборчивым и хаотичным террор стал именно в последние два месяца, когда его осуществление находилось полностью в руках комитетских врагов Робеспьера.

Так, общество морально подготавливалось к перевороту и устранению Неподкупного.

А зимой-весной 1794 года Робеспьер много говорил о каком-то «заговоре иностранцев», начались даже аресты депутатов Конвента нефранцузского происхождения.

Неужели все это отголосок шпионской истории с участием барона де Батца и загадочного австрийского агента Джемса Риса?

А что такое знаменитый барон де Батц? Благородный герой для монархистов, этих «защитников трона и алтаря», он прежде всего авантюрист, искатель выгодных предложений и... скорее всего даже двойной агент, отчасти сотрудничавший с двуликим Героном, главным агентом Комитета Общественной Безопасности, этим вполне могла объясняться

его поразительная неуловимость... Но всё таки он роялист, принципиальный враг республиканцев.

Приблизив своего человека к Герону, Робеспьер рассчитывал выйти на барона, но главный агент Общественной Безопасности при всем внешне подчеркнутым уважении совершенно не доверял Куаньяру, и вполне справедливо, зная, что он человек Робеспьера, держался крайне осторожно, хвататься успехами тут пока не приходилось.

Что касается вспышки недоверия к иностранцам. Даже в грозном 1793-м во Францию приезжали, работали и сражались бок о бок с французскими якобинцами сочувствующие революции люди разных национальностей и цветов кожи, русские, поляки, евреи, испанцы, итальянцы, англичане, ирландцы, чернокожие африканцы и мулаты с Сен-Доминго и других карибских островов.

К чести Робеспьера нужно отметить, что он всегда был чужд идеям национального и расового «превосходства», считая их противоречащими принципам равноправия всех людей и братства народов, пороками высших классов.

Известно, что Неподкупный был против системы колониализма в целом, по этому поводу он сказал:

«Лучше лишиться колоний, чем принципа», имея в виду благородные принципы революции, отвергающие политику завоеваний и угнетения других народов.

Расовое высокомерие европейских колонизаторов Робеспьер и вовсе хлётко назвал «идеями дворянства белой ко-

жи».

И всё-таки реальные события стоят за этой внезапно вспыхнувшей неприязнью и подозрительностью ко всем иностранцам. Уместно предположить, что основная часть документов, касающиеся этого дела, не сохранится.

Не секрет, что после Термидора основная часть бумаг Робеспьера была поспешно уничтожена. Историкам осталась лишь самая малая их часть, и то крайне тенденциозно подобранная. Уничтожению подлежало всё, что могло свидетельствовать в пользу этого человека и против его убийц.

Факт в том, что дела группировок Эбера и Дантона та-яют в себе нечто большее, чем политическое соперничество с фракцией Робеспьера.

США, так кичившиеся своей «супер-демократией» к 1794 году уже успели наладить мирные отношения с Англией, своим вчерашним врагом и отказались открыто поддержать Французскую Республику, с которой были связаны союзническим договором. Неофициально поставляли во Францию грузы продовольствия и оружия, от чего отказаться не могли, американцы являлись должниками Франции еще со времен своей войны за независимость.

Американская администрация Джорджа Вашингтона отозвалась на известие о казни Людовика XVI в январе 1793 года более чем сдержанно, показав этим, что американцы, создав у себя Республику, предпочитали, чтобы Франция оста-

валась монархией, пусть даже конституционной.

Французские якобинцы считали американскую модель власти, допускавшую рабство чернокожих, истребление индейских племён и классовое неравенство белой бедноты циничной насмешкой над идеями подлинной Демократии и изначально не были намерены подражать Штатам, избрав свой путь.

Американский посол во Франции в 1793-1794 гг. Г. Моррис был типичным толстосумом-реакционером, с трудом подавлявшим неприязнь и отвращение к якобинской власти с которой должен был поддерживать дипломатические отношения.

Известно, когда весной 1794-го Моррис обратился к Неподкупному с тонким намеком помочь отправиться на эшафот ненавистному американским толстосумам со времен Войны за Независимость левому республиканцу Томасу Пэйну, сидевшему в тюрьме за связи с жирондистами, то Робеспьер холодно отказал американскому послу, заметив при этом, что: «Республика не намерена предоставлять свои трибуналы для сведения личных счетов».

Между тем «контрреволюционные» следы перед Термидором вели помимо посольства британского, еще и в американское посольство, как стало известно позднее, не раз укрывавшее в своих стенах английских шпионов.

Встреча Норбера Куаньяра и Жака Армана

– Твою мать, Индеец! Что, уже не признаешь старых друзей?, – неожиданно Норбер услышал низкий глухой голос. Норбер вздрогнул и обернулся, он узнал этот голос. Этого не может быть...

За столиком открытого кафе небрежно развалился санюлот.

Выглядел он весьма колоритно, из-под шерстяного красного колпака с кокардой выбивались пряди непомерно отросших темных волос, потертый длинный редингот, узкие брюки, на ногах низкие сапоги.

Сузившиеся глаза с жестковатой насмешкой изучали его как-то не слишком дружелюбно.

Жак Арман, товарищ детских игр, когда мы виделись в последний раз? В сентябре 92-го... Норбер резким движением обнял его.

– Где же ты был всё это время?! В октябре 92-го мне сказали, что ты убит при Вальми... потом тебя видели в городе 31 мая 93-го. Знаю, что Жюсом встречался с тобой у кордельеров. Ты будто избегал встречи со мной, почему?

– Тяжело ранен при Вальми это еще не убит. Много чего произошло за это время, брат. Член секции Пик и бывший член клуба Кордельеров... до марта месяца... пока вы не учинили нам разгром... Да, участвовал в выступлении секций 31 мая, вместе с Эбером, Добсаном, Марино... Осенью 93-го я был в Нанте. Отправился туда добровольно, работал с Карье, неплохой человек и честный республиканец,

ваши... – Арман с нескрываемой злостью сплюнул, – оклеветали его ненормальным психом, варваром... Как, впрочем, всех нас... мы защищали Нант от интервентов и роялистов. Там было очень горячо. В Париже это себе даже не представить. Вандейцы вконец обнаглели и озверели... сам наверное слышал... как они резали республиканцев в Машкуле, в Шоле... как издевались над пленными, даже ранеными и умирающими, насмотрелись мы там... отрезанные руки, вырванные глаза. Тела, прибитые длинными строительными гвоздями к деревьям... и всё «именем Бога и короля!»... Какая же ярость в нас кипела...

Служил в «роте Марата», нами командовали Фуке и Ламберти. Слышал?

Сузив глаза, Арман внимательно наблюдал за реакцией Куаньяра.

Норбер вспомнил, что «рота Марата» при Карье это карательный отряд, в том числе ответственный за массовые утопления неприсягнувших священников и вандейских мятежников в Луаре... Ясно...

Добровольный участник сентябрьской резни в сентябре 92-го, добровольный исполнитель приговоров при комиссаре Карье в 93-м...

Брат Жако, товарищ детства... Вырвался вздох.

– А дальше, что было дальше, уже в этом году?, – Норбер наверняка знал, что именно услышит, хотелось лишь подтверждения своим мыслям. Закрытие клуба кордельеров

вспомнил. Значит, наш Жако почитатель «папаши Дюшена». Какое же чудо спасло его, когда арестовали Эбера и ближайших к нему людей?

– А я скажу тебе, чего бы мне не стоила эта правда... наша правда. , – низкий рычащий голос Армана резал слух, – я же отлично знаю, с кем ты и где служишь. Я считался человеком Марата в 93-м... и горжусь этим... Убил бы эту ублюдочную шлюху Кордэ своими руками, – он нервно сжал кулаки, – если бы мне это позволили... , – губы Армана побелели, зрачки расширились. С трудом взяв себя в руки, он продолжал:

– Настоящей замены ему быть, конечно, не могло, но Эбер, Шометт, Ронсен, Майяр, пусть не идеальные во многом, знаю, кто из нас без недостатков, они все же были вождями простого народа, санкюлоты доверяли им, уважали, они были для нас своими.

Они защищали наши интересы, до которых состоятельным «господам-гражданам» никогда не было дела, им важнее с трибуны громогласно защищать свободу торговли и свою собственность. А то, что мы голодаем, как при старом режиме, то, что ваш «максимум» соблюдается только в отношении оплаты труда, а максимум цен торгаши ловко обходят, так плевать на нас, мы сделали свое дело, привели их к власти! Так вы действительно неспособны взять за горло новых господ или не хотите это сделать? Ваши вантозские декреты так и остались на бумаге. Эбер, Шометт и другие руководили штурмом Тюильри, они отстаивали наши права

и интересы перед Конвентом, мы не забываем ни добра, ни зла...

Дантон и его люди... они теперь ничем не отличались от клики Бриссо!

Медленно стянул с головы шерстяной красный колпак с трехцветной кокардой и протянул его на ладони к Норберу:

– Ты еще хранишь это?.. Правильно, храни всю жизнь, он заменит доброму санкюлоту и орден и медаль за 14 июля, за 10 августа, за 21 января и 31 мая... Впрочем, передо мной уже не тот человек, которого я знал до 92-го года. Член Якобинского клуба Парижа, депутат и бывший комиссар Конвента... агент Общественной Безопасности, человек Робеспьера, так говорят о тебе... Не перебивай меня!

Норбер хмуро смотрел на него, не опуская глаз, и Жак продолжал жёстко и отрывисто, как всегда:

– А ваш Неподкупный? Что сделал он?! Что наделали все вы, сукины дети!

Норбер! Мы, простые санкюлоты и якобинцы из образованных, вместе брали Тюильри, вместе основали Республику и что в благодарность? Вы вырезали весь Совет Парижской Коммуны и насажали туда своих людей! Вы убиваете нас и при этом обзываете экстремистами!

Вы стали сильны только в союзе с нами, без санкюлотов, без народа вам скоро конец! Что же будет дальше? Никто не знает... может конец нашей Революции? Конец всему?!

Вспомни своих родителей, свое происхождение, Норбер,

ты и сам настоящий санкюлот, а не буржуа, и Жюсом тоже, разве что Дюбуа будет из семьи побогаче, но и это не суть. Я хотел сказать совсем другое.

Ваши не хотят понимать, что обособившись от народа, вы действуете на руку только затаившимся господам, и бывшим, и новым... Только вместе мы можем спасти Революцию!

Бойтесь... бойтесь вы нас, считаете грубыми, неуправляемыми, жестокими, жадными до крови... Я вас поправлю... до вражеской... до господской крови, заметь, не всякой...

Да, при звуках нашей «Са ира» аристократы мочатся в штаны, а их титулованные шлюхи с ароматными волосами и нежной, как теплый бархат кожей готовы на всё, чтобы пика в твоих руках безопасно опустилась...

Может я и такой, Норбер, таков мой опыт, не видел я во круг примеров христианской любви и милосердия, со мной и моими близкими аристократы обращались иначе...

Я убивал аристократов 10 августа 92 года в Тюильри – Жак откинулся на стуле, забросив ногу на ногу и скрестив на груди руки, – я убивал их в стенах Аббатства в сентябре, я убивал роялистов и интервентов при Вальми. Я не щадил вандейцев в Нанте в 93-м. И униженно каяться в этом я не собираюсь...

Но разве таков весь наш народ? Я так не думаю... к сожалению, многие из нас обычные миролюбивые трудяги, рабочие лошадки, которые умеют только терпеть и терпеть, бессильно стонать и жаловаться. Наверно, всё еще верят в «доб-

рых господ» старых или новых без особой разницы...

Жак остановился перевести дыхание, облизнул пересохшие губы:

– Хочешь правды, Индеец, не боишься её? Я о многом думал... я конечно необразован в отличие от тебя... но я тоже учусь... нас учит наше время...

Обсуждали у кордельеров зимой твой доклад в Клубе, когда ты осудил Карье. Жёстко так прошелся.

Сукин ты сын, Норбер, сукин сын, не нравится тебе Карье, нашелся великий гуманист нах..., а сам... за четыре месяца до этого, в Майенне... разве там не гремели выстрелы, там не стучал нож гильотины? А когда после твоего отзыва в Париж Майенн только вздохнул с облегчением, туда нагрянули «адские колонны» Вестерманна и Тюрро... после них, конечно, ты вспоминался майеннцам, как «ангел-покровитель»...

Содержание ваших докладов так незначительно отличается... те же описания зверств шуанов над местными республиканцами, те же ссылки на чрезвычайные обстоятельства. Или вся разница в том, что Карье был близок к Эберу, которого вы уже тогда задумали свалить, в то время как ты... вхож в дом Дюплэ на улице Сент-Онорэ?

Хочешь меня арестовать? Я – Жак Арман, санкюлот, сторонник умерщвленных вами Эбера и Шометта, «левый ультра-радикал», как вы нас называете или по-новому «недобиток» и «охвостье Эбера». Что же ты молчишь, тень Робеспьера, мать вашу?! Почему ты молчишь?!

Куаньяр молчал. Ему впервые стало страшно оттого, что в грубой страстной речи Армана услышал определенную долю правды. Мы стали сильны только в союзе с санкюлотами, без народа нам скоро конец! И даже в чем-то заслуженный?! Что же будет дальше? Никто не знает... Конец Революции? Нет... нет...

Нервно встряхнул головой, словно защищаясь от недопустимых мыслей и новых неуместных эмоций. Наконец усилием воли взял себя в руки. Ну его к черту, Арман сам слишком многого не знает про своего любимца Эбера.

И как же удачно, гад, ткнул в нос миссию в Майенн... впервые Норбер не нашел, что ответить...

Разумеется, он всегда считал, что действовал строго в рамках революционной целесообразности, в отличие от неадекватного самодурства Карье, старался избегать всякой лишней жестокости и спасти от гильотины невинно заподозренных, но как же всё это относительно...

Но неужели в чьих-то глазах он ничем не отличается от Карье или Колло?! Или от карателей генерала Тюрро?!

Ну их к черту, сентиментальных слюнтяев и провокаторов. А Жако... просто затаил зло за судьбу Эбера и Шометта.

Куаньяр решил прощаться, он медленно встал из за столика и тяжело опустил руку на плечо Армана.

Санкюлот понял его по-своему, губы иронически дернулись:

– Именем Республики... и всё такое? Да, братишка? По-

нимаю... Идейная правота дороже всех чувств и всякой дружбы? Неужели так вдохновляет пример Робеспьера и Демулена?

– Иди ты знаешь куда, поклонник папаши Дюшена!, – огрызнулся Норбер и убрал руку с его плеча, – только перестань так орать, тебя могут услышать другие....Я уйду, но если какая крайность, сообщи мне через Жюсома... вот, – он бросил на стол клочок бумаги, – это его новый адрес. Впрочем, Пьер сам бывший кордельер, ты и так, думаю, знаешь его адрес.

Жак Арман вызывающе расхохотался и вытер красным колпаком влажный лоб:

– Аттракцион неслыханного гуманизма, приятель! Тронут до глубины души! Это чудо! Среди правоверных и «неподкупных» у меня старого грешника всё же есть друг!

Норбер проигнорировал эту насмешку, и, не оборачиваясь, ушел.

Арман задумчиво сузив глаза, мрачно смотрел ему вслед:

– Хороший парень и добрый патриот...каким всегда и был... и чем его привлек Робеспьер? Ну что ж, если мы сумеем объединиться и возьмем верх, это зачтется в его пользу... ни за что не дам его уничтожить ...

Приглашение в дом Мориса Дюплэ

Куаньяр бесцельно блуждал по набережной Сены уже более часа, пытаясь привести в порядок мысли и чувства.

Болью отозвалась память на эту неожиданную встречу с

прошлым.

Тяжелый осадок оставила короткая встреча с Арманом, тем удивительнее, что даже хищная жестокость и крайний радикализм Жака не вызывали у Норбера отвращения к нему, скорее досаду и сожаление, и только мысли о Луизе де Масийяк смогли изменить настроение к лучшему.

Пять лет назад было это, в столь памятном, но теперь уже далеко 1789-ом году.

Видным представителем дворянства Санлиса был граф Оливье Этьен Луи де Бресси. Тогда ему было лет 45 с небольшим, жена умерла, он больше не женился, жил уединенно, вдали от Двора с двумя детьми 11-летним сыном Анри-Кристофом и 12-летней дочерью Жюли Габриэль.

В семье графа де Бресси жила также его рано осиротевшая племянница Луиза Мари Флоранс де Масийяк, очаровательная молодая девушка 19 лет с добрыми чуть грустными глазами.

В отличие от многих других аристократов Санлиса граф де Бресси был весьма «умеренным», то есть конституционным роялистом, гуманные идеи Века Просвещения оставили свой след в этой феодальной душе. Его трудно было обвинить в кастовом высокомерии, в брезгливом отвращении к «низшему классу», чертам печально характерным для его сословия.

Поэтому, когда в 1789-1792 годах санкюлоты спалили немало дворянских особняков и замков, поместье графа де

Бресси уцелело. Норбер не знал, что имение особенно ненавистного бедноте маркиза де Белланже спалили тотчас по его отъезду в Париж, обозленный и напуганный старик Белланже после тех событий подался в эмиграцию. С его сыном Норбер встретился 10 августа 1792-го в Тюильри «по разные стороны баррикад»...

И всё же, несмотря на сдержанный и гуманный нрав, «либерализм» господина де Бресси дальше некоторого ограничения королевской власти конституцией не шёл, а потому, развитие революции по нарастающей отталкивало и отвращало его с каждым годом все сильнее.

И разве кому в это время могло прийти в голову, что непримиримый к роялизму и дворянству председатель местных якобинцев Куаньяр тайно и безнадежно любит его племянницу...

Как влиятельный человек, де Бресси мог бы легко уничтожить «опасного агитатора и бунтовщика», к чему его склоняло местное светское общество, но он ограничивался умеренными административными мерами воздействия увещеваниями, впрочем, совершенно бесполезными.

Противостояние взглядов между ними было полным, но, как ни странно, личной ненависти при этом не возникло...

Мысли Куаньяра прервал приветливый молодой голос, окликнувший его:

– Добрый вечер, Норбер! Не слышит... Весь в своих мыслях.. Но не забудь, сегодня четверг, мы ждем тебя часам к

восьми. Будут все наши, мы с Максимом, Сен-Жюст, Леба, Буонарроти, Дартэ...

Куаньяр поднял глаза. Перед ним стоял изящно одетый молодой человек не старше 30 лет. Светлые напудренные волосы, связанные сзади в хвост, бледное тонкое лицо с высокими скулами, серо-зеленые глаза. Огюстен Робеспьер был очень похож на своего знаменитого брата. С искренним чувством Куаньяр подал ему руку:

– Я буду к восьми, Огюст, это приглашение большая честь для меня!

Улыбаясь, тот кивнул:

– Знаю, ты всегда был большим поклонником Максимилиана. Мало кто еще может цитировать его на память и хранит у себя столько его брошюр за последние пять лет. Давай присядем в тени, – Робеспьер-младший жестом показал на ряд скамеек, – мне очень интересно, что сказала тебе мадемуазель де Масийяк?

Норбер сильно побледнел. Огюстен лишь беззаботно улыбнулся:

– Ты удивлен, что я не назвал ее гражданкой Дюпон? Но это очевидно. В Париже она проживала со своими родственниками Жюайезами после ареста ее дяди де Бресси с детьми. Молодых де Бресси отправили временно в Ла-Форс, самого Бресси в Сен-Лазар, почему вышло, что их разделили, я не знаю.

– Огюст, они точно под нашим контролем? Это принци-

пиально важно. Прочитаете на днях мой отчет, всё поймете. Луиза Масийяк четко описала некоего гражданина Кавуа, это же Арман Кавуа, агент Общественной Безопасности. Им срочно нужно перехватить их у нас. Если это произойдет, я буду бессилён спасти ее- Норбер опустил голову на руки.

Однако сообразив, что эта предельная откровенность может произвести скорее неблагоприятное впечатление и иметь последствия, усилием воли взял себя в руки.

Подняв глаза на брата Робеспьера, он с удивлением увидел во взгляде молодого человека теплоту и сочувствие. Помолчав, тот заметил:

– Вечером приходи, а об этом я попробую поговорить с Максимом отдельно. Ничего твердо обещать не могу, но сделаю все возможное.

Несмотря на вечерний час, солнце палило нещадно. Лето обещало быть редкостно жарким, такого Париж не помнил, очень много лет.

Масса интересных фактов касается весны 1794 года. Май 1794 года отмечен двумя чрезвычайными событиями, неудачными и чрезвычайно странными покушениями на Робеспьера.

21 мая мелкий клерк Амираль, конторский писарь, роялист в душе, задумал убить Неподкупного, но осознав сложность задачи, избрал себе более доступную жертву, другого члена революционного правительства Колло-д, Эрбуа, соседа по подъезду, но пистолет дал осечку и фанатик был схва-

чен.

А дело Рено еще более странное.. вечером 23 мая к дому Дюплэ на улице Сент-Онорэ № 76 пришла девушка по имени Сесиль Рено и сказала, что хочет видеть Робеспьера. Ее не впустили и после весьма неллицеприятных пререканий задержали. В ее легкой корзинке нашли два небольших ножа.

Она не скрывала своей ненависти к Робеспьеру. Кто же она, новая фанатичка, вдохновленная кровавой тенью Шарлотты Кордэ или просто экзальтированная дурочка? Так или иначе, девушка была осуждена и гильотинирована.

Но может это дело создано искусственно и с конкретной целью? Как живо за него уцепились Билло-Варенн и Колло-д'Эрбуа, главы оппозиции Робеспьеру внутри Комитета, давно ненавидевшие Неподкупного, как быстро и главное крайне поспешно отправили девушку под трибунал и осудили на высшую меру, да еще с ближайшими родственниками. Перебор? Очевидно.

Противники Робеспьера разрекламировали дело Рено так, что оно способствовало снижению популярности Неподкупного, выставляя его «кровавым тираном». Писали даже, что в деле Рено больше личной ненависти, чем идейной, будто бы её любовник был гильотинирован, и взбалмошная девица считала Робеспьера лично виновным в этом...

Романтическая чушь, но такому объяснению обыватель особенно охотно верит... О Шарлотте Кордэ выдумывали примерно то же самое.

Также искусственно и «высосано из пальца» было инспирированное врагами Робеспьера примерно в это же время «дело» Катрин Тео, полусумасшедшей старухи гадалки, считавшей Неподкупного новым Мессией, собравшая вокруг себя кучку сектантов «единомышленников».

История была совершенно идиотской и имела одну определенную цель, выставить Робеспьера в смешном и нелепом виде. Показательно, что чем больше он прилагал усилий закрыть эту тему, откровенно развлекавшую депутатов, тем больше она раздувалась...

Что же касается разрекламированной роялистами и термидорианцами «кровожадности» Неподкупного: с осени 1793 в течение нескольких месяцев своим вмешательством он не раз спасал жизни 73 заключенных жирондистов, которых безосновательно пытались отправить на эшафот люди из Общественной Безопасности, эти 73 человека остались живы именно благодаря тому, кого они так ненавидели.

Владелец столярной мастерской Морис Дюплэ жил на улице Сент-Онорэ в доме № 76, вход в который был лишь через ворота со двора. Кроме одноэтажного узкого корпуса с окнами на улицу, во дворе находились два флигеля, в одном из них и жил с 17 июля 1791 года Робеспьер, он занимал одну комнату.

В большой семье Дюплэ было пятеро детей, взрослые дочери Элеонора, Элизабет, Виктория, Софи и 16-летний сын Жак.

Элеонору Дюплэ иногда насмешливо называли «мадам Робеспьер», родители втайне рассчитывали на ее брак с Неподкупным, если не сейчас, то хотя бы в ближайшем будущем, их беспокоило устройство личной жизни 25-26-летней дочери, она считалась «уже не слишком молодой, даже перезрелой» невестой.

Никто не мог тогда предположить, что этой девушке никогда не стать ничьей женой и матерью, так и считаясь «невестой Робеспьера» она умрет в возрасте 64 лет...

Добрую и скромную, не очень красивую Викторию Дюплэ также ждала незавидная участь «старой девы».

Вторая дочь Элизабет в августе 1793 года вышла замуж за Филиппа Леба, молодого депутата Конвента близкого к Неподкупному и в апреле 1794 уже стала матерью маленького Филиппа Леба.

Постоянными гостями дома были ближайший друг Робеспьера молодой красавец Антуан Сен-Жюст, и юная 19-летняя сестра Леба Анриэтта, влюбленная в Сен-Жюста, а также Филипп Буонарроти, итальянский революционер, видный якобинец и прямой потомок Микеланджело, будущий руководитель филладельфов и «отец» карбонариев Франции и Италии начала 19 века, опаснейший враг и корсиканского конкистадора и коронованных тиранов Европы! Но никто не знает своего будущего...

Выросший без родительской заботы, одинокий и недоверчивый, Робеспьер отвечал большой привязанностью и неж-

ностью семье Дюплэ, ставшей ему вполне родной.

С этими людьми он не был ни холоден, ни резок, младшая дочь Дюплэ Элизабэт на всю жизнь сохранила о нём очень тёплые и добрые воспоминания: «Когда мне становилось грустно, я рассказывала ему всё. Он не был строгим судьёй, это был друг.., очень добрый брат..»

Историк, через много лет выслушавший воспоминания дочери Дюплэ о Робеспьере, наблюдавшей его ежедневно в течение трех лет, находясь с ним в тесном и непринужденном общении, словно с членом семьи, даже возмутился, старая женщина говорила совсем не то, что он хотел от неё услышать.

Спокойный, мягкий в общении с близкими человек, кабинетный интеллектуал, добрый друг семьи, где же то «кровавое чудовище и тиран», которого все боялись, о котором он собрался писать?! Он с готовностью счел, что мадам Леба от возраста выжила из ума..

В доме Дюплэ по четвергам устраивались вечеринки, Буонарроти аккомпанировал на фортепиано, Леба на скрипке, молодой Сен-Жюст декламировал стихи, госпожа Дюплэ с дочерьми суетились, накрывая стол и угощая гостей.

Часто до рассвета друзья не расходились. Иногда вечеринки в гостиной, солидно обставленной обтянутой красным утрехтским бархатом мебелью посвящались чтению классиков. Освещенный огнем камина Робеспьер выразительно читал отрывки из Корнеля или Расина.. Стены гостиной были

увешаны портретами Неподкупного работы Давида и Лефевра.

У ворот дома на улице Сент-Онорэ Куаньяра ждал Огюстен, Норбер бывал там не очень часто и каждый раз испытывал смутный трепет восторга и гордости, переступая этот порог.

Куаньяр искренне преклонялся перед Робеспьером и сдержанный, суровый в оценке людей Неподкупный отвечал молодому человеку столь же искренней симпатией.

«Как же он изменился за эти три года»— с горечью подумалось ему. Среднего роста, сухощавый в свои 36 лет как юноша Неподкупный очень сильно изменился, высокие скулы резко обозначились на иссиня – бледном лице, серо-зеленые глаза смотрят устало, в каждом движении чувствуется напряжение и нервозность. Но одет он по-прежнему безукоризненно, русо-рыжеватые волосы по-прежнему напудрены, вопреки новой моде, однако синий фрак, узкие бриджи, высокие сапоги соответствовали последним её требованиям, полосатый короткий жилет, уже прозванный подражателями «а la Robespierre», высокий пышный галстук под самый подбородок и кипельно-белые манжеты.

– Рад видеть вас, Норбер, – и сдержанно кивнув, протянул ему узкую руку, – располагайтесь, отдыхайте, пока я у себя в кабинете, срочное дело.»

– Максим, а как же мы?, – Элеонора Дюплэ подошла сзади и мягко опустила руки ему на плечи на глазах удивленного

Куаньяра.

– Через час-полтора я весь в вашем распоряжении, – мягко коснувшись губами руки девушки, Робеспьер вышел. Буонарроти тем временем сел за фортепиано. Огюстен жестом указал Норберу на кресло, тот неуверенно сел.

– Можешь не опасаться за жизнь интересующих тебя людей, Сен-Жюст сдает дела Бюро лично Максимильену. Но Кавуа каким-то образом узнал, что девушка у нас, в Комитете Общественной Безопасности Вадье и Амар снова метали громы и молнии.. По поводу? Разве за три месяца мы уже не привыкли к обвинениям в тирании, да, они снова обзывали Максимильена «диктатором»! Однако хорош же «диктатор», которому можно бросать подобное обвинение прямо в лицо», – тонкие губы Огюстена презрительно дёрнулись, – но еще немного и в этот злостный бред поверят и наивные парижские обыватели. Революция в опасности больше чем в худшие дни 1793 года, заговор спаял опальных комиссаров, отозванных за хищения, вымогательства, злоупотребления террором, все эти преступники объединяются, эти Фуше, Баррасы, Тальены, Роверы, проворовавшие чиновники, все они кричат о «тирании и ущемлении демократии», когда их бьют по преступным рукам . .

– А что же Максимильен? Почему их не бросить под нож гильотины раньше, чем они похоронят Французскую Республику или продадут ее англичанам или Бурбонам или по сходной цене?, – на лбу Куаньяра выступил холодный пот

липкого ужаса.

– Только наши враги считают, что власть принадлежит ему единолично, но он лишь один из десяти членов правительства, к тому же у них есть сообщники даже в обоих правительственных Комитетах, среди депутатов. Они затормозят принятие обвинительного акта. Умело выставят нас «кровожадными чудовищами». Лишь выстояв, мы сможем доказать чистоту наших намерений, побежденных, нас оболгут, втопчут в кровавую грязь все эти крикливые, лицемерные лже-демократы, торгаши и военные преступники, Тальены, Кавау и Баррасы...

– И что же теперь?, – Норбер словно заглянул в раскрывшуюся пропасть, в самую тьму могилы.

– Повидайся со своей Луизой, – грустно улыбнулся Огюстен, – и возвращайся. Ты нужен нам. Ты всегда хотел быть ближе к Максимильену, это твой шанс.

Куаньяр молча поднялся, прижав руки к груди. Есть ли он, бескровный выход из Террора?

Впрочем, оппоненты и сами не пойдут на мировую, по крайней мере честно. Раз так, его судьба – спастись или умереть рядом с Неподкупным, нет, иного решения для него не существует.

Их прервало появление Виктории, стройной блондинки в шелковом струящемся платье цвета морской волны:

– Мальчики, мама ждет вас в столовой, ужин остынет. Как утомила нас, бедных девушек ваша политика... Макси-

мильен, мы все.. в нашей семье...вас так любим...уделите же внимание и нам...

Они уже собрались в столовую, когда на ступенях лестницы ведущей наверх появился Робеспьер:

– Огюстен, Норбер, поднимитесь в мою комнату. Виктория, скажи маме, мы ненадолго...

Комната располагалась в мансарде второго этажа и была весьма маленькой и скромной, всю обстановку составляла узкая кровать, застланная голубым одеялом, письменный стол, несколько полок с книгами и документами и несколько стульев. Максимильен жестом указал брату и Норберу на стулья, сам сел на кровать.

– Мадемуазель Масийяк и ее родственники могут остаться на улице Сент-Флорантэн – при этом он метнул быстрый взгляд из под полуопущенных ресниц в сторону побледневшего Норбера – работайте и дальше, и закончите свой доклад к последним числам июля, мы сумеем его использовать в нужное время. Как поживают наши общие «друзья», Норбер, есть сведения, они едва не растерзали вас по поводу этого доклада и исчезновения девицы Масийяк?, – на его тонких губах появилась слабая усмешка.

– Да, это происходит постоянно в эти два месяца, на днях отбита очередная атака, гражданин Робеспьер. У меня есть предположение, что перепечаткой английских брошюр, обвиняющих вас в диктаторстве и тирании занимаются отнюдь не одни роялисты, но и некоторые наши доблестные колле-

ги... – Куаньяр чувствовал себя крайне неловко.

Робеспьер сделал небрежный жест, на его тонком бледном лице появилась легкая гримаса усталости и отвращения:

– Это не предположения, а факты. Знаю даже конкретно, кому этим обязан...

Из-за двери послышался мягкий девичий голос: «Мы вас ждём!»

– Мы идем!, – и мягко обращаясь к собеседникам, – сегодня у нас вечер отдыха и литературы, то есть мы можем ненадолго позволить себе отвлечься от жестокого мира политики и грозящих опасностей в обществе друзей и красивых девушек.. Кстати, Норбер, слышал, вы неплохо умеете декламировать стихи наших классиков?

Норбер не успел ответить. Огюстен рассмеялся:

– У него немало талантов и отличная память. Он сможет процитировать почти дословно и твой доклад «О принципах политической морали», а он немал объемом. Знает даже кое-что из твоих юношеских стихов, но я тут не при чем, в этом проболталась Элизабэт!

Робеспьер слабо улыбнулся, холодность взгляда испарилась, по смягчившимся чертам лица было видно, что ему приятно это слышать, но он сказал лишь:

– Нет, меня цитировать не надо, особенно сегодня. У нас вечер отдыха, прошу всё же не забывать об этом, это очень редкое и тем особенно ценное удовольствие..

– На меня произвел сильное впечатление ваш портрет в

полный рост работы Жерара, уверен, у этого юного художника большое будущее, – Норбер не сводил внимательных глаз с лица своего собеседника.

– Я тоже так думаю. Но сейчас нас ждут, мы должны спуститься, – и чуть помедлив, Робеспьер добавил, – мне хотелось бы поговорить с вами, Норбер, в иных обстоятельствах...

– Когда вам будет удобно, я всегда в вашем распоряжении, – глаза Куаньяра светились. Горячая волна поднималась к сердцу.

– Всё куда серьезнее, чем вы думаете... – внимательный к искренней симпатии Неподкупный не мог не заметить гордости и счастья в серьезных глазах Норбера, – вы интересная личность, с вами приятно общаться. А пока спуститесь в гостиную и скажите, пусть сядут за стол, мы с Огюстом присоединимся к вам через пять минут.

Когда за Норбером закрылась дверь, Максимильен обернулся к брату:

– Ты прав, таких людей нам не хватает. Умён, предан и чист.

Робеспьер и Куаньяр

Кабинет Робеспьера в Тюильри, расположенный на втором этаже был полутёмен и слабо освещён кенкетом. Темнело, начался крупный дождь, капли тяжело стучали в стекло, дорожками размывая пыль.

Неподкупный бросил на стол перо и тяжело опустил голову на руки, лицо было бледным и сосредоточенным, поза напряженной. Медленным движением он отодвинул от себя лист бумаги, на котором только что написал своим мелким неровным, нервным почерком:

«Кто праведен – идёт в последний путь страдания,
Но не страшусь, что смертный час грядёт.
Пусть так, но как стерпеть, что торжествует злоба,
Что нестерпимее, чем быть у края гроба
Столь ненавидимым
И сгинуть – за народ...»

Робеспьер никогда не считал себя поэтом и не претендовал на публикацию, но моменты вдохновения с юности иногда посещали его, так было и на этот раз.

Странное состояние души.. о чём он думал сейчас? Обо всём и ни о чём.. память оживляла картины тоскливо-одинокого детства и юности, перемешивая их с трудным началом политической карьеры, последующим подъёмом и славой и нервно «перелистывая» последние «страницы».. Что сделала со мной жизнь? Или следует сказать, что я сделал со своей жизнью? Об этом ли я мечтал?

Когда Куаньяр появился на пороге, отряхивая промокший плащ, Неподкупный стоял отвернувшись к окну, опираясь о косяк, он не обернулся на стук.

Крайне удивленный, он услышал неожиданное:

– А вы что думаете, нашли мы свой остров Свободы или

заблудились в тумане? Осталось нам пройти чуть или всё вокруг мираж?... Только честно.

Только сейчас Робеспьер резко обернулся.

Под странным взглядом серо-зелёных глаз Норбер смутился, он стоял напряженно, нахмурившись, не зная, что ответить. А может Неподкупный и не ждал ответа и это чисто риторический приём? Что это за вечер грусти и сентиментальных настроений? Впрочем,... разве он не человек, как и все, а с кем это не случается..

А тот продолжал:

– Что же вы молчите, Норбер, не делайте вид, что в последнее время также не задавали себе такого вопроса? Кто из нас его себе не задавал уже с весны.. Так что на самом деле перед нами, желанный свет в конце тоннеля или зловонная общая яма, что вы думаете, только честно?

И добавил резче:

– Или вы не знаете, что в революции заходят далеко тогда, когда не знают, куда идут?

Собравшись с мыслями, Норбер решил ответить:

– Если перед нами хоть один шанс на победу, один из ста, значит стоит бороться до конца.. Если всё иначе,... наша дальнейшая жизнь теряет всякий смысл...

Горькая усмешка скользнула по тонким губам Неподкупного:

– Вы правы, но рассуждаете, как верный присяге и долгу солдат, который верит, что командир всегда знает точный

маршрут... А что делать командиру? Его положение куда сложнее и ответственности неизмеримо больше.. и как невыносимо она тяжела... Смысл жизни человека... революционера.. нашей жизни.. в чем он по-вашему?»

Куаньяр задумчиво облизнул сухие губы и медленно произнес:

– Вам не кажется, что древняя китайская поговорка о смысле жизни не подходит людям Века Просвещения? Особенно не подходит она французскому республиканцу, якобинцу..

Вспомним эту китайскую поговорку: родить сына, построить дом и вырастить сад...

Дом и сад подразумевают материальный, физический комфорт и ни что иное, а сын, то есть ребенок символизируют сам процесс размножения.

Разве человек, мыслящее существо, наделенное душой, разумом и талантами приходит в этот мир для того, чтобы руководствоваться исключительно материальным обустройством своего быта, половым влечением и размножением?

Это может быть смыслом существования разве для животных или для наших аристократов. Что может дать миру и себе подобным, свинья или собака, а также герцог или принц?.. Ровно ничего, они способны только жрать, развлекаться, делать детенышей, но разве мыслимо опустить смысл человеческой жизни до животного воспроизводства?

Нет, настоящий человек должен реализоваться в этом ми-

ре именно как мыслящее существо с душой, разумом и своими, особенными талантами на пользу окружающим и обществу и это, прежде всего. Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, у каждого человека в этом мире эта миссия индивидуальная, своя...

Все мы для чего-то нужны и не бывает людей никчемных, бездарных, ненужных... Но есть масса тех, кто так и не нашел своего места и не осознал своей миссии и это самое скверное...

Я думаю, человек не может быть просто живым организмом, просто самцом... замкнутым на личных проблемах и шкурных житейских переживаниях, на быте и хозяйстве, деторождении и любовных похождениях.. чуждым всякой интеллектуальной и общественной жизни. Этот равнодушный овощ без пяти минут враг общества...

Что же такое революционер... якобинец? Это идейный крестоносец. Он точно знает для чего нужна его жизнь и в чем его долг. Это знание помогает человеку пережить всё, что не в состоянии взвалить на себя другой, лишенный идеи и внутреннего стержня, личную неустроенность, материальные трудности, самую угрозу жизни.

Такой человек должен быть внутренне готов встретить враждебное непонимание невежественных людей, должен быть готов к несправедливости, к жестокости идейных противников...

Должен быть готов стать терпеливым добрым учителем

для простого человека, брата и не должен бояться стать суровым воином, ...а когда нужно, то и палачом перед лицом фанатичных защитников старого мира.

В чем смысл нашей жизни? Нам выпал титанический труд поднять цивилизацию на новый уровень развития, создать новый мир, крайне суровый только в час выживания и установления, но гуманный в своей основе...

Каков итог? Пожалуйте. Думаю, каждый из нас на своем месте и делает то, что должен сделать и не сможет быть другим, не изменив себе...

Усталые зелёные глаза сверкнули мягко и насмешливо:

– А вы не только революционер, вы еще и в своем роде философ..Вы говорили, что росли в бедной семье, но ничуть не похожи на малограмотного человека..

– Я действительно вырос в бедной семье.. сын сапожника..как в народной песне: «Я санкюлот, горжусь тем я, назло любимцам короля», но мы с братом учились.. не в университете конечно, увы, откуда такие деньги у отца? Учились самостоятельно, по внутренней потребности, физический труд никогда не приносил мне чувства внутреннего удовлетворения.

Я никогда не мог смириться с окружающей нищетой, безысходностью и униженностью, меня возмущала унылая пассивность, фатализм, примитивность потребностей и узость жизненных интересов окружавших меня людей, соседей и даже родственников .. уже подростком я знал твердо,

я так жить не буду..Я был безмерно рад, когда наш нотариус Дюбуа, отец моего друга, взял меня к себе в контору учиться..

И еще раз повторю то, что уже говорил. Человек мыслящее существо и работать должен, прежде всего интеллект, а не одни мускулы, как у рабочей лошади..

Преступно использовать миллионы людей только как мускульную массу, сколько талантов гаснет в безграмотном народе, люди так никогда и не узнают, кем они должны были быть и могли бы стать, если бы им дали доступ к образованию, дали шанс проявить свои лучшие, сильные качества. Наконец, разве Руссо или Вольтер дворянского происхождения?

Никто и никогда не убедит меня, что в мире есть такие никчемные люди, которые действительно годятся только на роли прислуги, землекопов или посудомоек. Нет такого призвания для души человеческой, как мыть полы или вывозить навоз! Хоть и невозможно поспорить с тем фактом.. что это тоже нужно делать... Но к такой примитивной и низкоплачиваемой работе принуждает человека только самая беспросветная нужда и ни что иное...

Мой старший брат подростком трудился на строительстве Пикардийского канала.. по 16 часов в сутки.. в холоде и грязи, вечно голодный как собака..и настолько же всеми презираемый.. Любой труд почетен? Увы, это не так, пока такого понятия, как статус, к сожалению, никто не отменял, разве

одинаковое в обществе отношение к нотариусу и рабочему? Равное уважение?..Но простите, кажется я невольно увлекся, мне эта тема небезразлична...

Внимательно слушавший его Робеспьер спокойно кивнул:
– Всё это безусловно интересно и все таки... Насчет судеб нашей Революции.. что вы об этом думаете? То кажется, еще чуть, немного терпения, суровой непреклонности и усилий.. вот же он, свет в конце туннеля. Но... может это жестокое заблуждение и это... тот свет?

Помолчав с минуту, показал Куаньяру на бумаги, лежащие на столе:

–Один из депутатов, некто Энгран, то ли трусливый, то ли действительно честный человек, сообщил, что его коллега Лекуантр готовил против меня заговор и уже набрал сообщников, он предлагал убить меня прямо на очередном заседании Конвента.. Это произошло еще весной...

– « Неужели это не имело никаких последствий.. для Лекуантра и его сообщников, разумеется?»,- помрачнел Куаньяр.

Робеспьер мрачно и насмешливо отмахнулся:

– А сами как думаете? Разумеется нет, коллеги из Комитета пустили дело на самотек, объявив Лекуантра «сумасшедшим маньяком и не более», однако «сумасшедший» до сих пор заседает в Конвенте и злоумышляет далее..

– Дело не было передано в Трибунал, вы не настояли?!, –

Норбер сказал это по инерции и тут же пожалел об этом.

Насмешливая усмешка стала иронической и грустной:

– Неужели и вы туда же? Всё время забываю, что всё в моих руках, и я «диктатор-самодержец», решающий судьбы одним росчерком пера... Страшнее иное..., – Робеспьер умолк, меряя Куаньяра испытующим взглядом, и нервно облизнул губы, решившись на необычную откровенность: «Разумом – не сердцем, я уже начинаю сомневаться в реальности той Республики добродетели, которую намеревался создать...»

Лишь на секунды он позволил себе этот всплеск эмоций, тонкое бледное лицо снова стало спокойным и бесстрастным.

– Забудьте мои слова. Это лишь минутная слабость. Человек смертен, но Идеи вечны, ими жив Бог. В этом вся правда...

Но усталость и душевная боль в расширенных зрачках парализовали Норбера липким ужасом. Он был потрясен до глубины души, и, протестуя сжал руки в кулаки, будто защищаясь...

Он, в обычном своем состоянии холодный и мало-эмоциональный, эти идеи воспринимал не только как политическую концепцию умом, но отчасти и сердцем, как религию, поэтому сейчас чувствовал себя, как искренне верующий человек, которому священник признался, что усомнился в существовании Бога...

Домой Куаньяр шёл в совершенно особом расположении

духа, не разбирая дороги, тот Робеспьер, каким он увидел его здесь, почти ничем не напоминал знаменитого и грозного трибуна Конвента...

Но важнее другое, реальный и живой, Неподкупный стал ему ещё ближе. «Не идол и не просто Учитель, но друг и брат. Я делил с тобой славу, хочу разделить и твою судьбу»...

Только сейчас он осознал до конца, что так сильно привязало его к Неподкупному, он вспомнил ту сумбурную характеристику, которую Дюбуа дал ему самому еще в 92 году: «Редкий сплав мечтательной души и безупречной логики, скрытые под маской холодного бесстрастия...»

Что там еще говорил обо мне Дюбуа? А, вот. Судьба таких людей печальна, почти никто не понимает их правильно... Верно. Таких проще понять умом, поэтому люди живущие преимущественно сердцем и чувством, считают вас холодными и жестокими и неспособными на живые спонтанные эмоции в принципе!» То есть, Максимильен человек близкий не только по идеям, но по темпераменту и духу? Пожалуй, что так...

«Холодный ум, горячее сердце и... чистые руки?» Да. И это так...

Свое отношение к Неподкупному он не мог изменить в худшую сторону, что ж, если всё так плохо, значит он нужен и ему и другим товарищам как никогда... А теперь дело. Немедленно забрать из тюрьмы де Бресси. Времени больше

нет.

Куаньяр и граф де Бресси. Тюрьма Сен-Лазар.

Анри Клерваль, еще весной принадлежавший к фракции Дантона, ровесник Куаньяра, высокий худощавый шатен лет 30 в должности регистратора революционного трибунала, который должен был произвести по спискам вызов осужденных, в это утро явился в стены Сен-Лазар не один, его сопровождал агент Общественной Безопасности Куаньяр.

Внешний вид Клерваля немного удивил Норбера. Красный колпак, из под которого выбивались длинные рыжеватые волосы, на плечи наброшен плащ, из под которого виднелась карманьола. Сам Норбер выглядел вполне официально, чёрный сюртук, трехцветный пояс-шарф, шляпа с кокардой, высокие сапоги.

Начальник охраны, коренастый мужчина в потертой засаленной куртке и в красном колпаке, лихо сдвинутым набок, шел перед ними, звеня связкой ключей и стуча о камни двора деревянными сабо. Предупредительно открыл перед молодыми людьми ржавую решетчатую дверь.

Огромное помещение изнутри выглядело весьма странно, как и большая часть тюрем того времени, наспех переоборудованных из бывших дворцов и монастырей.

Большое количество людей свободно перемещались в разных направлениях, люди сидели, лежали на матрасах, играли в карты, ели, пили вино. Молодые и старые, подростки,

мужчины и женщины, нередко с детьми.

Однако при появлении чиновников с роковыми списками оживленный шум голосов сразу прекратился, десятки глаз с ужасом смотрели на них, как на вестников смерти. Все напряженно смотрели на молодого человека в центре зала, в его руках списки вызываемых в трибунал. Чьи имена в списке на этот раз?

Красивая, но жутко бледная молодая девушка чуть старше двадцати, с безуминкой отчаяния в глазах вдруг резким движением упала перед Клервалем на колени и, ухватившись за рукав, умоляла не мучить ожиданием и сказать, в списке ли она.

– Ne me tourmentez pas... Vous savez tout... (фр. «Не мучьте меня... Вы всё знаете...»)

Клерваль резким движением вырвался из ее цепких пальцев и оттолкнул девушку, увидев расширенные зрачки товарища, небрежно пожал плечами:

– Ты просто не привык. Здесь такое бывает часто. У некоторых совсем сдают нервы, не только у женщин. Сам будешь искать своего аристократа или мне назвать фамилию, он сам и выйдет?

– Можно осмотреть зал?

– Только недолго. У меня в списке сегодня пятьдесят человек.

Молодая женщина, не поднимаясь с колен, уцепилась те-

перь за руку Куаньяра, пытаюсь поймать его взгляд.

– Ради Бога, скажите, есть мое имя в сегодняшнем списке?! В списке ли я, вы же все знаете, сжальтесь! Моё имя Анжель де Сен-Мелен!

– Поднимитесь же, – холодно обратился Куаньяр к молодой женщине, – и поколебавшись добавил чуть менее жёстко, – не унижайтесь зря.

Девушка поднялась, шурша юбкой о плиты. Куаньяр обернулся к Клервалю:

– Дай-ка мне свой список. Ну же, ты ничего этим не нарушаешь.

Быстро пробежал глазами длинный перечень фамилий и глухо произнес только одно слово:

– Нет.

Молча подал ей платок, который она машинально поднесла к покрасневшим глазам. Норбер отвернулся, не желая видеть удивления и благодарности в глазах несчастной, не желая видеть насмешливой улыбки спутника.

А Клерваль все же не выдержал:

– А тем временем между нами есть разница, пусть я читаю эти списки, но не я росчерком пера отправляю их под нож. А твоя чувствительная душа подавляла восстание в Вандее и здесь тебе приходится лично руководить арестами...

– Чудовище!, – Норбер резко обернулся, услышав гневный женский голос.

Молодая женщина, лет 30 стояла, прижимаясь спиной к

колонне и не спуская с него ненавидящего взгляда.

Недоумение и растерянность Норбера быстро сменились раздражением, вскинув голову, он смерил неизвестную женщину ледяным сумрачным взглядом и отвернулся, не удостоив никакого ответа.

Подняв глаза на Клерваля, Норбер буквально обжёгся об его недобрую кривую усмешку, этому типу ответить стоило:

– Департамент Майенн, а также департаменты Луарэ и Нижняя Луара, но я никогда не был в Вандее.

Клерваль отмахнулся:

– Какая разница! Без пяти минут Вандея. Это тот же запад... те же шуаны... Тебе приходилось подписывать смертные приговоры сотни раз!

– Аристократам, врагам свободы и Республики, схваченным с оружием в руках, изменникам и пособникам интервентов, – резко оборвал его Норбер, – клянусь честью республиканца, невинных мирных людей среди них нет! Мой отчет был принят и Клубом и Комитетами и Конвентом, если ты помнишь!

– Разумеется, – глаза Клерваля зло смеялись, – я помню твой отчет в Якобинском клубе о бурной деятельности в Лавале. Как бенгальский тигр рычал с трибуны: «Если для спасения молодой Республики нам необходимо будет уничтожить всех слуг старого режима, то мы перед этим не остановимся и с честью выполним трудную задачу, возложенную

на нас Революцией!» Это от души, ничего не скажешь! Тебе можно верить.

В одном Майенне их было около тысячи, сколько же роялистов всего отправилось на гильотину с твоей легкой руки? Всех отбрила начисто «национальная бритва». А шуанов в Лавале ты вообще приказал не брать живыми. Откуда знаю? Ну как же, этот приказ капитану Жютлэ был приложен к твоему докладу от декабря, ты же сам зачитал его с трибуны Клуба.

– Что же, ты теперь осуждаешь меня?, – сдержанно отозвался Куаньяр, – Я действовал строго в рамках закона и революционной целесообразности. Я готов отвечать за свои решения, на мне нет того, за что отозвали из миссии Карье и Барраса, я только выполнял свой долг. Если меня призовут к ответу, я знаю, что мне сказать. Лучше нам уйти от этой темы, тем более у нас мало времени, – насмешливый тон Клерваля раздражал его.

Нетерпеливо начал он оглядывать зал и не видел, как зло сузились глаза Клерваля за его спиной, не слышал его хриплого шипения:

– Как же! Уверен, что не посмеют призвать к ответу? Проклятое охвостье Робеспьера! Достанет ли у нас сил свернуть вам шеи?

За их спиной перешептывались молодые женщины:

– А это еще кто.. Может с ним повезет больше? Надо привлечь внимание этого красавчика .. Клерваль змея подколод-

ная.. ни одну из тех, с кем он переспал, не только не освободили, они казнены также, как и те, кто ему отказывал...

– Умоляю, не делай этого! Слышала, он человек Робеспьера, эти еще более прочих якобинцев носятся со своей республиканской честью и неподкупностью...

– Пхе! Это всё слова.. чем же они отличаются от других мужчин? А этот якобинец молод и чертовски привлекателен... с ним хотя бы будет приятно заниматься любовью...

– Тсс! Пока он не услышал, говорю тебе, забудь об этом...

Обругавшая Куаньяра женщина всё еще стояла у колонны, она не пряталась, сузившиеся глаза неотступно следили за ним и Клервалем. Норбер подошел к ней близко, некоторое время они в упор мерили друг друга глазами. Заложив руки за широкий трехцветный пояс, он медленно спросил:

– Я вас не знаю. Что вы имеете против меня? За что вы арестованы, гражданка? Я имею какое-либо отношение к вашему аресту? На что или на кого вы жалуетесь?

Красивое бледное лицо по-прежнему выражало лишь отвращение и презрение, стиснутые губы, наконец, разжались:

– Разве в сегодняшней Франции нужны серьезные основания для ареста, несправедного скорого суда и казни?! На всех вас надо жаловаться, да некому! Что?

Её недоумение вызвала слабая и беззлобная усмешка якобинца, холодная маска оказалась живым человеческим лицом:

– На всех подряд жаловаться не надо, заключение озлобило вас. Расскажите вашу историю и если ваше задержание необоснованно, я мог бы содействовать вашему освобождению. Я готов выслушать вас.

Клерваль стоя за спиной Куаньяра, сузив глаза, выразительно, иронически прищелкнул языком, вынудив Норбера хмуρο покоситься в его сторону.

Тонкое лицо женщины ежесекундно меняло выражение, но всё же предубеждения и ненависть перевесили:

– Чтобы вы кого-то освободили?! Вы один из тех, кто сотнями отправляет невинных на эшафот!

Смуглое лицо Норбера отразило легкое отвращение, губы чуть дрогнули, он с трудом сдержался от грубости и всё же он решил уточнить:

– Вы обо мне лично или ваша ненависть распространяется на всех монтаньяров?

– «Вы все для меня на одно лицо, якобинец! Вы все для меня одинаковые, «неподкупные»...», – яркие губы женщины побелели, кулаки сжались, – «друзья народа»!

Всех вас ждет гильотина! Свобода, задушенная вами 31 мая, восторжествует, черни укажут ее место и к власти вернуться подлинно достойные люди! И тогда вам не дожидаться ни пощады, ни жалости!

Захлебнетесь собственной кровью! Запомни мои слова, якобинец! На эшафоте ты вспомнишь меня, палач Майенна! Долой якобинцев! Смерть Робеспьеру!»

Куаньяр отшатнулся, и резко развернувшись на каблуках, быстро отошел от женщины.

– Действительно хочешь узнать, за что она арестована? – усмешка Клерваля была неприятной и начала раздражать Норбера, – её имя ничего тебе не скажет, она из тех, кто буквально поклоняется убийце Марата, она была в первых рядах, когда её везли, выкрикивала всякую хрень в адрес революционного правительства... – Клерваль поморщился.

– Ах, так, – Норбер небрежно пожал плечами, его интерес к незнакомке и искреннее желание помочь ей совершенно угасли, – очередная роялистка фанатичка...

– Явление типичное для современных женщин, лезущих в политику. Существа без собственного мнения, точнее заимствующие его у мужа или любовника, чувственные и легко внушаемые, падкие на личные симпатии-антипатии, легко переменчивые. Влюблена девица в патриота и вот она уже республиканка, полюбила другого, а он роялист, и вот все прежнее по боку, она уже за короля! А эта... по существу, конечно же, роялистка, но отчего-то воображает себя республиканкой, да еще и «подлинной», то есть, в отличие от нас!

– Поклонница демагогии Бриссо», – коротко и метко уронил Норбер, – такая позиция очень типична для господ Жиронды, наших «либералов-миротворцев». Чёрт с ней, послушать, так все они сплошь безвинные и благородные миролюбцы, а при случае режут нас без лишней сентименталь-

ности, вспомни развязанный этими «гуманистами» федералистский мятеж прошлого года. Чёрт с ней. Идём дальше...

Заключенных между тем взволновало исключение, сделанное для девушки.

– А моё имя есть в списке? Мeneваль, Арман Мeneваль!

– А мы, Анна Мария Клеман и моя дочь Жермена, ей всего 19 лет, неужели она тоже должна умереть?!

Клерваль зло фыркнул:

– Можете плюнуть мне в лицо, если найдете хоть одного ни в чем не виновного аристократа!

Неосторожные слова... В этот момент какая-то молодая дама вдруг поднесла к нему своего ребенка, которого держала на руках.

Не ожидавший подобного выпада, Клерваль немного смутился и на всякий случай, если та вздумает плюнуть, резко отодвинулся от женщины и мрачно буркнул себе под нос:

– Ему то что угрожает?

Глаза женщины блеснули, ненависть прорвалась в истерическом крике:

– Отца и деда вы его уже лишили, после моей казни он останется сиротой! Бешеные фанатики! Убийцы, будьте прокляты!

Толпа заключенных вдруг опасно заволновалась и вышла из состояния прежней апатии.

Норбер оперся о колонну. Ему словно передались чувства этих людей, липкий ужас, отчаяние и боль, роковой вызов

в трибунал разлучал навсегда мать и сына, мужа и жену, жениха и невесту. Это совсем не то, что было в Майенне, там шла война, жестокая борьба вооруженных людей, это совсем не одно и то же.

Он вдруг ясно понял, что в глазах этих людей он почти ничем не отличался от Сансона. Рука невольно потянулась к галстуку, будто он стал душить его, на лбу мелко выступил пот. Нет... нет... я не палач... я не испытываю никакого удовольствия... я представитель революционного порядка...

Но если возникнет тюремный бунт, то это будет просто подарком Фукье-Тэнвиллю, количество казней резко возрастет. Такое уже случалось в других тюрьмах Парижа. Иногда люди из Трибунала даже провоцируют эти вспышки нарочно.

Но сейчас? Что произошло сейчас?! Неужели их так задело исключение, неосторожно сделанное им этой девушке? Неужели они не понимают, чем их волнение может закончиться? Как это остановить?!

Он встряхнул головой, защищаясь от взрывной волны чужих эмоций, боли, чужой ненависти. К черту все чувства, сейчас он восстановит порядок.

Куаньяр в бешенстве треснул ладонью по колонне:

– Всем молчать!

Вооруженные санкюлоты из охраны действительно очень быстро восстановили порядок.

Немного успокоившись, Норбер продолжал свой обход.

Молодая девушка, сидя на каменных плитах пола в страхе жалась к коленям старого священника. Рядом сидела молодая мать с ребенком на руках. С тревогой вглядывались они в Клерваля, который развернул свой список и начал читать.

Интересно, кто эти несчастные, что они оказались здесь, но уж точно не контрреволюционеры, трудно в это поверить, и можно ли что-нибудь для них сделать?

У колонны стоял крупный мужчина, одетый богато, но несколько старомодно. Породистое и надменное бледное лицо его сейчас застыло в напряжении. К нему со слезами прижималась молоденькая девушка лет 17-18, очевидно дочь. Красивая женщина лет 35-36 в черном изящном платье плакала навзрыд. Его жена.

Куаньяр сделал несколько шагов в их сторону и задумчиво разглядывал несколько секунд. Все трое замерли, мужчина напрягся, женщины бросали взгляды полные нескрываемого страха на посланца Конвента. Почему он ими заинтересовался, неужели их имена в роковом списке и сейчас последует вызов в трибунал?!

Эти точно из «бывших», но тоже интересно было бы узнать о них больше. Чем-то эти люди невольно привлекли его внимание. После истории с девчонкой стоит ли вообще подходить к ним? И всё-таки...

Норбер подошел к ним еще ближе:

– Могу я узнать ваши имена и причины ареста?, – голос

прозвучал отрывисто и резко.

Мужчина слегка выступил вперед, словно прикрывая собой женщин:

– Шарль Анри Габриэль де Бельмар, со мной жена и дочь. Причина нашего ареста, месье... то есть гражданин, крайне неоригинальна.

– И всё же прошу быть точнее. Аристократ, роялист, эмигрант, контрреволюционная деятельность, иное?

Де Бельмар слегка нахмурился, видно, что он старался лучше сформулировать ответ и не подставлять под удар свою семью ради самолюбия.

– Я не участник заговоров против Франции, не эмигрант. То же касается и моих родственников.

Губы Куаньяра невольно расплылись в легкой усмешке, удовлетворенной, но совсем не злобной. Что ж, по крайней мере, честный человек этот Бельмар, отмел сразу два последних обвинения, но ничего не ответил поводу двух первых. Всё верно, отрицать свое дворянство в его положении унижительно и бессмысленно, но гордость всё же не позволила также отрицать и роялистские убеждения. А в этом нешуточный риск...

– Хорошо. Давно вы здесь?

– Уже почти полгода...

– Это вам повезло, – не удержался Норбер и наткнулся на гнев, блеснувший в глазах де Бельмара, который явно не

считал эти страшные полгода в тюрьме в каждодневном ожидании вызова в трибунал и эшафота, под охраной изрядно грубых и очень бдительных санкюлотов за особое везение.

Но Куаньяр вовсе не насмехался над чувствами заключенного, он хорошо знал систему, в которой работал, ее сильные и слабые стороны. Она либо работает чрезмерно оперативно, и тогда человек предстает перед трибуналом через несколько дней и отправляется на площадь Революции через 24 часа, либо может находиться в заключении долгие месяцы, но это может быть его шанс быть «забытым» и сохранить жизнь.

Видимо обвинение де Бельмара во многом было формальным, и он не имел ни сильного покровителя, способного спасти его, ни сильного врага, способного ускорить процесс отправки в трибунал. Так есть за ним что-то реальное или нет?

Норбер дал себе слово при первой же возможности еще раз навестить этих людей и допросить со всей тщательностью. Следовало также позаботиться о том, чтобы их имена не попадали в роковой список.

Можно задействовать доброго патриота Беньона, служившего начальником Бюро наблюдения за исполнением революционных законов при Комитете Общественного Спасения или Робера Вольфа, секретаря общественного обвинителя Фукье-Тэнвиля.

Старина Беньон, близкий к членам правительственного Комитета, оригинал особого рода. Под его резкими и грубыми до невозможности манерами санкюлота таилось доброе

сердце...

Он не пропускал ни одной казни на площади Революции и высказывался об этом в тоне одобрения, но при этом втайне спасал столько несчастных, сколько позволяло ему то огромное влияние, которое он имел...

Таков же был и его коллега по Бюро гражданин Лябюс-сьер, с виду скромный и совершенно незаметный клерк, с его помощью вполне могла исчезнуть целая папка с делами (такое уже бывало) заведомо невиновных людей, обреченных на казнь... и это едва не под носом Фукие-Тэнвиля! Было ли это для них вполне безопасно? О нет...

Притом, что все эти люди искренние революционеры и якобинцы, не агенты роялистов и не сочувствующие аристократам в целом, как классу...

Но... ни слова самому Фукие, ни полнамека, никогда, слишком он склонен угодить вышестоящим, не раздумывая, донесет коллегам, точнее «заклятым друзьям» из Общественной Безопасности, компромату на «человека Робеспьера» они будут очень рады.

Не зря Фукие считался человеком Комитета Общественной Безопасности и Робеспьер уже стал серьезно подумывать о его замене. Впрочем, люди Вадые этого не допустят.

Со стороны Фукие не было замечено никакой инициативы, ни эмоциональной, ни служебной. Вспыльчивый и злобный характер общественного обвинителя ненавидят даже

тюремщики-санкюлоты.

А Робер Вольф, с виду элегантный, холодный и безэмоциональный, как и сам Норбер, при этом не только и не столько служака, чье дело исполнять, не размышляя и угождать начальству, но прежде всего честный человек и принципиальный якобинец.

Куаньяр знал, что Роберу тоже противно приспособленчество и бездушный формализм Фукье, не утруждавший себя до конца выслушивать обвиняемых, небрежно и отрывочно записывавший их показания прямо на полях обвинительных актов, а за обедом в присутствии присяжных цинично подсчитывавший, сколько именно «голов» он должен «сдать» помощникам палача в эту декаду...

Прямо сказать, осторожно привлекать Вольфа и Беньона для спасения заведомо невиновных ему уже приходилось прежде, но, только убедившись, что спасаемые от эшафота люди не участвовали в боевых действиях против Республики с оружием в руках и не состояли в контрреволюционных организациях, не занимались роялистской пропагандой.

Просто «дворянин» это еще не диагноз, сколько их среди депутатов Конвента, притом честных республиканцев, отрекшихся от связей с этим классом. Разве Филипп Буонарроти, с которым он постоянно встречался в доме Робеспьера, не принадлежал к старинному дворянскому роду? И что?

Но «роялист» это уже крайне серьезно, независимо от того, граф он, человек среднего класса буржуазии или ван-

дейский крестьянин. Кстати, термин «аристократ» в обвинительном заключении мог означать любого контрреволюционера без различия происхождения.

Но и тут Куаньяр, еще будучи комиссаром Конвента, успел заметить одну деликатную тонкость, которую игнорировало большинство его товарищей, роялисты в свою очередь делятся на «активных» и «пассивных».

Первая категория однозначно определяется как «враги Республики», агрессивные как на словах, так и в действиях и совершенно непримиримые, это шпионское подполье аббата Бротье, это роялистские агенты из сети Аткинс-Кормье и барона де Батца, это солдаты и офицеры Королевской Католической Армии Вандеи, это окружение принцев, это наши «белые» эмигранты. По их вине льется сейчас кровь, и погибают люди.

Это именно их он готов разыскивать, отправлять под трибунал и на гильотину без малейших душевных мук и сомнений.

Вторая категория роялистов намеренно отстранилась от общественных дел, прячет свои убеждения, затаилась, ни в чем не участвует и просто пытается выжить. К этой категории еще в Майенне он отнес доктора Розели. Искренний гуманист, интеллектуал, безопасный и приятный в общении человек, Норбер нередко вспоминал его. Хотелось бы иметь такого человека среди своих друзей... Похожего типа был и

граф де Бресси.

– Успокойте своих близких, ваших имен нет в сегодняшнем списке. Но гражданин Бельмар, я вас запомнил... и еще вернусь – голос прозвучал привычно резко.

Судя по бледным изменившимся лицам, Норбер понял, что его слова они приняли за угрозу, но, не желая ничего объяснять, сделал отстраняющий жест рукой.

Круто развернувшись на каблуках, он встретился взглядом с Клервалем, хорошо, что тот не мог слышать разговора, но издали наблюдал очень внимательно и напряженно, сузив глаза и иронически улыбаясь.

Наконец, Клерваль зло буркнул сквозь зубы и сплюнул на пол:

– Палач-гуманист, покойный Руссо отдыхает, мать твою...

В центре зала на стуле, демонстративно отвернувшись от Клерваля, сидел темноволосый курчавый молодой человек, на его тонком лице отражалось отвращение и безграничная усталость. Всем видом показывал он презрение к предстоящей казни и представителям новой власти.

Клерваль свернул список.

Охрана стала выводить арестантов группами во двор. На курчавого мужчину он указал Куаньяру особо:

– Это Андрэ де Шенье, – кивнул в сторону молодого человека, – дерзкая личность, опасный и зловредный публицист, ярый контрреволюционер. Сначала он писал в защиту Капета, потом и вовсе распоясался, мерзавец прославлял убийцу

Марата, оскорблял революционное правительство. С трибуны Фельянов этот гуманист миролюбец призывал к расправам над якобинцами. И как долго можно было это терпеть? Его единомышленник дю Шансенэ уже доигрался с законом, гильотинирован еще весной. И этот дождется высшей справедливости...

– Говорят, он очень недурной поэт, но самому читать не приходилось, – Куаньяр, не скрываясь, разглядывал Шенье, спокойное достоинство, гордость и непримиримость которого невольно вызывали у него уважение. Принципиальный противник, но настоящий человек. Жаль обнаруживать таких людей среди врагов...

Якобинцу внушал отвращение откровенный страх в лицах врагов, желание угодить и уцелеть любой ценой. «Шакалы».

Ему были остро неприятны вчера еще надменные графини и герцогини, расчетливо предлагавшие половую близость любому республиканскому чиновнику в обмен на спасение от трибунала, а желательно еще и содержание, и прежний комфорт.

А некоторые женщины, дошедшие до крайности от ужаса возможной близкой казни, не отказывали уже и тюремщику-санкюлоту, вдруг спасет и спрячет от вызова в трибунал. Этих девушек и женщин по-человечески жаль. И всё же... как-то неприятно.

Не вызывали ни тени сочувствия и те роялисты, что даже в тюрьме подчеркнуто демонстрировали свое классовое высокомерие и неконтролируемую животную ненависть. Попадись им в руки, эти не просто убьют, будешь медленно умирать под пытками. «Волки». Майенн...

Но и на «волков» и на «шакалов» неизменно найдется «человек с ружьем»...

Его размышления прервал Клерваль:

– Вынужден признать, талантливый мерзавец! Строчил контрреволюционные пасквили, в том числе в стихах. Чего стоят его «Ямбы». В июле 93-го пел оды Шарлотте Кордэ, величал эту дворянскую фанатичку «героиней», а ее преступление «подвигом»! Его имя в завтрашнем списке. Сама по себе его голова недорого стоит, но злоба контрреволюции опасна вдвойне, когда облечена в талантливые формы. Он сознательно бросил вызов Комитету и должен был понимать, чем всё закончится., – Клерваль сделал характерный жест, ударив указательным пальцем поперек горла, протянул Куаньяру листок, – если хочешь, почитай, что писал этот роялист.. Возможно, твое мнение о нем после этого изменится...

Норбер согласно кивнул.

«Кому ты, Пантеон, распахиваешь своды

И раскрываешь купола?

Что так слезлив Давид, кому несет угоду

Кисть, что божественной слыла?

О Небо! О Судьба! Поверить ли фортуне?

О гроб, залитый морем слёз!

И как небось Барер стенает на трибуне –

Ах, пафос, в клочья, наизнос!

Ну, шуму по стране! Набат, сердца пылают,

Негодованье души жжет.

Вот якобинцы им рыданья посылают.

Бриссо, который не солжет,

Твердит, что углядел, как в смраде испарений

Свернулся пеленою мрак:

Клубилась кровь и слизь каких-то испражнений,

Рожденных мерзостью клоак.

А это к праотцам зловещей грязной тенью

Душа Марата отбыла...»

Норбер побледнел, губы дернулись от сильнейшего отвращения, но решил дочитать пасквиль до конца. Притом, что сам он не был в большом восторге от Марата, не всегда мог понять его южную экспансивность...

«Да, женская рука и впрямь во дни цветенья

Такую жизнь оборвала!

Доволен Кальвадос. Но эшафот в накладе:

Петле за сталью не поспеть.

Кинжал и Пелетье успел туда ж спровадить...

С Маратом есть о чем жалеть:

Он, как никто, любил чужую кровь, страданья.

Скажи «подлец» – в ответ кричат

«Бурдон» и «Лакруа»... Достойные создання...

Но первым всё же был Марат.

Да он и был рожден под виселичной сенью,

Петли надежда и оплот.

Утешься, эшафот. Ты – Франции спасенье.

Тебе Гора вот-вот пришлет

Героев наподбор – шеренгой многоликой:

Лежандр – его кумир Катон,

Заносчивый Колло – колодников владыка,

За ними Робеспьер, Дантон,

Тюрью, потом Шабо – переберешь все святцы:

Коммуна, Суд и Трибунал.

Да кто их перечтет? Тебе б до них добраться!

Ты б поименно их узнал.

С отходной сим святым, достойным сожалений,

Пришел бы Анахарсис Клотс,

А может Кабанис, другой такой же гений –

Хотя б Грувель, не то Лакло.

Ну а по мне, пускай надгробные тирады

Произнесет добряк Гарат.

Но после ты их всех низвергни в темень ада –

Долизывать Марату зад.

Да будет им земля легка в могильном мраке,

Под сенью гробовой доски:

Глядишь, тогда скорей отроют их собаки –

Растащат трупы на куски!»

Это действительно не столько поэт, сколь контрреволюционный памфлетист. Не человек, а живой сгусток ненависти. И он еще воображает себя гуманистом и миролюбом, позволяет себе смотреть на них, якобинцев, как на зверей и презренные отбросы... Какой чудовищный контраст со спокойным, полным достоинства видом...

Взгляды Куаньяра и Шенье случайно пересеклись, возмущение и гнев встретились с вызовом и презрением.

– Скоро ему предстоит увлекательная поездка на площадь Революции, с билетом в один конец, негодяй честно заслужил всё, что его ожидает..., – вырвалось сквозь зубы, Норбер нервно скомкал листок и отшвырнул, словно сдохшую нечисть.

– Но это еще не всё. Интересно, хватит ли у тебя духу дочитать до конца.

– Ну что еще?, – хмуро буркнул сквозь зубы Норбер, но листок все-таки взял.

«На двадцати судах с едва прикрытым днищем –
Чтоб выбить посреди реки –
Тех пленников везли в цепях, в последнем сраме...

И всех Луара приняла –
Проконсулу Карье под винными парами
По нраву скорые дела.
Вот этих слизняков, приказчиков разбоя
Фукье, Дюма, как на подбор –
Где, что палач, что вор, равны между собою,

Судья, присяжный, прокурор.
У, как я их хлестал, багровых от разгула
Когда вином воспалены
И похотью томясь, они сидят оснуло
Лоснятся, хвастают, пьяны
Сегодняшней резней и завтрашним разором –
Перечисленьем подлых дел!
И радуются им, и песни тянут хором!
А для утешения потных тел –
Лишь руку протянул, лишь губы захотели-
Красотки вмиг разгонят хмель.
Поверженных забыв, они из их постели
К убийцам прыгают в постель.
Продажный этот пол слепит приманка славы.
Он – победителю вприкклад.
Все, кто б ни победил, у женщин вечно правы
На шее палачей висят.
В ответ на поцелуй, губами ищут губы
Сегодня наглая рука
Уже не встретит здесь ей недоступных юбок
Стальной булавки у соска.
Раскаяние – ад, где ищут искупленья
Но тут не каются, а пьют.
Ночами крепко спят, не зная сожаленья
И снова кровь наутро льют.
Неужто же воспеть кому-нибудь под силу

То, чем бахвалится бандит?

Они смердят, скоты: копьё, что их пронзило

Само, тлетворное, смердит.»

Клерваль явно ждал гневной вспышки Куаньяра. Но Норбер только хмуро молчал. А в чем-то этот чертов роялист и прав, у него не возникло особого желания защищать нантского утопителя Карье, с перечисления «подвигов» которого начинается стихотворение. Но в сердце гвоздем засел упрек Армана и Норбер болезненно поморщился.

Знал он и о злоупотреблении спиртным среди присяжных трибунала, уже не в состоянии выносить столько смертных приговоров они активно заливали это тяжелое состояние вином.

Знал и о поведении женщин-аристократок, еще недавно столь надменных и недоступных для простолюдина, теперь искавших спасения от гильотины в постелях чиновников Республики, что там, некоторые дамы не отказывали даже тюремному охраннику-санкюлоту.

И так уже, поступали жалобы, что революционные тюрьмы больше похожи на бордели, где заключенные аристократки в роли проституток, охрана исполняет роль сутенеров, а в роли клиентов, как заключенные, аристократы, так и санкюлоты охраны, и люди из Трибунала...

Всё это так, но почему же эти строки бьют наотмашь, как пощечина? Не потому ли, что Шенье озвучивает весь негатив, который они скрывают от общественности, чтобы в со-

знании народа не сложилось ненужных обобщений. Но только ли в этом все дело? Нет.

Злоба контрреволюции опасна вдвойне, когда облечена в талантливые формы. Шенье отлично знал, чем рискует. Что ж, он сделал свой выбор.

Впрочем, у Шенье были все шансы уцелеть, о нем могли просто забыть. Его отец и младший брат – якобинец, желая спасти сына и брата, строчили жалобы и прошения, но лишь не вовремя напомнили о нем... По-человечески, конечно, жаль, и всё-таки он настоящий контрреволюционер. И хватит об этом.

Эти мысли прервал Клерваль:

– Вот он, ваш де Бресси, забирайте.

Куаньяр увидел у колонны мужчину лет 50-55 в шоколадно-коричневом костюме, черных шелковых кюлотах и с напудренными по моде старого режима курчавыми темными волосами с проседью. Он устало и безучастно наблюдал за ними.

Когда Куаньяр приблизился, де Бресси встал и с обреченным видом протянул вперед руки, словно ожидая, что его должны заковать или связать. Он сразу узнал Норбера, лишь с губ сорвалось коротко:

– Так это вы?! Вы снова меня нашли? Отчего вы не оставите нас в покое?

– Садитесь, Бресси, нам нужно серьезно поговорить. В силу некоторых обстоятельств у вас есть шанс обрести свободу

и заграничный паспорт. Мало кому из «бывших» я мог бы предложить это, подумайте, прежде чем отказываться.

Куаньяр молча показал ему удостоверение Секретного Бюро при Комитете Общественного Спасения.

Граф де Бресси нервно поднялся снова. Его бледное лицо дёрнулось, как от пощечины, горло сжалось:

– Странное дело, гражданин, – в усталых глазах на секунду зажглась ирония, сменившаяся болью, – жизнь, свободу и как я понимаю еще и сотрудничество, мне предлагают люди, каздившие всю мою семью!

Он сделал гневный жест:

– Моя семья погибла, чем меня теперь можно шантажировать?! Обвинение против меня выдвинуть несложно: Роялист? Безусловно! Дворянин? Факт! Враг Республики? Да уж не друг, точно. Этого думаю вам уже достаточно, чтобы отправить меня на гильотину? Что вам еще нужно?! Я должен крикнуть: «Да здравствует король!», чтобы меня потащили в трибунал вне списка?!

Норбер резко поднял ладонь в знак предупреждения.

– Нет. Только не вздумайте кричать «Да здравствует...» Тише. Прошу вас. Иначе я буду бессилен помочь вам! Выслушайте меня...я прошу вас...

Сурово сжатые губы Куаньяра вдруг дрогнули в легкой улыбке.

– Что? – с недоумением переспросил граф, реакция якобинца была ему непонятна и уже потому страшна, – что за

чудовищная жестокость, неужели чужие страдания вас развлекают?!

– Ничуть, но я хотел сказать, что не всё так страшно, как вы думаете, – и выдержав паузу серьезно произнес, – Бресси, ваша семья жива.. живы все, и дети и племянница. Но за сестру с мужем можете даже не просить, их уже отправили в трибунал, герцог де Жюайез австрийский агент, тому есть доказательства, я лично видел эти документы. От вас зависит счастливое воссоединение семьи.. И кто вам сказал, что они казнены? Вы... помните Санлис... помните меня... откуда такая ненависть, за что?

Надежда мучительно боролась с недоверием. Наконец де Бресси медленно произнес:

– Куаньяр, отчего вы все время возникаете на моем пути.. где бы мы не скрывались, вы упрямо разыскивали нас. Почему я должен вам верить?

– Я никогда не преследовал вас со злым умыслом... Вам придется научиться доверять мне. У вас нет другого выхода, Бресси. Сейчас вас отвезут в другое место. Это не тюрьма, а частная квартира.

– Если всё это правда, то вы сможете ответить, где сейчас мои дети, где Луиза?, – голос де Бресси заметно дрогнул.

– Луиза, то есть гражданка Масийяк, – поправился Норбер под удивленным взглядом графа, – уже около десяти дней живёт на той квартире, куда сейчас отвезут и вас. Ваши дети по странной ошибке помещены в Ла-Форс, за ними уже

послали людей.. И одна убедительная просьба, вы умный человек, граф, не пытайтесь сбежать. Вас сразу схватят и даже я едва ли смогу чем-либо вам помочь. Люди Вадье и Амара для вас сейчас опаснее чумы. Я выразился достаточно ясно, защитник Трона и Алтаря?, – по губам Куаньяра невольно скользнула ироническая усмешка.

– Один вопрос, если позволите, рыцарь Красного Колпака, – ироничный де Бресси в долгу не остался, – мы скрывались от ищеек Комитета Общественной Безопасности, возглавляемого Вадье. Кого же представляете вы и ваши люди, ведь Секретное Бюро есть отдел вышеозначенного Комитета или нет?... Кому же вы тогда подчиняетесь?, – он растерянно замолчал и задумался, крайне напряженный и недоверчивый.

– Эта тема не должна вас беспокоить, господин роялист, – тон Куаньяра стал сух и резок, – нам нужна информация от вашей племянницы, лично от вас мне не нужно ровно ничего. Но услуга за услугу, так сказать, обмен любезностями.

Комитету Общественной Безопасности по ряду причин удобно, чтобы Луиза де Масийяк навсегда замолчала и исчезла. Вас с детьми они отправят под нож гильотины именно потому, что мы пытались вас спасти, – тут Куаньяр замялся, – чтобы дать почувствовать... одному важному члену революционного правительства, что он не имеет власти, превышающей их собственную. Короче, со стороны вашей племянницы... необходимая информация, мы со своей стороны –

обещаем сохранить всем вам жизнь.

Лично со своей стороны... – Норбер спокойно выдержал испытующий взгляд графа, – обещаю сделать всё от меня зависящее, чтобы отвести от вас и ваших близких угрозу знакомства с трибуналом».

Де Бресси некоторое время молча изучал его. Черт возьми, прошло пять лет, но он так и не оставил своих претензий и надежд, ведь не во имя горячего сочувствия к нему и его детям столько участия и усердия? Якобинец мало похож на милосердную мать Терезу..

Куаньяр жестом подозвал Клерваля и подал ему лист бумаги:

– Этот человек свободен.

– Вот как? Но где же приказ?

Из-за обшлага сюртука вытащил Куаньяр и развернул перед представителем трибунала бумагу с печатями Секретного Бюро. Под текстом стояла хорошо знакомая Клервалю подпись депутата от Арраса.

Комитет Общественного Спасения

Оба правительственных комитета располагались в здании бывшего королевского дворца Тюильри или точнее павильона Флоры, именуемого сейчас павильоном Равенства. Парламент революционной Франции – Национальный Конвент располагался там же.

Уникальное здание. Тюильри с равным успехом мог стать

как памятником королевской власти, так и памятником Великой Революции, если бы не был сожжён во время восстания Парижской коммуны в 1871 году...

Еще 7 апреля 1793 года революционное правительство Франции расположилось в апартаментах «австриячки». С июля 1793 Комитет стал расширяться, заняв бывшие покои принца, где ранее находился Комитет колоний, затем апартаменты бывшего короля, павильон Флоры и несколько небольших особняков на Карусельной площади.

В павильоне Равенства располагались также Комитет Ассигнаций и Монет, Комитет Финансов и Контрибуций, Комитет Путей Сообщения и ряд других комитетов.

Наряду с общим залом совещаний были выделены отдельные кабинеты для каждого из членов правительства. Поскольку многим из них часто приходилось оставаться здесь допоздна, в том числе и на ночь, в этих кабинетах появились и кровати. Это было своеобразное зрелище...

Из этой части замка был свой отдельный выход – «бывшая лестница королевы».

Комитет Общественного Спасения, представлявший собой революционное

правительство Французской Республики, занимал бывшие апартаменты Марии-Антуанетты на нижнем этаже и антресолях со стороны сада Тюильри. В течение 1794 года правительственный Комитет распространился также и на второй этаж, заняв к лету бывшие апартаменты Людовика Шест-

надцатого, где до этого располагался Комитет Колоний.

Если в апреле-мае 1793 между членами Комитета еще не было разделения функций, то позднее всё изменилось.

Комитет Общественного Спасения обладал общим секретариатом и распался на семь секций или бюро. Каждая секция имела своего руководителя и штат сотрудников.

Военной секцией руководили Сен-Жюст и Карно, секцию вооружений возглавлял Приёр из Кот-д'Ор, секцию продовольствия и транспорта – Лендэ.

Робеспьер и Барер занимались преимущественно международными связями. Однако они не были разобщены, Барер составлял письма и отчеты для многих секций и бюро, а Робеспьер был в курсе дел каждой из них.

Осенью 1793 года Робеспьеру предстояло писать доклад о международной обстановке, в качестве консультанта пригласили дипломата «старой школы» из «бывших» графа Кольхена.

Впоследствии граф писал, что у него сложилось неожиданно приятное впечатление от общения с этим революционером.

Вместо жестокого грубого фанатика, угрожающего всем по любому поводу арестом и гильотиной, а именно так рисовали себе противники Неподкупного, он с хорошими отличными манерами даже для дворянина.

И это было так, Робеспьер был одним из тех якобинцев, кто не считал нужным доказывать свою «революционность»

подражанием городской бедноте в виде красного колпака, расстегнутого воротника сорочки или грязных манжет...

Обращаясь к Кольхену Робеспьер говорил не обычное для республиканца «гражданин», а старорежимное «месье»... И что из этого следует? Да ровным счетом ничего.

Рабочий день Комитета начинался рано, с семи утра. Запираясь в своих кабинетах часов до десяти-одиннадцати, они читали и отправляли корреспонденцию, а также завершая работу, начатую накануне.

К десяти утра все члены Комитета собирались в большом зале. Здесь, не выбирая председателя и не ведя протокола, обсуждали общие дела, по некоторым из них особенно срочным и не вызывавшим разногласий решения принимались сразу, остальные откладывали до прихода специалистов-экспертов.

В час дня одни отправлялись в Конвент, иные продолжали совместный разбор текущих дел. Кто не успел позавтракать дома, тут же перекусывали на месте, в углу стоял стол, еду заказывали в ближайшем кафе, кто слишком устал после бессонной ночи, тут же урывками отдыхал на походных кроватях, всегда стоявших в других углах зала, всё это придавало рабочему помещению странный вид.

Рабочий день французского революционного правительства не был чётко ограничен временем. Только в пять-шесть вечера члены Комитетов устраивали перерыв на обед. Женатые обедали дома, остальные депутаты и люди Комитетов

питались в соседнем кафе, притом очень скромно, платя в среднем по 8 су за человека.

Через час-полтора заседание возобновлялось. Возвращались ушедшие в Конвент, приходили за распоряжениями министры, появлялись вызванные накануне эксперты, всюду оживленно сновали секретари и курьеры.

Заседания Якобинского клуба происходили два-три раза в неделю с восьми до десяти или одиннадцати вечера, в крайних случаях собрание расходилось в двенадцать ночи.

Вечернее заседание Комитетов также часто затягивалось до двенадцати, до часу ночи, иногда и дольше. Часто, утомленные сверх разумного предела люди теряли выдержку, становясь агрессивными, не стесняясь более в выражениях, так, грубые наскоки Билло на Робеспьера стали постоянным явлением и тогда, обычно это случалось за полночь, обстановка резко накалялась. В этом случае ловкий Барер с его чувством юмора спешил остроумной репликой или весёлым каламбуром вызвать смех и временно рассеять взрывоопасную напряженность.

Так почти без отдыха, работая по 15-18 часов в сутки, на грани человеческих сил и разбирая ежедневно по 500-600 дел, члены революционного правительства Франции имели при этом грошовый оклад, расстроенные нервы и моральное удовлетворение «мучеников, истязающих себя во имя общественного спасения...»

Это не работа, исполняемая только ради заработка и для-

щаяся строгое количество часов, это то, чему посвящают свои жизни без остатка...это искренняя вера и страсть, ради которой умирают и убивают...

Двери двух комитетов разделял коридор, устланный изрядно посеревшим, но некогда красным ковром.

Новые хозяева тюильрийских кабинетов совсем не напоминали королевских чиновников и придворных с их чванными церемонными манерами, в пудренных париках, сияющих золотом и бриллиантами кафтанах.

Воротники фраков и рубашек часто были небрежно растегнуты, что можно было легко объяснить удушающей жарой, от которой не спасали открытые настежь окна.

Революция создала новый этикет, при встрече мужчины более не раскланивались церемонно и не мели шляпой пол, а сдержанно подавали друг другу руку в знак равенства и братства. Но ни климат, ни психологическая обстановка никак не способствовали миролюбию и спокойствию людей.

Куаньяр с докладом стоял у окна в ожидании Неподкупного. Громкие, резкие голоса из Комитета Общественного Спасения заставили его прислушаться, взаимные обвинения и угрозы сыпались, как из рога изобилия.

В помещениях, занимаемых Комитетами, сохранилась почти прежняя роскошь обстановки, доставшаяся от «старого режима». У входа стояли вооруженные жандармы.

Толчком приоткрывшаяся дверь позволила Норберу увидеть потрясающую сцену, рослый Билло-Варенн, ухватив Ро-

беспьера за воротник сюртука и встряхивая, грубо ругаясь, диким голосом кричал:

– Сам ты подлинный контрреволюционер! Честолюбец и карьерист! Товарищи, этот коварный человек станет диктатором Франции только через наши трупы!

В бешенстве, с трудом вырвавшись из сильных рук Билло, Неподкупный вскрикнул:

– Хотите войны? Отлично! Будет вам война! Я рождён бороться с преступниками, а не руководить ими!

На губах Норбера сама собой возникла усмешка. Вот это фраза, афоризм! Но этого коллеги точно не простят ему!

Подхватив порывистым жестом шляпу и трость он быстрым шагом вышел из кабинета, хлопнув дверью. В эту минуту он не видел никого и Норбер не счел возможным останавливать его.

И этого несчастного еще пытаются выставить «тираном и диктатором»?! Но где же видано, чтобы с диктатором говорили в таком тоне, чтобы ему кидали обвинения в лицо, трясли за воротник, ничуть не боясь последствий?

Того, что он увидел, было вполне достаточно, чтобы понять, единство самого революционного правительства Франции миф...

А под окнами уже собралась толпа любопытных гуляющих парижан...

– Эй, Жак, они там что, убивают друг друга?!

Дверь кабинета напротив, приоткрылась, и низкий бар-

хатистый голос Амара, одного из виднейших членов Общественной Безопасности окликнул его:

– Гражданин Куаньяр, а вас я попрошу задержаться... на пару слов!

Амар, худощавый человек около 40 лет с резкими чертами лица в черном сюртуке сидел за столом, накрытым зеленым сукном. Рядом с ним стоял, небрежно опираясь о край стола высокий и худой тип средних лет, тоже весь в чёрном, Арман Кавуа, один из агентов Общественной Безопасности, близкий Амару человек.

– Чёрт бы их подрал!, – подумалось Норберу, – догадываюсь даже, что их беспокоит!

– Вы откровенно избегаете нас в последнее время!, – вкрадчиво начал Амар, – мы всё же коллеги, а не враги. Когда и мы сможем ознакомиться с вашим докладом?

– Доклад еще не готов, граждане, – Куаньяр произвольно прижал к себе папку, – после ознакомления с ним гражданина Робеспьера...

Амар резко хлопнул ладонью по столу. Лицо Кавуа стало озабоченным и злым.

– Чёрт бы его побрал! Он снова превышает свои полномочия! Подобные дела в ведении нашего Комитета и вы обязаны представлять отчеты мне или Вадье!, – Амара распирало бешенство, в глазах метались искры.

Куаньяр спокойно, с презрительной усмешкой переждал этот взрыв эмоций. Иной реакции он и не ждал.

– Не сомневаемся, любезный, что девица Масийяк у вас. Передайте ее нам в ближайшее время. Бюро удерживает ее незаконно, – заговорил Кавуа, тон его был примирительным, но улыбка вышла кривой и неестественной.

– По декрету от 27 жерминаля II года Республики, – холодно улыбаясь, ответил Куаньяр, – дела, подобные этому находятся в ведении Бюро, и нет иного декрета, который этот факт отменяет. Это не вопрос честолюбия, мы законопослушные граждане и только!

Амар встал, опираясь руками о стол. Лицо исказилось гневом, на лбу мелко выступил пот. Наконец его прорвало ненавистью:

– Пособники диктатора! Это Якобинский клуб – стражи и лейб-гвардия Революции? Как бы не так! Знаем мы, чья вы лейб-гвардия! Мы видим насквозь ваши черные умыслы! У нас под носом созрел новый Нерон!

Норбер насмешливо прервал его:

– Что это было? Ознакомились с перепечаткой лондонских брошюр? Вам по должности полагается одним из первых знакомиться с работой контрреволюционных борзописцев, но цитировать их писанину, ни к чему.

Амар изменился в лице совершенно:

– Не достанется вам диктаторская власть, к которой вы так рветесь, вот!, – он вскинул к лицу Норбера всем известную комбинацию из трех пальцев. Но чем более бешенство захватывало Амара, тем спокойнее выглядел Куаньяр. Невоз-

мутимо поправил он кисейное жабо.

– Так и передам гражданину Робеспьеру, – и круто развернувшись на каблуках, вышел из кабинета. Последнее, что он заметил это хитрый, полный откровенной ненависти взгляд молчавшего всё время Кавуа.

Раскол среди якобинцев июнь -июль 1794

Внутренний раскол к лету 1794 года зашел слишком далеко. Делая обманчиво-примиряющие жесты, обе стороны в тайне готовились к решающей схватке.

Норбер вспомнил предложение Сен-Жюста, чтобы использовать арестованных аристократов, заставив их отбывать трудовую повинность, там, где это потребуется, сделав это заменой массовых смертных казней.

Предложение было с возмущением отвергнуто Комитетом Общественной Безопасности! То, что они заявили, было просто поразительно, оказывается, это слишком жестоко, аристократы не приучены к труду, труд для них подобие пытки, а революция, основанная на идеях Руссо, и принципы демократии категорически запрещают пытки и любые жестокие и унижающие формы обращения и наказания.

Стало быть, выходит, что смертная казнь для них должна быть менее жестока, чем труд?... Вот так логика! Вот так гуманисты!

« Флореаль II года Республики... Нация верит в нас, несмотря на все свои трудности и беды.. Доверие народа для

нас слишком свято, мы не смеем его обмануть. Но что мы сейчас реально в состоянии предложить людям? Вантозские декреты Сен-Жюста безнадежно похоронены в парламентских комиссиях и подкомиссиях, бюрократизм превратит их в популистскую фикцию.

Нами предложена безвозмездная передача земли крестьянам, кажется, прекрасная идея? Но крупные собственники в Конвенте провалили этот проект, участки можно лишь выкупать в рассрочку, а у многих ли в деревне есть такие деньги?

И что теперь? Что же это?! Вместо умиротворения уставшей от войн страны посредством прочных демократических институтов, введения конституции 93 года, мы дадим им этот дьявольский декрет, который способен учинить чудовищную бойню?! Максимильен пока свято верит в цивилизованное примирение всех здоровых сил нации. С этой же целью национального единства идет и подготовка к празднованию Верховного Существа. Если праздник оправдает его ожидания, если Неподкупный убедится в правоте своих надежд, жестокий проект никогда не увидит свет. Так сказал Огюстен. Только потому проект и держится в тайне..» – задумчиво и грустно Куаньяр покачал головой в лад собственным мыслям.

Он мирно заснул и тяжелые предчувствия не волновали его, казалось, всё идёт гладко. Праздник Верховного Существа должен всколыхнуть чувство национального единства и

братства и страшный проект никогда не станет законом. В это хотелось бы верить...

Эпоха революционного террора и война с коалицией скоро закончатся.

Будут созданы новые подлинно демократические, республиканские учреждения, которые просветят нацию и научат вчера еще забитых людей жить по-новому.

Отдавшись мирному труду, французы станут примером для всех народов Европы, а затем и иных континентов, освобождённых от колониализма и рабства народов Азии и Африки, Центральной и Южной Америки... Это будет новый мир, без завоеваний и расового угнетения, без дворянских привилегий и народного бесправия...

Лишь немного позднее Норбер поймет всю глубину своего просчета: мечту он принял за близкую действительность, этот благородный самообман разделяли и его друзья. Всё обстояло куда сложнее и хуже...

Только в июне он чётко осознал, что «иностранный заговор» весны и злосчастный прериальский декрет были двумя актами одной провокации, затеянной с целью погубить Неподкупного, выставив его же при этом «свирепым тираном»..

Для вида члены Конвента отчаянно сопротивлялись принятию прериальского декрета, но когда же он был принят, Лендэ с удовлетворением заметил председателю Комитета Общественной Безопасности Вадье: «Неподкупный в наших

руках. Он сам вырыл себе могилу».

Почти никто не знает однако, что не Робеспьер был первоначальным и настоящим автором жестокого декрета, который тут же окрестили его именем, а бывший аббат Сийес!

Билло же был первым и представлял проект подобного закона в Конвенте!

Чёрная комедия, именно Билло чуть позднее насканивал на Неподкупного по поводу принятия закона и даже публично обзывал «контрреволюционером» ...

Спровоцировали умело и тонко, чтобы впоследствии публично обвинить в кровожадности! А хитрый лис бывший аббат Сийес? Перед Термидором он незаметно втерся в доверие к Робеспьеру, это было странное сближение двух очень разных людей, Максимильтен обычно не отличался доверчивостью и открытостью.

Сийес тайно нашептывал Неподкупному, заклинал поспешить с принятием декрета, уверяя, что «смерть без фраз» (так сам аббат-интриган цинично назвал жуткую новую форму судопроизводства) «единственное спасение!» Забыв, правда, сказать для кого!

Двуличный негодяй! А кто более всех возмущается преиальским декретом? Да именно те, кому этот закон выгоден и кто уже использует его в своих целях, сторонники «крайнего террора», наследники Эбера и Дантона, теперь же, обвиняя Неподкупного в кровожадности, они сами сотнями поставляют жертвы эшафоту, прикрывая собственные злодея-

ния его именем! Провокаторы профессионально расставили сети еще весной 1794 и как ни странно, он таки попал в их ловушку!»

Кроме политических шакалов вроде Тальена и Барраса, у Неподкупного были умные и беспринципные, очень опасные и сильные враги, мозгом заговора можно считать Жозефа Фуше, опального комиссара Конвента.

Этот человек менял свои «убеждения», опережая события. Его позиция состояла в том, чтобы поддержать сильнейшего, добить того, чьи позиции ослабли и сохранить своё влияние при любом режиме.

Он изменил последовательно жирондистам, якобинцам, термидорианцам. Был министром внутренних дел Директории, позднее получил от Наполеона титул герцога Отрантского, сохранив прежний пост.

Он же способствовал падению Робеспьера в 1794 и Наполеона в 1814 году.

Ухитрился послужить даже вернувшимся из эмиграции Бурбонам, сцепя зубы терпевшим как «специалиста в деле политического сыска» этого бывшего якобинца и бывшего бонапартиста, профессионального предателя-перебежчика, теперь, конечно же «убежденного» сторонника короля, женившегося на молоденькой аристократке, чья родня погибла на эшафоте в годы Террора, в организации которого он принимал самое живейшее участие!...

Злосчастный прериальский декрет от 10 июня всколых-

нул самые худшие опасения Куаньяра. Он думал: «Декрет не только окончательно лишает самих депутатов Конвента иммунитета, но что опаснее всего до предела упрощает судопроизводство, если ранее шансы представших перед трибуналом были всё же 50/50, то теперь их шансы уцелеть почти сведены к нулю... раз отменялись следствие, допрос, адвокатская защита, мерилom приговора становилась отныне «совесть судей, движимых любовью к Родине!» Это же смертная казнь без шанса на оправдание?! Как же так?! Всё это не то, совсем не то...

Я тоже всеми силами содействовал истреблению аристократов и жирондистов, чиновных и военных преступников, всегда был и буду принципиально беспощаден к врагам революции. Пока существует само революционное правительство, особенно после жерминальских реформ у нас есть все средства для подавления противника!

Разве нет? А если так, для чего создавать этот дикий закон? Не для того ли, чтобы нас прокляли современники и жестоко осудили в будущем? Это страшное оружие сработает именно против нас самих!

В чем тут корень зла? А в том, что согласно этому закону, врагом нации становится не всякий реальный враг и даже не каждый инакомыслящий, но любой неугодный тем, кто станет этот закон применять! А что если он попадет в корыстные, грязные руки интриганов? Да он тут же и обернется против нас!

Максимильен отличный систематизатор, это так. Он всё доводит до логического конца, но в данной ситуации логический конец стал политическим абсурдом и нашим самоубийством! Он пытается выковать грозное оружие и не задумывается о том, что оно опаснее всего для нас самих.. Нам и так выпало трудное, жестокое время, еще приходится бороться с врагом и проливать кровь. Но не нужно напрасно запугивать безвинных людей, создавая нам легионы врагов новых и не нужно проливать кровь без всякой пользы для общего дела – при всём уважении вот мой приговор вашему декрету...Если злосчастный документ будет принят, он погубит нас самих!»

Спокойный рассудочный человек, нервная, чувствительная и тонкая натура, иногда долго колеблющийся перед принятием решения и недостаточно решительный, в чём обвинял его Марат летом 1793, он чужд всякой жестокости в быту, в частной жизни, внимателен и добр к близким ему людям, чему свидетели вся семья Дюплэ, совсем не «хищник, жаждущий крови», каким рисовали его личные враги и контрреволюционная пропаганда, зачем настоял Неподкупный на принятии этого декрета, буквально продавливая сопротивление Конвента? Чего на самом деле он рассчитывал добиться?!, – вот о чём думали Жюсом и Дюбуа в то же самое время, – Каково истинное назначение злосчастливого закона?»

Неофициальным автором жестокого декрета считался хитрец Сийес, представивший его Робеспьеру, как един-

ственный шанс на спасение ситуации.

Глава оппозиции Робеспьеру внутри Комитета Билло-Варенн изначально также настаивал на принятии прерияльско-го декрета, но уже чуть позднее все было представлено так, что инициатор только Неподкупный.

Похоже, что Неподкупный и сам не знал, как выйти из этого замкнутого круга, иначе не настаивал бы на принятии декрета, опасного для него самого, его людей и самой Революции куда больше, чем для их противников.

В эти последние два месяца ближайшие к Неподкупному люди иногда переставали понимать его, он замкнулся и отдалился и от них, принимая решения самостоятельно и часто ставя их уже перед фактом.

Осуществление Большого Террора в реальности находилось в руках группировки Билло-Варенна, в руках противников Робеспьера в Комитете и с конкретной целью его дискредитации. Именно это объясняет дикий размах репрессий последних двух месяцев и наибольшее количество невинных и просто случайных жертв. Враги Неподкупного верно рассчитали, чем больше будет откровенно бессмысленных репрессий и заведомо невинных жертв, тем лучше. Ведь при этом все преподносилось совершенным персонально от его имени...

За два месяца Большого Террора в Париже с 10 июня по 27 июля 1794 года на эшафот было отправлено 1378 человек и лишь 200 из них были оправданы!

Но характерно, кроме двух-трех, ни на одном документе за эти последние полтора месяца подписи Робеспьера уже не было. Он понял, в чьи руки попал проклятый декрет и как они его используют, но был уже бессилён на что-либо реально повлиять...

Для сравнения, за 14 месяцев революционного террора с марта 1793 до 10 июня 1794 в Париже были казнены 1251 человек...

Жертвы этого террора уже по большей части не аристократы, не роялисты, часто это вполне случайные люди, остатки разгромленных фракций Эбера и Дантона, вчерашние противники они объединялись в озлоблении к революционному правительству. А может и не были они искренними врагами друг другу и Неподкупный еще раз прав?

Оппозиция не занялась взаимоистреблением, как может быть и предполагалось Неподкупным, напротив, стало четко видно, что они объединились, перенеся ненависть к правительству на личность Робеспьера.

Забывая при этом, что все решения принимались только коллегиально, большинством голосов и росчерк пера одного человека не решал ничего в якобинских структурах власти, режим, безусловно, жёсткий, но безличный, это «диктатура без диктатора» или по меткому выражению роялиста Малуэ: «Управление Алжиром без бэя».

Равный среди равных среди членов Комитета Неподкупный иногда как сильная личность в чем-то невольно по-

давлял своих коллег, его крайняя принципиальность, суровая требовательность к себе и к окружающим, выливавшаяся нередко в нетерпимость к чужим слабостям, вызывали неприязнь и склоки, ущемляли самолюбие коллег, временами ощущавших себя менее значимыми.

В этом первоначальный и истинный смысл ядовитого эпитета «диктатор».

Британская пропаганда последних месяцев и усилия их французских коллег не пропали даром, в существование «личной диктатуры Робеспьера» уже искренне поверило немало обывателей, в том числе самих революционеров, депутатов Конвента.

Как уже было сказано, есть сведения, что и американцы, которым французы весьма доверяли и считали союзниками, в это время вели тайный «подкоп» под якобинское правительство Франции.

Оплаченные британским правительством писаки справились со своей задачей.

Сбитые с толку и запуганные обыватели морально уже готовы были принять переворот как благо, чего и требовалось добиться.

А жестокий прерияльский декрет, опасный более для самих робеспьеристов, лишь убил надежду на примирение сторон. Обеим сторонам спасение виделось только в физическом устранении оппонентов. В бескровное решение конфликта больше не верил никто...

Якобинец и роялистка

Куаньяр отправился в очередной раз навестить своих «узников», затворниками проживавших уже больше месяца на улице Сен-Флорантэн. Кроме ограничений свободы поводов жаловаться у них не было, в их полном распоряжении неплохо обставленная квартира из трех комнат, не считая гостиной и кухни, где готовит и прибирается лично им нанятая пожилая женщина.

Перед зеркалом Норбер внимательно и критически оглядел себя и обнаружил не без удивления недостатки, на которые прежде не обращал внимания, сюртук был потёртым, низкие сапоги стоптаны, галстук небрежно полуразвязан, лёгкая небритость также явно его не украшала, чрезмерно длинные чёрные волосы, выбивавшиеся из под шляпы, едва ли не до лопаток, лоснящиеся и сальные придавали ему немного дикарский вид...

Впрочем, типичный санкюлот, обитатель рабочего Сент-Антуанского предместья.. ничего особенного.., но это совсем не то, что может вызвать симпатию молодой графини...

Все эти недостатки следовало немедленно устранить, сменив старый сюртук на новый, а главное – аккуратно связать чёрную гриву в хвост, как делал всегда из уважения к Робеспьеру, когда посещал дом гражданина Дюплэ..

Остановив фиакр у подъезда, Норбер поднялся на третий этаж и открыл дверь, ключи от этой квартиры были только

у него и служанки.

Решительно вошел в гостиную, но замер и остановился, держа в руке шляпу с трехцветной кокардой, увидев, как Луиза де Масийяк, непозволительно красивая в ярко-розовом, струящемся до пола платье встала при его появлении из-за стола и отложила в сторону книгу.

В больших грустных глазах он ясно читал озабоченность и легкий испуг и испытал смутную обиду, она по-прежнему видит в нём «свирепое революционное чудовище», бледнеет, вздрагивает и отстраняется при его приближении и малейшем прикосновении.

– Я присяду, вы не против?, – мягко произнес Норбер, – отчего вы так насторожены? Мы с вами общаемся достаточно часто, за это время я не сделал вам никакого зла, почему вы меня боитесь? Давайте я сам попробую угадать причину, а вы скажете прав я или нет? Вы чувствуете себя зависимой и беззащитной, обязанной мне жизнью и боитесь, что я назначу особую цену своему покровительству?» Норбер выразительно взглянул на девушку и её нежные щеки залил румянец, – а также ваш страх вызывают все революционеры, все якобинцы, вы приучены видеть в каждом из нас врага и злодея, это заметно. Итак, я прав? ответьте же мне...

Луиза внимательно рассматривала его смуглое лицо с правильными, чуть резкими чертами и не находила в нём ровно ничего зверского или гнусного, скорее напротив. «Он весьма привлекателен для санкюлота», – вдруг подумалось, и тут же

она устыдилась этой мысли.

Он как-то неуловимо изменился за этот месяц, ввалились глаза, оливковая кожа приобрела болезненный зеленоватый оттенок, резко обозначились скулы. Смутная предательская жалость змейкой вползла в сердце. Что это с ним случилось?

– Вы совершенно правы, гражданин. Если вы об этом спрашиваете, значит вам небезразлично, что мы чувствуем, мне от этой мысли гораздо спокойнее, – девушка принужденно слабо улыбнулась.

Сердце Норбера бешено стукнуло и куда-то провалилось, он проигнорировал эту досадную принужденность тона. Неужели она больше не чувствует себя беззащитной жертвой, а значит не должна видеть в нём тюремщика и злодея!

– Значит мир?, – улыбаясь, он протянул ей руку через стол.

– А разве между нами была война?, – в глазах девушки мелькнуло удивление.

– И всё же дайте мне вашу руку в знак того, что вы не видите во мне больше злодея и мучителя, мне это очень важно, я прошу вас.

Девушка неуверенно и осторожно протянула к нему маленькую узкую кисть. Осторожно и очень нежно Норбер сжал её в своей ладони, прижал её к губам. Это не слишком походило на дружеский жест.

Луиза тревожно взгляделась в лицо собеседника. Обыч-

ное выражение холодного бесстрастия совершенно исчезло, она почувствовала беспокойство. Норбер еще раз осторожно коснулся губами тонких пальцев.

Луиза слегка вздрогнула:

– Пустите, гражданин, – нервным жестом отняла у него руку.

Куаньяр по-прежнему спокойно и мягко смотрел на неё:

– Я сделал что-то выходящее за рамки приличий?

Она не успела ничего ответить.

В гостиной бесшумно возник де Бресси, ставший невольным свидетелем последних минут разговора и успевший отметить положительные изменения в костюме и в причёске республиканца, под его особенно внимательным взглядом Норбер смутился, но принял свой обычный невозмутимый вид.

– Чем обязаны столь важным визитом?, – с едва уловимой иронией произнес он, и взглядевшись в помрачневшее лицо Куаньяра спросил прямо:

– Скажите как есть, что случилось?

Норбер откинулся на спинку стула и глядя вверх головами невидящими, обращенными «в себя» глазами заговорил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Если всё произойдёт в течение июля, всех вас придется снова отправить в тюрьму...

Серьёзное лицо де Бресси застыло в напряжении:

– Это следует понимать так, что-то изменилось и мы вам

больше не нужны. Значит снова тюрьма, а оттуда ...»

Норбер резко вскинул голову и, взглянув де Бресси прямо в глаза, поднять глаза на Луизу у него не хватило сил, он тяжело вздохнул:

– Вашим жизням по-прежнему ничто не угрожает. Люди Вадье осмотрели уже все списки заключенных, обыскали все тюрьмы Парижа и не обнаружили вас. Теперь очередь частных домов и квартир. Мы поместим вас либо в Карм, либо в Сен-Лазар в последний момент, перед тем как..., не суть, это будет скверный сюрприз для моих любезных коллег. Скоро им станет совсем не до вас. Чем бы для нас это не закончилось, в любом случае вы будете свободны, либо я снова приду за вами, либо.., – он горько улыбнулся, – вас освободят... по амнистии, как «жертв якобинской тирании...»

Чтобы слегка сгладить жуткое молчание, слегка улыбаясь, Куаньяр добавил:

– Сегодня утром люди из Общественной Безопасности едва не порвали меня в клочья из-за вашего исчезновения, они боятся ваших показаний, гражданка Масийяк и моего доклада...

Положив ухоженные руки на стол, де Бресси цепким и внимательным взглядом изучал молодого республиканца. Этот визит показался ему особенно значимым.

О прошлом между ними не было сказано ни слова, но граф помнил давнюю страсть Куаньяра к своей племяннице и составил себе твердое представление относительно истин-

ных мотивов своего спасения.

Накануне в разговоре с Луизой граф осторожно коснулся этой щекотливой темы, но девушка лишь удивилась такому предположению, ведь этот красивый, но такой холодный и деловой молодой человек ничем не обнаруживал теплых чувств. А то письмо и цветы.. это было так давно..

Разве после сегодняшнего визита она не задумается? При всей доброте нрава и относительном либерализме эта мысль была графу немного неприятна.

И всё же он сам прервал молчание:

– Мы можем предложить вам кофе, гражданин Куаньяр?

Норбер склонил голову:

– Не откажусь, гражданин Бресси, если бы все аристократы были так любезны к нам..., – тон беззлобной насмешки он сдержать не сумел.

Граф этой иронии не принял:

– Революционная тюрьма в ожидании смертной казни хорошая школа нового этикета, в нашем положении трудно в чём либо вам отказать.

Куаньяр стал серьёзен и поднял ладонь в знак примирения. Чувствовалось, что ему немного неловко, но, ни одного слова не сорвалось с его губ.

Де Бресси с минуту молча мерил молодого человека внимательным взглядом. И думал о своем.

«Проклинают дворянскую спесь, а что же он показал иное или яacobинский «кодекс чести» мешает ему извиниться?»

Однако всё же по-своему недурной человек, интересный, умный, у него немало личных достоинств, вынужден по справедливости признать.

Но при всем этом фанатик революции, опасная и беспокойная судьба, в силу принципов обреченный приносить смерть и ждать смерти, упаси Бог Луизу увлечься им», – вот о чем думал де Бресси, не сводя глаз с властного гостя, хмурым изучавшего в это время его самого.

«Честный, добрый человек, гордый без барства, по-своему принципиальный, и что? Дворянин. Роялист. Может его мягкость и простота обращения маска, а окажется на свободе и первым делом схватится за оружие и перережет мне горло? Но всё же как он непохож на д'Эспаньяка, Белланже, Желамбра, на генерала-палача Лантенака, на всех этих Пюизэ, Шареттов, Ларош-Жакленов... Вынужден сознаться, мне он нравится, не хочу его казни, нет...», – при последней мысли Норбер ощутил себя почти изменником революции и смутно устыдился её, как непозволительной слабости. Вырвался тихий вздох.

Пожилая служанка Петронелла принесла наконец кофе.

– Вы оба любите читать. Здесь есть Руссо, Рейналь, Гёте, Шиллер, из классики Корнель, Расин, если что-то нужно ещё, скажите мне сейчас.

– Мы нашли здесь еще кое-что, – вежливо заметил успокоившийся де Бресси, – похоже, что вы решили еще заняться нашим политическим воспитанием в духе радикального

якобинизма? Предупреждаю сразу и честно, это напрасный труд...

От удивления Норбер поставил на стол ароматно дымящуюся чашку:

– «О чём вы, Бресси?»

– Ну как же, а десятки брошюр с речами вашего патрона, кое-что я даже пролистал, грешен, на досуге. Особенно две крупные темы, доклад «О принципах революционного правительствa» от 25 декабря 1793-го и «О принципах политической морали», более свежий февральский.

Читая последний доклад, едва с ума не сошел на шестом десятке, оказывается у наших революционеров совершенно особый тип мышления, я бы сказал уникальная логика, не поняв её, не понять подлинных мотивов их поведения, не понять всего, что произошло с нами с 1789 года! Что же вы застыли, как идол с острова Пасхи, кофе остынет, это и к тебе относится, Лулу, – де Бресси мягко коснулся плеча племянницы.

– Уже довольно поздно, – заторопился слегка растерявшийся Норбер, – я снова навещу вас через пару-тройку дней, если позволите, – последние слова он произнес, повернувшись в сторону молодой женщины и отдельно для де Бресси:

– Вы интересная личность, – и не удержался, – для аристократа.

– Могу вернуть вам ваш комплимент и сказать о вас то же самое, рыцарь Красного Колпака.

Мужчины обменялись всплеском иронии, но, кажется, остались вполне довольны друг другом. На пороге Куаньяр слегка поклонился в сторону девушки, от волнения это вышло сдержанно и слегка неловко.

Когда за Куаньяром закрылась дверь, де Бресси обернулся к Луизе:

– Ну и скажи, что я был неправ, этот человек глубоко неравнодушен к тебе, в этом и наше спасение и наша проблема! В зависимости оттого, что ты сама думаешь об этом..Соседи в Санлисе не зря иронизировали над буржуазным отношением к морали в нашей семье, хотя я всегда считал, что это скорее плюс, чем минус..

– Что вы говорите, дядя Этьен, – слегка смутившаяся Луиза звонко рассмеялась, – этот свирепый революционер, фанатик идеи... и вдруг банально влюблён? Конечно, я помню, что он защитил нас с Жюстиной от взбешенной толпы, помню про это письмо, и всё же это было так давно...Я даже невольно вздрагиваю, когда он подходит ко мне близко и касается моей руки..

Он спас всем нам жизнь и благодарности ничто не может отменить, но разве в качестве агента Общественной Безопасности он не выслеживал сторонников Бурбонов, людей нашего круга, не подводил их под трибунал и гильотину? Мои чувства смешаны, и хотя он не сделал нам ни малейшего зла, я не знаю, что думать и как к нему относиться...»

– А что, он хорош собой, разве ты не замечаешь, Луиза?

И нет в нём ничего злобного или мерзкого, – вмешалась в разговор 17-летняя кузина Жюли и покраснела под строгим взглядом отца, оборвавшего её щебетание.

– Он революционер, якобинец, милая, и это надо помнить прежде всего, и вообще ты сегодня целый день говоришь глупости! Учись рассудительности у Луизы!

– А по мне так все они одинаковы!, – хмуро буркнул под нос младший брат Жюли 16-летний Анри Кристоф, – если волк вас не сожрал, это не значит, что он добрый, просто он сыт.

Действительно, в июле визиты якобинского агента Куаньяра на улице Сен-Флорантэн делались всё более частыми и на первый взгляд как будто беспредметными.

Если поначалу он долго и тщательно записывал показания племянницы де Бресси, то позднее общие темы, совсем не касающиеся политики и текущих событий всё чаще звучали в гостиной, Луизу весьма интересовала современная литература, она немало удивленная такими переменами не отказывалась поддержать разговор, 16-летний младший де Бресси держал себя сухо и сдержанно, но его сестра 17-летняя Жюли-Габриэль по примеру кузины перестала дичиться «страшного санкюлота» и весело поддерживала разговоры, почти подросток, она видимо хотела скорее забыть о пережитом в тюрьме ужасе.

Граф де Бресси, привыкший относиться к Луизе как к старшей дочери с тревогой отмечал, как постепенно теплели

глаза девушки, как она оживлялась при очередном появлении Куаньяра, как медленно таял страх и отчуждение.

Наблюдая визиты революционного агента, он часто думал: «Упрямец! Он заметил ее еще в Санлисе, тому уже 5 лет. Понятное дело, Луиза не могла воспринимать его как кавалера. Этот «революционный негодяй», эпитет скользнул в мыслях скорее с досадой, чем со злобой, умён и вполне образован, а вдруг... Нет, этого быть не может, девочка не сможет его полюбить, она просто испытывает к нему благодарность, кто бы он ни был, но он спас нам жизнь.»

Тогда он нарочно старался привлечь ее внимание к тем проявлениям натуры нежелательного кавалера, которые не могли не быть остро неприятны и даже враждебны ее дворянскому происхождению и роялистскому воспитанию, намеренно вынуждая Куаньяра высказываться по поводу текущих событий, в особенности политики революционного террора.

Снова увидев в нем защитника революционной Республики, якобинца и сторонника Робеспьера, молодая женщина опасно и неприязненно вздрагивала, отстранялась и снова становилась холодно-сдержанной.

Но Норбер, заметив проблему, умело и мягко уходил в сторону от углубления в эту тему и через некоторое время де Бресси с неудовольствием замечал, что все его попытки поддерживать у племянницы прежний страх и холодность к этому человеку терпят полное фиаско. Задумчиво-грустная она

вдруг стала заметно оживать в присутствии этого «якобинского монстра», всё чаще улыбается ему. Да, она по-прежнему относится к нему настороженно и опасливо и все же что-то едва уловимо изменилось...

Де Бресси и Луиза остро ощущали неуверенность и двусмысленность своего положения. Граф сознавал, точнее, составил себе твердое представление, чему обязан жизнью он сам и его дети, это «крайне низкий поклон» в сторону Луизы, дикое желание самолюбивого санкюлота, во что бы то ни стало обладать его благородной племянницей..

Но отчего же Куаньяр так ни на что и не решился?

Девушка полностью в его власти, от него зависит скрывать их дальше или вернув в руки коллег из Общественной Безопасности, отправить на гильотину. Де Бресси хорошо знал, что многие женщины в таком положении, отдались бы своему покровителю, но зная характер Луизы и воспитание, в котором он и сам принимал участие, ему было ясно, спастись таким способом племянница не станет и... погубит всех их? Но с другой стороны, нельзя же упрекать её за это...

Впрочем, девушка была не вполне искренней, когда сказала дяде, что не замечала знаков внимания со стороны якобинца. Они были крайне деликатны и почти незаметны, но обмануться было трудно, это не просто формальная вежливость...

Луиза, обдумав ситуацию, вдруг принимает ужасное для неё решение, она должна забыть о гордости, о своих чув-

ствах и спасти юных кузенов, еще почти детей и доброго дядю Этьена, заменившего ей отца...

Но, как чудовищно трудно перешагнуть через свое достоинство, свои чувства, какое унижение предлагать себя человеку, который имеет возможность говорить с позиции силы, не ухаживать мягко и терпеливо, а грубо потребовать... благодарности за спасение.

Она много слышала о том, что такое сейчас происходит совсем нередко. Но почему же наконец он не делает этот шаг и ставит ее, как женщину в еще более унижительное положение?!

Девушка решительно открыла дверь в дальнюю комнату, Норбер сидел за столом, приятно удивленный её появлением, поднял на нее глаза, но увидев ее состояние, он словно онемел и не смог произнести ни слова.

Она стояла перед ним с обреченным видом жертвы насилия, отводя взгляд, бессильно опустив руки и нервно покусывая побелевшие губы.

– Вы... долго этого ждали... гражданин, ваше терпение и деликатность заслуживают... вознаграждения..., – она буквально давилась этими словами.

А затем не произнеся ни слова стала расстегивать платье...

Норбер медленно поднялся из-за стола и побледнел, зрачки расширились, как от физической боли.

– Не надо... так, – он сделал отстраняющий жест и отсту-

пая к выходу, – за что же так... до какой же степени вы презираете меня...

У двери остановился и оперся о косяк, низко опустив голову, бросил не оборачиваясь:

– Вам и без этой жертвы ничто не угрожает. Я никогда и не думал... ставить перед вами это бесчестное условие.., – он говорил это медленно, запинаясь, – все вы будете свободны.. когда это станет достаточно безопасно. У вас будет время успокоиться и обдумать то, что я вам сказал. Завтра же я уезжаю, возможно, надолго, и не буду мучить вас своим присутствием, раз оно, что бы я ни делал, вызывает у вас только страх и отвращение!

Изменившаяся в лице Луиза ощутила облегчение, но одновременно и отвращение, от самой ситуации и мучительный стыд, неожиданно ей вдруг стало жалко этого молчаливого, сильного человека, подчеркнуто сторонящегося всякой жалости.

– Простите.. ради Бога, я.. вовсе не чувствую отвращения к вам! Я.. рада, что ошиблась и... чувствую себя невыносимо глупо и мерзко...

Так и не обернувшись, он, вышел быстрым шагом из комнаты, резко хлопнула входная дверь.

Де Бресси проводил его настороженным взглядом. Зная характер племянницы, он сделал свои выводы, республиканец настаивал, Луиза не сумела совладать с гордостью и в резкой форме отказала ему,... что же теперь с ними будет?

А теперь обозленный и униженный Ромео вернет их в руки Комитета Общественной Безопасности? Всё кончено?!

Граф вспомнил прошлое, Санлис...нет, этот человек может быть свирепым, но не подлым. Впрочем, думал он с мрачным юмором, где ему, дворянину и роялисту, проникнуть в тайны якобинской души?

– Что произошло?, – в комнату вошел крайне озабоченный де Бресси, – он выскочил из дома, как бешеный, я всё правильно понял, девочка? Ты оттолкнула его домогательства? Он угрожал тебе? Еще раз, что между вами произошло?!

Девушка густо покраснела и метнула на родственника быстрый взгляд из-под пушистых полуопущенных ресниц:

– Нет, напротив .. это я .. решилась..думала, так всем будет лучше. Но он оказался гораздо человечнее и благороднее, чем мы о нем думали..он не принял моей жертвы и.. был глубоко задет.. у него сделались такие несчастные глаза.. Наверное, немногие мужчины на его месте, имея власть потребовать... отказались бы... Мне так стыдно...Он сделал для меня...для нас всё что мог, а я так унизила его... Несчастный Норбер... А теперь он ушел... Но он же еще вернется... или нет?!

Де Бресси выслушивал её молча и растерянно. Что же это, выходит не домогается, а действительно любит, нет, этого не может быть с его крайними революционными принципами, при всей его лютой ненависти к аристократам? Участ-

ник штурма Тюильри.. человек Робеспьера!.. Но если действительно любит, то не бросит её погибать, а вместе с ней и их, её семью..

Но что же она так переживает, только ли из благодарности, неужели эта сцена разбила её предубеждения против этого человека? Вот не знал он только радоваться этому обстоятельству или огорчаться..

Сейчас он защитит их от эшафота, огромный плюс. А дальше что? Графиня де Масийяк, девушка хорошего рода, из семьи верноподданных роялистов – любовница якобинца?! При этой мысли де Бресси вздохнул. В какие ужасные времена мы живем! А что делать? Лишь бы не придумал официально жениться на ней. А ведь и отказать будет невозможно! Но нет.. едва ли.. иначе и сам отправится на гильотину вместе с нами, к тому же, сейчас в моде сожитительство без брака, пока это, увы, будет лучшим вариантом для моей бедной девочки...

Нет, никак не возможно поверить в искреннее чувство этого фанатика.. ничего они не любят, кроме своих идей, а страсть.. так это, пожалуй. Так, выходит, рисуется.. добиваясь доверия?

Странно.. к чему изображать чуткость и деликатность.. когда в его власти в жесткой форме потребовать? Якобинец не напоминает галантного воздыхателя времен королей...

Что от него ждать? Умён, но при этом непредсказуем. *Quelle delicatessen...* С чего? *Comme c, est un home в esprit...*

c,est a cause de cela peut-etre qui l me fait peur... (фр. «Какая деликатность...с чего? какой умный человек.. может быть, от этого-то я и боюсь его...»)

Норбера не было целых три недели..

Де Бресси с недовольством замечал, как погрузтелла и как-то сникла Луиза, казалось даже, что она чего-то боится, но при этом скучает и молчаливо страдает...Хочет извиниться за невольно нанесенную обиду, ведь, если бы не он, что бы ожидало их всех... или ждет его возвращения с иными чувствами?

По счастью де Бресси не читал мыслей...

Гражданин Жюсом и аристократки Сен-Лазар

Поздно вечером во дворе тюрьмы Сен-Лазар появился Жюсом. Муше, начальник тюрьмы, вытерев руки о засаленную куртку, поспешил к нему. Было заметно сразу, что агент Общественной Безопасности был весьма нетрезв, но тем важнее и серьёзнее старался он выглядеть.

– Муше, освободи мне комнату, ту самую, ты понял, – он говорил врасстяжку, нарочито четко выговаривая каждое слово, – и приведи эту, которая устроила представление перед Клервалем..

Муше понимающе улыбнулся. Это было не в первый раз. В отличие от Куаньяра Жюсом не видел ничего дурного в том, чтобы слегка разнообразить суровые служебные будни яркими чувственными эпизодами.

Тут содержалось немало молодых и красивых аристокра-

ток, готовых на всё, чтобы отсрочить вызов в трибунал и получить более комфортные условия.

Чаще всего эти женщины ради помощи и защиты предлагали себя сами, так что Жюсом чувствовал себя свободным от угрызений совести. В конце концов, он не заставлял их делать это силой, не угрожал и не запугивал... Помочь в чем-то он мог бы и так, но раз они сами предлагают такое решение, отказать себе не мог...

Пьер критически оглядел комнату. У стены старое выдавшее виды канапе с полинявшей обивкой, пара-тройка стульев, у окна стол, на окне массивная решетка, не дававшая забыть, что это тюрьма. Аккуратно задернув зеленые в полоску шторы, Жюсом подошел пошатываясь к старому треснутому в углу зеркалу и оглядел себя. Скинул синий сюртук и бросив на стул трехцветный пояс – шарф, расстегнул воротник сорочки.

В дверь постучали.

– Гражданин Жюсом, арестованная Анжель де Сен-Мелен...

– Пусть войдёт, – крикнул он, не оборачиваясь.

Визгнула тяжелая несмазанная дверь и тишина. Жюсом повернул голову и молча рассматривал девушку. На вид ей было не больше 23 лет. Мягкие волнистые волосы цвета светлой бронзы, серо-голубые глаза с пушистыми ресницами. Скромное платье красиво обрисовывало соблазнительную грудь и гибкую талию. Жюсом облизнул пересохшие ра-

зом губы.

Девушка стояла, опустив руки и почти не поднимая глаз. Это было странно, прежние маркизы и герцогини ради достижения своих целей вели себя более чем уверенно и раскованно.

Слегка пошатываясь, Жюсом близко подошел к ней. Она услышала его хриплый шепот:

– Я позже узнаю, чего ты хочешь, хорошо?

Подняв голову девушки за подбородок, Жюсом приник к её горячим губам, дрожащие от сдерживаемой страсти руки стискивали ее талию и плечи.

Жадно целовал лицо, нежные розовые губы, слегка покусывая мочку уха и белую шею. Повернув ее спиной, почти рывком расшнуровал корсаж, платье само сползло с изящных точеных плеч.

В его влажные от возбуждения ладони легли упругие сливочно-белые груди, издав тихий стон неудовлетворенного желания, Жюсом слегка сжал их.

До затуманенного страстью сознания Жюсома вдруг дошли звуки всхлипывания и стон далеко не эротического свойства.

Резко повернул он девушку лицом к себе, она мелко вздрагивала, стыдливым жестом пытаясь натянуть спустившееся с плеч платье и прикрыть обнаженную грудь, из расширенных потемневших глаз катились крупные слезы, она старалась не встречаться с ним взглядом.

Жюсом почувствовал себя насильником и скрыл неловкость за напускной грубостью, он поднял голову девушки за подбородок:

– К чему эти слезы? Лаской бы добились большего...

– Я так не могу, хотела как другие, но я так не могу, – слабый ее голос от слез прерывался, – я боюсь умирать и не скрываю это. Гражданин Клерваль грозит, если я ему откажу, мое имя скоро внесут в списки. Я совсем одинока и защитить меня некому...

Жюсом успел принять невозмутимый вид представителя власти:

– Не от Клерваля зависит, когда ваше имя окажется в списках и окажется ли оно там вообще.

– Одна из женщин сказала мне, что если забеременеть, это может продлить мне жизнь на эти девять месяцев – эти слова покрасневшая девушка произнесла почти шепотом, не поднимая глаз от острого стыда.

По губам Жюсома пробежала усмешка.

– В этом с удовольствием готов оказать помощь, если только вы решитесь...

Жюсом задумался. Похоже, что Клерваль тоже развлекался как мог в этих угрюмых стенах с той огромной разницей, что действовал скорее принуждением, угрожая эшафотом, на что не имел никаких полномочий. Несчастные жертвы впрочем, не разбирались в этих административных тонкостях и предпочитали не рисковать.

Противно стало при мысли, что в глазах этих узниц нет никакой разницы между ним и Клервалем.

Стыдно и мерзко, что бы там не было, но с эротическими развлечениями в тюрьме покончено, хорошо еще Норбер не знал об этом, стал бы еще презирать или того хуже... , положение нужно срочно исправить, но как?

– Муше!– крикнул он, надевая сюртук и перевязываясь трехцветным шарфом. Когда лохматая голова высунулась в приоткрытую дверь, властно приказал:

– Уведи ее, закрой отдельно и не пускай к ней граждани-на Клерваля, как бы не возмущался, не ругался, чем бы не угрожал, если что ссылайся на меня.

Муше звякнул связкой ключей и цинично ухмыльнулся:

– И к маркизе дю Грего его не подпускать, и к графине де Сен-Меран? Гражданин Клерваль никого не обошел вниманием!

«Пинка бы доброго тебе в зад!», – подумалось, но вслух Жюсом сказал:

– Ни к чему, дю Грего семья роялистских заговорщиков, их имена будут в списках, которые сам Клерваль принесет завтра, подлец обещал ей жизнь, зная точно, что это невозможно. Скорее всего, с Сен-Меран история та же. Проще сказать, кто здесь останется завтра после переклички, – Жюсом поймал взгляд светлых расширенных от ужаса глаз девушки и смутно пожалел, что сказал это в ее присутствии, отчего-то ему не хотелось выглядеть злодеем в ее глазах.

Хотя к чему беспокоиться мнением аристократки... роялистки? И то верно... слабость всё это и не безвредная. Но от невольной жалости никуда не деться...

– Эту закрыть отдельно, – четко повторил он для Муше и вышел в узкий темный тюремный коридор.

Жюсом не догадывался, что пару раз тюремщик рискнул нарушить его приказ и, опустив в карман несколько золотых монет ненадолго, буквально на четверть часа впустил в камеру Анжель де Сен-Мелен раздраженного неожиданным препятствием Клерваля.

Девушка вздрогнула, вновь увидев своего мучителя. Клерваль снял шляпу и поклонился, что было совсем не в новых обычаях и выражало скорее насмешку:

– Мадам, как видите аристократам выгоднее вести дела именно с деловыми людьми, как я, люди Робеспьера никогда не сядут с ними за стол переговоров. Без сомнения вы считаете меня низким негодяем, ваше право, но честность этих принципиальных фанатиков стоит жизни таким, как вы. Да, они не станут предлагать вам раздвинуть ноги, не примут от вас денег, но никогда не станут и содействовать в спасении, без колебаний бросят под нож гильотины ради соблюдения своих принципов. А я может, и не могу претендовать на гордое звание «неподкупного», как иные, но всё же не так жесток и очень чувствителен к молодости и красоте. Это ваш шанс. Я уважаю и национальную валюту, но не в вашем случае. Мы хорошо поняли друг друга? Мне удовольствие, вам

спасение, подумайте, мадемуазель...

Его усмешка была чувственной и насмешливой одновременно, глазами он уже раздевал и ощупывал её. И не услышав ответа, продолжал уже иным, резким тоном:

– И не вздумайте жаловаться, поверят мне, а не вам и это лишь ускорит вашу доставку в Трибунал, а я только помогу этому процессу. Я не запугиваю вас, прекрасная аристократка, я лишь предупреждаю...

Еще раз отвесив насмешливый поклон ниже прежнего Клерваль ударил кулаком в дверь камеры:

– Муше, бездельник! Выпусти меня!

Неделю спустя, едва вступив на порог камеры, Жюсом по внешнему виду девушки сразу понял всё. Он пришел слишком поздно, то, от чего ему хотелось защитить ее, уже произошло...

Анжель де Сен-Мелен была бледна до зелени, во взгляде ужас, отчаяние и затравленность маленького зверька. С минуту они молча глядели друг на друга.

– Гражданин Клерваль рискнул нарушить мой запрет?, – вырвалось коротко и зло.

Мелко дрожа, она опустила глаза, ей было мучительно стыдно встречаться взглядом с этим человеком. Перед глазами пронеслись события прошлой ночи. Где же вы были, гражданин Жюсом? Клерваль приходил еще не раз, он угрожал.

В полном отчаянии девушка согласилась, сцепя зубы от

стыда и отвращения.

Анжель была воспитана очень строго и, невзирая на 20-летний возраст, была невинной девушкой. Но то, что здесь произошло, было против её воли, и безумно унижало её.

Что еще ужаснее, их оказалось двое. Она покорно терпела бурный темперамент Клерваля и Кавуа, прикосновения их рук и губ, она ощутила себя настоящей проституткой, то есть почти животным, нет, еще хуже, использованной бездушной вещью!

Кавуа не удостоил её ни одним словом. Но не менее ужасен был убийственный ответ Клерваля.

После того, как всё наконец закончилось, Анжель не поднимая глаз обратилась к нему, умоляя не допустить её отправки в трибунал и услышала лишь высокомерное:

– О чём вы беспокоитесь? Разве вы не доверяете народному правосудию? С вами поступят по закону...

А чем грозил ей, дворянке и роялистке закон Французской Республики?

Так-то... Пережить такую глубину унижения и получить циничный отказ! Такими воспоминаниями не делятся ни с кем, это стараются выбросить из памяти, но едва ли это удастся.

Ей было невдомёк, какие чувства испытал стоящий перед ней молодой человек в красном фригийском колпаке санкюлота с суровым и мрачным выражением лица.

А в нём кипело откровенное бешенство и неожиданная

жалость. Он невольно протянул руку к её плечу. Не поняв его намерений, девушка в страхе отшатнулась, решив, неужели и этот тоже...

Жюсом резко обернулся к двери и бешено крикнул:

– Муше, старый негодяй!

Тюремщик неуверенно остановился на пороге, лицо Жюсома сделалось сосредоточенно свирепым. Девушка тоже в молчаливом ужасе смотрела на него.

Голос Жюсома тут же стал обманчиво мягким:

– Тебе, что было приказано в отношении Клерваля?

Глазки-бусинки отразили замешательство, неужели эта девка рискнула жаловаться? Такого еще не бывало...

– Для начала считай себя отстраненным от должности...

– За что, гражданин? Неужели вы можете поверить жалобам этой подлой аристократки, они сделают всё, чтобы опорочить честного патриота...

– Кто же здесь честный патриот?, – тон Жюсома стал резок, – Клерваль, а может ты? Эта женщина и не жаловалась, но я знаю всё. Вы оба просто грязные пятна, которые давно следовало уничтожить. Уверен, вы окажете услугу любому врагу Республики, если сойдётесь в цене...

– Не докажете, – Муше слегка осмелел, – он был вполне уверен во влиянии и покровительстве Клерваля, – говорю вам, гражданин, подлая аристократка лжёт. А если и было чего, так что за беда? Эти чванливые принцессы еще и не то заслужили! Как их мужья и братья аристократы обходились

с нашими женщинами?

Последний аргумент был неплох... И все же.

Улыбка Жюсома вышла просто хищной:

– Согласно прериальскому декрету личной убеждённости присяжных вполне достаточно для обвинения и осуждения. Дьявольский документ, но сейчас он развяжет мне руки. Готов ли ты умереть, друг насильников?

Только сейчас Муше вдруг осознал своё положение и позеленел как незрелая оливка.

– Но ради Бога, гражданин, мне тоже надо было как-то жить, – неожиданно рывком Муше упал на колени, ухватившись за высокие кавалерийские сапоги Жюсома.

Но тот лишь брезгливо отстранился:

– Выйди вон, сегодня же тебя сменит другой человек!

Теперь настало время разобраться с самим Клервалем...

Жюсом решил припугнуть Клерваля и в частном разговоре рассказал об этой истории Куаньяру .

Во время рассказа на смуглом лице Норбера появилось выражение презрения и легкого отвращения:

– Будет достаточно вызвать его к себе, соберу еще двоих-троих, можешь присутствовать. Создам иллюзию, что на него заведено дело. Как агент Общественной Безопасности я имею право производить аресты. Если бы я решил действовать серьезно, друзья в Трибунале не сумели бы выгородить его и повод к обвинению я бы нашел верный. С такой беспринципностью он, без сомнения, за деньги помогал или мог

помогать побегам аристократов, а их женщинам, как видим он «помогает» за иную плату.

И обернувшись к другу, энергично кивнул:

– Пьер, приведи его ко мне завтра.. нет, лучше прямо сейчас. Твой рассказ задел меня за живое, такие люди позорят нашу Революцию как грязь, налипшая на сапоги! По таким уродам станут судить обо всех нас! Жду!

Через полчаса озадаченный и удивленный Клерваль в сопровождении Жюсома появился на пороге кабинета Куаньяра на улице Мартруа. Тот сидел за столом, рядом с ним стояли Дюбуа, Лапьер и агент Демайи.

– Проходите и не задерживайте нас, гражданин Клерваль, – тон Норбера был холоден и сух.

– В чем дело, граждане? Я не совсем понимаю.. и надеюсь услышать это от вас, – внешне вполне спокойный, Клерваль заметно побледнел и напрягся.

– Скажу прямо и коротко. Вы не имели никакого права ни предлагать содействие арестованным от своего имени, ни чем-либо угрожать им. В данном случае ваши действия и противозаконны и аморальны одновременно. Вы вступали в половые отношения с заключенными аристократками, взамен обещая им помощь, бесчестили высокое звание французского республиканца. Надеюсь, вы не член Якобинского клуба? А, бывший кордельер.. всё с вами ясно.. ультра-революционер..., – Норбер иронически улыбнулся, – не зря Неподкупный сказал еще по весне, что в вашем самоназва-

нии больше остроумия, чем точного смысла... Ах, нет, я ошибся... вы же напротив из тех, кто зовет себя «умеренными»... Вы не собирались и не могли освободить их мужей и братьев-роялистов, иногда даже заранее знали, что люди, за которых они просят, на самом деле давно казнены и сообщали им об этом лишь после того, как воспользовались... их предложением. Ваше поведение верх безнравственности и цинизма!»

Норбер вполне сознательно выдерживал цветистый приподнятый тон, однако, этот тон вполне соответствовал тому, что он чувствовал.

Окружающие Куаньяра люди мрачно кивали в знак согласия и молчали, насмешливо переглядываясь, лицо Жюсома при этом приняло выражение легкого смущения, он сосредоточенно изучал шторы, а Норбер продолжал:

– Мы имеем право проверять обоснованность обвинения и добиваться освобождения невинных и оклеветанных врагами людей, но выгораживать виновных, пользуясь при этом их услугами преступно, этих роялистов мог коснуться лишь меч революционного правосудия, но не член гражданина Клерваля! Кажется, вы состояли во фракции Дантона еще весной 1794? Вы целы и это само по себе крайняя снисходительность к вашим прежним заслугам, но вы всё не уйметесь!

И обведя взглядом присутствующих, добавил с легкой насмешкой:

– Разве отозванные за звериную жестокость, вымогательство и произвол Баррас и Фрерон не были дантонистами? И после всех безобразий дантонисты крестят себя «снисходительными, умеренными», а нас «варварами?»

Совершенно побледнев, Клерваль словно защищаясь, поднял руки:

– Гражданин! Я вовсе не был человеком Дантона, меня связывали с этим кругом только личные отношения с Фабром., – от волнения и страха он поперхнулся и умолк, с ужасом глядя на бесстрастного, как статуя Свободы Куаньяра и видимо считая себя погибшим.

Норбер лишь покачал головой и мрачно улыбнулся:

– Вы были дантонистом и остаётесь им, а ваше трусливое отречение делает вас жалким и отвратительным. Но вас доставили сюда даже не по этому поводу, всему свое время. Всё, что собрано на вас останется «под сукном», если впрямь ваши странные отношения с заключенными изменятся. Кажется, я проявляю максимально-допустимую терпимость к этому человеку, граждане? Но это последнее предупреждение! Мы будем наблюдать за вами, Клерваль, а теперь возвращайтесь к своим прямым обязанностям. Но если на вас еще поступят подобные жалобы, с вами будет покончено...

Пошатываясь, иссиня-бледный Клерваль вышел из кабинета Куаньяра.

Норбер и Луиза

Не три дня, а около трёх недель, не появлялся Норбер в известной квартире на улице Сен-Флорантэн. Около 11 вечера остановил он фиакр у знакомого подъезда и поднял глаза на окна. Он решился... сейчас или никогда!

За темными опущенными шторами почудился отблеск света. « Неужели Бресси не спится?», – подумалось ему с крайним неудовольствием. Спрятав цветы под плащ, он вошел в неосвещенный подъезд. – « Если он не спит, я рискую оказаться в идиотском положении...»

Стараясь закрыть за собой дверь как можно тише, он прошел темный коридор и из-за штор выглянул в гостиную.

У окна за столом в шелковом струящемся пеньюаре сидела Луиза, подперев рукой голову, по белоснежным плечам в беспорядке рассыпались густые длинные волосы цвета меди. Перед ней стоял канделябр с тремя свечами, их слабый свет и заметил Норбер с улицы. На столе лежала раскрытая книга, но девушка не читала, задумчиво и грустно глядела она на колеблющееся пламя.

Норбер решительно вышел из-за штор на освещенное пространство.

– Луиза, – впервые он решился назвать ее по имени, – это я. Надеюсь, вы извините столь неуместно поздний визит. Мне нет прощения, я это знаю. Но дела службы все эти двадцать дней постоянно требовали моего присутствия..., – он

запнулся, с удивлением не узнавая собственный голос, привычное бесстрашие и жёсткие нотки испарились без следа.

Молодая женщина в испуге вскочила, прижав руки к груди. Тонкий алый шелк почти не скрывал форм ее стройного тела. С трудом сдерживая волнение, она близко подошла к нему и подняла оживленно блестящие глаза:

– Я очень рада, Норбер. Я ждала...я чувствовала, что вы придёте, не бросите.. нас, – смущение и гордость не позволили ей закончить фразу иначе. Впервые за всё это время она назвала его по имени, отбросив холодно-официальное «citoiyen»...

– «Норбер, я надеюсь, что вы простите мне...», – Луиза замолчала, увидев предупреждающий жест Куаньяра.

В горле встал комок. Недоверие боролось с робкой надеждой, и он вдруг невольно подумал: Боже, только не говори мне о дружеских чувствах и не вспомни о благодарности... или всё же у меня есть шанс? *Y a-t-il de l, espoir?* (фр- «Есть ли надежда?»)

– «Это вам, – его голос звучал тихо и непривычно мягко, – из-под складок плаща возник букет роз, – увидев приятное удивление в синих глазах Норбер вдруг, наконец, решился:

– «Слишком долго я мечтал об этой минуте и слишком боялся её.. не умея найти нужных слов... *Louise, je vous aime...* Я ждал этого момента вовсе не два месяца, как вы думаете, а пять лет... У вас есть шанс сделать меня самым счастливым мужчиной на Земле или вынести мне приговор за одну се-

кунду.. .Я ни к чему вас не принуждаю, поймите... Решение за вами...»

Рука, потянувшаяся к розам, замерла.

– «Норбер, что же вы со мной делаете?», – с тихой улыбкой прошептала она и на глазах показались слезы.

Куаньяр озадаченно молчал, глядя на ее прелестное лицо, ежесекундно менявшее выражение. Она увидела в его метавшемся взгляде растерянность, грусть и нежность. Помедлив минуту, нервным движением он слегка отстранился, положил цветы на стол и бледнея всё сильнее отступил к двери.

Схватился за галстук, который вдруг начал душить его.

– Вы считаете ... что это самонадеянность с моей стороны? Со стороны плебея и республиканца? Скажите сразу... и я... уйду...

Её поразил вид расширенных, словно от физической боли зрачков и восковая бледность лица, полностью утратившего привычную маску холодного бесстрастия.

Луиза тихо улыбнулась ему, подняла свои искрящиеся нежностью глаза и протянула ему обе руки:

– Je t'aime, – услышал он ее слабый вздох. И не веря слуху, неуверенно подошел ближе.

Задорный переливчатый смех вернул Норбера к действительности:

– Я начала бояться, что ты никогда не решишься! Свирепый тигр стал вдруг робок, как молодая лань!

С тихим стоном страсти и обожания Норбер опустился перед ней на колени, охватив ее гибкую талию, покрывая поцелуями изящные руки и колени.

Он позабыл всё прошлое, всю тоску, мучения и сомнения последних двух месяцев, когда напрасно боролся с собой, забыл о том важном, что как казалось, будет вечным барьером между ними.

Дворянка? Нет, просто женщина, любимая и любящая женщина..

Роялистка, воспитанная в традициях верности трону? Эта мысль на секунду отравила счастье, он невольно поморщился, нет, об этой проблеме он подумает позже и обязательно найдет, как решить её..

Барьер был разрушен в одну секунду – он рухнул от сладостного прикосновения. Не сопротивляясь, принимала Луиза его горячие ласки. Присев, приподняла со своих колен его голову. Долгий поцелуй тихо прозвучал в сумраке гостиной...

Девушка тихо задула свечи и нежно потянула его за руку. Звук осторожных шагов прошелестел в темноте длинного коридора. Дверь комнаты бесшумно закрылась, лишь чуть щелкнул замок...

Последствия декретов Прериала

Прериальский декрет заставил Куаньяра серьезно задуматься о будущем. Это единственное решение Неподкупно-

го, которого он не мог ни понять, ни одобрить..

Увидевший свет в результате закулисной провокации Сийеса, жестокий декрет, был обоюдоострым, теперь же стало видно, он стал мечом в руках врагов Робеспьера. Именно потому террор принял столь необузданный ненаправленный характер, что осуществлялся он руками их врагов, но именем Робеспьера с определенной целью. Верный расчет.. общество возмутится именно против тех, кто не может более ни на что повлиять..Из-за этой чудовищной ошибки люди начнут ненавидеть их..

Как же так? Куаньяр полностью был согласен с докладом от февраля 1794..

– Террор есть быстрая, строгая и непреклонная справедливость.., – шептал он одними губами, он знал основной текст на память и добавил от себя, – да, в отношении врагов революции, изменников, интервентов..

Далее: «Но террор благодетелен не сам по себе, он лишь крайнее средство, используемое при неотложных нуждах Отечества..» стало быть, он не жестокость ради жестокости, не чья-то злая воля, да, и это так, так в чем же дело? Что-то изменилось с того времени?, – Норбер мрачно опустил голову на руки, чёрные волосы свесились на лицо, – да.. всё изменилось.. не нужен нам этот страшный декрет.. мы отдали гильотину в полное распоряжение наших врагов, нас убивают, прикрываясь нашими именами... Уже сейчас уверен, реальные исполнители Большого Террора вскоре предстанут

благородными тираноборцами, а мы... Именно нас и начнут проклинать за всё, что происходит сейчас, за всё подряд в принципе...

Перед ним лежало письмо, полученное от Робеспьера, адресовал его Неподкупному аррасский друг и старший коллега-адвокат мэтр Бюиссар:

– ... В последнее время мне кажется, что ты спишь, Максимильен, и не видишь, что убивают патриотов...

А что реально он может сделать?

Норбер беззвучно скорчился в кресле, будто от физической боли и прижал голову к коленям.

Ночь в тюрьме Сен–Лазар

Дверь в камеру со скрипом открылась. На пороге появился мужчина с фонарем. В полумраке он разглядел женский силуэт медленно направляющийся к нему. Женщина подошла совсем близко и осторожно коснулась его плеча, он услышал шелестящий прерывающийся шепот:

– «Гражданин Жюсом... я ждала вас, чтобы сказать.. я решилась.. .после Клерваля... терять мне кажется нечего и... я очень не хочу умирать...»

Мужчина поднял фонарь и Анжель де Сен-Мелен, наконец, разглядела его лицо. Это не был Жюсом, перед ней стоял крепкий брюнет с резкими чертами лица, выше среднего роста. Он поставил фонарь на стол.

Девушка вздрогнула и отшатнулась от него.

– «Кто вы?»

Губы незнакомца медленно расплывались в усмешке, он облизнулся:

– «Я так долго искал тебя, принцесса, я присмотрел тебя уже давно, ведь тебя привезли сюда еще в апреле... Верно? Не мог понять, куда именно тебя спрятали и зачем... а вот оно как... Жюсома ждать не стоит... он не придет, он и думать забыл о тебе, к тому же, видимо забыл и о том, что у меня тоже есть ключи... Какая разница в твоём положении, Жюсом, не Жюсом... Обещаю... взамен всё то же, что обещал тебе он... Я.. может и не идеальный аскет, но я не сволочь... тебя не коснется больше никто... кроме меня...»

Резким движением он прижал ее к себе и стал целовать в шею, Анжель сжалась в комок и робко повторила вопрос:

– «Кто вы?»

– «Гражданин Лавале... или тебе хочется, чтобы я представился по всей форме, как у вас при Дворе? Извольте, Жозеф Луи Анж Жером Лавале», – низкий голос звучал резко-вато и насмешливо.

Лавале, как и Жюсом был одним из агентов Общественной Безопасности, но арестованной аристократке ни к чему было знать об этом.

– «Жером...», – она медленно положила дрожащие руки ему на плечи, – ты... вы ведь спасете меня?», – осторожно коснулась его волос.

– «Принцесса, я... очень голоден..., – услышала она отрывистый и хриплый шепот около самого уха, – я буду приходить так часто, как только это будет для меня возможно. У тебя будет всё, что возможно иметь в этих стенах, чистая постель, хорошее питание... и главное... защита... ты можешь не бояться перекличек и вызова в трибунал... я сделаю всё, чтобы о тебе не вспоминали. Разве этого мало? Для начала... дальше будет видно... Я сделаю для тебя всё возможное, я хочу, чтобы ты жила... А пока... просто не отталкивай меня...»

Лавале властным жестом приподнял ее голову за подбородок и жадно приник к побледневшим губам.

Повалил на узкую кровать, придавив массой тела, прижавшись узкими крепкими бедрами, при этом она сразу почувствовала, как сильно он возбужден...

Последние три недели гражданин Лавале приходил к ней регулярно, но странно, кажется, что Анжель даже успела немного привыкнуть к нему. Удивительно, что девушка не чувствовала к нему ненависти или отвращения...

Напротив, Анжель чувствовала некоторое эмоциональное облегчение, в список Клерваля ее имя не попадет и что интереснее, вопреки всему, физическая близость с этим санкюлотом, начавшаяся кажется против воли, приносила ей даже некоторое удовольствие.

Еще более удивительно, что с каждым новым визитом Лавале становился всё внимательнее и мягче, словно пытался

компенсировать варварскую форму "знакомства"...

Почему эти отношения возможны, почему в ней нет ненависти к Лавале и желания отомстить ему, Анжель и сама не понимала...

Что-то в ней изменилось, может даже сломалось внутри, в сравнении с еще недавним прошлым, а может она стала проще относиться к происходящему, как учила ее одна из заключенных дам?

Филипп Дюбуа июнь 1794

С товарищем Норбера, Филиппом Дюбуа в эти июльские дни тоже произошла интересная история сугубо личного свойства.

Находясь в одиночестве в своем кабинете, Филипп мрачно откинулся на спинку стула. Уже второй месяц и его держал в тисках тяжелый моральный кризис, мучило скрытое отвращение к жестокому и опасному для них самих прерикальскому декрету и необходимость исполнения его требований, смутное предчувствие близкой катастрофы, даже подавляемое нежелание жить.

Сам Робеспьер в эти последние два месяца всё чаще публично заявлял о готовности умереть. И не случайно, прерикальский декрет стал страшным оружием в руках его врагов, никто не мог знать, что Сен-Жюст и вовсе пишет в своих черновиках о смерти, как о благе, а доброго, чувствительного Леба удерживает от самоубийства лишь новорожденный

сын и молоденькая жена. Вполне разделяли это ужасное душевное состояние и Лапьер с Куаньяром, лучше многих знакомые с истинным положением дел. Жюсом, как и всегда более оптимистичен, он, как большинство рядовых якобинцев, всё еще надеялся на благополучное разрешение конфликта и подавление заговорщиков...

Стук в дверь предварил появление на пороге секретаря Тибо:

– Гражданин Дюбуа, вас хочет видеть молодая женщина по поводу судьбы одного из тех самых 48, чьи дела сегодня переданы в трибунал...

Филипп устало поднял голову:

– Как ее имя? вы не пытались объяснить ей, что с момента передачи дел в трибунал их судьба зависит уже не от меня?

Тибо выразительно наклонил голову:

– Да, гражданин, но она упряма и желает видеть вас. Она назвалась Марион Данжу. С виду из образованных, но не аристократка, тех я сразу отличу. Так впустить ее?

Филипп небрежно махнул рукой:

– Впусти, но ничего нового от меня она не услышит.

Устало вытер пот со лба. *Je suis ereinte comme un cheval de poste* (фр. «Я заморен, как почтовая лошадь...»)

Высокая и стройная в простом, но изящном сиреневом платье появилась она на пороге кабинета и несколько секунд молчала, не сводя выразительных чёрных глаз с лица Дюбуа. Наконец решилась:

– Ты не узнаешь меня? Неудивительно. Прошло так много лет...

Побледнев, Филипп поднялся, сердце стукнуло в последний раз и провалилось куда-то.

– Диана... – полностью скрыть волнения не удавалось, он задыхался, – как ты нашла меня? Почему назвалась чужим именем?

– Я подумала, в новых обстоятельствах ты даже не захочешь принять и выслушать меня..

– Отчего же? Никакой вины за тобой нет. Нет и во мне обиды. Мы расстались не по нашей воле... Она прервала его нетерпеливым жестом:

– Филипп, тебе вероятно уже изложили мою просьбу.

Дюбуа кивнул:

– Ты просишь за своего мужа? Он в числе этих 48 из Ла-Форс?

Легкое смущение отразилось на лице молодой женщины:

– Нет, я вдова уже около года, муж... погиб.

– Так ты пришла просить у меня за своего любовника?, – лицо Филиппа приняло странное выражение.

Диана умоляюще сложила тонкие руки:

– Ты не деликатен, Филипп. Но пусть так. Ради Бога, помоги нам, спаси его, и мы всю жизнь будем молиться за тебя...

– Сначала расскажи о себе. Кем был твой муж, как он погиб?

– Он был «умеренным» республиканцем, участвовал., – она запнулась, – в.. волнениях лета 1793 в Нормандии, а затем был арестован и казнен. После я скрывалась у родственников...

– Это скверно. Бриссотинец, участник федералистского мятежа. Тебе и сейчас следовало бы скрываться, а не разгуливать по Парижу. Удивлен, что ты до сих пор не арестована, – лицо Филиппа приняло суровое выражение, – а твой любовник и вовсе напрямую связан с роялистами, этому есть письменные подтверждения и ты еще хочешь, чтобы я добивался его освобождения?

Тон Дюбуа стал более холодным, чем ему хотелось бы самому, он чувствовал неловкость от своего бессилия помочь ей:

– Это невозможно. Мой секретарь сказал правду, их дела еще утром переданы в трибунал, а это означает, что их судьба зависит уже не от меня, делу нельзя дать обратный ход, без каких либо чрезвычайных причин, а я их не вижу. Больше мне нечего тебе сказать, извини.

Филипп болезненно вздрогнул от ненависти, внезапно загоревшейся в выразительных тёмных глазах:

– Я не верю тебе! Ты холодное бесчувственное чудовище! Все вы безжалостные злодеи, не знающие пощады, кровожадные хищники!

Побледнев, словно от боли Филипп отшатнулся от неё, прижав руки к груди, с немалым трудом сумев сохранить

невозмутимый вид, лишь искреннее страдание во взгляде и горькая складка в уголках губ выдавали его чувства.

Но эти опасные слова мог слышать секретарь...

И разжав губы, произнес лишь:

– Ты же не хочешь сама угодить на гильотину?

Диана приняла его слова за жестокую угрозу и, отступив, в возмущении прижала руки к груди:

– Но раньше умрешь ты, чудовище!, – внезапно из-за корсажа появился длинный узкий нож. Она неуверенно замахнулась и застыла.

Филипп спокойно подошел ближе к ней, расстегнул на груди сюртук, развязал галстук и глубоко вздохнул:

– Убей меня, это хорошее решение!, – прозвучало это вяло и даже бесцветно.

В глазах ее засверкали слезы, губы задрожали, рука разжалась, и нож упал на ковёр:

– Нет, не могу. Я всё же любила тебя...

Филипп совсем близко подошел к ней, медленно опустился на колени, прижимаясь лбом к ее бедру:

– Прости за всё зло, которое невольно я мог причинить тебе. Ты еще будешь счастлива, верь мне, скоро мы все погибнем, а перед смертью не лгут. А теперь уходи, уходи скорее и скройся, это всё, что я сейчас для тебя могу сделать.

Она молчала, бессильно опустив руки. Он осторожно взял ее дрожащую руку и прижал к губам, поднялся.

После ее ухода Филипп снова опустился в кресло, уро-

нив голову на руки. Положение самой Дианы было слишком опасным, вдова федералистского мятежника, теперь любовница изменника, связанного с роялистами, а сама еще рискует за кого-либо просить.

Он был честен, сказав, что бессилён помочь её горю, но вся правда в том, что даже если бы средства к тому и были, он не стал бы спасать заведомого заговорщика-роялиста при всей острой жалости к ней.

Филипп не знал, что менее чем через две недели Диана Менесье (её новой фамилии он так и не спросил) была арестована и доставлена в Ла-Форс, где ранее содержался её любовник, уже казнённый. И роковой вызов в трибунал должен был объявить именно он. Отправляясь в Ла-Форс, Филипп был совершенно спокоен, ведь «гражданка Жюно», означенная в документе была ему незнакома.

Камера была очень плохо освещена, он увидел на узкой кровати скорчившуюся под тонким одеялом женщину. При виде представителя трибунала с роковым документом она невольно сжалась от страха:

– Как, уже?!

Дюбуа не всматривался в лежащую женщину, и произнес резко:

– Вы должны выслушать меня стоя.

– А если мне плохо и я не смогу подняться? Будьте милосердны, гражданин, подойдите ближе, ещё ближе.

Она робким жестом касается его руки, будто в надежде

пробудить сострадание в этом холодном, отстранённом человеке с трехцветной кокардой. Внезапно с ее бледных губ срывается:

– Как, это ты? Именно ты несёшь мне весть о смерти, но это ужасно! Какая жестокость! У тебя и вправду нет сердца!

Узнав Диану, Филипп в молчаливом ужасе отшатнулся. Все-таки это произошло, она арестована, именно у него в руках зловещий вызов в трибунал!

Безжалостная ирония судьбы! Отчаянное положение, он решительно не может допустить ее казни, но где выход? Времени почти нет! Решать всё самому, хитростью, рискуя собственной жизнью или кого-нибудь более влиятельного подключить к этому щекотливому делу?

Но кого именно привлечь на помощь? Куаньяра, принятого в доме Робеспьера? Мы же друзья детства и выручили его в истории с племянницей де Бресси. Но не стоит, он всегда был жёстче всех нас, он агент Общественной Безопасности, возможно, даже сам причастный к ее аресту, а значит, знает о ее сомнительной родне, к тому же он неуклонно принципиальный, как и сам Робеспьер, боюсь, он меня не поймёт.

Общественный обвинитель Фукье? Ну уж нет, ни за что. Этот помогать не станет, а вот в Общественную Безопасность стукнет сразу.

Председатель трибунала?

Или в обход? Устроить ей побег, подкупив охранников и запугав их самих трибуналом в случае разглашения? Зачи-

тать всё же список, лишь назвав вместо неё другое имя, похоже, им сейчас важнее, чтобы совпало общее количество? Вывести из тюрьмы открыто как представителю власти и «позволить» скрыться, выслушав позднее бурю проклятий, что не взял для охраны солдат, пожалуй, так. Вот тут Норбер своим влиянием поможет выручить меня.»

Всё время, пока он думал, Диана не сводила с него расширенных в ужасе глаз, не понимая, что происходит.

Он молча свернул лист приказа. Развернулся к выходу, не произнеся ни слова. Он не мог взглянуть ей в глаза, пока не принял верного решения для её спасения.

На улице он на ходу судорожно обдумывал, какой из вариантов спасения Дианы более безопасный и верный. Он думал: «Я не грешу этим против совести. Какой она враг Республики? Покойный муж бриссотинец, а она? Виновна в том, что против воли выданная замуж в юном возрасте попала в эту среду? Но какого дьявола связалась она сейчас с этим пособником аристократов! Наивно ошиблась? Неразумная страсть? Впрочем, она далека от участия в общественной жизни и в политике, ни в чем не разбирается и даже не сознает серьезности своего положения...»

Диана Менесье была дочерью обеспеченного коммерсанта, Филипп бедный студент юридического факультета без связей и состояния. Ему 20 лет, ей 17. Молодые люди полюбили друг друга и начали тайно встречаться. Но когда Филипп просил у ее отца руки девушки, то получил резкий и

грубый отказ, не о таком зяте мечтал господин Менесье. А девушка, невзирая на слезы и мольбы, была срочно выдана замуж за молодого человека из состоятельной семьи. Филипп уехал из города, даже не узнав его имени, к чему?

Он вовсе не забыл ее за эти долгие 17 лет, в глубине души он мечтал увидеть ее и одновременно боялся и не желал этого.

К чему ворошить то, чего не вернуть? Она замужняя женщина, скорее всего, имеет детей, давно успокоилась и всё забыла. Став женой богатого банкира она находится в иной среде. Сейчас, скорее всего эта семья враждебна революции.

Любил ли он ее сейчас? Еще недавно он сам затруднился бы ответить точно на этот вопрос, что он берег в памяти все эти годы, реальную девушку или свои юношеские мечты и воспоминания о ней?

Если честно, в последние годы он очень мало думал о прошлом, всё вокруг резко изменилось, изменился и он. И вот Диана нашла его сама, но не ради его самого, она искала помощи в спасении своего любовника!

Как быстро вспыхнуло недоверие и ненависть в ее глазах, когда он оказался бессилён помочь ей. Неужели она действительно хотела убить его? Иначе, зачем принесла на встречу этот нож?

И всё же не смогла, смутная нежность сохранилась в её душе, что-то сохранилось и в нём...

Сколько лет он представлял себе эту встречу и что? Всё

оказалось грубее и прозаичнее. «Я для неё лишь смутная память времен юности. Люблю ли я ее сейчас? Не знаю. Пожалуй, что нет и это взаимно.»

Посреди улицы Филипп, вдруг остановился.

Решение принято. Он заберет ее из тюрьмы открыто и прямо сейчас. Он знает, кто поможет её выручить... Эта золотая рыбка гражданин Вольф...

Робер Вольф. Одно время он был регистратором парижского революционного трибунала, как Клерваль, работал в контакте с общественным обвинителем Фуке-Тэнвилем, в его обязанности входило также читать списки вызываемых в трибунал и немало чего ещё. Сейчас он секретарь Фуке.

Внешне гражданин Вольф выглядел человеком холодным и даже жестоким, но, сколько невинно обвиненных людей были обязаны ему жизнью... даже не подозревая при этом, что за чудо спасло их от гильотины.

Так, однажды в его руки попала частная записка от одного из членов Комитета Колло-д'Эрбуа, адресованная Фуке-Тэнвилю, в которой ему рекомендовалось передать на рассмотрение председателя трибунала «дело» целой труппы актеров одного из парижских театров!

Рассмотрев «дело» Вольф сделал вывод, что обвинения совершенно абсурдны и не скрывают в себе ничего реального. Зато ему была отлично известна давнишняя неприязнь Колло к бывшим коллегам по ремеслу...

На свой страх и риск, Вольф решил «потерять» надуман-

ное «дело», он разорвал его на мелкие куски, скатал из них шарики и по дороге домой бросил в Сену... Жизни актеров были спасены, по счастью, Колло также не напомнил об этом деле...

Людей, обязанных ему свободой и жизнью было куда как больше, но Вольф держал себя крайне замкнуто, даже спустя долгие годы он никому ничего не рассказывал о событиях этих лет, никогда не афишировал себя в качестве «благородного спасителя», даже когда это было бы очень выгодно.

Но характерно, до последних дней его навещали старики из бывших заключенных в период Революции, испытывавшие глубокую благодарность за своё спасение...

Робер Вольф будет одним из важнейших свидетелей со стороны обвинения на процессе бывшего общественного обвинителя Фукье-Тэнвиля, начавшемся в мае 1795 года.

С его стороны, в адрес бывшего начальника прозвучали одни из самых тяжелых обвинений, и, что важнее всего, это было сделано не из страха за свою жизнь, не из желания угодить новым начальникам, Робер был не таков.

Его честность идейного якобинца пережила за период работы с Фукье немало жестоких испытаний, но всегда он оставался верен себе и сделал, всё, что мог.

Таких людей как Вольф, Беньон, Лабюссьер среди якобинцев было не так уж мало, как представляется на поверхностный взгляд. По объяснимым причинам они не «рисовались» и не выделялись на общем фоне своих коллег.

Их положение тем сложнее, неоднозначнее, что если одним они людям действительно спасали жизнь, то другие с их прямым участием отправлялись в трибунал и на гильотину.

В числе честных идейных республиканцев и младший брат Робеспьера Огюстен, в качестве комиссара Конвента в одном из департаментов востока, он своим решением освободил сотни людей, арестованных по абсурдным обвинениям, чем вызвал бурю возмущения снятого с должности предшественника Бернара де Сент и благодарность местного населения.

Когда младший Робеспьер был военным комиссаром, в Северной армии не было произвольных арестов и казней.

Однако имена этих благородных якобинцев и добрых патриотов Франции сразу после Термидора канут в Лету почти без следа, и на первый план предпочтут вынести лишь наиболее жестокие эксцессы Революции и таких мерзавцев, как Карье, топившего священников и женщин с детьми в Луаре, и Колло с Фуше устраивавших пушечные расстрелы заключенных в Лионе...

Жертвы Термидора

На календаре 9 термидора II года Республики (27 июля 1794 года, вечер).

Уже завершилось роковое заседание Конвента.

Неподкупный хорошо знал положение истинное вещей с самого начала, ...на что именно он надеялся?

Заговорщики очень боялись свойственного Робеспьеру дара слова, убеждения и покоряющей кристально-безупречной логики, на которую он в этот день особенно рассчитывал, поскольку рассчитывать можно было уже только на удачу. Поэтому они решили обезопасить себя от неожиданностей, подняв дикий крик и свист, заговорщики не дали Робеспьеру шанса защищаться и ответить на сыпавшиеся градом противоречивые взаимоисключающие обвинения, не дали Сен-Жюсту прочесть заготовленную речь по выходу из кризиса.

Неподкупный не знал о планах младшего товарища..., в последнее время они действовали порознь, он не раз слышал упреки друзей по этому поводу...

А Сен-Жюст предлагал реальный и главное единственный бескровный вариант развития событий: введение конституции 1793 года и в связи с этим автоматическая отмена «чрезвычайного режима», а с ним и практики революционного террора и последующие выборы в новый Конвент, но заговорщики не желали бескровного разрешения конфликта...

Уже арестованы и отправлены в Люксембургскую тюрьму братья Робеспьеры, Сен-Жюст, Леба.. Немного успокоившись, председатель Конвента объявил перерыв на час...

Жюсом и Дюбуа, пока заговорщики не опомнились, отправились на улицу Сент-Онорэ для руководства спасением секретного архива клуба и мобилизацией якобинцев на защиту Ратуши.

Командующий парижским гарнизоном генерал Анрио, когда его, наконец, нашли, был пьян, но всё-же вполне дееспособен. Возглавив отряд драгун, он двинулся на Конвент и не встретил сопротивления.

Но вместо того, чтобы арестовать главных заговорщиков, Анрио направился в Комитет Общественной Безопасности, стал искать Амара и Ваде, и не найдя их оставил Тюильри... чем и воспользовались растерявшиеся было заговорщики и стали стягивать свои силы.

Но участникам заговора еще было чего бояться, часом позднее пришло известие о том, что Совет Парижской Коммуны освободил Робеспьера и его людей и сопроводил их в здание Ратуши, а на площади вокруг уже собралась вооруженная толпа, готовая защищать их...

Обрадованные активностью парижской Коммуны, заговорщики тут же объявили освобожденных ими руководителей якобинцев «вне закона», то есть теперь их можно просто убить, казнить без суда.

Это как раз то, что и было им нужно, ведь если Робеспьер предстанет перед трибуналом, ему придется предоставить возможность защищаться. Было решено, он не должен говорить, слишком много знал Неподкупный о каждом из «героев» Термидора, уже видевших себя в составе нового правительства.

Политические конкистадоры, торжествуя, издевались: «Мы применяем ваш же прериальский декрет!» И тут вне-

запное озарение как молния пронзило мозг...

Не для этого ли и спровоцировал Неподкупного змея Сийес на утверждение проклятого декрета?

Их «благородное» сопротивление его утверждению действительно было видимостью! Ведь не зря же вскоре после Лендэ сказал Вадье: «Всё идет прекрасно. Неподкупный сам вырыл себе могилу!»... И где же была при этом его обычная дальновидность?! Неужели взяло верх отчаяние и безысходность? Так неужели правда в этом...

Впоследствии Норбер часто думал о странном поведении Неподкупного в эти последние два месяца, особенно же в последние дни. Уже с весны 1794 против него исподволь начались враждебные действия. Стоит вспомнить распространённые листовки депутата Лекуантра, в которых тот предлагал убить Робеспьера прямо в Конвенте и уже тайно собрал некоторое количество единомышленников. Об этом доложил мелкий клерк, то ли расположенный к Робеспьеру, то ли испугавшийся последствий. И что сделалось Лекуантру и иже с ним? Ровно ничего.

Летом Неподкупный уже точно знал о замыслах заговорщиков, знал их вожаков по именам, но лишь наблюдал за их интригами, собирал материалы для своего Секретного Бюро, ничего не предпринимая. В этом видят какую-то тайну, злой умысел... Но теперь всё встало на свои места...

Правда в том, что с момента утверждения злосчастного

прериальского декрета он был бессилён теперь что-либо изменить или остановить. Накануне 9 термидора его враги в злобе и ужасе перед возможным поражением не спали всю ночь, интригуя, организуя, ободряя и запугивая трусов, а что же его люди? Никаких признаков активности, а что же он сам? Он спал эту свою последнюю ночь..

Отчего он устранился и не появлялся в Комитете после бурной сцены 15 июня? Он осознал, что наделал прериальский декрет и в чьих руках его реальное осуществление. Что толку присутствовать в обществе откровенно враждебных коллег, потенциальных убийц, которые принципиально не примут от него никаких предложений, сколь бы разумными они не были.

Без сомнения он понял и то, что спровоцированный Сийесом в состоянии духовного кризиса и безысходности принял документ, опасный именно для якобинцев, него лично и самой Революции, понял, что обречён и это лишь вопрос времени и ситуации.

Не случайно он так часто публично заявлял о своей готовности к смерти, не случайно и то, что свою последнюю речь, произнесенную в Якобинском клубе накануне переворота 26 июля Робеспьер, откровенно назвал своим «предсмертным завещанием»! Всё сходится, и нет никакой тайны, никакой особой мистики...

Он находился в особом состоянии духа в эти последние полтора месяца именно потому, что чётко сознавал, куда всё

катится и был юридически бессилён вмешаться.

Его ночные прогулки по Парижу тоже вызывали толки. Последнее время он рано ложился спать, но к полуночи просыпался и уходил из дома в сопровождении своего пса Бруна, возвращался лишь под утро.

Часто его видели сидящим на скамье в парке с томиком любимого Руссо, с виду глубоко безразличного к царящему вокруг его имени кипению страстей.

О чём он мог думать в это время? О том ли, что гибнет всё, ради чего он пожертвовал всеми благами и удовольствиями обывательской жизни? О собственной судьбе, о прошлом? О том, что опасный крен ещё можно выправить и спасти Революцию? Безусловно. А может и о том, что собственная жизнь могла сложиться иначе? Возможно всё...

А в это время его обвиняли в вынашивании самых чёрных злодейских умыслов...

Теперь он любил смешиваться с парижской толпой, что было не в его привычках. Внимательно прислушивался к разговорам парижан, которые нередко ругали революционное правительство и ещё персонально «этого, Робеспьера», иногда он вмешивался в разговор, задавал вопросы, но в споры не вступал... Вероятно, так он выяснял обстановку и настроения народа и понял, что враждебная ему агитация и здесь неплохо обработала умы...

Впоследствии многие историки и писатели найдут «таинственным» и необъяснимым поведение Робеспьера в эти по-

следние два месяца. А никакой тайны здесь нет, стоит рассмотреть события под иным углом, глубже, не по поверхности, понять причины событий, а не изучать их следствие, как происходило это обычно.

Нужно всего лишь отказаться от навязанного Термидором шаблонного взгляда на этого человека, расклад политических сил и систему власти того сложного времени.

Робеспьер действительно не имел рычагов реальной власти, чтобы что-то предпринять единолично. Ведь его враги не только среди депутатов Конвента, но и в самом Комитете. А он такой же член Комитета, как и Колло, Барер и другие, и власти, превышающей их полномочия, не имел.

Росчерк пера одного человека не решал у якобинцев ничего. Это характерная особенность этой политической системы, коллегиальной на всех уровнях.

Как раз этого не могли понять ни их современники роялисты, которые давали якобинской модели власти взаимоисключающие определения, то диктатура, то анархия, этого не могли понять и те, кто писал о тех событиях около 100 и сейчас, более 200 лет спустя.

Злосчастный декрет был убийственным именно для робеспьеристов, оставшихся вследствие раскола в Комитетах в меньшинстве и потерявших по существу влияние на ход событий, осуществление его оказалось полностью в руках их врагов.

В эти два месяца будущие термидорианцы устроили беспредметные массовые казни, неадекватные и превосходящие всё, что имело место с самого учреждения революционного трибунала в марте 1793 года.

Но при этом коллеги ловко и цинично окрестили декрет «законом Робеспьера» и делали вид, что он имеет особую единоличную власть. А себя члены обоих правительственных Комитетов позиционировали лишь как «несчастных», которые «лишь подчиняются насилию кучки злодеев» и все эти неоправданные жестокости происходят будто-бы «именем Робеспьера», словно «именем короля» и по его персональной злой воле!

Количество казней превысило общее терпение, присяжные трибунала Парижа часто стали являться на заседания пьяными, и они, не могли выносить столько смертных приговоров. Молодой помощник палача Жак Лувэ, незадумчиво исполнявший свои обязанности ранее, неожиданно для всех покончил самоубийством.. Будущие термидорианцы вели «разъяснительную работу» даже в рабочих кварталах, сея в парижанах разочарование, смутный страх и озлобление.

Вот она, эта правда. Они выставляли его «свирепым и всесильным диктатором»... Будь он и вправду диктатором, имея возможность принимать решения единолично, разве не мог бы он бы отправить на эшафот всех их по очереди, только при этом Конвент был бы еще послушен и покорен и всем доволен, хотя бы внешне.

Как раз перед настоящим диктатором это стадо трусов склонилось бы в страхе и почтении, изображая ликование и рабский восторг перед «сильным правителем».

А вся правда в том, что никаким диктатором Робеспьер не был и отнюдь не стремился к этому и в этом его «вина»...

Есть очень заметная категория людей, которые способны уважать только превосходящую, подавляющую их силу и успех любой ценой, уважают любых завоевателей, лишь бы они были победителями, любых бандитов и насильников, лишь бы они были удачливы, ставят им памятники и строят триумфальные арки, восхваляют, слагают легенды. Но они не прощают побежденных героев и наделяют их чертами либо извергов, либо ничтожеств и неудачников.

Для торгашей и расчетливых дельцов душа принципиального идеалиста всегда тайна, а всё непонятное кажется страшным.

Кишечники восстали против мозга, брюхо против духа... Неподкупный не умел, а главное и не желал по-настоящему поставить сапог им на шею, и они убьют его, чудовищно оболгав до неузнаваемости и втоптав добрую память о нём в кровавую грязь...

Не строй иллюзий, честный патриот, драться будет очень трудно. Теперь можно выжить только в наморднике, так как нет более расчетливых и более циничных людей, склонных решать все проблемы с помощью эшафота, чем те, которых

на нашу беду вырастила сама Революция, эти новые господа... привилегированные плебеи...

Если сила окажется на их стороне, мы, якобинцы, «люди 93 года» потеряем самое право на жизнь.. как коренные индейцы в Соединенных Штатах...

Каста со зверскими аппетитами, не знающая, что такое принципы, честь и совесть, осмеивающая, как «фанатизм» всё, чего не может понять. Преступники, укравшие наши лозунги и старые знамена...

Хуже всего то, что нас до сих пор считают единым целым – «революционеры, якобинцы», но мы давно уже не братья, не товарищи...

Мы были беспощадны, чтобы изменить Мир, они, чтобы сохранить награбленную добычу, приобретенные капиталы и дворянские особнячки!

Чтобы с них более ничего не требовали, они станут утверждать, что всё уже свершилось и Революция окончена. Для них так оно и есть.

Эти станут исключительно жестоки, но лишь из трусости и жадности. Власть берут изменники и могильщики Революции, братья Бриссо и Дантона...

Ночь в Ратуше

Мрачный Жюсом привел людей из Якобинского клуба к Ратуше, но видя их настроения, впервые начал сомневаться в победе.

Думалось самое худшее:

– Тоже мне, лейб-гвардия революции, тьфу. Крысы с тонущего корабля, ждут момента, чтобы разбежаться. Половина не желает драться, вспомнили о семьях и детишках, плохо всё это.

Жюсом и Дюбуа в ту страшную ночь оставались на площади перед Ратушей, Куаньяр решил остаться рядом с Неподкупным до конца.

Все они собрались в зале совещаний, братья Робеспьеры, Сен-Жюст, Леба, Кутон, председатель трибунала Дюма, мэр Парижа Флёрю-Леско, Анрио и члены Совета Парижской Коммуны, депутация от Якобинского клуба.

Возбуждённые, нервные, они проявляли бестолковую активность, тратя драгоценное время на составление обращения к народу Парижа, рассчитывая на помощь секций, особенно рабочих кварталов.

Не учитывая при этом, что агенты заговорщиков поработали и в этих районах, из 48 секций Парижа на отчаянный призыв откликнулись всего 16... Темнело, люди на площади волновались, не получая ожидаемого приказа на штурм Тюильри, многие стали расходиться..

Была и другая причина внезапной пассивности секций, малоприятная для погибающих робеспьеристов. Санкюлоты не простили им казней своих, народных вожаков из низов Эбера, Шометта, Венсана и прочих.

Новый Совет Парижской Коммуны после процессов вес-

ны 94-го состоял из чиновников, считавшихся «ставленниками Робеспьера», то есть из людей, которых санкюлоты уже не признавали своими лидерами...

Стало нестерпимо душно, скорее всего, в ночь разразится долгожданный дождь. Норбер открыл окно и бросил взгляд на площадь. Даже в свете фонарей было видно, что толпа окружавшая Ратушу заметно поредела. Страшным предчувствием защемило сердце.

Он ловил вокруг взгляды, полные не только искусственного оживления и уверенности, но и плохо скрытого ужаса. Среди общей нервозности выделялись холодно-спокойный Сен-Жюст, невозмутимо беседующий с Леба, и сам Робеспьер, устало – отрешённый вид которого, казалось, свидетельствовал о том, что он считает сопротивление бесполезным и готов умереть. Когда его просили подписать обращение к народу он сначала отказался.

То вдруг обычная энергия на время возвращалась, и он интересовался, много ли у Ратуши людей и пушек. Но драгоценное время было упущено.

– Агенты заговорщиков агитируют защитников Ратуши, многие уже ушли!, – не выдержал Куаньяр, в бешенстве ударив кулаками по подоконнику, – изменники расходятся по домам, ссылаясь на дождь!

Он обернулся к Робеспьеру, сидевшему за столом. Рядом с бумагами там лежал пистолет.

На тонких губах Неподкупного появилась горькая усмеш-

ка:

– Дай Бог, чтобы заговорщиков защищали также храбро и верно..

Норбер внимательно разглядывал его, к глубокому уважению и восхищению впервые примешалось какое-то новое чувство, похожее на смутное сострадание. Он живое знамя и совесть Революции и стоит для нас больше, чем всё золото Перу...

Неподкупный в эти последние месяцы очень изменился, всегда стройный, стал просто худым, высокие скулы обозначились резче, сквозь неподвижную маску холодного бесстрастия проступала живая душа, разочарованная, уставшая и глубоко страдающая, серо-зеленоватые глаза излучали какой-то особый внутренний свет, взгляд существа из иного мира..

И Куаньяр невольно вздрогнул: « Еще живой, но уже призрак... », – подумалось против воли, – но не думаю, что те другие также готовы умереть, они еще надеются на чудо, они молоды, хотят жить и вернуться к семьям. У Леба останется 20-летняя жена с пятимесячным сыном, что ждет их, тоже арест? Вероятно.. А Луиза, что будет с ней после моей смерти.. нет, не надо сейчас об этом.. Всё еще может измениться в любой момент, держи себя в руках, ты же всегда презирал пассивную покорность судьбе...

Все вздрогнули от глухого голоса младшего Робеспьера:
– Измена! Негодяи повернули пушки против Ратуши!

Кто заметался в отчаянии, кто оцепенел. Всё кончено. Выхода более нет, смерть холодно смотрела в глаза...

Робеспьер взял перо и равнодушно, автоматически подписал ненужный более документ.

Войска Конвента вступили тем временем на площадь. Раздался грохот сапог по коридору, от мощных ударов дверь в зал совещаний распахнулась. Депутат Бурдон вскинул вперед руку: – Взять их!

Это оказалось не столь просто. Ненависть пересилила ужас поражения, якобинцы сцепились с заговорщиками, люди рычали, отчаянно отбиваясь, слышались проклятия и стоны, парализованного Кутона как мешок сбросили с инвалидного кресла прямо на лестницу, кто-то схватил Норбера за воротник, кого-то он в бешенстве ударил сапогом в лицо..

Робеспьер-младший выпрыгнул из окна ратуши и упал на мостовую, сломав бедро, среди издевающейся, гогочущей толпы секционеров и заговорщиков. Анрио, выброшенный из окна Коффиналем, упал вслед за ним и серьезно повредил, едва не выбил глаз.

Только Сен-Жюст как живая статуя неподвижно стоял у окна, скрестив на груди руки, на тонких губах юноши блуждала презрительная усмешка.

Два выстрела, слившиеся в один, заставили Норбера рвануться к центральному столу. Там лежал Робеспьер лицом вниз, из под головы расплывалось кровавое пятно, рука бесильно откинута, рядом пистолет. А у окна, судорожно сжав

в руке пистолет, лежал мёртвый Леба.

Бессознательно, словно пьяный, Норбер протянул руку к манифесту, лежащему на столе, бумага была забрызгана кровью Робеспьера. Спрятал на груди. Зачем? Он и себе не ответил бы на этот вопрос...

И тут же услышал отвратительный злорадный смех, подняв глаза он увидел шагах в двадцати, юнца в форме жандарма, в его руке дымящийся пистолет:

– Граждане! Я убил диктатора! Мерда, запомните моё имя!

– Мерда? Говорящее имя.. и вправду дерьмо!, – промелькнуло в уме.

Эти секунды вывели Куаньяра из оцепенения, так это не самоубийство?! Твари, они всё-таки убили его!» Дикая ненависть взрывной волной захлестнула душу. Он резко вскинул руку с пистолетом, но произвести выстрел не успел.

Удара сзади он не ждал, страшная боль свалила его на пол. Мир погрузился во мрак...

В тюрьме после Термидора

Сознание вернулось вместе с сильной болью в разбитой голове, кровь свободно сочилась, пропитав грязный матрас, волосы слиплись, повязки не было. Сколько времени он так лежит? Еще светло, но следующий день это или еще вечер?

Серый камень стен и решетка на окне не оставляли иллюзий, он в тюрьме. Раздался стук каблуков по каменным плитам и перед ним на корточках присел человек. Норбер с тру-

дом повернул голову, взгляделся, узнал Клерваля.

– Я прихожу уже третий раз. Ну, и как себя чувствуешь?, – тон насмешливо-участливый, двусмысленный.

Сил на разговоры не было, но Клерваль и не ждал ответа, а продолжал:

– Сейчас семь вечера. Уже час, как Робеспьер и остальные 22 вручили свои бессмертные души Верховному Существо или кому иному, тут мнения расходятся, – насмешка уже преобладала над фальшивым участием, – и кто же тебе помешал героически умереть вместе с ними? Нет, честно, я удивлен, как вышло, что тебя привезли в Сен-Лазар, а не в Консьержери с другими..

Свирепое веселье обуревало Клерваля, он щедро расточал Куаньяру белозубые хищные улыбки:

– Завтра мадам Гильотина примет в свои страстные объятия еще 70 человек, членов Совета Парижской Коммуны, может тебе повезёт присоединиться к ним

Раненый холодно выслушал его и облизнул пересохшие губы:

– Его внесли на эшафот мёртвым.., – подняв глаза к потолку, обращался он скорее к самому себе, но Клерваль сразу понял, о ком он.

– Отнюдь нет. Он был лишь ранен, выстрел раздробил левую нижнюю челюсть. Утром ему даже сделали перевязку. Мы же цивилизованные люди...

Сухие губы Норбера дрогнули:

– Истекал кровью всю ночь, а врач пришел только утром, цивилизованные люди?», – коснулся слипшихся волос, струйка крови затекла за воротник, – значит это милое обращение честь для меня, понимаю...

Клерваль сделал вид, будто только сейчас заметил разбитую голову Куаньяра и запятнанную кровью сорочку:

– Ах да, я пришлю к тебе врача, – это прозвучало кисло и небрежно.

– И воды, принеси воды, безумно хочу пить, – Норбер с трудом разлепил сухие губы. Но ответа не услышал.

Клерваль присел на матрас:

– Хочешь узнать, как всё было? Его перенесли в Конвент, несколько часов он лежал на столе в помещении Комитета Общественного Спасения .

И в тоне мрачной насмешки продолжал:

– Полюбоваться и обменяться мнением собрались все его заклятые друзья, шутники, готовые распивать шампанское в честь такого праздника! Всю ночь не оставляли без внимания ни на минуту до самого утра. А он? Он молча игнорировал всех, глядя в потолок и глотая кровь, наверное, их шутки ему не нравились, у покойного было плохо с чувством юмора.

Свирепая игривость не оставляла Клерваля:

– А впрочем, бедняге трудно было бы отвечать с разбитой челюстью, это должно быть ужасная боль, – он передернул плечами и взглянул на раненого и подумал, зачем так

хочется рассказывать всё это в подробностях?

Он знал наверняка, что эти детали причиняют Куаньяру особую острую боль, хуже той, что мучает его сейчас и всё же не хотел замолчать.

– Робеспьер был казнён последним, удостоился увидеть смерть всех своих друзей, одного за другим.. Анрио после падения из окна Ратуши сильно повредил глаз... точнее он почти вывалился и висел на ниточке нерва, еще то зрелище... На эшафоте, за секунды до того, как на Робеспьер а опустится нож гильотины, палач, наш любезный Шарло, рывком содрал присохшую к ране повязку, – Клерваль пытался поймать взгляд раненого, – он страшно закричал от боли.. Я сам слышал... Этот же помощник палача схватил висящий глаз Анрио и вырвал...

Норбер лежал неподвижно, прикрыв глаза, смуглое лицо приняло бледно-зелёный оттенок, на лбу выступил пот. По выражению окаменевшего лица нельзя было понять, что он чувствует и слышит ли собеседника.

Клерваль был разочарован и потому добавил с досадой:

– Конечно же, это варварство на совести Сансона. Казнь не должно превращать в пытку, как при старом режиме... , – и продолжал: «Трупы бросили в общую яму на заставе Монсо. Так что желающим положить ему цветочки, а такие поклонники думаю, пожалуй, найдутся, будет сложновато, у него нет персональной могилы, в этой яме зарыты более тысячи человек...

Поднялся с матраса:

– Заключенные уже знают о перевороте, представь, если кто из них узнает, что среди них сторонник Робеспьера, то есть один из тех, кто определил их сюда, они разорвут тебя живьём, удавят, в других тюрьмах такие эксцессы уже происходили сегодня, именно так погибла почтенная мамаша Дюплэ, – насмешливо улыбаясь, Клерваль ушел.

Страшной ночью в Ратуше, Норбер решил для себя, что лучше умирать с оружием в руках, чем обреченно ждать ареста и казни.

«Герои» Термидора, коррупционеры, военные преступники и темные дельцы, заляпанные кровью его товарищей, не были для него «законной властью».

Жестокое и подлое убийство Робеспьера стало для Норбера тяжелым нервным потрясением. По-своему он любил этого человека, привык равняться на него, испытывал к нему особую внутреннюю привязанность, считал его родственной душой, своим учителем, живым воплощением совести и духа Революции. Хуже смерти увидеть всё то, что начнется дальше...

Не было рядом ни Пьера, ни Филиппа, ни Лорана. Где они сами? Убиты заговорщиками той же ночью? Или хоть им повезло с честью умереть рядом с Неподкупным? Или они всё же живы и скрываются?

Казалось, в ту минуту, когда навсегда остановилось сердце Неподкупного, разом рухнуло всё, чему он отдал свою

жизнь. Физическое существование потеряло смысл, надежда убита, а вера поругана. Сильнее всего он хотел умереть рядом с Неподкупным, это было бы достойное завершение его жизни, но и эту возможность у него отняли.. Кто? Зачем?

При мысли о реальности близкой смерти Норбер нервно облизнул пересохшие губы. Скажи себе правду...

Страшно тебе умирать? Да, страшно! Почему, ведь ты уже всё потерял?... Потому что мне должно быть страшно. Только безумец ничего не боится. Или нет? А вот тебе правда, ты уже мёртв... не веришь? На лбу мелко выступил пот. И всё же? Итак, по порядку...

Мы всегда жили «в тени» гильотины, не защищенные от правосудия даже при нашей власти, а сейчас, чего вернее ждать от врага, смерти или праздничного банкета? Логично звучит, но не вполне искренне...

Да-да, спустись на Землю, якобинец... мученик Идеи, солдат Революции, римская душа, ты совсем забыл о Земле в свои двадцать восемь лет, да и жил ли на ней по-настоящему?

Всё время готовились умереть, но не знали, как надо жить, – вырвался глухой гневный смешок, – досадно, но ты всего лишь живой человек... вспомни «Фауста», как там, у Гёте о человеке «Смешной божок Земли...», ...что именно они называют якобинским «фанатизмом»? Что не хочу выживать «любой ценой», через измену совести и принципам, через лизоблюдство? Так разве это жизнь?!

Душу пронизал вдруг космический холод одиночества, отсутствие всяких чувств, эмоций, ощущение себя автономным от всего и всех существом: мыслящая единица, лишенная тела с его потребностями и желаниями, никому более не сын, не брат, не любовник... Этот вселенский холод не огорчает и не причиняет боли, как земное одиночество, он делает свободным. Но прошло и это, жизнь брала свое...

Исчерпав себя, пустота и отчаяние медленно сменялись то холодным равнодушием, то отвращением к ситуации, то желанием бороться, бешено, насмерть.

Они убили совесть и душу Революции! Вот кто по определению заслужил эшафот, так это новые хозяева тюильрийских кабинетов! Судьбы общества и народа Франции...

– Судьба Революции важнее судеб отдельных людей, – шептали сухие горячие губы, – в том числе и моей личной судьбы, что такое человек? Хрупкое жалкое создание, которое рано или поздно укроет холмик земли, но, впрочем, уникальное существо, владеющее.. как снова не вспомнить поэта «той искоркой божественного света, что Разумом зовёт он...» Неужели Гёте и в этом прав – «свойство это, он на одно лишь смог употребить, чтоб из скотов скотиной быть...», – вырвался вздох, – страшно ли мне умирать? Мысль глупая и навязчивая. Мы всегда готовились умирать, но так и не поняли, что делать со своими жизнями... Горестно и страшно оттого, что победил Термидор...

Наступало царство расчетливых циничных дельцов, бес-

принципно делающих бизнес на стремительно быстро погибающей революции, нагло прикрываясь при этом ее флагом и идеями демократии!

Желание жить и силы поддерживала лишь холодная управляемая ярость. Ведь есть шанс спасти Республику, пока живы «люди 93 года», хотя погибших учителей не поднимет из общей могилы в садах Монсо никакая магия ацтеков, никакое вуду чернокожих шаманов Африки. Но можно же, вырвать власть из хищных рук этих военных преступников и чиновных воров, гордо называющих себя теперь «защитниками демократии» и «победителями Термидора»! Для чего иного Высшие Силы оставили ему жизнь?

Благородные принципы и чистые идеи Неподкупного, республиканская честь и свобода должны жить! А значит, должны выжить и они, якобинцы, лейб-гвардия Революции, воины идеи и духа...

Это не гордыня, не фанатизм, это якобинский секрет, это их крест. Хоть раз коснувшись берегов Земли Обетованной, отбросив фатализм и тупую покорность судьбе, увидев как ваша молодая энергия, ваш разум и ваша воля меняет мир, нельзя повернуть назад, к мирку мелких животных радостей и материального благополучия. Бессмысленны самые жестокие репрессии новой, а по существу старой власти, ожидающие нас, бессмысленны церковные проповеди пассивного смирения...

Ни 14 июля 89, ни 10 августа 92, ни 21 января 93 никогда

не стереть из нашей памяти и 28 июля 1794-го мы никогда не простим вам...

Только эти мысли впоследствии не позволили Норберу впасть в глубокую депрессию и бездеятельность, не позволили банально спиться.

Боль в разбитой голове прервала все его мысли, он слабо застонал. Мучила жажда... Врача не было, а кто бы в этом сомневался..

Бешеные крики и брань десятков голосов заставили Норбера напрячься и прислушаться.

Раздался страшный, хватающий за душу крик боли, за которым последовал вопль:

– Да оставьте же вы этого негодяя! Он всего лишь мелкий клерк, служащий из продовольственного комитета, тогда как сюда привезли крупного зверя, одного из непосредственных виновников наших страданий! Хищник из агентов Комитета Общественного Спасения, руководивший арестами невинных людей, бывший комиссар Конвента, кровожадный тигр, лично подписавший сотни смертных приговоров, палач Майенна...

Мужчина видимо хотел продолжить список обвинений, но его голос потонул в чудовищном рёве. Топот приближался и Норбер вздрогнул, осознав, что имели в виду именно его.

Попробовав приподняться на матрасе, он сразу убедился, насколько сильно ослаб от потери крови. Где уж тут защи-

щаться? Злоба и отвращение боролись с нарастающим ужасом. Умереть, как факт может и не так страшно, но весь вопрос в том, как умирать...

В мозгу невольно проскочила мрачная мысль: «Хоть бы.. всё произошло.. быстро... Тот несчастный был мелким клерком и всё же они безжалостно убили его, мне они могут предъявить большой счет...»

Помещение наполнилось людьми, мужчины и женщины вели себя агрессивно, истерически выкрикивали угрозы и оскорбления, некоторые порывались броситься на раненого, но более благоразумные сдерживали их натиск. Норбер молча наблюдал за ними, на оскорбления и угрозы отвечал лишь презрительным пожатием плеч, с усилием приподнявшись на матрасе.

– Якобинский ублюдок!, – с ненавистью шипела женщина лет 40-45, – ваши казнили моего мужа и сына, убийца, ты можешь вернуть им жизнь? Будь ты проклят!

– Добро пожаловать в ад!», – кричал полный пожилой мужчина холёного вида, – ты достоин не только гильотины, но и участи Дамьена!

– Верный пёс Робеспьера! Отправляйся на свидание с гильотиной! Она заждалась тебя! Я не успокоюсь, пока не сдохнет в мучениях последний из вашего кровожадного племени!, – потрясал кулаками коренастый тип, медленно приближаясь. Его собственные кровожадные намерения были при этом вполне очевидны.

Куаньяр с трудом сел на матрасе.

Путь убийце неожиданно преградила хорошо одетая молодая женщина:

– Во имя Бога! Постыдитесь или у вас нет сердца?! Проявите милосердие, он даже не может защищаться!

Коренастый тип, сузив бычьи глазки, с трудом подавил ругательство:

– Я добрый роялист, сударыня, но отличие от меня вы еще и дворянка. Почему вы защищаете якобинца? Вы должны ненавидеть их еще сильнее, чем я. Отойдите же, мадемуазель и дайте нам расправиться с этим разбойником!

В бешеном возбуждении он грубо схватил ее за руку, девушка стала звать на помощь, грубияна оттащили. Отвлекаясь на умиротворение, толпа успела слегка остыть и сразу расступилась, когда сквозь ее ряды протолкался низкорослый мужчина лет 37-38 с властными манерами. Сам арестант, он имел определенное влияние на людей даже в тюрьме.

– Зачем вы вмешались, Масье, чёрт побери!, – огрызнулся несостоявшийся убийца, – мир сошел с ума, если аристократка защищает якобинца!

Масье молча, отстранил его плечом и внимательно рассмотрел потенциальную жертву. Не сразу, но он узнал бледного до цвета зелени незрелой оливки окровавленного молодого человека, сидящего перед ним. Коренастый субъект, окинув Куаньяра бешеным взглядом сплюнул себе под ноги,

но с вновь пришедшим отчего-то спорить не стал. Тем временем толпа заключенных, зло и разочарованно ворча, разошлась.

Жером Масье был из тех жирондистов, которые отвергли вождей-изменников и не поддержали федералистский мятеж лета 1793 года, честные республиканцы, они согласились на сотрудничество с якобинцами во имя общих целей и победы революции.

Люди Амара из Общественной Безопасности и ультра-радикалы Эбера однако, часто напоминали о них революционному правительству, упрямо стараясь отправить на эшафот.

Не раз Робеспьер личным вмешательством спасал жизни этим 73-м, навлекая на себя этим нелепые подозрения. Он не мог единоличным решением освободить их, но и не позволял уничтожить к немалой досаде и раздражению коллег из Общественной Безопасности.

– Пусть не будет новых и напрасных жертв гильотины... – так отвечал Робеспьер по этому поводу.

Невзирая на ряд глубоких идейных разногласий Масье и Куаньяр сохраняли вполне добрые человеческие отношения, он часто справлялся об условиях содержания Масье.

– Вас трудно узнать, – сказал Масье. Еще бы, кровь, засохшая на лице, напоминала жуткую маску.

Молодая женщина ловко смыла кровь с лица и шеи раненого, перевязала ему голову и наконец-то принесла чистую воду. От Клерваля он не дождался ни врача, ни глотка воды!

– Благодарю вас, гражданка, вы очень добры ко мне. Не знаю, чем я заслужил такую заботу, – невольно сорвалось с его губ, – если вы действительно из «бывших», я не понимаю...

– Сударь, я не только дворянка, но еще и христианка. К тому же я вас запомнила. Это вы мне дали платок, когда потеряв от ужаса всякую гордость, я со слезами упала перед Клервалем на колени, это вы ответили, что моего имени нет в списке, в то время, как Клерваль только оттолкнул меня. Это была я, Анжель де Сен-Мелен.

Не без удивления Норбер, молча, выслушал ее.

– Не думал, Масье, что встретимся в таких обстоятельствах...

Жирондист энергично кивнул:

– Да.. Считаю, что на днях они объявят амнистию. Если повезёт и «умеренные» республиканцы вернутся в Конвент, я обещаю добиваться вашего освобождения, а если понадобится, то соберу подписи в вашу защиту.

Уверен, многих в Майенне и в Лавале расчерк вашего пера отправил на эшафот, на это обвинение и сделает упор, но многим невинно подозреваемым вы спасли жизнь, в этом числе и я, «ваш покорный слуга». Я помню об этом, считаю, что и другие не откажут вам в справедливости...

Губы Куаньяра дрогнули в горькой усмешке:

– Я не жду справедливости.. Где она? Его они убили без суда...

Масье сразу понял о ком идет речь и сухо произнес:

– Не будем об этом. Эту тему мы понимаем разное. Лично вам я постараюсь помочь.

Норбер повернул голову к молодой женщине и мягко коснулся ее руки:

– Вам повезло. Прериальский декрет сильно опустошил тюрьмы в эти жуткие для всех нас два месяца.

– Вы правы. Меня спасло чудо. Домогательства Клерваля поставили меня на край гибели. Этим чудом стало покровительство некоего гражданина Жюсома, человека видимо влиятельного и менее жестокого, чем другие якобинцы, – и тут же спохватилась, выдохнув, – ох, извините, пожалуйста, я совсем забыла, что вы... тоже..., – она смутилась окончательно.

Куаньяр устало пожал плечами:

– Цареубийца? Монстр? Революционный фанатик? Для роялистов всё так и есть.

Масье встал:

– Ладно, притащу свой матрас сюда. Не ровен час эти безумцы надумают вернуться и попробовать всё-таки вашей крови... На Клерваля надежды нет, он появится не раньше, чем с вами всё будет кончено, надеюсь, вы сами уже это поняли.

Девушка осталась сидеть рядом:

– Простите, кажется, я невольно обидела вас...

– Нет – он сделал слабый отстраняющий жест, – но скажите мне, ваш защитник, Жюсом, слегка рыжеват, невысок ростом, юношески сложен.. Пьер Жюсом?

Молодая женщина оживилась:

– Пьер Жюсом, да! Он был добр ко мне, куда он исчез?

– Я сам хотел бы это знать. Я прошу вас после освобождения, а я уверен, что через неделю максимум вы будете свободны, зайдите на улицу Сен-Флорантэн, дом 14 квартира 28. Скажите, что от меня. Эти люди тоже из «бывших», граф де Бресси и его племянница Луиза де Масийяк. Скажите, что я еще жив и содержусь в Карм. Очень прошу вас, сообщите ей, что я ещё жив!

Грустно, почти умоляюще смотрели на нее усталые темные глаза с покрасневшими белками. В порыве невольной жалости Анжель взяла его руки в свои:

– Обещаю, я найду этих людей, найду.. её, как только сама буду свободна! Один республиканец... его зовут гражданин Лавале, сказал вчера, что моё освобождение будет возможно уже совсем скоро... Правда, он так мрачен при этом, словно ждет чего-то еще худшего, а по мне так куда уж хуже?

Среди ночи Норбера разбудило чьё-то горячее прерывистое дыхание и торопливые, весьма откровенные прикосновения и ласки. Сделав резкий жест, он поймал тонкую женскую руку:

– Что вы делаете? Кто вы?

– Какая тебе разница, якобинец? Я женщина и этого до-

статочно!, – раздался свистящий шёпот. Рука действовала уверенно, влажные губы страстно приникли к его губам, целуя и покусывая их. Схватив женщину за обе руки, Норбер слегка отодвинул ее от себя.

– Что на вас нашло? Зачем? – шёпотом спросил он, невольно думая при этом, разбудила эта чокнутая эротоманка спящего по соседству Масье или нет?

– Я очень хочу заняться с вами любовью, до ареста у меня уже был любовник якобинец, это что-то особенное. Экзотика, всё равно, что заниматься этим с дикарём, кровожадным, свирепым, но чувственным и страстным..

– С чего вы решили, что я такой», – Норбер решительно отстранялся от её рук и губ.

– Я уверена в этом. Если у ваших товарищей столько дикой страсти на трибуне, столько бешеной энергии, чтобы ловить нас по 18 часов в сутки, меня арестовать пришли среди ночи, значит и во всём остальном у вас обстоит не хуже. Ты красивый, я рассмотрела тебя еще вечером, – тонкие руки ловко проникли под сорочку, и принялись умело ласкать его исхудавшее нервное тело. Боль в разбитой голове, усталость и воля боролись с растущим возбуждением.

– Что ты теряешь, якобинец? Тебя всё равно ждет казнь, стало быть, я последняя женщина в твоей жизни...

– Благодарен за лестные представления о моих мужских способностях, мадам, но прошу вас, уйдите. Я не расположен заниматься с вами любовью, даже если бы был здоров. Не

в моих правилах развлекать распутных аристократок... – и продолжал громко, обращаясь к Масье, – Жером, прошу вас, принесите мне воды.» Женская тень отшатнулась, вскочила и растворилась в темноте.

– Чертова извращенка!», – пробормотал он сквозь зубы, когда Масье подал ему стакан воды, – и добавил, морщась от неловкости, – не сомневаюсь, что вы всё слышали?

Масье, криво улыбаясь, пожал плечами:

– Такое в тюрьмах случается часто. Она мечтает переспать с якобинцем, подобно тому, как иные ваши получают особое наслаждение, делая это с герцогиней или маркизой, на которых при старом режиме им было запрещено даже поднимать взгляд.. Давайте уже спать, Норбер, больше она не появится, найдет себе другую жертву!

Судьба Филиппа Дюбуа после 9 Термидора.

Безумная дерзость помогла Дюбуа вывести Диану Жюно из тюрьмы, но еще большей дерзостью было поселить её у себя, что он и сделал. Эти три дня с 25 по 27 июля он редко бывал дома, таким образом, ничем не мог стеснить её и избавил себя от всяких болезненных для обоих объяснений.

Дюбуа был в помещении Комитета Общественного Спасения, когда туда на носилках принесли Робеспьера и положили прямо на стол, под головой у него оказался ящик с образцами солдатского хлеба. Сен-Жюст, Флерио-Леско и другие узнали его, но молчали, давая шанс скрыться. Пейан не раз

уже делал знак, призывая исчезнуть, но Дюбуа словно парализовало...

Неподкупный выглядел окровавленной, неподвижной, но всё же дышащей, и страдающей массой. Лишь время от времени он подносил к губам тонкий, пропитавшийся кровью кожаный мешочек..В помещении было не протолкнуться от шумящих, озлобленно-возбужденных депутатов, журналистов.

Все они кричали, обменивались впечатлениями от ситуации, с удовольствием издевались над арестованными и обреченными на смерть якобинцами, от раненого так просто не отставали ни на минуту. Стая шакалов...

Защищаясь от зевак, Робеспьер из последних сил, принял отсутствующий вид. Казалось, он не слышит озверелого хамства, этих ругательств и проклятий.. и все же, один за другим, они нагибались к нему, стараясь заглянуть в расширенные от боли остановившиеся зрачки.. Он задыхался... На некоторые особенно озлобленные выкрики отвечал презрительным пожатием плеч.., если хватало сил.

– Что.. тиран..тебе плохо?! Я даже рад, что эта проклятая собака мучается!

– Слышали, он хотел короноваться под именем Максимилиана I и жениться на молоденькой дочери Капета, содержащейся в Тампле?!!

– Это что! Говорят, он распутничал в каком-то замке под Парижем.. этот.. блюститель нравственности...принуждал к

близости жен и дочерей арестованных аристократов.. обещал, что спасет их мужей и отцов.. а на самом деле все они давно были казнены!», – голос принадлежит Клервалю, – сдохни, убийца Дантона!

– Ага, а в подвалах обнаружены шесть тысяч трупов.. все казнены по его личному приказу!», – бросает сквозь зубы бывший комиссар и палач Нанта, отозванный по настоянию Робеспьера, ультра-левый эбертист Карье, – монстр, убийца! Я всегда ненавидел его!!

– А-а!, – вопль выражает возмущение и бешенство. Любая клевета, любая анекдотическая чушь, любая мерзость охотно записывается присутствующими журналистами, как достоверный факт.. всё это теперь будет иметь успех у публики.. позволит хорошо заработать...

– Э-э.. а ты, гражданин Давид, что думаешь? Кажется, ты недавно готов был молиться на него?, – в голосе нескрываемая угроза, – ты называл его другом! Посещал обеды у мамаши Дюплэ...

– Это ложь.. чистейшая ложь! Я всегда ненавидел это чудовище и боялся,.. но.. теперь всё изменилось..это можно сказать открыто! Я был им.. грубо обманут! Плюю и проклинаю, так тебе.. чудовище.. за всё!

И всё же под пристальным взглядом жертвы Давид опустил глаза..

Из раны Неподкупного свободно текла кровь. Он бледнел и слабел на глазах. Но смерть до казни не входила в планы

его убийц...

– На, утри рожу, ваше республиканское величество!, – услышав сдержанный слабый стон, жандарм, небрежно комкает листки бумаги и бросает на стол, – терпи и жди, гражданин Лакост ушел за врачом...»

Дюбуа прижался к стене с окаменевшим лицом и стеклянными глазами. Он вцепился в подоконник, чтобы не рвануться к столу... Казалось, стая шакалов окружила умирающего тигра и радуется.. славной победе!

Он задыхался... Может Норбер прав и старуха Тео в своей женской интуиции совсем не дура.. не Мир вам принес, но Меч...

Все видели, что Неподкупный тщетно пытался приподняться, чтобы подтянуть сползающие чулки, но лишь один молодой человек, из младших клерков Комитета, решился сделать доброе дело и помочь ему.

– Благодарю вас.. месье!, – прозвучало очень тихо, но все услышали.. что началось?!

– Что он сказал?! Месье?! Что это значит.. он оказывается роялист.. наш.. непреклонный и неподкупный?!», – ирония и торжествующая злоба, – я так и знал... Нерон века просвещения!!!

Дюбуа вздрогнул от брезгливого отвращения. Вот уроды! Да, он и раньше иногда говорил «месье» вместо «гражданин».. но его безупречная репутация говорит за себя.. он может себе это позволить.

Неожиданно к столу пробилась худенькая, скромно одетая девушка, она плакала.. слезы градом катились по бледным щекам. Зашептались: наверное, одна из жертв.. все родные погибли.. из-за этого..Плюнь ему в рожу.. девочка!!

Но подойдя к столу совсем близко, девушка порывистым жестом мягко взяла руку Робеспьера, прижалась к ней губами, целовала. Неподкупный медленно поднял на нее глаза, искривленные от боли окровавленные губы дрогнули.. но с них не сорвалось, ни звука. Встретившись с ним взглядом, она невольно оцепенела и на некоторое время замерла, не отпуская его руки .. Они обменялись долгим взглядом, но ни одним словом... Кто ты, добрая душа? ...Какая теперь разница.. может я и есть.. тот самый..народ?

Это был почти единственный знак сострадания за эту страшную ночь.. последнюю ночь..

Онемев, толпа замерла, но тут же опомнилась. На девушку кричали, строили в ее адрес непристойные и хамские предположения, ей угрожали.

Дюбуа взял ее за руку, быстрым шагом оба вышли из помещения.

– Уходите быстрее! Спрячьтесь и о вас забудут! Я не знаю, кто вы.. но я .. от всех нас.. благодарен вам за этот добрый жест..

– Гражданин..я хочу помочь..Что нужно сделать? Неужели они.. убьют его?! Как же так?! Что же это..

– Прячься.. девочка.. Далее.. если хочешь быть полезной

для патриотов... совесть подскажет тебе... А сейчас.. уходи!!

Девушка помедлив, скрылась в темноте коридора.

Хуже другое. Дюбуа тут же узнали. Клерваль бешено закричал:

– О, еще один «неподкупный!» А ну, задержите эту якобинскую тварь! Это клевет Робеспьера, он должен присоединиться к своему шефу на площади Революции! Что?! Скрылся?! Так ищите! Ищите!! Не оставьте им ни одного шанса спастись!!

В страшной спешке забежав домой часа в три ночи 28-го, Филипп вручил Диане ключи от квартиры, она не успела ничего расспросить и понять, как услышала за дверью характерное:

– Именем Республики!

Когда жандармы уводили Дюбуа, молодая женщина в ужасе разрыдалась:

– Куда его, за что?!

Отчаянно уцепилась за рукав агента, пока тот не снизошел до резкого ответа:

– В Карм, мы ведем это якобинское отродье в Карм! Наконец получают всё, что заслужили эти убийцы Дантона!», – резко выдернул руку, – ну же, пошел!

Филипп никак не мог предположить, что Диана рискнет навещать его в тюрьме и всё же она пришла в то же утро...

Он стоял перед ней сосредоточенный, хмурый и бледный, опустив руки. Он знал, что это конец, но она надеялась спа-

сти его, наивно строила планы, всё спрашивала, к кому надо обратиться. Филипп лишь мрачно покачал головой:

– Я не зря дал тебе ключи. В дальней комнате у окна стоит сейф, в средней ячейке деньги, не слишком крупная сумма, но всё же тебе хватит на первое время, хватит даже, чтобы снять комнату на улице подальше отсюда, молчи, не спорь со мной, сделай это как можно быстрее. Код ячейки один семь девять два, 1792, год установления Республики... Отчего ты плачешь? Плакать ни к чему.., – осторожно и неловко Филипп касается её мокрых щек, пытаясь утереть слёзы, – ты будешь в безопасности, если сделаешь всё, что я сказал...

– А я плачу не о себе. Я не брошу тебя погибать..Бедный ты мой, Господи, за что же... Скажи лучше, к кому мне надо обратиться, не будь упрямым!

Подойдя ближе, Диана берёт его руки в свои и слегка сжимает:

– Ну же.. А деньги я верну тебе,..как только тебя освободят..

К горлу Дюбуа подошел тяжелый комок, сдержав стон, он лишь вздохнул:

– Сделай всё, как я сказал, сейчас уже поздно, завтра к вечеру.. приходи,.. если хочешь, если не придёшь, это ничего, я пойму...

Глядя ей вслед, Филипп прошептал сухими губами:

– Забудь обо мне!

Ближе к шести вечера 29 июля Диана Жюно снова пришла

к мрачным воротам Карм.

– Кто вам нужен, гражданка? Дюбуа? Сейчас поищу в списках заключенных, так.. Дювалье, Дюфурни, Дюмербион, а вот и Дюбуа, Филипп Дюбуа!», – тут чиновник слегка при- свистнул, – красавица, вы опоздали! Трибунал сегодня даже не собирался, в случае Робеспьера и его ублюдков это ни к чему..их давно увезли.. Он уже в общей яме с известью! Там им всем самое место!

Диана пошатнулась, как от удара в лицо. Сама не помни- ла, как очутилась на скамейке в городском парке, градом по- катились едкие и горькие, тяжелые слезы, застилая глаза, тя- жёлые рыдания беззвучно сотрясали тело, хотелось кричать дико, по-звериному, чтобы небесам было слышно...

– Раскрыт чудовищный заговор Робеспьера!, – как в ту- мане услышала она звонкий голосок подростка, разносчика газет, – борцы с тиранией принесли стране желанный мир и подлинную демократию, полное прекращение Террора и всеобщую амнистию!

Контрреволюционный психоз под маской «новой Революции»

Как и предполагалось, уже в начале августа 1794 года на- чалась амнистия, слепая и неразборчивая. Наряду с невин- но осужденными «жертвами внутренних репрессий и чу- жой клеветы» на свободу выходили тысячи настоящих вра- гов Республики, дворян, роялистов, озлобленных, жажду-

щих мести и крови.

Узнав об убийстве Робеспьера, некоторые якобинцы убивали себя, так покончили с собой парижский гравер Моклер и судья Будон. Особенное волнение проявляли якобинцы Арраса, родного города Неподкупного.

Первые месяцы после Термидора характерны определенным массовым психозом, смерти Робеспьера откровенно радовались не только уцелевшие аристократы-роялисты, освобожденные по слепой амнистии и даже не только богатые буржуа, которым надоела игра в построение демократии, и которые, теперь могут пользоваться своей наворованной собственностью совершенно открыто и безнаказанно.

Первое время этот психоз охватил даже значительную часть самих якобинцев и санкюлотов Парижа.

Санкюлоты в первый момент сочли события Термидора справедливой мстью за своих казненных вожаков – Эбера, Шометта.

Якобинцы имели свои причины, одни вполне искренне поверили шумной пропаганде победителей, о том, что Неподкупный будто-бы готовил чудовищный заговор, который был предотвращен и Республика спасена, другие изображали радость скорее от страха, отныне быть «за Робеспьера» означало стать почти самоубийцей, лишиться должности и средств к существованию...

Террор отнюдь не был прекращен, как трещали послушные новому правительству газеты.

В тюрьмы теперь бросали якобинцев, по стране их казнили тысячами, рабочих, ремесленников и мелких лавочников, то есть санкюлотов из Сент-Антуана и Сен-Марсо убивали прямо на улицах обнаглевшие банды мюскаденов – «золотой молодёжи», среди них были и сынки нуворишей, додрвавшихся до власти и даже явные роялисты. Носить красные колпаки уже в недалеком будущем станет нежелательно, даже опасно...

Новая власть чаще всего закрывала глаза на эти погромы и убийства, многие дела до суда не даже доходили.

Газеты послушно прославляли заговорщиков, ставших членами нового правительства, захлебываясь от восторга, требовали казней всех тех, кого отныне крестили «охвостом Робеспьера» и строчили опусы на заказ, в которых наперебой предавали анафеме свергнутое правительство. «Диктатор», «кровожадное чудовище», «тиран» становились отныне неизменными эпитетами Неподкупного...

Якобинцев изображали либо «кровожадными хищниками», либо «тупыми фанатиками идеи».

Некоторые еще вчерашние члены клуба, в страхе репрессий, по-шакальи перебежали в лагерь победителей, шумно проклиная тех, перед кем вчера столь же шумно преклонялись, таким гнусным образом спасали и жизнь, и служебное положение.

– Эй, спляши карманьолу, вдова Робеспьера!, – насмехаясь, кричали нарядные франты бедно одетым женщинам из

рабочих кварталов.

Робеспьеру они придумали циничную издевательскую эпитафию, стоит учесть при этом, что его тело бросили в общую яму:

«Прохожий, не печалься над моей судьбой! Ты был бы мёртв, когда б я был живой!»

Так, в сознании обывателя медленно закреплялся по-смертный имидж Неподкупного – «одержимый жаждой крови монстр»...

Ультра-правые силы, чья революционность и республиканизм вообще сомнительны, торжествовали победу. Многие депутаты Конвента, желающие еще «поудить рыбку в мутной воде» и не попасть под маховик репрессий, отрекались от вчерашних товарищей, не сознавая еще, что отрекаются этим жестом и от самой революции, от своей совести, чести и достоинства. Многие из них мало выиграли от своего предательства, они всё равно сделаются «персонами нон грата» за прежнюю роль в событиях 1792-1794 гг.

Участники анти-якобинского переворота плохо сознавали, что послужили лишь орудием для теневых дельцов и после Термидора стали «ненужными» орудиями. Через несколько месяцев они уже не «сила и власть», даже не союзники этим новым господам, их очередь также скоро придет.

Первыми были отстранены от власти и попали под репрессии «перехитрившие сами себя» члены обоих правительственных Комитетов – Амар, Вадье, Колло-д, Эрбуа, Билло

и другие.

Участие в устранении Робеспьера им более не засчитывалось в заслугу, зато всё чаще стали вспоминать об их роли товарищей и коллег Неподкупного.

Термидорианец Каррье, бывший комиссар Конвента в Нанте, один из врагов Неподкупного, отозванный с должности именно по его настоянию, вдруг превратился на страницах прессы в «охвостье Робеспьера», а уже в декабре 1794 года был отдан под трибунал и казнён. Сослан в Гвиану Колло-д'Эрбуа, тем удивительнее, что уцелел его «подельник» по Лиону ловкач Фуше.

Левые республиканцы еще присутствовали в термидорианском Конвенте, защищали свои принципы по мере возможностей, но грозной силы уже не представляли.

Уцелевшие якобинцы постоянно подвергались нападкам ультра-правых отщепенцев Революции, олигархов и буржуа, без всяких оснований присвоивших себе звание «либералов и демократов»...

Кто бы знал тогда, что эта позиция крупных собственников станет «традицией» на добрых двести лет вперед...

Якобинцев увольняли с прежних мест службы, запрещая куда-либо переезжать, оставив под надзором новой администрации, а от этой меры один шаг до массовых арестов. Жаловаться и таким образом напоминать о себе, было нежелательно и даже опасно.

В театрах ставились «обличающие» и грубо высмеиваю-

щие их пьесы, пользовавшиеся успехом у богатой публики, радующейся унижению тех, перед кем еще вчера тряслись колени.

Защищаться побежденным не позволялось, их газеты закрывали в то самое время как в республиканской Франции полу-легализовалась роялистская печать, агитирующая за свержение Республики и рукоплескавшая любым проявлениям «анти-якобинского» террора!

В Лионе, в Марселе и многих других городах Юга поднявшие головы роялисты, часто объединившись с новой «золотой молодежью», жаждущей мести и крови, врывались в тюрьмы, рубили узников-якобинцев саблями, забивали металлическими прутьями.

Но совсем нередко убийцы лишь маскировались под роялистов, за расправами стояли буржуазные республиканцы, занявшие их места в Конвенте.

В Антибе был арестован как «опасный робеспьерист» молодой генерал Бонапарт, герой Тулона, получивший свое звание от прежнего правительства и состоявший в дружеских отношениях с младшим братом Робеспьера.

Будущий военный диктатор Франции подобно многим другим спас свою жизнь позорным отречением, ему повезло, или сказать точнее, крупно не повезло Франции, многим другим, куда более достойным людям и настоящим республиканцам «образца 93 года» похожие обвинения стоили свободы и даже жизни.

В тюрьме после Термидора

Куаньяра пожелал увидеть начальник тюрьмы, он знал, что этот суровый, непримиримый человек единственный защитник Ратуши, оставшийся в живых после 9 термидора.

В кабинете заключенного ожидал неприятный сюрприз. Новый начальник тюрьмы, гражданин Эли Бертэ сидел за столом, а за его спиной строгий и подтянутый, весь в черном стоял злорадно торжествующий Клерваль.

Бертэ откинулся на спинку стула, разглядывая заключенного.

– У вас нашлись влиятельные защитники в Конвенте, Куаньяр. Только поэтому ваша голова всё ещё на плечах, а не в корзине Сансона. И наш недавний подопечный Масье поднял шум и собирает подписи в вашу защиту. Думаю, уже на днях мы получим приказ о вашем освобождении. Хотя по мне, каждый робеспьерист, фанатик и маньяк, без исключения заслуживает казни», – он сузил глаза, – и чего молчим?

Мрачное лицо Куаньяра не изменило выражения, выпрямившись и высокомерно вскинув голову, стоял он перед начальником тюрьмы, бросив сквозь зубы:

– Что вы хотите от меня услышать?

Ослабевший, худой и бледный, окровавленная повязка была почти не видна из под шляпы, которую он намеренно надел, заходя в кабинет, Норбер при этом отнюдь не производил впечатления запуганной жертвы репрессий.

Он хорошо знал систему, в которой работал раньше. Отправить в трибунал и приговорить к смерти они могут, при этом без особых затруднений, но избивать и пытаться, категорически нет.

Холодный, презрительный взгляд выводил Бергэ из себя. Его спутник и вовсе кипел от злости.

Клерваль уже не знал к чему придаться, ненависть искала выхода:

– Держи себя скромнее, ты еще не понял, что ваша власть кончилась?! Сними шляпу, ублюдок!

– Она мне не мешает, – Норбер равнодушно разглядывал своего давнего врага.

– Тебе помочь?!, – Клерваля трясло от нескрываемой злобы, он резко приподнялся, готовый ударить заключённого.

Ему хотелось унижить, даже избить, изувечить этого человека, если бы подобное было разрешено, он сделал бы это не без удовольствия. Недавний тюремный эксцесс и пережитые страх и унижение, он никак не мог забыть. Теперь он надеялся заставить Куаньяра пережить безысходное отчаяние и ужас близкой смерти...

Норбер не дал ему повода применить силу и получить удовольствие, он пожал плечами и снял шляпу.

– Показываешь свою власть, наслаждаешься? Сейчас ты заставил меня снять шляпу, настанет мой час, и я сниму с тебя голову...-, прозвучало негромко и безэмоционально, но очень четко.

Клерваль снова рывком приподнялся, но взял себя в руки и сел, скрестив ноги в высоких кавалерийских сапогах:

– Сами видите, Бертэ, он действительно опасен, – и обращаясь к Норберу, – но мы готовы дать тебе шанс, подпиши вот это и ты свободен уже сегодня.

– Что это?, – хмуро скосил тот глаза на бумагу, чутко предчувствуя ловушку.

– Согласись, – на тонких губах Клерваля змеилась усмешка, – что ты сам лишь жертва обмана и не единственная со стороны коварного диктатора, согласись, что сам в ужасе от его раскрывшихся злодеяний и черных умыслов, раскаиваешься в невольном соучастии.. Что ты думаешь об этом? Некоторые уже подписали, например Давид, наш бывший коллега по Комитету.

Бледное лицо превратилось в неподвижную маску, но в выражении глаз мелькнула тёмная ненависть, он сделал резкое движение вперед и Клерваль невольно отшатнулся, опасаясь небольших, но сильных кулаков бывшего комиссара.

Он знал, этот не особенно высокий и сильно исхудавший человек более страшен своей внутренней энергией и силой, нежели огромными физическими возможностями. Но Куаньяр сумел сохранить самообладание.

– Давид? Ну что ж, в семье не без урода. Гениальный художник и при этом редкостно беспринципная скотина. Не удивлюсь, даже если Баррас или кто иной вздумает короноваться, этот мерзавец первым вызовется «запечатлеть исто-

рический момент!

Клерваль, молча, переждал эту вспышку гнева:

– У тебя, кажется, нет выбора.

– Выбор есть всегда. Спасает либо шкуру, либо душу и честь, – в темных глазах плескалась ненависть, – отправляйся в ад и захвати своих новых хозяев, ничего я не подпишу.

Он выплевывал эти слова сквозь зубы.

Лицо Клерваля исказила злоба, он сжал кулаки и словно на минуты потерял голос, его змеиное свистящее шипение заставил Берте невольно отодвинуться:

– Ты как-то сказал, если враги сочтут меня недостойным гильотины, значит, мои заслуги перед революцией недостаточны! О, с этой точки зрения твои заслуги чрезмерны! Ты заслужил и пулю, и веревку, и нож гильотины, «неподкупный Куаньяр», верный ученик достойного учителя!

С минуту помолчал, поправляя манжеты, успокаиваясь.

– Чёрт! Кажется, я слегка погорячился, но меня бесят фанатики, которые носятся со своими принципами. А если серьёзно, я могу устроить так, что ничье вмешательство тебя не спасёт, ты у меня исчезнешь по факту рождения! И никакой добрый самаритянин Масье не спасёт твоей шкуры, цепной пёс Робеспьера!

Куаньяр, сузив глаза, рассматривал его, как ядовитую гадину, в мыслях мелькнуло: «Руки короткие, братец. Преувеличиваешь ты свою значимость».

А тот продолжал:

– Я почему-то уверен, что ты приложил руку к исчезновению секретного архива клуба в ночь на 10 термидора..

Узник слабо улыбнулся, насмешливо и зло:

– Ты должен знать, в это время я был в Ратуше.

Клерваль чувствовал новый прилив ненависти:

– Значит это произошло раньше..

– Бездоказательные инсинуации, любезный, – темные глаза Куаньяра загорелись насмешкой.

Бертэ неодобрительно покачал головой:

– И правда, никаких доказательств нет, трибунал не станет рассматривать это.

Клерваль желчно сморщился:

– Для робеспьериста, Сансон не поленится отдельно наточить лезвие «национальной бритвы» и ты знаешь это.

И добавил сквозь зубы:

– Хорошо, я готов на уступки, бешеный ты ублюдок! Не тронем тему архива, но отдай мне чертов доклад, мы перерыли всё Секретное Бюро при Комитете, но не нашли его!

– Неужели, всё ещё боишься, тварь? У меня есть иные условия, жизнь и безопасность Луизы де Масийяк и де Бресси с детьми в обмен на доклад..

Жестокая улыбка тронула губы Клерваля:

– Ты не просишь за себя?

Норбер проглотил тяжелый комок:

– Ты слышал мои условия.» И помолчав добавил, – революционеру бессмысленно грозить смертью, в наши планы и

не входило преимущество долгой жизни. Так сказал Робеспьер и я готов подписаться под его словами.

– Вот как.. Но разве мы аристократы, роялисты? Или для фанатиков Неподкупного мы недостаточно чисты? Ах, да, ты же у нас верующий... нет Бога кроме Руссо и Робеспьер про-рок его!

– Вы изменники и враги Революции, преступники в трехцветных шарфах ненавистнее самих роялистов, – слова вырвались как плевки в лицо сквозь стиснутые зубы, – думай, тварь, доклад в обмен на безопасность этих людей. Иначе не отравляй своим присутствием мои последние дни и не мешай мне умирать. А копию доклада друзья опубликуют в случае моей смерти. Весело будет всем, обещаю...

Клерваля трясло от подавляемой злобы, он вытер пот со лба и кивнул Бертэ:

– Проклятый якобинец, бешеный фанатик! Прикажи увести это дикое животное! Еще немного и я его убью!..

Через несколько дней Норбера навестил Масье. Поддержанный набирающими силу друзьями в Конvente, он чувствовал себя весьма уверенно. На нём изящно сидел сюртук и кюлоты из чёрного бархата, пышный галстук и манжеты сливочной белизны. Оглядев Куаньяра, он озабоченно постучал тростью по сапогу.

Норбер окреп после полученного ранения, но выглядел неважно. Длинные чёрные волосы в беспорядке свешивались на лицо и плечи. На худом лице воскового цвета с резко

обозначившимися скулами живы только темные глаза, тяжелый отсутствующий взгляд, оживлявшийся временами лишь дерзким огоньком непокорности, не понравился Масье.

– Мне кажется, вы больны, гражданин, уверяю, после моего визита с вами будут лучше обращаться. У меня хорошие новости, скоро вы будете свободны...

Куаньяр наклонил голову:

– Я мертвец, гражданин, последний из жертв ночи Термидора и сам желал бы умереть, унижительная милость Барраса, Тальена и их общей шлюхи Кабаррюс мне не нужна... и всё же я благодарен за все ваши усилия. У меня к вам очень важное дело, вот, возьмите и спрячьте, – он передал Масье грязный клочок бумаги, – достаньте документ из тайника и сумеете правильно его использовать!

Удивленный Масье развернул листок:

– Какие странные чернила или это...

Норбер энергично кивнул:

– Да, это кровь. Они не дают мне чернил.

– Но что в этих бумагах? И стоит ли их вообще куда-либо передавать?

– На основании этих материалов можно обвинить некоторых членов Комитета Общественной Безопасности в измене и устранить ближайших к ним агентов. Пока они у власти этот доклад для них опасен. Там много интересного, Масье. Это может спасти жизни небезразличных мне людей, которым всё еще угрожает опасность...

Масье выразительно прищелкнул языком:

– Считаете, этот доклад сделает Амара или Тальена с Баррасом более благосклонными? Что касается прежних членов Комитетов, почва под ними уже и так шатается, они недолго еще останутся в их составе.

– Гражданин Масье,.. Жером, если действительно хотите помочь мне, возьмите под защиту ту семью, имена и адрес которой я указал ниже, – Норбер пошатнулся и опустился на матрас.

– Думаю, это будет несложно. А вы держитесь, скоро я приду за вами, – ободряюще хлопнув Куаньяра по плечу, Масье вышел.

Норбер задумался, по опыту он знал, что не ошибся, что поделаться, Масье не якобинец, но всё же республиканец и порядочный человек, личная честь и политическая заинтересованность, не одно так другое заставят его использовать доклад при угрозе его «подзащитным» или помимо этого.

Он удобно устроился на матрасе, прислонившись к стене. Нервозность ушла, оставив в душе место для более интимных и приятных мыслей. Он вспоминал Луизу, ее милое лицо, сияющие любовью глаза, золото волос, горячие влажные губы.

Откуда вдруг всплыли в памяти жизнеутверждающие строки:

«Век золотой мы завоюем вновь,

И преисполнилась страданий наших мера,

Отмстим за пролитую в Термидоре кровь,
За Родину, за Робеспьера!»

Масье честно сдержал слово, приложив все усилия для освобождения Куаньяра, хотя это было и нелегко, анти-якобинский террор набирал обороты...

Но эта последняя ночь в тюрьме всё же принесла с собой сюрприз. Ему снилась Луиза, но яркий эротический сон был снова неожиданно прерван ласками таинственной незнакомки, оказавшимися на этот раз слишком кстати.

Дикое желание на этот раз не очень долго боролось в нём с отвращением к её бесцеремонной навязчивости. Отсутствие света не помешало почувствовать её гладкую молодую кожу и стройное тело. Оба молчали, в тишине слышалось лишь частое прерывистое дыхание. Норбер резким движением перевернул молодую женщину на спину, и жёстко держа её за бёдра, пристроился сверху, действовал он нетерпеливо, решительно и грубо, верно почувствовав, что она и сама не ждёт от него нежности и деликатного обращения.

Одно досадное обстоятельство запомнилось ему надолго. Прямо во время близости, девушка вдруг начала задавать неожиданные вопросы вроде, состоит ли он в Якобинском клубе, верно ли, что он был комиссаром Конвента в провинции, приходилось ли ему подписывать смертные приговоры роялистам. На каждое глухое, короткое «да», она лишь сильнее прижималась к нему, отвечала еще более энергичными движениями бёдер и глубоким стоном, словно эти факты

возбуждали её сами по себе... В этом было что-то глубоко ненормальное...

Дикая страсть Норбера возникла не только лишь от долгого воздержания, но имела и другую причину, свыкнувшись с холодной липкой мыслью о близкой смерти, теперь он возвращался к жизни. Наконец, издав тихий стон, он резким движением отстранился от незнакомки, и молча, откинувшись на матрас...

В тишине прозвучал приглушенный серебристый смех:

– Я не ошиблась, якобинец, и отнюдь не разочарована, хотя произвести на меня впечатление нелегко... Ты хороший любовник, даже жаль, что тебе придется умереть.. Но именно поэтому я могу назвать тебе свое имя, меня зовут Тереза Кабаррюс.. Диктатор погиб и очень скоро я буду свободна. Прощай, якобинец...

Легкая изящная тень поднялась с матраса, деловитым жестом спрятала в низкий вырез платья обнаженную грудь, поправила юбку и бесшумно растворилась в темноте.

Норбер еще долго лежал, глядя в потолок широко раскрытыми глазами, чувственная буря улеглась, её место снова заняло отвращение к ситуации, презрение к сексуально озабоченной незнакомке и стыд за самого себя.

Вспомнилась малосимпатичная тюремная история с Клервалем и заключенными аристократками... Лучшим выходом было отключиться, выбросить из памяти сомнительный эпизод... Это был лишь чувственный яркий сон, сон че-

ловека вернувшегoся с того света...

Политика термидорианцев

Сентябрь 1792 – июль 1794. .. Пока одни погибали на фронтах, защищая границы Французской Республики, другие подавляли мятежи, раскрывали заговоры союзников интервентов внутри страны, эти «герои» наживались на обстоятельствах, делали деньги «на революции» и деньги немалые. Скупив дворянские земли, и имения они ощущали себя «новыми господами».

И этим «господам» не хватало только власти.

К лету 1794 они окрепли: к чёрту народовластие, равенство и братство, пора закрепить за собой захваченное дворянское имущество, они «новая элита», и смерть якобинцам и Робеспьеру, если они стоят на их пути к безраздельному господству и бесконтрольному обогащению!

Робеспьер для них «диктатор и чудовище» уже оттого, что посмел требовать у нуворишей декларации о происхождении их доходов! Поэтому еще в 1793 году они мало что имели против Робеспьера и ничего не имели против казней аристократов, так как сами же начали скупать их конфискованные земли и замки...

Крупным собственникам нужно послушное «ручное» правительство, привилегии для новой буржуазной «знати» и гильотина для всех «друзей народа» и «неподкупных», кто еще осмелится напоминать о высоких принципах Револю-

ции, об интересах нации, о совести и чести патриота!

Но открыто так говорить всё же нельзя, надо придумать благородную цель! А значит, Робеспьер станет «козлом отпущения за всё и всех», своего любимца парижане должны возненавидеть...

Отныне любое непопулярное, неудачное или жестокое решение приписывается лично Робеспьеру и преподносится совершённым «по его приказу». Как кролики плодились клеветнические брошюры Монжуа, Дюперрона, Лекуантра, последний уже давно набил руку на доносах.. он писал подобные пасквили еще при жизни Неподкупного.. с весны 94-ого..

Один из депутатов дантонист Куртуа присвоил себе немалую часть переписки Робеспьера и почти открыто торговал письмами, за их возвращение авторы готовы были платить нешуточные суммы..

И неважно, что все решения в обоих Комитетах принимаются только большинством голосов, а не волевым решением одного человека. Эти настроения умело нагнетались в течении нескольких месяцев 1794 года раздуванием внутренних склок, взаимного недовольства и подозрений.

В ход шла перепечатка английских контрреволюционных брошюр, в которых Робеспьер изображался зверствующим самодуром, вроде восточного падишаха, лично гильотинирующим людей, а французских санкюлотов изображали полу-обезьянами с дегенеративными физиономиями, в длин-

ных рубашах, но без штанов, нередко на изображениях такого сорта они пожирали обрубки человеческих тел...

Будущие термидорианцы против якобинцев, поиски наживы, выгоды и беспринципность против республиканской чести, беззастенчивые политические и финансовые конквистадоры против воинов идеи, брюхо против духа..

Коллеги Неподкупного, участники заговора воображали, что устраняют неудобного им человека и только, но у их теневых сообщников куда более обширные планы, уже через месяц состав обеих Комитетов будет по большей части обновлен.

Коллеги Робеспьера, считавшие себя «мозгом заговора» сами были репрессированы, Билло-Варенн, Амар, Вадье..

В интересах новых членов правительства устранить народный контроль над властью, то есть разгромить якобинскую клубную сеть, путем всеобщей амнистии освободить из тюрем «умеренных» жирондистов и вернуть их в Конвент, освободить также и сторонников «ancien regime» («старый режим») аристократов, роялистов под видом «гуманной акции».

Истинные цели Термидора не только убийство Робеспьера, но и ряд контрреволюционных преобразований режима, что и произойдет в ближайшие месяцы.

Общественность опомнится от анти-якобинской пропаганды, добром еще вспомнит казнённых без суда патриотов, но будет годом позже.

Термидорианцы обещали смягчение режима. Но забыли сказать для кого...

Не для народа, так как голодные самоубийства стали часты в рабочих предместьях Парижа в ту необычно суровую зиму с 1794 на 1795 год.

Если в 1793-1794 люди ощущали, что их проблемы и нужды интересуют власть, принимаются конкретные решения, их участие в общественной жизни дает реальные результаты, их голосование в секциях и народных обществах не формализм, то сейчас от них снова почти ничего не зависит.

Полицейские отчеты зимы- весны 1794-1795 гг. покажут, что парижане впервые после бешеной анти-якобинской истерии последних шести месяцев стали добром поминать казненного Робеспьера и прежнее правительство. Это их сильно обеспокоило...

Зато главарей Термидора благословляли в богатых кварталах «новые французы»: коммерсанты, фабриканты и банкиры, которым надоело играть в «демократию» и изображать «уважение» к интересам нации.

Конституционные роялисты – дворяне тоже оживились, если так пойдет и дальше, реставрация монархии Бурбонов не такая уж несбыточная мечта, вопрос времени и цены.

День и ночь работают рестораны и увеселительные заведения, парижане голодные и злые открыто увидели «новых хозяев жизни», не смевших показать нос при власти якобинцев.

Увидели разбогатевших депутатов, коммерсантов, военных поставщиков, разодетых по последней моде франтов и их спутниц, украшенных золотом и бриллиантами красоток, нередко даже из «бывших аристократок», чаще содержанок, чем жён, или девиц с манерами дорогих проституток типа госпожи Тальен.

Восхваляемая жожаками Термидора свободная рыночная экономика уморит голодом не менее миллиона французских рабочих и ремесленников – санкюлотов. Но об этих жертвах и их страданиях никто никогда не писал и не напишет, кому до простолюдинов дело, ведь главное, что новый «бомонд» процветает не хуже, чем дворянство при королях!

Термидор принес «порядок и мир, покончено с террором»? Снова двойная мораль, господа?

По стране кровавым пятном расплывался контрреволюционный, анти-якобинский террор, казни и просто безжалостные неразборчивые уличные убийства, а газеты кричали, что с любыми репрессиями покончено или жизни этих людей ничего не стоили, у них не было жён и детей, а их кровь в отличие от крови дворян и богатых буржуа – «вода»?! «Расе господ» всегда свойственна двойная мораль...

Улицы стали небезопасны, повсюду разгуливали вооруженные шайки мюскаденов, они нападали на якобинцев, жестоко избивали и убивали их. Чаще всего эти изящные господа сочетали жестокость с трусостью и нападали на патриотов в соотношении пять-шесть к одному. Новая власть ме-

тодом невмешательства косвенно поощряла эти расправы.

Кафе также делились на «свои» и «вражеские», в последних собирались мюскадены. И не дай Бог случайно зайти не в «своё» кафе... Кафе мюскадэнов это своеобразные штабы, где обдумывались и откуда совершались налеты на «якобинские» кафе, которым в связи с нападениями пришлось обзавестись охраной!

Если изувеченным или убитым оказывался санкюлот из Сент-Антуанского предместья или якобинец, полиция вежливо закрывала глаза, но свирепые меры принимались, однако, если патриоты, отбиваясь, намылили шеи сынкам ультра-правых депутатов или нуворишей. Как же, ох уж эти невинные развлечения ...les indiscretions d'une jeunesse dorée («шалости золотой молодёжи»!)

Но заметно смягчилась власть в отношении аристократов, в чём вскоре пришлось жестоко раскаяться, их вооруженные формирования резко активизировались после Термидора, новую власть Республики они более презирали, чем боялись.

Как конституционные роялисты в 1791, жирондисты в 1792, дантонисты весной 1794, так и термидорианцы (сложившиеся главным образом именно из дантонистов, уцелевших бриссотинцев и маскирующихся сторонников монархии образца 1790 года), получив всю полноту власти, заняв барские особняки и сколотив состояния, самоуверенно полагали, что «революция окончена».

Кому из этих Баррасов, Тальенов, Роверов на самом деле нужна «демократия, права человека», кого из них волнуют «интересы нации»?.. надо торопиться делать деньги, господа, ах нет, всё еще граждане.. А простому народу, санкюлотам, то бишь «черни» следует снова надеть узду и заткнуть рот. И верно, кого интересует их мнение, а то ведь разбаловали это малоимущее быдло проклятые якобинцы, всерьез людьми себя вообразили!

После Термидора национально-освободительная война с интервентами, которые были оттеснены от французских границ еще до переворота была превращена постепенно в серию захватнических войн, вчера еще отстаивающая свой суверенитет и право на существование в окружении враждебных королевств и империй Французская Республика после падения якобинской власти унизилась до роли нападающей стороны, прикрывающей хищные амбиции буржуазии «привнесением демократии угнетенным народам»!

Что же говорил Робеспьер еще в декабре 1791 года, предвидя подобное развитие событий в случае победы Жиронды: – «Никто не любит вооруженных миссионеров и единственное решение, которое диктует природа и благоразумие это выгнать их вон, как врагов!»

Эти слова Робеспьера стоит почаще напоминать идейным наследникам Термидора во всем мире, «разносчикам» демократии на штыках...

Отныне чистые идеи революции для буржуазной власти

фикция, в которую мало кто из них всерьез верит, однако это то, что следует продолжать вещать с трибуны, утверждая, что революция продолжается, усыпляя бдительность нации, о, или следует опять говорить «простолюдинов и черни»?!

Некоторые молодые аристократки, графини и герцогини, маркизы и виконтессы, желая поблистать в богатстве и комфорте в «высшем обществе», хотя бы и при новом режиме, и не желая прозябать и рисковать жизнью ради принципов монархии рядом с мужчинами своего класса, становились любовницами крупных чиновников, депутатов термидорианского Конвента и Директории, по сути, становились содержанками вчера еще презираемых ими республиканцев.

В этом не было никакого подобия искреннего чувства, трудно поверить в любовь большинства этих аристократок-роялисток к республиканцам, к тому же «низкого» происхождения... Исключения здесь скорее подтверждают правило.

Половые отношения в обмен на отличное содержание и безопасность, на уровне клиентов и великосветских проституток. Это характерная примета пост-термидорианской Франции.

В их числе была и красотка модельной внешности Тереза Кабаррюс, 21 года, дочь банкира из Мадрида и маркиза де Фонтенэ по первому мужу, «богородица Термидора», как теперь её называли, легкомысленная и добродушная любительница развлечений, очень чувственная и циничная моло-

дая дворянка с внешностью модели и манерами сексуально озабоченной кошки.

Любовница бывшего бордосского комиссара Тальена, вошедшего в состав нового правительства и брошенного красоткой сразу и без зазрения совести, стоило ему утратить прежнюю власть, влияние и прежний уровень доходов .

Недаром Кабаррюс метко прозвали в народе «переходящей собственностью» членов правительства. Среди ее очередных любовников будущий глава правительства Директории термидорианец Баррас, банкир Уввар.

В числе женщин этого типа и её подруга, Жозефина Богарнэ, женщина аналогичных нравов, переходящая от одного влиятельного любовника к другому, с откровенным презрением бросая предыдущего, как только он терял прежнее благосостояние, положение в обществе и власть. Любая крестьянка или женщина среднего класса вели себя достойнее и скромнее, чем эти «благородные дворянки».

Последовательные в достижении своих целей, суровые и принципиальные, отважные и непримиримые, которых не удастся ни запугать, ни подкупить, ни заставить молчать, якобинцы были этим новым «господам-гражданам» особенно опасны, а потому и особенно ненавистны. Термидорианцы оказались «между двух огней», они боялись одинаково как победоносной реставрации монархии Бурбонов, так и возвращения к власти якобинцев.

Обвинения Робеспьера в диктатуре абсурд еще и потому,

что в реальности созревшая олигархия с радостью примет любого диктатора, если он станет их покровителем, не станет доискиваться источника происхождения их богатств, защитит законом их награбленные состояния и оградит их от народа с его идеальным стремлением к «настоящей чистой» демократии, словом даст им почувствовать себя «новым дворянством». Именно поэтому Бонапарт для них «герой и гений».

– «Это я диктатор и тиран?, – с горечью говорил Робеспьер в июле 1794 года, – я был бы им, если бы позволял им безнаказанно совершать преступления, я осыпал бы их почестями и золотом и тогда они были бы благодарны мне...»

Неподкупный решительно преградил нуворишам путь в осуществлении этих надежд, оттого и погиб, оклеветанный до последней крайности, временщики и «прожигатели жизни» Баррасы и Тальены на эту роль и не годилисью

Но через 5 лет в 1799 году нувориши таки накликали себе военного диктатора-покровителя, его они благословляли, объявили «сверх-человеком», курили фимиам и ему они простили всё: свёртывание демократии, военную диктатуру, удушение Республики и провозглашение Империи, тюрьмы и эшафоты (казнили то чаще всего кого? ненавистных нуворишам якобинцев, последних защитников Республики), смерти миллионов французов в ненужных народу агрессивных завоевательных походах. Но что же? В их глазах этот корсиканский конкистадор Бонапарт «герой, гений и сверх-

человек, которому позволено всё»... .

Аристократы и санкюлоты, якобинцы и роялисты под одной крышей

Вместе с Масье вышли они за ворота тюрьмы. Куаньяр почти не слышал того, что оживленно говорил его спутник, его взгляд рассеянно блуждал по сторонам, словно в окружающем пейзаже,

в прохожих, в домах и тротуарах появилось нечто новое, интересное. Что это, трава стала зеленее или солнце светит ярче? Может быть.

Он уже не рассчитывал покинуть серые стены тюрьмы с иной целью, чем проехаться в телеге палача до площади Революции... Жаркий августовский вечер вернул его к жизни. Подняв голову, Норбер с видимым удовольствием подставил лицо под теплый ветер.

– Как вы себя чувствуете?, – Масье только сейчас заметил его состояние.

– Представителем побеждённого племени среди торжествующих захватчиков..., – мрачно заметил Норбер, оглядывая разряженных в яркие дорогие костюмы самоуверенных молодых людей с тросточками и ухоженных надменных юных особ, одетых в вызывающие полупрозрачные платья в античном стиле, среди бела дня щеголяющих в бриллиантах, словно на придворном балу. Откуда взялись эти новые аристократы? Месяц назад таких господ на улицах Парижа было не увидеть.

– Осторожнее с ними, – Масье опасливо покосился на весёлую компанию, – эти изящные франты легко превращаются в погромщиков и безжалостных убийц, в особенности же люто ненавидят они якобинцев и санкюлотов и хвалятся между собой, кто больше их убил. Их изящные трости имеют свинцовый набалдашник и могут служить оружием. Извините за любопытство, Норбер, но правда ли, что робеспьеристы носят трости, но полые внутри с вложенной в них шпагой или кинжалом?

– Да, бывает и так, – Норбер обернулся в их сторону с новым интересом: – Раз вы не якобинец, тем более не санкюлот, вас они не тронут?

– Не факт, – Масье с сомнением покачал головой, – я же говорил, одни из них кидаются только на якобинцев и санкюлотов, а некоторые, явные роялисты, и ненавидит любого республиканца без различий «оттенка окраски» и отвернитесь же, не привлекайте их внимания. Было бы глупо избежав казни тут же погибнуть в уличной драке.

И помолчав, добавил мягче:

– Мадемуазель де Масийяк ждёт вас. Она и так очень много выстрадала в последнее время, ей стало совсем плохо, она в ужасной депрессии с того дня, когда де Бресси сказал ей, что все защитники Ратуши, до последнего, казнены 10 термидора ...ведь все так и думают. Счастливую весть принесла ей мадемуазель де Сен-Мелен, добрая девушка, она в точности исполнила вашу просьбу в день своего освобождения.

Может вам будет интересно, но пришла мадемуазель де Сен-Мелен в сопровождении некоего гражданина Лавале, я видел его в тюрьме, он из ваших, являлся туда вместе с людьми из трибунала. »

– Благодарю вас за всё, что вы сделали для меня, Жером. Я ваш должник. Иду к ней прямо сейчас, – энергично кивнул Норбер, жестом остановив фиакр.

С бешено бьющимся сердцем, затаив дыхание перешагнул Норбер порог квартиры на улице Сен-Флорантэн.

Луиза смертельно бледная, с изменившимся лицом и блестящими от сдерживаемых слёз покрасневшими глазами встала из-за стола и застыла, прижав тонкие руки к груди. Присутствие посторонних стесняло обоих.

Анжель де Сен-Мелен сочувственно улыбалась.

Де Бресси, серьёзный и торжественный, искренне протянул ему руку:

– Я рад видеть вас.. живым...

Юные де Бресси молча и серьезно смотрели на него.

– Парень, чёрт побери, как же тебе повезло!, – из-за штор прихожей высунулась рыжеватая голова Жюсома, – я скрываюсь здесь с самого 10 термидора! Какая злая насмешка судьбы, теперь де Бресси, эти «бывшие», наши домохозяйева! Если бы я был мистиком, сказал бы, что тебя спасло чудо, ведь и действительно ты один из защитников Ратуши, кто остался в живых! Кстати, о судьбе Филиппа пока вообще ничего неизвестно, да жив ли он ещё?...

Коренастый брюнет с резкими чертами лицами протянул Норберу руку:

– Жером Жозеф Лавале, гражданин. Ваш коллега по службе... Общественная Безопасность, а теперь и коллега по несчастью!

Куаньяр сжал протянутую руку. И все же... он считал, что убежище семьи де Бресси никому неизвестно, кроме него самого, Жюсома и Дюбуа. Кто его знает, чей это человек?

– Вы то как оказались на этой квартире?

Анжель де Сен-Мелен подошла к ним и слегка коснулась плеча помрачневшего Лавале, голос молодой женщины звучал тихо и мягко:

– Ради Бога, извините, гражданин Куаньяр, это всё я. В тюрьме вы дали мне адрес, чтобы передать весточку мадемуазель де Масийяк. Когда мне грозил вызов в трибунал и смерть, гражданин Лавале... Жером... был добр ко мне, – она бросила неуверенный взгляд на Лавале, но тот отчего-то вообще нахмурился и опустил глаза, – а теперь ему угрожает арест и смерть... теперь я не могу бросить его...

Лавале резким движением натянул красный колпак с трехцветной кокардой.

– Если гражданин Куаньяр против моего присутствия здесь, я немедленно уйду!

Мадемуазель де Сен-Мелен умоляюще коснулась руки Норбера:

– Ради Бога, куда же ему идти, квартиру караулят жандар-

мы... его схватят, бросят в тюрьму и осудят на смерть, куда же еще, на улицу, прямо под ножи мяскадэнов!

Норбера удивил вид Лавале, заметно, что он был искренне тронут вниманием девушки, но в то же время ему явно было неловко принимать ее заботу. Что за странные отношения связывают этого санкюлота и молоденькую аристократку?

Жестом гостеприимного хозяина Куаньяр указал Лавале на кресло:

– Оставайтесь, пожалуйста, гражданин. Мы действительно товарищи по несчастью. Вы не против моего решения, господин де Бресси?

Заметно повеселевший и оживившийся Жюсом оглядел собравшихся, в его глазах заискрилась беззлобная насмешка:

– У нас тут и так Ноев ковчег, всякой твари по паре, санкюлоты и аристократы, якобинцы и роялисты под одной крышей и за одним столом.

Граф встретился взглядом с Куаньяром, но тот лишь слабо улыбнулся и пожал плечами, призывая не обижаться. Пьер как всегда в своем репертуаре.

– Садитесь к столу, граждане, – распорядился де Бресси, – я думаю, теперь нам можно узнать смысл происходящего, что всё это означает, по крайней мере, для нас?

Куаньяр усталым нервным жестом убрал со лба влажные волосы:

– Для вас это означает некоторые послабления, возмож-

но, очень скоро вы сможете покинуть это убежище..Я ничем более не могу помочь ни вам, ни самому себе...

– Что же тогда это означает.. для вас? – нежный голос Луизы дрогнул. Цепкий понимающий взгляд де Бресси заставлял его чувствовать неловкость и не встречаться глазами с Луизой.

– Эти конкистадоры нашей кровью начнут стены красить, – обращался он скорее к другу, Жюсом мрачно пригнул голову в знак согласия. Лавале опустил глаза и задумался.

Синие глаза девушки расширились от ужаса и жалости. Норбер сильно похудел и был совершенно измучен, даже смуглая кожа приобрела пепельно-серый оттенок, милый, несчастный, ей так хотелось обнять его, приласкать, прижаться, но приходилось против воли принимать сдержанный вид.

Не раз за время этого ужина Луиза отводила глаза, краснея под внимательным, и как казалось осуждающим взглядом де Бресси.

Она рано осталась сиротой и выросла в семье дяди, привыкнув относиться к нему как к родному отцу и считаться с его мнением, хотя давно была совершеннолетней...

Торжество любви над смертью

В двенадцатом часу ночи, отправляясь спать, де Бресси услышал из тёмной гостиной звуки и невольно приостановился, услышав горячий бессвязный шёпот. Норбер обнимал

Луизу, она, вздрагивая, прижималась к нему, пряча лицо у него на груди, и что-то говорила, нежно и взволнованно, часто-часто.

Звук поцелуев заставил деликатного де Бресси испытать неловкость и скорее уйти. Он и сам не отдавал себе отчета, что же именно так раздражает его в этой ситуации. Он не испытывал к Норберу лично ни ненависти, ни отвращения, даже признавал за ним немалые достоинства, понимал он и то, что Луиза давно уже взрослая девушка.

Лёгкий роман, поверхностное чувственное увлечение Луизы молодым и красивым республиканцем он еще мог допустить и даже отчасти понять, чего только не случается в это смутное время, смешавшее в единое общество все сословия, но чувства обоих казались слишком серьёзными и потому вызывали в нём стойкое неприятие. До переворота он являлся для них сильным покровителем, а что теперь, когда его собственная жизнь в опасности?

Чего стоит для графа де Бресси перспектива иметь зятем революционера, ярого якобинца, сторонника Робеспьера, Боже спаси и помилуй! Не захочет же молодая графиня де Масийяк в самом деле стать «гражданкой Куаньяр»? Это было бы чистым безумием! Надо с ней серьезно поговорить, она должна внять голосу разума!

Безумное политическими страстями время разбило цепи ханжеской морали и в отношении страстей любовных. Были

официально разрешены разводы, немислимые ранее в католической стране. Во Франции 1790-х распространение получили так называемые «гражданские браки», сурово осуждаемые ранее церковью как банальное сожителство и «грех». Это было вполне уместно, мир разрушался и создавался на белом, никто не знал своего будущего. С вершин богатства и власти люди низвергались до тюрьмы и эшафота и наоборот. Жажда жизни обостряла все чувства..

Раннее утро. Луиза с интересом и нежностью наблюдала за спящим. Густые длинные волосы цвета воронова крыла разметались по подушке, с лица исчезла дежурная маска чеканной бронзовой суровости, разгладилась мрачная складка губ, делавшая молодого человека гораздо старше своих 28 лет.

С нескрываемым удовольствием касалась она мускулистых плеч, мерно вздымавшейся груди, осторожно, кончиками пальцев гладила шрамы, грубо изрезавшие широкую грудь, худые бока, впалый живот, мягко сжала ладонями крепкие узкие бёдра...

Ради соблюдения приличий Норбер покинул комнату Луизы очень рано и вернулся в отведенную для них комнату к обществу еще спящего Жюсома. Сдержанный и хмурый де Бресси встретил Луизу в гостиной, он встал очень рано, ему не спалось. Он был хорошо воспитанным и деликатным человеком, но под его взглядом девушка чувствовала себя неловко, как воровка, которую застали на месте преступле-

ния.

– Думаю, в скором времени нам следует переехать и снять другую квартиру, гражданин Куаньяр с друзьями останутся здесь, теперь они и сами нуждаются в надёжном укрытии, а от нас угроза частично отступила», – граф был спокоен и невозмутим, – немного переждём, оглядимся, а когда всё относительно уляжется, возможно, мы даже вернемся в Санлис.

Девушка вздрогнула:

– Я бы лучше осталась в Париже...

– Ясное дело, – граф словно на что-то решился, – ведь гражданин Куаньяр не собирается ехать в Санлис, – и смерив смутившуюся девушку спокойным внимательным взглядом продолжал, – ты всегда прислушивалась ко мне, как к отцу, послушай и сейчас, а потом поступай как знаешь. Я знаю этого человека дольше, чем ты. Мне приходилось общаться с ним и ранее 92 года. Удивлена? Наконец вспомни историю с письмом и цветы, впервые полученные юной выпускницей пансиона, – увидев сияющие нежностью глаза Луизы, граф мрачно кивнул:

– Всё это было, но выслушай меня, не перебивай. Я считаю, что более всего этот человек любит ломать барьеры, добиваться того, в чем несправедливо отказано. Доступное не привлекает его внимания. В нём огромная внутренняя сила, редкий сплав мечтательной души и холодного ума. .

Занятно, но кажется, все эти люди нашли для себя лично

смысл жизни. Для таких, как он, участие в революции это не работа, исполняемая ради прибыли, это образ жизни, это вера и страсть, ради чего отдают жизни и убивают, реализация своих идей и является смыслом их жизни!

Я верю в его искренность, по-своему он любит тебя, но никогда не станет рабом любовных отношений, бросающим ради чувства всё, чем живёт.

Остаться рядом с ним можно лишь приняв его образ жизни и мыслей, и не ставя капризного выбора «или я и наши чувства или ваша революционная деятельность», выбор окажется не в пользу женщины, даже самой любимой.

Поверь, во мне нет личной вражды к нему и дело даже не в том, что он не дворянин, я лишь хочу, чтобы ты была счастлива.

Согласись же, ты тоже любишь его как-то странно, отчасти, игнорируя, не принимая в нём того, что для него самого важнее всего, да и то верно, нужно ли графине де Масий-як ломать свою душу, свои чувства, воспитание и привычки, пытаться переварить его крайний якобинизм?

Не верю я также, что их фантастическая Республика долговечна. Мы еще увидим над Тюильри белое знамя наших королей, торжествующие над триколором Революции золотые лилии и восстановленный трон Людовика, а уж ХУП или ХУШ, не так важно!

И что за жизнь ждёт «гражданку Куаньяр», жену якобинца тогда? Ваши дети не будут принадлежать к дворянству.

Двери в высший свет будут перед тобой и вашими детьми закрыты, вместе с ним тебя ждут лишения, бедность, а возможно тюрьма или даже эшафот! Ты к этому готова? Ты думала об этом?

Грустно и озадаченно слушала его Луиза.

Разгром Якобинского клуба.

Семья графа де Бресси переехала на другую квартиру, но это обстоятельство никак не мешало Норберу и Луизе встречаться, деликатный де Бресси уже раз высказав ей свое мнение по поводу этих отношений не поднимал более этой темы и ни во что не вмешивался, был вполне спокоен и любезен.

Он никак не выказал своих чувств и тогда, когда «в духе нового времени» его «благородная» племянница просто переехала к Норберу, главное что о браке пока речь не шла...

Необходимость исполнить требование новой власти представить отчёт о прошлогодней командировке в Майенн заставила Норбера явиться в Якобинский клуб, чувствуя недоброе, Жюсом и Лапьер отправились с ним.

Дурные предчувствия полностью оправдались, с самого начала на трибуне началось яростное столкновение якобинцев с термидорианцами. Вокруг Норбера сгруппировались левые монтаньяры, депутаты Конвента Караф, Файо, Тало, Юмбар, Дестрем.

Враги также пытались взять слово в стенах этого «послед-

него бастиона» побеждённых, Баррас и Тальен прислали своих людей, в том числе Клерваля и Кавуа, бросивших лишённого полномочий и власти Амара на произвол судьбы и перебежавших в лагерь победителей, как это успели сделать многие вчерашние якобинцы... Безопаснее и выгоднее сегодня было сделаться «выкрестом» Революции...

Скопление людей, духота, шум, грубые выкрики, взгляды, обжигающие ненавистью. В воздухе повисла острая нервозность и злоба.

Норбер с трудом протолкался к трибуне, но быстро понял, что возможности произнести хоть слова ему не дадут:

– Граждане! Во имя разума и совести, я прошу тишины!

С разных сторон понеслись выкрики:

– Для того ли с великой опасностью мы свергли диктатора, чтобы нам здесь читала мораль его тень!

С другой стороны кто-то монотонно скандировал:

– Свободу слова, печати, собраний!

Вот тебе раз, к чему бы это на пятом году Революции?

Пришлось повысить голос:

– Всё это у вас есть. Назовите закон, который их отменяет!

Разве не ради них всё было сделано? А теперь задам прямой вопрос: для кого, для патриотов или для врагов Республики здесь требовали свободы слова? Кому здесь на руку оживление роялистской прессы?

Повисло неловкое молчание. Сказать было явно нечего.

– Патриоты обладают этими свободами в полной мере, ви-

димом кто-то желает предоставить врагу трибуны для агитации и призывов к свержению Республики? Называйте вещи своими именами, это не гуманизм и не милосердие, а черная измена, которую следует жёстко пресекать!» , – Норбер в сильнейшем возмущении, ударил кулаками о пюпитр, сила эмоций вызвала ту страсть, за которую враги якобинцев окрестили их «бешеными...

Яростные крики и шум усилились.

Раздался дикий крик:

– А-а!!..Опять требуешь жёстких мер? Снова кровожадность замучила? Дайте же ему кто-нибудь стакан свежей крови! Ему не хватило жертв Майенна и Лавалья!

Норбер невольно пошатнулся от холодного отвращения, на лбу мелко выступил пот.

Но тут же оправился и резко возразил нападавшему:

– Игра в милосердие и гуманизм это новая политика? Избирательный «гуманизм», исключительно в отношении врага это позиция изменников, типичная для жирондистов, а теперь вижу и для вас! Ваш «гуманизм» глубоко фальшив, он демонстрирует двойную мораль! Убивая патриотов, вы кричите о полном прекращении террора! Изображая «защиту» революции, вы амнистируете её врагов! Да о чём мы?

Кто из моих обвинителей кроток и пушист?

Невротик Карье? Приказавший топить священников в Луаре?

Может Фуше, расстреливавший связанных в кучу людей картечью, а может Тальен, ничтожный вор и покровитель шлюх?

Или профессиональный расхититель национальной собственности Баррас?

Ну да, теперь все они «герои» и «борцы с тиранией», совсем забыл.. Теперь все они само благородство и умеренность!

Я лишь хочу сказать, что общество, обманутое вами, имеет право узнать правду о преступлении Термидора! Я не прекращу издавать свою газету, даже если меня станут преследовать и загонят в «подполье», как некогда обошлись с Маратом! Угрожать мне смертью бессмысленно, ибо, как верно сказал Робеспьер: «В наши планы и не входило преимущество долгой жизни!»

Его снова прервал тот же голос:

– Он еще будет цитировать нам сдохшего тирана?! Твоя жизнь уж точно не будет долгой, чудовище!

Норбер спокойно и выразительно наклонил черноволосую голову:

– Благодарю вас. Ненависть врагов – лучшее украшение патриота.

И помолчав, продолжал с искренней горечью:

– Это Робеспьера вы окрестили тираном? Но настоящий диктатор пережил бы вас всех, вы сами бы признали его главенство, и возвели в его честь статую или триумфальную ар-

ку! Он обвешал бы вас орденами и титулами, закрыл глаза на ваши злоупотребления и вы назвали бы его «гением века!

Лишь через пять лет Норбер понял, насколько оказался прав..

Но сейчас он резко продолжал:

– Ощущаю себя участником завоевания Америки, вот только вижу его глазами обречённых на истребление индейцев, которых американцы оболгали также кровожадными дикарями, не имеющими права на жизнь, ...я клянусь вам... – тут его снова грубо перебили:

– Не поднимай руки для клятвы, с неё, того и гляди, закапает кровь!

От сильнейшего нервного напряжения и ужасной жары Норбер был готов разорвать на себе пышный галстук, пот стекал по шее за воротник, пряди длинных волос слиплись. Он задыхался... И всё же он выскажет здесь всё, что успеет!

Из рядов термидорианцев в его адрес небрежно и насмешливо брошено:

– Якобинцы умеют произносить цветистые речи и направлять их блестящими афоризмами, но сути это не меняет, мы слышим свирепое рычание зверя, жаждущего крови...

Норбер живо отозвался на этот выпад:

– Якобинцы? Ты говоришь отстранённо, будто уже не считаешь себя членом этого общества? Что ж, это справедливо. Ведь иначе, честным патриотам пришлось бы основать но-

вый клуб, сидеть на одних скамьях с подобными тебе – уни-
зительно...

И не дожидаясь вспышки гнева, жёстко продолжал, отлич-
но сознавая, что это последний шанс публично высказаться
на эту тему:

– Это Неподкупный диктатор? У которого не было даже
рычагов реальной власти, чтобы уничтожить своих будущих
убийц?!

Да настоящий диктатор одним росчерком пера отправил
бы всех их на эшафот и ему, безусловно, повиновались бы, с
диктаторами не спорят, не кидают оскорблений и обвинений
прямо в лицо!

Безусловно одно, для аристократов и всех врагов револю-
ции он был опасен, для чиновных воров он деспот, посмев-
ший требовать у них декларацию о происхождении их бо-
гатств, как на палача смотрели на него аферисты и военные
преступники, отозванные для отчета за вымогательства и ди-
кую жестокость, они четко знали, что их ждёт, для нувори-
шей и нашей олигархии он был тиран, дерзнувший указать
им место.

Для этих негодяев он вправду был опасен, но не для об-
щества в целом, не для французского народа и нашей Рес-
публики, ради которых он отдал все силы и время, а сейчас
и жизнь..

А теперь все они строчат гнусные опусы, в которых бес-
честят убитого ими человека, приписывая ему собственные

преступления, ведь из могилы нельзя возразить, им важно лишь одно, чтобы самое имя его вызывало у людей ужас и ненависть! Те же надругательства, впрочем, творятся и над памятью Друга Народа, это звенья одной цепи! Теперь можно сделать себе имя грубым очернительством духовных вождей и истинных героев Революции!

Ответом были дикие крики и свист. Рядом раздалось бешено:

– Хватит!! Заткнись и убирайся с трибуны! Мы устали слушать хвалебные гимны кровожадным фанатикам! Или отвечай по существу, нас интересует миссия в Майенн, точнее резня, которую вы с Лапьером там устроили!

Ах, Майенн.. неужели эта тема никогда не будет закрыта...

– Читайте мой отчет Комитету и Конвенту от декабря 93 года, ничего нового я не смогу добавить! К слову, мой отчет был принят без замечаний, что вы сейчас придумали и что нового надеетесь услышать?!

– Что-то слишком осмелел и разошелся этот «цепной пёс Робеспьера», вам не кажется? Не пора ли отправить бешеного пса на живодёрню?!

– И правда, в негодяя словно вселилась душа диктатора, так похожи были поза, мимика и жесты, что во время его речи я оцепенел от ужаса, словно вернулись мертвецы с заставы Монсо...

– Ничего, скоро он замолчит навсегда, гражданин, мы устроим этим тиграм настоящий отстрел и отомстим за гибель Дантона!

Третий, сидящий рядом, слегка поморщился при упоминании Дантона, он явно был ультра-левым, эбертистом.

Из верхнего ряда вскочил человек:

– Против этого свирепого тигра свидетельствуют все уважаемые жители Лавая! Жестокость и произвол они могут засвидетельствовать письменно, прочтите письмо уважаемого коммерсанта гражданина Арно! Тот пишет, что они с Лапьером брали под защиту всяких тёмных оборванцев, анархистов и экстремистов, вроде Макэ и Моро и угнетали людей состоятельных, почтенных и мирных! На его совести более тысячи казненных!

Но ему резко возразил хмурый мужчина, обернувшись из нижнего ряда:

– В его защиту тоже писали и немало и это нельзя не учесть. Некий врач, гражданин Розели прислал открытое письмо, а также местный кюре гражданин Фуке, также многие другие жители Лавая по его настоянию одновременно собрали подписи в защиту бывшего комиссара. А свидетельства депутата Конвента гражданина Масье.. Разве это не говорит в его пользу?

Но человек, потрясая письмом Арно, не унимался и со злобой кричал:

– Отнюдь нет! Он мнит себя ярым патриотом, а его за-

щищают то жирондист, то священник, то какой-то «умеренный», едва не аристократ! Интересно за что ему так благодарен этот Розели, за казнь своей младшей сестры?! Мнит себя чище нас, а сам что? Под сурдинку общается с роялистами, вот что! Смерть охвостью Робеспьера! Вырвать кишки ублюдку!

– Тебе отмеряют по справедливости люди с чистой совестью, сентябрьский убийца! Вам известно, что в сентябре 92-го его видели в Аббатстве рядом с Майяром?!

Норбер обернулся на окрик, он узнал голос Клерваля:

– Может, это твоя совесть кристально чиста? Возможно, но лишь потому, что ты никогда ею не пользовался!

Враждебные выкрики не прекращались:

– Робеспьеристы вечно обвиняют других, но за собой решительно ничего не замечают! Вспомним злодеяния ставленника тирана Карье в Нанте, скоро он ответит за них своей поганой шкурой!

Якобинцы не задержались с ответом:

– Скоро сюда придёт гражданин Робер из Нанта, он утверждает, что Куаньяр спас жизнь его сестре и её ребёнку, о бесчинствах Карье в этом городе мы еще поговорим чуть позднее!

– Неудачный пример! Карье принадлежал к фракции Эбера и отозвали его из Нанта именно по настоянию Робеспьера!

Раздался возмущенный вопль:

– Протестую! Я всегда был врагом Робеспьера и лично

участвовал в свержении тирана!», – это вскочил взбешённый и нешуточно озабоченный неожиданным выпадом Карье, бывший комиссар из Нанта, неожиданно он почувствовал угрозу и себе и не мог понять, как это случилось, ведь это он должен здесь быть обвиняющей стороной...

– Значит, предлагаю вспомнить вашего Колло!

На что отозвалось сразу несколько голосов:

– Признаём досадный факт! Вы призываете нас всех отвечать за преступления отдельных негодяев? Разве это Комитет Общественного Спасения давал им приказ топить людей в Луаре, расстреливать арестантов из пушек в Лионе, отправлять на эшафот детей? Разве наша общая вина, что эти разбойники превратили борьбу с контрреволюцией в неразборчивую бойню? Именно Неподкупный больше других настаивал на отзыве Карье, когда его защищал Билло, и лионского «палача-изобретателя» Фуше, хотя этому гаду покровительствовал Колло, только поэтому он всё ещё жив!

– Революция отменила пытки и телесные наказания, у нее есть всего два законных метода исполнения приговора, для преступлений против революции и Отечества – гильотина, для военных преступников – расстрел. Всё, что сделали эти люди лежит только на их совести...

– Граждане! Во имя Разума! Осуждая суровые реалии 1793 года, черня память лучших людей Революции, вы отвергаете и саму Революцию, всё, что произошло с 1789 года, справедливость борьбы с интервентами, установление Рес-

публики, отрекаетесь от своего прошлого, от вчерашних боевых товарищей, от остатков совести, чести и достоинства, наконец! Или вы думаете, Бурбоны за эту измену пощадят вас, если сумеют вернуться?

– Если нас враг люто ненавидит и боится, то вас будет презирать! Враг крестит нас «свирепыми тиграми», а вас назовёт «шакалами», трусливыми перед чужой силой и жестокими с побеждёнными! – сильный, резкий, рычащий от страсти и гнева голос принадлежал Куаньяру.

Из рядов термидорианцев бешено несло:

– Заткни, наконец, глотку, недобитый прихвостень Робеспьера, ублюдок! Граждане! В Конвенте мы поставим на повестку дня вопрос об аресте этого кровожадного выродка, ты встретишь своего любимого героя в аду! Зверьё, вам всем уже недолго осквернять природу своим существованием!

Агрессивные настроения нарастали.

Якобинцы озабоченно и мрачно переглядывались. Нужна ли кукушка, чтобы понять, что многим из них жить осталось недолго...

Люди в бешенстве кричали, шипели, обзывались, зло оглядывались друг на друга, кто-то выразительным жестом хватался за шпагу или пистолет, кто-то уже яростно тряс за воротник соседа.

Караф.. вот это человек... с пистолетом в руке вскочил на трибуну, и встал, рядом с Норбером, возмущенно крича:

– Вы хоть для приличия определитесь, в чём его обвиняете! Он у вас, то тень Робеспьера, а то вдруг защитник священников и аристократов! Нельзя быть то ли чёрным, то ли белым одновременно! Обвиняя Куаньяра, вы разом обвиняете всех нас, не дав труда разбираться, кто виновен персонально, кто нет! Или теперь что, раз якобинец, значит, уже виновен и достоин смертной казни по определению?! Запомните, конец якобинским обществам – конец самой Революции! Вы своими руками убиваете её!

Гул усилился. Вокруг Норбера сгруппировались защитники интересов клуба. Влияние якобинцев всё ещё было сильнее, термидорианцы и их приспешники временно отступили, затаив злобу, твердо намеренные отомстить.

Они с трудом протолкались к выходу. Когда все трое уселись в ближайшем кафе на углу Сент-Онорэ, Лапьер улыбаясь, сказал Куаньяру:

– Ты же должен знать Антуана Лавале, брата Жерома, он тоже был агентом Общественной Безопасности.. Так вот, братский привет из Петропавловской крепости! Говорят он там уже полгода ...

Норбер удивленно отложил в сторону вилку:

– А это где?

– Российская империя. Санкт-Петербург!, – Лоран раскатисто расхохотался, глядя на озадаченное лицо товарища.

– И что он для этого сделал? Или лучше сказать, какого хрена его вообще туда занесло? Может быть поручение Ко-

митета?, – и подумав добавил, – а какого чёрта нам нужно в России..?

– Какая-то глупейшая история страсти, надумал вернуть из эмиграции свою любовницу из бывших, видимо, русское «сюртэ» работает не хуже нашего.. Схватили нелепейшим образом, в театре один из посетителей, из наших эмигрантов, аристократ, узнал в нём агента Общественной Безопасности! Ха! Бедняга, он наверное замучился доказывать, что не шпион Комитета и не собирался убивать императрицу или обучать русских революционным принципам! Впрочем.., – Лапьер помрачнел, – если к нему решили применить пытки он скажет всё, что хотят услышать, чтобы избежать боли человек сознается даже в колдовстве и в полёте на Луну!

Норбер хмуро поднял бокал:

– Давайте выпьем за его удачу и спасение! Это всё, что мы можем.. дипломатических отношений между нами и Россией нет со времени штурма Тюильри. Если они приговорят его к смерти, еще одним мучеником Революции будет больше...

– Но эта история действительно какая-то глупая, – пожал плечами Жюсом, – скорее всего эта любовная история прикрыла реальную причину его появления в Петербурге. Ну, убейте, не верю я, что он так рисковал из-за припадка страсти, к тому же, по слухам, эта актриса сама бросила его из-за аристократа, именно с ним она уехала в эмиграцию в Россию...

– Эй, что я слышу, любимец женщин не верит в любовь?, –

с добродушной насмешкой отозвался Норбер, – скептицизм больше подходит мне...

– Ты знаешь, у него был такой больной и несчастный вид, стало быть, он по-настоящему любил эту женщину.. и всё возможно.. Только следователи в Петербурге вряд ли окажутся в состоянии поверить в эту историю..., – добавил Лапьер.

– Завтра мы соберемся у Кретъена, там будут все, нужно выработать план совместных действий. Сегодняшнее бешенство лишь пробная атака на нас.. Ну всё, до завтра!, – Норбер кивнул друзьям и вышел из кафе.

– Гражданин Куаньяр... Норбер! – его окликнул молодой женский голос.

Он обернулся. Светловолосая молодая женщина улыбалась, смотрела на него.

– Гражданка Робер! Я рад видеть вас. Вы все-таки решились приехать в Париж!

– Я уже здесь с августа. Да, ведь сейчас стало безопаснее..., – она осеклась, наткнувшись на полный горечи взгляд Куаньяра.

– Для кого безопаснее? Вы бы видели, как меня здесь встретили.. Вы собрались защищать меня в Клубе, я очень благодарен вам, но не стоит уже этого делать.. Я уже был там и выслушал в свой адрес всё, что можно...

– Давайте присядем, – гражданка Робер взяла его под руку, показывая на ближайшее открытое кафе, – а я очень хо-

тела увидеть вас.. вы не против идеи познакомиться с моим братом, с дядей и его семьей, они уже наслышаны о вас...

Норбер встретился с ней взглядом, мягко взял её руки в свои, поднося их к губам. Анриэтта Робер вызывала в нём самые тёплые чувства и всё же.. Миловидная и очень добрая, она была в него влюблена, глаза выдавали всё, что она напрасно пыталась скрыть.. Если бы они встретились еще полгода назад.. но не сейчас.. не сейчас..

Запинаясь, стыдясь того, в чём ничуть не виноват:

– Анриэтта.. я бы с удовольствием принял ваше предложение и пришёл в ваш дом.. но это будет не слишком удобно.. есть женщина, которую я... люблю больше жизни и.. она этого не поймет и не простит.. Я не одинок, Анриэтта... я собираюсь в скором времени жениться. Знаю, что большинство мужчин не смутило бы это обстоятельство, но.. я не из их числа, к тому же... именно с вами.. с тобой я не могу так обойтись...

Норбер с жалостью наблюдал, как медленно гасли искорки в больших и добрых глазах и проклинал себя за то, что не мог сказать ей ничего другого.

Некоторое время Анриэтта молчала, пытаясь примириться с тайной мечтой, разрушившейся за одну минуту..

– Это даже хорошо.. что вы сказали мне правду... Она должно быть очень счастливая женщина и достойна своего счастья.. И всё же, вы знаете, что в этом доме вас всегда примут, если вам будет трудно или понадобится помощь...

Норбер на доли секунды прикрыл глаза, глотая комки и думая, неужели можно быть виновным в том, что счастлив? Или в том, что не встретились раньше?

– Я провожу вас?, – это всё, что он смог сказать.

– Спасибо, этого не нужно, Норбер. Меня проводит кузен, он сидит в ближайшем кафе... Прощайте.. и будьте счастливы, вы этого заслуживаете...

В оцепенении Куаньяр долго смотрел ей вслед...

А утром 12-го ноября в дверь его квартиры на улице Сен-Флорантэн колотился взбешенный Жюсом, его лицо было перекошено гневом, задыхаясь, он зарычал с порога:

– Эти уроды закрыли клуб! Они всё-таки решились открыто напасть на нас! Понимаешь ли ты, это начало конца? Они уничтожат отлаженную годами сеть «народного контроля» по всей стране! Можешь не торопиться, тебе вообще лучше не показываться там. Вокруг собралась бешеная улюлюкающая толпа мюскаденов, этих агрессивных контрреволюционных «ультра», уже начались погромы, кого-то бьют...

А после собрания в кафе Кретьена, где якобинцы обсуждали проблемы и опасности сложившегося положения, к Куаньяру подошёл Фредерик Ламар, они были знакомы давно, но никогда не были друзьями.

– Норбер, можно тебя на минуту!

Они вышли на открытую веранду.

– Норбер, я не знаю, как лучше это сказать, при всех я не решаюсь это сказать..., – Ламар запинаясь, его взгляд

блуждал, он явно боялся встретиться с ним взглядом. Вытер влажный лоб.

– Говори короче и проще, – Норбер прикурил от свечи, стоящей на одном из столиков.

– Да? Наверное, так действительно будет лучше. Норбер, я больше не приду на наши собрания... стало слишком опасно... Пойми, ситуация вышла из под нашего контроля, от закрытия клуба один шаг до арестов. Я не трус, Норбер, и не предатель, но я должен думать о семье, у меня ребёнок! Я хочу совсем отойти от политики и жить, как частное лицо. Будет лучше, если товарищи не будут искать встреч со мной. Почему ты молчишь? Конечно же, ты осуждаешь меня?...

Куаньяр, откинувшись на спинку стула, мерил Ламара холодными глазами и молчал, стыд и крайняя неловкость заставили того перейти в позицию защиты, резко повысив голос:

– Можешь жечь меня взглядом сколько угодно! Наверное, гордишься своей непреклонностью, бесстрашием, считаешь себя мучеником при жизни?! Ты всего лишь одинокий волк, над трупом которого никто не станет рыдать и вправе распорядиться своей жизнью, а у меня престарелая мать, жена и билетный сын!, – последние слова Ламар выкрикнул, не сдерживаясь более.

Чем больше он чувствовал неловкость и стыд, тем больше повышал голос, запутавшись в оправданиях, он сам не сознавал всей жестокости своих слов.

Но этот крик услышал Лапьер, он тут же появился на веранде.

Норбер сделал глубокую затяжку и глухо произнёс:

– А у тех людей, что сидят в этом кафе, по-твоему, нет жён и детей или другие тысячи наших братьев по всей стране одиноки и их смерть никому не причинит боли? Почему нужно из семьи делать щит, маскирующий собственный страх? Убирайся, мы тебя не держим. Это всего лишь дело чести и совести... всего лишь, – на Ламара глядели расширенные темные глаза с остановившимися зрачками, – но запомни мои слова, Ламар, ты слишком много знаешь о каждом из нас, если с кем-либо из нас выйдет в скором времени неприятность, вроде ареста и увеселительной прогулки до площади Революции, я найду тебя и убью... Убью своими руками...

– Ты сошёл с ума, Норбер.. я не предатель, я сказал всё честно.., – Ламар побледнел и отшатнулся, он был нешуточно напуган, встретив взгляд Куаньяра, он словно наткнулся на дуло пистолета.

И всё же зло, закусив губы, Ламар решил продолжить:

– А ты не думал, что не всё тут так просто. А вот меня последнее время посещает нечто... Если же ты искренне считаешь себя невиновным, то жестоко ошибаешься. Мы с тобой невинны?! На мне, хотя бы, нет крови, я бывший секретарь Комитета Общественной Безопасности, но сейчас и таких отправляют в тюрьму и на эшафот! А ты сам?! Вспомни ав-

густ-сентябрь 92-го года, член парижской Коммуны, вспомни 93-й год, комиссар Конвента. Вспомни последние месяцы до 9 Термидора, агент Общественной Безопасности... Чистый, безвинный... разве посреди всего этого ты сам не заслужил гильотины, к которой присуждал, там, в Майенне, печатью и росписью, ... сколько их было, Норбер? Человек семьсот? Тысяча? Больше? Ты никогда о них не вспоминаешь? Знаю-знаю, считаешь, что тогда так было нужно и всё-таки?!

Растерянность на мрачном лице Куаньяра сменилась отвлечением, сквозь зубы вырвалось со злобой, но как обычно, холодно и четко:

– И как давно тебя посещает «нечто»? И как называется это «нечто»? Не плети мне здесь про внезапную вспышку христианских чувств, да и к кому вдруг? К роялистам, к врагам Республики? Не говори о чудесном нравственном прозрении, которое теперь принято понимать как ненависть к Революции, прикрытую её же именем и флагом! Я не медик, но поставлю единственно верный диагноз этой бабьей истерике, это твой липкий страх, животный ужас! Ты уже готов унижаться, лизать, кому потребуется руки и даже задницы, наконец, даже послушно каяться, в чём прикажут! У меня положение иное, слышишь меня, вчерашний товарищ, мне не в чем каяться перед этими выкидышами Термидора! Лично я виновен лишь в глазах аристократов-роялистов, врагов Республики и этих, новых выродков, но перед Революцией,

перед народом Франции я чист! С меня этого сознания достаточно!

– Что у вас происходит, Норбер?, – Лоран растерянно нахмурился.

– Ничего особенного, Лоран. Ничего такого, чего нельзя было бы предсказать.. Это лишь первая крыса..., – Норбер взял себя в руки, лицо приняло обычное невозмутимое выражение.

– Что?!

– Крыса... из тех, что первыми бегут с тонущего корабля.. Можно поздравить нас с почином...таких будет немало!

– Ах, так...оставь его, Норбер... пусть убирается. Это хорошо, что он честно сообщил об этом, было бы хуже, если бы он затаился и дальше прикидывался нашим товарищем. Уходи, спасай свою шкуру, Ламар, вались на колени и кайся перед Баррасом и Тальеном в чём прикажут. Стелись ковром перед шлюхой Кабаррюс, умоляй о пощаде, если думаешь, что эти унижения спасут тебя от гильотины и сохранят для тебя служебный кабинет, в чем лично я сомневаюсь, – тон Лапьера был безразличным и чуть брезгливым.

Норбер и мадам Пермон

А спустя несколько недель Жюсома арестовали по обвинению в «драке в общественном месте». Как это случилось?

Накануне друзья узнали о том, что после официального закрытия клуба появилось новое решение властей снести самое здание старого монастыря на Сент-Онорэ и ... устроить

на этом месте рынок!

– Отчего же не рынок, – пожал плечами побелевший от ярости Норбер, – раз вся страна превращается в гигантский базар, где всё и вся покупается и продается? Где говорить о принципах, долге и чести республиканца означает отныне «глупца или фанатика»...

Старый монастырь доминиканцев прекратил свое существование. Его снесли до фундамента...

На воротах нового рынка кто-то повесил глубоко оскорбительные, грубо срифмованные вирши о прежних обитателях этого места и Жюсом дрожа и холодея от возмущения, читал их:

« Клика злодеев здесь долго

Пыткам народ обрекала

И неповинную кровь

Не насыщаясь, пила.

Ныне Отчизна свободна

Ныне разрушен застенок...»

Не дочитав, дрожащей от бешенства рукой он сорвал проклятый листок и в этот момент сзади кто-то с силой ткнул его стальным набалдашником трости между лопаток, заставив лбом вписаться в ворота, неожиданно и очень больно.

– Тебе что-то не нравится, якобинец? Чем-то недоволен, сентябрьский убийца?

Молодой мюскаден, изящный и надменный франт, сынок одного из новых «хозяев жизни» вел себя агрессивно и вы-

зывают, с видом победителя в завоёванной стране. От новых ударов трости Жюсом ловко увернулся и вырвал ее у нападающего, они жестоко сцепились.

Порядком избитый мюскаден, непривыкший к свирепому отпору потенциальных жертв, стал звать на помощь. Он оказался сыном крупного дельца, армейского поставщика. Жюсом был представлен нападающей стороной, и арестован... «Безвинный юноша из «хорошей семьи» – жертва агрессии кровожадного санкюлота»... Такое теперь происходило повсеместно.

Чуть позднее взяли и Лапьера. О Дюбуа так и не было никаких известий и Куаньяр с Жюсом сами поняли, что друг погиб...

Норбер вынужден был временно притихнуть, издаваемая им с сентября 1794 газета «Защитник конституции» также вызывала раздражение и глухую злобу новых хозяев тюильрийских кабинетов.

Название его газеты было вызывающе дерзким, о какой еще конституции идет речь? Конечно 1793 года! К тому же, именно так называлась газета, издаваемая Робеспьером в 1792 году...

Имелась в виду та самая конституция, которая оказалась «слишком демократичной» для термидорианцев и которую они задумали заменить более подходящей для обеспечения защиты крупных собственников от народа...

Дерзкое перо выдавало темные тайны карьерного роста и уничтожающие характеристики на каждого из главных «героев Термидора», выразив особое уважение депутату Энграну, которого заговорщикам не удалось увлечь идеей уничтожения Робеспьера, тот оказался дальновиднее и заметил, что вслед за этим падет и сама Республика! Злосчастный Энгран в текущих событиях едва ли порадовался неожиданно-му комплименту. Начались массовые аресты...

Вскоре люди с ордером на арест явились и на квартиру Куаньяра, но не застали его, предупрежденный, он успел скрыться, заставив Луизу скрыться у дяди.

Но его ожидал скверный сюрприз, на одной из улиц Норбера узнала толпа воинствующих мюскаденов и с дикими криками и ругательствами бросилась за ним... Яростные, злобные выкрики, в которых явственно звучала жажда крови, заставляли его бежать быстрее..

На минуты ему удалось оторваться от толпы убийц, он остановился перевести дыхание.

После Термидора при виде преследуемых людей ставни домов парижан, как по команде закрывались, хотя бы этих людей жестоко били и даже убивали под их дверьми. Вступаться рисковали только бедняки из Сент-Антуана, но и то уже не всегда, люди дезинформированы, сбиты с толку, они устали...

Миролюбивые аполитичные люди нешуточно боялись

агрессии «золотой молодёжи», уставшие от эксцессов последних месяцев они также зачастую не желали защищать якобинцев, богатые парижане, довольные последствиями переворота, а также скрытые роялисты откровенно ненавидели якобинцев и с трудом сдерживали злорадное удовлетворение от участвовавших зрелищ кровавых расправ над ними.

В отчаянии Норбер оглядывался вокруг себя, переводя взгляд с одного дома на другой, вот и сейчас ставни закрылись, спасения нет... В эту минуту дверь дома, рядом с которым он стоял, приоткрылась и женщина на пороге сделала быстрый жест в его сторону:

– Входите, ну, скорее... сейчас они будут здесь.

Выбора у него не было, Норбер воспользовался неожиданным гостеприимством.

– Меня зовут мадам Пермон, – любезно сообщила хозяйка, – пройдётте в гостиную.

Куаньяр молча последовал за ней. Отчего-то его даже не удивила её старорежимная манера представляться – «мадам»...

Мадам Пермон было лет 40-45, она была еще весьма недурна собой, но и моложе своих лет при этом не выглядела.

– Будьте добры, мадам, ... я очень хочу пить, ... принесите мне воды, – вдруг сорвалось с пересохших губ.

Через минуту мадам Пермон подошла к нему со стаканом воды. Он пил жадно, не отрываясь, стакан в руке слегка дро-

жал, женщина с откровенной жалостью наблюдала за ним.

Поймав её взгляд, Норбер почувствовал смущение и досаду, подумалось вдруг:

«Думаешь «бедный, несчастный», думаешь, от страха руки трясутся? Да устал я как собака, не спал всю ночь, готовил новую статью, а тут эти уроды.. Но к чему был вчера коньяк? Даже статью не сумел закончить. Догадалась бы принести рюмку, так руки бы и не тряслись.. Чёрт, меня не нужно жалеть! Ненавижу быть объектом благотворительности!» И тут же...

«Возьми себя в руки, стыдись, дикарь, ведь эта добрая женщина действительно спасла тебе жизнь».

Он решил представиться:

– Меня зовут Норбер Мари Куаньяр, мадам, я глубоко благодарен вам. Вы спасли мне жизнь. Но вы должны знать правду, я... якобинец, бывший комиссар Конвента, – и добавил тихо, одними губами, – вы ...сочувствуете нам или ... просто ошиблись и теперь жалеете, что впустили меня?

Дрожащей рукой вытер влажный лоб и снова поднял на женщину глаза, готовый принять любой ответ. Спрячет у себя после такого признания или с ненавистью выставит за дверь, под ножи и дубинки мюскадэнов? Всё может быть...

Мягко и спокойно она смотрела на него:

– Ваше признание ничего не меняет... Неужели простое сострадание без политических мотивов удивляет вас? В какое жестокое время мы живем! Может, пройдем в столовую,

должно быть вы голодны? Не стесняйтесь, сейчас как раз время обеда.

Норбер сделал неопределенное движение, он действительно был очень голоден, но самолюбие его отчего-то было ущемлено этим покровительством. Возможно оттого, что ему казалась унижительной роль жертвы, зависящей от чужого милосердия, на которую всех их обрек Термидор...

Мадам Пермон была деликатна, но настойчива. Наблюдая, как он ест, она поняла, что этот человек не только очень голоден, но и смертельно устал, просто измучен. Но под ее взглядом Норбер тут же брал себя в руки, распрямлял спину и начинал есть более спокойно и размеренно, это откровенное сострадание в ее взгляде выводило его из равновесия.

После обеда он узнал, что милосердие мадам Пермон уже спасло от расправы мюскаденов одного его коллегу по Конвенту, также бывшего комиссара, корсиканца Саличетти. Открылась служба спасения для якобинцев? Забавно и грустно...

– Я вижу, вам плохо, вы очень устали. Предлагаю отправиться отдохнуть, на втором этаже я выделю для вас комнату..., – она слегка коснулась его руки.

Ну, это уже слишком! В знак благодарности Норбер поднес ее руку к губам:

– Благодарю вас, мадам, вы очень добры ко мне, но это лишнее. Дождавшись темноты, я уйду...

Мадам Пермон была настроена решительно, отпускать

невольного гостя она не собиралась:

– Как же вы горды и самолюбивы, друг мой! Это ровно ни к чему вас не обязывает, поверьте. Ну, куда вы сейчас пойдете? На квартиру возвращаться нельзя, мюскадены тоже караулят вас. У вас есть, где укрыться прямо сейчас же? Вы молчите, значит, нет. Не упрямитесь, оставайтесь, вам очень нужен отдых, сейчас вы далеко не уйдете... Возразить на это было нечего.

В доме мадам Пермон Норбер остался на несколько дней. Женщина была неизменно внимательна и добра к нему.

О чём думала мадам Пермон, когда Куаньяр временами ловил на себе её быстрые, внимательные взгляды.

Неужели этот странный человек, добрый в личном общении, разносторонний и умный, любящий литературу и историю, так непохожий на этих грубых, малограмотных санкюлотов Сент-Антуана, действительно искренне придерживается таких крайних убеждений? Женщина не могла этого понять.

Сама из «бывших», вдова политического деятеля начала Революции, либерала и конституционного роялиста, гражданка Пермон была поклонницей учёного и мистика Сведенборга.

Но и вся мудрость мистика не очень помогала ей понять этих крайне упрямых в своих принципах, суровых и жестоких людей – якобинцев. Откуда ей было узнать, что и они, подобно всем людям, совсем не одинаковы, не «на одно ли-

цо».

По крайней мере, знаменитый философ научил её терпимости и состраданию, явлению, итак не слишком развитому, а сейчас и вовсе изгнанному из общественного сознания, и тайной жалости к ним ко всем без различий партий и классов. Жалости ко всем жертвам этих лет – сначала к преследуемым дворянам-роялистам, позднее к жирондистам, а теперь и к якобинцам.

И верно, думалось мадам Пермон всё чаще:

– Если христианская любовь, хоть кого-то не касается, что ей вообще делать на Земле, задыхающейся от взаимной ненависти, сословных и политических, религиозных и расовых предрассудков.

Эта фраза мадам, прозвучавшая за обеденным столом, заставила Норбера задумчиво склонить голову, застыв над тарелкой, чуть удивленно, задумчиво, но уважительно. Ему нравились идейные, принципиальные люди, даже если эти идеи не были ему особо близки.

Мадам Пермон чем-то неувовимо напомнила ему доктора Розели из Лавая, столь же искреннего аполитичного идеалиста. Добрые, наивные, как дети и безвредные люди.

В тесном общении с Куаньяром, внимательно наблюдая за ним, женщина невольнo поразилаcь своему открытию.

А ведь он сам и люди его типа, абсолютно искренни и серьезные. Умный, разносторонне развитый человек, но верит как в Бога в демократию и социальную справедливость для

людей всех классов и рас, в возможности построения радикально нового миропорядка, который готов защищать крайне решительно и свирепо, в достоинство простого человека, и теперь, очень глубоко страдает.

Страдает за свое дело, за свои убеждения и судьбу страны, не за себя лично, хотя потерял почти всё, не за карьеру и доходы, которые дает человеку власть.

При этом, что особенно интересно, не из наивных энтузиастов, видно хорошее знание движущих пружин политической и общественной жизни, подлинные мотивы поведения и интересы партий и их вождей, рассуждает четко и очень холодно, не чужд при этом бессознательной жестокости, но это скорее следствие абстрактного мышления, резкого преобладания рассудочности над чувством... С высоты птичьего полёта хорошо видны позиции различных партий и классов, но совсем не видно отдельных людей, с их судьбами, мыслями и чувствами.

Кто они на самом деле? Побежденные в Термидоре люди? Честные и таинственно замкнутые, романтики-идеалисты и жестокие практики, при этом одно не перечеркивает другого... Их главная беда в том, что обществу легче поверить банальному карьеристу или властолюбцу, чем таким искренним сторонникам равенства и братства, как он. Он уже и сам это понимает. Когда открывается такая правда, человека ненавидеть трудно, почти невозможно.

Мадам Пермон невольно вспомнила имена и лица многих

знакомых ей республиканцев, уничтоженных в необъяснимых для неё процессах весны и сейчас, в свирепом вихре репрессий Термидора. И все они были братьями этого Куаньяра, все, наверное, были между собой на «ты», все разделяли ту же самую веру и принципы, у многих, наверное, остались молодые вдовы и маленькие дети...

Женщина заботилась о своем невольном госте с немало смущающей его тщательностью, Норбер не мог понять ее подлинных побуждений.

Как не мог даже подумать, что вечерами, закрывшись в своей комнате, в своих мысленных молитвах она поминала его имя, наряду с именами своих родственников-роялистов, племянников и кузенов, частью погибших на эшафоте, частью эмигрантов.

На пятую ночь он проснулся от прикосновений к своему телу, женские руки проникли под сорочку и слегка поглаживали его грудь и бока. Норбер напрягся, но продолжал изображать спящего. Стало неловко, в памяти всплыл подзабытый тюремный прецедент. Неужели и добрая мадам Пермон из этих сексуально озабоченных сторонниц либертинажа?

Мадам Пермон была очень добра и заботлива, но Куаньяр почти не воспринимал ее как возможную любовницу. Да и в её отношении к нему женский интерес причудливо смешивался с чем-то напоминающим материнское чувство, что было ему особенно неприятно.

Наконец он не выдержал:

– Мадам, что вы здесь делаете... зачем?

При этом он старался сдерживаться, не обидеть свою спасительницу.

Она вздрогнула и тут же убрала руки:

– Извините, я не думала, что разбужу вас.. Не думайте обо мне плохо, Норбер..., – и помолчав вдруг спросила, – откуда у вас такие ужасные рубцы и шрамы на боках, на груди, я почувствовала их, они похожи скорее на следы пыток, чем на боевые ранения?

Норбер не любил эти воспоминания, и нехотя разжав губы, ответил коротко:

– Майенн. Шуаны...

– Господи, но это же настоящее зверство!, – она прижала ладони к губам.

– Мадам, простите, но я вынужден напомнить, что я чудовищно устал и безумно хочу спать, поговорить мы с вами можем и днем, простите еще раз.

Она встала с его постели:

– Да, конечно, вы правы, это вы простите меня, и повторяю, не думайте обо мне плохо.

Мадам Пермон тихо закрыла за собой дверь...

Через несколько дней Куаньяр, к большому огорчению мадам Пермон, проникшейся доброжелательным интересом к нему, нашел себе новое убежище в доме знакомого по Якобинскому клубу человека, который еще не попал под репрессии. Тогда же он переслал Луизе весточку о себе..

Последние волнения парижских санкюлотов. Апрель-май 1795

Народные волнения в Париже жестоко подавлены.

Якобинцы, оставшиеся в Конвенте... уже не Гора 1793 года, не прежняя Вершина, были слабы, и даже не решились поддержать требования восставших, но всё равно были репрессированы, многие казнены, многие брошены в тюрьмы на основании свирепого закона Сийеса, принятого еще в марте.

Что, господин аббат, в отличие от произведения прериала II года теперь можно действовать открыто и не подсовывать никому свое произведение?

Лето 1795 года. Кровавый «белый» террор захлестнул провинции запада и юга Франции, якобинцев убивали с особой утонченной жестокостью, нередко с применением пыток и надругательств.

Роялистские убийцы и сочувствующие им буржуа, наслаждались предсмертными страданиями жертв... Волны безнаказанных зверских убийств, прокатились по крупнейшим городам Франции, особенно столицы, а также запада и юга страны.

В тюрьмах Марсея и Лиона убиты сотни арестованных якобинцев, убийцы вооруженные саблями врывались в камеры, несчастные жертвы, метавшиеся в замкнутом помещении, не имели возможности ни скрыться, ни защищаться...

Эти расправы палачи называли «местью за сентябрьские убийства 1792 года в Париже», но если это так, они за один жестокий эксцесс отомстили много сотен раз подряд! За этой бойней на расстоянии и, не вмешиваясь, наблюдали новые комиссары Конвента, вчерашние коллеги разделились теперь на жертв и палачей.

Характерно, когда из толпы жертв один человек закричал: «Я не политический, не якобинец, я обычный вор!» его пощадили и он единственный, кто выжил...

На юге, в Тарасконе убийства якобинцев обставили как театральное зрелище. Расставили кресла, в которых рассаживались довольные предстоящим зрелищем роялисты, рядом их дамы, обмахиваясь веером и не присягнувшие, враждебные революции священники, забывшие о христианских чувствах, бок о бок с ними мюскадэны, эти новые «хозяева жизни» со своими увешанными бриллиантами потаскухами...

Заключенных со связанными руками выводили на край утеса, служащего основанием замка-тюрьмы, вешали им на грудь таблички с запрещением хоронить убитых и сбрасывали вниз на острые камни под рукоплескания зрителей... нарядные дамочки и даже священники и не думали призывать роялистов к милосердию.

Провинция, сбита с толку после Термидора агрессивной правительственной пропагандой и привыкшая слепо доверять прессе, также крестила якобинцев «извергами и чудовищами!» и поначалу присоединила свои проклятия к воп-

лям крупных собственников и дельцов столицы.

Больно и горько сердцу патриота! Но даже в такие моменты он не станет проклинать невежественных, обманутых простых людей! Ведь даже Бабёф с эшафота успел сказать: «Прощай, народ! Я умираю с любовью...»

Этот печальный факт сам по себе отнюдь не доказательство ненависти народа к людям, честно умирающим за его интересы, но так пытались представить это злорадствующие роялисты...

Взросшей агрессивностью ответили роялисты на мягкую бесхребетную политику термидорианцев и те опомнились только после подавления молодым генералом Бонапартом попытки роялистского переворота в Париже в октябре 1795 года.

Роялисты решили взять власть хитростью, раз не выходит силой, они должны были добиться избрания верных людей в Конвент, которые на первое время станут изображать из себя республиканцев, в результате должен был получиться бескровный переворот и этот новый «Конвент» вернул бы во Францию абсолютизм и монархию Бурбонов!

Видя усиление роялистов, правительство издало закон о «двух третях», закреплявший за многими прежними членами Конвента большинство в новом парламенте, это было необходимо ради предотвращения роялистского переворота!

Ради скорейшего подавления роялистов они амнистиро-

вали якобинцев, зная, что только их боятся обнаглевшие «господа».

Представители буржуазных секций Парижа, эти «новые французы» расщипали, узнав об освобождении якобинцев, они забрасывали жожаков Термидора открытыми угрозами и наглыми требованиями: «Прогоните от себя этих тигров! Пора отправить этих бешеных псов на живодёрню, стереть их, до последнего с лица земли!» – кричали их газеты и это те самые люди, которые совсем недавно ужасались революционному террору... Генерал Мену затеял миндальничать с восставшими буржуазными секциями, выказав этим симпатии к ним и был заменен 26-летним корсиканцем Бонапартом...

Временно забыв и ненависть и обиды, репрессированные «люди 93 года», патриоты, встали на защиту Республики, вместе со своими вчерашними товарищами по Конвенту и сегодняшними палачами... Норбер был амнистирован в числе прочих якобинцев в октябре 1795-го.

Лишь много позднее он узнал о той чудовищной глупости и подлости термидорианцев, свидетелем которой стал Лапьер...

Якобинцы и Директория

В мае 1795 года правительство Французской Республики решило организовать мирные переговоры с командирами роялистских отрядов, жестоко терроризирующих уже третий

год западные департаменты страны, в надежде склонить их к миру в обмен на полную амнистию.

В 1793-1794 году Республику неизменно выручала крайняя неорганизованность и разобщенность в рядах шуанов и вандейцев, соперничество их полевых командиров. Командиры-роялисты подчеркнуто не подчинялись друг другу, формально признавая в роли высшего командования принцев-эмигрантов и их эмиссаров.

В среде правоверных роялистов не считалось зазорным упоминать, что вожаки мятежного Запада и Юга Франции получали оружие, субсидии, инструкции далеко не только и даже не столько от братьев Людовика Шестнадцатого, находившихся в затруднительном финансовом положении, сколько из Лондона.

Итак, стоит подумать, с чего вдруг роялистам садиться за стол переговоров, если «мир» для них это возвращение трона и массовые казни республиканцев? На чём были основаны эти странные надежды?

Переговоры, однако, состоялись, проходили они в замке Ла-Превале в одном из западных департаментов. От правительства Республики были откомандированы несколько «граждан-представителей», от роялистов, которых приехало очень мало, о чём уже стоило бы задуматься, выделился главный и весьма подозрительный «миротворец» барон де Корматэн.

Такого взрыва цветистого бессодержательного пустосло-

вия Лоран не слышал давно, насмешливо выслушивал он преувеличенные изъявления «братских» чувств, которые внезапно вспыхнули в людях, еще недавно с лютой ненавистью, глядевших друг на друга через прицел. Что-то здесь не так, но в чём подвох? Было видно, что далеко не все роялисты довольны этой встречей, хоть и проявляли выдержку и вежливость.

Сегодня утром из Парижа пришло письмо, по старым налаженным каналам связи, Лоран вдруг узнал, что «миротворец» Корматэн получил от правительства за содействие ни много ни мало миллион ливров золотом! Вот где источник внезапных «братских» чувств к республиканцам! Незавидна его участь, если свои догадаются, а им надо помочь...

Странно было видеть на улицах городка, затянутых в синие мундиры республиканцев бок о бок с одетыми в белые мундиры роялистами. Трехцветные кокарды революции рядом с белыми королевскими... Противоестественный бред! С нарочитой подчеркнутой любезностью «белые» и «синие» офицеры отдавали друг другу честь.

Лоран услышал, как Жорж Кадуаль, известный командир отряда шуанов довольно громко пробурчал:

– Чёрт! С такими настроениями нельзя перерезать друг другу горло!

Слыша в его тоне явное сожаление, Лапьер даже слегка улыбнулся. Этот роялист, по крайней мере, честен. Всё лучше, чем надменная вымученная вежливость многих прочих.

В честь подписания мирного договора на вечер был назначен настоящий банкет, за счет казны Французской Республики. Граждане-представители источали сладкую любезность к дорогим гостям.

Лоран брезгливо поморщился, у него вдруг вырвалось вслух:

– Что отмечаем? Сговор по выгодной продаже Республики? Корматэн отработал свой миллион!

Рядом с ним нервно курил мужчина средних лет в светло-сером мундире «королевской католической армии Вандеи», при этих словах он резко обернулся:

– Сударь, что вы хотели этим сказать?

– Я сказал всё, что хотел сказать, месье... извините, не повернется язык назвать вас гражданином.

– И не надо. И всё же? Вы в состоянии ответить за свои слова?

– Вы не имеете в виду дуэль? Эта забава не входит в мои привычки, я не дворянин... Но я имею прямые доказательства, приехавшие сегодня утром из Парижа.... Протянул роялисту письмо.

Какое-то время мужчина молчал и, собравшись с мыслями, спросил прямо:

– Почему вы, республиканец, говорите мне это? Ведь именно вы, заинтересованы в этих переговорах...

Лоран всем видом изобразил отвращение:

– Не я, не мы, а изменники Революции, засевшие в новом

правительстве в них заинтересованы...

– «Вы понимаете, что я передам это письмо нашим людям, его должны прочитать наши командиры из тех, что поддались на уговоры барона и переговоры будут с треском провалены?»»

– «Как и вы, я буду только счастлив от результатов, странно, что впервые наши интересы совпали, вам не кажется?»»

Лоран впервые протянул руку роялисту. Подумалось лишь, ответит ли «белый» господин на этот жест или брезгливо спрячет руку за спину?

Роялист, однако, колебался секунды.

– Вы честный человек, гражданин...

– Лапьер, – он слегка наклонил голову.

– Барон де Сент-Эрмин, к вашим услугам. Пока еще царит мир, хоть и фальшивый, но завтра мы снова станем врагами.

– Всё верно, господин барон.

Оставшись один, Лоран поморщился, вспомнив «граждан-представителей». Он знал их. Да это же редкие моральные уроды, достойные кунсткамеры, как по конкурсу подобрали! А точнее по образу и подобию пославших их Барраса и Тальена.

Правительство! Конспирация негодяев, разлагающих Республику, вот их точное определение! А теперь снесённое ими совместно с Корматэном «тухлое яичко» разобьётся, и вонь заставит разбежаться принципиальных людей обеих партий!

Неискренне миролюбие роялистов, не мира, а временной передышки искали они, да и то, большинство было откровенно против каких-либо переговоров.

Временной передышки желало и правительство, напуганное усилением активности роялистов после Термидора и их возросшей агрессивности, при якобинцах эти господа не смели так нагло поднять головы! Сейчас банкет, сидят бок о бок, пьют, закусывают, беседуют, ухаживают за дамами, а завтра?

Трусливые вожаки Термидора озвереют, узнав о срыве переговоров, и устроят охоту на Корматэна, не оправдавшего их надежд, интересно, он получил только половину обещанного или миллион сразу?

Миролюбие термидорианцев? Блеф! Пустое! Они осознали, что не справляются с ситуацией и только поэтому дружелюбно вильнули хвостами перед врагом, а вдруг поможет?

По этой же причине они скоро будут вынуждены амнистировать якобинцев, дабы мобилизовать их против роялистов, продажных выкидышей Термидора господа скорее слегка опасаются и брезгливо презирают, зная, что их «терпимость» нетрудно купить, но «люди 93 года» действительно страшны для бывших господ... Внезапно мысли его приняли иное, более приятное направление: «Наверное, мадемуазель де Сенваль тоже на этом банкете?»

На переговорах в Ла-Превале присутствовали молодые жёны, взрослые дочери и сёстры роялистов. Девушки и мо-

лодые женщины устали скрываться и вести спартанский образ жизни, а тут представилась возможность нарядиться и побывать на банкете, как «в добрые старые времена».

Правда из кавалеров почти одни республиканцы, «эти проклятые якобинцы»... Но слишком юных или уставших от одиночества дам даже это уже не смущало...

Тем более, что «проклятые якобинцы» оказались вполне симпатичны, вежливы и образованы, большинство весьма молоды и совсем не напоминали те «гнусные чудовища» и представителей «темных сил», какими их рисовала роялистская пропаганда.

Следующий день поразил обе стороны, едва оправившись от последствий банкета. Опубликованное письмо Лапьера вызвало бурю отвращения к изменнику и возмущения в среде роялистов, они в резких выражениях отвергли то, что подписали накануне, будучи грубо обмануты «миротворцем» бароном. Корматэн отчаянно защищался, но всё было напрасно, роялисты начали покидать отведенный для их ночлега лагерь... «Граждане-представители» остались ни с чем, в недоумении и бешенстве, миссия была неожиданно провалена, когда всё шло так гладко, кого благодарить за это злосчастное письмо?!

Месть Парижа не заставила себя ждать, с терпимостью к «бывшим» снова было покончено. Репрессии против роялистов обрушились так активно, как того не бывало после Термидора, усилились меры по обороне Республики и не слу-

чайно.

В июне того же года произошла высадка «белого» англо-эмигрантского десанта на полуострове Киброн.

Узнав об этом, Лоран даже застонал от досады и злобы, доигравшись в толерантность с непримиримым врагом, они допустили то, что ему удалось с немалым риском предотвратить в 1793-м: «Слепые идиоты! Уроды и предатели! Неужели вправду поверили, что роялисты искренне решили принять Республику и побрататься с нами?!»

В самом мрачном настроении Лапьер ехал в Париж... Там он узнал об арестах Куаньяра и Жюсома. Сняв шляпу, с окаменевшим лицом выслушивал он известия о казни многих старых знакомых, друзей и коллег...

Норбер и Гракх Бабёф

Куаньяр знал многое о «заговоре Равных», знал лично Бабёфа, познакомившись с ним еще в тюрьме, летом того же 1795-го.

Он уважал этого искреннего и честного человека, но в душе оставался робеспьеристом, и многие пункты учения Бабёфа, особенно из области экономики при всем уважении казались ему утопией в духе Кампанеллы.

Многие примкнувшие к организации Бабёфа вчерашние робеспьеристы также крайне скептически относились к идеям полной отмены частной собственности и некоторым иным особенностям нового учения, считая эти детали вред-

ной, опасной затеей и утопией.

Но примкнуть им, более было не к кому, сами по себе «люди Робеспьера» после пережитых репрессий и казней были недостаточно сильны и даже малочисленны. В организации Бабёфа их было, однако, не менее 3 тысяч человек.

Сам Норбер принадлежал не к бабувистам непосредственно, а к их ближайшим союзникам, якобинской группе, собиравшейся в кафе гражданина Кретьена «Китайские купальни».

Забавнее всего то, что к анти-термидорианскому фронту примкнули и члены прежнего революционного правительства, участвовавшие в заговоре против Робеспьера!

Убивая Неподкупного, они не предвидели своей собственной судьбы, уже через месяц в составе Комитета Общественного Спасения почти не осталось прежних людей.

Амар, Вадье и остальные гордо считавшие себя «мозгом» заговора оказались банально использованы своими «теневыми союзниками» из олигархов, нуворишей и английских агентов, действовавших руками проворовавшихся депутатов и комиссаров. Уже через месяц они лишились должностей и сами подверглись террору и репрессиям.

Позднее осознание масштаба содеянного, не в меньшей степени, как и потеря прежнего влияния и власти, объясняет их раскаяние, теперь основную свою вину эти люди видели в том, что не сумели побороть собственное самолюбие, не оценили Робеспьера по достоинству и позволили уничто-

жить его, а вместе с ним саму систему «народной демократии» во Франции...

Бывшие члены революционного правительства теперь настойчиво искали согласия и примирения с репрессированными по их вине сторонниками Робеспьера.

Долгое время «мученики Термидора» встречали бывших коллег с мрачным отвращением, но уже к концу 1795 года примирение и объединение всё же состоялось. Их новым лидером стал Гракх Бабёф. Он сумел убедить своих союзников якобинцев в необходимости единения всех патриотических сил, забыть вчерашние счёты, обиды и разногласия, сколь бы справедливы они не были.

Андрэ Амар, адвокат по образованию и бывший член Комитета Общественной Безопасности, примкнувший к заговору 9 термидора, сейчас выглядел искренне раскаявшимся.

Менее чем через год после Термидора Амар сам был арестован, когда рискнул выступить защитником Колло-д'Эрбуа, Билло-Варенна и Барера. Его освободила лишь амнистия IV года.

Под холодным тяжёлым взглядом Норбера он чувствовал себя неловко, и всё же первым сделал шаг к примирению. Куаньяра товарищи буквально вынудили подать ему руку. Раскаиваться не пришлось, Амар оправдал оказанное ему доверие, был верным товарищем.

Норбер отлично знал многих людей Бабёфа, после освобождения помогал им прятаться от преследований жандар-

мов. Многие из них в недавнем прошлом были людьми Робеспьера, это и его бывший охранник Дидье, и Буонарроти, и бывшие секретари Неподкупного Симон Дюплэ и Демаре, и Дюплэ-отец и сын...

Он очень уважал одного из бывших членов революционного правительства, из тех, кто не встали в оппозицию к Робеспьеру в событиях лета 1794-го.

Жан Бон Сент-Андрэ заведовал морским департаментом. Работал в Тулоне в августе 1793, известно, что он часто конфликтовал с молодым Бонапартом. Сразу после Термидора за то, что остался верным прежним убеждениям и не выказывал, в угоду новой власти, ненависти к уже мертвому Робеспьеру, был арестован и брошен в тюрьму, как и Амара, его освободила амнистия IV года.

Норбера трудно было назвать слишком явным участником заговора, поэтому он и не был арестован вместе с другими в мае 1796-го, хотя его давнишние враги Кавуа и Клерваль, верные холуи нового правительства – Директории, и пытались найти основания для его ареста.

Тем же летом 1796 года случилась чудовищная провокация правительства Директории в отношении якобинцев, приведшая к их убийствам и новой волне массовых казней.

Провокатором стал молодой офицер Гризель, неискренне примкнул этот легкомысленный молодой человек к людям Бабёфа, по натуре он, скорее фрондёр, нежели революционер, он был лишь обижен на правительство, «не оценившее»

его способностей. Когда он осознал, что организация и её цели совершенно серьёзны, испугался и донёс...

Якобинцы рассчитывали на полк, расположенный в Гренельском лагере, но в последний момент этот полк был выведен из лагеря и заменен другим, верным правительству Директории. К ним шли ночью, шли уверенно, как к братьям, люди пели «Марсельезу», ничего не опасаясь.

И в это время в темноте раздался резкий голос командира Мало:

– В сёдла! Руби!

«Марсельезу» сменили крики боли и тягучие стоны умирающих...

Несколько десятков человек были зарублены на месте, несколько сотен арестованы.

Власти намеренно не прибегли к арестам сразу, а допустили массовые убийства. Директория сознательно избавлялась от якобинской оппозиции, от многих сотен людей разом.

Но эта кровавая резня уже не называлась Террором, никто больше не причитал об «ужасах» и не призывал к милосердию к побежденным...

Подобное практиковалось в тюрьмах еще в первые же месяцы после Термидора. Заключение якобинцев массово убивали при переводе из тюрьмы в тюрьму, а в провинциях подальше от Парижа нередко и прямо в тюрьмах. Искать убийц с целью предать их суду при этом никто не собирался.

Газеты писали, что эти убийства исключительно дело рук

роялистов, люто мстившим сторонникам Робеспьера, но на самом деле убивали их главным образом сами охранники и жандармы по неофициальной команде новых хозяев тюильрийских кабинетов, но в департаментах запада и юга Франции нередко совместно с настоящими роялистами.

Иногда это было похоже на многократное повторение кровавых сентябрьских убийств в Париже. Но к этим жертвам старались не привлекать всеобщего внимания, и эта бойня уже никем не называлась Террором.

Так и в этом случае. Ни юридические формальности, ни банальная справедливость их не смущали, так, бывший комиссар Конвента, Клод Жавог был схвачен в районе далеком от Гренельского лагеря, в кафе, куда пришел поужинать. Так как при обыске в его кармане нашли перочинный ножик, то в протоколе задержания тут же сделали запись – «схвачен с оружием в руках!» Бред? Верно! Но эта деталь означала смертную казнь и стоила Жавогу жизни...

Народ уважал этого человека, он был идейным человеком, не озверелым палачом, не вором, и когда Жавога в числе прочих якобинцев везли на казнь, в толпе зашумели:

– Куда их? За что?!

А когда в толпе какой-то человек осмелился сказать:

– За что, что он был за нас, за народ..., – в ответ на это конвойный офицер рассек ударом сабли лицо дерзкого санкюлота.

Гражданин Куаньяр и мадемуазель де Масийяк

Норбер искренне считал Луизу своей женой «перед Богом», это моральное обязательство было в его глазах выше церковного обряда. Разве суть в штампе? Так считали многие республиканцы. Сначала ему показалось, что молодая женщина также безразлично относится к идее официального брака, как и он сам, и лишь через несколько месяцев понял, что жестоко ошибся.

Луиза де Масийяк, в отличие от господина де Бресси уже не слишком верила в возможность возвращения старого порядка и статуса дворянства, поэтому она желала официально стать «гражданкой Куаньяр», её угнетало, отчего он не предлагает ей это решение, намёки и размолвки на этой почве стали нередки.

Поглощенность любимого общественной жизнью и опасным делом, которого сердцем не могла понять и разделить, лишь вызывало у молодой женщины чувство легкого раздражения. Часто оставаясь одна, она ощущала себя ненужной и брошенной.

Её болезненное неприятие и ужас вызывали открыто высказываемые им взгляды и люди, которых он считал товарищами, у него же вызывали невольную неприязнь те черты её воспитания и привычки, которые создала аристократическая среда. На расстоянии, при редких романтических встречах эти различия не казались такими ощутимыми.

Однако, едва не потеряв его навсегда 9 термидора, она тя-

жело переживала долгие месяцы заключения Норбера в 1795 году, постоянно навещая его в тюрьме.

Страстное примирение после амнистии в октябре сменилось новыми обидами и непониманием со стороны Луизы. Характер молодой женщины как, оказалось, состоял не из одной лишь мягкости и нежности, привычное воспитание всё чаще брало верх...

Май 1796 года...

– То, что ты якобинец, это мне еще ничего, – заявила она как-то, – потому что я знаю это и в то же время, будто не верю. Ты добрый, милый, совсем не грубый, не свирепый, как все они... Но другие, эти лохматые парни в красных колпаках мне органически чужды, враждебны, страшны! А твой Жюсом? Чудовище! Серьга в форме крошечной гильотины, это что такое?! Не моргнув глазом, он говорит такие ужасные вещи, а этот жестокий тост вчера за столом: «Пусть бы у всех аристократов была одна голова на всех, чтобы ее можно было снести одним ударом гильотины!» И это он в моем присутствии! Это возмутительно, наконец! Он еще беззаботно улыбается при этом и глаза такие чистые, невинные, бр-р! Норбер... я стараюсь не вспоминать об этом, но он напомнил мне кошмарную сентябрьскую ночь в Аббатстве и того кровадного санкюлота, едва не убившего меня и моих близких... Да замолчи же наконец, я не могу слышать спокойно эти ужасные песни в своем собственном доме!

Норбер поднял голову от письма, перестав беззаботно

мурлыкать «Са іга!», улыбка сошла с его губ, он слегка нахмурился:

– Во-первых, Жак Арман, «тот кровожадный санкюлот» погиб во время последних народных волнений в мае 95-го, во-вторых, петь «Боже, храни короля!» ты всё равно меня не заставишь, в-третьих, милая, не клевети зря на Пьера! Поверь, он куда добрее и мягче меня, и наконец, в-четвертых, – чёрные глаза провокационно и лукаво засверкали, – авторство этого тоста принадлежит мне, этот тост родом из 93 года, так вдохновила меня жестокость шуанов Майенна!

– Что?! Как ты мог такое придумать! А как же наши чувства, как же я? Я и моя семья, мы тоже «из этих», значит и нас... и меня тоже...на фонарь?!

– Научись не принимать всё это на свой счет, любимая.

Луиза распрямилась:

– Значит, я должна забыть о своем происхождении? Боюсь, это будет не так просто, как тебе кажется!

– А я и не думаю, что это просто. Но ты должна попробовать, если тебе действительно дороги наши отношения. Тебе мерзок «ужасный якобинец»? Отлично! И мне весьма неприятно видеть в тебе вздорную и надменную аристократку, а не только лишь любимую женщину, за которую я без колебаний отдам жизнь!

Луиза окончательно встала в позу:

– Ах, вот как ты, в самом деле, думаешь обо мне?

Норбер бросил перо:

– Милая, кажется, ты твердо решила поссориться? Могу я узнать, зачем?

– Это твои слова постоянно задевают и больно ранят меня, Норбер.

Норбер отодвинул свой стул от стола движением ноги:

– Прости меня, малышка, прости и не дуйся на бестактного дикаря, подойди, сядь ко мне на колени, вот так. Кстати, вечером к нам снова зайдет «этот ужасный» Жюсом и очень прошу тебя, Лулу, обращайся с ним просто и вежливо, версальского этикета тут и так не требуется..

Смягчившаяся было Луиза, снова посмотрела на него кося:

– Ты считаешь, что у меня скверные манеры? Графиня де Масийяк недостаточно воспитана, чтобы говорить с санюлотами?

– Ну что ты, любимая, – Норбер взял тон сдержанной иронии, – где мне плебею учить тебя. Манеры у нас по части аристократов...

Луиза фыркнула как рассерженная кошка и вскочила с его колен:

– Так кто же из нас хочет поссориться?

Приход Жюсома очень вовремя прервал выяснение отношений. За столом Луиза держалась напряженно-скованно, ее простота и вежливость были так чрезмерно подчеркнуты, так что даже Жюсом, неискушенный в светских манерах почувствовал это. Поэтому желание подольше посидеть со

старым другом испарилось у него весьма быстро. Окончание вечера грозило стать неприятным и для Норбера, искренне обиженного за друга и для Луизы, убежденной, что быть еще более любезной «с этими людьми» она не сумеет.

Норбер сознавал, кому обязан неприятным изменениям в их отношениях, начинавшихся так феерически. Чем чаще Луиза гостила у дяди с семьей, тем больше недовольства и претензий предъявляла потом. В присутствии Норбера де Бресси был любезен и вежлив, но что он говорил племяннице, когда его не было рядом? Был ли де Бресси до конца искренен с ним?

– Волчья кровь!, – мрачно вырвалось у него сквозь зубы, когда за Жюсомом закрылась дверь.

– Что?, – в лице молодой женщины он увидел недоумение.

– Вашей расе господ не важна ни искренность чувства, ни лучшие намерения, нет, ничто не имеет значения, они всегда тебе напомнят, «ты иной», «не такой, как они, ниже и хуже, не их общества, живая грязь! Даже звери не откусят руку, которая защищает и ласкает их!, – вырвалось обиженно и оттого особенно резко.

– Так и я волчица?! – в возмущении Луиза впервые повысила голос, – мы все волки? А кто вы, ваши товарищи – «воплощенное всепрощение? Может, ваши якобинцы добры и милосердны? А эта жестокая надпись... ужасная татуировка у тебя на руке?! Ну надо же! «Святая Гильотина – спаси Отечество!» Ну и компания, у Жюсома серьга в виде

гильотины, у тебя это... При взгляде на эту татуировку мне всё чаще кажется, что у тебя совсем нет сердца! Ты не один раз спас жизнь мне и моей семье, и... я догадываюсь, что не только нам... всё так. Эта страсть, поцелуи и ласки, эти добрые глаза... с одной стороны и эти жестокие идеи и речи с другой... Что же в тебе правда, а что обман?! Этого я так и не поняла за два года,... я люблю моего заботливого и доброго Норбера, каким тебя вижу дома, но революционер, якобинец Куаньяр мне непонятен и страшен! Ты и твой любезный Жюсом... Et savez-vous que vous etes terrible avec votre air innocent! (фр. «А знаете ли, вы ужасны с вашим невинным видом!»)

Ее синие глаза, обычно спокойные и нежные, теперь зловеще сверкали едва не враждебностью.

Норбер молча, сжав зубы, смотрел на нее и медленно, запинаясь, произнес, наконец:

– Мы.. должны остановиться... и успокоиться, Лу. Остановись.., не продолжай.., прошу тебя. Тебе удалось причинить мне боль..., но поверь, злобы во мне нет,... я всё равно люблю и прощаю тебя. Успокойся и подумай. А эту татуировку я сделал еще в 93-м во время миссии в Майенн, тогда их делали многие... Шуаны там получили всё, что заслужили, поэтому я не раскаиваюсь в том, что сделал её... Сегодня я переночую у Пьера.

А повод для беспокойства у Норбера был, чутьё как всегда не подвело бывшего агента Общественной Безопасности.

В ушах Луизы еще звучали слова дяди, заменившего ей отца, Этьена де Бресси:

«...Это жестокий и холодный человек, пусть и не лишенный своеобразного дикарского благородства. Вспышке его страсти к тебе все мы обязаны свободой и жизнью, но не строй себе иллюзий о глубине его чувства, девочка.

Эти люди фанатики идеи, они не умеют любить, их единственные богини – Свобода, Революция и Республика и только этим богиням они жертвуют всем. Пойми же, совместная жизнь резко отличается от романтических встреч.

Ты боишься санкюлотов? Тебе неприятны его товарищи-якобинцы, бывшие депутаты Конвента, бывшие агенты Общественной Безопасности? Но ведь он один из них и полностью разделяет их идеи..

Ты не сможешь преодолеть ужаса и отвращения к его убеждениям и он никогда не простит тебе этого! Не поймет, не пожалеет и не простит, твои чувства разобьются об это бронзовое сердце! Я могу услышать возражения.

Он не такой? Тогда почему он с ними? Что? Он добрый, ласковый, он любит тебя? с ним можно приятно и интересно говорить о философии, литературе, истории и многом другом? Вполне возможно, но как бы иначе он и мог привлечь такую утонченную девушку, как ты?

Но никогда не забывай, этот «добрый и нежный» кавалер легко подписывал сотни смертных приговоров роялистам, людям нашего с тобой круга, он же был агентом Комитета

Общественной Безопасности и руководил арестами здесь, в Париже... и это тоже правда.

Куаньяр добрый?! Побойся Бога, дочка! У тебя наивная и чистая душа! У него свои особые понятия о добре и зле, о справедливости. Тигр тоже умный и красивый хищник, но лучше любоваться им с почтенного расстояния!..»

В своих письмах де Бресси также твердил о том же..

К несчастью Норбер не узнал вовремя об этом...

Исчезновение несостоявшейся «гражданки Куаньяр»

После этой истории наступило примирение и временное затишье.

Норбер снова рискуя, дерзко возобновил подпольное издание враждебной новому правительству газеты. Последняя ссора произошла в мае 1796 года прямо накануне его нового внезапного ареста по делу заговора Бабёфа во имя Равенства.

Сидя перед зеркалом, Луиза задумчиво расчесывала длинные русо-золотистые волосы:

– Любимый, мне надоело скрываться под чужой фамилией, согласись, «гражданка Куаньяр» звучит куда лучше, чем какая-то фальшивая «гражданка Дюпон»

Этот намек звучал уже не впервые. На него следовало ответить.

Норбер оторвался от коррекции рукописи:

– Да, милая, я тоже так думаю. Но пока эта идея несвоевременна, ты в любой момент можешь стать «вдовой Куаньяр», неприятно тебе об этом напоминать, но это так.

Молодая женщина резко повернулась к нему:

– О, да ты милый хочешь сказать, что я должна ждать, пока ваша революция, наконец, закончится? И когда же это случится, милый друг, ты сам это знаешь? Через месяц, через год, через пять лет, а может через десять?! Ты предлагаешь мне ждать «второго пришествия» и первой седины?! О, да это утонченная форма отказа! Бедная графиня де Масийяк, она не годится даже в жены санкюлоту!

Норбер отложил бумаги и тяжело вздохнул:

– Лулу, не начинай сначала. Я очень хочу назвать тебя женой, но нам нужно немного подождать. Нет, не месяцы, не годы, совсем чуть-чуть. Причина отсрочки крайне серьезна, скоро всё решится. Немного доверия и терпения, Лу..

Прелестное лицо Луизы стало грустным, она подняла на него свои большие выразительные глаза:

– Я очень люблю тебя, Норбер. Но я устала ждать. Эти вечные опасности истязают нервы, сначала всё вокруг угрожало мне и моей семье, теперь что-то угрожает тебе. К тому же эти стесненные условия, эта бедность, ты же должен понять, я не привыкла жить так...

Встав из-за стола, Норбер сел на ковер у ее ног и положил голову к ней на колени:

– Потерпи немного, скоро всё решится. Когда меня и мо-

их товарищей перестанут преследовать, я смогу рассчитывать на подобающую должность и доходы станут на много порядков выше. Я сумею обеспечить тебе достойную жизнь, не бойся, ты не будешь нищей, хотя придворных балов, особняков и золота Перу всё же не обещаю. Ты же знала, что я не аристократ, не банкир, не коммерсант и принципиально не желаю иметь с ними ничего общего?

Луиза гладила его густые чёрные волосы, нежно касаясь слегка небритой щеки:

– Я верю тебе, любимый. Но боюсь и предчувствую, что-нибудь случится опять и разрушит наши планы. Надеюсь, ты ни во что такое не замешан, милый мой мальчик, беспокойная душа?

– Не думай о худшем. Лучше поцелуй меня и успокойся.

Этот арест был кратковременным, но вернувшись домой через две недели Норбер не нашел Луизы. Четыре месяца он метался в отчаянных поисках любимой, Луизы нигде не было, не было ни письма, ни записки, в Санлис она не возвращалась. Приезжая в Санлис трижды, де Бресси он не застал в своем имении. Или тот просто приказал слуге сказать, что хозяина нет дома? Все его письма оставались без ответа.

Только через пять месяцев получил от него короткое письмо:

«Гражданин Куаньяр!... Норбер, не ищите Луизу, оставьте её в покое! Эти отношения не могли быть долговечны, у них нет будущего. Вы слишком разные люди, многое вас раз-

деляет и это не только её дворянское происхождение и привычка к комфорту. Её корбило от вашего образа мыслей и ваших революционных принципов, наконец, вас слишком часто не было рядом, служение идеям для вас всегда было важнее любых отношений и чувств, ей это было больно и непонятно. Найдите себе девушку вашего круга, способную понять и разделить ваш образ жизни и мыслей. Я не желаю вам зла, Норбер, я всегда помню, что в страшном 94 году вы спасли нам жизнь. Но не ищите её, не мучайте воспоминаниями. Да, вынужден заметить, пока Луиза отнюдь не забыла вас, но она выходит замуж и её будущий муж, герцог де (фамилия в тексте письма была густо зачеркнута), человек хорошего рода и с немалыми достоинствами, надеюсь, рано или поздно, займет ваше место в ее сердце, и она успокоится. Мы благодарны за всё, что вы сделали для нас и никогда не забудем этого. Всего доброго и удачи, Норбер!»

Из груди вырвался глухой стон, закрыв лицо руками и уронив голову на стол, сидел Норбер над этим листком бумаги уже целый час.

– Почему так... за что?! Разве я причинил тебе зло? Почему не дождалась, не объяснилась, не прислала хотя бы одного письма, наконец? А может, это я ничего не понимаю в области чувств и отношений? Может, поддалась на вечные уговоры Бресси? Похоже, что сам и подсуетился подыскать мне замену! Пожалуй так, он никогда не оставлял попыток вбить клин. А с виду так благожелателен и прост.. Прокля-

тый аристократ!», – горячая волна боевой, поддерживающей силы ярости затопила душу..

Люди поддерживают огонь гнева прежде всего от страха, когда уходит гнев, его место занимают пассивное уныние, пустота и боль, и от них уже не уйти...

Активная общественная жизнь помогала Норберу отвлечься, справиться с душевной болью и пустотой. Жюсом держал себя на удивление деликатно, не задав ни одного лишнего вопроса.

Вскоре Лапьер познакомил друзей со своей любовницей, видной молодой женщиной с 6-летним сыном от первого брака.

Личная жизнь Жюсома и вовсе «била ключом», в ней постоянно появлялись и исчезали женщины.

Но с Куаньяром всё было сложнее, яркий брюнет, он не был обделен вниманием молодых женщин, им интересовались, но всех он держал на расстоянии, его личная жизнь оставалась тайной даже для друзей, ни одну из знакомых женщин с полным основанием нельзя было назвать его любовницей, проституток он и вовсе брезгливо сторонился.

Он жил аскетично и одиноко в своей комнате на улице Сен-Жак, скромно обставленной и своеобразно украшенной лишь портретами Робеспьера и Сен-Жюста, он теперь сильно рисковал, сохраняя их, держался подчеркнуто строго и отстранённо, с головой ушёл в общественную жизнь.

Норбер Куаньяр возвращается в Санлис

В июне 1797 года Норбер приехал в Санлис, где был избран мэром, местные патриоты хорошо помнили его, слава участника штурма Тюильри и репутация человека близкого к Робеспьеру создала ему среди них отличную репутацию. Избрание стало возможным еще благодаря тому, что репрессии против якобинцев к этому времени значительно ослабли.

В 1796-м году де Бресси вернулся в Санлис, выкупил свое имение, в годы правления Директории стало возможно то, что было бы совершенно невозможно еще 2-3 года назад при Конвенте. Пост-термидорианский режим был весьма терпим к аристократам, если они неагрессивны и жестоко враждебен к вчерашним коллегам-якобинцам.

Назначение Куаньяра мэром сильно озадачило де Бресси, хотя и по совершенно иной причине, чем могли предполагать со стороны. Он заметно опасался нового мэра, но тот подчеркнуто игнорировал владельца крупнейшего в городке особняка.

Лишь однажды ему передали от нового мэра письмо, смысл которого заставил его пережить неприятные минуты и что-то вроде стыда:

«После Термидора вы как-то сказали мне: «Гражданин Куаньяр.. кажется, за последние годы не было в Париже таких событий, в которых вы не ухитрились бы принять живейшее участие?» Ваша обычная ирония, понимаю.. Тогда у

меня хватило сил промолчать, мне ничего от вас не нужно и давайте наконец закроем эту неприятную для нас обоих тему... Для вас моя «бешеная активность» всегда была только к лучшему. Я никогда не преследовал намеренно вас и вашу семью. Это судьба...

Хочу, чтобы вы знали, если бы ряд обстоятельств не привел меня в ту страшную ночь сентября 1792 в стены Аббатства Сен-Жермен, ваш труп давно сгнил бы в одном из монастырских колодцев, звучит это грубо, но верно, Луиза и ваши дети также были бы давно мертвы.

Не знаю, зачем мне захотелось написать вам сейчас. К чему? Каждому моему движению и слову, самому появлению рядом, вы всегда приписывали исключительно чёрный умысел. Вам тогда ничего не стоило заявить, что это я сам донес на вас и сам пришел освободить, чтобы предстать «благородным героем» ради низких целей. Я не готов был выслушать подобные обвинения.

А после вы и вовсе решили распорядиться моей судьбой, в том, что Луиза ушла я сильно подозреваю ваши «добрые советы», но не бойтесь, живите спокойно, насколько вам позволит ваша дворянская честь и совесть. «Кровожадный якобинский монстр» приложит все усилия, чтобы никогда более не встретиться на вашем пути».

Избрание мэром якобинца сильно обеспокоило как ослабившихся после Термидора аристократов, так и нуворишей Санлиса. Что, опять контроль над деловыми людьми,

аресты аристократов, опять отчеты о доходах и патриотические пожертвования для этих оборванцев, опять террор?! Или что еще этот Jacobin способен затеять?

За время уединенной жизни, разбитых надежд, горьких воспоминаний и пережитых мучений замкнутой и гордой души он глубоко изменился. Давно никто не слышал его смеха, о развлечениях давно не было и речи.

В мае 1797 года ему сравнялся 31 год, он оставался всё тем же ярким и сильным красавцем, каким, почти наравне с Сен-Жюстом блистал на вечерах в доме Дюплэ. Но переживания последних 3 лет оставили в его внешности и душе определённый отпечаток жёсткой мрачности, отпугивающей людей, особенно при первом впечатлении.

В нём было нечто, не допускающее бесцеремонного панибратства со стороны мужчин и желания кокетничать со стороны женщин.

Его боялись без реальных причин и выдумывали о его прошлом всякие «ужасы», то есть сентиментальный вздор о «трёх тысячах казненных по его личному приказу, но, конечно же, что главное, совершенно невинных людей»...

Впрочем, этими мифами увлекались и слепо верили им только богатые люди Санлиса, местные якобинцы отлично помнили своего прежнего председателя, простой люд был также расположен к нему, здесь помнили небогатую, трудолюбивую семью Куаньяров, его отца, мать и брата.

Когда Норбер верхом, в строгом чёрном костюме с трёх-

цветным шарфом и чёрной шляпе с трехцветной кокардой, в сопровождении ряда членов местной администрации и охраны ехал к зданию мэрии, люди с любопытством разглядывали их, кто с одобрением и надеждой, но кто-то и с затаённым ужасом и ненавистью.

У тротуара в тени под деревьями стояла оживлённая группа из четырёх изысканно одетых молодых девушек:

– Маман рассказывала, что еще перед выборами, она с тёткой была вынуждена обратиться к этому ужасному якобинцу... Возмутительно, этот грубиян самого последнего революционного образца, даже не встал, не поклонился, когда в кабинет вошли дамы, хуже того, он даже не снял перед ними шляпы! Но это ещё не всё, обращаясь к ним, хам даже не называл их титулы, а только лишь фамилии, словно они жёны поваров и лакеев! А ведь на календаре уже не 93 год!

– Господи! А вы ждали благородных манер от санкюлота?

– Беатрис, это который наш новый мэр, не тот ли стройный, яркий брюнет, красавчик, не старше 30? Вот бы познакомиться... Почему же я его нигде не видела, он не местный?

– Фу, у тебя дурной вкус, Софи, папенька говорит, он кровавый фанатик, из тех, что 3-4 года назад сотнями казнили порядочных людей в Майенне и в Лавале и его место на эшафоте, а не в кресле мэра!

– Зачем ты так жестока, я не узнаю тебя, Беатрис?! И якобинец все же человек... живая душа... Может быть всё клевета, и он не так уж и виноват? По-моему он очень даже ин-

тересный, в нём нет ничего ужасного, скорее, напротив, у тебя что-ли нет глаз?

– А ты не заметила, какая у этого красавчика мрачная и свирепая складка губ, ты легкомысленна и невнимательна Софи, как всегда... А он местный, причём сын сапожника, папенька говорит, раньше он был председателем местных бунтовщиков, а лет 5 назад уехал в Париж, мутить воду там! Когда он уехал из Санлиса, тебе было 14 лет, где ж тебе его помнить, да и где бы девушке из хорошего общества встретиться с этим оборванцем... Говорят из-за него погибли семья маркиза де Белланже и его соседа де Ласи! И вот теперь это чудовище наш мэр, бр-р...

К ним обернулась скромно одетая темноволосая девушка и возразила строго и резко:

– Он друг простого народа и добрый патриот, его брата с семьёй убили роялисты, а вы меньше слушайте вашего папеньку, гражданка, и живите своим умом! А что касается его происхождения, так у нас теперь равенство!

Беатрис с нескрываемым презрением оглядела скромный, немодный костюм девушки и не сочла нужным отвечать ей. Но юная особа этим не смутилась, она первой отвернулась от барышни и задумчиво глядела вслед процессии.

Что ж, раз его ненавидят все надутые индюки Санлиса, значит точно, добрый патриот, и к гадалке не ходи...

А Норберу невольно думалось, когда проезжали мимо дома де Бресси:

Выкупил особняк.. Значит дела его не так уж и плохи. Проклятым аристократам сейчас послабления, это нас держат на коротком поводке с острыми шипами вчерашние коллеги.

А она, где она сейчас, как её новая фамилия? Ну и где в мире справедливость?!

Откуда он взялся, этот чёртов герцог, чтобы ему не попасть под трибунал до Термидора?!

Отчего она согласилась на этот брак или ей как большинству женщин всё равно с кем жить и спать, лишь бы быть замужем и рожать детей, или ей самое важное, что он богат, что он представитель ее сословия?!

А может всё красивый самообман и она никогда не любила меня? Развлекались же тайком и при старом режиме дамы с плебеями, а жёны и дочери плантаторов Сен-Доминго с чернокожими рабами?! Но нет, она не такая, её искрящиеся любовью глаза, её ласки, нежность, даже её слёзы не были фальшивыми.

Чёрт! Что теперь думать об этом! Она вернулась к той жизни, среди какой и выросла. А как же я?... что я,... похоже, есть люди, не созданные для личного счастья,... умереть я всегда был готов, а жить так и не научился...

Но причинить боль разлуки судьбе, видимо, было мало...

Убийство Жюсома

В середине июля 1797 года Лапьер письмом неожиданно

вызывает Куаньяра в Париж, новость ударила в самое сердце, Жюсом убит! Каменяя, принял Норбер эту страшную новость, лишения, опасности и страдания последних лет при- тупили эмоции, по крайней мере, внешне.

Врач предупредительно тронул Норбера за рукав, когда он потянулся к окровавленной простыне, покрывавшей тело:

– Гражданин, не стоит этого делать, он сильно покалечен, мы сумеем привести тело в порядок, насколько вообще это возможно...

Но было поздно, искаженное страданием лицо друга с полуоткрытыми полными застывшей боли глазами, скорчившееся изломанное тело снилось Норберу затем не раз, в ночных кошмарах спустя годы...

– Как это произошло?, – медленно проглотив тяжелый комок, спросил позеленевший Норбер, пошатнувшись, слабеющей рукой опуская угол простыни, – кто?!

– Мюскадены, гражданин, теперь это происходит постоянно.. Суды систематически оправдывают «золотую молодёжь, – словно извиняясь за что-то добавил врач, – кто же сейчас станет защищать яacobинца?, – и невольно отшатнулся, увидев страшную смесь ненависти и почти физической боли в расширенных зрачках..

– Сделайте всё возможное...

Пошатываясь словно пьяный, Норбер резко повернулся к выходу, нельзя допустить, чтобы этот чужой человек увидел его скупые, тяжёлые слёзы..

Переночевать он мог только у Лапьера, где другие?, кто затаился, кто казнён, кто арестован и ждёт казни, кто растерзан как Пьер..

Пьер, весёлый и добрый товарищ, любимец женщин и душа компании, умирал в муках под ударами сапог озверевших франтов на скользкой от крови мостовой в глухом переулке Парижа, почему, за что?! У врага куда больше счётов к нему самому!. Из горла вырвалось глухое рычание, переходящее в стон. К Лапьеру позже, сначала в ближайшее кафе..

На пороге Лорана Норбер появился глубоко за полночь, хмурый и пьяный до последней крайности, с бутылкой в руке, Лапьер молча открыл дверь, не спросив ни о чём, даже когда увидел припухший глаз и ссадину на скуле.

Норбер упрямо молчал и правду о событиях той ночи Лоран узнал со стороны.

По счастью, Куаньяр пришёл в то кафе впервые и никто из посетителей его не знал в этом районе. Объяснить причины возникшей драки точно не смогли и всё списали на сильное опьянение обеих сторон.

Наливая коньяк, и лукаво посмеиваясь, Лоран комментировал ему рассказы свидетелей:

– Неизвестный брюнет» подошёл к соседнему столику и в резком тоне заговорил с сидящими двумя молодыми людьми, что один из них ему ответил точно не слышал никто, парень вскочил, требовал извинений и выхватил шпагу, но неизвестный, молча нанёс одному из них удар в глаз, другой

вскочил и заработал каблуком в пах, этого буйного гражданина с трудом оторвали от своей «жертвы», вырвавшись от защитников пострадавшего, этот человек вышел через им же разбитое пустой бутылкой окно и еще одну бутылку прихватил с собой. . . , – и помолчав добавил: – «Ну и дела! Надеюсь в этом «неизвестном» никто не признает мэра Санлиса?! Я и сам тебя не узнаю! Во имя Разума, что там произошло?

Норбер молчал, лишь как раненый зверь, страдающий и свирепый, метался по комнатам, не находя себе места. Нервно курил и молчал, не спал почти всю ночь.

Лоран за время общения уже достаточно хорошо знал Куаньяра, этот человек никогда не затевал пьяных драк и вообще он сам никогда не видел его в таком состоянии, как в тот вечер.

Смерть товарища легко объясняла для Лорана это состояние и всё же, что могло привести в дикое бешенство этого холодного, сдержанного человека?

К вечеру следующего дня Норбер, покосившись на товарища, сощурил припухший глаз и, подумав, снизошёл до ответа:

– Лоран, они обсуждали недавние погромы мюскадэнов в рабочем квартале Сент-Антуан, коснулись и убийства несчастного Пьера. Знаешь сам, какие шутки теперь в моде у этих выроdkов – «хороший якобинец – мёртвый якобинец», «встретишь санкюлота – убей его!

Нет, я не считаю, что они и есть те убийцы, но они гово-

рили об этом в таком злорадном, циничном тоне одобрения, сначала о нём, которого совсем не знали...они оскорбляли его память, Лоран. Тогда я поднялся из-за стола, затем переключились на всех якобинцев...все мы видишь ли мразь... достойная лишь массовой отправки на тот свет и ничего иного, ...я был уже рядом с ними.

Когда один из них предложил поставить памятник убийцам Неподкупного, я.. потеряв всякое терпение, предложил щенку выйти и обсудить эту тему по-мужски.

Но придурок выдернул шпагу и стал размахивать передо мной, то угрожая убить, то требуя извиниться и обзывая меня при этом «бешеным фанатиком и недобитком Термидора».

Какая уроду дуэль, я по-нашему, от щедрости народной души, недолго думая и заехал ему в глаз, ну и другому..., я плохо помню подробности, а бутылку я прихватил по праву, я за неё заплатил!»

Лоран лишь качнул головой:

– После похорон, то есть завтра, тебе лучше скорее вернуться в Санлис!

– Что я и намерен сделать, Лоран!

Мэр-якобинец

Раздался стук в дверь кабинета, на пороге мэра Куаньяра появилась темноволосая девушка лет 19-20. Секунды она внимательно разглядывала его и вспоминала высказывания

Беатрис Марни: «Брюнет, смуглый как индеец, весьма молод, даже своеобразно красив, всё так, но как ужасно холоден и правда, какая мрачная и свирепая складка губ...»

Неужели он действительно так жесток, как о нём говорят?!

Описание показалось ей вполне верным, откуда ей было знать, что «мрачная свирепость» часто объяснялась напряжением нервов и крайней усталостью, а холодность, прежде всего слабая от природы эмоциональность плюс официальная маска.

– Гражданин Куаньяр, вам чай или кофе?, – услышал он молодой женский голос и с удивлением поднял усталые покрасневшие глаза от документов.

– Кто вы, гражданка? Как вы сюда попали?

– Я сестра вашего секретаря, он сейчас занят с документами, так чай или кофе?

– Если можно кофе, гражданка...спасибо.

– Изабель Ромёф, гражданин...

С тех пор, Изабель Ромёф, совершенно добровольно, разделяла обязанности брата, освободив его для работы с бумагами.

Куаньяр в качестве мэра удивил жителей Санлиса, одни страстно ожидали от него мести за кровь патриотов, казнённых после Термидора, другие со страхом и злобой ожидали этого.

Но Норбер был куда большим реалистом, чем казался,

однако о прежних привилегиях нуворишам, конечно, пришлось забыть сразу, казни грабителей и убийц, которых развелось сверх меры, отчасти коррумпированных чиновников и схваченных роялистов также имели место в Санлисе, но в ограниченных по сравнению с 93 годом масштабах. В основном мнения сошлись на том, что Куаньяр оказался способным администратором. И всё же «господа-граждане» заметно волновались..

В целом небольшой город жил вполне спокойно, по крайней мере, простые жители были довольны новым мэром и не имели причин бояться его.

Он родился и вырос в Санлисе, и судьба жителей родного городка не была ему безразлична.

Он был человеком идеи и принципа, и жажда обогащения его не мучила совершенно, чего не могли понять «деловые люди» и оттого ненавидели и боялись еще больше. Он не был против тех из них, кто ведет дела в соответствии с законом. Но в основном после Термидора они привыкли устраивать свои дела совсем иначе, уже, поэтому мэр-якобинец вызывал у них крайнее озлобление и ужас.

Не берет взятки, не нужны банкеты и доступные женщины, тем хуже, думали новые господа, значит, он чудовищно властолюбив и опасен, если же и не взяточник и не властолюбец, значит ничтожный и жалкий глупец, такие люди обо всех судят по себе...

Норбер в их глазах должен был выглядеть особенно опас-

ным уже потому, что не поддавался их привычной классификации, и не вор, и не властолюбец, и при этом далеко не глупец... так кто же он? Конечно «опасный фанатик»!

«Новые хозяева жизни», расплодившиеся после Термидора по-прежнему боялись и люто ненавидели Куаньяра. Один из них, лощёный «господин-гражданин» явился как-то в его кабинет...

Поправив дорогой белоснежный галстук, он уверенно вошёл и решил представиться:

– Гражданин Арно. Коммерсант. Новый житель Санлиса, решил перебраться поближе к Парижу из Лавалья, департамент Майенн.

Кого-то он смутно напоминал Норберу. Но, заметно изменившийся в лице, гражданин Арно узнал его первым и его губы сложились в недобрую ироническую улыбку:

– Так это вы.. бывший комиссар Куаньяр.. Всё еще живы.. не ожидал увидеть вас..

– Мэр Куаньяр, – холодно поправил его Норбер, – и я тоже менее всего ожидал встретить вас здесь..

– Мир тесен, гражданин Куаньяр, – усмешка Арно выглядела вызывающей – признаться, я не могу забыть тот... сказать мягче очень суровый приём, который вы оказали мне в 1793-м.. В моих глазах вы навсегда останетесь комиссаром Конвента...

– «Вы деловой человек, гражданин Арно, и пришли сюда не ради этих сентиментальных воспоминаний, ближе к де-

ду..»

– Вы совершенно правы, гражданин мэра. Рад, что вы тоже настроены по-деловому, и то верно, на календаре давно не 93 год, те времена по счастью прошли... – Арно уселся удобнее, положив ногу на ногу. Он почувствовал себя более чем уверенно.

Норбер, откинувшись в кресле, вдруг неожиданно прерывает его:

– А что происходило всё это время у вас в Лавале? Вы знали доктора Розели, с ним всё в порядке? Честный добрейшей души человек... как сложилась жизнь его сестры? А Северьёф, председатель местного клуба, добрый патриот.. Анж Эрбо, общественный обвинитель, что стало с ними?

– О, у вас отличная память, гражданин! Доктор Розели с сестрой уехали в Париж в прошлом году, – Арно, помолчав, с минуту, мерил Норбера тяжелым пристальным взглядом, словно пытался залезть в душу.

– Вы же понимаете, последствия Термидора не обошли стороной Лаваль, как и прочие города, и Северьёф, наш Робеспьер, и Эрбо, и назначенный вами председатель трибунала Моро и журналист Макэ, наш местный Марат.. многие другие, очень близко познакомились с ножом гильотины, которым так привыкли размахивать в 93-м...»

По бесстрастному лицу Куаньяра нельзя было понять, что он думает и чувствует, впрочем, как всегда. Эту обманчивую невозмутимость Арно истолковал по-своему, как хороший

знак.

– Прошу вас, гражданин Куаньяр в свободное время изучите эти бумаги, – он положил на стол пачку документов, – это касается национальных имуществ, я занимаюсь недвижимостью. Вы знаете, здесь несколько конфискованных особняков эмигрантов, из здешних «бывших» один де Бресси рискнул остаться в стране, ... я намерен купить один из них, ... это не было запрещено даже в 93-м, – Арно подозрительно покосился на Куаньяра.

Но ободренный его спокойным молчанием он продолжал:

– И вот еще.. есть небольшая проблема, мне нужны земли около реки. Но эти упрямые фермеры-голодранцы никак не желают продавать свои участки...

Арно выразительно взглянул на Куаньяра из под опущенных ресниц и облизнув пересохшие губы, закончил:

– Если вы согласны мне помочь, я был бы весьма... слышите, весьма благодарен вам..

Куаньяр всё понял правильно, но не подал вида, решив понять дальнейшие планы Арно. Молнией пронеслась мысль, так не случайны три пожара подряд в той части города... «Деловой человек» не сумев договориться о продаже земли, угрозами решил выжить этих людей из их домов... Яснее некуда, не настало ли время наступить Арно на хвост?

– И чем я могу помочь?, – пожал плечами Норбер, – Эти участки кормят их семьи, без земли они ничто, что же им останется, идти к вам же в прислугу или пополнить число

нищих в Париже? Что вы еще придумали, поделиться нет желания?

– При всём уважении, гражданин мэр, вы всё тот же... идеалист, – на холёной физиономии Арно появилось с трудом подавленное раздражение, – подумайте, прежде чем отказывать и не горячитесь, смею напомнить еще раз, на календаре давно не 93 год и Робеспьера с Сен-Жюстом больше нет!, – сейчас в его голосе Норберу почудилась скрытая угроза...

– Гражданин Арно, – тон Куаньяра был деланно ровным и мягким, – как вы думаете, – Норбер и сам чувствовал, что улыбка вышла отменно варварской, и облизнул губы, – посмею я или нет обойтись с вами так же, как 4 года назад?

Якобинец получал удовольствие от подобных ситуаций, его раздражали эти самоуверенные франты, привыкшие думать, что стоит им щелкнуть пальцами, сослаться на высоких покровителей в столице, тем более выложить перед ним пачку купюр и любое решение «у них в кармане», а ты – «верный лакей, всегда готовый услужить». А вот тебе комбинация из трех пальцев!

Чего все эти сентиментальные дебилы ругают времена Конвента?, непонятно... до Термидора в его руках были все рычаги воздействия на сомнительных дельцов вроде того, что самоуверенно развалился перед ним с видом «хозяина жизни».

Что, мошенник, забыл, как лил слёзы, стоя на помосте

эшафота, рыдал и умолял о пощаде, когда сержант привёз гильотину?!

Чёрт, что бы тебе тогда поупрямиться чуть подольше и не щелкал бы сейчас передо мной пальцами... Что ж, накрахмаленный воруга, теперь ваша власть, но запомните, мы еще живы ...

Арно поднялся и взял шляпу и трость, меряя Куаньяра ненавидящим взглядом, он произнес:

– А вы не изменились, но я повторяю вам в третий раз, сейчас не 93 год, Робеспьера и Сен-Жюста больше нет, и управа на вас у меня найдется, я имею в Париже сильных, слышите, очень сильных покровителей, после Термидора ваших там очень не любят, троньте меня и ваша участь решена! Вам грозит нечто худшее, чем потеря этого кабинета! И всё же, гражданин мэр, поймите меня правильно, – Арно с трудом выдавил кривую улыбку, – я не думаю угрожать вам, больше того, пытаюсь договориться и хочу уладить наш конфликт и потому предупреждаю...

– Вы свободны, гражданин Арно, пока свободны, но эти документы останутся у меня, я должен их внимательно изучить...», – Норбер сделал резкий отстраняющий жест рукой, – и если они заинтересуют общественного обвинителя вы первым узнаете об этом..

Побледнев от гнева больше чем от страха, взбешенный Арно рывком хлопнув дверью, покинул кабинет мэра Сан-

лиса.

В злобе он чуть не порвал на себе галстук:

– Революционный фанатик, проклятый якобинец! Когда же наконец прикончат их всех! Он думает, общественный обвинитель рискнет тронуть меня?! Старина Лафоре еще не выжил из ума! Мой арест потянет за собой немало других .. Нет, нельзя терять времени, нужно немедленно писать в Париж.. чёртов ублюдок еще пожалеет, что связался со мной! Укоротят тебя на голову, ты дождался своего часа, тень Робеспьера!

От Норбера не укрылось замешательство председателя суда присяжных, он сумел вызвать Буайе на прямой разговор.

– Гражданин Куаньяр.. я не должен этого говорить, но зря вы затеяли всё это.. Арно не просто богатый влиятельный в Санлисе человек, у него устрашающе высокие покровители в Париже.., – понизив голос он назвал Норберу несколько отлично знакомых ему фамилий.

– Проклятье! Чего же мы не убрали этих выродков до Термидора? В этом наша единственная вина!, – с раздражением вырвалось вслух.

Взглянув на Буайе, Норбер с неприязнью увидел, как сильно побледнело его лицо. Боится... ну и как с такими работать?

Якобинцы были избраны в немалом количестве в администрацию города, их влияние вновь стало возрастать, с помощью участия Куаньяра , решившего, используя свой огром-

ный моральный авторитет среди местных патриотов, заменить верного пса нуворишей, продажного Лафоре, новый общественный обвинитель Санлиса Морис Фурмарье, также был из местных якобинцев, и нувориши городка были весьма озабочены этим обстоятельством. Что же теперь последует? Что задумала эта «тень Робеспьера», как называли его в этих кругах...

Но всё это время...

Влиятельные люди Санлиса пытались расположить к себе мэра, власть этого сурового серьезного человека была весьма значительна, его прошлая близость к Робеспьеру пугала этих богатых состоятельных людей, им хотелось как-то задобрить мэра-якобинца, о котором в их кругах рассказывали байки, одна нелепее и страшнее другой.

Но Куаньяра повсюду приглашали, проявляли к нему особую неестественно подчеркнутую любезность и услужливость, замечая это, он чувствовал себя скверно, но всё же, был вынужден принимать эти приглашения.

Ему старались угодить и в то же время смотрели, как на опасного дикаря, только вчера переставшего есть людей.. Кажется, стоит сказать, что перед обедом любит выпивать стакан человеческой крови, эти нарядные глупцы, заранее предубежденные, поверили бы всему! Это могло быть смешно, если б не было так отвратительно и безнадежно глупо!

«Кровавые фанатики»! Куаньяр всегда нервно вздрагивал, слыша это, его больно ранило это новое определение

якобинцев..

Отчего «кровавые»? Шла война и внутри Франции и вокруг неё, а на войне, как известно, убивают и умирают! Начало её правительство Жиронды в 92-м при жизни Капета, конечно же в своих целях, подозрительно сходных с планами Двора... А впрочем... короли и дворянство первыми объявили войну народу, обращаясь с ним, как завоеватели с покоренным племенем...

К тому же добрая половина пролитой крови наша собственная, о чём как раз никто не жалеет... значит расчувствовались исключительно к «бывшим»? но это уже открытая контрреволюция..

И почему собственно «фанатики»? Или так господа крестьят всех, у кого есть хоть что-то за душой, что нельзя обменять на статус и деньги?!

Опомнитесь! Разве мы спасли страну от роялистов и интервентов, не единственно ли ради будущего нации, в том числе и не для вас, неблагодарные зажавшиеся свиньи?!» Хотят пользоваться плодами Революции, но забыть о ней самой...

Как верно заметил Неподкупный еще перед 10 августа 1792 года: «Надо спасти государство, каким бы то ни было способом, антиконституционно лишь то, что ведёт к его гибели..»

А разве это не так? Но для этой расы циничных торгашей любой человек твёрдых принципов, совести и чести, «фана-

тик»... не потому ли?

В дальнем углу банкетного стола двое солидных с виду мужчин в дорогих костюмах, армейский поставщик из Парижа Фюмаль, компаньон Арно и местный коммерсант Леру вполголоса общались между собой, обсуждая Куаньяра:

– Мне кажется, слухи о его свирепости крайне преувеличены.. Он встретил меня спокойно и корректно, что мне бояться, мои документы и деловые бумаги в полном порядке.. Не думаю, что лично у меня с ним будут проблемы...

– Неужели? Значит, вы еще не знаете, гражданин Леру, как жестоко этот бешеный якобинец обошелся с моим компаньоном гражданином Арно 4 года назад, когда он был комиссаром Конвента в у нас в департаменте Майенн? Не понимаю глупость здешних избирателей!.. Впрочем, на выборы повлияли местные санкюлоты, они что-то слишком оживились в последнее время...

– А что собственно случилось с Арно, думаю, ничего ужасного, раз он жив-здоров? И местные жители вполне спокойны и довольны... Все сошлись на мнении, что он способный администратор... Не могу понять вашего предубеждения, гражданин Фюмаль.. И почему собственно «бешеный», он держится куда спокойнее, чем вы сейчас, не в обиду вам сказано...

– Да кто им доволен-то, прежде всего?! Местная голытьба, санкюлоты? Фермеры, подёнщики, кучера и сапожники, мелкие лавочники, фабричные рабочие или торговки зеле-

нюю?! Бросьте рисоваться, Леру, порядочные люди его просто боятся, его здесь хорошо помнят, в 1792 году он был председателем местных.. прости Господи!, патриотов, как они себя называют!

– И что же, гражданин Фюмаль, многие разделяют ваши опасения и ваш взгляд на нового мэра?

– Говорю же вам, все состоятельные, порядочные и благонамеренные люди Санлиса, гражданин Жели, владелец фарфорового завода, гражданин Крансэ, он здесь человек новый, как и Арно, недавно прикупил здесь имение какого-то местного дворянина-эмигранта, уверен, согласится со мной милейший де Бресси, этот сам из «бывших», заметили, как откровенно избегает он общения с этим человеком..

Эти «бешеные» непредсказуемы, сейчас он возможно из хитрости сдерживает свои кровожадные инстинкты, а что будет дальше?

Вот, недавно опять казнили каких-то схваченных аристократов, нам, деловым людям весьма крепко наступил на хвост, прежний мэр действовал куда умереннее, удивляюсь при этом, отчего он игнорирует существование милейшего де Бресси, а тот безумно рискует и не думает скрываться.. Но тише..

Дочь местного предпринимателя Софи Воланж проявляла к нему особенный интерес, в ее взглядах бросаемых на молодого мэра ясно читались юное кокетство, любопытство и всё тот же скрытый страх.

Девушка переборов смущение, часто сама заговаривала с ним. И похоже осталась довольна, Норбер был с ней добр и предупредителен, безукоризненно вежлив, никакой грубости или злобы в нём она не обнаружила, лишь два недостатка, рассыпаться в цветистых комплиментах перед дамами он совершенно не умел и не любил танцевать.

А главное, несмотря на относительную молодость и привлекательную внешность не отличался лёгким нравом и общительностью, был чрезмерно серьёзен. Подруга Софи, Беатрис Марни держала себя иначе, она с трудом скрывала неприязнь, в ее глазах то и дело промелькивал необъяснимый и крайне раздражающий Норбера ужас.

Стоило ему взять столовый нож, как она не могла оторвать глаз от его руки, с болезненным любопытством наблюдая, как он режет бифштекс, из которого вытекает красноватый сок. Ему и не приходило в голову, о чём она при этом думала...

Откуда ему было знать, что в ее семье, в родной ей среде состоятельных «деловых людей» якобинцев люто ненавидели, между собой называли их не иначе, как «кровожадными фанатиками» и «свирепыми убийцами».

Девушка по-особенному вглядывалась в грубо-красивое смуглое лицо, стараясь найти отпечаток звериной жестокости, перетолковывая в худшем смысле каждую его фразу, каждое движение..

Вот дура! Норбер в который раз поймал на себе неприязненно-опасливый взгляд мадемуазель Марни. Что она себе думает? Что я психопат и прикажу ее казнить? Или зарежу, не выходя из-за стола?!

Когда началось время танцев, за столом остались только сам Куаньяр и Беатрис Марни.

– Гражданка Марни, – он мягко коснулся её руки и почувствовал, как она вздрогнула и слегка отстранилась, – вы не уделите мне несколько минут?

– Отчего же нет, гражданин мэр, – девушка смотрела на него чуть искоса, из-под опущенных ресниц.

– Дайте мне вашу руку.. хорошо.., но отчего она так дрожит? Чем я вам страшен? Я ловлю на себе ваши испуганные взгляды весь вечер.., – Норбер осторожно коснулся губами тонкой нервной руки. Она замерла...

– И в мыслях не было ничего такого, гражданин мэр, вам наверное показалось, – взгляд голубых глаз стал немного более твёрдым.

– Вот и хорошо. Кому здесь я причинил зло? Если вам что-либо дурное сказали обо мне, лучше верьте собственному сердцу и собственным глазам...

– Да, гражданин мэр..

Это уже диагноз...

Однажды на одном из таких банкетов, столь глубоко нелюбимых Куаньяром, но, увы, обязательных, выйдя на балкон, Норбер вдруг слышит обрывки разговора, заставив-

шего его повременить с появлением в банкетном зале:

– Его победа на выборах для нас просто катастрофа! Видите, что происходит, сколько якобинцев собралось в новой администрации, а суд?! Поймите же, чем это грозит, суд, снова в руках этих «кровопийц», а назначение этого Фурмарье?! Поверьте на слово, я знаю, о чём говорю, Куаньяр это настоящее чудовище в человеческом обличье, безжалостный фанатик, палач Майенна.. у него руки по локоть в крови за 93-94 год. Вы не обратили внимания, почему он всё время так заботливо одергивает манжеты? Татуировка у него есть на правой кисти, из под манжета иногда виден ее край? Секретарю посчастливилось случайно ее увидеть... парень был под сильным впечатлением. «Святая Гильотина – спаси Отечество!» Как вам?

– Боже мой!.. Вот же чудовище... Может попытаться его умастить, договориться? Ведь эти кровожадные недобитки способны на всё...

– Будьте осторожнее, Жели, эта недобитая «тень Робеспьера» тоже претендует на звание Неподкупного! Будь он проклят вместе со своими принципами! Сам не пойму, как он уцелел после Термидора, дочка доктора Гильотена рыдает по нему уже четвертый год! Может постараться помочь их скорой встрече?!», – в дрожащем голосе лютая волчья ненависть, чуть не до лязга зубов, – не добились их ни сразу после Термидора, ни весной 95-го, так сейчас следует организовать этим хищникам отстрел! Если мы хотим уцелеть и удержать

власть, сделаем нашим лозунгом следующее: «Хорош только мёртвый якобинец!» Убивал бы их своими руками, поверьте, Жели...

– Но, Боже мой, Арно, это же снова террор?! Кровь, снова кровь...

– Кровь? – жёсткий смех, – а вам что же, жаль их? Неужели вы сочувствуете якобинцам, безумец? Поверьте, они то нас не пожалеют, если вернуться к власти, они не страдают сентиментальностью и отомстят нашему брату и за казнь Робеспьера персонально и за репрессии, которым подверглись и за все политические и экономические последствия Термидора!

– Нет, Арно, мне ничуть не жаль их, и я не трус, дело совсем не в этом...

– Именно в этом всё дело. Как же вы трусливы все-таки, Жели! Сами видите, этих варваров с их непоколебимыми принципами невозможно ни купить, ни запугать, а раз так, якобинцев следует уничтожать до последнего, изыскивая все методы, по любым обвинениям, не оглядываясь на нарушения формального права, как американцы в Штатах уничтожают непокорных краснокожих дикарей! Американцы нация практичная, у них нам есть чему поучиться, Жели...

Сколько яда и концентрированной ненависти... Давний «друг» Норбера Арно из Майенна и владелец местного фар-

форового завода Жели.

Темные глаза Куаньяра сузились от гнева, лицо превратилось в неподвижную маску. Арно, скотина, да ты никак не уймешься?! Норбер вдруг вспомнил, что среди арестованных три недели назад по обвинению в связях с роялистами была семья родственника Жели, в том числе жена подозреваемого и дочь, совсем молоденькая девушка.

Норбер заинтересовался этой историей и через Фурмарье, ставшего его поклонником, а то, как же иначе, участник штурма Тюильри, бывший депутат и комиссар Конвента, больше того, человек входящий в дом Робеспьера... он изучил их дела. В отношении этих людей, в том числе родственников Жели обвинения полностью подтвердились, невиновны лишь девушка и ее мать, следуя обостренному чувству справедливости, Норбер имел намерение добиться у Фурмарье их освобождения...

А вот теперь можно и появиться.

Гости притихли. Жели откровенно замер от страха, Арно напряжён и хмур.. Норбер мрачно смерил обоих тяжелым взглядом. Наконец он уселся за стол и с минуту молчал, опустив голову. Затем ровным и спокойным тоном обратился к Жели:

– У вас крупные неприятности, гражданин.. пособники врагов Республики среди нечужих вам людей.. это крайне серьезно.., – тон становился всё более режущим и жёстким, – они виновны все, слышите меня, все! Их судьба по суще-

ству решена! А вот.. что касается.. женщин.., что вы лично думаете об этом, что подсказывает вам республиканская совесть?!, – Норбер мерил перепуганного не на шутку Жели бешеным взглядом. Самому было интересно, сработает провокация или нет?

На удивление, думал тот не слишком долго, запинаясь и округлив от страха глаза, Жели наконец выдавил из себя:

– Думаю..., – облизнул пересохшие губы, – и их тоже...

Чего-то подобного Норбер и ожидал услышать, провоцируя своих обидчиков.

Неожиданно от толпы притихших гостей решительно отделился нарядно одетый молодой человек:

– Гражданин Куаньяр.. зачем такая жестокость.. сейчас не 93 год и вы больше не комиссар Конвента, гражданин Жели, это же трусливо и низко..мы все понимаем, что обе эти женщины..заметим, ваши родственницы, Жели, невиновны.. Что же вы все молчите, граждане?! Сейчас не 93 год!

Куаньяр поднялся и с размаху треснул ладонью по столу:

– Так кто же из нас чудовище, Жели?! Я обращался к вашей совести, а услышал голос трусости и подлости, больше всего крови пролито по вине таких типов, как вы! Прикажи я вам снять штаны и принять нужную позу, вы и то, не решились бы мне отказать!

И повернувшись в сторону растерявшегося юноши:

– Благодарю вас. Это и есть то единственное, что я рас-

считывал, но уже не надеялся услышать...

Арно по-бычьи пригнул голову:

– Гражданин мэр, вы меня извините, но, кажется, вы взяли неправильный тон.. вы конечно глава администрации.. но и здесь тоже собрались явно не последние люди города... Молодой человек совершенно прав, вы не комиссар...на календаре не 93 год, времена Конвента в прошлом...

– И вам моя благодарность, – тёмные глаза Куаньяра блеснули мрачной насмешкой, – но не тычьте больше мне прошлым в нос,...я рискую потерять терпение, а вы голову..., я успел лишь немного ознакомиться с вашими бумагами, но и этого вполне достаточно...

Спокойно встал из-за стола, и едва поклонившись в сторону озабоченных поворотом событий представителей бомонда:

– Прощу прощения, граждане! Вечер, кажется, безнадежно испорчен. И смею заверить, не по моей инициативе, кого благодарить, ...вы надеюсь, понимаете. Вынужден покинуть вас,.. дела..

У парадного подъезда гражданина мэра ожидала... отнюдь не карета, как можно предположить, а осёдланная лошадь, Куаньяр, верный своим убеждениям и привычкам, считал постыдным подчеркивать свое высокое общественное положение...

Чувствуя каждой клеточкой тела эту атмосферу, всё то, о чем думают, но о чем молчат все эти люди Норбер, задыхал-

ся от сдержанного отвращения и гнева, на лбу мелко выступил пот, хотелось сорвать с себя галстук, нет, никогда ему не найти общего языка с этими людьми!

Это же новое дворянство! Для того ли брали Бастилию и Тюильри, триста тысяч людей погибли на фронтах, не ради того они пережили всё, что произошло с 1789 года, чтобы эти, заняв место бывших господ закатывали тут балы и приемы! Как же верно заметил Марат ещё в 1790 году: «Что народ выиграет оттого, что аристократию крови сменит аристократия финансов?»

Не смогли мы сломать шею этим новым феодалам перед Термидором... и в этом наша единственная вина! Тем хуже, значит, закончить Революцию придется нашим потомкам...

Работящая и внимательная девушка, Изабелла предложила ему услуги домработницы и в мае 1798 года заменила пожилую Альбертину, которой стало трудно справляться с многочисленными обязанностями...

Девушку поразила спартанская скромность обстановки нового мэра, часто он приходил домой только ночевать.

Её удивляло, что этот человек заметно смущается малейшему проявлению заботы о себе, было видно, что он к этому не привык, неуверенно, трогательно и мягко этот свирепый с виду человек отвечает на малейшее внимание, самую сдержанную и скромную ласку.

К её удивлению примешивалась смутная нежность и неуловимая жалость. Она думала, человек честный и непод-

купный, в отличие от этих нарядных господ, любителей рассуждать о демократии с трибуны, но в окружении своих, с презрением крестящих народ «дикой толпой» и «чернью», также как и прежние господа. Искренне заботящийся о простых согражданах, не ищущий роскоши и не озабоченный поиском грубых удовольствий, справедливый, но очень одинокий, за что, же все эти люди так ненавидят его?! И чего его боятся? За всё это время она не заметила с его стороны ни высокомерия, ни грубости, ни каких-либо непристойностей...

– Гражданин Куаньяр, я приготовила для вас ужин!

Норбер поднял голову от документов:

– Благодарю вас, Изабель, вы очень добры ко мне!

– Я так и знала, вы снова забыли про ужин, впервые вижу человека, который совсем не заботится о своем здоровье, да оторвитесь же от бумаг, гражданин!, – тон девушки был деловой и хозяйский.

Удивленный Норбер, молча, положил перо, вид у него был озадаченный.

– Вам принести сюда или накрыть в столовой?

– Сюда, если нетрудно, Изабель..

Девушка принесла тарелки, бутылку вина и остановилась рядом с ним. Неожиданно в её тонком лице что-то изменилось, она протянула руку и стала нежно гладить его длинные чёрные волосы.

Куаньяр был совершенно растерян, отшатнувшись от

неожиданной ласки, и вид у него сделался весьма забавный. Его остановившийся взгляд замер на ее лице, когда он про-
бормотал запинаясь:

– Изабель, что с вами.. почему?

– Вы добрый, справедливый, но очень одинокий и несчастный, они вас не понимают и ненавидят..., – и засты-
дившись своего порыва, девушка выбежала из кабинета.

Норбер видел, что побуждения и чувства молодой де-
вушки самые искренние, но он не собирался жениться или
брать на себя любые моральные обязательства, а девушка не
выглядела легко доступной, не искала интимных развлече-
ний, поэтому скромные нежные заботы Изабеллы, выходя-
щие за пределы простой доброжелательности особенно сму-
щали его...

Будь ловелас Жюсом на его месте, вечная тебе память,
бедный Пьер, мученик революции, этот уж ничем бы не сму-
тился...

С тревогой Норбер чувствовал, что решительное объяс-
нение должно произойти очень скоро и с виду строгий и хо-
лодный, как всегда, в глубине души волновался не меньше
молоденькой девушки. Он боялся оскорбить её чувства, да-
же самая мягкая форма отказа всегда жестока и унизитель-
на, особенно для женщины. О чем он при этом думал?

«Удивительно, кажется, не желая того, я стал ее первой
любовью, она мила, ее преклонение и восхищение так бес-
хитростны и наивны, стоило мне лишь подать знак и кто

знает? Возможно, она бы стала моей, но никакого желания подавать этот знак у меня нет.. Девочку даже жаль. Её детская непосредственность и невинность заслуживают лучшего. Всякое желание любить у меня затухло вместе с исчезновением золотоволосой принцессы Санлиса... Ну что ж, это очень больно, но к лучшему!

Отныне вся моя страсть, любовь и верность снова безраздельно принадлежат лишь одной прекрасной даме – нашей Революции. Отдаваясь ей, я теперь не рискую ничем и никем, одиночество ожесточает и освобождает одновременно!

Скорее всего, правы те, кто считает, что я холоден и жесток, но во имя Разума, почему, целый год меня грызет эта ледяная волчья тоска, не отпускает, свободными от работы одинокими вечерами она особенно невыносима, почему мне всё ещё так невыносимо больно?! Время лечит? Как бы не так!!»

Между тем клан дельцов возглавляемый Арно действовал активно, с их стороны на Куаньяра посыпались скрытые угрозы в форме вежливых предупреждений.

Норбер очень быстро понял, что поддержки ему не встретить нигде. Покровители клана Арно сидят в кабинетах Тюильри, когда же добившись приема у крупного парижского чиновника ему отчетливо дали понять, чтобы он оставил в покое «почтенных коммерсантов» и что ему «не забыли» ни близость к Робеспьеру, ни миссию в Майенне. Норбер вернулся в Санлис с твердым решением.

Каков его выбор? Как в сказке: налево пойдешь – соучастником станешь. Направо пойдешь – снова сделка с совестью – «умоешь руки» и станешь бессильным наблюдателем бесчинств «новых господ». А прямо напролом пойдешь – пулю в лоб получишь, чему никто не огорчится, или получишь вызов в Париж, скорый и несправедный суд... и приятную прогулку на площадь Революции с билетом в один конец! Все три варианта одинаково чудесны! Выбирай любой!

В июле 1798 года Норбер решает оставить пост мэра и снова вернуться в Париж. В этой должности он пробыл чуть более года.

Снова начиналась «охота на ведьм», травля якобинцев, многие из них в 1798 теряли должности и положение, вновь обретенные после Термидора. О чём он думал, возвращаясь в Санлис сдавать дела и должность?

Ловко господа-граждане Директории научились затыкать нам рот. Хоть слово о коррупции, нарушениях гражданских прав и тут же клеймо – «нарушитель общественного порядка», хоть слово о жёстком наказании виновных и ты «свирепый фанатик, жаждущий крови!» А еще слово и вообще катастрофа... «где вы служили до 27 июля 94 года?! Заткнись, недобиток, ваше счастье, что вообще живые, но это можно легко исправить!!!» Так с нами обращались после Термидора...

Бывший комиссар Конвента, участник войны с шуанами, решительный и жёсткий человек, обвиняемый врагами рево-

люции в свирепости, он не мог решиться на последнее объяснение с влюблённой девушкой, поэтому он оставил Изабелле письмо. На рассвете 17 июля 1798 года он выехал в Париж, избавив и себя и её от мучительного объяснения...

Куаньяр и Анриэтта Робер

Куаньяр снова снял комнату на той же улице Сен-Жак.. В этот вечер 28 июля он сидел в маленьком открытом кафе, которое облюбовал еще в июле 96-го. Почему эта традиция сложилась именно в это время? Всё просто, 28 июля 1794 он уже был в тюрьме и в июле 1795 тоже, арестованный снова после волнений весны.

С 9 термидора II года Республики прошло уже 4 года... 28 июля он приходил в это или другое кафе и заказывал бутылку коньяка или чего иного покрепче.. Этим жестом он поминал.., что именно? Самого себя, живьем изодранную душу? Саму Революцию и духовно близких ему погибших людей?...

Бывший мэр выглядел неважно, был слегка небрит, длинные чёрные волосы отросли чуть не до лопаток, а он не любил, как положено, связывать их в хвост, и выглядел настоящим вождём краснокожих. Сюртук был весьма потёртым, галстук небрежно полуразвязан, манжеты подмяты в рукава.

– Гражданин Куаньяр... Норбер! Вы ли это?, – услышал он мягкий женский голос. Подняв глаза, он увидел Анриэтту Робер, её поразил его вид, тяжелый остановившийся взгляд,

он выглядел больным. Она присела рядом.

– Я рад вас видеть, Анриэтта.. Мы не виделись уже 4 года..Мне очень хотелось увидеть вас, честное слово, но.. сначала это было невозможно, позднее неловко..

– Что с вами? Что-то случилось? Вы..ты плохо выглядишь.. Как семья, жена, ребёнок.. у тебя ведь есть дети?

– Никого у меня нет, – бросил он коротко и налил вторую рюмку коньяка. Анриэтта отодвинула её.

– Как никого нет.. а она.. та женщина, ты ведь серьезно собирался жениться?

– Она ушла..еще в 96-м. Мы так и не были женаты. Никого не виню, кроме себя...Надеюсь, у вас... у тебя жизнь сложилась лучше?

– Ты хочешь узнать замужем ли я? Нет.. Так изволь объяснить, что именно ты сейчас отмечаешь здесь в гордом одиночестве?

– Ты действительно хочешь знать? Ты помнишь, что произошло в Термидоре 94-го? Я не отмечаю, я поминаю.. в числе прочих самого себя.. Я был намерен пройти с Неподкупным весь путь до конца, чтобы не ждало впереди, слава или могила... – свистящий шёпот и сузившиеся от боли глаза, – согласишься, я же не виноват, что пережил весь этот кошмар и остался жив?!

Анриэтта слушала его с долей непонимания, с ужасом и жалостью.

– Но мне кажется, тебе уже хватит пить...

– Я совсем не так пьян, просто мне очень плохо.. Нас было трое, Пьер, Филипп и я.. друзья с детства.. а теперь я один.. Лоран отличный парень, но в ту жуткую ночь его не было в Ратуше .. Вот и ты не понимаешь.. кто теперь может понять, что я чувствую, что чувствуем все мы.. все, кто еще живы.. «Недобитки Термидора и фанатики», других и слов теперь для нас нет.., – и помолчав минуту продолжал другим тоном, – какой же я идиот.. прости... я так давно хотел увидеть тебя, а встретил и говорю лишь то, о чём следует молчать! Теперь ты сама не захочешь видеть меня...», – она встретила грустный и даже неуверенный взгляд тёмных глаз с покрасневшими белками, – ты не думай, что я спиваюсь, может я не умею жить, но умереть сумею достойно, просто этот день для меня особый..

– Я и не думаю о тебе ничего плохого, – Анриэтта мягко взяла его руки в свои, Норбер замер, – я сама давно хотела найти тебя. Ты сохранил мой адрес? Я и мои родственники всегда будут рады тебе. А сейчас, хочешь, я провожу тебя домой? Где ты живешь?

С удивительной жадностью уцепился Норбер за это предложение:

– Да, проводи меня, не уходи сейчас, мне очень плохо.. Я так давно хотел этой встречи... Я живу буквально за углом, на улице Сен-Жак.. близко..но ты не уходи, не оставляй меня сейчас..

Обстановка одинокой квартиры на улице Сен-Жак бы-

ло весьма спартанской. Своеобразным украшением комнаты служили два портрета Робеспьера и Сен-Жюста, Анриэтта вздрогнула, узнав их и некоторое время отчего-то не могла отвести глаз..

Почувствовав на себе взгляд, она обернулась. Тёмные глаза с покрасневшими белками полные затаённой боли, грусти и неожиданной страсти не отрывались от её лица. Пошатываясь, он подошел к ней совсем близко:

– Ты ведь не исчезнешь так, как ушла она?», – в тихом голосе ясно чувствовалась мольба, – мне очень больно... и отчего все думают, что у меня нет сердца?...

В ярких глазах Анриэтты заблестели слёзы, протянув руки, она нежно коснулась небритых щёк, чувствуя, как он замер на секунды, боясь спугнуть её резким движением. Но видя, что молодая женщина не отстраняется, осторожно поднял её голову за подбородок и приник к горячим влажным губам..

Это были странные отношения, странные 4 года с 1798 до 1802. Анриэтта искренне любила его, но самому Норберу всегда мерещилось в её чувствах нечто досадное, напоминающее о благодарности. Его нежность тоже была вполне искренней, но можно ли это назвать любовью? Тем более, когда есть с чем сравнивать. Он и сам старался не задаваться этим вопросом. Внешне всё хорошо, но отчего же временами на душе кошки скребут...

Всё выглядело вполне радужно, если бы не поднимался

некий осадок с глубины души. Он никак не мог решиться на знакомство с её родственниками, так как войти, таким образом, в их дом означало предстоящий брак, а Норбер не хотел жениться. А она первой не поднимала этой темы, хотя было видно, ждёт его решения. Её 10-летняя дочь Софи жила с ними, Норбер был неизменно внимателен и добр с ребёнком, и Анриэтта могла быть довольна.

Норбера огорчала и даже несколько раздражала излишняя на его взгляд пассивность Анриэтты, чрезмерная уступчивость и даже покорность, почти полное отсутствие собственных потребностей, взглядов и собственного мнения, независимых от потребностей, взглядов и мнения своего мужчины.

Свободное время она проводила с рукодельем, вязаньем или вышиваньем, кроме Библии и дамских романов почти ничего не читала. Была очень ласкова и послушна, кажется, даже смотрела на Норбера несколько снизу вверх, как на существо несравнимо более способное, умное и компетентное, впрочем, большинство мужчин считает именно эти качества воплощением идеальной женственности. Эти качества считались врождённо свойственными «слабому» полу, нормальными, их проявляли почти все девушки и женщины, за редкими исключениями в виде так называемых «синих чулков» или «амазонок».

И всё-таки Анриэтта на его взгляд была чрезмерно замкнутой в эмоциональном узком мире любовного и материнского чувства или в хозяйственных заботах. Природный

ум молодой женщины был достаточно живой и острый, но малоразвитый.

Хуже другое, что Анриэтта, почти не испытывала внутренней потребности в интеллектуальном саморазвитии, в настоящем и глубоком, «не дамском» образовании. С ней, не имеющей абстрактно-отвлеченных, отличных от житейских вопросов интересов, Норберу было трудно говорить на равных, «на одном языке».

Такая женщина может любить и быть верной, но кроме общего хозяйства, общего ребенка и половой близости её с мужчиной ничего не объединяет, у неё нет с мужчиной ничего общего, слишком различен уровень их мышления, интеллектуального развития и круг интересов.

Именно таковы были отношения мужа и жены в абсолютном большинстве браков и большинство стереотипно мыслящих людей, и мужчин и женщин это вполне устраивало...

Некоторое время Норбер из самых добрых побуждений занимался общим развитием Анриэтты. Но философия казалась чрезмерно отвлеченной и «заумной» для ее конкретно-практического склада ума, историю она тоже осваивала с трудом, хотя не без доли интереса. Всё связанное с общественной жизнью и политикой она вообще не понимала и не воспринимала, уверенно считая «мужскими делами».

Её «вселенная» включала в себя только мужчину, чувства и отношения с ним, ребенка и домашний быт, мир за порогом дома для нее словно не существовал. И это при том, что

происходило вокруг..

. Любая тема казалась Анриэтте сухой и скучноватой, если в ней нет места человеческим отношениям и чувствам, в особенности отношениям и чувствам мужчины и женщины. При таких особенностях восприятия, заинтересовать ее чем либо еще, Норбер больше даже не думал.

Очень мало, только чтобы не обижать Норбера, интересовалась тем, что происходит в обществе вокруг них, тем, что было так важно для него, ей словно было неинтересно, либо действительно трудно понять, чем он живет, о чём думает, что часами пишет, как проводит время вне дома.

Анриэтта почти никогда не высказывалась о текущих событиях, он до конца так и не мог понять, республиканка она или роялистка, да, скорее всего, она и сама не знала этого точно, ей было это всё равно.

Анриэтта Робер была очень женственная, «фемининная» женщина, именно поэтому ей важны иные вехи в жизни: любовное чувство к мужчине и материнство, нескончаемые домашние хлопоты.

Что ей взятие Бастилии и штурм Тюильри, что ей абсолютисты и фельяны, бриссотинцы и якобинцы, что ей Термидор и его последствия, наконец, что ей различие политических моделей и абстрактные идеи, всего этого она совершенно не понимает, всё это ей вполне безразлично, и она не очень скрывает это.

Она «слишком женственная» женщина: её естественные

реакции на события и людей это не размышления и сопоставления, а сильные эмоции, глубокие чувства и обостренные физические ощущения удовольствия или дискомфорта, рассудок и чёткие рассуждения не её стихия. В мире мысли ей холодно и неудобно.

Она – республиканка, только если республиканец ее мужчина, но она «за короля», если он роялист... Это явление, столь частое именно среди женщин было не объяснить политическим «флюгерством», скорее это ориентация на добровольную интеллектуальную зависимость и отсутствие всякого самостоятельного мышления.

Нередко она выслушивала его, молча, без замечаний, её несогласие скорее угадывалось, иногда она даже вздрагивала и бросала на него озабоченные, испуганные взгляды, но всегда уклонялась от объяснений своего поведения. Очевидно, что любит, но иногда смотрит чужими глазами, словно не понимает и боится, как такое возможно?

Разногласия между ними стали возникать лишь тогда, когда однажды утром Анриэтта обиженно и горько упрекала Норбера в том, что ночью он, будучи усталым и не вполне трезвым, называл её Луизой. Как назло, в последнее время это случалось всё чаще..

Куаньяр хмурился и злился, чувствуя себя виноватым неизвестно в чём, стараясь удвоить внимание и нежность. Но всё было напрасно. Она больше не упрекала ни в чем, но заметно погрузнела и как-то сникла. Его мучила совесть и

жалость..

Эти отношения были обречены на разрыв. Очаровательная, очень добра и заботлива, видно, что любит, так какого же.. тебе не хватает?... Что или кто мешает?.. О да, конечно же кто.. и он сам знал кто..неразумная мечта.. чёртова память..

Падение Республики, Консулат и Империя 1799-1804

Год 1798 можно по справедливости назвать «якобинским Ренессансом», репрессии были приостановлены, жестоко преследуемые с самого 9 термидора люди получили возможность спокойно жить и работать, многие вернулись на прежние должности.

Больше того, Якобинский клуб возродился под именем клуба Манежа. Норбер с друзьями тут же записались в члены возрожденного патриотического общества, тем более что, наряду с молодежью, в него вернулись многие уцелевшие.

В него вошли все выжившие после Термидора, все, не смирившиеся с последствиями переворота, с жестокими репрессиями и страданиями, выпавшими на их долю, все, не изменившие убеждениям ни из страха тюрьмы и смертной казни, ни из выгоды.

Но большинство уже составляли нео-якобинцы, те, кто в 1792-1794 были еще подростками или юношами 18-20 лет.

В законодательных сферах всё бурлило и кипело. Перво-

толчок всегда исходил от Совета Пятисот, в котором преобладали якобинцы, Совет Старейшин чаще всего лишь следовал за ними без особой инициативы.

Якобинцы брали своё не физическим большинством, но отвагой, инициативой и дисциплиной. Так, под их давлением был принят закон о заложниках, аналог закона о подозрительных 1793 года. Своим острием он был направлен против агрессивных активизировавшихся аристократов (под которыми тогда подразумевались не одни дворяне, но и нувориши), против роялистов, эмигрантов.

Издав несколько грозных декретов Совет Пятисот на время успокоился, но богатый Париж финансистов и банкиров затрепетал, снова увидев перед собой призрак Национального Конвента 1793 года.

Пресса подняла ужасный треск и шум. Ультра-правые кипели ненавистью и осыпали проклятиями левых республиканцев.

Среди последних возродились уличные брошюры и газетки в стиле «папаши Дюшена», нередко смесь грубой ругани с ядовитыми инсинуациями.

Основная газета левых называлась «Газета свободных людей», которую читатели с правой стороны обозвали «газетой тигров». Продавались летучие листки, мрачно предвещавшие скорый конец режима Директории и самой Республики.

В Совете Пятисот правые и левые агрессивно сталкивались, едва не доходило до рукоприкладства. Уставшую пуб-

лику изрядно раздражали эти зрелища.

Чтобы всколыхнуть энергию уставшего народа на борьбу за свои права, левые решились оживить уничтоженные после Термидора патриотические общества и самый главный из них клуб якобинцев в Париже.

Якобинцы искали новое помещение для собраний, найти его удалось не сразу, большинство уставших обывателей сделались либо аполитичными, либо даже враждебными к ним. Но слабость властей дала им возможность занять здание Манежа, одно из «священных» мест Революции. И уже в июле 1799 начались собрания в Манеже...

Во избежание недоразумений, нео-якобинцы сразу объявили о своем родстве с разгромленным после Термидора обществом: «Наше общество – якобинское, мы – якобинцы и намерены оставаться ими».

Под влиянием текущих обстоятельств они вынуждены были расписываться в уважении к буржуазной конституции Директории, из опасений уничтожения отрицали намерение восстановить Конвент и режим 1793 года, они, тем не менее, сохраняли жесты и манеры этого времени.

И всё же, нельзя не заметить, что нео-якобинцы в своей массе желали не столько «крови аристократов», как власти пугали обывателей, сколь карьерного роста и хорошо оплачиваемых должностей.

Также было бы несправедливо не сказать об уцелевшей якобинской оппозиции, честно привлекавшей внимание об-

щественности к экономическим проблемам малоимущих, к тому факту, что после Термидора всю полноту власти и все преимущества захватили крупные собственники, банкиры, финансисты и коммерсанты, безразличные к судьбе нации не меньше прежних герцогов и маркизов.

Удивительно, но для многих новых якобинцев Робеспьер был уже скорее «идейным предком», хотя с его убийства прошло всего 4-5-6 лет, непосредственными «предтечами» и «мучениками идеи» для этой молодежи были монтаньяры 1795 года, поддержавшие бунт голодных парижан против термидорианского Конвента – Ромм, Гужон, Субрани и другие. Духовным лидером другой их части был Гракх Бабёф.

Тем более бурная и беззастенчивая пропаганда Термидора за 4-5 лет привела к тому, что подействовала и на умы самих якобинцев, немало их количества. Имя Неподкупного стало вызывать одни негативные ассоциации с практикой революционного террора, с гильотиной. Для новых якобинцев эти ассоциации были смертельно опасны и невыгодны, они скорее отталкивали обывателей, чем привлекали. Открыто назвать себя поклонниками Робеспьера решились бы уже единицы.

Воины Духа, Идеи и Принципов против политических конкистадоров...

Из восточного департамента, городка Лон-ле-Сонье пришли печальные известия, местные патриоты писали о жестоком убийстве 30 товарищей...

Убийцы (это могли быть как роялисты, так и мюскадэны- новобуржуазная "золотая молодежь") насильно вывезли за город наиболее активных местных якобинцев, людей связали. На пустынном участке дороги развернулась свирепая бойня.

Якобинцев убивали связанными, не оставив ни малейшего шанса сбежать или защищаться. В ход шло только холодное оружие, людей рубили саблями, с остервенением избивали металлическими прутьями и ногами. Раздавались отчаянные крики ужаса и невыносимой боли, хрипы и стоны умирающих людей, земля пропиталась кровью...

У этого чудовищного зверства нашлись и «благодарные зрители» из местных жителей, в том числе молодые женщины, которые поднимали ребятишек повыше, чтобы те могли всё увидеть, а малыши, ничего не понимая, но видя радость родителей, хлопали в ладошки...

Убийцы не успокаивались, пока измученные, изломанные тела не теряли всякое человеческое подобие, направлялись туда, откуда еще слышался хоть слабый стон и хрип, где замечалось малейшее движение...

Среди убийц вальяжно разгуливал нарядный старичок, в старомодном парике и кафтане, в башмаках с красными каблуками, он нюхал табак и оживленно помахивал тростью. Он внимательно, с удовольствием разглядывал изувеченные трупы, и был не прочь подкрасить кровью свои выцветшие каблуки, шагая по корчащимся полуживым телам...

Чудовищное преступление вызвало в Париже гнев и возмущение патриотов, с трибуны клуба Манежа Брио, член Совета Пятисот, призвал власти к возмездию, но не ответных погромов, а справедливого суда требовали вечно обвиняемые в «кровожадности» якобинцы! Не тут-то было, власти снова нашли дерзким и недопустимым их требование и сам факт оживления их активности.

Их надежды были преждевременны, термидорианцы очень боялись возрождения влияния своих вчерашних товарищей и вчерашних жертв.

Выборы 1798 года, вновь принешие победу многим якобинцам были тут же признаны недействительными! Решением властей клуб Манежа был официально закрыт в августе 1799 года.

Впоследствии министр полиции Фуше, изменник Революции, один из организаторов убийства Робеспьера хвастался, что его противники жалкие трусы и болтуны, которых он легко усмирил и разогнал.

Правда же в том, что к зданию Манежа предусмотрительно отправили целый отряд драгун, и сопротивление со стороны членов клуба было бы утоплено в крови, да и бессмысленно в принципе...

Более умеренное крыло якобинцев, в их числе бывший робеспьерист 24-летний Марк Антуан Жюльен, чьи взгляды за прошедшие 4-5 лет сильно эволюционировали вправо, смирилось с этим решением. Более решительные и ради-

кальные республиканцы, абсолютное меньшинство, уцелевшие люди Робеспьера смирились только с виду, в их числе оказались Метж и Брио, Куаньяр и Лапьер.

По существу, те, кого «усмирял» Бонапарт уже были большей частью «новые» якобинцы, те, которые были очень молодыми, почти подростками в 1793-1794 году и не принимали активного участия в событиях тех лет.

Якобинцы «первой волны», так называемые «люди 93-года» после кровавых репрессий Термидора, весны 1795 и казни Бабефа и его товарищей, сделались меньшинством среди младших товарищей.

Корсиканский диктатор кичился тем, что он « без особого труда и риска разогнал» якобинцев осенью 1799 года, как брехливых щенков, умеющих только лаять, но не кусать, но каких «якобинцев»? Именно эту неопытную и весьма «умеренную» в идейном отношении молодёжь...

Настоящих же якобинцев «образца 1793 года», бывших депутатов и комиссаров Конвента Бонапарт нешуточно ненавидел и всерьез опасался их «ренессанса», именно эти опасения объясняли крайнюю жестокость диктатора в их отношении в годы Консулата и Империи...

Возрождение якобинских клубов в 1799 году привело к эксцессам, которые Париж не видел уже больше двух лет: к уличным беспорядкам и дракам. Яростные речи обитателей Манежа оживили и их контрреволюционных противников – уличных погромщиков мюскадэнов, точнее им на сме-

ну на улицы вышли их младшие братья, в то время как старшие, «отличившиеся» после Термидора приобрели светский лоск и заняли солидные должности.

Из молодых парижан, принадлежавших к обеспеченным классам, образовались группировки, намеренные силой вышибить дух революции из якобинцев и любыми средствами воспрепятствовать восстановлению режима 1793 года.

Общественное мнение большей частью встало на сторону уличных экстремистов «белых». Ловить и избивать якобинцев воспринималось, как способ показать свою физическую силу, верность либерально-буржуазным либо даже роялистским убеждениям, а часто и просто как спорт, «забава золотой молодёжи».

Но если якобинцы защищались «слишком» успешно и молодым господам приходилось убираться, размазывая кровавые сопли и держась за разбитые головы, состоятельное общество поднимало крик об «угрозе возрождения санкюлотизма и уличных зверств 1793 года».

Видимо тут проблема лишь в том, кому позволено терроризировать других, а кому нет... Можно – богатым буржуа ради нерушимой власти собственников... ах нет, надо говорить «ради ценностей либерализма», можно – дворянам «Именем короля!», «За Трон и Алтарь!» Тогда любые зверства в отношении простолюдинов и республиканцев объясняются «защитой существующего порядка», но ес-

ли всё строго наоборот... если санкюлот и якобинец против дворян и буржуа... вот тогда это «ужасы Революции»...

В ответ на агрессию мюскадэнов начали формироваться сходные группировки санкюлотов, начались массовые столкновения на улицах.

Так, мюскадэны окружают здание Манежа, где собираются якобинцы и организуют своеобразную блокаду. Когда очередное заседание клуба закончилось, и люди стали выходить на улицу, их встретили дикими криками, бранью, свистом, камни полетели в окна здания.

У всех выходов из Манежа завязалась настоящая свалка.

Мюскадэны бросались камнями, в саду ломали стулья и с этими импровизированными дубинками бросались на якобинцев, многие из «золотой молодёжи» были вооружены особыми тростями, полыми внутри с вложенной внутрь шпайгой, у большинства были пистолеты, но до массовых убийств, по счастью, дело не дошло.

Стон стоял по всему саду, солидные буржуа, пришедшие подышать свежим воздухом и их изящные дамы в длинных газовых платьях и шляпках, кричат от ужаса и кидаются врассыпную. Появилась стража Законодательного Корпуса и стала разгонять агрессивную толпу. Среди задержанных было меньше дворян-роялистов, чем молодых буржуа и даже мелких торговцев и лавочников.

Массовая драка продолжилась и на второй и на третий день, к большому огорчению мирно гуляющих граждан.

В городе обе стороны устраивают манифестации, по улицам Парижа с криками и песнями разгуливают враждующие группировки мюскадэнов и якобинцев. Лавки запираются, паника нарастает.

Закончилось тем, что Совет Старейшин отнял здание Манежа у якобинцев, при этом собрания их противников никто не запрещал. Левые республиканцы заняли другое помещение на улице Бак.

Но общественное мнение, формируемое властью Директории, всё беспощаднее и упорнее травило их, через газеты и различные брошюры: «Вешайте якобинцев! Вот убийцы народа! Посмотрим, кто посмеется последний, закрывайте свои лавочки, якобинцы открывают свои! Список виднейших якобинских животных, живых и редких экземпляров, переведенных из клеток в Ботаническом саду в зверинец Манежа, вся коллекция якобинских типов: медведи, тигры и обезьяны!»

Несмотря на физическую малочисленность, их партия в глазах власти считалась опасной, очень сильной и организованной.

Якобинцы вовсе не болтуны и фразёры. За ними не только цветистые и грозные речи с трибуны, за ними стоят дела: штурм Бастилии и Тюильри, оборона страны от роялистского подполья и интервентов, за ними времена Конвента и Комитета Общественного Спасения, да, и, конечно же, революционный террор... как же про него не вспомнить... послед-

ний пункт, новые власти (изменники "выкресты" из бывших якобинцев) не забывали ставить обществу на вид.

То, что в 1798 произошло с Манежем, было будто репетицией перед переворотом 1799 года.

Генерал Бонапарт точно также обошелся с непокорными его воле депутатами Совета Пятисот, среди которых было много якобинцев.

Переворот едва не был сорван их фракцией, возмущённые наглостью и цезаристскими претензиями генерала люди бешено кричали: «Вне закона диктатора! На гильотину! В Кайенну его!»

Он в эти минуты успел вспомнить страшную судьбу Робеспьера, ему уже мерещился новый Термидор и казнь без суда.

Бонапарта окружили, обзывали последними словами, хватали за воротник, ему угрожали кинжалы, он растерянно произносил высокопарные и нелепые фразы, когда в зал ворвались солдаты и переломили ситуацию в пользу своего генерала...

«Голосование» под угрозой прикладов и штыков едва ли можно признать добровольным! Возможно, в этот день родилась та бешеная ненависть диктатора к якобинцам, едва не сорвавшим переворот, они подвергались жестоким репрессиям, заключениям и ссылкам без суда, все 15 лет тиранического правления самозванного императора...

Непокорные журналисты подверглись репрессиям, неза-

прещенными остались только несколько газет из прежних сотен изданий. Эта новая пресса была «ручной», послушной, она писала уже лишь о том, что разрешено и лишь в таком тоне, как разрешено...

Поток официального лже-народного «восторга» и славословия в адрес Бонапарта переходил все мыслимые разумные границы, так создавалась иллюзия «всенародной любви» к будущему императору! Ясное дело, что означает «единодушное одобрение масс» при военной диктатуре!

Удача корсиканца состояла в том, что обе враждебные его власти силы, "синие" и "белые" (республиканцы и роялисты), были, не менее остро враждебны друг другу и никогда не смогли бы объединить усилия.

Теоретически представим следующее, даже, если бы они смогли преодолеть взаимную, лютую, ненависть и объединились против Бонапарта, то после победы сразу же сцепились бы насмерть прямо на ступенях Тюильри...

Якобинцы в случае падения Бонапарта желали бы видеть Францию демократическим правовым государством с республиканской формой правления и первым делом назначили бы выборы в новый Конвент, роялисты мечтали о восстановлении королевской власти, дореволюционных порядков и собственных дворянских привилегий. К власти вернулся бы брат казненного Людовика Шестнадцатого...

Непримиримые, честные и принципиальные люди обеих партий, вчерашние противники в гражданской войне, теперь

одинаково подвергались репрессиям, отправлялись на эшафот, изолировались в закрытых психиатрических лечебницах под видом «сумасшедших».

Бонапартистская идеология заявляла, кто же, кроме умалишённых или бешеных может быть против власти Бонапарта, этого «благодетеля и отца народа! Которому еще предстоит осчастливить вскоре всю Европу от Дублина и Лондона до Москвы и Петербурга?»

Чтобы дискредитировать республиканцев в глазах общественного мнения бонапартисты придумали объявлять их «сумасшедшими» и запирали в психиатрические лечебницы, в известном смысле это хуже тюрьмы, даже хуже казни.

В тюрьме или на эшафоте человек приобретает ореол «мученика за идею», его пример способен вдохновить республиканцев или роялистов, но побывав в такой лечебнице, получит унижительное клеймо, обрекающее его на пренебрежение и недоверие людей: «Что взять с сумасшедшего, он же содержался в клинике Дюбюиссона?»

Но, по счастью, это действовало не всегда. К примеру, умственные способности генерала Мале не могли подвергнуться сомнению...

Либо объявляли представителей якобинской оппозиции союзниками роялистов, купленными на английское золото. Этот вариант дискредитировать противника работал еще лучше первого. Но он же и самый бредовый и бессовестный.

Так, против непокорного Бонапарту генерала-республи-

канца Моро распространяли клевету такого рода... Якобинец, чья неподкупность и принципиальность известна, союзник роялистов? Банально подкупленный?

Этому отказались верить не только товарищи, реакция представителей «белой» партии тоже характерна, роялисты сами смеялись над столь грубым вымыслом бонапартистов, и они отлично понимали, для чего диктатору нужна эта клевета...ему нужно любой ценой свалить опасного противника...

Что же на самом деле произошло? Бонапартистский агент Меэ де Ла Туш, по заданию прикидывавшийся якобинцем, сумел выманить из Лондона вождя шуанов Кадудалю. Ла Туш, человек с тёмным прошлым, приспособленец без чётких убеждений, без совести и каких-либо принципов, начал свою «карьеру», как полицейский агент еще при короле, затем тщательно изображал «пламенного революционера», но после трагедии Термидора без колебаний отрекся от прежних товарищей, участвовал даже в репрессиях против них, теперь агент бонапартистской тайной полиции...

Он выманил Кадудалю из Лондона фантастической историей о том, что он действует от имени «тайного якобинского клуба» Парижа и якобинцы «в свете текущих событий согласны отказаться от идеи Республики и демократии и стать союзниками роялистов в борьбе с Бонапартом, согласны даже на установление монархии после победы! Переговоры с Кадудалем должен вести генерал Моро...»

Большей дикости, чем альянс «белых» и «синих» нельзя было придумать, непонятно, как провокатор Ла Туш сумел убедить Кадудалья в физической возможности такого чудовищного альянса революционеров и контрреволюционеров?! Как бы там ни было, вождь шуанов с риском для жизни, приехал в Париж и встретился с Моро, крайне удивленным и сразу категорически отвергшим всё вышеизложенное...

Но провокатор свое грязное дело сделал: Кадудаль и Моро встретились, их встреча зафиксирована агентами, остальное дело техники...

Известно, что куда терпимее относился диктатор к роялистам, активно привлекая аристократов на свою сторону. Его «двор» состоял частью из изменников Революции, научившимися гнуть спины ради орденов, гордившихся обретенными титулами, частью из смирившихся с режимом аристократов!

Эти люди, вчерашние враги в гражданской войне сошлись при дворе самозванного монарха!

«Ни красных колпаков, ни красных каблуков»? О да, при его дворе сошлись только конченные предатели и лизоблюды от обеих, враждующих в недавней гражданской войне партий!

Некоторая часть крайних роялистов отреклась от слабых, не умеющих отстоять свою власть Бурбонов. Их приход ко двору корсиканца вполне объясним, этим был важнее сам

принцип жёсткой авторитарной власти в стиле Людовика Четырнадцатого и отказ от всяких уступок простолюдинам. Всё что угодно для них лучше, чем якобинская Республика!

Для предателей Революции, термидорианцев, всё обстояло также, всё лучше, чем возвращение к власти якобинцев!

Оскорбленными в своих лучших чувствах остались либо верные Бурбонам роялисты и их либерально-конституционные собратья, либо уцелевшие якобинцы, "люди 93 года".

Характерны в числе предателей-якобинцев Гюллен, участник штурма Бастилии, о, пардон, теперь он бонапартист и граф Империи, женатый на аристократке, не так удивляют превращения Фуше из сторонника Жиронды в якобинца, притом из крайних ультра, в термидорианца и убийцу вчерашних товарищей, затем бонапартиста и наконец, свершилось чудо, сторонника монархии Бурбонов! Здесь хотя бы всё предельно просто, у Фуше не было никаких принципов и убеждений, интриган и карьерист, такие как он, всегда на стороне победителя, и горе побежденным!

Наполеона откровенно ненавидел якобинцев, тех, кто оставались таковыми вопреки выгоде и личной безопасности, эти отважные непокорные люди, которых ему не удавалось ни подкупить, ни запугать, ни заставить смириться и молчать.

Вспомним расправы над якобинцами после взрыва на улице Сен-Никез. Наполеон сразу же приказал Фуше начать составление проскрипционных списков, предварявшие аре-

сты, казни и ссылки сотен людей. Своих противников с правого фланга – роялистов, сторонников монархии Бурбонов он не тронул. Хотя «адскую машину» применили именно они.

Даже когда расследование выяснило невиновность якобинцев и роялистский след, это не произвело на диктатора ровно никакого впечатления, он приказал Фуше молчать и составить списки самых видных республиканцев, аресты и высылки уцелевших якобинцев на каторгу в Гвиану продолжались.

По поводу арестов, казней и ссылок невиновных людей он сказал:

– Они осуждены за то, что сделали и за то, что еще могут сделать...

Бессудным арестам и казням якобинцев бонапартисты нашли обоснование: «защита существующего строя против мятежников и заговорщиков»...

Но когда примерно также республиканцы обходились с роялистами, «белыми» интервентами и шуанами в 1793-м, аристократы, священники и все сочувствующие монархии называли это «якобинским зверством».

Стенания иных историков и писателей по судьбе дворян и иных крупных собственников это вовсе не оскорбленные «христианские» чувства, а обычная классовая солидарность богатых.

При этом их совершенно не трогала судьба «презренных

простолюдинов», их прорывало дикой ненавистью и злорадством, когда речь шла о репрессиях против ненавистных им революционеров, о казнях якобинцев.

Что же это за «христианские» чувства, если они распространяются строго на один класс общества, или только на единоверцев, на одну нацию, одну расу?!

Все привыкли, что веками богатые и их дети «золотая молодежь» безнаказанно убивали бедных несправедливыми, жестокими законами и голодом, развлекаясь, безнаказанно насиловали крестьянок, но всех ужасают санкюлоты, штурмующие королевский дворец и убивающие аристократов.

Солидным и обеспеченным господам вполне безразлична судьба миллионов крестьянских детей и маленьких жителей рабочих кварталов, но нас хотят разжалобить судьбой герцогини, оставшейся без особняка и прислуги или судьбой принца, которого Революция лишила будущего трона и власти.

Горе, унижения и страдания бедных – привычная обыденность, но слезы изнеженной дворянки-эмигрантки, лишившейся роскошного имения, кареты с гербом и лакеев – преподносятся как «ужасная трагедия»...

Что же это иное, как не двойная мораль?

Лето 1804 года.

Куаньяр и Лапьер в это время оказались почти на нелегальном положении, тогда им выпала честь в 1800 году познакомиться с Бернаром Метжем.

Вчерашние якобинцы к тому времени сформировали тайное общество филаделффов – боевую подпольную революционную организацию, основанную товарищем Робеспьера итальянцем Филиппом Буонарроти, лучшим конспиратором начала 19 века. Чуть позднее именно от филаделффов, в первые годы 19 века отделилось новое тайное общество, известные карбонарии...

Но даже слухи о существовании организованной активной оппозиции не должны были проникнуть в печать, общественность должна считать все эти покушения делом рук отдельных личностей, конечно же «дураков» или «фанатиков», будто-бы не имеющих, ни малейшей поддержки. Так поддерживалась иллюзия непоколебимой прочности режима и единодушной «всенародной любви» к самопровозглашенному императору...

Бернар Метж – уникальный человек и "добрый патриот", в том смысле, в каком понимали это "люди 93 года", родом с юга, из Каркассона, до термидора он был членом местной администрации. Люто ненавидимый местными роялистами и дельцами-нуворишами, он бежал из Каркассона в Париж, подобно тому, как парижские якобинцы после термидора торопились выехать из столицы.

При аресте в его портфеле были найдены «крамольные сочинения», в которых автор требовал смерти диктатора... Из под ареста Метж бежал, нанеся при этом полицейскому несколько ударов кинжалом.

Скрывался Метж в нечеловеческих условиях, бонапартистские псы преследовали республиканца так активно, что ночевал он каждую ночь в разных местах, нередко не самых подходящих...

Но он лишь гордился своими страданиями и репрессиями, сравнивая свое положение с положением Марата в 1789-1791 годах!

Но на этот раз сам Метж, осторожный и крайне недоверчивый посоветовал Куаньяру и Лапьеру неожиданное убежище в Сен-Жерменском предместье, населённом аристократами. Что ж, самое темное место – под фонарем!

– Эта женщина из «бывших», молодая вдова, герцогиня д, Аркур, понимаю ваши опасения, но она не от мира сего и я скрывался в её особняке уже много раз. Теперь знаю, не выдаст. Поверьте моей интуиции, другого выбора у нас сегодня нет.

Лапьер согласился охотно, он слишком устал, а безопасный кров предполагал еще сытный ужин и ночлег...

– Мы должны хорошо отдохнуть, учитывая, что ждет нас завтра, «адскую машину» следует испытать где-нибудь на глухом пустыре, чтобы от корсиканского выроodka наверняка не осталось целого клочка! Роялисты сделали ценное изобретение, но устроенный ими взрыв на улице Сен-Никез не достиг желаемого, теперь послужит оно нашей святой цели, граждане!

Норбер оказался на удивление хмур и упрям:

– От усталости вы оба сошли с ума! Вы можете доверять проклятой аристократке? Ублюдкам Бонапарта мы поднесем свои головы на золотом блюде!

Метж сделал небрежный жест:

– И всё же мы остановимся у неё, Норбер! А вот и интересующий нас особнячок, ждите, граждане, я вас позову!

Через четверть часа лакей в ливрее («Словно при старом режиме!» – с крайней неприязнью подумал Норбер, – словно 89 год еще не наступил и Бастилия еще стоит!») предложил им войти:

– Госпожа герцогиня ждёт вас в столовой, время ужина, месье... я хотел сказать, граждане!, – кислая гримаса на лице старого «слуги феодализма» ясно показывала, что якобинцы ему не более симпатичны, чем он им, но раз приказ госпожи герцогини, что же делать? Принять «мерзавцев», как дорогих гостей и молчать об их присутствии в доме...

Лапьер и Метж с насмешкой переглянулись, Норбер, стиснув зубы, промолчал... Он не мог себе представить, какой роскошный и жестокий сюрприз ждёт его в этой изящной столовой...

Герцогиня Луиза д, Аркур

Герцогиня д, Аркур встретила товарищей в столовой, жестом приглашая к сервированному столу. Лапьер ухитрился отвесить вполне изящный поклон, уроки графа де Турнэ даром не пропали, Метж вежливо, но сдержанно склонил го-

лову, а Норбер... он остался стоять неподвижно, не сводя остановившегося взгляда с лица молодой женщины...

Луиза, а это была именно она, тоже страшно побледнела и заметно изменилась в лице, под внимательным взглядом Лапьера она быстро взяла себя в руки.

– Прошу к столу, граждане, я ждала вас.

– Я должен представить вам моих спутников, – Метж жестом указал на Лорана и Норбера, – гражданин Лапьер и гражданин Куаньяр.

Если бы Метж был меньше озабочен едой, он мог бы заметить, что на этот раз разговор за столом был вял, и часто прерывался, наступало слегка неловкое молчание.

Менее голодный, а потому более внимательный Лапьер отметил странные взгляды молодой герцогини, обращенные на Куаньяра, тот же, напротив, демонстративно отводил взгляд, подчёркнуто изучал тарелку и содержимое стола...

После ужина слуга проводил каждого из секретных гостей герцогини в отведенные для них комнаты...

Поздно вечером, дверь в комнату Куаньяра бесшумно открылась. Норбер под впечатлением от встречи не мог заснуть, он сидел в кресле напротив камина, устремив неподвижный взгляд на огонь. Когда Луиза подошла к креслу, он не повернул головы.

– Норбер, выслушай меня, – её голос звучал робко и умоляюще.

– Я слушаю вас, мадам, – его голос прозвучал отстранён-

но и обманчиво ровно, она не могла понять, как мучительно трудно даётся такая холодность. Он задыхался...

– Сама судьба привела тебя в мой дом. Это мой шанс. Поэтому прошу.. нет, умоляю тебя, выслушай меня до конца.

Он не видел, как нервно дрожали её руки, стискивавшие платок, как стучали зубы, точно в лихорадке.

– Я вас внимательно слушаю, мадам, – лишь повторил он, не поворачивая головы от камина.

– История этих последних семи лет ужасна для нас обоих...

Не выдержав, Норбер впервые прервал Луизу:

– Отчего же для обоих, мадам? Вы нашли себе мужа «подходящего» происхождения, теперь вы богатая вдова, у вас двухэтажный особняк в центре Парижа, ребёнок.., ведь у вас есть ребёнок, мадам? Вы должны быть вполне счастливы, вы получили всё, чего хотели..

– Ты жесток, Норбер, – она помолчала, – впрочем, я это заслужила. И всё же в третий раз прошу выслушать меня. Прислушавшись к доводам дяди Этьена, я причинила страдания тебе и одновременно разрушила собственную жизнь, в моём поступке содержится и моё жестокое наказание, Норбер. Жизнь с нелюбимым человеком это просто физическое существование. Просыпаться на мокрой от слёз подушке, каждый раз придумывать для этого глупые объяснения вроде слабых нервов и ночных кошмаров..стыдиться за себя. Ан-

туан был хорошим человеком, кажется, он по-своему даже любил меня. Но выходя замуж без любви, я так и не сумела его полюбить. Тогда я стала мечтать о ребёнке, чтобы посвятить себя малышу и отвлечься, но он был немолод, и как оказалось, весьма серьёзно болен, он и слышать не хотел о приемном ребенке, а Бог не дал нам своих детей, да, кажется, он и вовсе не хотел иметь их. Не хотел менять привычный образ жизни. Сейчас я думаю, что это правильно, детей надо рожать от любимого человека... Я часто скрывала в своем доме преследуемых республиканцев.., я думала, может и тебя тоже спасёт чье-нибудь милосердие. Тем более я отнюдь не стала бонапартисткой в отличие от кузена... Хватит обо мне.. А как сложилась твоя жизнь, у тебя есть семья?

Ответ был предельно короток:

– Нет, мадам.

– Опять мадам? Ты забыл моё имя, Норбер?

– Я знал Луизу де Масийяк, но герцогиню д, Аркур я не знаю...

Она с трудом проглотила тяжелый комок:

– Почему ты не отвечал на мои письма? Всё могло быть иначе! Я ждала единственного шага с твоей стороны, чтобы на коленях умолять тебя о прощении и вернуться, но ты для такого шага слишком самолюбив...

Норбер порывисто повернулся в её сторону и впервые за всё время взглянул прямо в глаза:

– Письма? Во-первых, я не получал никаких писем! И мои

письма также оставались без ответа! Только через пять месяцев де Бресси удостоил меня письмом, в котором сообщил, что ты вышла замуж, и настаивал, чтобы я исчез из твоей жизни!

С минуту они смотрели друг на друга широко раскрытыми глазами, первым опомнился Норбер и мысленно послал проклятие де Бресси: («Всё-таки подозрения не напрасны! Так вот кому всё-таки обязан! Твой любезный дядюшка, ну спасибо! Отблагодарил за всё!»)

– Как же он мог, он совсем не жестокий человек и он уважает тебя, Норбер, я не понимаю, зачем!

Луиза вынула из шкатулки письмо: «Держи, прочитай это. Дядя прислал мне его тогда, в мае 1796, это письмо оказалось провокационным, подогрело мои глупые сомнения и колебания... Ты имеешь право это прочесть.. ты должен знать об этом..»

Норбер молча развернул листок:

«Я лишь высказываю свое мнение, но не стану его навязывать, решать тебе, в любом случае, я приму твой выбор... Это жестокий и фанатичный человек, пусть и не лишенный налета дикарского благородства... вспышке его страсти все мы обязаны свободой и жизнью, но всё же, не строй себе иллюзий о глубине его чувства... эти люди не умеют любить, в их сердце существует только одна прекрасная дама, их Революция, знаю, что тебя отталкивают его якобинские убеждения и его товарищи, депутаты Конвента, агенты Обществен-

ной Безопасности... не поймет, не пожалеет и не простит, твои чувства разобьются об это бронзовое сердце!... Я тоже очень благодарен ему, никогда не откажу в помощи, если таковая понадобится, но никогда не забывай, этот «добрый и нежный» кавалер в Майенне легко подписывал сотни смертных приговоров роялистам, людям нашего общества... Добрый?! Побойся Бога! Тигр тоже умный и красивый хищник, но лучше держаться от него на расстоянии. Вы из разных миров и семьи из вас не получится...», – подавляя закипающий гнев, не дочитав, Норбер вернул Луизе письмо.

С минуту он молчал, опустив голову. Вот как, спасибо господин де Бресси, спасибо за всё.. значит «хищник», «бронзовое сердце», значит, вы лучше меня знаете, умею я любить или нет...

Луиза тоже молчала и не сводила с него широко раскрытых глаз, пытаясь понять, подействовала ли на него её страстная исповедь и это старое письмо.

Огромным усилием воли Норбер сумел взять себя в руки и сохранить невозмутимый вид, он вспомнил о том важном и опасном деле, что ожидает завтра и решил оставить решительное объяснение на потом.

– Завтра рано утром я уйду, – коротко бросил он и увидел даже в свете камина, как сильно побледнело лицо Луизы, из этого ответа она сделала свой вывод, сердце Норбера больно сжалось, и всё же он это сказал – а теперь прошу вас, мадам, оставьте меня, я чудовищно устал»...

Прижав руки к груди и опустив голову, с трудом сдерживая рыдания, молодая женщина вышла из комнаты.

Но уже около пяти утра она снова была в его комнате, слишком боялась, что избегая объяснений, он уйдёт на расвете, и была права, Норбер уже был одет. Большую часть ночи он не мог заснуть. С отчаянием ловила Луиза его взгляд, я ещё увижу тебя? Ты вернёшься?... Понимаю.., значит, ты не простил меня...

Простил ли Норбер её? Сколько же лет он мечтал об этой встрече во сне, в своей одинокой комнате на улице Сен-Жак, наяву потеряв всякую надежду... Господи, более всего на свете хотелось ему сжать в объятиях эту женщину, прижать к груди, приласкать и успокоить, хотелось уткнуться лицом в ее колени, он не мог видеть слёз, катившихся градом по бледному лицу. Но именно поэтому он и отводил взгляд...

Для себя Норбер решил немедленно вернуться после испытания бомбы – «подарка императору», в случае неудачи их еще вполне мог ожидать арест, скорее всего и казнь, Норбер не хотел пока давать ей надежду.. Но, черт возьми, как же мучительно тяжело и больно видеть её страдания... Ну надо же было придумать.. «бронзовое сердце»!

Не имея сил взглянуть ей в глаза, у самого порога он бросил вполоборота: – «Прощайте, мадам!»

Норбер уже вышел из дома.

Он не знал, в каком отчаянии Луиза бросилась в комнату Лапьера, зная, что он еще там, и не задумавшись о том, как

это может выглядеть, буквально умоляла его устроить так, чтобы «гражданин Куаньяр» вернулся в её дом, спохватившись, она сослалась, что имеет к нему очень важное дело...

Уже на улице, оставшись наедине с Куаньяром, Лоран со смехом рассказал товарищу о странном поведении гостеприимной хозяйки, он истолковал её поведение по-своему:

– Красавец санкюлот! Ты пользуешься успехом у аристократок, Норбер! Она вполне откровенно не спускала с тебя глаз весь вечер! Вдовушка просто взбесилась от страсти, ты бы видел, как она без ложной стыдливости умоляла меня уговорить тебя вернуться!

– Ты несёшь чушь!, – огрызнулся Норбер, – ему было остро неприятно, что Лоран говорит о ней в таком тоне.

А тот искренне не понял агрессивности товарища:

– Ты просто зануда! Нигде не написано, что к революционным принципам и патриотизму в нагрузку прилагается аскетизм! Где твои глаза, она настоящая красотка! И кажется, она хочет тебя! Пользуйся моментом!

– Заткнись и никогда больше не возвращайся к этой теме!, – потеряв терпение, зарычал Норбер.

Норбер не знал о разговоре, состоявшемся вчера вечером в кафе между Лапьером и Метжем после его ухода.

– Чёрт! Забыл ему сказать, что наши собираются здесь завтра вечером, но повод более приятный, чем совещание! Ты тоже не знал? У нас намечается вечеринка, хороший стол, доброе вино и хорошенькие и не слишком строгие девоч-

ки!, – спохватился Метж.

Лапьер отмахнулся:

– Он бы не пришел! Я уже забыл, когда мы в последний раз отдыхали вместе. После того, как его бросила какая-то аристократка, он совсем свихнулся и теперь ненавидит их еще больше, чем обычно.. если такое возможно.. Я вижу, что женщины им интересуются... У него хоть вообще есть женщина?

– Я за ним со свечой не хожу, но года три-четыре он жил с молодой особой из Нанта, её звали Анриэттой Робер, хорошенькая и добрая, кажется, она даже любила его и чего не жилось? Но сейчас не знаю женщины, которую с основанием можно назвать его любовницей.. А проституток он принципиально презирает..., – растерянно пожал плечами Метж.

– Я так и думал, а тебя завтра снова будет пасти твоя мадам Фуэс, чтобы не выпил лишнего и не залез кому-нибудь под юбку!, – при этих словах Лапьер наткнулся на беззловонную усмешку Метжа.

Вспомнив этот разговор, Лоран пренебрежительно взглянул на Куаньяра и пожал плечами, пришлось перевести тему, к ним подходил Метж с товарищами.

Якобинцы приближались к пустырю за госпиталем Сальпетриер...

– Гражданин Куаньяр! Беда! Остановитесь же.. я бежала за вами полдороги!

Куаньяр узнал горничную Луизы. Девушка задыхалась,

прижимая руки к груди, лицо было очень бледным, в глазах настоящий ужас. Она поманила его к себе.

– Что случилось?!

– Она пыталась покончить с собой! Я оставила с ней сестру.. как бы она не вздумала еще раз..

Ужас девушки передался Норберу, он резко бросил товарищам, не считая необходимостью что-либо объяснять, решительно отмахнулся:

– Идите без меня!

Взмахом руки остановил извозчика.

Смертельно бледный, нервно вздрагивая, остановился он на пороге комнаты.

Луиза лежала на широкой постели, рядом сидела молоденькая служанка, увидев Куаньяра, она, молча, выскользнула за дверь.

Золотистые волосы разметались по подушке, она повернула к нему голову, припухшие глаза заискрились, побелевшие губы слегка задрожали:

– Ты всё-таки пришёл...

На неё было больно смотреть. Проглотив тяжелый комок, Норбер опустился на колени около постели, стал целовать тонкие руки.

– Прости меня.. если сможешь..Я действительно чудовище.. и у меня бронзовое сердце..», – вырвалось сквозь зубы, – за такую черствость я сам заслуживаю гильотину...

Она лишь слабо и счастливо улыбалась, и молча, гладила

его по волосам, прижимая к себе.

Допрос схваченных якобинцев вёл важный молодой бонапартист д, Уарон с орденом Почетного легиона, приколотым к серому сюртуку. Немногого ему удалось добиться, арестованные держались уверенно и спокойно, хотя знали, что диктатор уже разрешил применение пыток к политическим заключённым, но в данном случае такого распоряжения явно не было.

И вот сюрприз! Неподалёку, опираясь о подоконник, стояли старые знакомые Норбера, Клерваль и Кавуа, бывший регистратор трибунала и агент Общественной Безопасности, «бывшие» якобинцы, «бывшие» термидорианцы, а ныне «верные и убеждённые» бонапартисты...

О, эти всегда рядом с победителем и горе побеждённым!

Куаньяр, не присутствовавший лично при испытании «адской машины», сразу понял, что включен в список на арест не без их «дружеского» участия. Но на этот раз враги промахнулись, прямых улик против него не нашлось, потому оба выглядели особенно угрюмыми и злыми. Оба за всё время допросов не произнесли ни слова, спокойная беспристрастность чиновника не давала им шансов «закопать живьем» Куаньяра и других якобинцев.

– Какие люди, – не удержался от иронии д, Уарон, – я было уже заскучал, давно не видя вас, Шевалье, Демайи, Менесье, Куаньяр, Лапьер, Брио, Блондо..А где же Метж, Базен и Юмбар? Они тоже не могли остаться в стороне...

Изготовитель бомбы, якобинец, талантливый инженер Александр Шевалье невозмутимо утверждал, что она предназначалась для военного флота, проводилось испытание, последствия которого и были установлены следственной комиссией на пустыре за госпиталем Сальпетриер.

Гордый знаком отличия и новой должностью, д, Уарон решил изобразить снисхождение и сочувствие:

– Сколько же раз вас сажали, господа? Всё не успокоитесь? Не можете смириться с новой реальностью? У нас империя, на календаре 1804 год! Времена Конвента прошли безвозвратно, если вы не заметили! Ваш Якобинский клуб разрушен еще в 94-м, клуб Манежа закрыт в 99-м. Навсегда. На что вы все надеетесь?

До ответа снизошел Демайи:

– Пока люди живы, жива и надежда, только мёртвым надеяться не на что...

Чиновник назидательно поднял палец:

– Это верно. Мёртвым надеяться не на что. Так что берегитесь. Сейчас против вас прямых улик нет, вам всё сошло с рук, но в следующий раз... К вам только одно требование, присяга на верность императору, одна роспись и вы свободны. Право, что за непонятное упорство, его величество настоящий отец народа, он дал нам железный порядок, новый порядок!...

Лапьер спокойно пожал плечами:

– Если вам нечего нам предъявить, то мы свободны? При-

сяга не есть что-то обязательное, иначе миллионы людей гнили бы в тюрьмах...

– Враг нации, диктатор, корсиканский горец, укушенный желаньем славы.., – буркнул сквозь зубы Блондо и вдруг взорвался, – клянусь до самой смерти быть верным партии Робеспьера и убить Бонапарта!

Демайи насмешливо улыбнулся:

– Корсиканец должно быть отличный любовник, господин д, Уарон, если вам и некоторым другим так понравилось прогибаться!

Молчавшие товарищи озабоченно переглядывались, как же некстати эта гневная вспышка, она ставит под угрозу их освобождение! В то время как мудрый реалист Буонарроти настаивал на формальном принятии присяги, хотя бы и с фигой в кармане, ради пользы дела они должны быть свободны...

Бонапартист был тоже потрясен, но по иной причине:

– Как! Вы восхваляете Робеспьера, этого «бича человечества» и проклинаете благодетеля нации, давшего Франции твердый порядок и мир?! Скоро мы пронесём наше победоносное знамя по всей Европе от Лондона до Москвы и Петербурга! Принесем наши ценности и свободу другим народам!

Неосторожно... Не надо было ему этого говорить...

Рывком Блондо перегнулся к нему через стол и бешено зарычал:

– Проживи Робеспьер хотя бы на три-четыре месяца дольше, если бы перед Термидором мы утвердили конституцию 93 года, то сейчас имели бы настоящую свободу и подлинный мир!

Д, Уарон в «верноподданническом» ужасе отшатнулся. Больше того, он искренне счёл Блондо сумасшедшим, «безумца» он приказал поместить в тюремный госпиталь!

Менесье и Демайи подумав, тоже решили срочно «сойти с ума», их также было решено поместить в закрытую клинику доктора Дюбюиссона, где находилось немало политических противников Бонапарта, таким образом, они отвели от себя угрозу суда и расправы.

Остальные якобинцы, насмешливо улыбаясь, поставили подписи под текстом присяги, сделав поправку на мысленную фигу в кармане, и за недостатком улик были отпущены, в их числе Куаньяр и Лапьер.

Норбер выходил из кабинета последним, но следом за ним вышел Клерваль, он шел рядом и шипел сквозь зубы:

– Ты знаешь, сидел бы я в этом кресле на месте молоко-соса д, Уарона, я бы сумел доказать твою вину, я бы заставил тебя не только говорить, но и кричать!

Норбер смерил его насмешливым взглядом:

– Поздравляю! Тебя назначили придворным палачом корсиканского конкистадора? Могу представить, как ты горд такой честью!

– Запомни, якобинская мразь! Твоё освобождение дока-

зывает не твою невинность, а нашу недоработку и это мы вскоре намерены исправить!

Кавуа медленно подошел к товарищу:

– Ты еще вернешься в эти стены, любезный, и тогда поймешь, что сейчас с вами обошлись буквально по-христиански..

На бледной физиономии Клерваля расплылась дьявольская усмешка:

– Я знаю теперь, как сломать тебя, ублюдок. Твои революционные принципы не мешают тебе мять шёлковые простыни в особняке герцогини д Аркур. Знаю..ты не станешь, фанатик, нарушать свои драгоценные принципы ради банальной связи..значит всё серьезно. Нам достаточно арестовать твою герцогиню, и от души побеседовать с ней в этих гостеприимных стенах. Я выследил тебя и знаю о твоей связи с племянницей де Бресси, пока держу при себе эту ценную идею, но скоро поделюсь ею с д Уароном...», – мстительная радость исказила бледную физиономию Клерваля, – уверяю тебя, ей здесь очень не понравится..я всё для этого сделаю.. Ты веришь мне?

Тёмные глаза Куаньяра вдруг странно заискрились, смуглое лицо побледнело, резко обозначились скулы, когда он обернулся к Клервалю, а тот не мог унять злобного торжества:

– Не радуйся освобождению, Куаньяр, это ненадолго.. А может тебе интересно будет узнать, как умер твой дружок

Дюбуа?

Норбер вздрогнул:

– Прошло 10 лет... Что тебе известно об этом?

– Всё... Он был задержан в ночь с 9 на 10 термидора, не без содействия вашего покорного слуги, он имел неосторожность сунуться в зал Комитета. Как же он мог не увидеть вашего любимца в его последние часы, – бледные губы дёрнулись в злой усмешке, – 11-го «чихнул в мешок» Сансона. Жаль, тебя там не оказалось, зарыли бы в одной яме..

Единственный из группы осужденных потребовал, чтобы его уложили на доску не так, как других.. а на спину.. так, чтобы падающий топор оказался прямо перед глазами.. рисовался до последней секунды, изображая абсолютное презрение к смерти... и к нам... Бешеные фанатики,... в общей яме вам и место!

Норбер некоторое время молчал, наконец, с побелевших губ сорвалось:

– Когда-то, чтобы продемонстрировать свою власть и моё бессилие, ты силой заставил меня снять шляпу, а я обещал снять с тебя голову... Запомни это и жди... я приду!

– Что несёт этот бешеный?, – этого замечания не понял Кавуа.

Клерваль ничего не ответил, он всё понял, он вспомнил те дни в тюрьме, вскоре после 9 Термидора, невольно отшатнулся, сделав нервное движение, замер.

Лапьер, со стороны наблюдавший за разговором, и не слы-

шавший ни слова, иронически улыбаясь, заметил:

– Как же сильно любят тебя эти двое! Просто африканская страсть до неприличия!

– Это старая любовь, – Норбер небрежно повёл плечами. Они угрюмо шагали по тёмному коридору тюрьмы, окруженные конвоем. Норбер уже собрался возмутиться грубым обращением, когда под гулкими сводами раздался чудовищный крик боли, затем ещё и ещё, переходя в жуткий рыдающий стон.

Якобинцы невольно остановились. Лапьер и Куаньяр обменялись взглядами, полными нескрываемого ужаса. Конвоиры грубо толкнули их прикладами в спины, прикрикнув:

– Не задерживаемся, на выход!

– Значит всё же это не слухи, верные рабы Бонапарта пытаются патриотов, – услышал Норбер свистящий шёпот Лорана, вздрогнул, но промолчал.

– Доквакались наши гуманисты, гильотина для них «слишком жестоко», зато пытки в застенках во имя самодержавного диктатора в самый раз! Курят фимиам своему идолу, подставляют задницы за очередной орден или титул, они изыщут обоснование любой жестокости, если она направлена против республиканцев! Если они считают, что в стране мир и гражданская война давно закончена, отчего же нас режут на фоне «мирного времени»? Нас убивают то из «государственной необходимости», то ради «защиты существующего строя»! Мы казнили роялистов во время интервенции

и гражданской войны, но тогда они нас проклинали и обвиняли в варварстве, а этот корсиканский конкистадор для них «герой и гений»!», – не унимаясь, с растущим возмущением и страстью шипел Блондо, – кстати, наши генералы Мале и Моро едва ли менее талантливы..

– Помолчи, не ровен час одумаются и вернут нас всех обратно.

– А мне можно, – хитро улыбнулся Блондо, – я сумасшедший, в отличие от вас, меня и так ждет уютная комната в клинике Дюбюиссона..Это не тюремная камера, даже кормят неплохо и можно гулять во дворе...

Двое агентов отправились с Куаньяром в его квартиру на улице Сен-Жак. Но он был совершенно спокоен, все бумаги он перенес в подпольную типографию Метжа. И как же вовремя!

В гостиной оба на минуту замерли, разглядывая характерные достопримечательности в виде портретов Робеспьера и Сен-Жюста. Оба были очень молоды, принадлежали к тому поколению, что в 1793-94 году еще были подростками. Обмениваются впечатлениями.

– Взгляни-ка, прямо символ веры! Да за одно их хранение, любезный, можно брать сразу!

– Не отвлекайтесь, господа!, – вежливо отозвался Норбер в тоне легкой насмешки.

В спальне их взгляды остановились на портрете Луизы.

Портрет 1789 года. Ей на нём не больше девятнадцати-двадцати лет. С розой в руке, одетая в сиреневое бархатное платье, длинные волосы струились по плечам, как золотистый шёлк..выразительные синие глаза, алые губы.. высокая грудь..

– Сразу видно.. не простолюдинка.. и даже не буржуазка.. Прямо куколка из старого Версаля и Трианона... И до чего хороша.. взгляни, Антуан..

– Откуда этот портрет, якобинец? А, ты же у нас герой 10 августа... Из Тюильри? Конфисковал именем народа?

Норбер побледнел от гнева и унижения, обвиняют в мародёрстве..но сдержался.

– Нет, господа, он достался мне законным путём.

Молодой агент насмешливо присвистнул:

– Дама.. аристократка сама подарила его санкюлоту? Мало верится...

– А что, Пьер, обратил внимание, висит в спальне.. не с теми.. в гостиной.. без сомнения, он влюблён в эту красотку из «бывших»! Ай-ай.. прилично ли это для правоверного республиканца, а как же быть с вашей непримиримой ненавистью к аристократам?!

Норбер слушал их, молча, и с виду равнодушно, скрестив на груди руки и отвернувшись к окну.

– Ясно, отчего он висит отдельно, портрет не должен висеть рядом с иконами!

Видимо всеми этими насмешками они компенсировали

служебную неудачу, ничего в его квартире они не нашли...

Якобинец и роялистка. 8 лет спустя.

Поздним вечером через три дня гражданин Куаньяр появился на пороге особняка герцогини д Аркур... Но вместо ужина в столовой в этот раз они сразу поднялись в комнату наверх.

Некоторое время оба молчали, Луиза подняла на него влажные глаза.

Слабая улыбка осветила его усталое лицо:

– Если позволишь, сейчас я подведу итог этой восьмилетней истории...

Молодая женщина снова побледнела. Что он еще придумал? Если он сейчас уйдет, то уже навсегда!

– Je vous aime plus que jamais et je tacherai de faire tout ce qui est en mon pouvoir pour votre bonheur (фр. «Я вас люблю больше, чем когда-либо, и постараюсь сделать для вашего счастья всё, что в моей власти»).

Из кармана сюртука Норбер достал маленькую бархатную коробочку тёмно-вишнёвого цвета, – открой...»

Увидев кольцо, Луиза от неожиданности расплакалась, но это были слёзы счастья...

– Назначай сама день свадьбы,.. если не передумала назваться мадам Куаньяр!

– О, чем скорее это случится, тем лучше! Мы слишком

долго этого ждали!

—Всё так, но извини, с моей стороны есть условие, что обвенчаемся мы тихо и спокойно, пышного и официального торжества также не будет, не обижайся и попытайся понять, я не в том положении, чтобы привлекать к себе общее внимание. Кого мы можем пригласить, родственников? С моей стороны родственников нет, ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры. О вашем любезном дяде я скромно умолчу...мы не скоро сможем прямо взглянуть друг другу в глаза, но всё же, ради тебя я заставлю себя примириться с ним, обещаю, что не стану ворошить прошлое... Можем ли мы позвать своих друзей? И здесь трудность.

Наш круг общения диаметрально противоположен, согласятся ли общаться за одним столом какой-нибудь виконт или маркиза, ненавидящие республиканцев, как бешеных собак, возможно даже сидевшие в тюрьме до Термидора и бывшие депутаты Конвента, агенты Общественной Безопасности, члены Якобинского Клуба?

Ты сама хорошо представляешь себе такую очаровательную компанию за одним столом?

Честное слово, не знаю, что из этого выйдет, но ради твоего удовольствия, один раз.. я готов сесть с ними за один стол.. мои близкие друзья придут без сомнения, Лоран и еще несколько человек, если у тебя тоже есть такие друзья, в которых ты уверена и которых сразу не оттолкнет от твоего дома наш брак... Со своей стороны обещаю, что сумею держать

себя в руках...

Досада и озабоченность, отразившаяся в тонких чертах Луизы, показала ясно, об этом она совсем не подумала.

– Ладно, не расстраивайся раньше времени, лучше покажи мне свой список гостей...

Норбер развернул сложенный вчетверо листок и слабо улыбнулся, – ты для меня, что-ли, специально, прописала имена с титулами или привычка?»

– Не придирайся, страшная гидра Революции... Тебе даже не понять, каких усилий стоило мне уговорить их...

– Итак, с кем мне придется сесть за один стол, а список то короток... видимо другие отказались, нашли даже временное сближение совершенно неприемлемым? Но это даже к лучшему... мне ровно ничего не говорят их имена, граф де Сен-Клер, виконт де Марси и граф де Турнэ с женами... ни о чем... барон де Розели... Розели?! Нет, конечно же, совпадение... За моих товарищей, думаю, тебе краснеть не придется, Лапьер, когда того хочет, умеет держаться не хуже дворянина, другие трое также вполне адекватные и вежливые люди...», – вдруг он на минуту замолчал и отвернулся к окну, – за этим столом я так хотел бы увидеть Пьера и Филиппа...

Луиза подошла к нему и прижалась головой к его плечу:

– Мне их тоже жаль, честно, Норбер. Но ничего и никого нельзя вернуть...

Норбер уже успел взять себя в руки.

– И еще один важный момент, милая. Взаимная терпи-

мость цивилизованных людей ради исключительной ситуации это максимум. Встречаться постоянно и поддерживать товарищеские отношения мы не станем... Выслушай меня до конца, не торопись возмущаться.

Я не озверевший фанатик, возможно, сами по себе лично они совсем неплохие люди, но кое-кто может использовать факты таких встреч, как доказательство того, что республиканцы и роялисты составляют общий заговор против корсиканца... что даст новый повод для продолжения репрессий...»

– Ну почему мы не можем просто жить, как все другие люди... почему одни трудности и опасности!

В этой комнате не было более якобинца и молодой аристократки, не было различия партий и сословий, идей и принципов, ничего больше не было, что имело бы значение, наедине остались мужчина и женщина.

Она страстно целовала его сухие горячие губы, шептала бессвязные нежности, обнимая и прижимаясь всем телом. Он облизывал ее набухшие соски, влажные ладони скользили по гладкому стройному телу. Наконец рука мужчины уверенно скользнула вниз... С нарастающим возбуждением наблюдал Норбер ее изгибающееся в приливе страсти тело, полураскрытые влажные губы...

Долго и мучительно подавляемая страсть вырвалась наружу. Ритм толчков становился всё более бешеным и резким, тишину ночи разорвал мелодичный вздох женщины, сме-

шавшийся со стоном удовлетворенной страсти мужчины...

Через час, не желая, чтобы в комнату заходила горничная, Луиза сама спустилась за фруктами и вином.

Когда она вернулась, то увидела картину, показавшуюся молодой женщине забавной и даже трогательной. Обнаженное тело вытянулось на алом пушистом ковре, на полу близко от камина, рука бессильно откинута, длинные чёрные волосы свешивались прямо на лицо...

«Какой он милый, не понимаю, как кто-то может его ненавидеть и желать ему смерти...»

Не решаясь разбудить, она, не задумываясь, прилегла рядом и стала наблюдать за спящим. Но что за медальон у него на шее?

Луиза осторожно гладила исхудавшее нервное тело, он часто глубоко вздыхал, вздрагивал, потом и вовсе начал проявлять беспокойство, стонать и метаться.

Его мучают кошмары? Что же он пережил за всё это время? Его безжалостно преследовали, угрожали смертью, мучили? Если даже во сне ему нет покоя!

О Боже! .. как неприятно и страшно подумать об этом... Может он вспоминает о тех, кто был арестован и казнен при его непосредственном участии в 93... в 94 году? Но нет, едва ли, он верит, что иначе было нельзя...

Выражение лица спящего сначала счастливое и спокойное, сделалось мрачным и жёстким.

Нет, он же мучается, надо будить! Луиза осторожно по-

трясла Норбера за плечи. Он застонал, тело напряглось, и резко повернув голову, пробормотал в полусне:

– Что?! Кто-то стучал? Задержи их, я успею скрыться...

Её сердце сжалось от жалости и нежности.

– Милый, тебе плохо?

Норбер открыл глаза, и жёсткий остановившийся взгляд сразу изменился, чёрные глаза потеплели и заискрились любовью, выражение лица смягчилось. Мягким движением он привлёк молодую женщину к себе, она крепко обняла его, прижалась, обхватив за шею, и спрятала лицо у него на груди.

– Мне уже лучше, любимая. Наверное, я не привык чувствовать себя счастливым, а сейчас... сейчас.. я счастлив!» Норбер замолчал и стал целовать её густые золотистые волосы, полузакрытые глаза, влажные губы, – ты всегда хотела, чтобы мы остались наедине, и политика не вставала между нами, такой момент настал, я весь в твоём распоряжении...

– О, тогда думаю, целых три дня мы не будем вылезать из постели!

– А может не вставать с этого ковра? Здесь тоже очень удобно...

– Тебя не мешало, бы немного откормить, ты слишком худой, насколько я помню, ты всё время забываешь про ужин!», – и нежно касаясь его щеки, продолжала, – тебя здесь искать не станут, ведь я всё же аристократка, да ещё сидевшая в тюрьме в годы Террора... Кто в здравом уме по-

верит, что я стану укрывать революционера, якобинца, – и тут же спохватившись, приложила руки к губам, – Боже, как я бестактна, прости, малыш, я совсем не хотела обидеть тебя...

Норбер беззаботно улыбаясь, лишь слабо отмахнулся. На неё невозможно обижаться всерьёз... Но тут же нахмурился, она и не подозревает, как обманывает себя. Клерваль, сволочная ищейка, движимая давней личной ненавистью уже давно вычислил их. Он стал крайне опасен, угрожая Луизе мерзавец был совершенно серьёзен, чтобы раздавить его волю, он не остановится перед любой подлостью и жестокостью к беззащитной неповинной женщине..

– Норбер, мне очень любопытен этот медальон..., – она взяла его в руку.

Он понял, Луиза надеялась на приятный романтический сюрприз, думая, что это эмаль с её портретом, ему стало неловко.

Это скорее символ веры, Норбер и при жизни Робеспьера не склонен был относиться к нему чрезмерно критически, а после смерти он и вовсе стал почти святым человеком в его глазах. «Мученик Революции»...

– Извини, это не то, что ты подумала. На этой эмали человек, священная память о котором поддерживала меня все эти годы, не давала покончить с собой после Термидора, спиться, опустить руки и впасть в бездействие, помогла справиться с болью и пустотой, когда ты ушла.. Он был лучше всех

нас...

– Но тогда это должно быть...», – выражение её тонкого лица слегка изменилось, она не закончила фразы, – неужели ты всё ещё хранишь это?..

– Да, – тон Норбера невольно стал резче, он хотел пресечь любые сколь-нибудь враждебные замечания в адрес Робеспьера, – я буду хранить это, пока жив.

Бессознательно он прижал руку к груди, закрывая медальон, словно защищаясь.

Но она уже знала, что этой темы лучше не касаться, если не можешь разделить его отношения к Робеспьеру. Куаньяр сам решил изменить тему:

– Кого ты ещё прятала в этом доме, кроме Метжа и Лапьера? Наши люди очень нуждаются в поддержке, и я рад, что ты не безразлична к их судьбе. И всё же, будь крайне осторожна, бонапартистские ищейки из сюртэ, хоть и отменные мерзавцы, но отнюдь не дураки и должен тебя предупредить, они уже знают о нас, а я скажу это нашим людям, они не смогут более прятаться здесь. А я.. я вроде как остепенился и собираюсь жениться, пусть ищейки знают и об этом, может на время я стану им чуть менее интересен? Так кто ещё скрывался здесь?...

– Кого я запомнила? Ригоме Базен, славный молодой человек, с мягкими манерами, и не подумаешь, что якобинец... о, извини, любимый, вырвалось второй раз, только не обижайся, я обязательно привыкну, что теперь у нас есть об-

щие интересы, Менесье, Жюмийяр. Пойми, я никогда не стану республиканкой, тем более якобинского образца, но теперь нас хорошо сможет объединить неприязнь к императору-самозванцу... Ах вот, еще здесь скрывался некий Лано, тоже из твоих товарищей по партии...

– О, милейший Лано! Который в в далеком уже 94-м сказал: «Кто не якобинец, – Норбер прервал себя ради пояснения, – он имел в виду членство в клубе, – тот еще не вполне добродетелен!» Так он в Париже! Я уже думал, что он убит, ... как убиты многие другие добрые патриоты после Термидора, как убиты почти все мои друзья, ты уже знаешь, как страшно погибли Пьер и Филипп...

– Мне очень жаль, Норбер..милый.. любые слова сочувствия здесь бессильны...вы были дружны почти с детства...я не знаю, Норбер, удастся ли мне, но я хочу.. честное слово, я хочу понять тебя.. понять вас.. если ты правильно меня понял.. Когда-нибудь, мы выберем время и ты расскажешь мне о всех событиях этих лет так, как ты сам понимаешь их.. А я... я буду слушать, думать и задавать вопросы, если что-то непонятно.. Если мне это по силам, постараюсь максимально приподняться над предубеждениями своего воспитания и своего класса.. если я смогу принять...не сердцем, нет,... хотя бы умом вашу правду...

– Я рад, что ты сама заговорила об этом. Мне следовало позаботиться об этом еще 8 лет назад. Я постараюсь изложить всё искренне, честно, чётко.. Не уклонюсь даже от са-

мых неприятных и сложных моментов.. Tout comprendre c, est tout pardonner? (фр. «кто всё поймёт, тот всё простит?»). Кто знает, так ли это. Не знаю. Но..

Норбер приподнялся на локте и нежно убрал со лба Луизы выщущуюся прядь ароматных волос,

– "В моей жизни было так много страданий, горя и крови и так ничтожно мало поводов для радости и счастья... поэтому...не сейчас, пожалуйста, не надо об этом сейчас... Je t ,aime..

Якобинец и ищейки Бонапарта

Беда нашла Луизу д Аркур во время прогулки по оживленному центру города...

– Мадам, вы без сомнения, хотели бы увидеть вашего любовника живым?

Из кареты высунулся мрачный тип в чёрном.

Луиза сильно побледнела и прижала руки к груди.

– Что вы хотите этим сказать? Где он.. что с ним?!

За её спиной возникли трое молчаливых субъектов, отступить было некуда.

– Вы поедете с нами...

– Кто вы, что вам нужно?!

– Мадам, только вы можете спасти Куаньяра.. разумеется, если вам не безразлична его жизнь.. только вы можете сделать его менее упрямым...

– Я сделаю всё, что нужно, если это может спасти его...

– Мы в этом не сомневались, мадам.. Мы приехали, прошу вас...

Внутренний двор тюрьмы... Посетители, чаще всего женщины, матери и сёстры, жёны и невесты арестантов... Из за решеченных окон протягивались худые и страшно изувеченные руки:

– Рабы корсиканца убивают французских патриотов, нас пытаются, мы умираем в муках! Умираем без вины! Да здравствует Республика!

Но из окон соседних камер неслоь иное:

– Якобинские ублюдки! Будь проклята ваша Республика! Да здравствует король!

За полчаса из нормальной жизни разом попасть в ад или в сумасшедший дом... Луиза не могла себе такого представить. Вот какое страшное нутро скрывало на поверхностный взгляд «мирное благоденствие» повседневной жизни империи!

Вот он, этот «железный порядок» Отца Нации, Гения Века, Избранника Судьбы, о котором наперебой трещали газеты, которым восхищались романтичные дебилы всей Европы!

– Вас к нему проводят..., – в голосе Клерваля фальшивое сочувствие. А за её спиной бросил, обернувшись к Кавуа:

– Она должна увидеть всё как есть.. это должно морально подавить её..

Скорчившись и часто дыша, он лежал на полу у стены, ли-

цо представляло собой кровавую маску, лишь пронзительный женский крик заставил его медленно открыть припухший глаз...

– Норбер!!... Изверги! Убийцы! Как такое возможно?!

Ловким движением, Луиза присела на пол, положила его голову к себе на колени, не боясь измазаться кровью, целовала, заливаясь слезами...

– Девочка... почему ты здесь?!

Её обнимали худые, избитые руки, прижимали к себе, хотя каждое движение заставляло морщиться от боли.

За её спиной самодовольно переглядывались Клерваль и Кавуа..

– Не верю своим глазам.., – комментирует вполголоса Кавуа, – ублюдок серьёзно любит... Это и есть его слабое место.. Всё идёт как нельзя лучше...

Клерваль грубым движением резко поднял её:

– Довольно нежностей, мадам..с вами мы будем говорить отдельно...

Куаньяр вдруг приподнялся, это стоило ему немалых усилий, с разбитых вспухших губ сорвалось глухое рычание:

– Не вздумай прикасаться к ней, тварь!

Клерваль и Кавуа обменялись понимающим взглядом, пока всё идёт по плану...

– Уведите её.. поговорим отдельно...

Клерваль склонился к Куаньяру:

– Теперь, ты, наконец, понял, «тень Робеспьера», что я ма-

ло склонен шутить? Ты у меня признаешься не только в покушении на жизнь императора, но и в чёрной магии и в навешивании порчи!.. И в полёте на Луну.. если я этого захочу... Не дорога собственная жизнь? Не будь самоуверенным, якобинец, умереть для такого фанатика идеи, как ты, может и не страшно, но вопрос в том, как умирать... – Клерваля раздражал огонёк дерзкой непокорности во взгляде своей жертвы, он решил убедить Куаньяра сильными ударами сапог...

– Это... как раз.. я.. понимаю..– отдышавшись, мрачно отозвался Норбер, сплевывая кровь, на секунды прикрывая от боли глаза, сжавшись в комок и меряя врага тяжёлым ненавидящим взглядом.

Сколько же ты причинил мне зла за эти последние 10 лет...и что бы, не отправить тебя на гильотину до Термидора... Мир был бы немного чище...

– Рад, что хоть в чём-то мы понимаем друг друга! Но есть и другой вариант! И я уверен, именно он будет иметь успех! Ты видишь этот длинный осколок стекла в моей руке? Если ты и далее откажешься говорить,... я воткну его твоей д Аркур... знаешь куда, и сколько раз?! Но нет.. не сразу...она слишком хорошенькая.. сначала я и Кавуа её... оба.. – облизнул губы, – одновременно.. как шлюху... Хотя она и дама из общества, никто не станет искать её здесь.. вы оба исчезнете в этих подвалах... Мало ли народу пропадает в огромном городе...

Ужас и страдание в расширенных зрачках ясно показал

Клервалю, что он на верном пути.. но Куаньяр, тяжело и часто дыша, вздрагивая от боли, по-прежнему молчал.

– И сейчас не хочешь ничего сказать, якобинец?!

Это вывело Клерваля из терпения, со всем бешенством он ударил лежащего сапогом в голову. Это вынудило Кавуа сделать товарищу замечание:

– Ну-ну, не очень увлекайся, нельзя, чтобы якобинец сдох раньше времени... Скажет всё.. и тогда он в твоём распоряжении... до последней минуты...

– Ну, а теперь мы пошли общаться с твоей дамой..., она красива, это занятие обещает быть очень приятным...

И услышав тихий стон, остановился на пороге камеры.

– Я не расслышал.. ты хочешь что-то сказать?

От боли и нервного напряжения Норбер потерял сознание и ничего не мог ответить Клервалю. Тот не заметил его состояния и принял его за «фанатичное упрямство»...

Норбера вернули к действительности страшные крики и рыдания молодой женщины, треск рвущейся ткани, раздававшиеся из соседнего помещения. На пороге появился довольный своей выдумкой Клерваль.

С перекошенным от страдания лицом Норбер приподнялся из последних сил:

– Чёртов выродок! Урод! Животное! Я буду говорить! Не прикасайтесь к ней! Она всё равно ничего не знает!

О чём он думал в этот момент? А не всё так просто, ублюдки! Я буду говорить.. но лишь то, что серьезно не повредит

товарищам.. или даже дезинформирует вас, сообразив, что я здесь.. наши изменяют план.. на такие случаи есть особое указание Буонарроти.. Не смейте касаться её, убью, если не все кости будут переломаны, порву зубами, если останется хотя бы один зуб... С того света достану, если он существует!

– «Я буду говорить.. но сначала приведите её.. я хочу знать, что она цела и нетронута.. отпустите её.. она ничего не знает..я... буду говорить...»

Когда герцогиня д Аркур в сопровождении Клерваля и Кавуа показала на пороге, Норбер сообразил, что бонапартисты применили известную хитрость.

Очень напугана и бледна, но на лице ни одного синяка и платье совершенно в целости. Над какой несчастной на самом деле они там измывались неизвестно, но она цела...

Но и это дела уже не меняет.. чтобы не ждало его самого, она должна отсюда выйти...

Дуарон был взбешен излишней инициативой подчиненных и по причине, которую им не следовало знать..

Хорошо еще, оба негодяя оказались отнюдь не глупы, оба хорошо помнили, Луиза дама из высшего общества. Её кузен, верный слуга императора и её дядя граф де Бресси, дворянин из числа аристократов нейтральных режиму, из тех, кто не подписал присяги на верность, но и не проявлял враждебности, с ней обращались весьма сдержанно. Её не оскорбляли, тем более не покушались изнасиловать, как того серьезно опасался Норбер. Но угрозы расправы над любимым

и женский крик из соседнего помещения морально подавили ее...

Кровавые зверства, которыми грозился Клерваль, предназначались главным образом для ушей Куаньяра, ей он такого не говорил, но сложно сказать, как повернулись бы события, если бы Норбер вздумал изобразить равнодушие к её судьбе? Превратить угрозы в страшную реальность было вполне во власти Клерваля и Кавуа...

– Я сказал схватить и допросить.. я сказал давить психологически в одиночной камере.. но ничего другого я не приказывал!

– Мы решили.. это единственный способ заставить говорить этого фанатика революции.. но удивительно...единственно лишь страх за свою любовницу смог заставить его дать хоть какие-нибудь показания по поводу «адской машины» для императора..

– Он дал исчерпывающие показания?», – Дуарон облизнул разом пересохшие губы. Неужели отец уже в «списках»?! И что будет с дальнейшей карьерой? С жизнью?... Если Клерваль, змееныш всё знает.. донос мог отправиться «куда следует», через его голову...

– Увы, месье, то, что он сказал, дало нам крайне мало, но мы решили, если и далее в том же духе..вопрос времени, он у нас признается даже в наведении порчи...

Вздых облегчения... Умница санкюлот! – Если бы подчиненные могли читать мысли своего начальника, они бы по-

разились...

– Решать здесь буду я и только я, запомните это оба!», – Дуарон треснул ладонью по столу, – идиоты, д Аркур – женщина из высшего общества и отнюдь не беззащитна, нештучно исчезновением озабочен её кузен, он может требовать суда и расследования на самом высоком уровне, он верный слуга императора! Теперь мы должны не только освободить её... но и извиниться, сделать всё, чтобы дело не дошло до суда... Делайте всё что хотите, извиняйтесь... но убедите её... максимально вежливо... не подавать жалобу и не предавать огласке эту историю...

– Но кто станет защищать якобинца, месье?.. Он выжмем из него всю нужную информацию, и он исчезнет в этих стенах...

Дуарона нервно передернуло.

– Нет! Куаньяра тоже... следует отпустить.. больше того, если герцогиня не должна даже знать, что я в курсе ситуации.. идиоты.. если что не так.. всю вину повешу на вас..то с этим санкюлотом буду говорить сам..

Ночной визит отца и двух других якобинцев застал Дуарона врасплох.. Крайне суровые условия поставил перед сыном старый Дуарон...

Теперь молодой чиновник старательно изображал сочувствие и возмущение действиями подчиненных, к которым, конечно же, никак непричастен и очень сожалеет:

– Я сам в ужасе от их тупости, примите мои искренние

извинения, месье Куаньяр.. Вы свободны.. но вынужден поставить вам одно условие.. не пытайтесь возмущаться и сделать эту.. безусловно, некрасивую историю.. публичной..это мое единственное условие...

Норбер хмуро разглядывал его, сузив глаза. В мыслях проскользнуло с насмешкой откуда-то всплывшее в памяти – «Боятся враги наших старых знамён...»

Помолчав и облизнув разбитые губы, он выразительно склонил голову:

– Хорошо,...но прежде всего, меня беспокоит судьба герцогини д Аркур...

– О чём вы? Она давно уже дома..Этот идиотизм единственно на совести Клерваля и Кавуа.. если допустить, что совесть у них есть..

– Я свободен?

– Безусловно, но завтра.. у меня еще к вам ряд вопросов...

В страхе за судьбу любимого.. да жив ли он еще?! Луиза пришла к д Уарону. Она не знала, что именно он причастен к аресту Куаньяра и считала происшедший эксцесс чудовищным самоуправством полицейских агентов, как и было задумано:

– Несколько удивлен вашим визитом, мадам! Отчего призываете к милосердию вы, дворянка, аристократка, едва не убитая в Аббатстве в сентябре 1792-го, скрывавшаяся в 93-м, арестованная и едва не казненная в 94-м вместе со всей семьей..

Чувство...к этому... якобинцу изменило отношение к ним ко всем? Но никакие чувства не изменяют общего положения вещей, мадам... Впрочем.. в чем причина вашего беспокойства, он освобожден буквально часа за три до вашего появления, чем же еще я могу вам помочь? Мадам, этот человек сам для себя главная угроза. Только отказ от активной антиправительственной деятельности и лояльность обеспечат ему и всем подобным безопасное существование..

Между тем, какой странный выбор.. Вы уж извините мою бестактность, но кажется..даже в их среде можно встретить более.. безвредную и добродушную особу.. Позвольте узнать, впрочем, вы в праве на это не отвечать, чем же вас так очаровала эта свирепая личность? Кроме внешности в нем нет ничего привлекательного.. упрямый и жестокий фанатик идеи! А вы.. такая изящная и утонченная женщина с добрым сердцем, как такое возможно, мадам?..

– Вы слишком пристрастны, месье. Норбер совсем не так жесток и бессердечен, как может показаться на поверхностный взгляд. Можете мне не верить, но это.. благородный, очень честный и.. добрый.., да-да, не улыбайтесь так иронически, добрый человек...

Вы правы, нас арестовывали, едва не убили, но именно он спас меня и моих близких в сентябре 92-го и летом 94-го.. и некоторых других людей, только он никогда не станет говорить об этом. Он намного лучше, чем кажется со стороны.. Он органически не способен на подлость, очень суровый.. он

всё же никогда не допустил бы зверств, подобных тем, что творили Карье в Нанте или Эбер в стенах Ла-Форс!

– Сударыня, жители департамента Майенн едва ли с вами согласятся, вспоминая гильотинированных и расстрелянных по его приказам в 93-м, можно вспомнить арестованных и казненных при его участии в Париже в 94-м.. Однако, довольно перечислять редкие достоинства этого якобинца.. Удивительное дело, и кроме вас всегда находились люди, притом весьма влиятельные... готовые его защищать..

– Мне очень обидно.. все предпочитают видеть его недостатки и еще приписывать ему несуществующие ужасные пороки, а достоинств этого человека увидеть не хочет никто, к нему очень несправедливы.

Д Уарон поднялся.

– Всего доброго, мадам. Если Куаньяр мне понадобится я теперь точно знаю, где его искать...

Конец бонапартистских агентов Клерваля и Кавуа

Месяцем позднее...

Просьба товарища озадачила Лапьера, Норберу понадобилось, чтобы друзья отвлекли на себя внимание полицейских агентов и дали ему шанс, незамеченным, нанести визит Клервалю.

– Что ты задумал? С чего тебе с ним общаться?, – кажется, что Лапьер что-то заподозрил, но отказывался верить возникшей мысли.

– Хочу.. сказать ему пару слов, а вы отвлеките агентов, но так, чтобы наверняка, – Куаньяр был сосредоточен и хмур, – так, чтобы они потеряли меня из виду на это время»...

Побледневшее лицо Клерваля изобразило ужас и замешательство, когда на пороге появился Куаньяр.

А тот решительно зашел, не дожидаясь приглашения, он шел прямо на Клерваля, не сворачивая, хозяин молча отступал, а гость, не останавливаясь, прошел в гостиную.

– Что тебе нужно? – наконец сорвалось с пересохших губ Клерваля, – я готов извиниться.. честное слово, мне жаль... время сейчас такое... мне приказали, зачем ты пришел?»

– За твоей головой!, – Норбер резко распахнул плащ, на боку, на перевязи висела сабля, – ты помнишь, что я обещал тебе после Термидора в тюрьме, и повторил месяц назад!

– Но это бред, ты этого не сделаешь, ты же не убийца, Куаньяр! Даже не думал, что ты примешь всё так остро, для тебя идея и принципы всегда были важнее любых личных чувств и отношений, – в ужасе отшатнулся Клерваль, – на самом деле я никогда и ничего не сделал бы герцогине и не тронул бы её ...без приказа Дуарона... и не стал бы ему этого советовать, только не сходи с ума!» Он облизнул пересохшие губы.

– Ты ничего уже не скажешь и никого не тронешь!, – Норбер резким движением выдернул саблю из ножен...

– Я так легко не сдамся, бешеный фанатик! Куаньяр... одумайся.. в 93-м мы были товарищами!

– Шакалы тебе товарищи, выкидыш Термидора!

Клерваль резко метнулся в сторону, на стене висели наградные пистолеты, но сильным молниеносным ударом был повален на ковёр. Короткий взмах...и голубоватая сталь со свистом разрежала воздух...

Квартиру Клерваля он также ухитрился покинуть незамеченным, хотя это было нелегко, помощь друзей оказалась умелой и своевременной...

Но это только первая часть плана...

На следующий день Норбер нашел Лапьера обедающим в их любимом кафе. Тот поднял взгляд от свежей газеты.

– Что нового, Лоран? – тон Куаньяра был отрывистым и в то же время почти умиротворенным.

– Ты знаешь, Клерваль убит в собственной квартире.., – Лоран искоса бросил взгляд из под опущенных ресниц, Норбер понял скрытую мысль, – представь себе, его не застрелили, даже не зарезали... ему отсекли голову, вся гостиная в крови! И ровно ничего не украли..

– Случается, – голос Куаньяра был ровным и слегка бесцветным.

– Он конечно был редкостной скотиной, но умер страшновато..., – Лоран мрачно смотрел на Норбера.

– А что пишут, арестовали того, кто это сделал? Есть подозрения?, – Куаньяр говорил всё это ровно и даже совершенно отстраненно, на взгляд тех, кто мог их слышать. И верно, каким боком его всё это касается?

– Как ни странно даже подозреваемых пока нет..

– Тогда найди тему интереснее Лоран..

Но связный разговор отчего-то не клеился.

Оставшись один, Норбер тщетно пытался сосредоточиться, но событие прошлого дня стояло у него перед глазами против воли. Как самому оценить то, что произошло? О чём он думал?

Поздравь себя, ты убийца? Он мрачно нахмурился и уронил голову на руки. Нет, надо взглянуть на ситуацию под другим углом.. Клерваля следовало устранить еще до Термидора.. после свинской истории с заключенными женщинами...

Что если бы Луиза осталась заложницей в руках бонапартистов? Один Бог знает, каким унижениям и насилиям она могла подвергнуться?! Они считают, если она невеста республиканца, значит непременно в курсе всех его дел, ей могли угрожать групповое изнасилование и пытки... Этим выродкам без разницы, что она женщина, сколько таких, и республиканок и роялисток погибало в это самое время в застенках империи...

Приходилось же ему раньше убивать? При штурме Тюильри в августе 1792 лично, в Майенне и Лавале в 1793, но там, в качестве комиссара Конвента лишь косвенно...

Но нет, был еще один очень тяжёлый эпизод.. В Нанте 1794 года он застрелил насильника, что же беспокоиться сейчас, разве Клерваль не изменник революции, не моральный урод и не шпион корсиканца?.. И чего вдруг так рас-

строился Лоран, чувствительная душа?

Есть немалая угроза в том, что слова, брошенные Клервалю слышал Кавуа, узнав об убийстве товарища, он сообщит всё д Уарону... Кавуа, движимый личной ненавистью и напуганный смертью Клерваля не оставит в покое всю их группу и не успокоится, пока все они не будут казнены... Эту угрозу следует устранить тоже...

Появление полицейских агентов в холле особняка герцогини д Аркур вызвало замешательство прислуги и ужас самой хозяйки, но не удивило Куаньяра. Он даже узнал главного из них.

– Привет, Мерсон!, – Норбер небрежно развалился в кресле, держа в руке рюмку коньяка.

– Именем императора..., – хмуро начал тот, слегка растерявшийся от невозмутимости Куаньяра, к тому же он тоже узнал его, оба были агентами Общественной Безопасности в далеком уже 1794-м.

– Знаю, знаю..», – махнул рукой Норбер, – выпей со мной и пойдём..

– Я при исполнении..., – Мерсон чувствовал неловкость от присутствия подчиненных.

– Дьявол тебя заberi, Мерсон! От одной рюмки с тобой ничего не случится!

Соблазн оказался чрезмерно сильным...

– Мне очень жаль ,Куаньяр, нет, честное слово, но это мой долг...

– «Я не в претензии, Мерсон.. Тем более это задержание, а не арест, верно?...

Снова оказавшись в кабинете д Уарона, Норбер держал себя ровно и спокойно, даже попросил закурить.

– Против вас есть показания Кавуа, он утверждает, что вы угрожали Клервалю... что вы можете сказать по этому поводу? Где вы были в этот вечер?

Норбер отвечал спокойно, он точно знал, шпионы на этот короткий отрезок времени потеряли его из виду.

– В тот вечер я был в кафе Кретъена, только боюсь, что люди, которые могут это подтвердить не вызовут у вас должного доверия, это мои товарищи Лапьер, Дестрем, Тало, Менесье, Юмбар и еще некоторые другие. А потом... нет, я не могу... компрометировать женщину...

– А придется, Куаньяр, придется...

– «Если её имя впоследствии не всплывет нигде. Я надеюсь на вашу порядочность, месье д, Уарон. Это... герцогиня д, Аркур...

Д Уарон от души расхохотался, сделав вид, что слышит это впервые:

– Значит Кавуа прав? Это серьезно? Очень мило! Якоби-нец и аристократка, революционер и монархистка из семьи верных трону, фантастическая пара! Как такое возможно?

– Я не боюсь заразиться роялизмом. Политические убеждения не сифилис..

– Но продолжайте, что вы скажете по поводу обвинения

Кавуа? Он утверждает, что вы угрожали «снять с него голову» и он был обезглавлен, именно обезглавлен, а не застрелен, не зарезан...

Норбер пожал плечами:

– Когда человек в гневе кричит обидчику: «Убью!» это не повод к тому, чтобы заводить на него дело! Клерваль грубо оскорблял меня на почве политических убеждений, и я потерял терпение. У него ко мне давняя ненависть, еще до Термидора он поклялся «закопать» меня живьём, впрочем, это не удалось бы ему, он был мелким хищником, не волк, нет, шакал, падальщик! Мне просто отчаянно не повезло, что моя эмоциональная вспышка и убийство совпали по времени! Или этим воспользовались? Неужели самим фактом своей смерти он все-таки закопает меня?!», – Норбер сделал картинный жест, призванный изобразить отчаяние, и помолчав продолжал со страстью, прижимая руки к груди, – это совершенно не в моих интересах, месье, ведь в ближайшем времени я собираюсь жениться..начать, так сказать, новую жизнь...поймите меня, как мужчина...

– Речь о всё той же госпоже герцогине? Нет... не может быть..., – усмешка д Уарона вышла беззлобной, сцена показалась ему забавной, он всем видом изображал участие, игра Куаньяра видимо вышла вполне убедительной. А тот сообразил, что Кавуа видимо сказал не всё, он сообщил, что он угрожал Клервалю, но про то, почему это случилось, отчего-то не сообщил, да это же прекрасно!

– «Она.., – Норбер не без удивления поднял глаза на д Уарона, – Луиза д Аркур. И что, почему нет?»

– Герцогиня д Аркур, аристократка, вместе с родственницами сидевшая в тюрьме при Терроре, теперь вдруг собралась замуж за якобинца и бывшего комиссара Конвента?. Куда катится мир!, – показное изумление и лёгкая насмешка в тонком лице д Уарона.

Куаньяр смотрел на него укоризненно и хмуро и всем видом изображал жертву несправедливости. Д, Уарон и так все знал, к чему этот театр...

– Вы можете быть свободны, пока свободны, месье Куаньяр, – кивнул ему д Уарон и тут раздался резкий стук в дверь.

Один из агентов влетел в кабинет как вихрь, он был чем-то сильно озабочен:

– Месье д Уарон, по этому делу дурная новость. Кавуа нашли убитым прямо рядом с подъездом собственного дома. Огнестрельное ранение в голову. Свидетелей нет.

Д Уарон и Куаньяр с минуту молча смотрели на этого человека, потом перевели взгляд друг на друга. Взгляд д Уарона был внимательным и испытующим, Норбер выразительно поднял глаза к потолку, изображая тоску, отчаяние и покорность судьбе. Эта игра была остро неприятна и даже унизительна, но жизненно необходима, как никогда.

– Что вы на это скажете теперь, Куаньяр?

– Похоже на то, что какая-то сволочь решила оставить

мою невесту вдовой до брака, что ж, личных врагов у меня немало еще с 1793..», – глухо уронил он сквозь зубы, – что я могу сказать, уж этого я точно никак не мог сделать...

– Верно, но это могли сделать ваши товарищи...

Норбер взглянул на д Уарона с возмущением и сделал резкий жест:

– Во имя Разума! Зачем? Наша с Клервалем давняя «страсть» никак не касалась их, к чему им усугублять свое положение, нас и так преследуют все десять лет подряд.. – он бросил выразительный взгляд на д Уарона, – моя единственная мечта сейчас, жениться на любимой женщине и... чтобы весь мир оставил нас в покое.. неужели мне так много нужно? За эти годы я чудовищно устал.., а тут выходит .. что бы в Париже не взорвали, какого облеченного властью мерзавца не пристрелили, я вечно под подозрением...

Д Уарон всё так же внимательно рассматривал якобинца, но тот держал себя спокойно, даже мягко, не отводил взгляда.

Но именно тут и началось нечто странное..

– Вынужден признать, что в случае с взрывом никаких улик против вас у меня нет. То же касается и дела Клерваля, хотя.. я интуитивно чувствую.. это именно вы приложили руку, но подозрения к делу не пришить..Пока вы свободны, но с этого момента за вами будет вестись строгое наблюдение со стороны сюртэ.. Мой вам совет, Куаньяр, женитесь и оставьте политику, она вас погубит.. Вы умный человек, не

похожи ни на маньяка, ни на глупца, чем-то даже симпатичны мне... – и добавил с каким-то особенным выражением, даже с нажимом – ведь никакого преступления и погибших на пустыре не было..ваши товарищи всего лишь проводили испытания.. для военного флота...Ведь так?!

– Верно, мне импонирует ваша справедливость и беспристрастность», – Норбер склонил голову, он счел необходимым польстить самолюбию молодого чиновника, – в то время, как нас готовы убивать без суда...

Но что же здесь не так...

Д Уарон был умным и способным человеком, но вероятно, слишком молод, опыта, но главное, жёсткости и хватки доberman ему явно пока не хватало...Но в данной ситуации это и было спасением...

И всё же.. что-то здесь не так, в чём же настоящая причина его везения? Обычно чтобы терроризировать нас, бонапартистам не нужны прямые доказательства, для них, как и для аристократов «хороший якобинец – мёртвый якобинец», даже если он явно невиновен, а тут ...

Почему д Уарон дал делу «задний ход», сам чего-то испугался или получил указания сверху?

Лесть подействовала должным образом, выражение лица д Уарона заметно смягчилось, и он повторил:

– Вы свободны Куаньяр и помните о том, что я вам только что сказал...

Д,Уарон нервно постукивал по столу костяшками паль-

цев.

Вот и отлично.. Теперь, даже если герцогиня д Аркур обратится в суд, обоих официально виновных в ее незаконном задержании нет в живых, спасибо якобинцам...кто-бы мог сказать, что я могу быть им благодарен, а если ей намекнуть, что именно её любовник, чем пяти минут муж, приложил к этому руку, она сама сразу заберет заявление! В чём-то он был даже благодарен Куаньяру...

– Прислушайтесь к моему совету, месье Куаньяр, навсегда оставьте политику, а особенно дикую идею вернуть времена Конвента...

Куаньяр сдержанно поклонился и вышел.

Необычная свадьба в особняке д, Аркур

Гости были сдержанно вежливы и слегка напряжены, обе стороны внимательно приглядывались друг к другу. Каждый ожидал от другой стороны какой-нибудь резкости или враждебности.

Норбер, он же месье Куаньяр, одетый в дорогой и элегантный тёмный костюм, внешним видом ничем не уступал любому из аристократических друзей жены.

Женщинам за столом было несравнимо легче, они хорошо знали друг друга, но чувствовали себя свободно. Темы женских бесед были совершенно безопасны, новые моды и драгоценности, кто из общих знакомых дам с кем встречается, кто выходит замуж, кто ждет ребенка, кто освоил новые

виды рукоделия...

Мужчинам было труднее, следовало поддерживать общий, ни к чему не обязывающий разговор, со всей осторожностью избегая общественно-политических тем, никаких упоминаний о революции и недавнем прошлом.

Но вполне приятно и светски начавшийся вечер вдруг оказался щедрым на сюрпризы.

– Розели... Арман... это же вы... ну же, Лаваль сентябрь 93-го, я попал к вам в дом раненым, почти умирающим, вы спасли мне жизнь, не ожидал когда-либо вас снова увидеть, но очень рад!, – тихо шепнул Норбер человеку напротив.

На душе стало теплее и легче, хоть один человек из этой компании роялистов не казался ему чужим и потенциально опасным.

Барон де Розели мягко наклонил голову и сделал жест, он также узнал нового мужа мадам и также очень тихо ответил, чтобы не привлекать внимание других:

– Поговорим позднее, не за общим столом! Думаю, у нас еще будет повод встретиться в более непринужденной обстановке?

– Когда вам будет удобно, не представляете, как я рад вас видеть... Почему не пришла Мария, с ней все в порядке?

– Да, у нас всё в порядке, спасибо. В другой раз мы придем вместе.

Удивительное дело, кажется, никакой другой роялист не способен был вызвать у Куаньяра такого взрыва позитивных

эмоций...

Хуже другое, виконт Альбер де Марси близко рассмотрев Куаньяра, вдруг тоже о чем-то вспомнил и слегка отшатнувшись, отрывисто вырвалось:

– Комиссар Конвента, верно?!... Вашу миссию в Майенн в 93-м никогда не забыть!

Куаньяр смотрел на виконта внимательно и спокойно:

– Напомните мне, пожалуйста, месье, где именно мы с вами встречались? Всё же прошло почти 11 лет...

– Извольте. Примерно в 3 километрах от Майенна, у дороги на краю леса, вы подобрали меня раненого и после оказания помощи собрались доставить в трибунал. Если бы вам удалась ваша затея, я уже не сидел бы сейчас перед вами.

На губах Куаньяра вдруг появилась слабая улыбка:

– Да, я вспомнил эту давнюю историю. И знаете, что я вам скажу, притом честно... я рад, что моя затея мне не удалась, будто камень с души упал. Я... теперь можно так сказать, не хотел становиться виновником вашей казни, но требования долга страшная вещь, сами понимаете. Ваши появились так неожиданно, как черти из табакерки. Так что выходит, это я вам обязан жизнью или, потом вы пожалели, что отпустили меня?

Какая ирония судьбы собрала сейчас их всех за одним столом?!

– Господа, пожалуйста!, – нервно улыбаясь, побледневшая мадам Куаньяр пыталась рассеять разом возникшее на-

пряжение, – граждане, спокойнее, вы все дали слово, сегодня мой день...

Раздались возгласы извинений, снова поднялись бокалы.

В глазах де Марси появилась задумчивость и неуверенность, секунду он молчал, разглядывая Куаньяра:

– Чуть позднее, я сомневался, что поступил верно, узнав еще больше и подробнее о масштабах... вашей деятельности в Майенне... Это с одной стороны, а с другой... тогда в лесу, при коротком личном общении, мне даже стало казалось, что человек, сидящий передо мной... и страшный комиссар Куаньяр это разные люди... Ну и хватит об этом. Чему суждено быть... Я ни о чем не жалею.

Помочь хозяйке разрядить обстановку и сменить взрывоопасную тему решил Арман Розели:

– Господа, злая ирония судьбы состоит в том, что теперь у всех нас есть и то, что нас объединяет, я имею в виду наше общее отношение к самозваному императору! Господа... граждане, предлагаю тост, за Францию, за её процветание и мир!

Ситуация была спасена, новая тема, интересная обеим сторонам все же нашлась, но ненадолго.

Де Марси обернулся к доктору Розели и опустив глаза тихо сказал:

– Арман, согласитесь, если бы вы заранее знали, что второй муж мадам д'Аркур, не просто из якобинцев 93 года... этого уже достаточно, но тот самый майеннский комиссар,

разве вы сами явились бы сюда... вспомнив о судьбе вашей сестры?

Розели изменился в лице и нахмурился, его ответ прозвучал очень тихо, но четко:

– При всем уважении, Альбер, никогда не трогайте эту тему, никогда.

Лапьера также нервно разглядывал через стол ухоженный мужчина лет 60-65, представленный как граф де Турнэ. Лоран также отвечал ему косыми взглядами, хотя и не мог вспомнить этого человека. И решил прямо выяснить это:

– Месье де Турнэ, могу я узнать, в чем причина вашей заинтересованности? Хотелось бы понять, в чем причина?

Тот нервно покрутил вилку в руке и наконец, медленно произнес:

– Так вы меня даже не помните? К чему? Сколько, наверное, нас было таких... Я... и моя семья были арестованы... находились в Ла-Форс летом 93-го... вы... именно вы предложили мне сотрудничать в обмен на наши жизни и возможность остаться с семьей в Англии...

– Я вспомнил вас, извините. И что же, вы теперь чувствуете ко мне ненависть? Не понимаю, ведь вы и ваши близкие живы...

Старый де Турнэ на минуту опустил голову и задумался:

– Ненависть? Не знаю, наверное, это что-то другое, но тоже тяжелое чувство. Увидел вас и словно время сжалось и не прошло этих лет, и снова 93-й год, когда за нами пришли

люди из Общественной Безопасности... ваши люди.. Среди летней жары вдруг стало холодно... Впрочем, вы не поймете... Сейчас я здесь только из уважения к мадам и господину де Бресси, но больше я не приду в этот дом.

Что я чувствую? Я не хочу вашей крови, не хочу мести и «белого» террора, но... не хочу вас видеть, не именно вас... вас всех видеть рядом с собой и моими близкими... патриоты... герои 93 года... Мне жаль господина де Бресси, этот брак... эта выходка его любимой племянницы будет для него тяжелым испытанием..Он с детства заменил ей отца, но он не присутствует здесь сейчас... оба кузена тоже не явились. Да-да, семейные обстоятельства, понимаю, какого сорта эти обстоятельства...

Лоран закурил и все время, пока роялист говорил, не поднимал глаз от пепельницы. Другого итога он и не ждал от этой встречи непримиримых, пусть жена Норбера сама увидит последствия своего предложения.

Куаньяр обернулся в сторону Лорана и де Турнэ:

– Вы знакомы? Что за странный вечер встреч, верно? Кажется, только наши дамы и месье де Сен-Клер не знают ни меня, ни моих товарищей.

– «О, да, месье Куаньяр..., – тут же прервался, – или я должен называть вас гражданин?»

– Это... как вам будет удобнее или привычнее, месье – Норбер сегодня просто сама любезность.

– Благодарю вас. Наше знакомство с... гражданином Ла-

пьером давнее, тому 11 лет...некоторое время мы даже... поработали... вместе», – старый де Турнэ смотрел на Лапьера в упор, но тот упрямо изучал содержимое своей тарелки, – он сумеет уговорить кого угодно, найдет такие железные аргументы, что не откажешься.

Тон де Турнэ был слегка натянутым и ироничным с оттенком неуловимой горечи.

– Неужели... он никогда ничего не рассказывал об этом».

Странное застолье продолжалось не так долго, как предполагала молодая хозяйка. Встреча не доставила искреннего удовольствия никому, несмотря на всю подчеркнутую вежливость и корректность.

Обычные свадебные шутки и тосты звучали слегка формально и быстро исчерпались. Отвлеченных бесед на литературно-философские темы никак не получалось, как котят влечет шуршащая бумажка, всех влекли именно такие темы, которые ради мира за столом нельзя было поднимать. Положение усложнялось тем, что некоторых из сидящих за столом, десятью годами раньше, сталкивала гражданская война.

Один Розели держался вполне непринужденно и добродушно, перед уходом они долго разговаривали с Норбером на балконе, похоже было, что они договорились о новой встрече.

– Ну, вот и всё. Я честно сделал всё, что мог. Делай выводы сама, – обернулся Норбер к погрустневшей Луизе, когда они остались одни.

На следующий день Лапьера и Метжа Норбер застал у себя в гостиной, Луиза не понимала их таинственности, но оба товарища молча поднялись, в их взглядах светилось торжество, ведь Куаньяр свободен не без их участия! А он первым делом, ни произнеся ни слова, выразительно протянул Метжу руку. Лишь вырвалось короткое:

– Спасибо, брат!

Лапьер молчаливо улыбался, наблюдая эту сцену. Одна Луиза ничего не понимала и с удивлением наблюдала за ними.

Лишь тут Норбер узнал, отец бонапартиста д Уарона – старый республиканец, лично помогавший Шевалье доработать «адскую машинку»... Папаша поставил сына в сложное положение, если только молодой д Уарон не решится, в недобрый час, изобразить древнего римлянина.. и пожертвовать жизнью отца в угоду карьере... Но чиновники бонапартисты не римляне...

А пока, люди пили за удачу и успех общего дела, строили планы...

Что же ждет уцелевших якобинцев впереди? Впереди членство в подпольной франко-итальянской республиканской организации филладельфов, впереди отчаянные заговоры генералов-республиканцев Мале и Моро.

Пока мы живы, жива и надежда, пока мы живы, не всё еще кончено, господа, пособники Бонапарта и Бурбонов.

Рестаuration монархии во Франции и белый террор 1814-1816 гг

«Бурбоны ничего не забыли, но ничему не научились».

Эмигранты делали вид, будто ничего и не происходило между 1789 и 1814 годом. Для них не было ни революции, ни Бонапарта. Историки-роялисты пытались вовсе вычеркнуть имена Марата, Робеспьера из школьных учебников истории.. А Бонапарт в их переписанной истории оказался всего лишь одним из генералов на службе у его христианнейшего величества Людовика XVIII!

Они не желали понимать, что король, занявший трон казненного, никогда более не будет «священной особой» в глазах народа. Мрачное молчание одних граждан, и трусливое, озабоченно-неискреннее «да здравствует» других, считались у эмигрантов за «всемирный восторг» от их возвращения..

Теперь очень многие били себя в грудь, что «все эти страшные годы» в глубине души «возмущались происходящим», «оставались в мыслях верными трону» и «тайно скорбели о судьбе королевской семьи», поспешно строчили сентиментальные мемуары, призванные выбить слезу или сразу орден, даже палач Сансон не оказался в стороне. Был ли искренен Сансон? Бог знает! Но доверять основной массе этих поспешно сляпанных мемуаров, оснований нет.

Вот трагикомическая ситуация! Кто же тогда столь ожесточенно воевал с роялистами, с интервентами в далеком

уже теперь 1792- 94 году, кто же ценой сотен тысяч жизней не пустил англичан, немцев и австрийцев в Париж, если в 1815 все вдруг оказались «верными трону»?

То же самое уже происходило на рубеже 18-19 веков. Бонапарта вознесла к власти и прославляла именно та сила, которая убила и прокляла Робеспьера и якобинцев, французские олигархи, наконец, нашли себе покровителя, который защитит от трудящейся за гроши «черни» их наворованные капиталы и покончит с идеями подлинной демократии и социальной справедливости, о, теперь это называлось уже иначе – «непристойные вопли анархии...»

Люди, нажившиеся при власти Директории, могли быть довольны, в годы консулата и империи воплотилась их идея – «лишь там, где правит собственность, там правит закон».

Иное дело, что собственники создают законы в своих узких интересах и интересы их чаще всего чужды и враждебны народным, то есть обще-национальным, но об этом теперь говорить вслух уже нельзя, любые замечания вызывают бешеную агрессию, в выражениях не принято стесняться... – «экстремизм, подрыв основ человеческого общежития! Что, снова жажда крови замучила?! Хочется снова поставить на площади гильотину?!»

Но отчего и нет? Гильотина отличное воспитательное средство, как для прежних «хозяев жизни», так и для новых... Впрочем, большинство республиканцев начала 19 столетия были реалистами и вовсе на этом не настаивали.

Агрессивны и нетерпимы к замечаниям республиканцев именно те, кому есть чего бояться и они знают это, и ограниченность других, ... что толку пытаться отвечать на эти глупые обвинения, если вас не слышат и не хотят слышать принципиально?

Не только дворяне, вернувшиеся из эмиграции, но и банкиры, финансисты буржуа намеренно запугивали республиканцами малообразованных аполитичных обывателей, крича: «Они воплощение зла и жестокости!»

А кто же здесь воплощение добра и милосердия? Роялисты?

Они снова провозгласят Республику и назначат выборы в новый Конвент! (Так что в этом дурного?)

Вместе с ними вернется гражданская война и Террор!» Забывая с умыслом, что революционный террор 93 года не причина гражданской войны, а ее следствие, развязанной именно контрреволюционными дворянами и буржуа, теми, кто вернулись к власти на костях якобинцев...

Почва под корсиканцем заметно зашаталась только тогда, когда бесконечные военные расходы начали разорять поддерживающую его власть основную базу – всё тех же крупных собственников, человеческие и экономические ресурсы были истощены до предела, в армию стали призывать 15-16 летних подростков, призывники уклонялись, даже прятались в лесах, женщины стали делать аборт лишь для того, чтобы из их детей не сделали «пушечное мясо» для оче-

редных «звездных» планов «дикого горца», в стране начался кризис производства...

Официальные вопли «ура!» и «Да здравствует император!» не выражали сути, попробовал бы кто закричать иное... Либо застенки «сюртэ», либо закрытая психиатрическая клиника...

Племянник Дюплэ, Симон, бывший секретарем Робеспьера, много лет позднее побывал и агентом полиции Бонапарта, послужил и в королевском министерстве внутренних дел после Реставрации... Такова низменная часть человеческой природы... Что толку скрывать, таких было немало... Впрочем, с другой стороны, выжившим тоже нужно было чем-то жить и где-то работать.

Благороднее и честнее прочих оказались те, кто не кричал «Да здравствует!» корсиканцу, кто, спустя 15 лет, мрачно молчал, надвинув шляпу на глаза, провожая взглядом развевающееся в руках всадников белое знамя с ненавистными лилиями Бурбонов!

Их ожидала волна нового, теперь уже монархического террора, очередная волна за истекшие с Термидора 20 лет.

В это время дворяне, вчерашние эмигранты не теряли времени, возвращали себе имения и замки, заняв прежние места при дворе и приняв привычную позу просителя, снова выклянчивали из казны подачки с немалым количеством нулей, возвращали свои привилегии, реставрации подлежало всё, из-за чего произошла революция 89 года...

Но не согласия и примирения желали эмигранты, а мести, крови ненавистных республиканцев и бонапартистов требовали вернувшиеся господа..

«Белый террор» захлестнул Францию. Заработали чрезвычайные суды, начались массовые аресты, казни и ссылки...убийства республиканцев и бонапартистов кровавым пятном расплзались по стране.

Крови было так много, что даже Людовик XVIII увидел в этом угрозу взрыва общественного возмущения и новой революции. Он согласился принять Хартию, это убогое подобие конституции и Франция всё же стала конституционной монархией, но главенствующие позиции всё же оставались за дворянством. В особой чести теперь бывшие эмигранты, а также аристократы, избежавшие казни в период власти Конвента.

Тёмные годы для тех, кто пережил чудовищные репрессии Термидора, при Директории и Империи...

В январе 1816 года был утвержден новый репрессивный закон против уцелевших якобинцев, очередной за прошедшие 25 лет...

Норбер Мари Куаньяр, арестован среди прочих...

К этому времени старый де Бресси почти примирился с тем, что Куаньяр стал членом его семьи, но гораздо труднее оказалось для него согласиться с тем, что с этим «неравным» браком Луиза и двое их сыновей Максимильен Мари Исидор и Жак Анж Анри, которых он считал своими внуками,

лишились дворянства.

К удивлению Норбера, де Бресси проявлял активное участие в его судьбе. Став пэром Франции, он приобрел нешуточное влияние, в том числе и при дворе Людовика ХУШ.. Неизменно верный Бурбонам, «жертва революционного террора», не запятнавший себя службой Бонапарту, он имел значительный авторитет..

Жизнь Куаньяра некоторое время висела на волоске, на него градом сыпались обвинения, нередко ошибочные, преувеличенные и противоречивые.

Спасенные им когда-то люди в основном сами были республиканцами, их показания никого не интересовали, трудность в том, что многие спасенные им от эшафота даже не знали его имени, как и Робер Вольф, он не рисовался в качестве «благородного покровителя».

Кто же мог сказать теперь в его защиту? Несколько глубоко престарелых священников? Из тех, что были им спасены во время сентябрьской резни 1792... Вот уж кого Норбер не думал когда-нибудь увидеть.. Доктор Розели с сестрой?! Спасибо.. не затаили ненависть за судьбу сестры.. милая Анриэтта, и ты.., и мадемуазель де Сен-Мелен.. Он понимал, что любые слова Луизы не будут приниматься в расчет, она жена и лицо заинтересованное.

Лагерь врагов и сочувствующих раскололся, но перевес был всё же на стороне первых... Настроения аристократической, роялистской публики ясны – «хороший якобинец» –

«мёртвый якобинец»...

Де Бресси взялся за дело защиты со всей серьезностью, используя всё своё влияние. Что же им руководило, может чувство вины?

Луиза приходила всё реже, в последнее время у неё начались проблемы со здоровьем. И всё же она приходила поддерживать его, но выглядела всё более бледной и слабой. Однажды она не пришла.. Куаньяр метался по камере, как раненый зверь... первое, что граф услышал, появившись перед ним:

– «Почему она не пришла? Скажите мне правду, ей совсем плохо?!...», – Норбер искал взгляд де Бресси, – почему вы молчите?!»

– Нет.. не хотите же вы сказать.. что... – смуглое лицо стало зеленоватым.

– Норбер...

– Когда?...

– Сегодня утром...

За свои 70 лет де Бресси пришлось увидеть немало, но чтобы так резко менялось человеческое лицо.. Смуглая кожа посерела, на лбу выступила испарина.. А взгляд стеклянных остановившихся глаз, из привычного выражения словно ушло что-то очень важное, но что именно .. внутренняя энергия и воля к жизни?

Но удивительный всё же человек, подняв на де Бресси совершенно безжизненные страшные глаза он лишь коротко

спросил:

– Вас всё еще интересует моя судьба, господин граф? Завтра мне предстоит защищаться, но этого желания у меня больше нет.. Не настаивайте больше на высылке, пусть господа увидят, как умирают якобинцы...люди 93 года...получат удовольствие...

Де Бресси сел рядом:

– Пассивным самоубийством вы ей не поможете. Но у вас растут сыновья, вы должны прежде всего думать теперь о них.. Или вы намерены продолжить свою.. деятельность в эмиграции, а их решили оставить мне?

Короткое время Куаньяр молчал, а потом подал графу руку.

– Нет. Мои планы пусть остаются при мне, но детей я оставлять где-либо не намерен, извините, но даже и вам.. Мне не будет позволено увидеть ее.. в последний раз?

Де Бресси вздохнул:

– Сами должны понимать, что это невозможно.. Но ваша судьба не так страшна, вы отправитесь в Бельгию, в Брюссель под надзор сюртэ и союзников из стран Священного Союза..Согласитесь, Брюссель не малярийная Гвиана..»,– и продолжал, с удивлением заметив на мрачном лице Куаньяра тень отвращения, переспросил, – Господи, чем вы еще недовольны, безумец, для вас это лучший вариант!

– Этот мягкий приговор.. вам этого не понять.. роняет меня в собственных глазах.., – он мелко дрожал от нервного на-

пряжения, – бешеный пёс мучается и сам ищет пули.. а ему бросают сладкую булочку.. Господин граф, сознаю, что звучит это весьма грубо, но в этом есть своя правда.. Что ж, скажите по совести, не заслужил я от роялистов гильотины? Стало быть, гражданин Куаньяр был скверным революционером и патриотом?..

Растерянно, с непониманием и ужасом глядел на него старый де Бресси:

– Я не желаю более этого слышать... Я знаю, что вы очень любили Луизу и тоже... очень виноват перед вами.. Без ложной гордости еще раз... прошу у вас прощения. Депрессия явление временное, но думайте больше о ваших сыновьях, они лишись матери, вы нужны им сейчас как никогда.. И в том, что вас так мучает.. хоть вы и правы, мне этого не понять.. разве все ваши товарищи, которых не казнили, а выслали из страны были скверными... патриотами, вот недавно выслали в Швейцарию некоего Буонарроти, уехали в Брюссель Давид, Амар и Вадье...

Заметив слабые искорки жизни в равнодушных темных глазах, он успокоился. Сильная натура, выживет, только нужно время.

Посетив камеру Куаньяра на следующий день, граф столкнулся с выходящим врачом.

– Могу я узнать, что случилось, месье?

– Схватило сердце.. Удивительно, этот якобинский выродок здоров как вол и кажется, если не отправят на гильотину,

которой он заслуживает, то ничего иного ему не угрожает..и вдруг ..кто бы мог подумать...», – чёрствый тон и грубая насмешка сопровождалась небрежным жестом.

Де Бресси вдруг жестко оборвал его:

– Выбирайте выражения, сударь! Перед вами дворянин и пэр Франции! Этот человек был мужем моей ...покойной племянницы!

Врач побледнел и, запинаясь, ответил, прижав руку к груди:

– Извините,... господин граф!

Де Бресси присел рядом.

– Как вы себя чувствуете, Норбер?

Куаньяр слабо улыбнулся:

– Спасибо, не беспокойтесь, мне лучше.. А заодно и выяснилось, что сердце у меня всё-таки... не бронзовое...

– Вас выпустят в понедельник..Всё уже решено.. высылка.. Брюссель.. Я.. обязательно приду проводить вас и внуков, я стар, Норбер, не думаю, что мы еще встретимся..., – с минуту де Бресси молчал, а затем вдруг порывисто обнял республиканца.

«О, якобинцы, век наш недолог.

Где наша юность, наши мечты?

После победы – кровь Термидора,

После победы – изгнания пути.

О, якобинцы, где же вы, где вы?

Вихрем жестоким разбросаны все.
Кто-то в Кайенне, кто-то в Женеве,
Кто на Монсо, кто-то на Эрранси.
Встретимся все мы, что уцелели,
Вспомним о мертвых, примем живых,
Нет ни Сен-Жюста, ни Робеспьера...
Как же теперь мы жалеем о них!

Вспомним еще раз небо Парижа...
Франция, как ты от нас далека!
Где-то в Брюсселе, кистью Давида
Заговорит монтаньяров тоска.

Что же теперь скажут нам наши дети?
Родины нет ни у них, не у нас.
Ветер судьбы разбросал нас по свету.
Если бы собраться в последний нам раз!»
(Елена Шонь, 1991 год. Спасибо автору стихов).

Изгнание якобинцев. Годы эмиграции 1816-1825 гг.

Массовая депортация французских революционеров в 1816-1819 годах, привела лишь к тому, что на территориях франкоязычных Бельгии и Швейцарии образовались целые компактные группы ссыльных якобинцев -эмигрантов.

Власти этих стран были обеспокоены таким положением вещей, а отчеты тайной полиции показывали, что отнюдь не

случайно.

Республиканцы даже в таких условиях сохраняли прежние связи между собой и не потеряли своей обычной активности.

Интересно иное, даже в таких условиях эти несчастные упрямо продолжали делиться на жирондистов и якобинцев, а последние сохранили рознь между эбертистами, дантонистами и робеспьеристами.

Эти люди жили своим прошлым, у них была трудная, но яркая жизнь, им было что вспомнить, по существу это всё, что у них осталось, реальность давно стала беспросветной и жестокой.

Режимы буржуазной Директории и искусственной Империи были к ним остро враждебны, их убивали и бросали в тюрьмы. Они, которым одним было по силам построить новую модель общества, были вынуждены научиться банально выживать, бороться за жизнь...

Грозный 1793 год это их молодость, время очень сложное и очень светлое одновременно, там остались самые благородные мечты и надежды, там у них был Смысл жизни, они точно знали, ради чего стоит жить и умереть, ради чего можно стойко переносить личную неустроенность, любые опасности и трудности.

Те, кто хоть краем глаза достиг берегов Земли Обетованной, никогда не смогут повернуть назад, их считали замкнутыми, «фанатиками идеи», а они духовно задохались в узких

рамках буржуазной цивилизации Директории и Империи, в феодально-дворянском мире Реставрации.

Даже приподнятый тон их речи происходил именно оттого, что сам духовный настрой их был слегка приподнят над беспроектной прозой повседневности, а их морально «жидкие» обуржуазившиеся дети и внуки сочтут это всего лишь красивым ораторским приемом, игрой на публику.

Что ж, кто-то и играл на публику, но не Марат, не Робеспьер и Сен-Жюст, не уцелевшие после Термидора якобинцы...

Расчетливые наследники их идей 30-35 лет спустя не слишком верили в их искренность именно оттого, что сами не были также искренни, теперь слова о «свободе» и «демократии» затаскали, употребляя не по существу те люди, которые сделав их их щит, прикрывающий их собственную власть, не имели на это морального права.

Репрессированных якобинцев стали расселять по территории Австро-Венгрии, на окраинах империи по берегам Адриатики..

Священный Союз – политический блок ведущих монархических государств Западной Европы и Российской империи, созданный с целью охранения самодержавно-монархических начал и не допущения распространения демократических, республиканских идей и настроений в своих странах и военная помощь в подавлении возможных революционных выступлений. А наиболее свободомыслящие современники

говорили короче и проще: «союз королей против своих народов».

Священным Союзом было принято решение ужесточить надзор и расселять этих энергичных и непокорных людей и по другим странам Европы. Даже в таком положении эти люди и не думали о том, чтобы покориться превосходящей силе реакции, смириться, опустить руки, а тем более униженно каяться.

Тайное общество филладельфов, основанное загнанными на нелегальное положение якобинцами на рубеже 18-19 веков, преобразовалось в тайную организацию карбонариев. Одним из руководителей считался Филипп Буонарроти, тот самый, из «людей 1793 года», товарищ Робеспьера, один из отцов-основателей общества филладельфов.. Но никаких прямых доказательств против него не нашло даже бонапартистское «сюртэ», не нашли их и шпионы Бурбонов..

Даже Наполеон, не испытывавший уважения к людям, для него Право Силы всегда было важнее, чем Сила Права, считал этого человека одаренным, очень умным и опасным, как-то даже выражал сожаление, что не сумел привлечь его на свою сторону.

Однако, есть основания считать, что связи этой организации простирались не только на ближайшие к Франции и Италии государства, но и на восток до самой Северной Пальмиры, до Санкт-Петербурга...

Гражданин Куаньяр и русский студент.

Июль 1824 года. Брюссель. Кафе «Тысяча колонн» было излюбленным местом встреч старых якобинцев.

Удивительно, но даже эмиграция не примирила жирондистов и якобинцев, общаясь между собой эти люди часто, по-прежнему говорили «гражданин», вопреки и назло торжествующим победителям, сохраняли политические традиции 1793-94 года.

Норбер Мари Куаньяр был среди республиканцев – эмигрантов фигурой достаточно заметной. Время несущественно изменило его. Совсем не похожий на пожилого человека 60 лет, имеющего взрослых сыновей, его солидный возраст скорее угадывался, чем был виден. Стройный и подчеркнуто прямой, углубленный в себя холодный взгляд тёмных глаз, но в длинных чёрных волосах теперь серебрилась седина...

Верность прошлому он сохранил даже в одежде, его костюм, фрак, скроенный по моде 90- годов 18 века, высокий пышный галстук, короткий жилет «a la Robespierre» в вертикальную полоску, узкие брюки и высокие кавалерийские сапоги, невольно привлекал к нему взгляды, удивленные или даже враждебные. Норбера эти взгляды ничуть не смущали.

Такая приверженность старой моде, конечно же, не редкость для пожилых людей, но этот костюм вызывающе подчеркивал принадлежность этого человека именно к старым якобинцам.. Отчего так?

Старые роялисты тоже часто отличались консерватизмом

в одежде, но они предпочитали еще более устаревший, до-революционный стиль 80-х гг. 18 века. Кафтаны и камзолы вместо фраков с коротким жилетом, пудренные парики, красные каблуки...

Он направлялся в «Тысячу колонн»... Оглядел зал, посетителей сегодня больше, чем обычно, знакомые лица, соседство давних товарищей приятно грело душу. Амар, Вадье.. Не без труда нашел свободный столик, но через четверть часа к нему подошёл высокий и тщательно одетый молодой человек, ровесник старшего сына примерно 22-23 лет.

– Месье Куаньяр, позвольте присесть?

Норбер поднял на юношу спокойные, внимательные глаза и сделал приглашающий жест:

– Не имею чести знать вас и всё же.. прошу!

– Андрей Каржавин, сударь, я студент из России, товарищ вашего сына Максимильена...

Куаньяр слабо улыбнулся:

– Вот как.. Вы отлично знаете французский, никогда не подумал бы, что вы иностранец.. А учитель, судя по вашему выговору, как видно, был южанин.. Позвольте узнать, зачем вы здесь? Намеренно искали встречи со мной? Вопрос не праздный, поверьте, сюда ходят... не все...

– Я действительно искал встречи с вами, глупо было бы это скрывать.. Максим посоветовал мне искать вас именно здесь.. Я... немного слышал о вас и познакомиться поближе стало буквально навязчивой идеей...

В тёмных глазах Норбера искрилась беззлобная насмешка, он догадался, какого сорта интерес привел сюда этого мальчика, но невозмутимо прикидывался непонимающим:

– Чем же я так знаменит? Бедный эмигрант, обреченный сдохнуть на чужбине без права возвращения..

– Я могу задать вам прямой вопрос?... Верно ли, что вы участник штурма королевского дворца.. бывший депутат и комиссар Конвента.. бывший якобинец..? Ответьте мне.. пожалуйста, для меня это очень важно!

Куаньяр смотрел на молодого человека серьезно, сузив глаза, помолчав, он наконец снизошел до ответа:

– Верно.. только в одном вы ошиблись.. якобинец не может быть бывшим, если он не стал изменником принципам Великой Революции...

Глаза студента засверкали страстью, схватив Куаньяра за руку, он горячо зашептал:

– Знаю, что могу доверять вам, сударь, у нас в России тоже есть республиканцы.. и я.. принадлежу к одному из таких обществ...

Смуглое лицо Норбера сразу стало непроницаемым, как маска, умный и опытный конспиратор, он сознавал, что этот, юный и с виду наивный романтик может на деле оказаться шпионом королевской Франции, ведь все якобинцы находились под неусыпным надзором. Как карбонарий, он отлично знал о существовании Северного и Южного обществ в импе-

раторской России и много чего еще, но сути это не меняло. Мальчишку следует проверить...

– А вы не боитесь своей предельной откровенности?, – холодно поинтересовался он, – вдруг она неуместна и я как раз из тех, кто не ищет неприятностей на свою седую голову и предпочитает «набросить покрывало» на дела прошлых лет?

С интересом наблюдал Куаньяр, как юноша изменился в лице, увидел и долю разочарования, но более всего опасения и озабоченности. Подумав, Каржавин медленно произнес:

– Если бы всё обстояло так, вы не были бы высланы из Франции под надзор полиции Священного Союза...

Максимильен несколько неосторожен, с досадой подумал Норбер..

– Мальчик, они выслали всех подряд..Но если у вас действительно есть что-то для меня, я готов выслушать вас...

Молодой человек мрачно качнул головой и поднялся:

– Думал, что нашел брата-республиканца, но, вижу, что ошибся.. Теперь в вашей власти выдать меня...

– Не горячитесь и сядьте, – Норбер скупым, решительным жестом усадил его на место, – оставьте мне свой адрес и.. через несколько дней, мы поговорим более предметно, вы согласны?

За это время, думал Норбер, оставшись за столиком один, этого Каржавина проверят досконально, и тогда станет ясно, кто он, горе-конспиратор или банальный провокатор...

Через некоторое время, Куаньяр появился на пороге

скромной квартиры русского студента на улице Сен-Фуа. Его встретила стройная золотоволосая девушка, его сестра Анна Петровна, как она представилась гостю, невольно залюбовавшись её юной грацией...

– Считали меня шпионом?, – первым делом с досадой спросил Андрей.

– А вы сударь, кажется, считали меня кретином, я был бы им, если бы не думал прежде всего о худшем.. В мои годы и в моем положении, доверчивость, роскошь непозволительная..

Итак, вы член Южного общества... Извините старика, но если другие члены вашего общества также непрофессиональны, как вы, мне трудно поверить в успех наших русских товарищей.. Не обижайтесь и не спорьте со мной, лучше послушайте .. Вот, что лично я думаю об этом..

То, что затеяли ваши коллеги в России это по существу вовсе не Революция, а банальный военный переворот.. Северяне ваши, обычные роялисты, пусть и конституционные.. вы же, безусловно, республиканцы, но не нашего, не якобинского типа, ваши хотят управлять страной «для народа», но без всякого его участия, странная у вас выйдет Республика, если вся полнота власти окажется в руках прежнего дворянства, пусть и самой либеральной его части... Венецианский вариант? Чем это для народа лучше вашей монархии? И в чем тут демократия? Впрочем, важно начать... первостепенная задача уничтожение крепостного права и дворянских

привилегий... для начала... в любом случае, задача благородна и грандиозна.

Но станут ли эти дворяне-либералы отменять крепостное право и откажутся ли от привилегий своего класса на практике, это еще большой вопрос...

– Вот как? И в чём же уникальность якобинской власти, сударь? Террор я тоже никак не могу обойти стороной, эта тема чрезмерно остра, как, почему он стал возможен? У меня есть счастливая возможность услышать это непосредственно от французского якобинца...

– Это очень серьезная тема, рассчитанная не на полчаса, месье Каржавин.. И всё же, если хотите, послушайте.. – Куаньяр на секунды задумался, – Революция процесс сложный, не только разрушительный, но и творческий, созидательный. Она начинается в умах, сначала группы образованных людей, постепенно её идеи распространяются в обществе и эта массовая заинтересованность и активное участие простых людей основное условие. И вот этот пункт станет опасной проблемой для наших русских коллег, в том, что они затеяли...ваше общество, простой народ к этому совершенно не готово...В задачи Революции входит не только радикально преобразовать политический строй и структуры власти, но прежде всего, изменить сами взаимоотношения личности и государства, человека и власти.

Это не банальный государственный переворот, какие мир

знал даже в древности, это явление особого порядка, в нём участвуют не кучки заговорщиков, а по существу, основная часть общества в той или иной степени.

Это процесс радикальных преобразований, растянутый на годы и не заключающийся в одном факте штурма дворца и тем более в актах политического террора.

Что такое политический террор во Франции конца прошлого века.. Вы вероятно уже выслушали массу глупых инсинуаций на эту тему, ну да, «мы изверги, одержимые жаждой крови, фанатики, нелюди, безумные анархисты и экстремисты...», – выразительно поднял глаза на молодого человека и, увидев протестующий жест, помедлив, продолжал:

– Пункт первый: террор есть средство борьбы с контрреволюцией и экономическим саботажем, это так, но это далеко не всё.

Пункт второй: в якобинской Франции террор есть одно из важнейших средств «народного контроля» над самой избранной властью, осуществляемым через сеть клубов (народных обществ) в каждом городе и городке Франции, с центром в Якобинском клубе Парижа.

– Но как же осуществлялась власть и кому конкретно она принадлежала в таком случае?», – Куаньяр увидел удивление в лице молодого человека.

– Наша власть была сугубо коллегиальна на всех уровнях, и росчерк пера одного человека не мог решать судьбы страны и нации. Ни Робеспьер, ни Марат, ни Дантон не были ни

непререкаемыми начальниками, ни тем более правителями, как думают те, кто не может представить себе государство без «государя»... где пирамида власти завершается не острием, а усеченной площадкой в лице Конвента и правительственных Комитетов и всё же без сети народных обществ никуда в принципе, это главный нерв... Если эту власть и можно было назвать диктатурой, то это «диктатура без диктатора» вопреки распространенным представлениям тех, кто органически не понимал наших принципов.

То есть, при якобинской модели власти избиратели (нация) оставляют за собой право контроля и возможности жёсткого давления на чиновников любого уровня, депутатов, генералов. Они – реальная сила, имеющая право требовать отчета и смещать своих избранников, а не стоять перед чиновником в позе смиренного просителя! Отзыв для отчета, смещение с должности, наконец, срок заключения или даже эшафот, вот основные меры воздействия...

Для того, чтобы эта система работала, нужен определенный уровень политической грамотности и активности населения.. Нация должна выйти из положения пассивного ведомого... Активности у французов было более чем, а вот с политической грамотностью простых людей все же были сложности..

У вас же, в России, всё еще сложнее.. страна, где всего 10% населения свободны и образованны, из них половина аристократы, потенциальный враг, а 9/10 составляют совер-

шенно неграмотные крепостные люди, которые даже не слышали.. не понимают, что такое Республика, демократия и как можно физически жить без «государя-самодержца», «отца народа»... которые эти декларативные заявления о свободе поймут скорее всего, как призывы к анархии.. это обычная ошибка бедных невежественных людей.. Не знаю.. как на практике это может выглядеть...вы рискуете вызвать банальную пугачевщину..хаос... либо провалитесь и погубите себя, а режим ужесточится еще более..

Так вот, слаженная работа сети обществ называлось режимом «прямого народовластия», в отличие от более привычной нам парламентской формы, где «избранники» получают право вполне безраздельно властвовать над населением, т.е. своим избирателем, а механизмы контроля фактически не существуют. Но не «прямая демократия», а именно такая форма Республики фактически и закрепилась у нас после Термидора, при Директории, отчего, сказать несложно..Не лично Робеспьера убивали 9 Термидора, чиновники уничтожали сам режим «прямого народовластия» и контроля над собой... – он выдержал паузу, внимательно наблюдая за молодым собеседником, – вы хотите что-нибудь сказать или возразить?

– Я желал бы выслушать вас до логического конца, и лишь потом выскажу свое мнение, сударь.

– Извольте. Что касается наших особенностей: якобинцу чужд и враждебен культ личности и рабское чинопочитание,

возродившиеся в годы Империи (за одно это мы выйдем глазами сторонников единоличной власти), он исповедует культ принципов, темы уничтожения частной собственности мы не касались вопреки мифу... (идея пре-словутого аграрного закона, которым жирондисты пугали своих богатых избирателей, исходила отнюдь не от якобинцев, а от группы ультра-радикалов из бедноты, возглавляемой сельским священником Жаком Ру.) И что касается вопроса о земле. В 1793 якобинцы предлагали, разбив дворянские земли на участки, продавать крестьянам в рассрочку. Но эта идея была реализована далеко не полностью по причине сильнейшего сопротивления крупных собственников, те требовали, чтобы земли не дробили, а продавали вместе с имениями.. легко понять, кто сможет в таком случае их покупать... Но всё же после этой реформы во французской деревне увеличилось количество зажиточных крестьян. – И всё же, где же корни Террора?

На губах Куаньяра невольно возникла слабая усмешка:

– Отчего-то этот вопрос мучает очень многих более прочего... По поводу происхождения революционного террора во Франции за истекшие 30 лет написано немало, на сотнях страниц нас усердно проклинаят за «жестокость, тиранию этих 14 месяцев». Впрочем, никто из этих господ никогда не касался темы многовекового террора, которому подвергалась нация со стороны титулованных хозяев жизни, контр-революционного «белого» террора, жертвами которого ста-

новились мои товарищи в 1792-1793 году, после Термидора, в годы Директории, Консулата, Империи и при реставрации монархии, то есть на протяжении целых 20-25 лет!

По примерным, пусть и не очень точным оценкам за 1792-1794 гг. были гильотинированы примерно 17 тысяч человек, в самом Париже 6 тысяч. Речь не шла ни о сотнях тысяч, ни тем более о миллионах, как любят писать ныне верноподданные господа, пугая нами людей... Всё население Франции составляло тогда 25 млн человек. Остальные потери можно отнести за счет войны с интервентами и гражданской войны и эмиграции... шуаны отнюдь не безвинны и схвачены с оружием в руках... но ведь интересуют всех именно непосредственные жертвы эшафота.. К тому же, в эти 40 тысяч входят отнюдь не одни аристократы, даже не одни роялисты, но и жирондисты, люди Дантона и Эбера, и мы сами, репрессированные после Термидора люди Робеспьера...

Будьте же справедливы и внимательны, те, кто более всех льет слезы, обычно озабочены только судьбой представителя высших классов, особенно дворянина и защитника трона, другая кровь для них подчеркнута не имеет значения... стало быть это вовсе не гуманизм, не христианские чувства, а четкая политическая позиция! Нас пытаются разжалобить судьбой принца, лишённого Революцией трона, но этим авторам безразлична судьба умирающих с голоду ребятишек деревни в предреволюционной Франции... нищета малень-

ких жителей рабочих кварталов... Но мы отвлеклись...

Сделаем вывод, собственно аристократов из этих 40 тысяч даже не половина, а скорее всего гораздо меньше, тысяч пять-семь, учитывая, что самая ненавистная народу крупная придворная аристократия сбежала в эмиграцию... Тем более террор имел место не равномерно по всей стране, можете мне поверить, а областями, особенно это касалось мятежных запада и юга страны... где нас убивали особенно активно...

Так откуда же возникло впечатление о «чудовищном» количестве жертв? Может из-за активных репрессий именно в этих регионах? Право, самому интересно... Или дело в том, что аристократы привыкли, что это они могли безнаказанно насиловать и убивать простолюдинов и не привыкли чтобы убивали их самих, отсюда вопли об «ужасах»!

– Почему исключительно смертная казнь, будто нет других мер..

–Неправильно думать, что в любом случае «жестких мер» речь у нас непременно шла о гильотине, существовали и обычные меры вроде отзыва для отчета, снятия с должностей, тюремного заключения.

Деятельность комиссаров Конвента во многих департаментах была в основном реформаторской, а не «террористической». Многое зависело и от личности комиссара, не все они свирепствовали как Карье в Нанте, не все грабили как Тальен в Бордо, люди добром вспоминали Филиппа Леба и брата Робеспьера, при них никогда не было ни произвольных

арестов, ни массовых казней, ни вымогательства. Власть комиссаров Конвента действительно была огромна, они могли смещать местную администрацию, генералов, в их подчинении находилась деятельность трибуналов.

Миллионы французов жили, работали, занимались учёбой или хозяйством, женились-разводились, воспитывали детей, лишь малая часть населения жила активной общественной жизнью...

– Вас часто определяли чудовищной смесью анархии и диктатуры...

Норбер лишь глухо рассмеялся:

– Не замечая, что это обвинения взаимоисключающие.. До централизации 1794 года такое поверхностное впечатление могло иметь место, ведь разные структуры власти, чьи полномочия не были четко разграничены часто сталкивались между собой.. Администрация жаловалась на клуб и парижских комиссаров, клуб жаловался в Париж на комиссаров..., придушенная администрация жаловалась и на тех и на других...когда же началась централизация, чиновники уже привыкшие к демократической «вольнице», почувствовали себя ущемленными и стали жаловаться на «диктатуру Комитетов», в 94-м вопили о «диктатуре» и прижатые нами олигархи.. те самые, что были довольны в 93-м.. заняв особняки казненных аристократов...

– «Сударь.. а что касается законов этого времени.. знаю,

что конституция 93 года так и не стала реально действующим документом?

Норбер задумался:

– Как точнее объяснить вам.. по порядку..Революционное государство находится в особом состоянии (внешняя война и внутренние угрозы безопасности, заговоры, шпионаж и на этом фоне коренная реорганизация всех государственных структур на всех уровнях, быстроменяющаяся политическая обстановка, требующая то введения, то отмены кратковременно действующих декретов для решения сиюминутных задач), конституция, рассчитанная на условия мирного времени в данной обстановке станет «мёртвым» недействующим документом. Так как ограждая права всех она при этом будет защищать опасных врагов молодой Республики, сохраняя им жизнь и свободу, а стало быть и возможность далее вредить и убивать.

Конституция в таких условиях сделает патриотов беззащитными и бессильными перед врагом, зато тем даст все преимущества. В чем? Роялист может дерзко заявлять, что имеет право агитировать против установленного республиканского строя, устно или со страниц газеты – «свобода слова», арестовать же, судить и казнить его никак нельзя – а как же «права человека», скажет, что имеет право собираться с единомышленниками, в том числе вырабатывать планы вооружённой борьбы с «новым режимом» и прикроется «свободой собраний»? Каково? Следовало вырвать у них эти ко-

зыри. Идеи нашей Революции чисты и лишены всякого человеконенавистничества по существу, но реальная жизнь мало похожа на «молочные реки с кисельными берегами» и для начала надо было выжить... Важно было соблюсти умелое сочетание демократических принципов и жёстких мер по их защите и уцелеть для начала. Это и есть «сочетание добродетели и террора» из доклада Робеспьера от 5 февраля 1794 года.

Ведь защитники старого режима и не скрывали, что не отменят, а переориентируют политический террор в случае своей победы, начнутся массовые казни революционеров и всех сочувствующих «новым идеям», это вытекало даже из переписки аристократов-монархистов. И это так.. сколько моих товарищей казнены или убиты без суда в 1815-1819 годах...

Революция есть процесс творческий, учреждающий, когда политическая модель еще не приняла окончательных, застывших «конституционных» форм, гибка и изменчива. Её защитники не имеют морального права на «наивное прекраснодушие», пока – нормы демократии еще в немалой степени декларативны, это заявка на будущее, которое предстоит сначала защитить в жестокой борьбе. Сами же демократические нормы по большей части неприменимы в условиях военного времени, это и осознали летом 1793 года, отложив введение новой конституции до окончания войны.

Марат летом 1793 писал о том, что спасти Республику во Франции поможет только «деспотизм Свободы», пришедший на смену деспотизму королевской власти. И это было верно, нельзя допустить, чтобы враги юной демократии ею же и прикрывались, убивая и вредя, прикрывались правами человека, «не позволяющими» равноценно ответить на их удары. Еще в июле 1792 года (за месяц до свержения монархии) в своей газете «Защитник конституции» Робеспьер писал: «Надо спасти государство каким-бы то ни было способом, антиконституционно лишь то, что ведет к его гибели...»

Временное революционное законодательство, официально принятое в декабре 1793 года рассчитано специально на период революции и военного положения.

– Но согласитесь, разве монархический режим позволяет нам открыто собираться, издавать свои газеты, вести агитацию против самого себя? вспомните, как королевские власти в 1789-1791 преследовали Марата... Ради спасения существующего строя защитники монархии не стеснялись арестовывать, судить и казнить республиканцев и тогда никто не вспоминал о сентиментальности, о христианских чувствах, жалости и сострадании к ближнему...

Наивные люди иногда говорят, что старый режим был мягче и терпимее до 1789 года, чем революционеры впоследствии к его защитникам. Это не так.

Старое королевство было свято уверено в своей «вечно-

сти и неизменности», действия потенциальных революционеров воспринимали чаще как укусы клещей не способных сожрать большого и мощного слона, не верили в возможность собственного уничтожения.

Революционеры же, на основании приобретенного опыта, не имели никаких иллюзий касательно возможности своего свержения и вытекающих репрессий и защищали новый строй особенно яростно и непримиримо, тем более что свергнутые господа постоянно угрожали им свирепейшими расправами в случае возвращения к власти. И они бы сдержали слово, новая власть в этом не сомневалась, и это сознание ожесточало еще сильнее...

В Англии 1793 года, считавшейся «самой свободной» страной среди европейских монархий в связи с революцией во Франции был временно приостановлен в действии «Хабас корпус акт» (закон о личной неприкосновенности) и начались массовые аресты британцев, заподозренных в сочувствии французским якобинцам.»

Некоторое время Норбер молчал, он устал от своей лекции, которые нередко произносил перед молодыми товарищами по партии, молчал, обдумывая его слова и молодой человек.

– У вас, Андрэ, вы позволите называть вас так? в России при жизни императора Павла людей обвиняли в «якобинизме» за малейшее несогласие с государственными порядками, как осуждение крепостного права, желание видеть

Россию конституционной монархией и т.п. Нет нужды говорить, что настоящих республиканцев, якобинцев в екатерининской и павловской России просто еще не было или почти не было... Стремление слегка ограничить самодержавие конституцией это верх «революционности» для россиянина конца прошлого века. Жак Княжнин, Александр Радищев и некоторые другие это исключения... Я мог бы назвать еще некоего Теодора Каржавина.. неужели ваш родственник или совпадение?

– Фёдор Каржавин, – мягко поправил его молодой человек, – и это не совпадение, – но продолжайте...

–Режим Реставрации 1814 года был достаточно мстителен и к нам и к бонапартистам. Вернув власть, роялисты забыли и думать о какой-либо сентиментальности и сострадании к побежденным, они жаждали казней и ссылок, мести и крови! И начались высылки и казни! Я далеко не сентиментален, сударь, как вы это надеюсь, поняли, и всё же...чего они жалуются на жестокость революции в 1793? Разве сами они не расстреливали пленных республиканцев, а отпускали с благословением?

Разве не казнили якобинцев на отвоеванных у Французской Республики территориях?

Разве дворяне не рукоплескали казням защитников ненавистной им Республики? К чему при этом слезно жаловаться на жестокость?

Считаю, что наша позиция, по крайней мере, честнее, не

давая пощады роялистам, мы и не рассчитывали на пощаду с их стороны, не взывали к гуманности задним числом...

Ответьте же мне, почему убийства, аресты и казни республиканцев при монархии это «справедливо», это «защита существующего строя», зато аресты и казни воинствующих монархистов в революционной Республике это отчего-то уже «тирания и кровожадность»? Что же это, сударь, как не двойная мораль...

Вялым жестом Норбер поправил галстук и, наблюдая за юношей, понял, что переваривать полученную информацию он будет долго. Наконец Каржавин собрался с мыслями и сделал неожиданный вывод:

– Значит, вы считаете, что наши усилия, у себя в России... заведомо обречены?

Куаньяр вдруг отчего-то не решился встретиться с ним взглядом:

– Андрэ... этого я не говорил.. я ничтожно мало знаю о вашей стране, чтобы судить верно...

– Месье Куаньяр... возможно, Россия станет для вас не совсем чужой страной, ...и вы станете думать иначе, неужели Максимильен ничего еще не говорил вам?

По выражению лица Куаньяра Каржавин понял, что поторопился с заявлением.

Невозмутимое лицо Норбера вдруг изменило выражение, этого юноши он мог не опасаться:

– Что вы имеете в виду, что вам известно, Андрэ...сно-

ва высылка.. эмиграция? Чьим приказом?.. и так далеко.. во имя Разума, зачем? Они решили добить нас в Сибири? Не молчите, Андрэ, скажет он мне это раньше или позже, это не изменит ничего. Вы можете не поверить мне, но я действительно невыносимо устал...

Выражение крайне взволнованного лица Каржавина стало смущенным и торжественным одновременно:

– Дело не в этом... Месье Куаньяр.. ваш сын и моя сестра...

– Я правильно понял вас?

– Совершенно. Но так как, наших родителей нет в живых, они могут просить благословения только у вас...

Норбер думал об очаровательной золотоволосой девушке, застенчиво скрывшейся в своей комнате после его появления, думал он недолго...

– Я рад.. честное слово, Андрэ.. я рад.., – улыбаясь, он протянул юноше руку...

– При возможности ждём вас в Петербурге, гражданин Куаньяр...

Якобинец в Санкт-Петербурге. После декабря 1825 года

Удивительно красивый город, названный Северной Пальмирой по праву.. Но едва ли охранное отделение позволит ему изучить все его достопримечательности, в этом Норбер не строил иллюзий.. Достаточно факта, что он никем не за-

подозренный пересек границу и уже более недели проживает в Петербурге... это уже много. С Максимилианом и Анной он уже успел встретиться, жаль, пока не удалось увидеть внучку.. девочке уже два года, он держал в руке медальон с изображением очаровательной черноволосой малышки.. удивительно, Мари похожа на него больше, чем оба сына.

О чём думал Куаньяр, с любопытством разглядывая Невский проспект... Сын прошёл хорошую выучку и остался на свободе после событий 25 декабря, подозрения против него возникали, но улик не нашлось никаких.. Положение Андрея Каржавина не в пример хуже, он был арестован, осужден и сослан в Иркутск... Парня нужно было выручать. Кто же реально был в состоянии вытащить его из острога и переправить за границу? Подкупленный чиновник? Есть лучший и проверенный вариант. Его давний товарищ с 1793 года, потомок Микеланджело справится и не с такой задачей... шифрованное письмо к Буонарроти благополучно покинуло пределы России.. Не стоит исключать влияние подкупа нужных людей и своевременную помощь местных товарищей.. по существу, за судьбу Андрэ можно было не переживать..

Он не слишком удивился, услышав позади шаги, чья-то рука тяжело опустилась на плечо. Тысячи раз знакомая ситуация, он был к ней готов.

– Какие люди! Можете даже не представляться, я сам расскажу о вас всё, Норбер Мари Куаньяр.. яркая биография... якобинец, бывший депутат и комиссар Конвента, агент Ко-

митета Общественной Безопасности до 9 термидора...

Норбер спокойно обернулся и с интересом оглядел окружавших его жандармов и перевел взгляд на их начальника:

– Всё верно, но сведения слегка устарели... просто нотариус с 1800 года... Как видите, я ничего не скрываю...

Через короткое время, уже в гостеприимных стенах охранного отделения:

– Итак, просто нотариус.. уточните.. якобинец 93-года... и без сомнения масон, а сейчас без сомнения карбонарий... хотя разумеется это и не доказано, находящийся под надзором полиции Священного Союза, дьявол знает как, исчезнувший из их поля зрения.. пересекший несколько границ и объявившийся так далеко от Брюсселя.. в Санкт-Петербурге.. И что же вам, сударь, вдруг понадобилось в России? Чему обязаны честью принимать вас? Мое имя Павел Петрович Аверьянов, сударь, прошу садиться.

– Вы должны знать, что моя ...предполагаемая принадлежность к этой организации не была доказана.. . итак.. просто нотариус Куаньяр.. родом из Санлиса. В Петербурге у меня старший сын Максимильен с русской женой и внучка Мари.. я её ни разу даже не видел.. Как еще я мог приехать сюда, как не сбежав от надзора сюртэ? Это единственная, и надеюсь, по-человечески вполне понятная цель моего появления... или вы предпочитаете верить в теорию масонского заговора? Когда меня вышлют? У меня есть шанс увидеть сына и внучку?

– Французский якобинец... из тех самых.. 93 года... пересекает границу Российской империи в такое время, – чиновник выразительно поднял палец, – после заговора и бунта на Сенатской площади... и вы еще уверяете, что это случайное совпадение и дело только в невинном желании повидать сына и внуку? Вот как, месье Куаньяр...или вас правильнее называть «гражданин»?... Значит не карбонарий, оклеветали враги? В таком случае, с чьей помощью и как вы ускользнули из под надзора, пересекли Австрию и целый ряд других государств, наконец, пересекли границы Российской империи, оставшись незамеченным...то есть заметили, но слишком поздно. Наше охранное отделение не хуже французского сюртэ и всё же вы здесь... Впрочем, у нас договор с Французским королевством и ваша высылка вопрос ближайшего времени...

Царский чиновник видимо считал, что арестованный революционер должен в таких обстоятельствах картинно изображать презрение и кидаться пышными фразами о ненависти к тиранам и угнетателям народа,...театрально стуча себя в грудь,...возможно так вела себя экзальтированная молодёжь..

Хотя куда чаще эти новые молодые "революционеры" были дерзки и смелы лишь на бумаге и в узком кругу "своих", содержание в тюрьме и самое незначительное насилие сразу ломало их, они робко начинали умолять о пощаде, каяться в том, что еще вчера гордо считали своими "принципами и

твердыми убеждениями" и даже нередко оговаривали друг друга... Тяжелое и жалкое зрелище представляли из себя эти молодые "герои".

Но отметил совершенно иное. Чиновник 3 отделения впервые видел перед собой одного из тех, которых называли "железными людьми 1793 года".

Француз держится с достоинством, глаза умные и внимательные, в них нет ни дерзкого вызова, ни страха. В этом спокойствии видна не столько флегма характера, сколь огромная внутренняя сила.

– Впервые вижу перед собой "живого якобинца, – не удержался от иронии Павел Петрович, – скажите мне, только честно, вы действительно совершенно не боитесь смерти или просто не до конца сознаете опасность своего положения?"

В умных глазах старого республиканца также заплясали иронические искорки:

– Что означает, что вы впервые видите одного из нас живым? Значит ли это, что ранее вы видели нас только мертвыми? Шутка... понимаю. Я сознаю всю серьезность своего положения, месье. Не понимаю лишь, что именно мне можно предъявить. Что касается страха смерти.., – Норбер задумался, – конечно он не может отсутствовать, я не сумасшедший, но мы долгие годы жили как-бы «в тени гильотины» не защищенные от нее даже при Конвенте, и это естественное чувство несколько притупилось. Как верно сказал Робеспьер в 93-м «в наши планы и не входило преимущество долгой

жизни...

– Но лично вам, кажется, повезло... Вы пережили Термидор и все последующие волны репрессий против ваших товарищей...

– Это с какой точки зрения взглянуть...», – Норбер слегка вздохнул, – иногда кажется, лучше бы мне честно умереть вместе с Робеспьером, чем увидеть власть предателей и торгашей при Директории.. диктатуру корсиканца и как итог бурбонские лилии над Тюильри... – помолчав, добавил спокойно, – что меня ожидает? Новая высылка или всё-таки казнь?

– Ну-ну, французским якобинцам грех жаловаться на жестокость защитников трона России.. Вы серьезно думали, что вас станут избивать, пытаться.. ждали казни?.. Вас просто отправят к прежнему месту ссылки, а ваши соотечественники в соответствии с законами Французского королевства решат вашу дальнейшую судьбу. Никакого варварства можете не опасаться. Впрочем, вы человек далеко не сентиментальный...и гильотину изобрели отнюдь не в Костроме...

Замечание вызвало довольную усмешку Куаньяра:

– Да, но согласитесь, как своевременно.. может и вашему народу.. когда-нибудь.. пригодится.. поставят перед Зимним дворцом. По секрету, Гильотен не догадался оформить патент...

Спокойный и невозмутимо вежливый, Куаньяр улыбался, счищая воображаемые пылинки со своего черного фрака.

Скулы резко обозначились на бледном лице Павла Петровича, в глазах блеснула с трудом скрытая холодная злоба:

– Это скверные шутки, господин карбонарий..Русские – народ верный трону и православной вере, среди подданных государя императора не вырасти Робеспьеру и Сен-Жюсту! Российский обыватель верен монархии и никакие кучки отщепенцев и предателей не сумеют устроить у нас Революцию!

Чиновник обернулся к жандармам, он говорил резко, повышая голос:

– Как стало возможно, чтобы этот опасный человек пересек границы Российской империи и беспрепятственно поселился в Петербурге?! Да у вас под самым носом окажись хоть целый отряд санкюлотов в красных колпаках с пиками, вы и то не найдете в этой ситуации ничего подозрительного!! Мы не допустим в России того, что произошло во Франции! Никогда не быть у нас ни 10 августа, ни 21 января, несмотря на все усилия старых якобинцев и масонов!

И обернувшись на француза, увидел иронично-вежливую улыбку Куаньяра.